

У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

А Л Е К С А Н Д Р А

П О Г О Р Е Л Ь С К О Г О

С Е Р И Я

И С Т О Р И Я

К У Л Ь Т У Р О Л О Г И Я

Г. А. ДЖАНШИЕВ

ЭПОХА
ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

Том 2

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»
МОСКВА 2008

ББК 63.3(2)47

Д40

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ

В. Л. Глазычев, Л. Г. Ионин

А. Ф. Филипов, Р. З. Хестанов

ТЕКСТ ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ИЗДАНИЮ:

Джаншиев Г. Эпоха великих реформ: Исторические справки. 9-е посмертное дополненное издание (1-е издание Литературного фонда). СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1905.

Д40 Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: Том 2. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). — 496 с.

ISBN 5-91129-010-3

© Издательский дом «Территория будущего», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

VI. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

Глава восьмая. Судебные уставы императора Александра II. (Справка к 30-летию)	9
Глава девятая. Предтечи гласного суда. (Апрель–октябрь–1865–1890 гг.)	36
Глава десятая. Открытие «нового суда» в Петербурге. (Справка к 30-летию)	43
Глава одиннадцатая. Открытие «нового суда» в Москве и провинции. (Справка к 30-летию)	66
Глава двенадцатая. Введение мирового суда. (Справка к 30-летию)	77
Глава тринадцатая. Открытие присяжного суда. (Справка к 30-летию)	101

VII. ОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

Глава четырнадцатая. Воинский устав 1 января 1874 г. (по поводу 20-летия)	137
--	-----

VIII. ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Глава пятнадцатая. Городовое положение 1870 года (Справка к 25-летию)	163
--	-----

IX. ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Глава шестнадцатая. Как возникло Московское юридическое общество	201
Глава семнадцатая. Двадцатипятилетие «Вестника Европы» (Март 1866–1891 гг.)	220

Х. ДЕЯТЕЛИ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭПОХИ

Глава восемнадцатая. Корифей судебной реформы С. И. Зарудный. † 18 декабря 1887 г.	235
Глава девятнадцатая. Сподвижник Царя-Освободителя в. к. Константин Николаевич. † 13 января 1892 года	253
Глава двадцатая. Корифей крестьянской реформы Н. А. Милютиню † 26 января 1872 г. (Справка к 25-летию) . .	278
Глава двадцать первая. Деятель крестьянской реформы В. А. Арцимович. † 2 марта 1893 г.	296
Глава двадцать вторая. Деятель судебной реформы Д. А. Ровинский. † 11 июля 1895 г.	322
Глава двадцать третья. Деятель судебной реформы Н. А. Буцковский. † 25 сентября 1873 г.	337
Глава двадцать четвертая. Деятель акцизной реформы К. К. Грот. † 30 октября 1897 г.	352
Глава двадцать пятая. Скорбные справки	362
Глава двадцать шестая. Юбилейные справки	447

VI.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

*Свобода там, где есть уставы,
Где добрый, не боясь, живет;
Там рабство, где законов нет,
Где гибнет правый и неправый.
Свобода мудрая свята!..*

Карамзин

Основные положения преобразования судебной части представляют такой громадный шаг по пути нашего общественного развития, что одна эта реформа сама по себе могла бы прославить нынешнее царствование и заслужить ему вечную благодарность всех грядущих поколений.

А.М. Унковский (1863 г.)

Во всяком государстве, будет ли в нем неограниченная или ограниченная форма правления, будет ли это монархия или республика, лучшая гарантия граждан – хорошие суды. Без правосудия, можно сказать, нет настоящей свободы, а при существовании его, смею сказать, нет места произволу или по крайней мере тирании.

Лероа-Болье

*...И на обломках произвола
Царит теперь закон!*

Ф. Кони (1866)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II¹

(СПРАВКА К 30-ЛЕТИЮ)

Пред нами вместо объемистого научного материала лежит небольшая книга нашего положительного законодательства – Судебные Уставы. Скажем себе, и мы не ошибемся, с нас довольно этой книги, малой по объему, великой по содержанию. Начала, в ней приведенные и признанные всем человечеством, так высоки и чисты, влияния и последствия их так благотельны для русской жизни, что дальше их нам незачем и некуда идти.

Проф. М. Н. Муравьев (1875 г.)

Судебные Уставы даровали России итог того, до чего в течение целых столетий думалось человечество в области правосудия.

Из Сибир. речи министра юстиции Н. В. Муравьева (1897 г.)

I.

Нынче в моде негодовать и поднимать на смех *радикализм* судебной реформы. Когда и почему, однако, получила она радикальный или рациональный характер, составляющий ее главную силу и преимущество, сравнительно с другими реформами?

Хотячее мнение, пущенное в ход ретроградною печатью с реакционной эпохи Толстого, привыкло представлять дело в таком виде: до 1861 г., т. е. пока дело судебного преобразования находилось в надежных руках мудрого юриста николаевской эпохи гр. Д. Н. Блудова, все шло как по маслу. Предполагалось без «радикальной» ломки, без теоретических увлечений произвести преобразование, ко-

¹ Более подробные сведения о судебной реформе и последних новеллах см. в книге моей «Основы судебной реформы». М., 1891. См. также предисловие к 5-му изданию этой книги.

торое должно было внести некоторое усовершенствование в наше старое судопроизводство. С передачею же в 1862 г. руководства судебной реформой государственному секретарю, новообращенному либералу В. П. Буткову, и его главному помощнику С. И. Зарудному, либералу *rig sang*, происходит разительная перемена: являются новые люди (в том числе Н. А. Буцковский, Д. А. Ровинский, Н. И. Стояновский, К. П. Победоносцев), приглашенные по Высочайшему повелению в Государственную Канцелярию, и сразу все меняется. Все старые работы гр. Блудова отбрасываются в сторону, и новые реформаторы, не заботясь ни о «традициях» прошлого, ни об условиях среды, с изумительным легкомыслием сочиняют проекты из своей головы или, того хуже, «списывают» с иностранных кодексов или учебников законы, идущие вразрез с коренным строем русской жизни.

Словом, выходит так, что Судебные Уставы как бы в одно мгновение вышли из головы молодых юристов государственной канцелярии, как Минерва из головы Юпитера, но не во всеоружии зрелой мудрости, как это дивное создание великого олимпийца, а как недоношенный плод ребяческого недомыслия и политического легкомыслия. Такова ходячая версия о возникновении Судебных Уставов, настойчиво повторяемая в последнее время не только в летучих заметках реакционной прессы, но и в более обстоятельных журнальных статьях и даже в специальных монографиях.

Такого взгляда держался и запевало этой прессы, покойный Виктор Фукс, напечатавший в восьмидесятых годах длинный ряд статей о судебной реформе. По изложению автора оказывается, что до 1862–1864 гг. дело судебной реформы совершало свое покойное и стройное течение, направляемое таким опытным и сведущим кормчим, как высокопочитаемый им бывший начальник II отделения Е. И. В. канцелярии граф Д. Н. Блудов. На меже 1861–1862 гг. появились невесть откуда вандалы-либералы, и наступил конец «историко-органическому» направлению. Словно исступленные, набросились они «в детской резвости» на прекрасное создание гр. Блудова, на проекты II отделения, и, только переломав и исковеркав их во имя *радикальной доктрины*, они успокоились. «Эти осторожные и практические проекты II отделения, — сетует Фукс, — были сданы в архив и были заменены в 1861–1864 гг. по инициативе теоретиков судебной реформы комбинацією, которая по своей *политической тенденциозности*, а еще более по своему *сантиментальному оптимизму*, не представляла никаких задатков для правильного органического развития. Не коренясь в исторической почве, не соответствуя практическим условиям современной действительности, — продолжает автор, — эта комбина-

ция представляла собою не усовершенствование наших *прежних форм и органов*, но нечто *совершенно новое, извращавшее* в конец законы (!) нашего исторического развития».

Итак, главная вина авторов судебного законодательства 1864 г., заключается в том, что они вопреки практическим, т. е. мудрым предначертаниям гр. Блудова вместо «усовершенствования старых форм» и сохранения старой «исторической почвы», увлекшись *радикальной доктриной*, легкомысленно внесли в нашу жизнь нечто совершенно новое и чуждое ей.

Такое тяжкое и по нынешним временам небезопасное обвинение отличается, однако, более страстностью, чем точностью, более предубежденностью, чем основательностью. Источник такого ходячего воззрения лежит в одном почти невероятном по своей грубости *недоразумении*, а именно в *незнакомстве с подлинными документами* судебной реформы, которое вводит в заблуждение даже людей, по-видимому, стремящихся отнестись к ней беспристрастно. Оно заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

Вот где кроется если не источник, то повод к упомянутому недоразумению. Трудami одного из виднейших деятелей судебной реформы, знаменитого ее руководителя С. И. Зарудного, бывшего, можно сказать, ее душою, усерднейшим и преданнейшим ее деятелем с самого дня ее зарождения (см. дальше), давно уже собраны и рассортированы обширные *подлинные* материалы, легшие в основу великого законодательного акта 1864 г. Эти любопытные материалы, составляющие 74 тома (большинство *in folio*) «Дела о преобразовании судебной части в России»², дают самый надежный ключ к уразумению хода и исхода дела о преобразовании судебной части в России. Обширность и малодоступность этих драгоценных материалов служит причиною тому, что до сих пор они никем еще не обработаны должным образом.

Но, как известно, существует прекрасное и очень популярное издание в 4-х томах «Судебных Уставов с изложением рассуждений, на коих они основаны», заключающее массу ценных законодательных соображений и появившееся в свет благодаря трудам того же С. И. Зарудного. Однако само собою разумеется, что этот образцовый компендиум, изданный для повседневных надобностей судебной практики, эта, так сказать, судебная *vulgata* не может заменить знакомства с подлинными 74 томами «Дела о преобразовании судебной части в России». Для ежедневного практического обихода это популярное издание, известное под названием «Судебных Уставов с комментариями»,

² См. в н. к. моей: Опись этого дела.

представляет весьма удобное и незаменимое пособие для толкования их; но для полного ознакомления и правильного исторического суждения о всех фазах судебной реформы этого громадного предприятия, растянувшегося на протяжении шестнадцати лет, необходимо ознакомиться с подлинными документами, а не довольствоваться более или менее подробными извлечениями из них, приведенными в помянутом издании государственной канцелярии.

Только при знакомстве с подлинным Делом уясняется настоящий *генезис* реформы³, выясняется движение и развитие идей, течений и правовых систем, влиявших на ход и постепенное развитие работ по судебной реформе. А иначе легко впасть в односторонность и ошибку, в которую впал и помянутый Виктор Фукс. В своей книге *Суд и Полиция* он повторяет свое прежнее мнение о том, что проекты Блудова 1857–1861 гг. отличались благоразумною *постепенностью* (?), «которая *не колебала* (?) установившегося порядка внезапными и всеобъемлющими переменами» и т. д. Словом, выходит опять вариация на старую тему, что, мол, до 1861 г. все шло благополучно, тихо и покойно; являются с 1861 г. либералы-теоретики, которые ломают проекты гр. Блудова, носившие «историко-органический» характер, и, заплатив дань неуместному радикализму, открывают доступ в русское законодательство вредным чужестранным доктринам.

Такую «сказку о радикализме» судебной реформы, будто бы впервые появившемся с 1861 г., может сочинить только тот, кто абсолютно незнаком с историею судебной реформы, кто не видал ни одного тома подлинного «Дела о преобразовании судебной части в России» и только довольствовался беглым чтением извлечений, напечатанных в вышеупомянутом издании Судебных Уставов. Тот же, кто пожелает *sine ira et studio* познакомиться с подлинными материалами судебной реформы, неминуемо придет к заключению, что еще за четыре года до 1861 г., т. е. с началом нового царствования, происходит под влиянием духа времени *радикальный переворот* в направлении судебной реформы.

Говоря так, мы нисколько не умаляем великих заслуг деятелей судебной реформы периода 1861–1864 гг. и бесспорного громадного влияния на дальнейшее направление ее вечнопамятного освободительного акта 19 февраля. Великая хартия 1861 г., влияние коей прямо или косвенно отразилось на *всех* сферах законодательства и общественной жизни, конечно, оказала огромное влияние и на постановку

³ См. II том «Дела о преобразовании судебной части в России». Общ. объясн. записки к пр. уст. гр. суд.

судебной реформы. Мы не против той мысли возражаем, что с 1861 г. судебная реформа вступила в новый рациональный, либерально-научный фазис и что в это время были задуманы институты (например, суд присяжных), о которых до «воли» нельзя было и мечтать. Мы оспариваем лишь уверение, что только с этих пор судебная реформа в отличие от проектов гр. Блудова, будто желавшего «постепенного преобразования», получила *радикальный* характер. Нет, не теоретики 60-х годов, и не кто иной, как сам благонадежный практик гр. Блудов, принимавший участие в суде над декабристами и с этих пор весьма мало склонный к радикализму, этот *sui generis* «дьяк в приказах поседельй», вникнув «в сущность дела», *первый* официально выкинул знамя *радикализма* и доказал необходимость решительного разрыва с прошлым, неизбежность полного изменения прогнившего насквозь, беспорядочного, безыдейного старого судебного строя, от которого ничего нельзя было сохранить без ущерба для реформы.

Как ни парадоксально на первый взгляд защищаемое нами положение, но бесстрастные подлинные документы, исходящие от гр. Блудова, с очевидностью убеждают, что как раз именно он, осторожнейший из осторожных постепеновцев, всегда державшийся девиза *festina lente*, был родоначальником *радикального* направления судебной реформы и пропагандистом *полного разрыва* с мнимыми «законами исторического развития». В этом отношении особенно поучительна большая объяснительная записка (149 печатных страниц) графа Блудова от 1857 г., с которой не мешает познакомиться тем, которые привыкли неумеренно восторгаться работами его и клясться ими, как *in verba magistri*, без достаточного знакомства с ними.

В этой любопытной записке мы находим обстоятельные сведения о том, как этот завзятый поклонник «частичных улучшений» (припомним его Уложение 1845 г., которое он не без авторской гордости называл «усовершенствованным сводом») должен был отступить от своего возлюбленного образа мыслей и действий. Гр. Блудов с полной искренностью сознается и как бы кается в том, что «ближайшее знакомство с сущностью порученного ему дела» заставило его совершить акт грехопадения и выступить на путь *радикальной* реформы. Во избежание обвинения в неправильном истолковании слов графа, считаем не лишним привести *in extenso* некоторые места из этого замечательного и по форме, и по содержанию документа.

«С первого взгляда может показаться, — говорит гр. Блудов, — что было бы достаточно ограничиться лишь некоторыми *частными исправлениями* (как кажется и ныне, задним числом, реакционным критикам судебной реформы!) нынешнего порядка производства дел

гражданских, например, лучшим надежнейшим доставлением вызовов суда, точнейшим назначением сроков для разных действий как тяжущихся, так и судебных мест и Канцелярий их (NB. прописная буква в подлиннике), установлением яснейшей удовлетворительнейшей формы для докладных записок, сокращением сроков апелляционных, уменьшением числа бумаг, принимаемых от тяжущихся, и т. п. Сей образ действия при исправлении узаконений о производстве имеет и должен иметь многих защитников, ибо оному удобнее и легче следовать на практике. Сверх того, как обыкновенно, а в большей части случаев и справедливо замечают, успех вводимых постепенно и медленно преобразований вероятнее и надежнее. *Мне также казалось* при начале моего труда, продолжает граф, что можно бы было улучшить наше судопроизводство гражданское посредством исправления лишь некоторых отдельных одного постановлений. Но чем *тщательнее* я вникал в сущность порученного мне Высочайшим доверием дела, рассматривая с разных сторон все неудобства нынешнего порядка судопроизводства гражданского, а с тем вместе *причины* и, буде смею употребить сие слово, самое *происхождение* (курсив в подлиннике) сих неудобств, имея притом в виду, что между всеми постановлениями существует естественная, *неразрывная связь*, тем *очевиднее и сильнее мне представлялась истина* (слушайте!), уже признанная многими сведущими и опытными по сей части людьми, что *чрез частные* изменения мы не только не достигнем желаемой, указанной нам цели, но едва ли даже в некотором отношении не удалимся от нее. Дабы исправить надлежащим, удовлетворительным образом наши узаконения о производстве дел гражданских, не довольно усовершенствования той или другой из сторон одного, надобно стараться устранить *причины зла*, т. е. беспорядков в самом их корне; а для сего необходимо принять другую, *совершенно отличную* от настоящей системы, основанную на тех общих, *непременных началах*, без коих не может быть правильного судопроизводства гражданского в строгом смысле слова... Нам в особенности, говорит дальше гр. Блюдов, нельзя и думать о каком-либо усовершенствовании сей части нашего законодательства без изменения *самой основной мысли* ее, без принятия не только *отличных*, но до некоторой степени *противных* ей начал»⁴.

Что и требовалось доказать!

Приведенная выписка, кажется, достаточно ясно показывает, какими причинами обуславливался *радикализм судебной реформы*, кото-

⁴ См. «Дело о преобр. суд. части». Т. II; Общ. объясн. записка в уст. гражд. судопр. С. 4, 5, 8.

рый ставится ныне в вину «легкомысленным либералам бо-х годов», и кто именно был его родоначальником. Источник радикализма лежал не в том, что эти последние питали «влечение, род недуга» к либерализму и доктрине, а в самом свойстве задачи, поставленной судебной реформе. Если уж такой Фабий Кунктатор, как гр. Блудов, считал необходимою ломку *всего* старого, да вдобавок в самой консервативной части процесса, в гражданском судопроизводстве, это доказывает, что оно прогнило насквозь.

Вот к какому заключению приводит беспристрастное исследование подлинных источников судебной реформы. *Радикализм* судебной реформы вызывался сознанием негодности всего старого процесса, с очевидностью для всех обнаружившейся ко второй половине 50-х годов, к началу нового царствования, когда впервые обнаружилось и много других язв дореформенного строя жизни, прикрытых дотоле лаком «официальной лжи». Да, невероятно, но это бесспорный факт: в эту «эпоху всеобщего просветления умов», которое доктринеры застоя называют теперь «эпохой умопомрачения», настолько для всех выяснилась необходимость коренной реформы всей судебной системы, что сам бесстрастный представитель ортодоксального консерватизма, гр. Блудов, выступил поборником «коренного» изменения процесса, на защиту которого мог выступить только такой закоснелый обскурант, как гр. Панин. Мало того, сам Катков, впоследствии обвинявший в государственной измене составителей Судебных Уставов, был в те времена, *incredibile dictu*, знаменосцем радикализма в судоустройстве и не обинуясь высказывал такие еретические мысли: «Иные думают, что правило благоразумия *будто бы* требует не вдруг заводить хорошее, но понемножку и по частям. У этих людей всегда на языке незрелость общества, неразвитость народа и т. п. Они думают, что дело пойдет лучше, если давать лучшее устройство понемногу. К сожалению, они забывают, что всякая система может развиваться и принести пользу *только тогда*, когда взяты ее начала во *всей их истине и полноте*. Отрывочная частица не только не принесет пользы, но причинит существенный и, быть может, *непоправимый вред*»⁵.

После сказанного ясно, насколько справедливо уверение Виктора Фукса, что проекты гр. Блудова 1854–61 годов отличались «благоразумною *постепенностью*, которая не колебала (?!) установившегося порядка внезапными и всеобъемлющими реформами, тогда как на самом деле *ipsissima verba* гр. Блудова доказывают как раз обратное, свидетельствуя, что он *вынужден* был отказаться от мысли о «частич-

⁵ См. *Русский Вестник*, 1860. № 2. С. 304–311.

ных улучшениях» и рекомендовать принятие «совершенно отличной от настоящей системы судопроизводства», основанной на *противных* ей общих, т. е. теоретических *непреложных началах*». И после этого еще решаются утверждать, что гр. Блудов был далек от «теоретических экспериментов!»

Так идеализирует Фукс все вышедшее из-под пера гр. Блудова. Ну, идеализация проектов гр. Блудова еще куда ни шла! Но мы не можем постичь, как можно упрекать деятелей 60-х годов «в сантиментальном оптимизме» и в то же время самому идеализировать наш столь печальной памяти «старый суд», как это делает Фукс, уверяя, что «не во всем объеме и не во всех традициях (*sic*) старый суд должен был быть заменен новым».

Без сердечной, горячей, пожалуй, наивной веры в силу добра и разума или, если угодно, без «сантиментального оптимизма» не совершалось никогда ничего великого, благодетельного в истории. Таким образом, против идеализации или оптимизма веры в будущее нельзя восставать. Весь вопрос только в том, каков *объект* этой идеализации. Но едва ли в этом отношении деятели 60-х годов впали в ошибку, избрав объектом идеализации или «сантиментального оптимизма», — как выражается Фукс, — те великие идеи, учреждения и традиции, которыми дорожит и гордится все цивилизованное человечество⁶, а не те традиции «старого суда», которые идеализирует сам Фукс, того самого суда, при одном воспоминании о котором, по справедливому замечанию знатока старых судебных порядков И. С. Аксакова, «волос встает дыбом, мороз дерет по коже». Идеализация старого суда — это такое же патологическое явление, как апология плети и крепостного права, до которой договорились, наконец, ныне, откровенные до бесстыдства, крепостники.

II.

Наш нормальный путь не подражание, а разумное применение общих начал, выработанных юридической наукою.

Н. А. Буцковский

Обращаемся к истории составления Судебных Уставов. В течение всей почти двадцатилетней подготовки своей, судебная реформа шла мимо того самого ведомства, которое непосредственно было заинтересовано в реформе судебных учреждений, — мимо Министерст-

⁶ См. Лероа-Болье. «L'empire des Tzars», II, 291, 292.

ва юстиции. Объясняется это помимо общих причин тем, что с 1832 г. во главе министерства стоял «нескладный видом, идеями и деяниями», по выражению Валуева, гр. В. Н. Панин, холоп в душе и вместе с тем деспот, выше закона и правосудия ставивший причуды своего сумасбродного произвола и обозленной фантазии, ярый защитник крепостного права, плетей, клеймения, цензуры, словом, окаменелый консерватор, типичнейший представитель тридцатилетнего тупого коснения, при всеобщем безмолвии провозглашавший для самоуслаждения, согласно принципам «официальной лжи»: «все обстоит благополучно»⁷.

⁷ За весь 30-летний период (1832–1862) гр. Панин, низведший до нуля значение сената и, прикрываясь именем Государя, хозяйничавший бесконтрольно, при содействии своего директора и l'homme pour tout faire Топильского (см. выше главу I, §1), в судебном ведомстве, как в своей вотчине конторе, — не провел ни одной значительной реформы по судебному ведомству. — Все почти мероприятия гр. Панина касались канцелярского распорядка и сокращения письменной работы, но они были так целесообразны, что скорее увеличивали, чем уменьшали переписку. Чтобы справиться как-нибудь с непосильной работой, канцелярии (даже в сенате) должны были нанимать писцов на стороне и собирать контрибуцию с публики. — Некоторые же «реформы» отличались таким нелепым характером опереточной буффонады, что после первого удовлетворения каприза гр. Панина, отменялись, как неисполнимые. — Так, по обнаружении подлога в одном аттестате, гр. Панин приказал не иначе принимать на службу, как по предварительной проверке подлинности аттестата, а для этого иной раз в течение целого года нужно было вести переписку. — Сведая откуда-то, что в московском сенате бумага обходится дорого, граф приказал делать заготовки в Петербурге, для чего бумага должна была сначала доставляться из Москвы в Петербург, а потом из Петербурга обратно в Москву. — Желая воспретить чиновникам ведение чужих дел в своих судах, он исходатайствовал Высочайшее повеление, коим чиновникам воспрещалось, без разрешения начальства, ведение их собственных дел во всех судах. — Признав необходимым, чтобы в записках иностранные документы печатались в подлиннике, гр. Панин поставил в безвыходное положение сенатскую типографию. Для удовлетворения причуды гр. Панина, — а все его приказы были святы, как законы или, вернее, как должны быть святы законы, — пришлось за набор английского текста заплатить 1000 р. из казны и т. д. (См. *Голоса из России*. Вып. VII).

— Будучи сам противником всяких «новшеств», гр. Панин и на других новаторов смотрел подозрительно, зная хорошо, что всякая серьезная реформа, а особенно введение гласности, должны положить конец его бесцеремонному топтанию ногами закона. — При Николае I существовала в 1850 г. комиссия для при-

Работы по судебному преобразованию находились в руках главноуправляющего II отделением Е. И. В. канцелярией, гр. Д. Н. Блудова. Одновременно с составлением проекта Уголовного Уложения 1845 г. начаты были подготовительные работы и по улучшению гражданского процесса. В 1843 г. гр. Блудов затребовал от членов судебного ведомства замечания о доказанных практикою недостатках действующего судебного законодательства и, на основании полученных сведений, составил «предложение» о некоторых необходимых улучшениях. Не трудно догадаться о характере их. В это время всеобщего умственного гнета и законодательного застоя, время боязни пред решительными преобразованиями и пристрастия к полумерам, заплатам на старом рубище, предложенное гр. Блудовым мероприятие также носило чисто паллиативный характер (стало быть, вот к какому закорючлому времени относится план «частичных реформ», рисующийся в таком обольстительном свете Фуксу и его единомышленникам!). О необходимости полного переустройства и дезинфекции зараженного насквозь здания старого тайного суда, известного всем своею чудовищною продажною невероятным невежеством, бесконечной волокитой, никто и не думал, менее же всех министр юстиции гр. Панин.

нения радикальных мер к упрощению производства и, между прочим, предлагалось освободить суд от наблюдения за исполнением решений. — *Catilina ante portam*, примерещилось гр. Панину ввиду этой «ужасной» реформы. Сначала он старался повлиять на членов комиссии, но, потерпев фиаско, он сделал императору Николаю I доклад, в котором доказывал, что тут кроется революционное начало. Этого было довольно: комиссия прекратила свое существование. — Когда в сентябре 1857 г. *Русский Вестник* впервые заговорил о гласности судопроизводства, то гр. Панину показалось, что приближается конец мира. Вследствие его всеподданнейшего доклада состоялось повеление не пропускать таких *возмутительных* статей. — Гр. Панин не ошибся: статья катковского журнала предвещала конец, но не мира, а самовластного попирания самодуром гр. Паниным законов. — Впоследствии также не раз он требовал примерного наказания цензоров за пропуск таких статей. Однажды на замечание попечителя округа, что нужно, прежде чем наказать цензора, потребовать от него объяснения, у министра *юстиции* гр. Панина повернулся язык высказать такую чудовищную сентенцию: «Сначала наказать, потом потребовать объяснения». (Никитенко, II, 120). Калмыков, бывший сослуживец гр. Панина, вопреки общеизвестным историческим данным, старался реабилитировать своего принципала, выставляя его даже сторонником освобождения крестьян. (*Русс. Стар.*, 1887. № 10 и след.).

Гр. Блудов ограничивался проектированием второстепенных технических улучшений, вроде: отмены рукоприкладства, указания секретарем «приличных к делу» законов, сокращения числа инстанций и т. п. Он входил по этим предметам в бесконечную переписку с тогдашним министром юстиции гр. В. Н. Паниным, который, находя «новшества» слишком смелыми «теоретическими» (sic) увеличениями, с неустанною энергиею отстаивал каждую мелочь действующего процесса, как драгоценное наследие «столетнего творчества» (вот, наконец, объявились те пресловутые подьяческие «законы исторического развития», нарушение которых ставят реакционеры в вину судебной реформе!).

Гр. Блудов, догадавшись, что из этой бесплодной переписки, что из этого «труда, тяжкого до бесконечности», не может выйти ничего путного, решил махнуть рукою на неизлечимого маньяка гр. Панина⁸ и сосредоточить дело судебного преобразования при состоящем

⁸ Чтобы лишний раз доказать, до чего доходил тупой консерватизм гр. Панина, приведем данные о ревизии петербургского надворного суда 1843 г., приводимые в записках бар. Корфа. (*Русск. Стар.*, 1899 г. № 10). Эссен долго стоял во главе петербургского управления, более двенадцати лет. Назначенный министром внутренних дел Перовский произвел в 1842 году ревизии губернских учреждений. В особенно ужасном состоянии оказался *надворный суд*. В нем скопилось огромное количество нерешенных дел. Для того, чтобы покончить с этими делами, повелено было назначить в надворный суд новый комплект членов и секретарей, поручив им все новые дела, а прежний состав был оставлен для разбора старых дел с тем, чтобы они покончили все в два года; если же этого они не исполнят, они будут лишены жалования. Но оказалось, что два года прошли, а дела все не были кончены, и, по-видимому, судьи находили для себя выгодным продолжать разбор дел даже и без жалованья. Подобная ревизия представила положение дела в ужасном виде. Не будем указывать здесь подробностей, но приведем общий отзыв, какой делается Корфом. Картина, вскрытая ревизией, «была тем ужаснее, что место действия происходило в столице, в цензуре управления, почти *окно в окно с царским кабинетом* и еще в энергическое управление императора Николая I, и после взгляда на нее, конечно, уже трудно было согласиться с теми, которые находили явившийся незадолго перед тем «*Мертвые души*» Гоголя одною лишь преувеличенною карикатурой. Сколько долговременный опыт ни закалил престарелых членов Государственного совета против всевозможных административных ужасов, однако, и они при докладе этого печального дела были сильно взволнованы и, так сказать, вне себя. Что же должна была ощущать тут юная, менее еще ознакомленная с человеческими жертвами душа цесаревича наследника! Слушая наш доклад

под его главным управлением II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. С этой целью он исходатайствовал в 1850 и 1852 годах Высочайшие повеления об учреждении при II отделении комитетов для составления проектов уставов уголовного и гражданского судопроизводства. В состав гражданского комитета вошли — товарищ министра юстиции Илличевский, сенаторы Веймарн, Губе (потом член Государственного совета), Карниолин-Пинский, член консультации Министерства юстиции Карцев, замененный впоследствии обер-прокурором I департамента сената Любоцинским. Де-

с напряженным вниманием, он беспрестанно менялся в лице»... Государственный совет решил принять строгие меры к упорядочению делопроизводства в столичном надворном суде. На заседании присутствовал Эссен и все время молчал, и только после заседания говорил Корфу в свое оправдание, что и в других судах столицы такие же беспорядки, «а в управе благочиния, может стать-ся, еще хуже». Продолжаем выписку из рассказа Корфа: «Журнал был написан мною со всем жаром того справедливого негодования, которое выражалось между членами, и я с горестным любопытством ожидал, когда и как сойдет мемория от Государя, скорбя вперед о впечатлении, которое она произведет на его сердце. Действительно, посвятить всю жизнь, все помыслы, всю энергию мощной души на благо державы и на искоренение злоупотреблений, неуклонно стремиться к тому в продолжение 17-ти лет; утешаться мыслью, что достигнут хотя какой-нибудь успех, и вдруг — вместо плода всех этих попечений, усилий целой жизни, жертв и забот — увидеть себя перед такою зияющею бездной всевозможных мерзостей, открывшеюся не сегодня, не вчера, а образовавшейся постепенно, через многие годы, неведомо ему, перед самым его дворцом — тут было от чего упасть рукам, лишиться всякой бодрости, всякого рвения, даже впасть в человеконенавидение... Это глубокое сокрушение и выразилось, хотя кратко, но со всем негодованием обманутых чаяний в собственноручной резолюции, с которою возвратилась наша мемория. «Неслыханный срам! — написал государь, — беспечность ближнего начальства неимоверна и ничем неизвительна; мне стыдно и прискорбно, что подобный беспорядок существовать мог почти под глазами моими и мне оставаться неизвестным».

Какие же были результаты ревизии? Шушера, вроде членов надворного суда, была прогнана. Эссен был отставлен генерал-губернатором, но чрез несколько времени он получил награду, причем Николай I сказал, что не Эссен, а он сам виноват, что держал его на месте. А что же дальше? — Ничего. Ни министру юстиции, ни кому другому не приходит в голову, что нужно же устранить повторение подобных безобразий... Реформа, сохрани Боже! Поахали немного и перевернулись на другой бок: все обстоит благополучно, а злоупотребления предупредят жандармские офицеры...

лопроизводителем был назначен астроном по образованию и юрист-самоучка, впоследствии знаменитый цивилист С. И. Зарудный, вложивший впоследствии всю свою душу в дело судебной реформы и так много сделавший в последний фазис ее развития⁹.

Не трудно сообразить, чем бы окончились труды этого комитета, если бы они были доведены до конца. По всей вероятности, мы получили бы опять новый образчик «усовершенствованного Свода» наподобие Уложения 1845 г., т. е. компромисс и компиляцию старого и нового, лишенную цельности, последовательности и, стало быть, жизнеспособности. Но до окончания работ комитета произошло событие, сообщившее реформе *новую* силу и окраску и вообще вдвинувшее дело судебной реформы в новый фазис.

Наступивший в обществе, вслед за воцарением императора Александра II, нравственный и умственный подъем, так сильно сказавшийся на всей политической и умственной жизни русской, сказался и на работах Блудовского комитета.

Встрепенулса и воспрянул духом и старый либерал и бывший «арзамасец» Д. Н. Блудов, восторженно рукоплескавший некогда словам Александра I, что «либеральные начала одни могут служить *основую счастья народов*». Казалось, тридцатипятилетний реакционный режим (1820–1855), под которым прошла вся почти государственная деятельность гр. Блудова, должен был до конца вытравить в нем все зачатки либерализма; однако, вышло иначе, и при первом же благоприятном для них веянии, они воспрянули к новой жизни, конечно, в той мере, как это возможно было у человека преклонных лет. В 1857–1860 гг. граф Блудов дал сильный толчок работам по судебной реформе и внес в Государственный совет Устав гражданского судопроизводства, Положение о присяжных поверенных, Устав уголовного судопроизводства, и, наконец, Устав судоустройства. Сравнительно с паллиативными предположениями 40-х годов гр. Блудова проекты его 1858–1860 годов составляли громадный, почти разительный шаг вперед. Даже в области наиболее консервативной, в гражданском процессе, намечены были довольно радикальные изменения согласно требованиям «непреложных начал юридической науки»¹⁰.

В числе этих «непреложных начал», принятых в руководство гр. Блудовым, были: почти полное отделение власти судебной от административной, уничтожение канцелярской тайны и введение адвока-

⁹ См. книгу мою: «С. И. Зарудный и судебная реформа». М., 1888, ниже главу о Зарудном.

¹⁰ См. т. II Дела о преобр. судебн. части Общ. Объясн. Зап. С. 3–6.

туры, гласности и устности, так пугавшей гр. Панина (см. выше), введение состязательного процесса и учреждение сословия присяжных поверенных, решение дел по существу только в двух инстанциях и пр. В уголовном процессе предлагалось: устранение полиции от производства следствия, введение устности, состязательности, упразднение следственного начала, введение обвинительной системы и института защиты, значительное ослабление теории законных доказательств и представление некоторого простора судейскому убеждению, уничтожение сословных судов и пр. Таковы были те новые и противные действовавшему тогда законодательству «непреложные общие начала», введение которых считал необходимым граф Блудов. Применение *некоторых* «непреложных начал» стало возможным для графа Блудова только благодаря тому прогрессивному направлению мысли, которое охватило наши правительственные и общественные круги во второй половине 50-х годов после падения Севастополя, кровавая и героически-мучительная эпопея коего бросила столь печальный и поучительный отблеск на господствовавшую в России дотоле систему управления.

III.

Публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобождение суда от администрации... Если бы в прежние времена вздумал бы кто только пометать о подобных вещах, и мечта его как-нибудь вылетела бы из его уст – тот был бы сочтен за сумасшедшего или за государственного преступника.

А. В. Никитенко (1862 г.).

В 1861–1862 годах судебная реформа делает новую и последнюю эволюцию по пути развития «непреложных общих начал», вызванную объявлением «воли». Великий акт освобождения крестьян оказал частью прямое, частью косвенное, но в общем громадное воздействие на дальнейшее движение и ускорение этого преобразования. Воздействие это заключало в себе весьма определенное содержание и мысль, а не имело такого утрированного не то метафизического, не то мистического значения, по смыслу которого, как уверяют «самобытники», Положение 19 февраля имело и должно иметь влияние на *все* будущие времена и на *все* наши преобразования¹¹.

Вот в чем выразилось прямое влияние 19 февраля. Для многомиллионного населения «вчерашних рабов», впервые возвративших себе,

¹¹ См. «Освобождение крестьян» Н. П. Семенова. С. 1–3, XII.

благодаря освободительному акту 19 февраля, гражданские права, необходимо было взамен уничтоженного *помещичьего суда*, если только возможно назвать судом этот варварский произвол, учредить государственный суд. Косвенное же воздействие «дела 19 февраля» было то прогрессивное воодушевление и гуманное настроение, которое вызвало благополучное окончание этого громадного предприятия и которое влило новые силы в передовых деятелей того времени. «Если бы в 1861 году не состоялось по воле Самодержца Всероссийского освобождение крестьян *с землею*, — пишет в своих автобиографических заметках важнейший авторитет по истории судебной реформы, С. И. Зарудный, — то *ни в каком случае* не были бы утверждены 20 ноября 1864 года Судебные Уставы. При крепостном праве, — продолжает он, — в сущности не было надобности в справедливом суде. Настоящими судьями были тогда только помещики; над ними господствовал высший своевольный суд. Помещики не могли ему не покоряться; но в их руках сосредоточилась власть над большинством народонаселения. Крестьяне расправлялись с помещиками судом Линча. После 19 февраля и высшие наши сановники сознали, что появилась безотлагательная необходимость в суде скором и справедливом»¹². Наконец, огромное идейное значение отмены крепостного права заключалось в том, что она, будучи вызвана протестом во имя права и человеческого достоинства, давала удовлетворение требованиям свободной личности. Пока крепостное право тяготело бы хоть над одним человеком, не могло быть речи о *праве* русского гражданина. Только с 61 года установлены были первые элементы *правового* порядка, и потому вслед за этим стал на ближайшую очередь вопрос о разумной, рациональной организации первой опоры и охраны правового порядка — *независимого суда*.

Отметив общий характер влияния освобождения крестьян, перейдем теперь к подробностям.

События развивались в таком порядке. Осенью 1861 года вернулся в Петербург из Крыма император Александр II, бодрый, веселый, довольный, удовлетворенный, счастливый, — счастливый тем особым и великим счастьем, которое дает лицам, располагающим судьбами народов сознание исполненного долга и твердого выполнения завещанной историей, трудной, но благородной миссии. Гений свободы и гуманности, несмотря на промахи управлявшего в отсутствие Государя Верховного Совета, несмотря на «зигзаги» русского прогресса¹³, витал в то время над Россией. Политический барометр, невзирая на бес-

¹² Русская Старина, 1888. № 9.

¹³ См. Лероа-Болье. Un homme d'état, т. 6, 87.

престанные колебания, частенько от «переменно» подходил к «ясно». Благородное воодушевление, чувство внезапно, но — увы! — не надолго, вспыхнувшего «конфуза», жгучего стыда пред историей, сознание нравственного долга «кающегося дворянина» пред «меньшею братиею» создавали в обществе неудержимое стремление обновить старый крепостной строй жизни, державшийся только на насилии, произволе и беззаконии. Чего-чего только нельзя предпринять и быстро и удачно выполнить при таком бодром и гуманном настроении, которое только очерствелому, злему рабовладельческому сердцу современных крепостников может казаться временем белой «горячки»¹⁴?

Тотчас по возвращении в Петербург, Государь пожелал узнать, в каком положении находится дело о судебном преобразовании. Государственный секретарь В. П. Бутков во всеподданнейшей записке указывал на встреченные государственною канцеляриею затруднения при докладе составленных гр. Блудовым в разное время и не согласованных между собою проектов Уставов гражд. и угол. судопроизводства и судоустройства и высказал, что детальному рассмотрению означенных проектов должно предшествовать «определение и утверждение *основных начал*» предполагаемого судопроизводства. Доклад В. П. Буткова был высочайше одобрен, и в исполнение состоявшегося на основании оногo высочайшего повеления, был изготовлен 19 октября 1861 г. В. П. Бутковым по соглашению с председавшим в Государственном совете гр. Д. Н. Блудовым новый и более подробный доклад *о порядке, рассмотрения* в Государственном совете проектов судебного преобразования. 23 октября 1861 г. уже состоялось Высочайшее утверждение этого доклада, вдвинувшее дело судебного преобразования в третий и последний фазис его развития.

Вместе с тем признано было неудобным поручить в этой новой стадии дела руководство им старому, даже очень старому, кормчему его, гр. Глудову (ему минуло в 1862 году 77 лет). Новое вино опасно было вливать в старые мехи. По всему видно, что это чувствовалось всеми, не исключая и самого графа Блудова, которого с этих пор почтительно, но явственно удаляют с поста, более несоответствовавшего его положению и силам. Эту цель и преследовал, между прочим, означенный доклад, принадлежавший перу вышеупомянутого С. И. Зарудного, состоявшего в 1856 году статс-секретарем департамента законов Государственного совета.

Сущность названного доклада сводилась к тому, что поручалось государственной канцелярии, сообщая с «прикомандированны-

¹⁴ См. статью г. Григорова: «Кое-что о мировом суде». *Моск. Вед.*, 1889. № 35.

ми к ней юристами», извлечь из блудовских проектов, составленных при II отделении Его Императорского Величества канцелярии, «главные основные начала». С официальной точки зрения перемена была небольшая. В работах государственной канцелярии должны были принимать участие также и чиновники того же II отделения и Министерства юстиции, и даже номинальное «высшее наблюдение» оставалось за гр. Блудовым. Но в действительности дело судебной реформы явственно выступало на новый, более рациональный путь. Инициатива и главное руководство им заметно переходило к В. П. Буткову (протезе гр. А. Ф. Орлова, недавно еще яркому крепостнику, но с 1861 г. со всеми своими *armes et bagages* перешедшему в либеральный лагерь) и его главному сотруднику С. И. Зарудному, при деятельном участии новых, свежих сил «прикомандированных юристов»: Н. А. Буцковского, Н. И. Стояновского, Д. А. Ровинского, К. П. Победоносцева, А. М. Плавского, и чинов государственной канцелярии: П. Н. Даневского, С. П. Шубина и А. П. Вилинбахова. Одно уже привлечение к делу «юристов» как таковых, т. е. как представителей «права», а не просто чиновников «законоведов»¹⁵, свидетельствовало о том, что в официальных сферах «новое начало», юридическая наука, «право», сделало довольно серьезное завоевание на счет и в ущерб традиционной табели о рангах и «законоведении». Оставалось закрепить это ценное завоевание и обеспечить «прикомандированным юристам», воодушевленным гуманными и либеральными стремлениями, возможность широкого общения с юридической наукою. Этот шаг не заставил себя долго ждать.

Уже к концу 1861 года «юристы» живо разобрали Блудовские проекты и нашли в них то, что и следовало ожидать. Извлеченные «основные начала» показали, что проекты не согласованы между собою и что необходим пересмотр и полная переработка их на основаниях научных или на основании тех «общих непреложных начал», о которых писал гр. Блудов еще в 1857 г., но провести которые пришлось другим.

С начала 1862 года гр. Блудова сменяет, по должности председательствующего в Государственном совете, кн. П. П. Гагарин (тоже крепостник и автор известного «нищенского» надела, также плывший в это время по фарватеру либерализма), и с этих пор гр. Блудов окончательно сходит со сцены. Но к чести его нужно заметить, он не счел уместным держать оппозицию *quand même* тем «новшествам»,

¹⁵ Наш маститый юрист П. Г. Редкин в вышедшей незадолго до его смерти книге своей отмечал, что до Устава 1863 г. профессорам строжайше предписано было заменить слово «правоведение» — «законоведением». См. выше главу IV.

которые проникли после него в судебную реформу, и, считая их появление естественным развитием начатого им дела, принял их просто и без протеста.

Первым делом кн. Гагарина было исходатайствовать «юристам» официальное разрешение на полную свободу действий и возможность свободного пользования вышеупомянутыми «непреложными началами», т. е. указаниями науки и практики цивилизованных народов. Разрешение это было дано знаменательным Высочайшим повелением от января (число, к сожалению, неизвестно) 1862 года, где впервые вещи названы их собственными именами. Этот первостепенный для истории русского процесса и прогресса документ гласил: «Изложить в общих чертах соображения Государственной Канцелярии и прикомандированных к ней юристов о тех главных началах, *несомненное достоинство* коих признано в настоящее время *наукою и опытом европейских государств* и по коим должны быть преобразованы судебные части в России».

Рубикон был перейден! Китайская стена, отделявшая в течение сорока пяти лет наши законодательные сферы от непосредственного воздействия европейской науки и современного прогресса, пала. Начала европейского публичного права и науки, проникавшие к нам дотоле контрабандным путем (слово «прогресс» было формально запрещено еще в 1858 г.) или в виде замаскированных анонимов (как, например, «общие непреложные» начала у гр. Блудова), получили, наконец, открытый доступ и к нашей законодательной практике. Благодаря этому крупному событию, а также господствовавшему в то время в русском обществе либеральному настроению, сделан был тот последний, логический шаг, без которого предпринятое гр. Блудовым 20 лет перед тем дело судебной реформы осталось бы на полпути и недоделанным.

«Юристы» 1862 г. возымели благородную решимость сделать этот окончательный шаг, который иным казался чересчур рискованным. Веря в здравый смысл русского народа, крепость русской культуры и воспитательную силу хороших учреждений, либеральные юристы решились, например, предложить суд присяжных, который, так сказать, наворачивался на языке у гр. Блудова, но который он не имел решимости открыто выставить. В составленных юристами «главных началах» мы видим не скачки и не бред буйной теоретической мысли, как иные думают, а только *логическое развитие* институтов, раньше намеченных. Это лучше всего можно показать на примере самого важного нововведения, на суде присяжных, предложенном Заруднинскою «могучею кучкою».

Враги судебной реформы привыкли твердить, что суд присяжных был введен у нас из слепого подражания иностранным образцам и по мотивам чисто политическим. Мнение это лишено всякого основания. Что касается подражательности, то вот как смотрели «юристы» бо-х годов на вопрос о заимствовании: «Наш нормальный путь, — говорят они, — *не подражание, а разумное* применение общих начал выработанных юридическою наукою». Что же касается политической стороны этого института, то ее тщательно устраняют они из нашего суда присяжных, настаивая на мотивах исключительно юридических¹⁶.

В чем же они состояли? Вот путь того рассуждения, который побудил «юристов» государственной канцелярии сделать из посылок гр. Блудова логические выводы. Гр. Блудов, признавая теорию «законных доказательств» несостоятельною, не решился однако вполне отказаться от нее и остановился на компромиссе. «Юристы», основываясь на трудах германских юристов Кестлина, Генна, Пухты, Гагена, Буштеля, Бринкмана, Молиара, Миттермайера и др., пришли к заключению, что тут нет середины, *tertium non datur*, что или должна быть строгая легальная регламентация силы доказательств, обязательная для судей, или им должен быть предоставлен путь оценки доказательств по внутреннему убеждению. Отвергнув теорию «законных доказательств» на основании указаний науки и нашей собственной практики (эта сторона дела особенно тщательно разработана в записке Д. А. Ровинского (см. ниже), прекрасно знакомого с судебною практикою по должности московского губернского прокурора) и признав необходимость решения вопроса о виновности по убеждению судей, юристы переходят к вопросу о судоустройстве. Они указывают на то, что наши старые судебные заседатели не приносили никакой пользы и были простыми ширмами или пешками в руках секретарей, так как должны были решать не только вопрос о виновности на основании теории доказательств, но и применять законы о наказаниях. Вследствие этого «юристы» признают нужным предоставить заседателям решение только вопроса о виновности, который они, в качестве людей знакомых с действительною жизнью, решат лучше коренных судей, людей кабинетных. Вопрос же о наказании предоставляется решению судей юристов. Отсюда переход чрез наших «судебных заседателей» к европейским присяжным заседателям был так естествен, что он подсказывался сам собою. Придумывать непременно что-то «свое», отличное от хорошо известного и испро-

¹⁶ См. т. IX Дела о преобраз. суд. части. Записка Н. А. Буцковского. С. 7; С. 5 Записки Зарудного.

бованного европейского суда присяжных — значило бы впадать в оригинальничанье, значило бы стучаться в открытую дверь. Деятели бо-х годов были слишком серьезные люди, чтобы носиться с такою «пустою» претензией, к которой, по замечанию Вл. С. Соловьева, сводится наша *внеевропейская и противоевропейская самобытность*¹⁷.

Главный аргумент против присяжных была неразвитость «вчерашнего раба», неразвитость народа, «которого, по выражению Я. И. Ростовцева, до освобождения крестьян *не существовало*»¹⁸. Вот как возражают на это «Соображения» юристов Государственной Канцелярии: «Конечно, развитость народа имеет немалое влияние на достоинство его учреждений, но не подлежит также сомнению, что хорошие учреждения развивают и *совершенствуют общество*. В этом отношении правильный суд едва ли не желательнее всякого иного учреждения, ибо он распространяет в народе понятие о справедливости и законе, без чего не может быть ни благосостояния, ни порядка в обществе. Неразвитость нашего народа представляет основания для *скорейше*

¹⁷ Национ. вопрос в России. С. VI.

— Наглядным предостережением против такого оригинальничанья quand même служит опыт с печальной памятью III отделением. Это самобытное учреждение должно было, на посрамление Европы, доказать, что и помимо гласности и вообще рациональной судебной организации возможно водворение законности и правды. Назначением этого нового не то светского ордена, не то полицейского масонства, было, как разъясняла инструкция учредителя его, гр. Бенкендорфа, «обращать внимание на беспорядки во всех частях управления; наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не были нарушены людьми властными; внимать гласу страждущего человечества и защищать беззащитного и безгласного гражданина». Таким образом эти новые Гарун-аль-Рашиды, тайно, но деятельно наблюдая за всеми, должны были при помощи сердцеведения и смотрения исполнять функции, которые в других странах, и то не всегда хорошо, выполняют суд, адвокатура, печать и общественное мнение. Хорошо известно, во что превратилось это учреждение, которому ставилась столь высокая и совершенно ему непосильная задача. Приветствуя упразднение в 1880 г. III отделения, Катков между прочим писал: «Принадлежит к той системе, которая отрицала всякую свободу жизни и уже потеряла свою силу, учреждение это вносило собою только *смуту и ложь* в жизнь при ее изменившихся условиях». («Моск. Вед.», 1880. № 222). Об оставленной незавидной памяти III отделения можно судить уже по тому, что сочтено было невозможным IV отделение переименовать в III.

¹⁸ См. письмо Ростовцева к Александру II; С. 49 «Освобождения крестьян» Семенова.

го введения суда присяжных, потому что такой именно народ и нуждается в *особых* ограждениях в суде, нуждается в судьях, которые бы вполне его понимали. Нигде, может быть, историческая жизнь народа не положила таких глубоких разграничений между различными слоями общества, как у нас, отчего между понятиями, обычаями и образом жизни наших постоянных судей, принадлежащих вообще к высшему сословию, и подсудимых из низших сословий замечаются чрезвычайно резкие различия¹⁹.

Весьма подробно разобрали «юристы» Государственной Канцелярии и то возражение, что суд присяжных имеет политический характер. Суд присяжных, как одна из лучших гарантий правосудия вообще, конечно, имеет и крупное политическое значение. «При отсутствии правосудия, — говорит Лероа-Болье, — нет более просвещенной свободы, а при наличии правосудия, я полагаю, нет более деспотизма или по крайней мере тирании». С такой точки зрения носит политический характер не только суд присяжных, но и предложенные графом Блудовым усовершенствования правосудия, вроде сокращения инстанций, введения состязательного процесса, не говоря уже о введении гласности, которая, по определению Н. А. Буцковского, «служит самым надежным контролем для всякой общественной деятельности и *единственно прочною уздой* для удержания общественных деятелей в пределах законности». Но не в таком общем, а еще в особом специфическом смысле возражали и, смешно сказать, даже в наши дни возражают, — против суда присяжных, ссылаясь на то, что это учреждение якобы революционно-демократическое, несовместное с самодержавием. Против такого фальшивого освещения предмета выдвинули «юристы» длинный ряд соображений, заимствованных главным образом из истории русских судебных учреждений²⁰.

IV.

В апреле — июле 1862 г. «Главные начала», выработанные Государственною Канцеляриею, были рассмотрены соединенными департа-

¹⁹ См. т. XVII «Дела о пр. суд. части». С. 39.

²⁰ См. записку Буцковского. С. 44–53; записку Зарудного. С. 5–24. Т. IX «Дела о преобраз. суд. части».

— Подобными же чисто юридико-бытовыми и рационально-научными соображениями были мотивированы: несменяемость судей, независимость адвокатуры, упразднение сословности в судах и установление: равенства пред законом, устности, состязательности, широкой гласности и других основ судебной реформы.

ментами Государственного совета. Общее собрание Совета рассмотрело их 27 августа, 3 и 4 сентября 1862 г. В общем собрании совета присутствовали: председатель кн. П. П. Гагарин и члены: великий князь Николай Николаевич, гр. В. Ф. Адлерберг, гр. С. Г. Строганов, В. Н. Панин (министр юстиции), кн. В. А. Долгоруков (шеф жандармов), К. В. Чевкин, кн. А. М. Горчаков, Брок, Тымовский, П. А. Муханов, Краббе, Донауров, Тройницкий, гр. П. А. Шувалов, Танеев, Гасфорт, барон М. А. Корф, Н. И. Бахтин, А. С. Норов, Н. Ф. Метлин, А. М. Княжевич, светл. кн. А. А. Суворов, И. М. Толстой, Д. А. Милютин, А. В. Головнин, М. Х. Рейтерн, П. А. Валуев, Гернгрос, Хомутов, Анненков и А. С. Зеленый. Докладывал дело государственный секретарь В. П. Бутков. Суд присяжных и важнейшие институты нашего нового судебного права прошли *единогласно*. В защиту суда присяжных сказал речь, — кто бы поверил? — сам прозревший, наконец, гр. Панин, заявивший, что «действительно независимым может быть только суд присяжных».

29 сентября 1862 г. последовало Высочайшее утверждение «Основных начал». По мысли С. И. Зарудного, бывшего в этой последней стадии реформы главным руководителем дела судебной реформы, «Основные начала или положения» были опубликованы в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» для того, чтобы вызвать всестороннее обсуждение предстоящей судебной реформы.

Нечего и говорить, какое сильное и радостное впечатление произвели «Основные положения», обещавшие вполне рациональное судоустройство. Цензор Никитенко, приветствуя с умилением основные начала судебной реформы, отмечает в своем «Дневнике» (см. выше эпиграф), что в николаевские времена за такие «мечты» можно было прослыть «сумасшедшим или политическим преступником» (как известно, петрашевцы пострадали за то, что на «пятницах» у Петрашевского обсуждали вопросы об освобождении крестьян, гласном суде и т. п.), и присовокупляет: «В трудах по новому судопроизводству преобладала и преобладает здравая либеральная партия». Самый факт опубликования основных начал судебной реформы их свидетельствовал о признании если не совершеннолетия, то некоторой зрелости русского общества и русской неофициальной юриспруденции. Чтобы дать понятие о степени оживления, вызванного опубликованием «Основных положений», достаточно сказать, что при всей бедности России юридическими силами, поступило 446 разных замечаний со всех концов России, не исключая и самых глухих закоулков Сибири и Закавказья. По мысли того же Зарудного, который давно уже неуклонно преследовал плодотворную

идею о наибольшей огласке материалов судебной реформы, все поступившие «Замечания» были отпечатаны и составили 6 больших томов *in folio*. Эти «Замечания» судебных практиков, профессоров и вообще частных юристов до некоторой степени составляли в судебной реформе суррогат участия местных сил наподобие губернских комитетов крестьянской реформы. О более реальном участии представителей общества, на которое намекал И. С. Аксаков в «Дне», пока нельзя было и думать, потому что даже земские учреждения еще только готовились.

С распубликованием «Основных положений судебного преобразования» можно было считать дело судебной реформы почти уже выигранным. Заложены были основы его и притом так последовательно, твердо и умело, что вызвали и вызывают до сих пор справедливое одобрение со стороны не только русских, но и лучших иностранных юристов и публицистов²¹.

Оставалась еще трудная и сложная работа составления новых проектов Уставов, согласно Высочайше утвержденным «Основным положениям», но это была трудность чисто юридическая, техническая. Бодро и радостно взялись за дело лица, коим выпала счастливая доля послужить в этом деле родине.

Для составления проектов Судебных Уставов образована была при Государственной Канцелярии комиссия, к которой привлечены были лучшие юридические силы, начиная от сенаторов и профессоров и кончая присяжными стряпчими и следственными приставами. Официальным председателем был назначен В. П. Бутков, но в действительности делом руководил корифей судебной реформы С. И. За-

²¹ См. весьма сочувственный отзыв известного криминалиста Миттермайера в журнале «Министерства Юстиции», 1864 г. № 10, а также книгу Лероа-Болье: «L'empire des Tzars», tome II.

— Говоря о началах, на коих построены Судебные Уставы (в том числе и суд присяжных), министр юстиции Н. В. Муравьев в речи своей 30 апреля 1894 г. при открытии комиссии по пересмотру Суд. Устав. выразился так: «Это в сущности общепризнанные и наилучшие из всех до сих пор выработанных в цивилизованном мире речательств того, что судебная истина будет обнаружена, что закон будет точно применен и что каждый из судящихся получит по заслугам. Они составляют средний и, по-видимому, бесспорный итог всего того, до чего додумалось человечество в сфере правосудия; они, кроме того, уже успели войти в плоть и кровь страны, сделались привычным и дорогим достоянием нашего народа; они образуют охранительный, консервативный, если так можно выразиться, элемент наших судебных порядков».

рудный. Комиссия разделилась на три отделения. В состав гражданской секции входили: председатель С. И. Зарудный, члены: К. П. Победоносцев, Н. В. Калачев, А. Ф. Бычков, С. П. Шубин, председатель курской гражданской палаты Шечков, товарищ председателя екатеринославской палаты Гуринов, А. П. Вилинбахов, А. А. Книрим, Г. К. Репинский, князь И. С. Волконский, О. О. Квист и Баршевский.

Уголовная секция состояла из председателя Н. А. Буцковского и членов: П. А. Зубова, М. Е. Ковалевского, Я. Г. Есиповича, Любимова, Е. А. Перетца, губернских прокуроров А. Н. Попова и Н. Г. Принтца, проф. Н. И. Утина и А. М. Плавского.

Отделение судоустройства было под председательством А. М. Плавского, в составе членов: бар. Врангеля, П. Н. Даневского, Я. Г. Есиповича, Д. А. Ровинского и Н. Г. Принтца.

Закипела дружная работа! С неслыханною быстротою и образцовою обстоятельностью составлены были в течение *11 месяцев* проекты учреждения Судебных Установлений и Уставы Гражданского и Уголовного судопроизводства. Проекты сопровождалась превосходными и обширными (1758 печатных страниц *in folio!*) объяснительными записками, составляющими доселе непревзойденные *chef d'oeuvre*'ы законодательного творчества.

Осенью 1863 г. комиссия окончила возложенную на нее задачу, и проекты поступили на заключение II отделения Е. И. В. канцелярии и министра юстиции Д. Н. Замятина. Последний не только сам доставил при содействии товарища своего Н. И. Стояновского (см. ниже) весьма ценные замечания, составляющие солидный том в 500 страниц *in folio*, но, вполне сочувствуя либеральным основам судебной реформы, потребовал еще замечаний на проекты от сенаторов и обер-прокуроров²².

В декабре 1863 года проекты Судебных Уставов, вместе с поступившими на них многочисленными замечаниями, переданы были на обсуждение Государственного совета. Докладом дела руководил государ. секр. В. П. Бутков, пользуясь содействием С. И. Зарудного, Н. А. Буцковского и А. М. Плавского. Обсуждение проектов, в котором, по ходатайству министра юстиции Д. Н. Замятина, принимал участие и товарищ его Н. И. Стояновский (потом председатель гражданского департамента Государственного совета), шло весьма скоро и успешно. Объясняется это, во-первых, тем бодрым настроением, которое все еще господствовало в то время в обществе, хотя уже замечалось некоторое разочарование после событий 1863 года; во-вторых,

²² См. мою «Страницу из истории судебной реформы». М., 1893. Гл. IV.

тем, что вопросы были тщательно разработаны и всесторонне освещены, так что Совету оставалось сделать лишь немного...

Впрочем, у руководителей судебной реформы, быть может, была и особенная причина торопить дело. Они знали, как быстротечны у нас либеральные веяния и как скоро, после непродолжительного подъема сил, наступает у нас, особенно в высших сферах, упадок энергии. — Но пока еще дул по судебному ведомству редкий попутный ветер, и проекты с небольшими поправками и частичными изменениями благополучно прошли как в соединенных департаментах, так и в общем собрании Государственного совета²³.

2 октября было окончено рассмотрение Судебных Уставов. В общем собрании 2 ноября были рассмотрены штаты и оклады судебных чинов, и уже 20 ноября того же года последовала в Царском Селе Высочайшая санкция и знаменитый указ правительствующему сенату от того же числа, повелевший опубликовать Судебные Уставы во всеобщее сведение.

«По вступлении на прародительский престол, — так начинается указ, — одним из первых наших желаний, всенародно возвещенных в манифесте 19 марта 1856 года, было: „Правда и милость да царствует в судах“. С того времени, среди других преобразований народной жизни, Мы не переставали заботиться о достижении упомянутой цели». Сославшись затем на те многосторонние предварительные работы, которые предшествовали составлению проектов Судебных Уставов, указ в следующих кратких, но сильных выражениях очерчивает их сущность: «Рассмотрев сии проекты, Мы, — говорит император Александр II, — находим, что они *вполне* соответствуют желанию Нашему водворить в России суд, *скорый, правый, милостивый, равный* для всех подданных наших, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то *уважение к закону*, без коего невозможно общественное благосостояние и ко-

²³ В соединенных департаментах присутствовали: князь Гагарин, принц П. Г. Ольденбургский, Кочубей, Хомутов, Литке, Игнатъев, Бахтин, Замятнин, Муханов и Норов. (См. т. LI «Дела о преобр. губ. земст.»). В общем собрании присутствовали: кн. Гагарин, П. Г. Ольденбургский, кн. А. Н. Горчаков, гр. Клейнмихель, г. Адлерберг, бар. Корф I-й, Танеев, Гасфорт, Княжевич, Игнатъев, Тымовский, Толстой, Зеленый, Стояновский, Кочубей, Литке, гр. Панин, Бахтин, Норов, кн. Суворов, Мельников, Татаринов, Муханов, Тройницкий, Мальцов, кн. Урусов, Краббе, Плаутер, Брок, Метлин, Гернгрос, Тройницкий и Рейтерн, при государственном секретаре В. П. Буткове. (См. т. LXIX «Дела о преобр. суд. ч. в России»).

торое должно быть *постоянным руководителем всех и каждого, от высшего до низшего*».

Памятные слова, заслуживающие того, чтобы их заучивала молодежь наизусть, подобно тому, как в Риме заучивались *carmina* XII таблиц!!

Указ заканчивался в следующих выражениях: «Призывая благословение Всевышнего на успех этого *великого* дела, Мы радостно выражаем надежду, что намерения Наши осуществляются при ревностном содействии Наших верноподданных, как каждого отдельно в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе обществ, сословий и земства, ныне, по воле Нашей, на *новых* началах образуемого...»

Таково было происхождение этого великого законодательного акта, «истекавшего, как верно замечено его авторами, не от произвола, а от начал истины и справедливости в той степени, в какой они выработаны наукою и опытом»²⁴, акта, который, по меткому замечанию В. П. Безобразова, «есть законодательный и вместе с тем *умственный* памятник, долженствующий служить в отдаленном потопстве величайшею честью нашего времени»²⁵. И что тут нет национального самообольщения, тому лучшее доказательство — отзывы иностранцев. Так Лероа-Болье, отдавая полную справедливость трудам деятелей судебной реформы, умело заимствовавших все лучшее из иностранных законодательств, поясняет и причину сравнительно большого успеха судебной реформы, причем развивает те же мысли, которые в 1860 году высказывал М. Н. Катков о необходимости радикальной реформы судов (см. выше §1). «Если, — говорит г. Лероа-Болье, — судебная реформа была задумана и осуществлена шире, чем другие реформы Александра II, то это объясняется тем обстоятельством, что она имеет основанием не эмпирические данные и минутные соображения, а *общие идеи*, усвоенные всеми новыми нациями, и практику наиболее цивилизованных государств»²⁶.

Спустя несколько лет по введении в действие Судебных Уставов, в 1870 году проф. канонического права Московского университета Н. К. Соколов так определял громадное культурное значение судебной реформы 1864 г. «Суд, основанный на твердых началах, — писал он, — независимый от внешних и случайных влияний и пользующийся общественным доверием, есть, без всякого сомнения, одно из величайших благодеяний, какое только может доставить государство

²⁴ См. предисловие к Судебн. Устав. изд. Госуд. Канцелярии 1886. С. III.

²⁵ «Русск. Вестн.», 1866. № 10.

²⁶ «L'empire des Tzars», II, 291.

своему гражданину. Не говорим здесь о внешних преимуществах, о практической пользе, которую может доставить правильно устроенный суд, обеспечивая гражданина в справедливом пользовании всеми его правами и представляя все средства к ограждению и восстановлению их—эта сторона очевидна для всякого, но она еще не самая важная. *Важнее*, по нашему мнению, то нравственно-воспитательное влияние, какое оказывает такой суд на общество. Он воспитывает как власть, представляющую собою правосудие и служащую для него органом, так и *всех членов общества*, прибегающих к содействию правосудия и со стороны наблюдающих за его отправлением. В этом отношении влияние суда быть может еще могущественнее, чище и нравственно выше на последнюю группу *простых наблюдателей*, нежели на первую, материально заинтересованную в отправлении правосудия. Развивая в них чувство законности, правды и уважения к личности и интересам других, суд в то же время возвышает собственное личное самосознание и достоинство, *воспитывает уверенность, энергию личной деятельности* во многих случаях, когда отсутствие прочных гарантий могло бы совершенно парализовать ее. Факт не новый и легко наблюдаемый, что в том обществе, которое пользуется благодеяниями рационально устроенного правосудия, деятельность частных лиц гораздо свободнее, энергичнее, открытее, бодрее; человек как-то правильнее и свободнее движется в тех пределах, внутри которых поставлена его служебная или частная деятельность. Напротив, *безличность, задушенность, вялость*, отсутствие всякой энергии, склонность выбирать окольные пути, вместо прямой дороги, к совершенно ясной цели, боязнь, часто беспричинно убивающая живую и свободную деятельность, и, наконец, затемнение в понятиях и жизни самых представлений о правом и неправом, о законном и незаконном и образование целой системы *условных прав, условных законов*²⁷, допускающих различные изъятия и нарушения—вот явление, обыкновенно наблюдаемое в тех обществах, где правосудие находится в руках произвола и не имеет строго определенных оснований и гарантий²⁸.

Таково было колоссальное значение издания Судебных Уставов, составивших эпоху в истории русской гражданственности.

²⁷ См. ст. Н. Соколова «О началах и формах духовного суда». С. 21–30 «Православного Образования», 1870. № 5.

²⁸ См. выше в главе VII слова Аксакова о «будто бы законах».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПРЕДТЕЧИ ГЛАСНОГО СУДА

(АПРЕЛЬ — ОКТЯБРЬ — 1865—1890 ГГ.)

Избави нас, Боже, от всякой вещи, во тьме преходящей!

М. Катков

I.

Начало нашего нового гласного судопроизводства обыкновенно принято относить ко времени открытия новых судебных учреждений, действующих на основании Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. Такой счет не совсем правилен. Гласный суд, т. е. публичное судоговорение, начался у нас еще в старых учреждениях, в силу закона 11 октября 1865 г., перенесшего туда некоторые начала нового процессуального строя и в том числе гласность.

Но еще ранее издания этого закона, весной 1865 г., *впервые*¹ публика ознакомилась с гласным процессом в тяжелой обстановке военных *полевых* судов, которые учреждались, в силу особых Высочайших повелений, по делам особой важности². Первый такой суд про-

¹ Впрочем, в интересах исторической точности следует отметить к чести Редакционной комиссии, что начатки гласности впервые введены были ею в Полож. о крест. (Ст. 57 Полож. о губерн. и уездн. присут.). Но гласность, как и другие либеральные начала Положения 19 февраля (так, например, несменяемость мировых посредников), была фактически упразднена, благодаря тому систематическому извращению духа освободительной хартии, которое практиковалось при П. А. Валуеве (см. выше главу V, §2). Уже осенью (1862) С. С. Громека писал в «*Отечеств. Записках*»: «Само правительство установило гарантии в виде гласности, а между тем и публичность, и гласность исчезли быстро, яко исчезает дым всякого русского либерализма». — (См. № 11. С. 7). — На Кавказе гласное судоговорение по манежным делам открыто было в 1862 г. — (См. ниже § «Е. П. Старицкий»).

² До издания Судебных Уставов предание военному суду за общегражданские пре-

исходил в апреле 1865 года в Новгороде для суждения четырех лиц, обвиняемых в убийстве вдовы надв. советн. Лейтенфельд. В тогдашних газетах мы находим очень мало данных, могущих восстановить ход и обстановку *первого* гласного процесса. Из «*Петербургских Ведомостей*» мы узнаем только, что разбирательство происходило в крайне неудобном помещении уездного суда, что публики набралось в суде очень много, что в зал заседания пускали только «в мундирах». Все четверо подсудимых были приговорены к расстрелянию.

Гораздо больше подробностей сохранилось о *первом гласном процессе*, разбиравшемся в *Москве* 29 мая 1865 г. Он также имел место в *военно-полевом суде*. Суду его, по Высочайшему повелению, были преданы: временно отпускну солдат Комаров и крестьяне Черемухин и Щукин, по обвинению в убийстве и ограблении кабатчика Подшивалова и его жены и нанесении смертельных ран трем его дочерям.

Полный стенографический отчет по этому делу, составленный учениками А. Н. Артоболевского, мы находим в «*Современной Летописи*»³. Заседание происходило в бывшей гостинице «Европа», на Солянке, в помещении управления местных войск. Стечение публики было громадное. Суд начался в 2 часа. Председательствовал полковник Святогор-Штепин, обвинял Л. Л. Цвилнев, защищал кандидат прав А. В. Зорин.

Судоговорение началось обвинительною речью прокурора, который, как гласит отчет, произнес обвинение мерным и стройным голосом. Небольшая стычка между сторонами произошла в то время, когда прокурор стал показывать «публике» (sic) шкворень, найденный в избе одного из подсудимых...

Защитник. Шкворень, находящийся в суде, не тот самый, которым совершено преступление.

Прокурор. Шкворень наподобие этого.

Предс. Черемухин. Это не тот шкворень?

Прок. Наподобие.

Черемухин. Тот мы бросили.

Прок. Ну да, подобный этому, я говорю.

ступления было явлением обычным. Помимо дел, передаваемых военному суду по особым повелениям, Свод Законов допускал до 40 случаев передачи дел военному суду. Судебные Уставы отменили этот порядок, исходя из того соображения, что всякие специальные комиссии, назначаемые для суда по известному делу, вызывают основательное недоверие. (См. С. 25–28 т. XVIII «Дела о преобраз. суд. части», а также главу XIII моих «Основ судебной реформы»).

³ См. № 22 июня 1865.

Затем начался допрос подсудимых, причем председатель говорил с ними на *ты*.

Черемухин, сознавшийся на предварительном следствии, стал решительно отрицать свою виновность. На вопрос прокурора, почему он прежде давал другое показание, Черемухин отвечал: Ваше благородие! следователь Щелкалов бил на следствии два раза, схватил нож и замахнулся на меня.

Предс. Ну, хорошо, а вы не сговаривались с Комаровым?

Черемухин. С Комаровым?

Предс. Да, да.

Черемухин. С ним... я... нет... не могу знать.

Предс. (обращаясь к священнику). Позвольте попросить вас, батюшка, сказать преступнику (*sic!*), что нераскаяние есть один из тяжчайших грехов.

Священник, надев епитрахиль и взяв крест и Евангелие, начал увещевать тихим голосом.

Черемухин. Ей-богу, батюшка, таких делов не делал. Никто во всей деревне на меня не пожалится; кажется, курицы не обидел. Что я сказал вам правду, вот вам, коли хотите, и крест Христов, и святое Евангелие. А я знать ничего не знаю и не виноват, вот что!..

Энергичная защита и неожиданное упорное запирательство подсудимого, по-видимому, произвели и на участвующих в деле лиц и на публику сильное впечатление.

Между прокурором и защитником начался следующий любопытный диалог.

Прокурор. Что вы думаете, г. защитник, о таком запирательстве преступника?

Защитник. Позвольте мне не отвечать на этот вопрос. Сознаться или не сознаться за подсудимых я не могу — это дело их самих.

Прок. Однако объяснение этого запирательства необходимо. Вы виделись с подсудимым в местах заключения и читали самое дело...

Черемухин. Я говорю, как перед смертью.

На этом заканчивается допрос Черемухина; его уводят и вводят в зал Комарова. Он сознается, но сваливает главную вину на других подсудимых.

Защитн. Это сознание подкреплено обстоятельствами дела и прежним показанием Черемухина.

Свящ. Что тебя принудило быть участником в убийстве?

Комаров. Я сознаюсь как перед Богом, так и перед вами, батюшка. Я решился обворовать Подшивалова, но намерения убить не имел.

Вводят третьего подсудимого Шукина. Шукин также запирается и объясняет возбуждение обвинения наущением «зловредного» шурина своего. На увещания священника он отвечает: «Ну, что же, поцелую... ведь и у нас есть батьки» (с наглостью хватает и целует крест). На замечание председателя, что крестьяне не одобрили поведения подсудимых, Шукин скороговоркою отвечает: «Помилуйте, гг. сенаторы! крестьяне говорят по злобе, потому что я не попал в рекруты. Ваше благородие, войдите в мое положение и гражданский (губернатор) князь Оболенский...

Прокур. (перебивая его). Это не идет к делу.

Защитн. Дайте ему говорить, может и договорится до чего-нибудь. Запрещать подсудимому оправдываться нельзя.

Прокур. Это не есть запрещение, а оценка выслушанного.

Шукин. Князь гражданский Оболенский, губернатор, сказал мне: «В Богородске не возьмут, а в Москве я сам буду, а с тобой язык будет...»

Прокур. Зачем ты путаешься?

Шукин. Зачем? Потому что, гг. сенаторы, крестьяне по злобе показывали и проч. На этом окончился допрос подсудимых. Свидетелей не допрашивали.

Защитн. (взволнованным голосом) начал свою речь так: Сами обстоятельства рассказанного дела так отчетливо представили суду и публике картину страшного злодеяния, а г. прокурор так убедительно вывел свои обвинения, что в глубине совести каждого из присутствующих уже составлено убеждение в безусловной виновности подсудимых.

Затем защитник старался предостеречь судей от увлечения и, выяснив роль каждого из подсудимых, находил, что не все они одинаково виновны. Указывая на то, что показание маленькой девочки Тани служит главным базисом обвинений, защитник заметил, что «хотя младенец и не может солгать, — ложь есть принадлежность взрослых, — но девочка могла и ошибиться в своих показаниях». Закончил защитник свою речь следующими словами: «Помните, что применение страшного наказания ко всем трем преступникам будет более, нежели несправедливо, будет тяжкий грех; вспомните несчастные процессы невинно-казненных, вспомните „Последний день“ Виктора Гюго, когда осужденный на смертную казнь любителю во время чтения приговора солнечным зайчиком, играющим на стене тюрьмы; вспомните, что заточение в рудниках тяжелее моментального страдания. Не отнимайте у общества три рабочие единицы, — в рудниках, на железной цепи, они все-таки будут ему полезны. Не отнимайте

у подсудимых возможности раскаяться в своем преступлении перед Богом и людьми». При последних словах арестанты бросились с воплем на колени. «Пожалейте нас, несчастных, — вопили они, — и войдите в наше горемычное положение».

Публика, не привыкшая к сценам публичного суда, была потрясена этим эпизодом и выразила свое сочувствие к речи защитника громкими рукоплесканиями, которые, впрочем, были прекращены по первому слову председателя.

Суд приговорил всех троих к *расстрелянию*.

Описанный процесс и раздавшиеся аплодисменты произвели в обществе сенсацию. В «*Московских Ведомостях*» появилось письмо, в котором ставилось на вид защитнику, что он не должен был стремиться влиять на чувства судей, не имевших по закону полевого судопроизводства даже права допускать смягчающие обстоятельства и поставленных между дилеммой оправдания или присуждения к смертной казни.

Редакционная статья «*Московских Ведомостей*»⁴, не вполне разделяя точку зрения автора письма, однако сочла нужным указать на существование двух типов адвокатуры — французской и английской. Отдавши все свои симпатии последней, отличающейся деловитостью и свободой от риторики, статья приходила к заключению, что наша адвокатура должна бы идти по стопам английской, способствовать правильному приложению закона. Нельзя, однако, не заметить, что совершенно упускались из виду в этих нотациях условия деятельности английского суда и военно-полевого суда. Тогда как первый от смертной казни может переходить к кратковременному аресту, полевой суд не может дать снисхождения. К чему же, при таких условиях, сводится роль защиты?

II.

В 1865 году было еще несколько гласных процессов военно-полевого суда, но мы касаться их не будем и перейдем к гласности в старых судебных учреждениях, где она введена была законом 11 октября 1865 года и из явления случайного превратилась в правильное постоянное.

Когда в правительственных сферах окончательно воспреобладала мысль о невозможности одновременного введения в действие Судебных уставов 20 ноября 1864 года во всей Европейской России, то было

⁴ 1866 г. № 13.

признано необходимым хотя несколько обновить и освежить прогнившее здание старого суда. С этой целью было решено ввести в наш старый процесс некоторые элементы судебной реформы, и в том числе устность и гласность. Таковы мотивы, приведшие к изданию так называемых «облегчительных» правил 11 октября 1865 г., действующих и поныне в местностях, где не открыты еще новые суды.

Вслед за изданием этих правил были разосланы министром юстиции, Д. Н. Замятниным, составленные им правила о порядке допущения посторонних лиц к присутствию при докладе в судебных местах. Содержание этих правил таково: председатель судебного места, соображаясь с обширностью и удобством помещения, определяет, какое число лиц может быть допущено в присутственную комнату, о чем вывешивается объявление в приемной комнате. Публика допускается по билетам, или без билетов, по усмотрению председателя. До чего был велик страх пред новым обрядом гласности, можно судить по тому, что председателю предоставлялось для предупреждения беспорядков требовать от публики, получающей билеты, расписки в книге.

С октября 1865 года стал функционировать *впервые наш гласный суд* гражданского ведомства. В этот день происходило в Петербурге заседание первых трех департаментов сената в присутствии министра юстиции Д. Н. Замятина и его товарища Н. И. Стояновского. Первыми опытами гласности публика очень мало интересовалась: на помянутое заседание общего собрания явилось «наибольшее число лиц», а это число было 20, в других департаментах бывало от 5 и до 10. Впрочем, и число мест, отведенных для публики, было крайне ограничено; так, в общем собрании было всего 20 мест.

«*Журнал Министерства Юстиции*», как бы недоумевая пред равнодушием публики, старался объяснить его недостаточным знакомством публики с открытием гласного суда⁵. И действительно, в последующие дни число посетителей в департаментах С.-Петербургской уголовной палаты доходило до 70, а в Харьковской палате дошло до 300. Вообще, в провинции гласное судопроизводство произвело, по-видимому, большую сенсацию, благодаря пустоте провинциальной жизни... Так, из Екатеринослава писали в «*Журнал Министерства Юстиции*», что 1 декабря, когда слушалось одно интересное дело, посетителей собралось так много, что должны были отворить дверь в переднюю, чтобы могли слушать столпившиеся там посетители (в том числе и дамы), и многие должны были возвратиться домой по недостатку места...

⁵ См. «*Журнал Министерства Юстиции*», 1865 г. № 9. С. 203.

Первые адвокатские речи произвели благоприятное впечатление. Официальный «Журнал Министерства Юстиции» констатировал факт, что наша адвокатура не впадает в недостатки французской и приближается к английскому образцу, заботясь о дельности речей, а не о цветах красноречия.

На подсудимых гласное судоговорение производило довольно сильное впечатление. В противоположность вышеприведенным образчикам упрямого заpiresательства на военно-полевом суде, председатель Екатеринбургской уголовной палаты свидетельствует, что «хотя подсудимые и утверждали прежние показания, но в ответах их заметны были нерешительность и смущение, причем они искоса посматривали на публику»⁶.

Первые шаги гласности произвели на общество очень сильное впечатление. Как ни скверны были формы нашего старого судопроизводства, все же оно несколько улучшилось под освежающим влиянием гласности. С первых же месяцев стало заметно ускорение движения дел; исконное недоверие к суду, обусловленное канцелярскою тайною, стало ослабевать; после рутины, буквоедства и жестокости стали проникать в суд более здравые и гуманные начала. Словом, преимущества гласного судопроизводства сразу и наглядно для всех обнаружались, и русское общество с радостным нетерпением стало ожидать открытия *настоящего* гласного суда, которое уже было не за горами...

⁶ «Журнал Министерства Юстиции», 1865 г. № 12. С. 637.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОТКРЫТИЕ «НОВОГО СУДА» В ПЕТЕРБУРГЕ (СПРАВКА К 30-ЛЕТИЮ)

Окружный суд есть для народа училище правоведения.

Кн. В. Ф. Одоевский

Всякий чувствует, что без нового суда невозможна никакая безопасность, и всякий ожидает его, как манны небесной.

А. В. Никитенко

С упрочением нового судопроизводства становится возможным жить в России, как в стране цивилизованной.

М. Катков (1866)

I

С утверждением образцовых¹ Судебных Уставов самая главная задача судебной реформы была разрешена. Оставалось обсудить порядок их введения в действие. Несмотря на сравнительно второстепенное значение этой стадии дела, она заняла довольно много времени — без малого год, что особенно бросается в глаза, если принять во внимание, что сами Судебные Уставы составлены были почти в 21/2 года

¹ Читал, — заносит 5 декабря 1864 г. в свой «Дневник» проф. Никитенко, — обнаруженные на днях законы о судах. Вот великолепный монумент нашего времени! Дело это станет рядом с освобождением крестьян. Между тем, о нем, за исключением небольшого круга непосредственно соприкасающихся с этим делом, очень мало говорят и думают в обществе. Какая-нибудь журнальная сплетня производит больше впечатления, чем это бессмертное дело. Я пробовал говорить об этом хоть с некоторыми из товарищей по академии, но нашел мало сочувствия. («Русск. Стар.», 1891. № 6. С. 420).

(январь 1862 — ноябрь 1864 гг.). При обсуждении вопроса о порядке введения судебной реформы пришлось считаться с практическими затруднениями и возражениями, под которыми, впрочем, лежало довольно важное теоретическое разномыслие.

Одно направление — представителем его был председатель Государственного совета кн. П. П. Гагарин — высказывалось за одновременное и повсеместное введение судебной реформы, но с постепенным увеличением состава судов; другой взгляд — представителем его был министр юстиции Д. Н. Замятнин — высказывался за введение реформы в виде опыта в одном или двух округах, но в полном объеме.

Император Александр II, заслушав оба мнения в Совете министров, повелел 12 января 1865 г. образовать для выработки окончательного плана введения судебной реформы комиссию под председательством того же В. П. Буткова, который стоял во главе комиссии, составившей проекты Судебных Уставов². В состав этой *второй* Бутковской комиссии вошли знаменитые деятели судебной реформы С. И. Зарудный, Н. А. Буцковский, А. М. Плавский, а также юристы: П. А. Зубов, Я. Г. Есипович, М. Е. Ковалевский, О. И. Квист, Н. Г. Принтц, Г. К. Репинский и А. А. Книрим.

На деятельности комиссии отразилось действие обычного в нашей государственной и общественной жизни явления: после кратковременного лихорадочного возбуждения, поражающего иной раз громадным своим подъемом, наступает быстрое охлаждение, упадок энергии, если не преждевременное разочарование. Так было и в данном случае. Члены комиссии относились с полным сочувствием к либеральным основам Судебных Уставов, но по вопросу о времени и порядке введения их мнения разделились на две группы — радикальную и умеренную.

К последней принадлежало большинство комиссии, и оно отстаивало мнение министра юстиции Д. Н. Замятина, который считал, ввиду новости дела, возможным лишь постепенное введение Уставов в виде опыта, начав с столичных судебных округов. Меньшинство же (в состав его входили С. И. Зарудный, Н. А. Буцковский, О. И. Квист) полагало необходимым единовременное введение новых судебных установлений на всей территории Европейской России с тем, чтобы персонал их пополнялся постепенно, по мере накопления дел в судебных округах.

Считая невозможным передавать все подробные соображения, приведенные обеими сторонами в пользу их плана, познакомим с некоторыми доводами меньшинства. Стремление к опыту, говорит оно,

² См. Т. LXV «Дела о преобразовании судебной части в России». № 12. С. 12 и след.

положительно вредно, как потому, что в настоящее время не опыт нужен, а введение Уставов в действие, так и потому, что опыт, устроенный на неверных началах, приводит к фальшивым выводам и пагубным результатам. Судебные Уставы — это *цельная, живая органическая сила*, которая может обнаружить свое значение и желаемое действие только в цельной, а не в разрозненной части России. При опыте в разрозненных местностях можно придти к отмене если не всего лучшего, что есть в Уставах, то многого. Если по финансовым соображениям нельзя повсеместно ввести Судебные Уставы, то, по мнению меньшинства, лучше бы вовсе отложить введение их.

На самом деле финансовые соображения, по-видимому, служили лишь благовидным флагом, под которым скрывалось скорее преждевременное охлаждение к судебной реформе под влиянием реакции, особенно усилившейся после событий 1863 г.³ На это указывает прежде всего то обстоятельство, что при осуществлении плана меньшинства требовался расход гораздо меньший, нежели тот, который был предположен Государственным советом в 1862 г., при рассмотрении основных начал судебной реформы. В 1862 г. Совет находил, что на судебную реформу нужно ассигновать до 9 млн и рассуждал так: «никакая *цифра* не должна останавливать введения в действие судебного преобразования, безусловная важность и безотлагательная потребность которого не подлежит сомнению и давно уже признана правительством»⁴, а в 1865 г. даже проектируемый трехмиллионный расход на открытие нового суда встречал возражение. Что в данном случае главную роль играл именно страх перед «радикализмом»⁵ судебной реформы, «пред невозможностью справиться с учреждениями, заимствованными из иностранных законодательств», это видно

³ 17 июня 1865 г. акад. Никитенко в числе других признаков реакции отмечает в «Дневнике»: «Говорят, что судебная реформа откладывается в долгий ящик. А между тем ею возбуждена томительная жажда. Всякий чувствует, что без нее невозможна никакая безопасность, и всякий ожидает ее как *манны небесной*. Но административная или *бюрократическая сила* не хочет выпустить власти из своих рук». («Русск. Стар.», 1891. № 6. С. 652).

⁴ Т. XIX. «Дела о преоб. суд. чист.», «Журн. Госуд. совета», 1862. № 65. С. 336–367.

⁵ Многие думают, писал М. Н. Катков в защиту радикализма, что правило благоразумия требует не *вдруг* заводить хорошее, но понемножку, по частям. К сожалению, они забывают, что всякая система может развиваться и принести пользу только тогда, когда взяты ее начала *во всей их истине и полноте*. Важны не разрозненные части системы, важен *жизненный дух* ее, важны ее начала. («Русск. Вест.», 1860. № 2).

также и из заключения министра финансов Рейтерна, который наряду с финансовыми затруднениями и чуть не с большею настойчивостью указывал на затруднительность приискания достаточного числа лиц даже для замещения судебных должностей в двух округах⁶.

В виду этого, меньшинство комиссии сочло себя вынужденным еще раз коснуться тех возражений, которые приводились раньше, в 1862 г., против плана радикальной судебной реформы и устранены были тогда же. Против довода, что общество не подготовлено, приводилось следующее возражение: «Если законодательные предположения правильны, то они *благовременны*: трудно думать, чтобы люди где-нибудь и когда-нибудь были приготовлены к дурному и были не зрелы для хорошего. Разумный закон, рассуждает меньшинство, никогда не сделает зла. Может быть, по каким-либо обстоятельствам и даже по самому свойству закона нового он не будет исполняем согласно с истинным его смыслом, но гораздо вероятнее, что он тотчас же глубоко пустит свои корни (как известно, эта разумная вера вполне оправдалась, в особенности относительно суда присяжных) и составит могущественную опору спокойствия и благоденствия государства». Иные «патриоты» даже в наше время поднимают на смех этот «оптимистический и идеалистический» взгляд и с ирониею указывают на невозможность применения современного европейского строя к «дикарям» Дагестана⁷. Но «легкомысленные» либералы судебной реформы не были такими плохими патриотами, чтобы русский народ приравнять к «дикарям».

Опасение затруднений в Приложении Судебных Уставов, говорили их составители, неосновательно, так как Уставы эти основаны на началах, выработанных не одною только теориею, но и опытом *всего образованного человечества*. Опасение неприменимости этих начал к нашей общественной жизни столь же немислимо, как и сомнения в том, что мы имеем *общечеловеческие способности и потребности*⁸.

⁶ См. Т. *LXIX* н. д. С. 36, оконч. сообр. комиссии.

⁷ См. поразительные своим легкомыслием «Очерки современной России». С. 402.—А. М. Унковский признавал столь естественным суд присяжных, что считал его применимым даже и к дикарям. (См. выше главу 1 §9).—В 1895 г. при Министерстве юстиции созвано было совещание старших председателей и прокуроров палат и оно почти единогласно (18 голосов против 2) признало деятельность суда присяжных безупречною. См. статью руководителя совещания А. Ф. Кони в № 4 «*Журн. Мин. Юст.*» 1895 г., а также брошюру мою «Суд над судом присяжных». М., 1895.

⁸ См. н. д. Т. *LX*. Собр. ком., ст. 34.

Затем, переходя к обсуждению вопроса, действительно ли невозможно повсеместное введение судебной реформы по неимению финансовых средств и достаточного, подготовленного персонала юристов, меньшинство высказывает следующие соображения: «Недостаток денежных средств, коими может располагать правительство, независимо от общих экономических условий, происходит в особенности от несовершенства основных органов отправления правосудия, составляющего главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги без кредита не составляют капитала производительного, а кредита не может быть при беспорядке в судебном ведомстве, и потому, если действительно нет денег, то усовершенствования судостройства не только полезны, но и необходимы, и горестное обстоятельство, что денег нет, составляет не возражение против усовершенствований, а доказательство их необходимости.

«Недостаток людей еще менее может, — рассуждало меньшинство, — остановить правильные предположения преобразования судебных мест. Законы не могут создавать людей, но, тем не менее, если законы таковы, что люди находят в них средство для достижения дурных целей, то люди развращаются; если законы эти так неясны, что их не понимают и не могут понять, то люди и не знают законов; если законы таковы, что они не могут быть строго исполняемы даже добросовестными людьми, то люди не исполняют законов, а потому, если возражения о недостатке людей понять в том смысле, как оно обыкновенно приводится, т. е. что нет достаточного числа людей добросовестных, знающих законы и могущих их приводить в действие, то усовершенствования законов становятся необходимыми, ибо без того и не будет людей в этом смысле; следовательно, и это возражение составляет также не возражение, а доказательство необходимости преобразования судостройства в тех государствах, где законы по этому предмету считаются по какой-либо причине недостаточными. Притом не следует преувеличивать недостатка собственно в образованных юристах. У нас существуют уже несколько десятков лет шесть университетов, четыре лица и училище правоведения. Число обучавшихся в этих заведениях юридическим наукам не может быть незначительно. Из окончивших курс в одном училище правоведения состоит на службе 435 юристов. Если вообще до сих пор в судебном ведомстве было немного образованных юристов, то явление это объясняется тем, что доселе все служебные преимущества и законные выгоды были не на стороне судебного ведомства. Но если судебная часть получит организацию, достойную ее важного назначения, и если служба по судебному ведомству, как того тре-

бует справедливость и польза, будет иметь особенные преимущества, то не подлежит сомнению, что число образованных юристов, желающих служить на том поприще, к которому они преимущественно приготавливались в училищах, будет весьма достаточно для преобразования судебной части».

Мнения большинства и меньшинства Бутковской комиссии были переданы на заключение министров, сенаторов, обер-прокуроров и специалистов, знакомых теоретически и практически с процессом⁹. Среди *практиков* многие одобряли мнение меньшинства.

При окончательном обсуждении вопроса было принято Государственным советом мнение большинства Бутковской комиссии и, таким образом, решено было ввести Судебные Уставы только в Санкт-Петербургском и Московском судебных округах (в 10 губерниях) с тем расчетом, чтобы во всей Европейской России открыть новые суды в течение четырех лет (на самом деле, как известно, даже к 25-летию не осуществлено это намерение). Что касается вопроса об отдельном введении мировых установлений, то в Государственном совете возникло разногласие: 17 членов¹⁰ полагали возможным ввести их в 19 губерниях, 24¹¹ — признавали такое частное введение неудобным.

II

19 октября 1865 г. было Высочайше утверждено Положение о введении в действие Судебных Уставов в двух судебных округах — Санкт-Петербургском и Московском. Тотчас после обнаружения Положения начались в Министерстве юстиции, под высшим наблюдением министра Д. Н. Замятина и при главном руководстве товарища его Н. И. Стояновского, обширные и разнообразные подготовительные работы по открытию новых судебных установлений. Предстояла масса кропотливой и хлопотливой работы по ликвидации старых судов по устройству внутреннего быта нового суда. В течение полугода в де-

⁹ См. Т. LXIII Дела о преобр. суд. части.

¹⁰ Кн. Гагарин, гр. Сумароков, Бахтин, Норов, кн. Горчаков, Брок, Мятлин, Ковалевский, Княжевич, Назимов, Тымовский, Платонов, Муханов, гр. Толстой, Гернгросс.

¹¹ Великий князь Константин Николаевич, гр. Клейнмихель, бар. Корф, граф Строганов, Танеев, Гасфорт, Литке, гр. Панин, Плаутин, гр. Муравьев 2-й, гр. Муравьев-Амурский, Игнатъев, кн. Суворов, бар. Ливен, Толстой, Д. Милютин, Валуев, Рейтерн, Татаринов, Н. Милютин, Замятин, Граббе, Герстфельд, Мезенцев.

партаменте Министерства юстиции (директором в это время был барон Врангель, вице-директором Б. Н. Хвостов) кипела работа, можно сказать, день и ночь. Министерство озабочено было не только приисканием персонала для замещения массы новых судебных должностей и приспособлением зданий для помещения судов, но и выработкой мелочных, но необходимых правил канцелярского распорядка, изготовлением форм делопроизводства, составлением рисунков знаков для должностных лиц и даже составлением руководств по русской стенографии¹².

Немало было затруднений, как это ни кажется странным, по приисканию приличного здания для нового суда в самом Петербурге. В этом по преимуществу «казенном» городе оказалось крайне трудным найти и приспособить здание для петербургского окружного суда и судебной палаты. Были толки о приспособлении здания Синода, инженерного замка и проч., но, наконец, Д. Н. Замятнин остановился на неуклюжем здании старого арсенала на Литейном. Архитектор Шмидт взялся приспособить здание, и всю зиму 1865 г. работы продолжались безостановочно, и даже ночью работали при электрическом освещении. Выбор был не из очень удачных, но при данных обстоятельствах ничего нельзя было лучше придумать во избежание затянуть открытие нового суда. В Москве было приспособлено монументальное здание сената; в губернских же городах, куда лично ездил Д. Н. Замятнин, пришлось довольствоваться старыми зданиями присутственных мест, в общем, очень ветхими и неудобными¹³.

Другой вопрос, вопрос несравненно большей важности — это было назначение на судебные должности. Этот вопрос сильно озабочивал творцов Судебных Уставов. Чтобы не откладывать реформу

¹² Какое большое значение придавалось этому вопросу явствует из того, что сначала Министерство юстиции сносилось по этому предмету с дрезденским стенографическим обществом, а потом была образована, согласно Высочайше утвержденному положению Совета министров, специальная комиссия под председательством попечителя учебного округа И. Д. (впоследствии графа) Делянова. Она объявила конкурс за лучшее руководство в русской «быстрописи» или «краткописи» и признала нужным ввести преподавание стенографии в некоторых петербургских гимназиях и открыть публичные курсы. (См. *«Журн. Мин. Юстиции»*, 1865. № 11. С. 257–259).

¹³ См. подробности: в моей «Странице из истории судебной реформы». М., 1883. Гл. VI, а также: в превосходной статье сенатора д-ра А. Ф. Кони (*«Книжки Недели»*, 1882. № 3) «Новые мехи и новое вино», в живом очерке передающей историю устройства нового суда и его первых дебютов.

в долгий ящик, они решились даже на исключительную меру, и предлагали в течение первых трех лет лишить судей прерогативы несменяемости. Но Государственный совет имел дальновидную проницательность сообразить, что отмена несменяемости, *именно в первые годы*, может совершенно исказить молодое учреждение, и отверг проектированное ограничение¹⁴. Министру юстиции приходилось, таким образом, делать выборы крайне ответственные, бесповоротные и почти предрешавшие судьбу великого начинания. Затруднительность положения Замятнина увеличивалась тем, что нужно было сразу, одновременно, найти кандидатов на огромное число должностей: 8 сенаторов, 50 председателей и их товарищей, 144 члена палат и окружных судов, 192 судебных следователя, 123 чина прокурорского надзора. С другой стороны, Замятнин лишен был только драгоценного подспорья, которое дает ст. 213 учр. суд. уст. в виде рекомендации судебных коллегий на открывшуюся вакантную должность. Однако Замятнин, благодаря деятельному содействию Н. И. Стояновского, с честью вышел из своего крайне затруднительного и щекотливого положения.

Чтобы удачно выполнить свою трудную задачу, Д. Н. Замятнин решил отступить от административной рутины, обыкновенно руководствовавшейся или числом лет сидения на одном месте или «протекцией». Замятнин взял другой критерий: личные дарования, основательное знакомство кандидатов с юридическими науками и судебную опытность, а также личное знакомство с ними и близкое наблюдение над их деятельностью. С этой целью он часто посещал судебные места и внимательно следил за гласным судоговорением, которое с конца 1865 г. уже открыто было в старых судах¹⁵, обозревал делопроизводство и проч. Благодаря этому новому методу, Замятнин, в общем, подобрал такой блестящий персонал первого назначения¹⁶, который и прежде и теперь вызывает всеобщее удивление и признательность. Память об этих первых благородных пионерах суда «правого и милостивого» до сих пор живет в памяти нового суда.

¹⁴ См. с. LXVIII Дела о преобраз. суд. части в России.

¹⁵ См. об обстоятельствах, при коих состоялось назначение первого председателя С.-Петербургского окружного суда Г. Н. Мотовилова. *«Жур. Граж. и Угол. Права»*, 1881. № 6.

¹⁶ Список напечатан в приложении к названной книге моей. — В указанной статье сенатора Кони имеются и меткие характеристики первых судебных деятелей. — Полный список персонала петербургских судебных установлений см. в юбилейном издании Хартулари — «Итоги прошлого». СПб., 1891.

Откуда явилось столько талантливых, знающих и честных людей, сразу сумевших освоиться с новыми, незнакомыми формами судопроизводства, возвысить судебное дело и судейское звание так, что вчерашний невежественный продажный суд казался чем-то страшно отдаленным, преданием старины глубокой? Кроме высоких нравственных качеств, в общем, удачно подобранного персонала, тут очень много значила *школа*, созданная судебною реформой, благодаря неменяемости и тому духу доверия и уважения к честной независимости судьи, к его человеческому достоинству, которыми проникнуты Судебные Уставы. По справедливому замечанию одного из публицистов того времени, а именно Каткова, «различие между старыми и новыми судами заключалось в том, что прежние портили людей, а новые исправляют их и воспитывают»: *Великое учреждение* тем и бывает велико, — говорил тот же публицист, — что *создает* людей, способных проводить в жизнь созданное им новое начало»¹⁷.

Судебная реформа доказала, — говорил «*Вестник Европы*» вскоре после открытия новых судебных установлений, — что наше общество не так безлюдно, как на то ссылаются часто, желая доказать, что у нас реформы преждевременны. Реформа сделана чуть не вчера, а далеко не вчера родились люди, взявшие на себя с самоотвержением и охотою тяжкие обязанности судей. Не служит ли это доказательством, что так называемое безлюдье бывает часто не что иное, как *отсутствие возможности для людей честного характера, прямого ума обнаружить свою деятельность?* Нам нередко говорят: «Вы будьте прежде сыты, а затем мы дадим вам есть», между тем не замечают того, что можно жить в известных условиях, которые не позволяют человеку обнаружить своих достоинств»¹⁸.

III

Трудные и сложные приготовления были окончены, и на 17 апреля, день рождения Царя-Освободителя, было назначено открытие в Петербурге *первых* судебных установлений нового образца. Ввиду печального события 4 апреля 1866 г., сначала предполагалось отложить торжество открытия нового суда, но впоследствии решено было держаться первоначальной программы.

14 апреля Александр II посетил только что отделанное здание нового суда на Литейном проспекте. Замятнин представил Государю вновь

¹⁷ См. «*Моск. Вед.*», 1866. № 273.

¹⁸ См. «*Вестник Европы*», 1866. № 4.

назначенный судебный персонал, к которому на прощанье Александр II обратился с следующими словами: «Я надеюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вам доверие и будете исполнять новые ваши обязанности добросовестно, по долгу чести и верноподданнической присяги, что, впрочем, одно и то же. Итак, в добрый час, начинайте благое дело». Освящение здания судебных установлений происходило 16 апреля, а торжественное открытие — 17 апреля. По описанию тогдашних газет, торжество сопровождалось неприятными метеорологическими предзнаменованиями: в этот день в Петербурге стояла отвратительная погода — с утра дул холодный ветер и шел снег и дождь, вскрывшаяся перед тем Нева покрылась тонким слоем льда¹⁹.

В половине второго, согласно Высочайше утвержденному церемониалу, собрались в здании нового суда послы, члены Государственного совета, сенаторы и новый судебный персонал. Товарищ министра юстиции, Н. И. Стояновский прочел высочайшие повеления 19 марта и 13 апреля 1866 г. об открытии судебных установлений; директор департамента, бар. Врангель, — список лиц, назначенных на судебные должности, и список присяжных поверенных. Затем министр юстиции, Д. Н. Замятнин (1881), произнес следующую речь: «На вашу долю выпал завидный жребий, — так начал Замятнин, — провести в жизнь многозначительные слова августейшего монарха: „Правда и милость да царствуют в судах“. Велико доверие, оказанное вам этим выбором. Вам доверяется охранение самых священных интересов отдельных лиц, общества и целого государства. Вместе с тем вам открываются и все способы для возможно успешного достижения высокой цели. Царь-Освободитель, даровавший сперва крестьянам свободу от крепостной зависимости, потом сливший отдельные сословия в одну земскую семью, совершает ныне над судебною властью новый подвиг своей благотворной деятельности и дает всем судебным установлениям от высших и до низших *полную самостоятельность*. Но вспомним, — продолжал оратор, — что чем выше благо, тем большие оно налагает обязанности и ответственности. Не сомневаюсь, что вы ими вполне прониклись. Никому уже не будет права ссылаться в оправдание своих действий и решений ни на несовершенство порядка судопроизводства, потому что каждому даются в руководство полные Уставы, составляющие, можно сказать, последнее слово юридической науки, ни на недостатки законов о доказательствах, потому что определение силы их предоставлено голосу совести. Вы не будете иметь возможности ссылаться и на предписания начальства. Государь, и с ним вся Рос-

¹⁹ С. «Моск. Вед.», 1866. № 63.

сия, — продолжал министр, — ждут от вас водворения суда скорого, правого, милостивого и равного для всех, утверждения в нашем отечестве того уважения к закону, без которого немислимо общественное благосостояние. Уважение это распространится только тогда, когда вы первые будете подавать пример строгим и точным исполнением предписаний закона, когда все убедятся, что кто бы ни прибегнул к вашему суду, богатый или бедный, вельможа или простолюдин, всякий найдет у вас *равную* защиту и покровительство своим законным требованиям и *самое* противодействие несправедливым стремлениям. Завязывая свои глаза перед *всякими внешними и посторонними влияниями*, вы тем полнее раскроете внутренние очи совести и тем беспристрастнее будете взвешивать на весах правосудия правоту или неправоту подлежащих вашему обсуждению требований и деяний.

«Но для полного успеха предпринимаемого судебного преобразования недостаточно одной деятельности судебных установлений. Здесь необходимо благонамеренное содействие вновь образуемого у нас сословия присяжных поверенных. Вам, господа, посвящающим себя на защиту перед судом законных прав лиц, лишенных возможности самим это исполнить, — сказал министр, обращаясь к присяжным поверенным, — предстоит на избранном вами поприще много труда и большая ответственность. Судебные места при разрешении дел будут руководствоваться преимущественно теми данными, которые вы им представите; поэтому во многих случаях от ваших познаний и образа действий будут зависеть благосостояние и честь ваших доверителей. Одно уже поступление в сословие присяжных поверенных дает право предполагать, что вы постигли всю важность вашего будущего круга действий и что вы все единодушно, рука об руку с судебными властями, пойдете по пути, предуказанному вам священным чувством долга, точное исполнение которого стяжает вам высшую для вас награду — общественное доверие и уважение»²⁰.

²⁰ «Журнал Министерства Юстиции», 1886. № 4.

В 1897 г. и Сибирь дождалась, наконец, введения Судебных Уставов, но к несчастью, без главного органа истинного правосудия, без суда присяжных.

Очень рельефно и метко очерчены в речи, произнесенной 2 июля 1897 г. министром юстиции Н. В. Муравьевым в Иркутске при открытии новых судебных установлений, как значение новой судебной магистратуры, так и духа и основной тенденции правосудия по уставам Александра II, которые с течением времени стали, к сожалению, забываться и в коренной России под влиянием окружающих неблагоприятных обстоятельств. «Суд по Судебным Уставам, — сказал статс-секретарь Муравьев, — тот суд, над входом которого нет других слов,

Открытие нового суда было встречено восторженным сочувствием со стороны общества и печати. С.-Петербургская Дума во всеподданнейшем адресе своем, между прочим, писала: «Открытие нового суда наполнило радостью сердца всех верноподданных, какую Россия испытывала в лучшие минуты своего исторического существования».

кроме правды и милости, — это суд, отправляемый от царского имени высокою судебною властью, суд отдельный и независимый — не тем, конечно, чтобы органы его составляли объединенное, ревниво замкнутое в себе ведомство, а тем, что никто и ничто сверх закона и совести не управляет и не руководит правосудием. Задачи суда обуславливают дружное в законных пределах единение его с другими правительственными властями, но те же задачи не допускают, без ущерба для дела, смешения полномочия и ведения. И потому полицейское следствие отходит в область прошедшего; судебные действия, приговоры и решения поверяются единственно в порядке судебных инстанций и уже не подлежат ничьему постороннему контролю или утверждению. Суд отправляется не заурядными чиновниками, а *судебными деятелями*, совмещающими вместе с нравственными и умственными качествами, требуемыми судебною службою, еще строгие условия образования и практической подготовки. Судебная карьера судебных чинов обставлена точными правилами; судьба каждого, прежде всего, в его собственных руках, завися от его трудов и способностей; свобода судейской совести ограждается *несменяемостью* коллегияльных судей; суды сами поддерживают и охраняют внутреннюю свою дисциплину, но зато в отдельности и коллективно несут и ответственность за всякое ее нарушение». Если не *de facto*, то *de jure*, таков именно суд, созданный Уставами Александра II, но строй этот, к сожалению, сильно поколеблен последующими новеллами и практикою.

Разъяснению духа судебной реформы г. министр посвятил следующие прекрасные строки: «Суд совершается устно, т. е. судьи видят перед собою живых людей, слышат живую их речь, судят по непосредственным личным своим впечатлениям, а не по мертвым бумагам, которые так часто бывают слепы и глухи к жизненной правде. Суд творится публично, открыто, на виду у всех, на глазах у общества и не с ограниченным, как бы едва терпимым допущением посторонних слушателей и зрителей, а с тою широкою обычною гласностью, которая, составляя основную черту новой юстиции, вошла в плоть и кровь ее и предполагает не одно только удовлетворение любопытства или любознательности, но и свободное обсуждение, критику. Сбросивший оковы формализма и письменности, выведенный на свежий воздух из мрака и духоты канцелярии, новый суд не столько разыскивает, сколько с спокойствием беспристрастия разрешает без ухищрений, по закону и убеждению, проис-

Что касается печати, то она в стихах и в прозе горячо приветствовала радостное событие, «долженствовавшее положить ясную черту между настоящим и грядущим»²¹. Отец известного юриста Ф. А. Кони на обеде, данном в Петербурге в клубе художников 17 апреля в честь открытия нового суда, приветствовал это событие в следующих стихах:

ходящий перед ним правомерный суд двух равноправных сторон: обвинителя и обвиняемого, истца и ответчика. Всякий считается правым и честным, пока противное не будет доказано тем, кто ищет или обвиняет. Из столкновения фактов и мнений добывается истина, но всякое в ней сомнение толкуется не в сторону подозрения или взыскания, а в пользу правоты и невинности. Суд ведает по делам, не по лицам; перед ним равны сильный и слабый, богатый и бедный; суд воздает каждому должное, но помнит, что кому много дано, с того много и взыщется. Суд признает в каждом пред ним предстоящем его *человеческую и гражданскую личность*, его неотъемлемые права. Даже карая и взыскивая, суд *бережет человека, а не угнетает и унижает его*. И самый закон, этот высший принцип судебной деятельности, прилагается новым судом не как механическое, сухое воздействие на людей, а как благотворная сила, вносящая в общежитие мир, покой и порядок. Общественная жизнь и частное личное существование должно сделаться легче при новом суде». С искренним удовольствием прочтут почитатели Судебных Уставов эти старые заветы их, отошедшие, казалось, в область «забытых слов».

Приглашая деятелей судебного ведомства «к сознательному и идейному служению высоким началам преобразованного суда», г. министр юстиции напомнил, что судьи существуют для общества, а не наоборот, что правый и равный суд может быть только при скорости, потому что всякая правда теряется при судебном томлении. В заключение своей речи статс-секретарь Муравьев указал новым пионерам правосудия об их высоком призвании водворить законность на окраине, искони лишенной этого блага: «Некогда Русь, — говорил он, — силою, оружием, кровью покорила Сибирь, теперь черед завоевания светом, законностью, справедливостью». Говоря о трудностях нового положения, оратор с чрезвычайной теплотою отозвался об условиях живого отправления судейских обязанностей. «Последним общим моим пожеланием да будет, — сказал он, — то драгоценное свойство убежденной работы, тот чудный дар неба, который одушевляет самого скромного труженика, животворит самую тяжелую деятельность. Любите, господа, судебное дело, вам вверенное, — оно достойно того; влагайте в него душу живую, болейте за него сердцем, радуйтесь преуспеянию его — и, укрепляясь и совершенствуясь, оно само подкрепит и поддержит нас в горькие минуты уединения и испытания». («Ж. М. Ю.», 1897. № 7).

²¹ См. «Моск. Вед.», 1866. № 156.

*На рубеже тысячелетья
Возник в России человек,
Какого ждали мы столетья,
Кто славой озарил наш век.
Питомец пылкого поэта
И правды ревностной стратег,
Среди дворца, в молодые лета –
Он боли русские постиг
И порешил в уме державном,
Воссев на прадедовский трон,
Поставить в царстве православном
Свободу, правду и закон.*

* * *

*«Нам рано, рано!» в злобе страстной
Кричал испуган барства цвет...
– Пора! Сказал Он им в ответ;
Махнул рукой своей всевластной –
И бысть в России свет!
Печальный гул народных стонов
Он в клик восторга превратил;
Снял узы рабства с миллионов
И цепи узников разбил.
Свободной мысли и глаголу
Он дал гражданские права,
И смело к царскому престолу
Пошла народная молва.
Гордится Русь! Ликуют села!
Свободной воле нет препон,
И на обломках произвола
Царит теперь закон.*

IV

Лучшая часть политической прессы без различия оттенков с нескрываемым восторгом приветствовала введение Судебных Уставов в действие, как зарю «обновления России» и водворение в ней порядков, благодаря которым «становится возможным жить в ней, как в стране цивилизованной»²². «Одно из самых необходимых и самых плодотворных»

²² См. «Моск. Вед.», 1866. № 198.

творных условий цивилизации, — писали „*Моск. Вед.*“ в разъяснение значения нового суда, — есть правильное судебное устройство, и его *впервые* получает Россия. Народная жизнь, где стихия права не имеет надлежащего развития, *не способна* ни к какому благоустройству и находится в состоянии *варварства и бессилия*; все, чем только дорожит человеческое общество, предполагает *прежде всего* идею *законности* и обеспечивается прежде всего ее развитием и осуществлением в жизни. Законность же и право становятся действительностью, где суд есть *сила независимая и самостоятельная*. Только с точки зрения *нового* судебного преобразования раскрывается широкая перспектива нашей политической будущности. С этим преобразованием входит в нашу жизнь *совершенно новое* начало, которое положит явственную грань между прошедшим и грядущим, которое не замедлит отозваться *во всем...* Действие его не ограничится только сферой собственно судебных установлений: как тонкая стихия, она *разольется повсюду* и всему даст новое значение, новую силу. Суд, отправляемый публично и *при участии присяжных*, будет *живою общественною силою*. Суд независимый и самостоятельный, *не подлежащий административному контролю, возвысит и облагородит общественную среду*, ибо через него этот характер независимости сообщится и *всем проявлениям* общественной жизни. Только благодаря этому нововведению, то, что называется *законною свободою* и обеспечением права, будет уже *не словами*, а делом... Вот какому великому делу полагается теперь основание, вот до чего суждено было дожить нам, вот что представляется живущему ныне поколению²³ *утвердить и ввести в силу*».

²³ См. «*Моск. Вед.*», 1866. № 86. До какой неразборчивости в средствах борьбы против суда доходили «родовитые представители этого поколения», «революционные консерваторы», как их назвал Самарин, можно судить по следующему образцу, сообщаемому Никитенко: в английском клубе (в Петербурге) члены сделали складчину для выкупа долгов грязного памфлетиста И. Арс. за то, что «он взялся ругать новые суды», что он и исполнил тотчас после выхода из долговой тюрьмы к удовольствию своих высокопоставленных покровителей (Никитенко, III, 161). Самые опасные враги наши, замечает Никитенко, не поляки, не нигилисты, а те государственные люди, которые делают нигилистов: это закрыватели земских учреждений и подкапыватели судов. Ничего нет невозможного, если наше земство и суды наши будут подорваны этими врагами. — Лучше не давать ничего, чем, давши, брать назад. У крепкого здорового тела выросла на носу бородавка. Вместо того, чтобы употребить местное средство или даже оставить ее так, потому что она в сущности ничему не мешала, невежда доктор отрезает нос. В будущности России я не отчаиваюсь, потому

Выполнило ли современное открытие нового суда поколение это свое благородное назначение и, если не выполнило, то какие были к тому препятствия? Лучший ответ²⁴ на этот вопрос находим в статье

что народ есть все-таки сила, но я отчаиваюсь в том, чтобы в России установилась когда-нибудь хорошая администрация («Дневник», III, 156).

²⁴ Еще в 1884 г. акад. Никитенко писал: «Новые законы (Судебные Уставы) сначала наделают много суматохи. Их не сумеют ни понять, ни оценить, ни применить. Но не должно от этого приходить в отчаяние, как не должно приводить в отчаяние от летнего дождя, который смачивает на вас платье, но приготовляет обильную жатву». («Русск. Стар.», 1891. № 5. С. 420).

Чрезвычайно неблагоприятным условием для правильного действия новых судов было то обстоятельство, что вдохновителем внутренней политики в 60-х гг. был П. А. Валуев, человек непомерного властолюбия, самонадеянности и нетерпимости. Выдвинувшийся в 1855 г. благодаря своим либеральным взглядам (см. гл. V), он стал в 1862 г. орудием «мягкостелющей» реакции, «мягкие формы» коей особенно возмущали Салтыкова («Ах! как бы я тебя жамкнул, кабы только умел». Соч., II, 12). В «Думе Русского» осуждавший николаевские времена за «нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания», П. А. Валуев, став министром, сделался нетерпимым до крайности, с особенною, чисто болезненною, по свидетельству Никитенко, раздражительностью начал относиться к первым самостоятельным шагам печати, освобожденной от предварительной цензуры (см. гл. VII), и должен был неминуемо столкнуться с независимым новым судом. Если даже старые суды, вполне зависимые от администрации, не всегда решались ломать законы в угоду прихотливым указаниям Валуева, то новые суды должны были оказаться еще менее способными угодить ему. Первый же литературный процесс в С.-Петербургском окружном суде в августе 1866 г. вывел Валуева из себя. Судились временный редактор «Современника» АН. Пыпин и один из главных его сотрудников (впоследствии управляющий Государственным банком) Ю. Г. Жуковский за «Вопрос молодого поколения», в котором П. А. Валуев видел оскорбление дворянства. Окружный суд (конечно, без присяжных) оправдал подсудимых, от чего П. А. Валуев пришел в страшную ярость, хотя дело подлежало еще обжалованию во вторую инстанцию. Раньше, чем состоялось решение второй инстанции (она подсудимых обвинила и назначила им легкий арест, чему они крайне обрадовались, так как опасались административной высылки в случае вторичного оправдания), вошел к государю с докладом о немедленной смене, вопреки ст. 243 Учр. суд. уст., без следствия и суда председателя окружного суда Г. Н. Мотовилова. Удаление Мотовилова совсем было уже дело решенное, не состоялось только благодаря современному вмешательству министра юстиции Д. Н. Замятнина, сославшегося на неудобство смены судьи без следствия и суда после только что

ях той же газеты, наглядно указывающих на неблагоприятные условия, среди которых пришлось действовать новым судебным учреждениям. «Новый вступающий в жизнь порядок, — заявляла газета М. Н. Каткова, — встречается со старыми понятиями и навыками, и весьма естественно возникает опасение, что он будет понимаем неправильно. Новые порядки должны сталкиваться со старыми, которые существуют издавна и господствовали до сих пор исключительно. До сих пор бюрократическая администрация была у нас *все во всем*. Прежние судебные учреждения были только придатком к администрации. Теперь является новое начало, которое должно оказать действие *повсюду* и видоизменить весь строй нашего гражданского быта. Будут делаемы разного рода покушения²⁵, попытки, — меланхолически замечала газета, — подорвать силу нового порядка. Так везде (?) и всегда (?) бывает»²⁶.

Когда это опасение стало оправдываться, и уже летом 1866 г. стали обнаруживаться «покушения подорвать силу» новых судебных порядков (ограничить гласность и независимость суда), «*Московские Ведомости*» ответили целым рядом замечательных по искренности и убедительности статей²⁷, направленных против врагов судебной реформы,

провозглашенной несменяемости, тем более, что Мотовилов не только не участвовал в заседании по делу «*Современника*», но и уехал из Петербурга, пользуясь вакантным временем. Но Валуев не унялся. Он внес в Государственный совет, даже не снесясь вопреки ст. 201, т. I Общ. Наказ. с министром юстиции, проект новых правил о суде по делам печати, в коем он, между прочим, требовал безусловного подчинения прокуратуры по делам печати указаниям цензурного ведомства. Это домогательство было отвергнуто Государственным советом, но Валуев добился издания *первой* новеллы к Судебным Уставам — закона 12 декабря 1866 г., коим для дел о печати первую инстанцию назначалась судебная палата, и число инстанций с трех сводилось к двум. М. Н. Катков выразил сильный протест против такого стеснения прав печати, ссылаясь на неудобство уничтожения для нее целой инстанции.

²⁵ Сравнивая форму деятельности суда и администрации, та же газета писала: «Покуда суд будет действовать размерно на одной хотя и большой своей дорожке, не *дерзая* отступать от определений закона, у администрации будут в распоряжении *тысячи проселочных* путей, на которых она может действовать быстро и свободно распоряжаться по своему усмотрению». (*Моск. Вед.*, 1865. № 92).

²⁶ «*Моск. Вед.*», 1866. № 146 и 198.

²⁷ Акад. Никитенко, отмечая с сочувствием борьбу М. Н. Каткова с Валуевым и вообще с администрацией из-за нового суда, приводит массу фактов в подтверждение крайне враждебного отношения администрации к новому суду.

«принимающих личину консерватизма». «Все, что есть живого, мыслящего, разумеющего, — писал Катков, — не может не быть глубоко затронуто судьбою возникающего на Руси нового порядка. Не было ли бы грустно, если бы отмена крепостного права ограничилась только его формой и оставила его сущность? Но было бы не менее грустно, если новый порядок был только формой *без сущности*. Вот почему оскорбителен всякий *намек*, клонящийся к тому, чтобы затемнить сущность нового порядка вещей, чтобы из него *вынуть его душу* и оставить шелуху, которая давала бы сильнее чувствовать тщету начинания. Действительно ли наше судебное преобразование должно вывести на *но-*

Главная задача гр. П. А. Шувалова (шефа жандармов) и П. А. Валуева (мин. внутр. дел), — пишет он еще осенью 1866 г., — вдвоем управлять Россиею полицейским образом, один посредством общей, другой посредством тайной полиции, и подорвать суды, т. е. взять их *под опеку администрации*. — Он же передает, что Валуев отстоял «*Весть*», где была напечатана по его заказу (sic) статья, обвиняющая суды в революционных стремлениях (см. «Дневник», III, 115–119). Особенное ожесточение против суда вызвало оправдание чиновника Протопопова, обвинявшегося в нанесении удара начальнику своему гр. Кошкелю (см. «Итоги прошлого», К. Ф. Хартулари. СПб., 1891. С. 3 и след.) и признанного душевнобольным. Несмотря на это, Валуев и др. делали большие усилия, чтобы добиться кассации вердикта. По поводу оправдания Протопопова «*Весть*», пишет Никитенко, прямо обвиняет суд в революционных стремлениях (статья была внушена П. А. Валуевым. С. 119 «Дневника»). Неудивительно, — продолжает Никитенко, — если с судами последует то же, что с земскими учреждениями (т. е. парализация. С. 159). Вот будет скандал, если Сенат отменит решение суда и велит наказать бедного Протопопова, признанного сумасшедшим, как этого желают Валуев и некоторые другие чиновники «для примера другим». Кому? сумасшедшим? — спрашивает Никитенко (С. 146–147). После дела Протопопова, сообщает Никитенко, отняли портфель у мин. юст. Замятина (С. 148), а когда Сенат отверг протест прокурора по делу, Никитенко пишет: «Событие замечательное и отрадное». (Т. III. «Дневник». С. 153). — П. А. Валуев враждовал с новым судом также за литературные процессы, в которых судьи не могли без нарушения закона усвоить «политику» Валуева, основанную на личных интересах (см. Никитенко, III, 48, о мотивах первого предостережен. «С.-Петербург. Ведом.»), личной вражде и стремлении *de facto* отнять у печати дарованные законом льготы (см. там же, 58, 75, 128–129). Даже старые суды отвергали раздутые обвинения, предъявляемые цензурою, например, по делу Краевского и др. (С. 77) и тем более независимости показывали новые суды, например, по делу Пыпина и Жуковского (С. 116). Вслед за этим делом, как сказано, Валуев добился изменения подсудности по делам печати.

вые пути, дабы Россия могла держаться *достойным образом среди других наций*, чтобы гений ее народа мог обнаружить свою силу, оправдать наше прошедшее, оплодотворить наше настоящее? *Правда ли*, — патетически вопрошал Катков, употребляя любимую Герценовскую фигуру, — что это *всеоживляющее, всевозбуждающее* начало публичности, дающее всему свет и призывающее всех к сознательному участию в интересах своего отечества, — начало, без которого ничто не *может правильно и плодотворно развиваться, ничто не может уберечься от порчи и гниения*, ничто не может быть обеспечено от обманов и злоупотреблений, *правда ли*, что это начало вошло в нашу жизнь, или это только *мерцание*, лишенное сущности, призрак, готовый исчезнуть? *Правда ли*, что в настоящее время положены основы независимой судебной власти; *правда ли*, что мы имеем судебные учреждения, которыми обеспечивается закон и право, и *весь народ* привлекается к действительному участию в правосудии? Есть ли это действительность или это только *фантом*? Для вида ли только судебная власть признана независимой и самостоятельной, и она поставлена так, что для нее обязательны только закон и правда?»

После известного рескрипта на имя председателя Комитета министров князя П. П. Гагарина, последовавшего 13 мая 1866 г.²⁸, и издания Положения Комитета 22 июня 1866 г. о пространстве и пределах губернаторской власти мин. юстиции Замятнин вынужден был разослать согласно Положению циркуляр²⁹, в котором он разъяснил, что

²⁸ Рескрипт, — пишет Никитенко, — произвел неприятное впечатление. Полагают, что он еще больше уронит наш кредит за границею, а внутри он может подать повод к злоупотреблениям власти. Я думаю, главное его неудобство — неловкое изложение, если уж сочтено нужным излагать то, что в нем содержится. («Дневник», III, 102). В рескрипте говорилось, между прочим, что нужно иметь в виду для борьбы с социальными учениями «содействие тех других, здравых охранительных и добронадежных сил, которыми Россия обильна». Затем упоминалось, чтобы начальствующие требовали от подчиненных «того прямого, точного и неуклонного исполнения обязанностей, без которого невозможен стройный ход управления». («Север. Почта», 1866. № 62). Слова эти были поняты реакционною «Вестью» (№ 38) так, что не должны оставаться на службе лица, не разделяющие ее взгляда на дворянство. На ошибочность такого понимания возражали «Отечест. Записки» (июнь 1866. С. 11–116).

²⁹ Мин. внутр. дел П. А. Валуев также разослал циркуляр губернаторам. — Как своеобразно поняли иные губернаторы свое новое положение, можно судить по следующему факту: калужский губернатор представил высшему начальству о необходимости выслать из Калуги не то председателя, не то члена Граж-

чины судебного ведомства «в случае вызова их или приглашения обязаны непременно подчиниться законным требованиям его и оказывать ему должное уважение, на которое он, как представитель высшей в губернии власти, имеет неотъемлемое право».

«Московские Ведомости» с нескрываемым неудовольствием отнеслись к тенденции и цели этого циркуляра. Свое неудовольствие сорвал Катков прежде всего на газете «Судебный Вестник», в котором циркуляр был назван *предписанием*. Сославшись на то, что судебные места не находятся в прямом подчинении Министерству юстиции, Катков указывал, что оно не может сноситься с ними предписаниями, и потому это неправильное название он относил к недосмотру редакции «Судебного Вестника». Обращаясь к разбору циркуляра по существу, московский публицист писал: «Тщательно справляясь с Судебными Уставами, *единственным* законодательством, которое, вызвав к жизни новые суды, служит нормой отношений последних ко всем бывшим до него государственным учреждениям, мы не находим *ни малейшего*, хотя бы самого отдаленного указания на то, в каких случаях мог бы представиться губернатору повод вызвать или пригласить к себе лиц, принадлежащих к судебному ведомству. Соображаясь с Судебными Уставами, мы, например, *никак не можем вообразить себе* такой случай, чтобы губернатору представилась надобность в видах ли интересов общего управления, с одной стороны, или интересов правосудия, с другой – вызвать к себе председателя мирового съезда или окружного суда, находящихся в уездах, и чтобы тот или другой все в тех же интересах должны были оставить свои текущие занятия, ехать, быть может, за сотни верст, чтобы явиться по зову губернатора. Повторяем, Судебные Уставы 20 ноября не содержат в себе ни одного указания на возможность какого-либо соприкосновения судебных мест и власти губернатора. Это до такой степени верно, что, сколько нам известно, во всех уставах, не исключая и позднейших прибавлений к ним, слово *губернатор* только упоминается при составлении списка присяжных. А между тем нельзя сказать, что Судебные Уставы оставили сколько-нибудь неясным вопрос о порядке подчиненности судебных мест (ст. 249 учр. суд. уст.). Надобно полагать, что права, предоставленные губернаторам по отношению к лицам судебного ведомства, как сказано в самом Положении Комитета министров, «совершенно независимым» в своей служебной деятельности от их влияния, *нисколько не касаются отправления правосудия*, равно

данской Палаты за его неблагонадежность, в случае могущего последовать в Калужской губернии возмущения» (Никитенко, II, 131).

как то уважение, к которому при всей независимости своей обязываются лица судебного ведомства по отношению к губернаторам, не может состоять в исполнении каких-либо распоряжений или *внушений в делах правосудия*. Не относясь к судебным должностям, Положение, о котором идет речь, поэтому может быть принимаемо только в самом общем смысле. Так, в высокочественные дни служащие лица всех ведомств, хотя бы и совершенно не зависящие от губернатора, являются к нему с поздравлением; так же точно предполагается случай, когда губернатору может представиться надобность объяснить с председателем палаты или окружного суда по какому-нибудь делу, не имеющему прямого отношения к их служебным по суду обязанностям (ибо дела судебные строго ограждены от всякого вмешательства администрации), и в таком предположении губернатору предоставлено право приглашения к себе точно так же, как иногда приглашает он к себе частных и ни на какой службе не состоящих лиц. При этом всякий, конечно, пожелает, чтобы с успехами благоустройства *не вырас- тала, а уменьшалась* возможность подобных случаев»³⁰.

Через несколько времени пришлось снова выступить талантливо-му защитнику основ судебной реформы по поводу нападок на мировые учреждения тогдашних «революционных консерваторов», подвизавшихся в реакционной «*Вести*», и Катков заключил свою честную отповедь такими словами: «Одно мы считаем себя вправе сказать, — заявляет он, — уже и теперь великая (судебная) реформа *вполне оправдала*»³¹ те горячие надежды, какие на нее возлагались,

³⁰ «Московск. Ведом.», 1866. № 240.

³¹ В 1867 г. Никитенко сам исполнял обязанности присяжного заседателя и вынес из суда самое благоприятное впечатление. «Все велось, — заносит он в свой «Дневник», — с большим достоинством, добросовестно и с строгим соблюдением всех законных требований. Подсудимые видели, что ничего не было упущено для облегчения их судьбы, и если они подверглись каре, то эту кару наложил на них закон, а не произвол судей. Говорят, — пишет он далее, — министр юстиции (гр. Пален, единомышленник Валуева) объяснялся с председ. окружного суда и заметил, что присяжные не оправдали (? см. ниже §3 главы XII Отчет мин. юст. Замятина) ожиданий правительства, которое надеялось найти в них консервативный элемент, и находит противное (?). — Пред уходом из суда Никитенко беседовал с прокурором. Он с глубоким прискорбием жаловался на то, что администрация всячески старается вредить судам, и если встретится какая-нибудь ошибка с их стороны, администрация с ума сходит от радости. Коснувшись нынешних сессий, прокурор говорил, что он был удивлен здравомыслием и беспристрастием присяжных из крестьян (III, 156–157).

и лучшее пожелание русского патриота состоит в том, чтобы из этого здания не было вынимаемо камней, чтобы изменения Судебных Уставов допускались лишь в случае очевидной необходимости и притом согласовались с *общим духом новой системы*»³².

Трудно было рельефнее, красноречивее и искреннее выразить сущность нового суда и протест против тех враждебных условий, которые окружали его деятельность!.. За эту горячую поддержку, оказанную Судебным Уставам в трудное время их существования М. Н. Катковым, быть может, многое ему простится из последующего возмутительного поведения его относительно нового суда...

Об условиях деятельности нового суда трактовала и газета «Голос». В статье, появившейся 17 апреля 1866 г., «Голос», назвав судебную реформу «изведением русского народа из юридической неволи», писал между прочим: «Может быть, даже вероятно, что при этом исходе, подобно ветхозаветным евреям, и мы, отученные горьким подневольным прошлым от честной и разумной гражданской жизни, со всеми подобающими ей правами, не вдруг, не тотчас вступим в обетованную землю; быть может, даже вероятно, придется пространствовать по бесплодной пустыне ошибок и промахов и *опять поклоняться золотому тельцу*, которого так долго обожали. Но что за дело? Все-таки да будет благословен Моисей, изведший нас из неволи, пишущий и дающий нам скрижали нового завета для новой жизни»³³.

Все эти более или менее мрачные предсказания сбылись: блуждание по «пустыне промахов» началось скоро и продолжалось долго и длится вплоть до наших дней. По иронии судьбы впереди всех в операции «вынимания камней из здания нового суда» оказался впоследствии в своих нападках на новый суд один из вышеупомянутых публицистов — М. Н. Катков, когда-то самый горячий поборник судебной реформы.

*Не дорожим
Мы шагом к прочному прогрессу.
День, два все полны грез и веры.
А завтра с радостью глядят,
Как рановременные меры
Теряют должные размеры
И с треском пятятся назад!!!...*

³² «Моск. Вед.», 1866. № 263.

³³ «Голос», 1866. № 105.

Грустно вспомнить об этом тяжелом для нового суда времени. Новый гласный суд, суд равный, правый и милостивый, очутился в 80-х гг. под немилостивым Шемякиным судом его недавних друзей в положении травимого красного зверя. В защиту принципов нового суда при двусмысленном молчании Министерства юстиции едва раздавались отдельные голоса. В числе их нельзя не помянуть с признательностью авторитетный, честный голос И. С. Аксакова: «С легкой или вернее тяжелой руки „Московских Ведомостей“, — писал он в 1884 г., — прочие газеты и газетки с публикой вкупе хором ревут на новый суд: „ату его! ату!“ глумятся, ругаются, мечут грязь со свистом и хохотом во весь судебный персонал, во весь судебный институт с его прошедшим и настоящим, как будто кто им задал задачу не только поколебать его авторитет, но и омерзить его, сделать ненавистным в народных понятиях... Кричат и голосят о некоторых исключительных случаях, — с грустью указывал Аксаков, — и молчат о десятках тысяч решений правых, молчат о той обильной деятельности правосудия, которая водворилась теперь на нашей так *еще недавно правосудной земле!* Забывают и о множестве честных, скромных, истинно доблестных тружеников».

Указав в заключение на десятки тысяч дел, ежегодно решаемых присяжными, Аксаков заканчивает свою горячую и честную отповедь недобросовестным врагам нового суда следующими словами, которые особенно кстати вспомнить ныне: «И из всех этих десятков тысяч приговоров — ни один не запятнан *корыстью*. Сладкая, благодатная уверенность! Россия ли заплатит за нее неблагодарностью? Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благодарны: станете, как теперь, травить суд, пошатнете его прочность, его независимость — все вернется: и взятки, и мошенничество, и кривосудье!!!»³⁴.

Об этом пророческом предостережении честного публициста, близко знакомого с нашими дореформенными порядками, не бесполезно вспомнить и современным ослепленным врагам нового суда.

³⁴ Полное собрание сочинений Аксакова. Т. VI. С. 664.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОТКРЫТИЕ «НОВОГО СУДА» В МОСКВЕ И ПРОВИНЦИИ (СПРАВКА К 30-ЛЕТИЮ)

Немногое из того, что совершилось прежде, и немногое из того, что может нам обещать впереди самый широкий прогресс, может сравниться по важности с судебною реформою, с этим великим преобразованием! Одно из самых необходимых и плодотворных условий цивилизации есть правильное судебное устройство, и его впервые теперь получает Россия... Суд, отправляемый публично и при участии присяжных, будет животою общественною силою, и идея законности и права станет могучим деятелем народной жизни.

Из статьи М. Н. Каткова по случаю открытия
москов. судеб. устан.

I

23 апреля 1866 г. в Московском Кремле в здании старого Сената, происходило знаменательное торжество, за которым вся Москва следила с напряженным вниманием: то было официальное открытие в монументальной Екатерининской зале нового гласного суда московских судебных установлений. Прежде чем излагать подробности торжества, не лишним будет напомнить довольно оригинальную судьбу этой залы, служившей до 1866 г. местом для склада сначала казенной муки, а потом старых дел военного министерства. Эта своеобразная метаморфоза составляет любопытную страничку из культурной истории недавнего прошлого.

Здание Сената в Кремле было построено в 1787 г. знаменитым архитектором Митр. Фед. Казаковым, и таким образом падает ходящая в публике легенда, будто в нем и именно в круглой зале происходили собрания депутатской комиссии для составления Уложения, созван-

ной Екатериною II в 1767 г.¹ Все здание Сената, начиная от гранитного фундамента и до самого карниза, поражает массивностью, солидною простотою линий и замечательною пропорциональностью частей. Но в этом замечательном сооружении самое замечательное — ротонда или круглая зала, построенная в подражание римскому Пантеону. По красоте и гармонии линий нет другой подобной ротонды ни в Москве, ни в Петербурге, да и за границею найдется немного². Высота залы 13 саж. 1 арш., в диаметре 11 саж. 1 $\frac{3}{4}$ аршина. Превосходное впечатление производит великолепная колоннада коринфского стиля с канелюрою, идущая вокруг всей залы. Над колоннами хоры. Здание венчает огромный свод, усеянный кассетонами, сведенными мал мала меньше к большому венку, охватывающему замок свода. Вокруг свода над хорами 48 медальонов с изображением российских государей³.

На самое ценное украшение ротонды — это 18 прекрасных горельефов (работы немцев Юсти и Таненберга), аллегорически изображающих важнейшие события Екатерининского царствования⁴, с подписями, изъясняющими смысл их. Приводим некоторые из них: «Своею опасностью других спасает» (привитие Екатериною себе оспы). «Пустыни превращает в грады» (поселение в России колонистов, вызванных из-за границы). «Не дань, а законы приемлет» (желание жить по сердцу народа). «И север художества рождает» (учреждение Академии художеств). «И вы подобно подвизаетесь» (награда военной доблести — учреждение ордена св. Георгия)⁵. «Великому великая» (сооружение Петру В. памятника). «Погибавших спасает» (учреждение воспитательного дома). Укажем еще на один горельеф «Желание России», имеющий прямое отношение к указанному выше торжеству, исполнения которого ей пришлось ждать почти сто лет. Горельеф выражает мольбу подданных: даровать *правый суд и человеколюбивые законы*⁶.

¹ См. ст. г. Иванова в «Чтениях Общества любителей истории и древностей российских», 1865.

² В здании варшавской конторы государственного банка имеется такая же ротонда, только она гораздо меньших размеров.

³ См. ст. г. Рамазанова в «Современной Летописи», 1865. № 45.

⁴ Описание и объяснение этих горельефов было сделано г. Лебедевым в «Русском Инвалиде», 1860. № 179.

⁵ Заметим, что по иронии судьбы, места, занимавшиеся известными Струсбергом и Ландау во время процесса ссудного банка, как раз приходились под этою надписью.

⁶ «Современная Летопись», 1866. № 29.

Архитектор Афанасьев, реставрировавший в 1866 г. это монументальное здание, поместил в *«Нашем Веке»* статью, в которой с негодованием указывал на то, что эта замечательная зала, один из лучших памятников русского зодчества, была обращена сначала в амбар для хранения нескольких тысяч кулей казенной муки, а потом в архив старых дел, полусъеденных мышами. Н. Ф. Павлов, помещая эту статью, с своей стороны выразил удивление по поводу вандалской метаморфозы, постигшей эту художественную ротонду. «Каким непонятным процессом диалектики, — пишет Павлов, — дошла человеческая мысль до вывода, что великолепная зала с барельефами не что иное, как самое удобное место для склада кулей муки и для хранения архивных сокровищ военного министерства; мы желали бы знать *имя* того человека, кто первый, войдя в эту ротонду и окинув ее взглядом, сказал: „Вот и прекрасно! Тут поместится 500 000 кулей муки“!..»

Любопытство Павлова было удовлетворено: в одной из газет того времени было указано имя этого человека, сразу все объяснившее. Это был известный... *Аракчеев*, кровожадный временщик при Александре I, печально-известный, между прочим, как изобретатель «военных поселений» и еще... особой манеры прогнания сквозь строй «без медика» (см. главу III). Дикому Аракчееву именно приписывается дикая фраза о 500 000⁷ кулях муки!..

Вандалское обращение с художественною ротондою продолжалось 50 слишком лет, и только в конце 1865 г. решено было дать ей достойное ее красоты и гармонии назначение — быть местом отправления гласного суда правого и милостивого. Приспособлением здания к его новому благородному назначению занимался академик зодчий Афанасьев. Академик Афанасьев был командирован за границу для подробного осмотра лучших тамошних зданий «дворцов правосудия». Внеся в дело то благородное воодушевление, которым проникнуты были все лица, прямо или косвенно соприкасавшиеся с великими освободительными реформами 60-х гг., имевших целью возрождение России, Афанасьев необыкновенно быстро объехал важнейшие города и приготовил весьма обстоятельный доклад о результатах своей поездки.

С осени 1865 г. приступлено было к работам по приспособлению старого здания Сената для публичного судебного и отправления правосудия чрез представителей общественной совести. Несмотря на холод, ненастье, работы продолжались безостановочно. Афанасьев, сам проникнутый благоговением к выпавшей на его долю задаче

⁷ *«Современная Летопись»*, 1866. № 29.

поработать на пользу великого дела, воодушевлял словом и примером и других «к скорому осуществлению, как он писал, благотворной мысли монарха, взывающего к воцарению правды и милости в судах».

К весне 1867 г. реставрация ротонды и ремонт сенатского здания были окончены, и великолепная круглая зала предстала во всем своем величии и красе, невольно соединяя воедино память основательницы этого здания Екатерины II и возобновителя Александра II. Отголоском этого впечатления было пожелание, высказанное еще в 1866 г., чтобы в одной из двух ниш была поставлена мраморная статуя Екатерины. «В другой же, — писал автор предложения, — следует воздвигнуть мраморную статую... Кому? Про то знает чувство благоговейной признательности каждого русского»⁸...

Этому трогательному желанию увековечить мраморным изваянием память творца нового суда суждено было осуществиться впоследствии, хотя и при других и притом весьма печальных обстоятельствах, служащих контрастом тому радостному и бодрому настроению, которым встречено было открытие нового суда. Из учреждения излюбленного и сосредоточившего на себе самые дорогие чаяния русского народа и общества, каким новый суд был в 60-х гг., он перешел в 80-х гг. в разряд учреждений только «терпимых», но нежеланных... Против ниши, где находится портрет Екатерины II, в другой нише был открыт 23 апреля 1884 г. мраморный памятник Александру II, сооруженный чинами судебного ведомства. О печальных обстоятельствах, сопровождавших открытие памятника, может дать понятие статья, появившаяся в этот день в «*Московских Ведомостях*». Усмотрев на белом мраморе изваяния «кровавые пятна», литературный временщик М. Н. Катков, уверенный в своей безнаказанности, имел чудовищную дерзость поставить в вину новому суду эти «кровавые пятна». Воистину то было *saevum et infestum virtutibus tempus!*..

Но обратимся от этой возмутительной картины наглого издеательства над новым судом к светлому времени зарождения его.

II

Торжество открытия судебных учреждений в Москве происходило согласно тому же Высочайше утвержденному церемониалу, какой был соблюден и в Петербурге: 22 апреля, накануне открытия нового суда, было совершено в присутствии министра юстиции Д. Н. Замятнина и других высокопоставленных лиц в большой уголовной, ныне так

⁸ «*Современная Летопись*», 1865. № 45.

называемой Митрофаньинской (здесь разбиралось известное дело игуменьи Митрофании), зале окружного суда торжественное соборное молебствие с водоосвящением, после которого окроплены были святою водою все помещения нового суда.

На другой день, 23 апреля, происходило в зале судебной палаты торжественное открытие нового суда. Министр юстиции Д. Н. Замятнин занял место за особым столом, имея по правую руку и. д. обер-прокурора общего собрания московских департаментов сената П. Н. Зубова, вице-директора департамента Министерства юстиции Б. Н. Хвостова (†). Вокруг стола заняли места: московский генерал-губернатор генерал-адъютант кн. В. А. Долгоруков (†), высшее духовенство, сенаторы. Впереди стола, лицом к министру, поместился новый судебный персонал: председатели и члены московской судебной палаты (из них в настоящее время остался в судебной палате только Ф. В. Вешняков, занимая в течение 30 лет ту же должность члена палаты)⁹ и окружного суда (в настоящее время в составе суда остался только бывший член суда, М. Н. Лопатин, ныне занимает пост председателя департамента московской судебной палаты, и бывший член суда А. И. Вицын, перешедший впоследствии в сословие присяжных поверенных, ныне председатель московского коммерческого суда) и прокурорского надзора (в составе прокурорского надзора находится бывший в 1866 г. тов. прок. окружного суда Ф. М. Громницкий, перешедший впоследствии в адвокатуру, а ныне товарищ прокурора судебной палаты); из других товарищей прокурора: Л. В. Крушинский — присяжным поверенным в Москве, и мировые судьи (из них до сих пор остается в составе мирового института почетный мировой судья: гр. М. С. Ланской (сын известного министра)).

⁹ В течение 25 лет были старшими председателями судебной палаты: Д. В. Поленов (†), А. Н. Шахов (†), В. Р. Завадский и А. Н. Попов; председателями окружного суда Е. Е. Люминарский (†), П. А. Дейер (ныне сенатор угол. касс. департ.), В. Н. Лавров (†), Ф. П. Ивков, Н. В. Давыдов. Прокурорами палаты Д. А. Ровинский (впоследствии сенатор угол. касс. департ.), Г. Н. Мотовилов (†), А. Н. Манассеин (впоследствии министр юстиции), гр. П. А. Капнист (впоследствии попечитель Московского учебного округа), С. С. Гончаров (впоследствии старший председатель Тифлисской судебной палаты и сенатор), Н. В. Муравьев (впоследствии государственный секретарь, ныне министр юстиции) и Н. П. Посников. Прокурорами окружного суда были Л. И. Ланге (ныне председатель Нежинского окружного суда) (†), Ф. М. Гормницкий, И. К. Жуков (в отставке), В. Н. Лицкой (†), П. Н. Обнинский (ныне в отставке, известный публицист), М. П. Домерщиков и А. А. Макаров.

По прочтении Высочайших повелений от 19 марта и 13 апреля 1866 г. об открытии судебных установлений и списка вновь назначенных Высочайшею властью судей, утвержденных Сенатом мировых судей, выбранных Московскою городской думою, а также списка товарищей прокурора окружного суда, министр юстиции Замятнин произнес речь, в которой, между прочим, высказал следующее: «Государь Император, — сказал он, — утвердив 20 ноября 1864 г. новые Уставы судопроизводства и судоустройства, соизволил признать Уставы эти соответствующими желанию Его водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных, *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние. Знаменательные, дорогие каждому русскому слова Его Величества, указывающие *значение и цель* судебного преобразования, должны служить руководством для всех деятелей на судебном поприще; они должны быть *особенно памятны* вам, господа председатели, члены и прокуроры московской судебной палаты и окружного суда, как удостоившимся счастья быть в числе самых *первых*, избранных Августейшим нашим Монархом, для осуществления его предначертаний по судебной части. Вновь установленный порядок судопроизводства, — продолжал министр, — обеспечивает легкое и быстрое обнаружение нарушений закона, а дарованная судам самостоятельность дает полную возможность твердо и нелицеприятно охранять святость законов и точное их исполнение»¹⁰.

Затем, обращаясь к московским мировым судьям, министр юстиции выразился так: «Вам, господа, впервые избранным совокупно всеми сословиями в эту важную должность, предоставлен обширный круг деятельности. Вам поручены дела тех именно лиц, которые *наиболее* нуждаются в скором и правом суде. На вас лежит непрременная обязанность поставить должность мирового судьи на ту высокую степень значения, которая предназначена ей священной волею Государя Императора, и сделать из нее *краеугольный камень* гласного, скорого, правого и милостивого суда. Если вы, *избранные* Москвою, сердцем России, пойдете рука об руку с судьями, назначенными Державным Главою, то нет сомнения, ваши общие усилия увенчаются успехом, и осуществится желание нашего возлюбленного Монарха: правда и милость будут царствовать в судах».

В том же духе, как министр юстиции, говорили и высшие члены магистратуры, коим приходилось давать первые указания органам

¹⁰ См. «Журнал Министерства Юстиции», 1866. № 4. С. 207–209.

суда. Так, председатель департамента московской судебной палаты, покойный А. Н. Шахов (†), при приводе к присяге первых московских присяжных поверенных (из них в сословии оставались к 1889 г. Н. П. Архипов, В. К. Дубровский, А. И. Имберг, Л. Д. Лютер, В. А. Панин, А. И. Тольх, А. М. Фальковский) произнес следующую речь: «Господа! Палате известно, что окружный суд при обсуждении прав лиц, изъявивших желание поступить в число присяжных поверенных, был строг, — разумеется, справедливо строг. Он не только рассматривал ваши письменные документы, но принимал в соображение и сведения, указывающие на личные ваши качества и образ прежних ваших действий. Иначе и быть не могло, потому что одно формальное удовлетворение тем условиям, которые требуются законом для поступления в присяжные поверенные, еще не служит ручательством, что избранный в поверенные будет правдиво и честно охранять интересы своих доверителей. Будучи включены окружным судом в это сословие, вы, господа, значит, удовлетворили всем условиям, значит, вы оказались во всех отношениях вполне достойными состоять в нем. Приступайте же к исполнению ожидающих вас нелегких обязанностей и продолжайте их с честью, и вы заслужите уважение от правительства и от общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду»¹¹.

Для характеристики духа того времени не лишено значения то обстоятельство, что первый председатель Московского окружного суда Е. Е. Люминарский — не путем грозных циркуляров, а в дружеской беседе объяснял вновь образуемому институту судебных приставов их обязанности, стараясь пробудить в них высокое уважение к принимаемому ими званию. Достойный член московской магистратуры, оставивший по себе память судьи честного и безусловно независимого (известно, что он во время посещения суда министром юстиции гр. Паленом встретил его не на крыльце, а занимался у себя в кабинете), сказал судебным приставам следующую речь:

«Гг. судебные пристава! Поздравляю вас с принятием присяги на новую должность. Надеюсь, вы оправдаете ожидания общества и правительства; на вас лежит священная обязанность не только поддерживать, но возбудить упавшее ныне доверие к силе и власти суда, — доверие, без которого парализуется и самое отправление правосудия. Необходимость скорого и точного исполнения решений постоянно сознавалась нашим законодательством: начиная с 1721 г. мы находим в указах неоднократные подтверждения блюстителям пра-

¹¹ «Судебн. Вестн.», 1866. № 2.

восудия как высшим, так и низшим, иметь надзор, чтобы дела вершились не только на бумаге, но чтобы решения безостановочно и скоро были приведены в действительное исполнение. К сожалению, предписания закона по сему предмету весьма часто не исполнялись. Приведение в действие решения в большей части случаев возлагалось на полицию, а полиция, обремененная множеством разнородных занятий, всегда смотрела на приведение в действие судебных решений, как на обязанность второстепенную, исполнение коей можно отложить. Последствия этого вам, господа, известны. Решения судебных мест, нередко и Правительствующего Сената, исполнялись не недели, не месяцы, а целые года, даже десятки лет. Выиграть дело в суде не значило выиграть его действительно и получить искомое и присужденное. Целые состояния переходили из рук в руки, а иногда и совершенно растрчивались ответчиком прежде, чем истец, выигравший тяжбу, получал удовлетворение. Для устранения столь важных злоупотреблений и учрежден институт судебных приставов, к которому вы имеете честь принадлежать. Господа! Вы клялись честно и добросовестно исполнять все обязанности принимаемой на себя должности. Исполните же, господа, вашу клятву, восстановите доверие к суду и закону, составляющим основу государственного порядка, без которых немислимо и самое государство. Соединитесь дружно для достижения высокой цели. Пусть всякий убедится, что со введением в действие Уставов 1864 г. дела вершатся не только на бумаге, но и исполняются на самом деле. Пусть не бедность страшится богатства, а, напротив, богатый, но неисправный должник спешит удовлетворить своего незнатного кредитора. Пусть исполнительный лист в ваших руках будет *сильнее денег и связей сильных мира сего*. С этим оружием вам некого и нечего бояться. Защитой вашею будет суд и закон. Поддержите же, господа, значение судебных учреждений и заставьте умолкнуть поклонников *старого порядка*, с недоверием и вместе с тем с скрытым недоброжелательством относящихся к новому суду»¹².

Вслед за открытием московских судебных установлений стали открываться провинциальные окружные суды осенью 1866 г. Большая и оживленная борьба происходила между уездными городами из-за чести и преимущества иметь у себя окружный суд. Особенно го-

¹² «Судебн. Вестн.», 1866. № 1. Этим добрым пожеланиям далеко не вполне суждено было осуществиться. Так, в 70-х гг. некоторые чины высшей местной московской администрации, гражданской и военной, пользовались настоящею экстерриториальностью, и судебные пристава с исполнительными листами в руках бывали бессильны привести их в исполнение.

рячая полемика завязалась между представителями Белозерска и Череповца. Этот спор, как равно и другие, Д. Н. Замятнин решал на месте после тщательного ознакомления с географическими, топографическими и судебно-статистическими данными¹³.

Местные общества, относясь с полным сочувствием к предстоящему открытию нового суда, не скупилась на материальные пожертвования, вследствие чего расходы казны были значительно сокращены.

Сенатором Гольтгоером были открыты в ноябре 1866 г. окружные суды: Новгородский, Белозерский¹⁴, Устюжский¹⁵, Псковский¹⁶.

Старшим председателем Московской судебной палаты, сенатором В. П. Поленовым, были открыты окружные суды: Владимирский, Ярославский, Рыбинский, Кашинский, Калужский, Рязанский, Тульский, Тверской, Ржевский¹⁷.

III

К концу 1866 г. новый гласный суд со всеми новыми и невиданными дотоле принадлежностями, судом присяжных, мировым судом, адвокатурою и пр. уже действовал в десяти губерниях двух судебных округов. Новые формы суда, с уравнением всех пред лицом закона, с гуманным отношением ко всем и с сугубым снисхождением к случайно впадшему в преступление, производили громадное воспитательное впечатление на народ и общество, привыкшее дотоле видеть явную поблажку людям сильным и богатым со стороны подкупленных либо запуганных судей, или бессилие закона и судей пред заpirationством ловкого мошенника и душегубца.

С понятным любопытством и затаенным вниманием следило правительство и печать за тогдашними процессами. Залы судебных заседаний в столицах и в провинции ломились от напора слушателей, жаждавших посмотреть на новую обстановку и формы гласного и человеческого суда. Каждая новая прокурорская и адвокатская речь составляла событие дня. Все газеты того времени переполнялись судебными отчетами. Даже дамы в салонах говорили о новых казусах, новых разъяснениях кассационной практики.

¹³ «Новгородские Губернские Ведомости», 1865. № 4.

¹⁴ См. «Новгородские Губернские Ведомости», 1866. № 40, 50.

¹⁵ «Губерн. Вестн.», 1866. № 26.

¹⁶ См. «Псковские Губернские Ведомости», 1866. № 85.

¹⁷ См. «Судебный Вестник», 1866. № 85, 92, 93 и «Тверские Губернские Ведомости», 1866. № 47.

И общество, и правительство как бы упивались замечательным успехом нового дела, в особенности суда присяжных, с которым соединялось столько дорогих чаяний, но которое внушало столько опасений, по-видимому, очень основательных.

Уже в своем первом — и увы! последнем — всеподданнейшем отчете о деятельности новых судебных учреждений министр юстиции, Д. Н. Замятнин, с справедливою гордостью упомянул о громадном успехе открытых мировых учреждений¹⁸.

Отметив затем плодотворную деятельность общих судебных учреждений, отчет продолжает: «И здесь глубокое сочувствие всех сословий к судебному преобразованию выразилось в том напряженном внимании, с которым присутствующие при судебных заседаниях публика следит за ходом дела пред судом. Быстрота решения дел при соблюдении всех необходимых форм судопроизводства производила как на присутствующую публику, так и на участвующих в деле лиц, поразительное впечатление».

Сильно ошибся бы тот, кто принял бы приведенную оценку отчета за плод официального оптимизма и столь распространенного у нас пристрастия к учреждениям «своего» ведомства. Лучшим доказательством справедливости приведенной характеристики может служить отзыв о новых судебных учреждениях, появившийся из «чужого» лагеря. Вот этот отзыв, помещенный в *«Северной Почте»*, официальном органе Министерства внутренних дел (рядом с этим официальным панегириком шло от двуличного П. А. Валуева то противодействие, о котором упоминается выше во главе X). «Благотельные последствия судебной реформы, — писали в конце 1866 г. в названной газете, — одинаково признаются *всеми без исключения* правительственными ведомствами и свидетельствуются *губернаторами всех губерний*, где уже введены новые судебные установления».

Не трудно представить себе тот горячий энтузиазм, с которым общественное мнение приветствовало официальное удостоверение блистательного успеха новых судебных учреждений. Самым красноречивым выразителем благодарного общественного мнения выступили *«Московские Ведомости»*. «Поистине, едва верится, — с непритворным умилением восклицал будущий зоил нового суда М. Н. Катков в статье 28 марта 1867 г., — чтобы в столь короткое время так

¹⁸ В старых судебных учреждениях за воровство-мошенничество средним числом осуждалось в год 500 человек. После открытия нового суда в одних мировых учреждениях за те же преступления средним числом около 1500 человек, т. е. втрое.

крепко и так успешно принялось дело столь *важное* и столь мало похожее на прежние наши порядки, начиная с *основной* мысли и до мельчайших подробностей. *История не забудет*, — так заканчивал он статью, — *ни одного имени, связанного с этим великим делом гражданского обновления России»*.

Какою ирониею звучит этот благородный и идущий от сердца панегирик новому суду, когда сопоставишь его с теми бесчисленными злостными инсинуациями, с тем систематическим бросанием грязи, которое усвоил себе впоследствии тот же Катков в союзе с гонителями святых начал правды и справедливости, положенных в основание судебной реформы. Однако это безостановочно возобновляющееся в известной части печати поругание основ нового суда должно, по справедливому замечанию гуманного французского поэта, не умалить, а усугубить уважение к ним в глазах истинных их почитателей:

*Храм поруган нечестивой,
Святотатственной рукой
И стоит он молчаливый
И печальный, и пустой...
Все бегут толпой из храма,
Но служитель верный в нем,
Гуще клубы фимиама
Он вознес пред алтарем.
У поруганной святыни
Весь простерся он во прах,
Горячее, чем до ныне,
Веры жар в его мольбах!*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВВЕДЕНИЕ МИРОВОГО СУДА

(СПРАВКА К 30-ЛЕТИЮ)

Если судебная реформа вносит к нам действительное, живое право на место призрака права, то мировой суд вносит право в такую сферу, где не существовало и призрака права, даже и понятия о возможности права.

В. П. Безобразов

17 мая 1866 г. открыты были в Петербурге и Москве первые в России мировые судебные учреждения, и таким образом ныне (1896) исполнилось первое тридцатилетие со дня существования этого, еще так недавно столь популярного в правительственных сферах и столь симпатичного народу института, находящегося теперь далеко не в завидном, скажем прямо, в тяжелом положении. Упраздненные или находящиеся накануне упразднения мировые учреждения, как и все вообще учреждения, выходящие из моды, нередко и особенно в последнее время делались предметом явно несправедливой и пристрастной критики, не признающей за ними никаких заслуг и представляющей в самом извращенном виде смысл и цель учреждения мирового суда и значение выполненной им крупной культурной миссии. Какие бы превратности ни ждали в будущем мировые учреждения, уяснить и отметить их историческую роль в прошедшем столько же дело исторической справедливости по отношению к ним, сколько и практической необходимости в интересах правильного ориентирования в явлениях современной общественной жизни.

I

Благодаря тому систематическому игнорированию подлинной истории нашего современного судоустройства, которое составляет отличительную черту нынешних злостных критиков нового суда, стала беспрепятственно гулять созданная больным воображением невежественных консерваторов басня, будто наш *выборный* мировой суд есть не что иное, как осуществление самой крайней демократиче-

ской программы à la Руссо, осуществленной радикалами 60-х гг. в разгар либеральных увлечений, на место благоразумных предположений гр. Д. Н. Блудова¹. Между тем история нашего процесса показывает, что первая мысль об учреждении у нас «мировых судей» (juge de paix) возникла еще в 1826 г. и была впервые предложена председателем Государственного совета гр. Кочубеем².

Но, оставляя в стороне вопрос о разыскании отдаленных корней нашего мирового суда, достаточно для разьяснения дела обратиться к эпохе, непосредственно предшествовавшей составлению Судебных Уставов. В томе IV *Дела о преобразовании судебной части в России* мы находим записку гр. Блудова, где он с полной откровенностью объясняет причину и цель учреждения мирового суда. «Основанием предложений об учреждении судей мировых, — говорится в Записке 1859 г., — были два важных обстоятельства: уничтожение крепостного состояния и решительное отделение власти судебной от административной. Доселе крестьяне помещичьи, составляющие почти половину крестьянского населения, не имели никаких дел гражданских, и не было повода учреждать гражданские суды для разбирательства споров по имуществам движимым незначительной цены, как сие установлено в отношении к маловажным проступкам, кои предоставлены ведению полиции. Но когда в одно время предполагается (это писалось в 1859 г.) не только освобождение от крепостной зависимости, но и устранение полиции от всякого вмешательства в дела судебные, то власть и деятельность становых приставов необходимо заменить *судебным* установлением, которое будет гораздо полезнее, ибо оному можно вверить и ведение маловажных гражданских дел. Во всех хорошо устроенных государствах существуют такие судебные лица и места; они тем в особенности полезны, что споры в оных оканчиваются большею частью примирением или решаются всегда сокращенным порядком, всего чаще при первой явке сторон, на основании словесных между ними объяснений, без издержек»³. Таким образом, уже в 1859 г. были намечены гр. Блудовым, этим авторитетнейшим в глазах противников нового суда государственным человеком, основные черты мирового института.

Что же касается выборного начала, то и оно точно так же было предложено тем же юристом; до освобождения крестьян он предлагал предоставить право избрания мировых дворянскому сословию⁴,

¹ См. В. Фукса — «Суд и полиция», 193, 222, 236, 237. См. также выше главу VIII.

² См. «Курс угол. суд.» Фойницкого. С. 153.

³ См. Т. IV. Отд. 2-е «Дела о преобраз. судебн. части в России». С. 40–41.

⁴ См. Т. IV того же «Дела», §286 Блудовского проекта судоустройства.

а после освобождения крестьян естественно предоставил это право всем сословиям⁵. Этот же порядок был принят и редакторами Судебных Уставов и не по соображениям, заимствованным из *Contrat Social*, как уверяют враги судебной реформы, а по соображениям чисто практическим и согласно указаниям истории русского законодательства. «Мировые судьи, — сказано в журнале Государственного совета 1862 г., — должны быть по преимуществу местными судьями и хранителями мира; общее *доверие* местных обывателей составляет необходимое условие их назначения, а потому правительство было бы поставлено в *крайне затруднительное* положение, если бы приняло на себя их избрание: *ибо начальствующим лицам, во всяком случае, труднее найти столь значительное число вполне достойных лиц* для замещения всех должностей мировых судей, чем обывателям каждой местности приискать людей для определенного округа»⁶.

Вот какими чисто деловыми соображениями было вызвано выборное начало в мировом суде. Только при полном незнакомстве с историей русского процесса можно видеть в выборе судей, издавна знакомом русскому законодательству, нечто опасное, революционное. Всего 30 лет тому назад, т. е. до открытия нового суда, весь почти состав первой и второй инстанции назначался по выборам сословий (все пять членов уездного суда и все четыре члена магистрата были выборные, в уголовной палате председатель и члены были выборные и только товарищ председателя — по назначению от правительства). Мало того, даже полицейские власти были выборные⁷! Теперь же невежественные критики судебной реформы уверяют, что назначение судей по выбору населения — это такая радикальная реформа, которую только коммунары⁸ вносят в свою программу, как *primum desiderium!*.. Так-то нынче пишется история!..

II

Правильному суждению об исторической роли мирового института, кроме заведомо неверных, распространяемых врагами его, искаженных сведений об его происхождении, мешает также и непра-

⁵ См. Т. XVI н. д. Журн. Госуд. совета 1861 г. № 48, об основных началах судоустройства. С. 7–8.

⁶ См. Т. XIX н. д. С. 308.

⁷ См. Т. XVII «Дела о преобразовании судебн. части в России». Материалы № 12 и 25 Записки Ровинского.

⁸ См. статью г. Циона в «Русском Вестнике».

вильное освещение условий его деятельности. Рядом с преобразованным судом должна была содействовать охране общественного порядка и полиция, реформа которой до сих пор еще не осуществилась. «Можно ли утверждать, — писал в 1888 г. один из самых непримиримых врагов нового суда В. Фукс, менее всего склонный относиться с чрезмерною строгостью к действиям полиции, что наша полиция уже соответствует своему назначению, что она имеет все необходимые средства для надзора за благосостоянием и для охранения внутренней безопасности, что она состоятельна в предупреждении и пресечении преступлений, что она, наконец, пользуется подобающим ей уважением? К сожалению, — говорит Фукс, — на все эти вопросы можно дать один ответ: формально — да, по существу — нет»⁹. А если это так, то справедливо ли всю чину за отсутствие порядка и безопасности сваливать на мировые судебные учреждения, которые замкнулись и должны были замкнуться в роль судей и блюстителей закона?».

Мировому суду ставят в вину его малодоступность, сложность, формализм. Упрек не лишен основания, но поучительный смысл его совсем не тот, какой хотят вывести противники мировой юстиции. Все эти недостатки, привитые реакционными новеллами, не только не вызываются духом этого учреждения, но прямо им исключаются. Могли ли составители Судебных Уставов предвидеть, что в мировом суде, производстве в котором они освободили в видах его доступности от сборов, установленных в общих судах, будет установлена судебная пошлина, *вдвое превосходящая* размер пошлины, существующей в общих судах (ст. 202 уст. гр. суд.)? Могли ли они предвидеть, что мировые судьи будут завалены такою массою сложной канцелярской работы и отчетности, которая будет невыносимо обременять их в ущерб их прямым судебским обязанностям?

Да и самая судебная процедура современного мирового судопроизводства, разве она не представляет иронию над тем упрощенным процессом, о котором мечтали составители Судебных Уставов? Разъясняя значение мирового института в отличие от общих судебных учреждений, они, между прочим, писали: «На мирового судью возлагается рассмотрение всех менее важных дел, ежедневно почти возникающих между большинством населения, значительная часть которого не знает законов, не терпит *формализма*, уважает естественную справедливость и дорожит временем, а потому главнейше заботится о скором и на своих понятиях основанном решении. Зна-

⁹ См. «Суд и полиция». С. 214.

чительную часть этих дел мировому судье предоставляется решить окончательно, и при этом он судит единолично. Главнейшая задача и высшее качество его правосудия — *примирение*. Для успешного исполнения такого важного призвания мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев, вообще всех условий местной жизни и в особенности своим здравым умом, честным характером и безукоризненной жизнью».

Тип доступного всем судьи, быстро и без формальностей решающего дела, и в самых Судебных Уставах не был проведен достаточно последовательно. Последующая же законодательная и кассационная практика еще более изменили этот тип, приблизив или почти слив с типом судьи-юриста, действующего в общих судебных установлениях.

III

Почему же мировые учреждения, несмотря на все законодательные кассационные промахи, успели, однако, сразу стяжать громадную популярность в народе и сумели сделаться самым ценным и плодотворным проводником гуманно-просветительных идей судебной реформы? Ответ на это мы находим в условиях той действительности, среди которых пришлось выступить первым мировым судьям.

«Судебная реформа, — писал В. П. Безобразов, — вносит в народную жизнь право, как живой действительный факт, на место права, существовавшего лишь как мертвая буква закона, как смутное понятие, не исчезающее, конечно, никогда из верований и понятий народа, но носившееся в облаках над его головами, как нечто неуловимое, неосязаемое, никогда не воплощавшееся в настоящее практическое дело. Если, — говорит он далее, — судебная реформа вносит к нам действительное, живое право на место призрака, то мировой суд — вносит право в такую сферу отношений нашего общества, где *не существовало и призрака права*, даже понятия о возможности права»¹⁰.

В такой характеристике нет и тени преувеличения. Кому не известно, что право сильного и богатого в дореформенные времена было настоящим *instrumentum regni*, было возведено в систему, в особенности по маловажным делам, если сталкивались, с одной стороны, бесправный обыватель, и с другой — располагающий силою по своему общественному положению помещик, богатый купец, умевший,

¹⁰ См. «Русский Вестник», 1866 г.

последний, при помощи «барашка в бумажке», первый же просто одним своим *властным словом*, подкрепленным подобающими жестом и мимикой, прекращать жалобы потерпевших от их самовластного самодурства и от бессовестного надувательства и обсчитывания.

Покойный Фукс, постоянный сотрудник «Русского Вестника» и «Московских Ведомостей» 80-х гг., отнюдь не расположенный рисовать в преувеличенно мрачных красках дореформенные порядки, представляет в таком состоянии суд и расправы при полицейских управлениях накануне открытия нового суда. «До начала 60-х гг., — пишет Фукс, — общественное сознание в отношении к полиции выразилось двояко: в *высших* и даже *средних* общественных слоях на полицию у нас смотрели свысока, с *презрением*, в низших — со *страхом*. Высшие слои по своему родовому или имущественному привилегированному положению вовсе не считали своим долгом исполнять требований полиции и даже сами еще предъявляли к ней свои притязания для ограждения своих юных птенцов от последствий их собственного бесчинства; военные же и лица, состоящие на службе, даже мелкие чиновники, опираясь на защиту своего начальства, смотрели на полицию *еще бесцеремоннее*; а средние промышленники и торговые классы освобождались от всяких требований полиции или приобретали, где было нужно, ее содействие посредством *взятки*, получивших, например, на фабриках, заводах, в лавках и по питейной части характер *постоянного жалования* полицейским чинам. Оставалась затем *бесправная масса* низших городских обывателей, а в уездах — поселяне, но для них полиция была уже не охраной, а самым строгим и придирчивым начальством, от притязаний коего необходимо было *откупаться*¹¹. Правда, у населения было право жаловаться на исправников и станowych, и городничих, но оно было поставлено в такие условия, которые иные хотели бы перенести на нынешних земских начальников, и которое сводилось к нулю. Мы знаем из «Ревизора», к чему сводилось громкое по названию право обжалования даже для «самоварников». Остальное же население и не делало попыток не только к обжалованию противозаконных действий полиции¹², но даже к осуществлению своего права на предъявление к полиции гражданских исков. До какой степени старый полицейский суд *отвадил* народ от суда, можно видеть из следующего факта. На обязанности городской полиции лежал, между прочим, «словесный разбор» мелких споров, с запискою жалоб и решений по ним

¹¹ См. В. Фукса — «Суд и полиция». С. 218–219.

¹² Ibid. Ч. II. С. 188.

в особую книгу. И что же? Когда губернаторы ревизовали полицейские учреждения, означенные книги оказывались *чистыми от первой до последней страницы*¹³!

Ошибочно было бы думать, что среди этого бесправного населения¹⁴ господствовал хоть внешний городской порядок и благоустрой-

¹³ В «*Былом и Думах*» Герцена находим следующую, записанную с натуры картину полицейской расправы, прекрасно иллюстрирующую причину образцовой *чистоты* полицейских книг, которой так не доставало у совести содержателей книг... — Пред квартальным стоят обвинительница (содерж. публичного заведения) и обвиняемый (сиделец). «Вместо суда, — рассказывает Герцен, видевший сцену «патриархального суда» во время ареста своего в Москве в частном доме, — Соломон-квартальный бранил их обоих, на чем свет стоит. — С жиру собаки бесятся, — говорил он, — сидели бы, бестии, спокойно у себя, благо мы молчим и мирволим. Вишь, важность какая! поругались — да и тотчас *начальство беспокоить!* И что вы за фря такая? словно вам в первый раз... Полпивщик (обвиняемый) тряхнул головой и передернул плечами в знак глубокого удовольствия. Квартальный тотчас напал на него. — А ты что из-за прилавка лаешься, собака? Хочешь в сибирку? Сквернослов эдакой, да лапу еще подымать, — а березовых, горячих... хочешь?..» «Для меня эта сцена имела всю прелесть новизны, это был первый патриархальный русский процесс, который я видел, — пишет Герцен и затем продолжает: — Содержательница и квартальный кричали до тех пор, пока взшел частный пристав. Он, не спрашивая, зачем эти люди тут и чего хотят, закричал еще больше диким голосом: «*Вон отсюда, вон*, что здесь — торговая баня или кабак?» Прогнавши «сволочь», он обратился к квартальному: «Как вам это не стыдно допускать такой беспорядок? Сколько раз вам говорил? Уважение к месту теряется — шваль всякая станет после этого содом делать. Вы потакаете слишком этим мошенникам»». (Сочин., VI, 220–221). — Вероятно, слюнки потекут у нынешних «Гражданнин'ских» почитателей «властной руки» при чтении этой живописной сцены «патриархального суда», о восстановлении которого не перестают они мечтать...

¹⁴ О бесправности населения и полновластии администрации в дореформенное николаевское время у Н. А. Любимова находим следующие игриво-едкие строки: «Начальство сделалось *все* в стране. Все кесареви; Богови оставалось весьма немного. Все сводилось к простоте отношений начальника и подчиненного. В начальстве совмещались закон, правда, милость и кара. — Губернатор при какой-то ссылке на закон, взявший со стола том Свода Законов и *севший на него* с вопросом — где закон? был лицом *типическим* и в частности добрым и справедливым человеком... Купец торговал, — продолжает в щедринском духе г. Любимов, — потому, что на то была милость начальства; обыватель ходил по улице, спал после обеда — в силу начальнического позволения. Приказный пил водку,

ство. Как всегда и везде наблюдается, при отсутствии должной охраны прав граждан они и к обязанностям своим относятся с полным пренебрежением. Вот почему при полицейском полновластии, при котором бесцеремонно нарушались права граждан, все-таки не было у нас порядка и чистоты даже в столицах. В «Дневнике» академика Никитенко за 1864 г., между прочим, приведен такой факт. Разносчики, стоявшие под арками Гостиного двора (в Петербурге), производили там нечистоты и обращались грубо с публикою. Полиция разгоняет их, не разбирая ни правого, ни виноватого, а публика должна была ходить, чтобы купить десяток яблок, за несколько верст¹⁵.

Назначением мирового института было внесение в сферу повседневных гражданских отношений первых элементов благоустроенного общежития — *сознания гражданами своих прав и обязанностей*. Если новый гласный суд называют — и справедливо называют — школою гражданского воспитания, то мировые учреждения с тысячами камер, разбросанных по самым отдаленным захолустьям нашего обширного отечества, являлись первою и самою важною ступенью этой школы. Недаром министр юстиции, Д. Н. Замятнин в речи сво-

женился, плодил детей, брал взятки по милости начальнического снисхождения. Дышали воздухом потому, что начальство, снисходя к слабости нашей, опускало в атмосферу достаточное количество кислорода, рыба плавала в воде, птицы пели в лесу, потому что так разрешено начальством. Начальник был безответствен в отношениях своих к подчиненным, но имел в тех же условиях начальство над собою... Военные люди, как представители дисциплины, считались годными для всех родов службы. Гусарский полковник заседал в синоде в качестве обер-прокурора и т. д.» (см. 182–183 н. н. «Катков и его истор. заслуга»). Грозюю казанских жителей в 30-х гг. был полицеймейстер Поль. «Много я на своем веку видал чиновных извергов, — рассказывает Михайлов, — но равного Полю не встречал. Не говорю об алчности его к деньгам: это была общая всем слабость в ту пору. Поль делал зло из одного удовольствия делать его, не имея от этого никакой выгоды. Закон и право для этого человека не существовали. У него была неудержимая страсть к телесным наказаниям, и он истязал людей совершенно невинных. Полицейским чинам стоило взять совершенно не причастного ни к какому проступку человека и донести на другой день полицеймейстеру, что взятый задержан за пьянство и буйство, Поль без всякой проверки донесения тотчас же приказывал его при себе растянуть и высесть. Этой участи подвергались не только простолюдины, но даже и мелкие чиновники. Одного портного засекли до смерти. («Русск. Стар.», 1899. № 10). Жалобы были бесполезны».

¹⁵ «Русск. Стар.», 1891. № 5. С. 403.

ей, произнесенной при открытии нового суда, назвал мировой суд «*краеугольным камнем* гласного, скорого, правого и милостивого суда!» В самом деле, общие судебные учреждения и по отдаленности места своего нахождения, и по сравнительно большей важности подсудных им дел имели и имеют соприкосновение с народными массами гораздо реже мировых. Можно прожить много лет и ни разу не иметь случая попасть на заседание окружного суда и на суд присяжных; но редко кто в том или другом качестве не видел обстановки мирового судебного заседания, и в этом отношении мировые учреждения, как своего рода элементарная народная школа, имели для народного воспитания громадное значение.

Добрые традиции, сразу привившиеся под влиянием господствовавшего в 60-х гг. либерально-гуманного направления мировому институту почти повсеместно, сделали то, что он с первых же дней сделался необыкновенно популярен именно в *народных массах*¹⁶. Мировые судьи делали все от них зависящее, чтобы *приохотить* народ к суду, чтобы восстановить к нему доверие, чтобы поколебать укоренившееся в нем убеждение о бесполезности и даже опасности «тягаться с сильным и богатым». Делалось это, конечно, не в видах поощрения кляузного сутяжничества, а в видах привития русскому человеку сознания своего человеческого достоинства, правового сознания, без которого немислимо никакое гражданское развитие, сознания, что обеспеченное законом право находит защиту в суде, несмотря на силу и могущество обидчика.

Широко распахнули мировые судьи двери камер своей «судебной школы» пред изумленными очами сермяжного народа. В Москве бывали случаи, что мировые судьи «в первые медовые месяцы» устраивали заседания за невозможностью поместить публику в камере наподобие древнего римского суда *sub Jove*, на дворе под открытым небом! В наше «охлажденное», «трезвенное», но и скучное и скудное идеями время поклонения золотому тельцу современного убогого, безыдейного оппортунизма с его реставрированными упрощенными манипуляциями дореформенной «властной руки» — все это может показаться ребячеством, донкихотством, но разве не такие героические усилия нужны были для того, чтобы «заманить» народ в суд, которого он дотоле обегал, как зачумленного места? Диву давался народ

¹⁶ В с. Васильеве, Уфимской губ., как сообщали местные «Губернские ведомости», так заинтересовались сценами мирового разбирательства, печатавшимися в столичных газетах, что выучили их наизусть и разыгрывали в разных домах. «*Журн. Мин. Юст.*», 1867. № 5. С. 412.

при виде этого нового, — нового во всех отношениях, и по внешней обстановке, и по внутреннему смыслу, суда! Вместо грубого окрика и зуботычин он встречал приветливого «мирового», который говорил всем «вы», внимательно выслушивал и одинаково судил и знатного барина, генерала, адмирала, миллионера и лапотного мужика, и не давал в обиду «маленького человека», хотя бы пришлось ему столкнуться с полицейскими властями или богатым и сильным противником. На место стародавнего выражения: «для нас закон не писан», народ стал говорить: «ныне драться не велят», «за это мировой по голове не погладит», «нынче все равны пред судом» и пр.

Веря в высокое призвание свое, мировые судьи первого избрания с необычною энергиею и любовью к делу принялись за исполнение своих обязанностей. Уже с 18 мая мировые суды стали принимать в Москве просителей. Заседания происходили не только по утрам, но и по вечерам. Прошения принимались «во всякий час дня и ночи, и где бы проситель судью ни встретил». «Московские мировые судьи, — читаем в „Судебном Вестнике“, — очень ревностно принялись за дело, обнаружив притом немало сметливости и умения самому узнать истину. Так, один из них по жалобе какой-то дамы на дерзость и ругательство со стороны кухарки немедленно отправился, будучи в тот час свободен, в указанный дом, и прежде чем виновная успела узнать, кто был этот неожиданный посетитель, ему пришлось самому быть свидетелем ругательств, которые не замедлила повторить дерзкая кухарка. Многие судьи, заметив сами какие-либо бесчинства на улице, отсылали виновных к суду. «Всеми судьями решено, — писали в ту же газету, — употребить всевозможные усилия, чтобы искоренить уличное сквернословие, эту язву нашего народа. Сквернословие, рядом с ним непомерная нечистота наших тротуаров, вследствие слишком откровенных привычек нашего народа, делают в Москве для дам и детей почти совершенно невозможным ходить по улицам. Наши мировые решили не пропускать ни одного такого случая сквернословия или иной неблагопристойности, действуя сначала внушением, а потом другими взысканиями»¹⁷.

IV

Впечатление, произведенное первыми шагами деятельности мирового суда, было громадно и поразительно. По справедливому замечанию одного публициста того времени, уже первые месяцы дея-

¹⁷ См. «Суд. Вестн.», 1866. № 3.

тельности мировых учреждений произвели настоящий «переворот» в бытовых отношениях и умах¹⁸. «Чтобы убедиться, — писал Безобразов, — как мало в этих словах преувеличения, надо видеть *изумление* людей, которые в своем самоуправстве должны подчиняться приговорам мировых судей; надо видеть то изумление, изумление, подавляющее своею силою, даже раздражение, с которым выслушивают эти приговоры *господа*, прогнавшие от себя служителей, не выдав им жалованья за полгода службы только потому, что служители им не понравились; *рабочие*, самовольно ушедшие с работ до срока найма вопреки письменному контракту только потому, что цена на работы поднялась; *пьяницы*, никогда не слыхавшие, что нельзя было валяться и ругаться на улицах; *мужья*, не имевшие никакого понятия, что нельзя избивать до полусмерти своих жен; *бафин*, ускакавший на тройке, даже не оглянувшись на ребенка, раздавленного им на до-

¹⁸ Говоря о времени открытия мировых учреждений, юбилейный отчет сообщает характерные подробности, свидетельствующие о чрезвычайной популярности мирового суда с самого его возникновения. В первые же дни мировые судьи были завалены массою прошений и жалоб по делам, подлежащим и даже не подлежащим их разбирательству. Новый суд, читаем в отчете, кроме интереса новизны, быстро сделался популярным своею доступностью, быстротою и несложностью формальностей сравнительно с прежним судом; в народной массе явилось сознание *прав и гарантий*, которые или не существовали ранее, или существовали только по имени, но были упразднены на практике за фактической невозможностью их осуществления. Естественно, что потребность в осуществлении их при первой возможности проявилась огромным наплывом просителей и публики в камерах мировых судей. Некоторые камеры не могли вмещать всех являющихся, и были случаи, что судьи, не желая стеснять столь необходимую, в особенности на первых порах, гласность, производили разбирательство *на дворе при камере*, чтобы не лишить всех явившихся возможности присутствовать на разбирательстве. «Естественные в каждом новом деле, — продолжает отчет, — недоразумения возникали со всех сторон, “новые права” подвергались преувеличенным толкованиям, вследствие чего к мировым судьям обращались с такими просьбами, которые явно выходили из пределов ведомства мирового суда, если не вовсе не подлежали судебному разбирательству. Начиная от просьбы вникнуть в семейные отношения и уладить семейные разлады, до просьб, имевших характер бракоразводных дел, начиная от жалоб на оскорбления выражениями самого невинного свойства, до жалоб на истязания и грабежи, — все это направлялось к мировому судье, который с первых же дней явился *живым истолкователем* прав, предоставляемых каждому, и обязанностей, возлагаемых на него законом». (См. 25-летие Мир. Суд. Уст.).

роге, и т. д., и т. д. Во всех подобных случаях, — продолжает тот же автор, — необходимы были прежде всего *неимоверные* усилия, чтобы люди всех званий и состояний поняли, что они вызваны к мировому суду не для шутки, и что приговор его может быть приведен в исполнение. *Это истинный переворот в умах* и к тому же еще чрезвычайно быстро совершающийся после двух строк приговоров, энергически приведенных в исполнение посреди людей, пораженных изумлением, не верящих своим глазам, чтобы покровительство, оказанное ими исправнику, не освобождало их от обязанности платить жалованье слугам, или чтобы дружественные попойки с заседателем полицейского управления не давали им права *бить* не только рабочих, но и *самых полицейских служителей*. Изумление, однако, быстро сменяется другими чувствами, и *толпа народа валит* к мировым судьям, вылезают на свет из всех темных закоулков такие дела, которые на памяти людской никогда иначе не решались, как кулачным правом, а в самом лучшем случае *терпением и забвением*»¹⁹.

Официальные данные вполне подтверждают эту характеристику и значение мирового института. «С первого же приступа мировых судей к новому делу, — писал министр юстиции Д. Н. Замятнин в своем всеподданнейшем годовом отчете по министерству, — простота мирового разбирательства, полная гласность и отсутствие обременительных формальностей вызвали *всеобщее к мировому институту доверие*. В особенности *простой народ*, найдя в мировом суде суд скорый и справедливый для мелких обиденных своих интересов, не перестает благословлять Верховного Законодателя за дарование России суда, *столь близкого народу и вполне соответствующего его потребностям*. Доверие к мировым судьям, — продолжает министерский отчет, — доказывается в особенности тем, что со времени открытия действий мировых судебных установлений возбуждено громадное число таких гражданских исков, которые или по своей малоценности, или по неимению у истцов формальных доказательств в прежних судах *вовсе не возникали*. Равным образом приносили мировым судьям множество жалоб на такие притеснения и обиды, а также на мелкие кражи и мошенничества, которые прежде обиженные оставляли без преследования»²⁰.

¹⁹ См. октябрьскую книжку «Русск. Вести.» за 1866 г.

²⁰ В сибирской речи своей 1897 г., упомянув о мировых судьях, призванных служить в самых глухих местностях Сибири и быть почти единственными органами, непосредственно соприкасающимися с населением по обиденным его делам, статс-секретарь Муравьев сказал: «Между вновь назначенными миро-

Приводимые в отчете Замятина цифры показывают, как быстро росла популярность мировых учреждений в столицах. С 17 мая по 17 ноября в 28 участках Петербурга было возбуждено 56 144 дела, из них решено и прекращено миром 44 770 дел (12 504 уголовных и 32 266 гражданских). В 17 участках Москвы за тот же полугодовой период было возбуждено 31 608 дел (уголовных 12 784 и гражданских 18 824), решено 17 171. На каждого мирового судью, несмотря на новизну и трудность новой гласной процедуры, приходилось средним числом около 2000 дел! Такая энергичная деятельность²¹ особенно бросалась

вами судьями есть немало людей молодых, но мы не боимся этого, увы, скоропреходящего свойства: опыт неуклонно и неразлучно сопровождает ревностный труд, выдержка и характер восполняют года, а молодость — значит бодрость, энергия, выносливость, и в молодости, руководимой образованием и воспитанностью, всегда свежее и ярче благородные идеалы добра. Правительство твердо надеется, что сибирские мировые судьи окажутся на высоте этого исключительного призвания и будут творить царское правосудие с честью, с усердием, скажу больше — с благоговением. В глуши, в одиночестве, среди суровой природы и чуждых людей — это будет своего рода *подвигом*, но пусть даже и так, — сознательный подвиг и бескорыстная жертва возвышают того, кто способен на них. В подобном служении ярко засветится искра Божия, озаряющая темноту, и если с течением времени цепь мирового судьи сделается в Сибири живым символом закона и правды, то новые судьи сослужат великую незабвенную службу Царю и Отечеству». «Ж. М. Ю.», 1897. № 7. Нужно надеяться, что эти прекрасные слова, так живо напоминающие настроения первых деятелей судебной реформы, найдут отклик и в сердцах преемников их. К сожалению, нынешнее общественное настроение очень мало похоже на тогдашнее. «В 60-х гг., — писал в 1894 г. в «Гражданине» сам князь Мещерский, публицист, далеко им не сочувствующий, — *все кипело* жаждою духовною, тогда *лучшие люди* шли на общественную службу, тогда как в каждом русском человеке билось сильнее сердце, тогда либералы создали целую Ниагару мыслей, стремлений и пр. То ли ныне наблюдается?» Не во власти людей вызывать нравственный подъем и воодушевленную бодрость. «Не всегда возможен, — справедливо указывал г. Муравьев в другом месте, — животворящий дух горячего увлечения высокими идеалами, который окрыляет силы и заставляет не замечать препятствий». См. его вступительное слово в судебной комиссии («Ж. М. Ю.», 1895. № 1. С. 47).

²¹ Приводим из составленного мировым судьей В. К. Вульффертом сборника «Двадцатипятилетие московских столичных мировых судебных установлений» еще некоторые данные об них. Чтобы судить о размерах деятельности, проявленной мировыми судебными учреждениями, достаточно принять на вид, что пере-

в глаза при сопоставлении ее с предшествовавшим временем, когда полицейские книги, назначенные для записи приговоров, в течение многих лет сохраняли свою девственную чистоту! Представители общества, являясь органом общественной признательности, всякими способами выражали свою симпатию мировому суду. Но представители общества выражали свою симпатию не на словах только, но и на деле. Когда по первому вызову С.-Петербургской городской думы явилось ввиду назначенного скудного вознаграждения в 2200 р. очень немного лиц, изъявивших желание баллотироваться на долж-

шедшие к ним дела ведались до 1866 г. следующими семью учреждениями: уездным судом, надворным судом, комиссией для словесной расправы между рядчиками и рабочими, девятью словесными судами при полицейских частях города и управлением 17 частей города Москвы. Если сопоставить рядом с этою многочисленностью учреждений количество производившихся в них дел, незначительность его сразу бросается в глаза. Уголовных дел производилось в год 1793, а гражданских 6200, всего, стало быть, около 8000. Как велика в этом отношении перемена, происшедшая со введением мировых учреждений, явствует из следующих цифр. В 1890 г. у мировых судей возникло:

Уголовных дел	28 850
Гражданских »	38 137
<hr/>	
	66 987

т. е. в течение 25 лет число дел увеличилось более, чем в 8 раз. Что явление это следует приписать не естественному росту населения (оно в Москве увеличилось несколько больше двух раз) или развитию городской жизни, а именно строю и направлению новых мировых судебных установлений, это можно вывести из сопоставления данных о деятельности их за первые же месяцы их существования. Московская городская дума, исходя из того соображения, что к мировым судьям будет поступать значительное количество мелких дел, для которых до судебной реформы «не было ни суда, ни расправы», при делении гор. Москвы на участки предполагала, что общее число дел сравнительно с прежними увеличится вдвое, т. е. будет 16000 в год. На самом деле в первое же полугодие число дел, возникших в мировых учреждениях, достигло 38000, т. е. превысило число дел, возникавших в дореформенных учреждениях за соответственное время *более чем в 9 раз*. Что касается быстроты производства дел, то о ней могут дать понятие следующие данные: из общего числа возникших в 1890 г. 28850 уголовных дел решено в том же году 28179, а из числа 38137 гражданских дел решено 37321. Всего мировыми судьями решено в течение 25 лет—1368546 дел, средним числом около 55000 в год.

ность мирового судьи, дума возвысила оклад с 2200 р. до 4500 р.²² Как только оказалась надобность ввиду накопления дел в увеличении числа участников, Петербургская дума ассигновала необходимые средства. Точно так же и Московская общая дума, несмотря на стесненное положение городских финансов, не затруднилась назначить добавочное содержание на мировые судебные учреждения.

V

Но как всякое учреждение, поставившее себе целью искоренение широко распространенного зла и застарелых привычек, новые мировые учреждения были встречены в высшей степени враждебно со стороны тех слоев общества, которым было на руку господствовавшее дотоле бесправное состояние масс. Особенно ополчились против мирового института органы крепостнической партии, которые, не смея думать о возврате былого доброго старого времени в его чистом виде, хотели бы удержать, по крайней мере, привилегированное положение, обеспечивающее безнаказанное самоуправство. Почитатели дореформенных порядков особенно возмущались «неповолительным вольнодумством» мировых судей, которые говорили всем *вы*, осмеливались ставить на *одну доску* барыню и кухарку при обвинении первой в самоуправстве либо оскорблении словом или действием²³. Судьи, исполнявшие свято возложенную на них законом

²² См. «Журн. Мин. Юст.», 1867. № 5. С. 184.

²³ Под характерным заглавием «Обломки разбитого корабля» В. Н. Никитин выпустил в 1891 г. к «судебному юбилею» книгу, в которой собраны сцены у мировых судей 60-х гг., представляющие крайне назидательную картину нравов известной части нашего общества, не могшей примириться с началом равноправности, введенным судебною реформой. Таких сцен масса. В одной из них фигурирует генерал Симборский, страшно обидевшийся на мирового судью, который в ответ на его требование, чтобы ему, как кавалеру ордена Св. Владимира, подан был стул, приказал подать два стула: один генералу Симборскому, другой истцу мещанину (С. 139).— Контр-адмирал Арбузов был возмущен тем, что мировой судья попросил его идти за решетку (в публику) и там дожидаться очереди. В апелляционной жалобе своей съезду г. Арбузов, между прочим, писал: «Услыша поочереди призыв г. судьи: “г. Арбузов и г. Соколов”, конечно, по идее *социализма* или непонятого *ангелизма* (sic), часто повторяемой от многих неучей мышления, как будто ведущих к прогрессивности, что, к сожалению, от непонимания сущности ведет наше должное развитие к ущербу с понятием о ложном, мнимом равенстве состояний или закона, что слышанных,

обязанность чинить суд «равный для всех», без церемонии обвинялись в опасных, революционных наклонностях. Но первое время защитники крепостнических тенденций были крайне малочисленны, и лучшая и большая часть печати стояла горою за судебную реформу.

к сожалению, от многих мировых судей при народном собрании разбирательства исков, в чем мое определение подвергаю решению судей, как здравомыслящих по непреложным законам природы (там же, 128)». — До какой степени это дикое наследие дореформенных порядков непонятно было европейцам, видно из того, что над ними иронизировала даже архиконсервативная прусская газета. «Крестовая Газета» (там же, 145).

- Каким обидным и вопиющим диссонансом кажутся эти старые сословно-крепостнические притязания, если вспомнить, что в Англии еще по Великой хартии 1215 г. признано равенство всех свободных граждан перед законом. Роберт Пиль имел полное право поставить в особую заслугу английской аристократии такое уважение к равноправности. «Милорды, — говорил он в 1770 г. в палате лордов, — вашим предкам, английским баронам, обязаны мы законами и конституциею, которою обладаем. Я думаю, что не воздали должной справедливости их образу действий, когда они исторгли у своего сюзерена то великое признание национальных прав, которое заключается в Великой хартии. Они не присвоили их себе одним, но сделали их *общим благом* и достоянием *всего народа*. Они не сказали: таковы права больших баронов или таковы права больших прелатов. Нет, милорды, языком грубой латыни того времени сказали они: *nullus liber homo* (ни один свободный человек), и столь же заботливо отнеслись к самому *ничтожному из подданных, как и к самому знатному*. Это чудные слова; нехорошо звучат они только в ушах буквоедов; они обращаются к человеческому сердцу. Эти три слова — *nullus liber homo* — имеют значение для *всех нас*; они стоят того, чтобы их запомнить, заучить наизусть; они стоят всех классиков»... (См. превосходную монографию В. Ф. Дерюжинского — *Habeas corpus act*. С. 5).

Европа так привыкла верить в подкупность русского суда, что когда разнесся слух о предании суду архимиллионера Овсянникова, юмористическое издание «*Кладеграда*» поместило следующую злую, но оправдываемую прошлым русско-го суда корреспонденцию из Петербурга: «*12-кратный* миллионер Овсянников арестован. Непостижимо! Или у него вовсе нет 12 млн или же на днях услышим, что *11-кратный* миллионер освобожден от преследования». К чести русской прокуратуры и суда присяжных предсказание «*Кладеграда*» не исполнилось, но как оно было правдоподобно, видно из того, что, как удостоверяет сенатор А. Ф. Кони, за Овсянниковым в прошлом было десять судимостей (в том числе побои, нанесенные должностному лицу), и во все десять раз он выходил сух из воды. (См. «Юридические поминки». С. 10).

Отвечая на крепостнические выходки «Вести» против мирового суда, «Московские Ведомости», между прочим, указывали на недобросовестность критиков этого молодого учреждения, игнорировавших его цель и новые условия его деятельности. «Щедрость общественных учреждений относительно мирового института при стесненных городских финансах получает, — писала эта газета, — значение *неперекаемого* заявления о пользе мировых учреждений, сознаваемой всеми обывателями. А между тем мировая часть судебных учреждений подверглась и подвергается *наиболее злобным* нападкам со стороны наших *консерваторов известного сорта*, сердящихся, по-видимому, на судебную реформу, как и на другие преобразования, всего более за то, что они идут не без успеха. Мировые судьи заменили у нас, главным образом, разбирательство, происходившее в съезжих домах. Кто не помнит, что это такое было? — Кто будет утверждать, что прежнее судебное полицейское разбирательство было способно к развитию? И наоборот, кто не видит, что самые упущения мировых судей не пропадают даром для дела; что они становятся предметом обсуждения в мировых съездах, устроенных корпоративно и, следовательно, способных хранить результаты приобретенной опытности; что они, наконец, подлежат контролю публики и всяческой критике как устной, так и печатной. Теперь всякое их упущение выходит наружу, и всякому доброжелателю и *недоброжелателю* правосудия на Руси открыта полная возможность следить за действиями мирового суда и при первом поводе подвергать его порицанию и *даже не заслуженному*. Было ли что-нибудь подобное прежде, когда господствовала канцелярская тайна. Насколько же добросовестно хвататься за каждый промах нового суда, к тому же иногда и мнимый (и таким-то явно фальшивым методом заведомо недобросовестной критики мог пользоваться и мутить общество впоследствии сам автор цитируемой статьи, ренегат М. Н. Катков, давший в своих возмутительных нападках на новый суд перлы искусства превращения белого в черное и наоборот!), и на этом основании произносить неблагоприятные приговоры *о целом учреждении?*.. Est modus in rebus. Почитая своих читателей за стадо Панургово, все-таки нельзя уверять их, что в старых судах упущения и были возможны потому, что все там происходило *келейно, под сильным давлением администрации?*..»²⁴.

²⁴ См. № 263 за 1866 г.

В 1866 г. Сухотин писал: «Опять начинается разыгрываться тайная сила, на время было умолкнувшая. Некоторые люди, упоенные властью произвола, не терпят значения и силы судебной реформы, которая есть единственная разумная сила,

Но, к сожалению, подобные заявления нисколько не обезоруживали партию, враждебную принципам нового суда. Указывая на те или другие злоупотребления администрации, обнаруживаемые при гласном разбирательстве, враги нового суда обвиняли его в том, что он колеблет престиж государственной власти, стройность управления²⁵ и пр. Вся благомыслящая часть печати восстала против такой фальши-

уважаемая добрыми и разумными и колющая глаза самодурам, ложным либералам и нашим *soit disant* петербургским прогрессистам, которые в начале шестидесятых годов, по словам нашего автора, популярничали и либеральничали, а при начавшейся реакции, потеряв даже всякий стыд, «лицемерят как лакеи». В конце 1867 г. читаем: «Носятся печальные слухи о том, что администрация хочет наложить руки на судебную реформу и будто дела о столкновении с полицией и жалобы на нее будут изъяты из суда присяжных. Впрочем, это все слухи, и вообще последнее время наша политическая, судебная и административная жизнь находится в самом неопределенном и туманном положении». И позднее Сухотин замечает: «Всякий, кто желает независимости для новых судебных учреждений, тот заподозривается правительством и петербургской знатью, как демократ, красный или как наивный человек». («Русск. Арх.», 1894. № 4). Нелепый до невменяемости «Гражданин» в своих нападках на реформы 60-х гг. дошел до бреда наяву. Неустанно бранит он суды и земство (нынешнее — жалкую пародию самоуправления!) за малейшее проявление независимости относительно губернатора, а уж тем более министра, и мечтает об управлении Россией посредством сатрапов и сподручных лихих земских начальников. Но, видя вместе с тем все прелести современного непомерно развивающегося бюрократизма, заткнувшего за пояс и николаевские времена, газета с ужасом отворачивается от этой «толстеющей, расплзающейся гидры, стиснувшей свободную, яркую жизнь». («Гражданин», 3 февр., 1900). Не угодно ли разобрать эту чепуху: и бюрократия-гидра гибельна, и призванные для смягчения ее болячек самоуправление и суд присяжных — пагубны!?

²⁵ До чего доходила вражда администрации к суду и мания ее охранить престиж свой, можно судить по рассказу акад. Никитенко. В ноябре 1866 г. делили Петербург на полицейские участки. Предположено было принять для этого в основание деление города на судебные мировые участки. Обер-полиц. Трепов, ненавидевший новые суды, энергически отверг такой план деления, ссылаясь на то, что «авторитет полиции как бы подчинится (sic) авторитету судов». («Русская Стар.», 1891. № 9. С. 585). — Тот же Никитенко передает, что от всякой ошибки со стороны нового суда, как, например, было с делом свящ. Борисоглебского, обвиненного в оскорблении дамы (подробности см. в «Обломках разбитого корабля» — Никитина. С. 130), администрация чуть ли с ума не сходит от радости. («Русск. Стар.», 1891. № 10. С. 180).

вой точки зрения, развиваемой «Вестью», но не встречавшей в то время прямого сочувствия в правительственных сферах. «Воздвигаясь среди обломков отчасти разрушившегося, отчасти еще разрушающегося социального быта, — писал И. С. Аксаков, — встречаясь лицом к лицу каждый день и каждый час со старыми, еще живучими, но уже осужденными на смерть порядками и преданиями, наш новый суд переживает трудное время. Потребна немалая мудрость, немалая стойкость от тех, кому поручено насаждение новой правды на Руси для разумного ухода за нею для того, чтобы не тревожиться зловещими криками: «об уничтожении *достоинства власти*», «об опасности для общественного спокойствия» и пр. Уничтожение достоинства власти!.. Но разве сам суд не есть одно из отправлений государственной власти, и разве не в тысячу крат выше прежнего сплотилась и укрепилась новая судебная власть? Разве не приобрело, наконец, государство, казалось, навек уже утраченное доверие к своему суду? Уничижено не достоинство власти, но от блеска истинного достоинства нашего обновленного правосудия поблекла и посрамилась *мишура* прежних *административных гарантий спокойствия и порядка*. Толкуют об опасности. Опасность, действительно, грозит, но не общественной тишине и благоустройству, а именно новому суду, который хотят свести с его юридической основы на зыбкую почву *административных соображений*, привить ему традиции и свойство старых судов, которых назначение, как известно, состояло не в том, чтобы творить суд и правду на независимых, твердых началах, а в том, чтобы узаконить, или вернее, давать законную *юридическую обделку административному произволу* — быть услужливым выражением и орудием административных временных, непрестанно видоизменяющихся воззрений на правду»²⁶.

Тот же публицист с большою наглядностью указывал на вред, проистекавший от систематической травли, предпринятой реакционной печатью против мировых и вообще судебных учреждений. «Тут — по справедливому замечанию Аксакова, — правдивой и честной критике не оставалось почти никакого места, она легко могла послужить даровым лишь материалом для тех самых недобросовестных порицаний и отрицаний, которые грозили некоторое время даже существованию нового суда». С другой стороны, Аксаков указывал, как неблагоприятно должно было отозваться на деятельности новых судебных учреждений их постоянное шельмование и запугивание. «Новому суду, — писал он, — предоставляется так много серьезного и притом совершенно нового дела, что всякая побочная забота об ограждении

²⁶ «Москвич» от 8 февраля 1868 г.

своих прав или неуверенность в своей крепости и самостоятельности могла бы только мешать его внутренней деятельности и неуклонному исполнению его высокого призвания: служить закону и законности в России. Закулисная борьба между прочно установившимися и веками сложившимися административными силами и едва возникающей самостоятельностью судов не может обещать никаких добрых результатов. Одно уже предположение, что борьба эта существует, грозило бы немалой опасностью *нравственной* (курсив подлинника) *независимости суда*, который в ожидании неведомого исхода этой борьбы по одному чувству *самосохранения* легко бы мог в лице единичных своих органов увлекаться такими *уступками*, какие несколько не согласны с духом новых судебных учреждений, ни с самими намерениями, выраженными их основателем. А тот дух и эти намерения — *самое дорогое* во всем судебном преобразовании; отнимите их от нового суда, останется одна мертвая форма, один балаганный спектакль чего-то нового, что в сущности, пожалуй, выйдет *хуже даже разлагающегося старого*»²⁷.

Указанные неблагоприятные условия, конечно, отразились и не могли не отразиться вредно на деятельности как общих, так и мировых учреждений. Но дух этих учреждений, добрые традиции, крепко заложенные в первые годы их деятельности, оказали настолько благотворное действие, что в общей сумме мировые учреждения, за ничтожными исключениями, по официальному удостоверению (1889), находятся в *удовлетворительном*, а местами даже в блестящем состоянии.

При последней сенаторской ревизии, предпринятой в начале 80-х гг., один из ревизоров, сенатор М. Е. Ковалевский, ревизовавший довольно глухие северо-восточные губернии, дал о мировых учреждениях весьма хороший отзыв, а относительно одного мирового съезда, а именно Казанского, он прямо выразился, что он *не оставляет ничего желать более*.

Как раз вскоре после издания законоположения 12 июля 1889 г. о земских начальниках, упразднявшего мировые установления, в «*Правительственном Вестнике*» опубликованы были, как бы в виде исторической эпитафии погребаемому институту, официальные данные, из коих явствовало, что деятельность мировых судебных установлений (после известного сенатского указа 1886 г.) стала «*весьма удовлетворительною как в смысле правильности постановляемых мировыми судьями решений, так и в отношении быстроты судопроизводства*»²⁸. Дождутся ли

²⁷ Москва, 2 февр. 1867 г.

²⁸ Официальные данные перепечатаны в № 241 «*Русских Ведомостей*» за 1889 г.

такой лестной эпитафии²⁹ носители идей «властной руки», сменявшие представителей закона и равноправности?

Какая бы участь ни ждала в будущем мировой институт, истекшая тридцатипятилетняя плодотворная деятельность его по водворению в бесправной дотоле народной массе идеи права и законности, сознания своего человеческого достоинства, не могла не оставить следа в народе; деятельность эта составляет громадную и бесспорную заслугу мирового суда пред отечеством и займет видное место в истории культуры русского народа.

P. S.

Особенно счастливо подобрался персонал московского мирового института, который в массе стоит гораздо выше коронного. Если оправдается предположение о замене выборного мирового суда чиновничьим, то можно ожидать лишь перемены к худшему. Как довольна Москва своими судьями, это видно из речей гласных и постановлений думы.

Достаточно напомнить о деятельности одного из них, Л. В. Любенкова, этого лучшего из лучших судей, которым гордилась бы любая магистратура.

²⁹ См. выше предисловие к 6-му изданию. — В обширной литературе этого двуличного уродливого архаического института, воскресившего местами времена очаковские и покорения Крыма, особое место заняли «Записки» бывшего земского начальника г. Новикова, печатавшиеся сначала в *«С.-Петербургских Ведомостях»*, а потом вышедшие отдельною книгою. Из этого свободного от либерального яда источника с ужасом должны были узнать больше, чем из разоблачений всех либеральных изданий. — Г. Новиков a posteriori вполне подтверждает то, что защитники Судебных Уставов a priori приводили против узаконения произвола «властной руки». — Книга г. Новикова воочию доказывает, что личность и имущество крестьянина de facto отданы на прихотливое усмотрение земского или, как теперь точнее стали называть, крестьянского начальника. Ни съезд, ни предводитель, ни губернатор, контроль которых ограничивается писанием бумаг и поверхностным образом, не оградит крестьян, судьбу которых в действительности со всех сторон держит в своих руках его всеильный попечитель... И такими-то блистательными результатами, приведшими массу населения к лишению элементарных прав личности, восторгаются панегиристы произвола. (См. *«Москов. Вед.»*, 1900. № 71).

Так отвечают на поставленный поэтом вопрос — «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» — монополисты народного блага, на словах преклоняющиеся

В заседании Московской городской думы обсуждался вопрос о назначении пенсии этому заслуженному представителю нашей мировой юстиции. Представители города Москвы с редким единодушием отмечали выдающиеся заслуги общественного деятеля, которого только злой недуг мог оторвать в 1899 г. от дорогого, но трудного дела, расшатавшего здоровье этого самоотверженного труженика. Дума назначила г. Любенкову пенсию в размере 3000 руб. и сверх того постановила просить мировой съезд поместить в зале общих собраний, где имеется уже большой портрет творца мирового института Александра II и некоторых мировых судей, портрет уходящего на заслуженный покой судьи.

Не подлежит сомнению, что все эти доказательства глубокой признательности со стороны городского представительства найдут громкий отклик среди московского населения и в особенности низших слоев его, которые по преимуществу соприкасаются с мировыми учреждениями. Г. Любенкова знали как «праведного судью» не только в его собственном участке, но и жители других частей, которые видели его в качестве председательствующего в съезде. Достаточно было раз видеть этого доброго, приветливого, ласкового, со всеми равного и до обворожительности предупредительного судью, чтобы навсегда сохранить в душе образ его как идеального *мирового* судьи, который, можно смело сказать, в совершенстве осуществил идеал судьи-человека, судьи-миротворца, носившийся пред умственным взором творцов Судебных Уставов.

Кто не знает, какой это тяжелый, подавляющий труд — служба в московских мировых учреждениях? Масса мелочей сложной столичной жизни, масса мелких обыденных делишек маленьких людей, которые, однако, для них часто важнее важных, множество горьких обид и правонарушений, которые в недавнее время переносились безропотно, по невозможности «найти управу» на обидчика, несется ежедневно в камеры мировых судей. Нужно железное здоровье, ангельское терпение, огромный запас житейского опыта, быстрая сообразительность, а главное — сострадание и неисчерпаемая любовь к темному народу, умение выпросить его и заслужить его доверие, чтобы с пользой и честью нести эти малозаметные, но имеющие огромное воспитательное значение обязанности. На этой труднейшей из судебных должностей, требующей страшного напряжения физических, умственных и в особенности нравственных сил, часто физи-

пред мудростью народа, а на деле третирующие его как зверя, животное или в лучшем случае как «хама» или дитя неразумное.

ческие крепкие люди не выдерживают, тогда как бодро стоят много лет крепкие духом пионеры правосудия. Сознание исполнения высокого общественного долга, служба не в угоду лицам, не из-за погоны за наградами и отличиями, а во исполнение своих гражданских обязанностей перед народом — великие стимулы, создавшие добрые традиции современного мирового суда. И если Москва справедливо гордилась с самого введения в 1866 г. своим мировым институтом, давшим столько прекрасных образчиков деятельности правого и равного для всех суда, то даже в этой избранной среде особенно выделяется Л. В. Любенков. Если принять во внимание, что он не был в числе первоначальных деятелей великой судебной реформы, что он вступил в должность в такое время (1875), когда уже наступало и в мировом институте обычное у нас быстрое охлаждение после горячего увлечения, а конец его службы совпал со временем, когда и сюда стали проникать из смежных областей, в силу законов сосуществования, чуждые замашки в виде обращения на *ты* или окриков нетерпения, то еще рельефнее выступит значение общественно-судебного служения г. Любенкова.

Все в нем соединилось для создания типа образцового мирового судьи. Внушительная, но не отпугивающая наружность, замечательно доброе лицо с приветливыми глазами, негромкий, мягкий голос, все привлекало в нем с первых же шагов его деятельности. И с тех пор популярность Л. В. все более и более росла. Адвокаты с радостью шли в камеру ласкового судьи, зная наперед, что они не только сами встретят самое предупредительное обращение, но даже не будут поставлены в неприятное положение немых свидетелей иного, далеко не дружелюбного обращения с просителями из непривилегированной публики. А с каким доверием шел простой народ к «праведному судье», и говорить нечего. За долгие годы службы Л. В. едва ли хоть один проситель ушел от него недовольный. Всякий видел воочию, что для каждого просителя, без различия ранга и общественного положения, судья делает все возможное, не зная ни вспышки досады и нетерпения, ни усталости. С утра и до вечера сменялись пестрые ряды просителей, свидетелей, обвиняемых, тяжущихся со своими страстными спорами и невзгодами, и один только добрый и внимательный ко всем мировой судья с начала до конца остается все в том же ровном настроении, не уставая распутывать темные дела, изыскивая способы наилучшего решения их и делая невероятные усилия для совестливого, полюбовного окончания дела миром. Если бы не внешние атрибуты власти и не стража, то камеру г. Любенкова можно бы принять за аудиторию хорошего педагога, и с любовью и ласкою поучаю-

щего просителя и воздающего каждому должное. Едва ли хоть один обвиняемый или тяжущийся вышел с обидою и досадою из камеры Л. В. Любопытно знать статистические данные о числе дел, оконченных в этой камере миром. Они бы служили самым красноречивым доказательством плодотворной деятельности этого, в полном смысле слова, образцового судьи и общественного деятеля и убежденного шестидесятника, воспитанного на сочинениях Белинского, Герцена и других.

Добавим, что не менее славную память оставляет г. Любенков и в летописях Богородицкого земства, где он наряду с другими старыми земцами, верными заветам своих учителей, служил, пока позволяли силы, народному благу, отстаивая интересы народной массы от напора воскресших алчных крепостнических вождельний.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ОТКРЫТИЕ ПРИСЯЖНОГО СУДА

(СПРАВКА К 30-ЛЕТИЮ)

После освобождения крестьян у нас будут гласные процессы, присяжные, большая свобода в печати, реформа в общественном воспитании и народных школах.

Из письма А. С. Пушкина

Выросший в Англии, принятый затем во Франции, суд присяжных стал ныне мировым институтом, характеризующим цивилизованные нации. Палладиум личной свободы и политической независимости народной, ревностный страж общественной безопасности и строгий судья злодеяний, это установление более и более делается для культурного мира судом естественным по преимуществу. Принятое Уставами Александра II, оно стало центральным узлом новой судебной системы, ее лучшим украшением и самую твердую ее опору.

Проф. Фойницкий

I

Тому назад тридцать лет, 21 августа 1866 г., в Московском Кремле, в монументальном здании екатерининской эпохи, видевшем в своих стенах и Екатерину II с ее сподвижниками, и Наполеона с его маршалами¹, происходило скромное, но знаменательное по важности историческое событие. В продолговатой зале со сводами с видом на Ивана Великого, соборы и Чудов монастырь, в зале, получившей после процесса игуменьи Митрофании наименование Митрофаниинской, открыта была первая сессия суда присяжных.

Слушалось дело крестьянина Ивана Тимофеева, обвиняемого в краже со взломом. Состав суда был таков: Д. С. Синеоков-Андреев-

¹ См. «Ж. М. Ю.», 1896. № 3, статью Иванова «Очерк истории здания судебных установлений в Москве», 293, 305.

ский, П. М. Щепкин (†), Н. И. Шестаков (†), секретарь С. В. Щелкан (†). Обвинял товарищ прокурора И. М. Остроглазов (†)², защищал присяжный поверенный Б. У. Бениславский (†). Присяжными заседателями жребий указал: стат. сов. Виноградова (старшина), Демидова, Плетнева, Дьяконова, Покровского, Миндера, Андропова, Мамонова, Гивартовского, Груздева, Филиппова, Александрова; запасными: Катуара и Ильина. Присяжные вынесли подсудимому обвинительный приговор и признали его заслуживающим снисхождения. Суд приговорил — к лишению всех особенных прав и преимуществ и к отдале в арестантские роты на 2 года и 9 месяцев³.

Так вступило в жизнь это новое, невиданное, неслыханное учреждение суда присяжных или суда с присяжными, как вначале называли учреждение, служившее самою важною и самою интересною частью нового судебного строя, но значение коего далеко не всеми было сразу понято и оценено в одинаковой мере. Приветствуя открытие новых судебных установлений, М. Н. Катков между прочим писал: «Немного из того, что совершилось и немного из того, что может обещать нам впереди самый широкий прогресс, может сравняться по важности и значению с этим великим преобразованием».

В частности о значении суда присяжных тот же публицист писал: «Суд присяжных лучшая гарантия личной свободы. Суд, отправляемый публично и при участии присяжных, будет *живой общественной силой*, и идея законности и права станет могучим деятелем народной жизни. Только благодаря этому нововведению, то, что называется законной свободой и обеспечением права, будет не словами, а делом... Великое преобразование»⁴.

Если для образованного общества судебная реформа и венец ее, суд присяжных, открывали такие светлые и многообещавшие перспективы в будущем, то для народных масс введение суда присяжных имело на первый раз иное, более тесное и непосредственное, но не менее важное нравственное и бытовое значение. Какой-то иностранный корреспондент, отражая то презрительное недоверие, с которым встречен был суд общественной совести у нас в старых крепостнических сферах, с худо скрытой иронией писал в «*Revue des deux Mondes*», что, по мнению народа, суд присяжных означает, что «судьи присягают не брать взяток».

² Впоследствии председатель Тульского окружного суда. О деятельности его см. ниже в отделе «Скорбных справок».

³ См. «Судебн. Вестник» 30 августа 1866 г.

⁴ «Моск. Ведом.», 1866. № 86.

Что же? В этой иронической характеристике было много поучительной правды, легко объясняемой историей русской юстиции. Взяточничество составляло такую общую и характеристическую черту старого суда, без различия ранга и степени, до такой степени в нем все было продажно, что суд присяжных прежде всего должен был вызывать, произвести именно своею неподкупностью и независимостью особое сочувствие в народе, да и не в одном народе. Когда в 1884 г. в разгар реакции против суда и присяжных, забыв его громадные заслуги пред отечеством, реакционная печать стала травить суд совести и раздувать ничтожные его недочеты, И. С. Аксаков, хорошо помнивший время и до, и после введения суда присяжных, указал его врагам, что уже за одно уничтожение в судах взяточничества, казавшегося в дореформенное время злом неотвратимым, неизбежным, как стихийное явление, — можно бы простить нелицеприятному суду совести все его ошибки, если бы они даже и не были продуктом больного воображения крепостников.

Но неподкупность — понятие отрицательное, хотя и безусловно необходимое для суда. Одной неподкупностью не мог суд присяжных приобрести ту чрезвычайную и благодарную популярность, которую он стяжал быстро, как пред правительством и обществом, так и пред народом. Рядом с неподкупностью стали выдвигаться другие отличительные свойства суда присяжных: его внутренняя жизненная правда, отзывчивость, человечность.

Взятки — взятками, но не всегда же в старых судах дела решались взятками. Ведь немало было таких «неинтересных» дел, по которым самый бессовестный судейский крючок не мог ничего содрать. Вот тут-то выступали другие язвы дореформенного судопроизводства: его невежественное буквоедство, его мертвящий формализм и сословное неравенство, доходившее до жестокости, в особенности по отношению к «подлому» народу, т. е. к огромному большинству его, не изъятому от податей и телесных наказаний. Если дела дворян и других привилегированных классов, даже без прямого участия подсудимых, а силою одной, так сказать, инерции благородства, сами собою восходили на ревизию высших судебных инстанций, то простолюдин, осужденный на каторгу заседателями-манекенами, может быть только потому, что не мог насытить алчность секретаря, мог не иначе добиться рассмотрения жалобы в сенате, как подвергнувшись предварительно наказанию плетьюми по приговору палаты, на которую он приносил жалобу⁵. И вдруг после всех подобных воз-

⁵ Для характеристики дореформенного судопроизводства следует добавить, что

мутительных пародий на правосудие является суд гласный, равный для всех без различия сословий, судящий спокойно и без оскорбления человеческого достоинства, без озлобления и ненависти карающий провинившегося и милостиво прощающий человека, случайно впавшего в преступление. Было от чего придти народу в радостное изумление, которое все более и более увеличивалось.

Чем дальше шло вглубь России распространение суда совести, тем все более и более теряло почву под собою исторически сложившееся недоверие народа к суду и официальному законодательству. Где закон, там и неправда — таков был приговор, произнесенный народом над дореформенным правосудием, и в этом приговоре была горькая правда. Суд присяжных стал рассеивать это предубеждение народа, внедренное старым жестоким законодательством и буквоедскою практикою приказной юриспруденции. Народ воочию стал видеть, что не только суд, но и закон изменился, что не только плети и розги пропали из приговоров, но что все дело разбирается и вина подсудимого определяется по-божески, по совести, по сущей правде, а не по закону, по казенному, как это было прежде при существовании официальной таксы доказательств. Народ видел и другую разительную перемену — это состав суда. Положим и прежде призывались заседатели в суды, но народ хорошо помнил, что заседатели были только ширмой, за которою орудовал секретарь, что заседатели не дело разбирали, а исполняли обязанности прислуги⁶, а в нужное время их призывали для приложения печати к неведомым приговорам. Теперь не то. Всякий видел, что дела решают не господа в мундирах, а сами присяжные, простые мещане и крестьяне, и пред приговорами их преклоняется само начальство. Народ видел, что это суд одинаковый для всех: для мужиков и господ, и что «вчерашний раб», который по мановению руки помещика мог быть истязуем и сослан в Сибирь, — сидит рядом с ним и подает голос по убеждению совести наравне с ним; что приговор их немедленно получает

в случае оставления жалобы без последствий жалобщик подвергался *снова* бо ударам розог. (Зап. сенатора Ховаэна).

⁶ Колмаков рассказывает следующую сцену: министр юстиции граф Панин как-то раз заехал в петербургский уездный суд, где встретил одного человека в нижнем белье с метлою в руках. На вопрос министра: «где судья», он отвечал, что «судья нет», а на вопрос: «где заседатель», отвечал: «я заседатель». — Граф в смущении произнес: «Вы... ты...» и удалился. («Русск. Стар.», 1886. № 12). Впрочем, эта буколическая сцена не помешала по-прежнему утверждать, что только неблагонамеренные люди могут требовать преобразования судов.

силу, и раз присяжные по совести сказали: не виноват, — почти по маговению волшебства падают узы, и подсудимый делается свободным человеком. Радостно восторжен был при виде этого нового суда народ, изверившийся в возможность правды на суде земном. Народ не верил своим глазам, не верил своим ушам, слыша в приговоре присяжных отголосок той сущей правды, которую смутно ощущал он в себе самом, но осуществление которой еще так недавно, при крепостном праве, казалось такою же химерою, как мечта о молочных реках, текущих среди кисельных берегов.

II

Форменная келейная расправа стала превращаться в действительный суд только с момента учреждения суда присяжного.

А. Бобрищев-Пушкин

Неожиданное появление суда присяжных должно было поразить не один народ, только что сбросивший с себя узы рабства. Одно уже проектирование его поразило удивлением даже интеллигентное русское общество. Долгое время суд присяжных имел характер запретного плода. Когда в 1862 г. опубликованы были основные положения судебной реформы, и в том числе суд присяжных, человек образованный, с передовыми взглядами, академик Никитенко с умилением заносил в свой дневник, что если бы в недавнее николаевское время кто-нибудь помечтал бы о подобных предметах и мечта его сделалась бы известна начальству, он неминуемо попал бы либо в крепость, либо в сумасшедший дом⁷.

Инициатива суда присяжных, как и самого освобождения крестьян, по признанию самих славянофилов⁸, шла из лагеря либеральных западников.

Первый, кто осмелился публично заговорить о таком подозрительном предмете, как суд присяжных, был известный деятель⁹ крестьянской реформы Тверской губернии, предводитель дворянства А. М. Унковский, предложивший еще в 1858 г. в крестьянском комитете в числе других реформ и суд присяжных. Возражая против довода о недостаточной развитости русского народа для выполнения

⁷ См. «Дневник». Т. II.

⁸ См. «Письма Аксакова». Т. II.

⁹ Подробности см. в моих историко-биографических справках: «А. М. Унковский и освобождение крестьян».

обязанностей присяжного заседателя, Унковский писал: «Что значит — народ недостаточно развит и какая нужна степень развития для наглядного суждения по совести и здравому смыслу? Присяжным именно это только и нужно, а русский народ, конечно, *не имеет недостатка ни в здравом смысле, ни в добросовестности*. Неужели наш народ менее развит, нежели английский в XIII столетии? Англичане ввели суд присяжных и в Новой Зеландии. Неужели наш народ ниже новозеландских дикарей? Суд присяжных — суд гласный и по совести — требует в судьях гораздо менее умственного развития и образования, нежели всякий другой суд, а тем более наше сложное судопроизводство; поэтому можно скорее сказать, что у нас возможен *только* суд присяжных и менее возможно настоящее сложное судопроизводство. Устройте самостоятельный суд и притом присяжный (потому что другого независимого суда *нет и быть не может*) и те же люди, которые только снимают шубу с почетных посетителей и прикладывают печати, окажутся способными к произнесению приговоров; это ясно как день, и противиться этому благодетельному учреждению могут только те, которым бессудность и безнаказанность *выгоднее*». Исполненное доверия к закрепощенному еще народу, предложение Унковского, как и следовало ожидать, встретило сильный отпор со стороны крепостников, которые открыто называли проект Унковского революционным, но большинство Тверского комитета приняло суд присяжных. — Унковский вторично и подробно развивал свой проект в 1859 г. в редакционной комиссии по крестьянскому делу, а затем после известного столкновения депутатов с членами ее он в всеподданнейшем адресе вновь высказался за необходимость учреждения суда присяжных. В программе реформ, изложенной в этом адресе и вызвавшей гнев Государя¹⁰, в п. 3 пять депутатов просили об учреждении «независимой судебной власти», т. е. суда присяжных.

Хотя мысль о суде присяжных была встречена в 1859 г. правительством не дружелюбно, но она не заглохла. Ее поддержали некоторые дворянства. Главную же поддержку ей оказало передовое общественное мнение в лице лучших тогдашних журналов: «*Современника*» и «*Русского Вестника*».

С осени 1861 г. после освобождения крестьян возобновились работы по судебной реформе при очень благоприятном настроении. Великое дело отмены крепостного права, внушавшее столько страхов, осуществилось благополучно. Вопреки предсказанию мнительных

¹⁰ В письме к Ростовцеву Александр II назвал этот адрес дерзким. (См. Т. II Н. П. Семенова — «Освобождение крестьян»).

бюрократов и консерваторов, пугавших народными волнениями, народ вел себя безукоризненно. Благополучное проведение столь трудного и сложного дела усилило кредит либерально-гуманных веяний, и когда в 1861 г. государственная канцелярия приступила к пересмотру проектов судебной реформы, составленных гр. Блудовым, почва для введения суда присяжных уже была достаточно подготовлена.

Честь первого предложения суда присяжных принадлежит Д. А. Ровинскому, тогдашнему московскому губернскому прокурору. Прекрасный знаток не только судебной практики, но и народной жизни, Д. А. Ровинский в дельной и остроумной записке опровергал все страхи и недомыслия о суде присяжных, которые навяны были ложною мудростью кабинетных знатоков русского народа, никогда не выезжавших из Петербурга.

Разбирая обычные доводы о неподготовленности русского народа, Д. А. Ровинский между прочим писал: «Предположение, что народ наш смотрит на преступление снисходительно и признает преступника „только несчастным“, противоречит всем известному факту, что преступники, пойманные народом на самом месте преступления, поступают в руки полиции не иначе, как избитые и изувеченные. На этом основании можно бы обвинить народ скорее в противоположном, но и это будет несправедливо, — народ бьет пойманного преступника просто в виде наказания и потому единственно, что *не имеет никакого доверия ни к добросовестности полиции*, которая может замять дело, *ни к правосудию* судей, которые на точном основании теории улики и совершенных доказательств могут освободить гласного преступника от всякого взыскания».

«Что народ смотрит с состраданием на преступника, уже наказанного плетью и осужденного на каторгу и ссылку, и, забывая все сделанное им зло, несет ему щедрые подаяния вещами и деньгами — это правда. Что народ жалеет подсудимых, просиживающих на основании теории улики и доказательств годы и десятилетия в явное разорение своего семейства и государственной казны — и это правда. За это сострадание следовало бы скорее признать за народом *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его в недостатке юридического развития».

«Гораздо важнее и *справедливее*, — говорит автор, — обвинение народа в том, что понятие о праве, обязанностях и законе в нем до того *неразвиты* и неясны, что нарушение чужих прав, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самым обыкновенным делом. И действительно, кража всех родов и всех видов, начиная от ежедневной порубки в казенных лесах и мелкой эконо-

мии казенных дров и провианта и кончая колоссальными подрядами на строительные работы и всякие поставки, *кража составляет в общественной жизни нашей самое обыкновенное явление. Многие виды освящены обычаями, другие даже узаконились от давности.*

Но такой странный порядок вовсе не зависит от неразвитости народных масс, которые ни в одном государстве не могут еще похвалиться ни юридическим образованием, ни высшею способностью *к такому анализу и логическим выводам.* Да если юридическое образование и высшая способность к тонкому анализу и действительно составляют удел одних *иностранцев*, то почему эти господа, перебравшись на *нашу почву, так скоро осваиваются* с нашими порядками, сметами, доходными статьями и экономиями и так *быстро теряют* и юридическое образование, и высшую способность к тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; в большинстве случаев человек осторожен тогда, когда за поступками *его следит общество*, у которого есть возможность законным путем порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать от человека там, где общественное мнение еще не совсем сложилось, и где попытка надзора со стороны общества еще *так недавно преследовалась наравне с скопом и заговором?* Правительство должно дать законный исход общественному мнению, им самим затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственных членов, оно должно посредством такого суда *слить свои интересы с нуждами общества.* Говорят, что введение такого суда у нас преждевременно, что народу и обществу предстоит прежде всего юридическое развитие и т. д. Мы же, напротив, убеждены, что такой суд, строгий, гласный и всеми уважаемый, должен *предшествовать всякому юридическому развитию и общества, и самых судей*, что только в нем народ *научится правде и перестанет открыто признавать кражу за самое обыкновенное дело.*

Это простые и прекрасные мысли, в которых сквозит такая теплая вера в добрые инстинкты и культурные способности только что освобожденного народа и которые еще и ныне для многих непостижимы были приняты единодушно передовыми юристами, прикомандированными к государственной канцелярии: С. И. Зарудным († в 1888 г.), Н. А. Буцковским († в 1873 г.), Н. И. Стояновским, К. К. Победоносцевым.

В Государственном совете в 1862 г. также единодушно прошел суд присяжных. За него стоял и сам архиконсерватор, министр юстиции граф В. Н. Панин, еще в 1855 г. усматривавший революционный дух даже в проекте о сокращении в судах письменности, а в 1862 г. так ре-

шитительно проникшийся либеральными веяниями, что открыто заявил в Совете: «Если правительство желает действительно независимого суда, то нет другого выхода, как ввести суд присяжных».

III

Вся будущность России зависит от процветания народного суда присяжных. Современное наше общество едва ли даже в состоянии понять тот громадный шаг к прогрессу, который оно сделало с того момента, как стало активно участвовать в отправлении правосудия. Едва ли оно также в состоянии понять, как тщательно следует беречь это драгоценное учреждение, полное и нормальное развитие которого увидят только грядущие поколения. И только будущему историку нашего времени вполне ясно станет, что период истинной общественной деятельности начался в России с тех пор, как завелась в ней скамья присяжных заседателей.

Проф. Л. Владимиров

Среди тревожных надежд одних и недоброжелательного скептицизма других стал производиться с осени 1866 г. смелый до дерзости, по выражению проф. Фойницкого, опыт введения суда общественной совести в стране, только что освобожденной от рабства и подавляющей бюрократической опеки. Даже люди, искренно желавшие успеха этого великого, внушенного доверием к русскому народу, начинания преобразовательной эпохи, невольно задумывались над будущими судьбами его. Патриарх германской юридической науки знаменитый Миттермайер, с восторгом приветствовавший введение суда присяжных в России, не мог скрыть своего опасения относительно будущности его ввиду отсутствия в России развитого общественного мнения, свободы печати и других условий и гарантий западноевропейской жизни. Считая основы судебной реформы безусловно правильными, маститый ученый дружески предостерегал русское правительство от поспешного разочарования при возможных первых неудачах. «Опираясь на многолетние наблюдения постепенного развития уголовных учреждений, — писал Миттермайер, — мы высказываем наше желание, чтобы правительство, не видя немедленно плодов ожидаемых, не было бы запугано приверженцами старого порядка и врагами всяких нововведений, и чтобы оно не переставало преследовать свою цель. Мы напомним ему то интересное явление, что даже в тех странах, в которых эти новые учреждения были совершенно неизвестны, где даже образованные люди считали народ *несозревшим*, даже там чудесным образом юристы поняли значение новых

начал. Выгоды, доставляемые ими, выказываются все более и более; а люди, призываемые в присяжные, оказались, наконец, и там способными выполнить свое назначение»¹¹.

Но ближайший же опыт первых месяцев рассеял сомнения и друзей, и недругов суда присяжных. Ему не пришлось взывать к великодушному долготерпению правительства, так как необыкновенный успех суда присяжных сразу бросился всем в глаза. Неподготовленность народа и на этот раз оказалась пустою отговоркою в устах трусливых рутинеров, и торжественно подтвердилась еще раз разумность принятого творцами Судебных Уставов правила: «если законодательные предположения верны, они и своевременны; трудно думать, чтобы люди где-либо и когда-либо были приготовлены для дурного и не зрелы для хорошего».

Особенно знаменательно было то, что именно на крестьянах вполне оправдалось это правило, что эти «хамы», еще недавно приниженные до положения крещеного инвентаря или вещи, не замедлили обнаружить свое нравственное достоинство, убереженное ими при всех безобразиях крепостного права. Об этом столько удивительном, сколько неожиданном открытии считал долгом засвидетельствовать министр юстиции Д. Н. Замятнин в своем всеподданнейшем отчете о введении в действие Судебных Уставов. Свидетельствуя о замечательном успехе, сопровождавшем открытие мировых и общих судебных учреждений, в частности о присяжных из крестьян, Замятнин выражается так: «Присяжные заседатели, состоящие иногда преимущественно из крестьян (например, в Ямбурге из 12 заседателей было 11 крестьян), вполне оправдали возложенные на них надежды: им часто предлагались весьма трудные для разрешения вопросы, над которыми обыкновенно *затрудняются* люди, приученные опытом к правильному разрешению уголовных дел, и все эти вопросы, благодаря поразительному вниманию, с которым присяжные заседатели вникают в дело, разрешались в наибольшей части случаев *правильно и удовлетворительно*»¹².

¹¹ «Ж. М. Ю.», 1864. № 10.

¹² См. «Жур. Мин. Юстиции», 1867. № 2. Всеподд. отчет министра юстиции за 1866 г. — В статье («Книжки Недели», 1902. № 3) «Новые мехи и новое вино», принадлежащей перу известного судебного деятеля сенатора А. Ф. Кони, находим следующий отзыв о нашем суде присяжных: «Их желали, их ждали. В них хотелось верить заранее. Присяжный заседатель был дорог всякому, с сочувствием думавшему о новом суде. Подобно Татьяне в письме к Онегину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще непооявившемуся на сцену

Нечего и говорить, что опубликование столь благоприятных для нового института данных произвело наилучшее впечатление на всех, кто с сочувствием относился к гуманно-освободительным реформам, призывавшим общество без различия сословий к деятельному участию в делах суда и правления. Одним из ярких выражений этого радостного настроения общества служит статья М. Н. Каткова, посвященная помянутому министерскому отчету: «Поистине *едва верится*, — писал он в марте 1866 г., — чтоб в столь короткое время так крепко и так успешно принялось дело столь великое и столь мало похожее на прежние наши порядки, начиная с основной идеи до мельчайших подробностей. То, о чем два года тому назад можно было только *мечтать*, что возбуждало столько, по-видимому, справедливых сомнений, теперь находится в полном действии на значительном пространстве нашего отечества и уже в первое полугодие в своем итоге представляет столь блистательные результаты. Суд присяжных, *лучшая гаран-*

присяжному: «незримый — ты мне был уж мил»... Но невольное сомнение крадывалось в душу. Этот незримый и неведомый теоретический присяжный должен был облечься в огромном большинстве случаев в реальный образ простолюдина, всего пять лет назад освобожденного от крепостной зависимости, — в образ того мужика, которого незадолго перед тем Тургенев, устами одного из своих громких героев, назвал «таинственным незнакомцем»... И что же? Теперь, через 25 лет, можно сказать, что этот таинственный незнакомец *оправдал* оказанное ему доверие и не посрамил ни здравого смысла, ни здравого чувства русского народа. Беспристрастная история нашего суда присяжных покажет со временем, в какие тяжкие, неблагоприятные условия был он у нас поставлен, как долгие годы он оставался без призора и ухода, как недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а представлялись злорадно или близоруко дальнейшему саморазвитию. Будущий историк этого суда должен будет признать, что по отношению к этому суду у нас велась своеобразная бухгалтерия, причем на странице кредита умышленно ничего не писалось, а на страницу дебета вписывался каждый промах крупным, каллиграфическим почерком. Он признает, этот историк, что между большинством приговоров, которые ставились в вину присяжным, были такие, с которыми трудно согласиться, но не было *почти ни одного*, который, зная данное дело, нельзя было бы понять и объяснить себе»... Слова эти заслуживают особенного внимания ввиду исключительной компетентности автора, который, занимая сначала должности прокурора и председателя С.-Петербургского окружного суда, а потом обер-прокурора уголовного кассационного департамента, имел в продолжение своей продолжительной карьеры все средства близко ознакомиться с деятельностью суда присяжных.

тия гражданской свободы, совершается у нас воочию, и в нем принимают участие крестьяне, те самые крестьяне, которым только шесть лет тому назад дарована свобода, и успех превосходит самые смелые ожидания».

Статью свою «*Московские Ведомости*» заканчивали словами, которые особенно уместно будет напомнить по случаю нынешней 30-й годовщины суда присяжных: «Честь и слава правительственному ведомству, — говорил Катков, — которое так деятельно и верно приводит в исполнение зиждательную мысль Преобразователя, сберегая ее от тайного и явного недоброжелательства партий, неохотно входящих в условие *нового гражданского порядка*. История не забудет, — справедливо указывал он, — ни одного из имен, связанных с этим *великим делом гражданского обновления России*»¹³.

IV

Мог ли автор приведенного дифирамба в честь суда присяжных предвидеть, что сам будет через 15 лет приведен в лагерь тех принципиальных противников суда присяжных, кого он раньше именовал «крепостниками, принимающими личину консерватизма». Но другие предвидения его, совпавшие с указаниями Миттермайера, оказались верными, и несмотря на блестящий дебют нового суда и в частности суда присяжных, «явная и тайная вражда» почитателей дореформенных порядков, при которых «всемогущая администрация, по характеристике Каткова, была все во всем», все более и более усиливалась. Положение делалось особенно опасным в виду того, что в это время (в 1866–1868 гг.) руководителем внутренней политики был человек такого самомнения и узкой нетерпимости, как мин. внутр. дел П. А. Валуев.

Казалось, все было сделано при составлении Судебных Уставов, чтобы предупредить столкновение суда с администрацией по политическим вопросам. Уголовные дела политического характера были изъяты из ведения суда присяжных и переданы в особое учреждение судебно-административного состава, дела о печати отданы в ведение коронного суда, а все-таки столкновение произошло и очень быстро. Первый же литературный процесс «*Современника*» летом 1866 г., кончившийся оправданием А. Н. Пыпина и Ю. Г. Жуковского, вызвал сильное неудовольствие против суда со стороны П. А. Валуева, поставившего себе целью, по словам академика Никитенко, во что бы

¹³ «*Моск. Ведом.*», 1867. № 69.

то ни стало сделать печать послушным орудием своей программы. Раздражение Валуева против нового суда было так велико, что он тотчас после этого процесса добивался смещения только что введенных «несменяемых» судей, но, потерпев неудачу, провел все-таки первую новеллу 18 декабря 1866 г., коею дела о печати из окружного суда переносились в судебную палату, как первую инстанцию. Мировые судьи вызывали неудовольствие администрации тем, что, следуя закону, не всегда могли оправдать предъявляемые полицией к обывателям требования, и за это в официальной бумаге петербургский градоначальник Трепов, не стесняясь, обвинял мировой суд в стремлении колебать авторитет администрации перед обществом¹⁴.

Специальное неудовольствие П. А. Валуева навлек на себя суд присяжных по делу чиновника Протопопова. В 1867 г. был предан суду присяжных за оскорбление действием директора департамента иностранных исповеданий Кешкуля названный чиновник. Вызванные на суд эксперты единогласно признали, что Протопопов в момент совершения преступления находился в состоянии невменяемости, после чего присяжным ничего более не оставалось, как оправдать подсудимого. Такой исход дела привел в ярость П. А. Валуева, который усмотрел в нем чуть ли не личную обиду. В «Дневнике» благонадежного академика Никитенко рассказаны невероятные средства борьбы с новым судом, пущенные в ход Валуевым, дошедшим до того, что при посредстве крепостнической «*Вести*» стал обвинять судебные учреждения и в частности суд присяжных в революционных стремлениях¹⁵. Отметив с удовольствием, что чрезвычайные усилия Валуева добиться отмены оправдательного вердикта не увенчались успехом, тот же благонамеренный автор продолжает: «Валуев и некоторые другие чиновники требуют, чтобы Протопопов был непременно наказан, несмотря на то, что он совершил преступление в ненормальном состоянии; требуют они этого „для примера другим“. Кому? Сумасшедшим?»¹⁶.

Как ни нелеп был указанный повод неудовольствия против суда присяжных, нападки на него с этих пор не прекращались, находя почву частью в старой крепостнической вражде к этому институту, частью в дореформенных традициях всесильной бюрократии, не желавшей примириться с существованием законов, ограждающих самостоятельность судебной власти. Всякий самостоятельный шаг судеб-

¹⁴ См. «Материалы относящ. до нового общ. устр.». Т. II, 453.

¹⁵ «Дневник», III, 115.

¹⁶ Там же, 147.

ной власти, не согласованный с минутными видами администрации, всякий вердикт присяжных, отступающий во имя справедливости от буквы устарелого закона, выставлялись реакционной печатью как колебание основ государственного порядка.

Но в первое десятилетие существования суда присяжных все попытки колебать самостоятельность суда встречали несочувствие в самых умеренных кругах общества и печати. Названный выше Никитенко летом 1867 г. писал: «Самые опасные внутренние враги наши не поляки, не нигилисты, а те государственные люди, которые делают нигилистов: это закрыватели земских учреждений и подкапыватели судов»¹⁷. Тут же он добавляет, что новый министр юстиции, граф Пален, относится с недоверием к суду присяжных.

Еще с большею энергиею выступал на защиту судебных учреждений Катков. Всякий раз, когда поднимался вопль в реакционной печати по поводу того или другого «возмутительного» оправдания присяжными (т. е. оправдания ввиду особых извинительных обстоятельств, несмотря на формальную вину), «*Московские Ведомости*» указывали, что «интересы общества *всегда* достаточно ограждаются его представителями на суде»¹⁸. «Когда же *прекратятся*, наконец, — писал еще в 1873 г. Катков, — эти вечные *пересуды* по поводу того или другого приговора присяжных?.. Если нет указаний на то, что на суде были какие-нибудь нарушения тех существенных условий, которые наукою права и положительным законом признаны необходимыми для того, чтобы судебный процесс выработал *достижимую для человека правду*, то кто может взять на себя *решить*, что его личное мнение более согласно с правдою, чем состоявшийся на суде приговор? Не Сидор, Карп и др. судят и приговаривают на суде присяжных, а „великий аноним“ (кавычки в подлиннике), взятый, по указанию жребия, из всех слоев общества»¹⁹.

Указывая на неблагоприятное влияние дурно поставленной следственной части, он же, Катков, основательно указывал, что «нельзя валить на одних присяжных все ненормальности в ходе нашей юстиции: приходится на этот раз бить не по коню, а по оглоблям»²⁰.

Настаивая на строгом отделении судебной власти от административной и видя «силу нового устройства, *главным образом*, в несменяемости»²¹, знаменитый публицист относился с крайним несочувст-

¹⁷ «Дневник», III, 156, 157.

¹⁸ «*Моск. Вед.*», 1868. № 173.

¹⁹ Там же. № 227.

²⁰ Там же. № 1873, 283.

²¹ «*Моск. Вед.*», 1866. № 87.

вием к валуевским и тимашевским проектам об усилении губернаторской власти насчет судебной. Находя, что в интересах объединения властей на началах законности следовало держаться обратного пути²², Катков писал: «Суд именуется органом закона, по новому же проекту ему предоставляется честь быть органом административных лиц; такое служебное положение отнимает у суда главную цену его»²³. Резюмируя положение партий относительно учреждений, созданных Уставами 20 ноября, Катков открыто высказывал, что новому суду могут не сочувствовать только «закосневшие крепостники и официальные либералы, относящиеся презрительно к русскому народу».

V

Потрясающие события 70 и 80-х гг. оказали крайне неблагоприятное действие на судьбу преобразований 60-х гг. Благодаря недостатку политического воспитания, сделалось возможным явно неправильное истолкование помянутых событий, косвенная ответственность за кои возложена была на преобразованные учреждения, ничего общего с ними не имеющие. В общей сумятице, вызванной тревожным настроением общества, перемешались бывшие убежденные защитники реформ и их принципиальные враги; так, например, М. Н. Катков протянул руку тем самым публицистам, которых раньше называл «закоснелыми крепостниками».

Началась беспощадная травля всех новых судебных учреждений. Независимость суда стала выдаваться за начало антигосударственное, законность за анархическое начало, а суд общественной совести за невежественный и произвольный «суд толпы, противный духу государственного строя России». Заподозренный, преследуемый, едва терпимый и постоянно сокращаемый, суд присяжных влачил незавидное существование до самого начала 1895 г., когда впервые открылась для него перспектива лучшего будущего, после того, как созданные в судебную комиссию высшие представители судебной практики дали о нем в высшей степени благоприятный отзыв²⁴.

²² Там же, 1868. № 4.

²³ Там же, 1870. № 19 и др.

²⁴ См. статью Кони в «Ж. М. Ю.», 1895. № 2.

В «Московском Сборнике», изданном К. П. Победоносцевым, суду присяжных посвящается 4 страницы (53–57), из коих на первых трех приводятся слова Мэна об этом институте. Затем автор переходит к «несчастному (sic!) учреждению в тех странах, где нет тех исторических и культурных условий, при коих

Предугадать будущие судьбы присяжных суда общественного правосознания довольно трудно, но что касается прошлого, то заслуга и громадное воспитательное значение этого великого института так бесспорны, что их не в силах заглушить никакие крики зоилов. Еще в первый год действия суда присяжных академик Никитенко, переда-

он образовался в Англии», т. е. ко всей континентальной Европе с Россией включительно. «И вот, — говорится далее, — по простовиин долголетнего опыта всюду, где введен с примера Англии суд присяжных, возникают уже вопросы о том, как *заменить* его для устранения той случайности (?) приговоров, которая из года в год усиливается». В подтверждение этих изумительных слов, к сожалению, *никаких* данных не приводится, а между тем не только в Западной Европе, где о замене суда присяжных серьезно никто и не думал, но даже и у нас ему не грозит теперь опасность. Когда в 1895 г. созваны были в Петербурге высшие представители судебной власти и прокуратору, они почти в один голос заявили, что суд присяжных *лучшая* форма суда, пользующаяся доверием не только в образованном обществе, но и среди простого народа. В частности было указано, что приговоры коронных судей подвержены большим колебаниям, нежели суда присяжных, и что именно за последние годы вследствие улучшения некоторых частей нашего законодательства, деятельность суда присяжных также улучшилась. (См. «Журнал Мин. Юстиции», 1895. № 4, статью А. Ф. Кони, а также брошюру мою «Суд над судом присяжных». М., 1896). В промежуток времени между выходом 1-го издания и 3-го издания «Московского Сборника» вышел капитальный труд г. Бобрищева-Пушкина о русском суде присяжных, но он прошел для сборника незамеченным, и голословно-бранная глава о суде присяжных в названном сборнике осталась без перемен. Между тем этот плод многолетнего кропотливого труда («Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных». С атласом из 84 таблиц и диаграмм. М., 1896 г.) представляется первым серьезным исследованием о русском суде присяжных и игнорировать его невозможно, когда серьезная речь идет о нем. К сожалению, это замечательное исследование по своему объему мало доступно публике, выводы же компетентного автора (см. статьи мои: «Правда о суде присяжных» в «Русск. Вед.», 1896 г. № 247 и след.) заслуживают полного ее внимания. В предисловии г. Бобрищев-Пушкин (ныне председатель С.-Петербургского окружного суда), говоря о современном настроении, пишет: «*Страшно* за русский суд, именно за суд вообще, а не только за суд присяжных». — «Форменная келейная расправа, — продолжает он, — стала превращаться в действительный суд *только с момента* учреждения суда присяжных и притом в зависимости от этого освежающего элемента; нельзя забыть этого факта нашей судебной истории». В частности относительно «возмутительных приговоров» суда присяжных (т. е. об оправдании при сознании подсудимого), по поводу коих

вая впечатление, вынесенное им в качестве присяжного заседателя, писал: «Вообще я вынес из суда самое благоприятное впечатление. Все велось с большим достоинством, добросовестно и со строгим соблюдением всех законных требований. Подсудимые видели, что *ничего* не было упущено для облегчения их судьбы, и если они подверглись каре, то эту кару наложил на них закон, а не произвол судей»²⁵.

И это благотворное воздействие суда присяжных, уничтожившее застарелое недоверие к суду присяжных и водворившее доверие к новому суду совести, продолжало в течение 30 лет оказывать высокое нравственное влияние не только на подсудимых, но и на самих присяжных и на все русское общество. «Репрессивность суда присяжных, по справедливому замечанию проф. Случевского, сказывается не только в количестве постановленных ими обвинительных приговоров, но проявляет себя также и в самом свойстве приговоров, в том обстоятельстве, что осужденный чувствует карательное значение состоявшегося о нем приговора с *большою* интенсивностью, нежели тот, кто осужден приговором коронного суда, так как в лице присяжных виновник осуждается представителями того общества, к которому сам принадлежит всеми своими многообразными житейскими интересами». Тот же уважаемый юрист отмечает и другое крупное достоинство, и присущее суду общественному и ему только одному: «Суд присяжных рядом со своими судебными достоинствами характеризуется также его *внесудебным* значением, выражающимся в подъеме того *нравственного чувства*, которое он в обществе развивает. Можно указать на немало занесенных в литературу фактов, подтверждающих несомненность этого влияния присяжных заседателей. По окончании своей обязанности присяжный возвращается в свою деревню

ослепленная реакционная пресса привыкла поднимать гвалт, названный компетентный судья, с величайшим вниманием изучавший массу приговоров суда присяжных, замечает: «Эти приговоры, как это ни странно на первый взгляд, в *подавляющем* большинстве случаев в глазах лиц, участвующих в деле, является *последним словом справедливости*». «Сладкая, благодатная уверенность, Россия ли оплатит за это неблагодарностью, — как писал И. С. Аксаков, — суду присяжных?» В ноябрьской книге «*Журн. Мин. Юстиции*» за 1897 год напечатана интересная статья г. Тарновского «Об оправдательных приговорах за 1889–1893 гг.». Из нее видно, что наш суд присяжных по числу оправданий гораздо ближе к европейскому, нежели коронный; так, в России было оправдано присяжными — 36 %, без участия присяжных — 26 %; во Франции присяжными — 29 %, без участия присяжных — 7 (С. 171).

²⁵ «Дневник», III, 156.

как бы *преображенный*: он отправлял в суде в качестве присяжного такую важную функцию, которая *подняла* его в его собственных глазах и в глазах близких ему людей и дает основание, путем рассказов домашним и соседям о вынесенном из суда, содействовать распространению сведений о том, что преступление, как ни велика сила его, находит свое возмездие в правосудии»²⁶.

²⁶ См. «Ж. М. Ю.», 1896. № 3-й. В. К. Случевский: «О суде присяжных и его противниках».

— В апрельской книге за 1897 г. «Журнала Мин. Юстиции» появилось обширное сообщение о работах Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра судебных законоположений — по вопросу об участии общественного элемента в отправлении правосудия. Как известно, громадное большинство комиссии, с председателем ее, министром юстиции Н. В. Муравьевым, высказалось за сохранение суда присяжных с удержанием в существе организации этого института по Судебным Уставам. Мотивы, которыми руководствовалась комиссия, постановляя это решение, подробно изложены в записке первого отдела ее, обсудившего вопрос предварительно, и в речи Н. В. Муравьева, произнесенной в общем собрании комиссии 23 ноября 1896 г. Министр юстиции в следующих выражениях охарактеризовал важное значение суда присяжных:

«Едва ли кто-нибудь теперь сомневается, — говорил министр, — что в области уголовной юстиции весьма трудно, если не вовсе невозможно, обойтись без содействия граждан, обывателей в качестве непрофессиональных судей, призываемых из общества и народа разделить с судьями правительственными тяготу суда над нарушителями уголовного закона. Во всяком случае, такого сомнения никогда не возникало для законодательной мудрости нашего отечества; она во все эпохи истории обращалась к участию в уголовном суде общественных судей, были ли то судные мужи Древней Руси, губные старосты и целовальники Московского государства, выборные сословные судьи после петровского периода или присяжные заседатели судебной реформы императора Александра II. А потому ныне, в конце XIX в., отрицание самой идеи вспомогательного общественного суда прежде всего не соответствовало бы нашим вековым судебно-историческим преданиям. В 1864 г. суд с участием присяжных явился лишь новою формою стародавнего начала; ныне же суд коронный без общественного элемента был бы у нас совершенным новшеством, беспочвенною пробою, неизведанною загадкою будущего. В установлении такого суда не без основания можно было бы видеть недоверие к общественной и народной зрелости, косвенное признание или неспособности неслужилого русского человека посылить помощи власти в ее борьбе с преступлениями, или излишества этой помощи для самодовлеющих судебных чинов. Однако же, ни в окружающей действительности, ни в правительственных воззрениях, насколько они

Таково возвышающее и облагораживающее действие суда присяжных, этого венца и лучшего украшения судебной реформы, этого истинно гласного и народного суда совести. И такой-то суд М. Н. Катков

до сих пор выразились в ряде узаконений и мероприятий по судебной части, нет никакого повода к подобным заключениям, которые не оправдались бы и условиями, вызвавшими судебный пересмотр в видах улучшения судебного строя, а не ломки его. И в процессуальном отношении отсутствие в суде общественного элемента, служащего одною из существенных гарантий окончательности приговора, имело бы естественным последствием распространение на все без исключения дела апелляционного порядка, т. е. усвоение целой дорогостоящей системы многих судебных инстанций с ее неизбежно медленностью, безжизненностью и формализмом. Является затем и небезосновательное опасение, что при этой системе на судейском кресле прочно водворяется профессиональная сухость и рутина, часто неразлучные с постоянным применением карательных законов. В замкнутом должностном суде легко приучаются смотреть на людей и их деяния только как на механические объекты легального воздействия, и эта односторонность не находит себе противовеса в свежем притоке непредубежденных взглядов и простого житейского здравого смысла. Вот почему хотя все суждения наши свободны и определяются только стремлением к истине, но ради сбережения труда и времени не представляется, казалось бы, надобности включать в программу их общий вопрос о необходимости и полезности общественного участия в отправлении уголовного правосудия. Если он и не предрешен для нас бесповоротно, то все-таки настолько разъяснен и исчерпан и в теории, и на практике, что нечего и ждать каких-либо новых или неизвестных аргументов против всеми, по-видимому, разделяемого положительного его решения».

«Таким образом, вопрос этот в сущности сводится к вопросу о действующем суде присяжных, о его форме, постановке, суррогатах; другими словами — о желательных в нем поправках и об учреждениях, могущих так или иначе заменить его. Здесь нельзя не отметить самый момент рассмотрения вопроса о нашем суде присяжных. Уже не молодым мы застаем его: большинство из нас успело вместе с ним состариться на судебном поприще в течение тех долгих годов, которые прошли со времени введения его сначала на небольшом пространстве, а потом постепенно почти во всех внутренних губерниях. За этим учреждением уже стоит долговременный и многосторонний опыт, сложившийся на твердой почве бесчисленных фактических данных, широко открытых проверке и исследованию. К существованию и деятельности суда присяжных давно привыкло население, в понятиях которого с ним неразрывно соединено отправление правосудия по всем более тяжким общим преступлениям. Вообще несколько равнодушный к общественному делу русский человек скло-

имел смелость незадолго до своей смерти пренебрежительно назвать «улицею». Впрочем, как верно указал один из известных судебных ораторов, С. А. Андреевский, в этом оскорбительном, по намерению, упо-

нен уклоняться от присяжной повинности не более, если даже не менее, чем от другой. При всем том, в общем, он несет ее усердно и добросовестно, сознавая высоту и святость господства в суде таких великих и добрых слов, как присяга, совесть, внутреннее убеждение. Если отдельные лица иногда и тяготятся обязанностью присяжного, то все *общество* несомненно дорожит этим учреждением. С таким положением вещей нужно считаться, и речь о непригодности суда присяжных для русской жизни могла бы идти единственно в том случае, когда было бы неопровержимо доказано, что суд этот вследствие органических своих недостатков не только не выполнил своего назначения, но и совершенно неспособен к исправлению и усовершенствованию. Ничего подобного не указывает практика, приводящая скорее к противоположным выводам. Многие тысячи уголовных дел разрешены и ежедневно разрешаются присяжными в силу клятвенного обещания, даваемого ими перед крестом и евангелием, — и я не думаю, чтобы у самого непримиримого их противника достало духу или смелости утверждать, что в этом множестве преобладают неправильные или ошибочные решения. По официальным сведениям безусловной достоверности и по единогласному свидетельству компетентных лиц, близко знакомых с деятельностью нашего суда присяжных за многолетний ее период, злоупотребления в ней были случаями крайне редкими и единичными, а более или менее значительные ошибки, к тому же иногда скорее кажущиеся, чем действительные, почти исчезают в громадном большинстве вполне правосудных приговоров. Зато кому не памятно и кто решится отрицать крупные заслуги суда присяжных при разрешении тех выдающихся по значению и сложности процессов, в которых ревностное исполнение обязанностей присяжных заседателей иногда прямо граничило с гражданской доблестью? Еще, быть может, важнее большая общественная польза, приносимая ординарным повседневным трудом наших присяжных на всем огромном протяжении их подсудности по делам, хотя не громким и не видным, но глубоко затрагивающим общие и частные интересы. Как бы то ни было, государство имеет в присяжных заседателях безмездных судей, честно несущих ответственную службу, без которых платные коронные судьи в их ограниченном составе едва ли могли бы справиться с процессией».

В записке первого отдела комиссии, с соображениями которого в пользу суда присяжным и его нынешней организации согласилось общее собрание 22 и 23 ноября, указано прежде всего на действительное состояние этого института. Суд присяжных, говорится там, впервые введенный в России на основании Судебных Уставов 1864 г., несмотря на громко высказавшиеся тогда указания на недостаточную для того развитость русского народа, только что осво-

доблени невольно выразились самые дорогие черты суда общественной совести: «И правда, — сказал в одной речи г. Андреевский, обращаясь к присяжным, — пусть вы — улица! Мы этому рады. На улице свежий воздух; мы бываем там без различия, именитые и ничтожные; там мы все равны, потому что на глазах народа чувствуем свою безопасность; перед улицей никогда не позволят себе бесстыдства; когда вы по улице провожаете близкого покойника, незнакомые люди снимут шапку и перекрестятся... На улице помогут заболевшему, подадут милостыню нищему, остановят обидчика, задержат бегущего вора! Когда у вас в доме — грабеж, убийство, пожар — куда вы бежите за помощью? — На улицу. Потому что всегда найдутся люди, готовые служить началам общественной *справедливости*. Вносите к нам в наши суды эти начала... Приходите с улицы, потому что сам законодатель пожелал брать своих судей именно оттуда, а не из кабинетов и салонов»²⁷.

Только близкое общение с самобытным нравственным мирозерцанием народа или, если угодно, *улицы* предохранило суд общественной совести от преждевременного одряхления и апатии, от профессионального и рутинного формализма; только благодаря безостановочному приливу из народного резервуара вечно свежих струй справедливости и человечности он, этот «суд улицы», несмотр-

божденного от крепостной зависимости, и на опасность, представляемую означенным институтом с точки зрения политической, просуществовал уже свыше тридцати лет и, хотя за это время подвергся ряду частичных преобразований, тем не менее сохранил до сих пор неизменными главнейшие черты первоначальной своей организации. Таким образом, суд присяжных оказался у нас вполне жизнеспособным, за тридцать лет своего существования глубоко проник в русскую жизнь, завоевал себе несомненные симпатии как самого населения, так и представителей нашего судебного ведомства, мнения которых имеют, конечно, в данном случае особое значение, как лиц, участвующих в отправлении правосудия совместно с присяжными. В подтверждение основательности такого заключения нельзя не указать на сочувственное отношение к суду присяжных нашей печати, за исключением лишь весьма немногих ее органов (в записке названы эти органы: это «*Гражданин*», «*Московские Ведомости*» и «*Русский Вестник*»), восстающих в существе против самой возможности привлечения общественного элемента в той или иной форме к делу отправления суда, а также на многочисленные, посвященные деятельности упомянутого института и признающие его вполне удовлетворяющим своему назначению сочинения, исследования и отдельные монографии, принадлежащие притом перу как юристов-теоретиков, так и судебных деятелей.

²⁷ «Защитительные речи», 348.

ря на окружающие крайне неблагоприятные условия, от которых захирели другие сверстники его, и к 30-й годовщине своей:

*Как свежий остров цветет
Безвредно средь морей...*

История учреждения и введения в действие нашего суда присяжных имеет глубокий смысл, особенно поучительный в наше беспринципное время пренебрежительного отношения к теории или науке. Следуя Высочайше указанному рациональному плану, предписывавшему составить проекты согласно началам, «несомненное достоинство коих признано наукою и опытом европейских государств», составители Судебных Уставов не усомнились даровать России суд присяжных и другие институты современного европейского процессуального законодательства. На замечания рутинеров-бюрократов о незрелости народа они отвечали так: «Разумный закон *никогда* не сделает зла; может быть, по каким-либо обстоятельствам и даже по самому свойству закона *нового* (кур. подл.) он не будет некоторое время исполняем согласно с истинным его смыслом, но гораздо вероятнее, что он тотчас пустит глубоко свои корни и составит могущественную опору спокойствия и благоденствия государства»²⁸. История оправдала их. Как истинные государственные люди, они смотрели вдаль и были чужды свойственного близоруким почитателям паллиативных мер пренебрежительного недоверия к указаниям теории, т. е. совокупного опыта человечества. Дети своей доброй эпохи, с такою трогательною искренностью верившей в силу разума и добра, «теоретики судебной реформы», как их привыкли обзывать ретрограды, следовали завету знаменитого учителя права проф. Редкина, который на заре преобразовательной эпохи говорил о значении теории с кафедры своим слушателям: «На административном поприсе вы не будете вынуждены прибегать, идя ощупью, *не освещаемые наукою*, к полумерам, к средствам паллиативным, к разным кунштптюкам, перебиваясь со дня на день, лишь бы на короткий срок вашего служения, а затем *après nous le déluge*. Нет, с *твердою* помощью *начал науки* вы сумеете радикально лечить всякую общественную болезнь, ясно сознавая настоящее, прозревши будущее, как пророк, и своею *рациональною* деятельностью приготовите благосостояние нашему отечеству, а себе *вечную память* людей, приговлявших почву и сеявших семена добра»²⁹.

²⁸ Соображения государственной канцелярии.

²⁹ «Из лекций». Т. I, 37.

Да будет же вечная и благословенная память этим благородным насадителям суда присяжных, смело и энергично последовавшим мудрому завету достойного представителя университетской науки. Отмечая необычайно смелый шаг, сделанный «теоретиками» 60-х гг., пренебрегшими мнительными предостережениями ложной мудрости, проф. Фойницкий пишет: «Введение у нас суда присяжных тотчас после отмены рабства было смелым, скажем более, *дерзким* шагом *теоретического* ума; однако его увенчал *успех*, затмивший опасения *практиков*»³⁰.

Вот каковы плоды рационального законодательного творчества, руководимого наукой и опытом.

POST SCRIPTUM

(ЛИБЕРАЛИЗМ И НОВЫЙ СУД)

Amicus certus in re incerta cernitur.

В науках политических и юридических не тот исполняет свою обязанность, кто умеет «мудро помолчать» в такое время, когда следует говорить, а кто решается в нужную минуту сказать прямое слово, хотя бы оно было и неприятно для общества. Наука не дипломатическое искусство, и откровенная речь здесь имеет больше значения, чем «тактичное» молчание. Цель науки – истина; стремясь к ней, можно по временам впадать в заблуждение, но в науке не должны иметь применения аксиомы житейского savoir faire.

Проф. Владимиров

Десятилетие Судебных Уставов ознаменовалось выражением Высочайшего благоволения чинам судебного ведомства. (См. «Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1874 г.», № 100).

Двадцатипятилетие же новых судебных учреждений не было отмечено никаким официальным торжеством или сочувственным заявлением.

В газетах появились статьи, посвященные «судебному юбилею». 17 апреля 1891 г. в «*Новом Времени*» также появилась статья, приветствовавшая с большим сочувствием двадцатипятилетие нового суда (см. выдержку ниже).

По поводу изданной мною к двадцатипятилетию нового суда книги: «*Основы Судебной реформы*», в том же «*Новом Времени*» появи-

³⁰ «Курс уг. суд.». СПб., 1896. Изд. 2-е. Т. I, 460.

лась 22 мая странная статья «О либерализме суда», заслуживающая внимания, как признак времени и симптом существующей путаницы в понятиях.

В статье этой указывается не одно «*печальное* недоразумение, возникшее *одновременно* с новым судом и сопутствующее ему до сегодня». Недоразумение, почему-то так долго продолжающееся, состоит в том, что новые суды считались и считаются за «нечто либеральное». Ссылаясь на то, что начиная с Ярослава Мудрого и вплоть до царствования Николая I, «забота о правосудии» всегда образовала одну из составных частей государственного управления, газета считает неправильным стремление «либерализма» «примазаться» к новому суду. «Все оправдание (*sic*) нового суда, — говорит далее «*Новое Время*», — очевидно не в том, что его основы «либеральны», а только и единственно в том, что *эти основы обеспечивают правосудие*: и можно предвидеть — продолжает газета, — что до тех пор новый суд не будет иметь у нас нормального, здорового роста, пока не исчезнет это *печальное недоразумение*».

Нам неизвестно, на чем основаны предсказание и опасение автора статьи, но только нельзя не видеть, что крайне оригинальная точка зрения³¹, защищаемая газетою, и исторически неверна, и по существу несправедлива.

До сих пор, как верно замечает газета, и противники и сторонники основ нового суда, платя дань «печальному», но всеобщему недоразумению, ни на минуту не сомневались в том, что начала нового суда либеральны, — так бесспорен был этот вопрос. Спор между ними происходил только о том, полезны ли, разумны ли, желательны ли эти начала в интересах правосудия. Теперь же «*Новое Время*» выступает с необыкновенно оригинальным взглядом, носящим отпечаток свойственного нашему времени шатания мысли. Что «основы эти обеспечивают правосудие», газета в этом не сомневается (и за то спасибо!), но вся беда, по ее мнению, в том, что к ним применяют эпитет «либеральный». Только этот эпитет мешает «здоровому, нормальному росту»³² новых судебных учреждений!.. Если это так, то следует признать, что присущий им «порок» *неустраним*, так

³¹ В «*Юридической Летописи*», занимавшей (прекратилась в 1892 г.), благодаря своему двусмысленному нейтралитету, совершенно изолированное положение в юридической прессе, появилась статья, написанная в том же духе (1891, № 7).

³² В «*Русской Мысли*» (1891, № 8) было помещено обстоятельное возражение против этой статьи, в котором ясно доказывалось, что невозможно обезоружить вра-

как либеральный характер основ судебной реформы нельзя отвергнуть, несмотря на все благонамеренные усилия этой газеты обработать по-своему или вовсе игнорировать данные истории.

«Почему, — спрашивает „Новое Время“, — забота о правосудии выставляют точно привилегию либерализма?» Никто никогда такой привилегии за ним не признавал. *Забота* о правосудии более или менее присуща всем законодателям и судьям всех времен, начиная с эпохи царя Соломона и кончая современными законодателями Европы и Азии. Вопрос не в этом, а только в том, какие *пути, средства* следует считать верным орудием для раскрытия на суде истины и обеспечения правосудия? И вот тут-то в пестрой исторической чреде сменялись разные взгляды и системы. Все они более или менее исходили из доброго намерения о водворении правосудия, но нередко устанавливали такую процедуру, которая служила сильнейшим тормозом и даже неодолимым препятствием для осуществления этого благого намерения, коим вымощен самый ад. Бывало время, когда испытание раскаленным железом, удачный исход поединка и т. п. средства считались целесообразными орудиями правосудия. Было время, когда застенки и пытка, дыба и тайный допрос с «пристрастием» признавались наилучшими способами для открытия правды на суде. Были судьи вроде бесчеловечного Джеффрайса, которые считали невинность лучшей защитой подсудимого, а себя наиболее компетентными органами ее!

Но зачем уходить вглубь времен для иллюстрации мысли, что не всякие средства, установленные в интересах торжества правосудия, *eo ipso* ведут к достижению его? Достаточно оглянуться на недавнее прошлое³³, на время, непосредственно предшествовавшее су-

гов «основ судебной реформы» простым изменением номенклатуры или маскардным ренегатством.

³³ Сенатор Принтц, один из немногих оставшихся в живых деятелей великой судебной реформы, говоря о времени, непосредственно ей предшествовавшем, между прочим, писал в «Журнале Министерства Юстиции» 1895 года: молодое поколение, выросшее в царствование Александра II, вряд ли имеет отчетливое представление о том судебном строе, при котором жили не только их предки, но и отцы. Иначе оно содрогнулось бы и не поверило, что могли так недавно существовать порядки, столь мало отвечающие справедливости и народному благосостоянию. Обширная область суда и расправы принадлежала бесконтрольно помещикам, полиции и другим начальствам; масса лиц судилась военным судом; самый суд происходил под покровом тайны в отсутствии тяжущихся и подсудимых; господствовала примерная волокита; защиты не было; преда-

дебной реформе 1864 г. Тут ли не были приложены старания для водворения в России законности и правосудия! И Свод Законов был напечатан, и новое Уложение было составлено, и специальный рассадник юристов был создан! Мало того, в интересах вящего торжества правосудия было создано даже специальное административное учреждение (III отделение) с многочисленными чрезвычайными местными агентами, на обязанности коих лежало денно и нощно «наблюдать, чтобы спокойствие и права граждан не были нарушены людьми сильными, властными; внимать гласу страждущего челове-

ния суду не было, а при отсутствии улик клеймили оставлением в подозрении; принесение жалобы в Сенат не останавливало ссылки в Сибирь и телесного наказания и пр. (см. № от декабря 1895 г.). См. также мои: «Основы судебной реформы», главу «Что такое новый суд?».

- О дореформенной полицейской расправе могут дать представление характерные рассказы суд. след. Лучинского. Про городничего, при котором служил Лучинский в черкасской городской полиции, он рассказывает: «Городничий Щербцов принадлежал к типу тех полицейских чиновников, которые тогда нравились начальству и считались отличными деятелями... Прежде он служил в Киеве частным приставом в то время, когда там был старшим полицеймейстером Голяткин, памятный старым киевлянам и прославившийся на всю губернию. Он объезжал город на тройке пожарных лошадей с четырьмя казаками, из которых один скакал впереди, два сзади и один сидел на козлах с кучером. Когда полицеймейстер что-либо замечал, то тотчас же производил и расправу: кучер останавливал экипаж, казаки спрыгивали с своих лошадей, хватили указанную жертву, растягивали ее на земле, один садился на голову, другой — на ноги, третий отсчитывал удары нагайкою по обнаженному телу, а четвертый держал верховых лошадей»... Вот в какой полицейской школе воспитался городничий и воспринял все ее начала. Так, например, всякое утро городничий выслушивал доклад и призывал для допроса арестованных; при этом нередко случалось, что допрашиваемый «вылетал из присутствия, а вслед за ним вылетал и городничий с побагровевшим лицом, с пеною у рта и производил кулачную расправу»... В особенности это производилось всегда с тем, кто при своих объяснениях решался упомянуть слово «закон». Тогда городничий немедленно вылетал из присутствия, произнося: «Вот я тебе покажу закон!» и при этом раздавалась громкая пощечина: «Вот тебе закон» (другая пощечина). «Город Высочайше мне вверен, а ты мне смеешь говорить про закон, — понимаешь ли, город Высочайше мне вверен, — я тебе закон! Вот я пропишу тебе закон, взять его!» («Русск. Стар.», 1897, сент.).
- Вот, что писал Погодину Даль весной 1851 г. о старых судебных порядках. «Мельников замотался по следствиям, которые поручает ему министр, он мало гостит

ства и защищать «беззащитного и безгласного гражданина»³⁴. «Мишура административных гарантий», по выражению Аксакова (см. выше), не замедлила обнаружиться. Когда рядом с провозглашением благородной цели водворения правды устанавливалось келейное, бумажное, инквизиционное судопроизводство, с полным упразднением судейской самостоятельности; когда административный произвол возводился в «перл создания»; когда даже люди науки говорили с университетских кафедр о вреде гласности, о необходимости системою утонченных инквизиторских приемов³⁵ добиваться сознания подсудимого, — нечего было ждать водворения законности и правосудия.

Ведь ни для кого теперь не тайна, что своеобразные «заботы» о правосудии простирались так далеко, что, допытываясь чистосердечного сознания, еще в пятидесятых годах в Москве без церемонии подвергали пытке, официально отмененной еще указом 1801 г. Лицо, компетентность коего вне всякого сомнения, бывший московский губернский прокурор (потом сенатор) Д. А. Ровинский, удостоверяет, что еще во время гр. Закревского в Москве существовали «клоповники» при Городском частном доме, «Аскольдовы могилы» (то есть совершенно темные ямы под Басманным частным домом), куда сажа-

в Нижнем. А дела делаются здесь хорошие, например: богатый мужик Тимофей подозревает бедного Василия из соседней деревни в воровстве; идет к нему миром с обыском, ничего не находит, но пьяная его ватага избивает всю весью Василия до полусмерти. Хмель прошел — как быть? Заседатель все поправил: Василий обвинен в воровстве без малейшего повода и улики и отдан в солдаты. По следствию Мельникова открывается, что, вероятно, и кражи-то не было, и Василия подозревать нет повода. Или: четыре вора обокрали церковь; их поймал староста с мужиками на месте и отобрал деньги и вещи все налицо. За тридцать рублей сер. вору оставлены в подозрении, а староста и 11 крестьян поклепщиков приговорены в арестантскую роту за разноречивые показания. Или: мужик приехал из Семенова в Нижний на базар с товаром; зазевался, лошади ушли с саними; он бежит следом, спрашивая встречных, дальше, дальше, наконец, добегают по Волге до Макарьева, а лошадям след простыл. Бедняк идет в земский суд заявить пропажу. А где у тебя паспорт? — Какой паспорт? Я прибежал чуть живой с базару, из Нижнего. И его, как безыменного бродягу, приговаривают: заклеим и отдать в арестантскую роту. Приговор был уже утвержден, когда я успел спасти бедняка». (См. Барсуков — Жизнь Погодина. Кн. II).

³⁴ «Русск. Архив», 1889. № 7, инструкции гр. Бенкендорфа чинам корпуса жандармов.

³⁵ См. проф. Я. Баршева. Основание угол. судопр. СПб., 1841. С. 155.

ли «несознавшихся подсудимых», и откуда они выходили слепыми³⁶. Кормление сельдями составляло до открытия нового суда явление заурядное в московской следственной практике, которой не была чужда, по словам того же свидетеля, и древняя «виска»³⁷. *Только с учреждением суда присяжных*, по удостоверению этого авторитетного источника, пытка стала выходить из употребления³⁸.

Приподнимем еще уголок завесы, скрывающей темные дела дореформенного суда доброго старого времени, чтобы показать, каковы были на деле «заботы» его о правосудии. Как раз перед открытием новых судов, в Рязанской уголовной палате разбиралось дело молодого исправника, перепоровшего массу людей, изъятых от телесного наказания, и так неслыханно надругавшегося над крестьянскими девушками, что в печати невозможно было назвать по имени «омерзительные поступки» блюстителя порядка. Судила-рядила мать-палата. По закону исправнику следовало идти в каторгу, но губернатор принимал живое участие в своем любимце, стало быть... он должен быть оправдан. Так и поступила палата, приговорив «юного повесу», как называли исправника «*Моск. Ведом.*», к домашнему аресту на несколько дней.

Справедливо возмущенный этим Шемякиным судом, Катков излил свое негодование в следующих горячих строках: «Какая оскорбительная насмешка, — говорили „*Моск. Ведом.*“ по поводу этого приговора, — над тем, что люди зовут справедливостью и чтут, как общественную нравственность. *Одно другого стоит:* и поступки усердного блюстителя благочиния, и приговор над ним *губернской юстиции!* Но что такое наша *нынешняя*, отживающая свои дни губернская юстиция. Что такое эти судьи, которые через несколько времени должны уступить свое место *другому* судоустройству, долженствующему не иметь с ним почти ничего общего? Они лишены всякой самостоятельности, особенно когда губернские власти чувствуют себя особенно заинтересованными»³⁹...

Когда и как явилось это другое *новое* судоустройство?

После падения крепостного права, налагавшего, по справедливому замечанию Государственного Совета, свой отпечаток на все отправления государственной жизни⁴⁰, стала на очередь судебная ре-

³⁶ См. «Русские народные картины» Ровинского. Т. V. С. 327.

³⁷ См. там же. С. 322.

³⁸ См. там же. С. 324.

³⁹ «*Московские Ведомости*», 1886. № 49.

⁴⁰ См. Журн. Госуд. Совета, 1862. № 65.

форма. Для осуществления ее ничего более не оставалось, как отказаться совершенно от существующей системы судоустройства и судопроизводства, от «административных гарантий» и обратиться к прямо противоположной системе, выработанной опытом цивилизованных народов. На необходимость обращения к «*противоположной системе и неопровержимым истинам*», без коих не может быть правильного судопроизводства», указал не кто иной, как благонадежнейший коронный юрист гр. Д. Н. Блудов⁴¹.

В виду этого и появилось в 1862 г. Высочайшее повеление о составлении основных положений судебного преобразования, «несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств»⁴². Тут-то и появились те *гуманно-либеральные* начала современного европейского судоустройства (несменяемость суда и независимость его от администрации, суд присяжных, независимая адвокатура, уважение к личности обвиняемого, ограждение его прав, уравнение защиты с обвинением, гласность и пр.), которые легли в основание Судебных Уставов. В этом смысле и можно и должно называть новый суд *учреждением либеральным*, и в этом именно смысле, как совершенно верно указал еще М. Н. Катков, судебная реформа 1864 г. была «не столько реформой, сколько созданием судебной власти»⁴³. Поясняя это, на первый взгляд парадоксальное, но в сущности совершенно верное положение, тот же публицист указывал, что «хотя и до 1866 г. существовали суды, но это были суды *только по названию*, потому что они, будучи лишены всякой самостоятельности, были только *придатком администрации*»⁴⁴. Влияние этого нового *либерального* судебного строя, не имевшего ничего общего, по словам того же публициста⁴⁵, «с прежними порядками, начиная с основной идеи до мельчайших подробностей», было поразительно, почти чудодейственно. В 1891 г. одна газета, приветствуя «судебный юбилей», следующими красноречивыми словами характеризовала невероятный, почти сказочный переворот, произведенный судебною реформой.

«Новый суд, — говорила эта газета, — произвел коренной переворот не только собственно в правосудии, но и вообще в правовом положении. Создалось, можно сказать, почти вновь обеспечение каждому русско-

⁴¹ См. Записку Блудова в т. II «Дела о преобраз. суд. части». См. выше главу VII, §1.

⁴² Т. XVIII того же Дела.

⁴³ «Моск. Вед.», 1867. № 69.

⁴⁴ «Моск. Ведом.», 1886. № 198.

⁴⁵ «Моск. Ведом.», 1867. № 69.

му тех прав, которые ему даны законом. Закон всегда был, но было такое положение, что каждый сильный человек имел право говорить: законы для того и пишутся, чтобы слабый не тягался с сильным. Закон всегда был, *но не было правосудия*. Суд и волокита, суд и разорение, суд и подкуп, суд и крючкотворство — вот с какими понятиями сочетался тогдашний суд... И вдруг, вместо этого 25 лет тому назад *действительно правда и милость засияли* в нашем суде. Россия словно бы очутилась на *другой планете*, словно бы совершилось с нею какое-то *дивное превращение*»⁴⁶.

«Новое Время» в приведенных прекрасных строках, вероятно, не усмотрит тех цветов напыщенной адвокатской риторики, которые оно усматривает в моих «Основах судебной реформы», если потрудится вспомнить, что эти строки *ipsissima verba*... его же собственной «юбилейной» статьи, появившейся 17 апреля 1881 г. — Что заменю старого, продажного, жестокого, лишенного всякой самостоятельности, суда независимым, гуманным судом Россия обязана *именно либерально-гуманным* основным началам судебной реформы, а не новому персоналу, это всего лучше видно из того, что громадное большинство персонала нового суда было взято из состава старых судов⁴⁷... Теперь же, по новому «исправленному» взгляду «Нового Времени», оказывается, что только тогда будут правильно функционировать новые суды, когда они вовсе откажутся от своего первородного греха — либерально-го происхождения, и от того духа и направления, которые с особенною силою сказались «в начале судебной реформы».

Двусмысленность и непоследовательность воззрения «Нового Времени» наглядно обнаруживается именно в этом отрицательном отношении к лучшей эпохе деятельности нового суда, эпохе, когда с особенною силою выражался присущий ему *специфический дух*, который, по справедливому замечанию одного из составителей Суд. Уставов, К. П. Победоносцева, бывает свой особенный у всякой системы учреждений. «Действие учреждений, — писал г. Победоносцев в декабре 1861 г. при редактировании либеральных основ судебной реформы, — зависит от людей, но вместе с тем нельзя упускать из вида, что и люди образуются в *духе* тех или других учреждений, и что есть такие учреждения, при действии коих нельзя ожидать развития людей в том направлении и духе, которому учреждения не соответствуют»⁴⁸.

⁴⁶ См. «Новое Время» от 17 апреля 1891 г.

⁴⁷ «Журн. Мин. юстиции», 1866. № 5.

⁴⁸ См. Записку К. П. Победоносцева в т. XIII, ч. 3 «Дела о преобразовании судебной части в России».

Какому именно направлению и духу мог и должен был соответствовать дух новых судебных учреждений, *очевидно* было для всех в самый момент зарождения их. Это не было секретом не только для непосредственных участников реформы, но и для посторонних. Цензор Никитенко тотчас по обнаружении в 1862 г. Основ. нач. суд. преобр., не обинуясь, приветствует их, как победу *«либерализма»* в правительственных кругах⁴⁹.

Для всех истинных почитателей основ нового суда первое время именно и было временем расцвета основных начал судебной реформы. Отдельные ошибки, конечно, возможны были и тогда, но общий дух ее был таков, что в сохранении его истинные друзья нового суда видели залог его преуспевания. Вот что, например, писал в 1867 г. И. С. Аксаков, которого трудно заподозрить в пристрастии к либерализму. Когда появились толки о том, что администрация относится недружелюбно к независимости и несменяемости новых судебных деятелей, Аксаков доказывал, что в нем, в этом именно духе независимости, заключается основной смысл судебной реформы. «Этот дух, — писал Аксаков в „*Москве*“ от 2 февраля 1867 г., — *самое дорогое* во всем судебном преобразовании; отнимите его от нового суда, и от него останется одна *мертвая форма*, один *балаганный спектакль* чего-то нового, что в сущности, пожалуй, даже выйдет *хуже* разлагающегося старого»⁵⁰.

Новые же «истинные» друзья нового суда из *«Нового Времени»* полагают, что «для нормального, устойчивого, органического развития судебных учреждений им необходимо отречься от своих лучших традиций и истинного своего духа!..

Было время, когда официально провозглашалось, что «либеральные учреждения не только не опасны», но «составляют залог порядка и благоденствия». Оно, конечно, в порядке вещей «открещиваться» теперь от либеральных основ судебной реформы, раз они вышли из моды, но, к сожалению, с неприятными историческими фактами нелегко справиться. Поэтому упрек *«Нового Времени»* либерализму в том, что он «примазывается» к новому суду, представляется более чем странным. Желание же этой газеты поставить успехи нового суда вне зависимости от его либеральных основ и выставить эти основы даже враждебными интересам правосудия поражает больше своею неблагодарностью и смелостью, чем основательностью. Новый суд, если бы и желал, не может отказаться от первоначального гре-

⁴⁹ См. «Дневник», II, 1882. С. 352.

⁵⁰ См. Собрание сочинений Аксакова, IV. С. 591.

ха своего происхождения, не переставая быть самим собою. Дальнейшее процветание нового суда возможно только при верности его своим либеральным основным началам: иначе это будет не новый суд в истинном его значении, а, как выразился М. Н. Катков, «одно только мерцание, лишенное сущности, призрак, готовый исчезнуть» или, по сильному выражению Аксакова, «балаганный спектакль чего-то нового». К Судебным Уставам 20 ноября 1864 г. вполне было применимо правило: *Sint ut sunt aut non sint!*

Нет, что бы ни говорили равнодушные друзья судебной реформы, непоколебимость основных начал ее составляет *conditio sine qua non* успешного действия ее. Справедливость этой аксиомы еще не так давно была подтверждена официально. «Незыблемость *основных начал великих преобразований* минувшего царствования, — гласит Указ Александра III Сенату от 4 сентября 1881 г., — составляет *наиболее прочный залог благоденствия и преуспевания* дорогого нашего отечества».

В заключение два слова по поводу вышеупомянутой статьи «*Юридической Летописи*», поющей в унисон с «*Новым Временем*». Журнал негодует на «неумелых» друзей нашего суда, которые «своею легкомысленною защитою» только вредят ему. Этим без вины виноватым защитникам нового суда только остается спросить:

*Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами?
Где же вы, с полными жита кошицами?..
Труд засевающих робко, крупцами,
Двиньте вперед!..*

По правилу: *amicus certus in re incerta cernitur* — защита дорога в минуту опасности. А что-то не слышать было голосов этих чересчур «трезвых», но несколько двусмысленных друзей нового суда, именно тогда, когда он наиболее нуждался в авторитетной, ученой защите. Достаточно припомнить начало 80-х гг., разгар бешеного натиска времен Каткова против Судебных Уставов, вызвавшего смелую и честную отповедь со стороны Аксакова (см. выше), недостойную травлю суда присяжных, предпринятую в 89 г., как раз пред судебным юбилеем, «*Московскими Ведомостями*», которые в дикой расправе обезумевшей уличной толпы американцев усматривали «кровавый приговор над самим судом присяжных»⁵¹. Трезвые друзья суда присяжных предпочитали хранить в это время невозмутимое молчание, подобающее «олимпийским» представителям «серьезной» науки. Не так поступали менее «трезвые», но более искренние почи-

⁵¹ «Москов. Ведом.», 17 марта 1891 г.

татели Судебных Уставов в науке и журналистике, не так поступали неутомимые защитники принципов судебной реформы: «Вестник Европы», «Журнал Гражданского и Уголовного Права», «Юридический Вестник», «Судебная Газета», «Русь»⁵² и др., из коих в первом неутомимый знаменитый наш публицист К. К. Арсеньев, а во втором сам редактор В. М. Володимиров шаг за шагом обороняли с большим знанием, энергиею и мужеством основы судебной реформы от яростных нападок «литераторов-гасильников» и в особенности от злейшего из них в то тревожное время, когда

*...свободной мысли враг,
С осанкой важной, с нравом смелым,
Со свитой сыщиков-писак
И сочиняющих лакеев,
Как власть имеющих, возник
Из нас газетный Аракчеев,
Литературный временщик.*

В такое критическое время едва ли позволительно было хранить нейтралитет истинным друзьям, как бы ни были глубокомысленны и тонки соображения высшей политики оппортунизма:

*И не иди во стан безвредных,
Когда полезным можешь быть!..*

⁵² С такой именно точки зрения приветствовал в «Юридической Библиографии» редактор «Юрид. Вестн.» проф. Сергеевский появление курса проф. Фойницкого в 1884 г. в разгар нападок М. Н. Каткова. См. ниже §И. Я. Фойницкий, примеч.

VII.

ОБЩАЯ ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ

*Ходит, чистит амуницию,
Набелил ремни солдатские,
Языком играл сигналки,
Песни пел – такие хватские!
Артикул ружьем выкидывал,
Так, что весь домишко вздрагивал;
Как журавль стоял на ноженьке
На одной – носок вытягивал.
Вдруг метнулся... смотрит жалобно,
Повалился – плачет, кается,
Крикнул: «Ваше благородие!»
«Ваше!»... вижу задыхается.*

Н. А. Некрасов

*В наше время нужны не дела славы, озаряющие
только немногих избранных, а дела правды,
Божией правды, благотельные для всех
и каждого.*

В. А. Жуковский

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
ВОИНСКИЙ УСТАВ 1 ЯНВАРЯ 1874 г.
(ПО ПОВОДУ 20-ЛЕТИЯ)

Каторга есть нормальное состояние войска.

Сенатор Лебедев (1859)

*Пальцы рубит, зубы рвет,
В службу царскую нейдет...
Ваньку в рекруты берут,
Все деревни заревут...*

Из солдатской песни

I

1 января 1894 г. исполнилось двадцать лет со дня введения в действие одного из важнейших и гуманнейших законодательных актов царствования Александра II, а именно Устава о всеобщей воинской повинности 1 января 1874 г. Если дореформенный общественный и государственный быт, основанный на крепостном праве, отличался свойственным ему бесправием и принижением личности гражданина, то эти черты с особенною рельефностью должны были проявляться в военном деле, которое в существе своем построено на стеснении прав отдельной личности в интересах целого, на предпочтении формы существу, на беспрекословном и безмолвном подчинении началу иерархического старшинства, нередко приводящем к вопиющим несправедливостям. Если таковы более или менее неизбежные черты военного быта вообще, то легко представить себе, каких чудовищных размеров достигали они в дореформенные времена: рекрутская повинность ложилась всею своею тяжестью на париев общества, на самую бедную, обездоленную часть населения, на так называемые «податные сословия», т. е. крепостных и мещан, и притом на беднейших из них, которые не могли откупиться от тяжкой, бесконечной воинской повинности, близкой по существу к гражданской смерти в течение 25 лет жизни.

Куда уж как несладка была жизнь «крещеной собственности», но, тем не менее, родные крестьянина, которому «забривали лоб», с ужасом провожали, словно в могилу, рекрута, осужденного в течение 25 лет лучшей поры жизни на бесконечный ряд лишений, обид, беспрерывных нравственных и физических истязаний¹, словом, на бес-

¹ Если «бить» и «учить» по дореформенной терминологии значило одно и то же, то в жестоком военном быту и подавно эти понятия казались тождественными. Военный автор в своих «Воспоминаниях» так живописует дореформенные военные нравы: «Учить и бить, бить и учить было тогда синонимами, — так начинает автор свой рассказ. — Если говорили: поучи его хорошенько, это значило: задай ему хорошую трепку». Для «учения» пускались в ход кулаки, ножны, барабанные палки и т. п. Сечение розгами употреблялось сравнительно реже, так как это наказание требовало больше времени, приготовлений, а кулаки или палка были всегда готовы. Солдат било прежде всего их ближайшее начальство: унтер-офицеры и фельдфебеля, били также и офицеры. «Капралы и фельдфебеля дрались, так сказать, преемственно, по традиции: ведь их самих тоже били несчетное число раз, прежде чем они научились уму-разуму, и вот когда наступила их очередь учить других, они практиковали над своими подчиненными приемы той же суровой школы, которую прошли сами. Большинство офицеров того времени тоже бывало бито дома и в школе, а потому били солдат из принципа и по убеждению, что иначе нельзя и что того требует порядок вещей и дисциплина». Особенную жестокость в наказании солдат проявляли те унтер-офицеры и фельдфебеля, которые предварительно прошли курс ученья в «палочной академии», как тогда называли в армии учебные кантонистские батальоны. Для примера автор рассказывает такую сцену. «Вдоль выстроенной во фронт роты проходит такой “академист-фельдфебель” и останавливается перед молодым солдатом. “Ты чего насупился? Сколько раз учить вас, что начальству весело следует смотреть в глаза!” — кричит фельдфебель, сопровождая слова свои увесистою пощечиною. Получив такое внушение, молодой солдат как-то жалостно щурит глаза, но это вовсе не удовлетворяет грозного учителя. — “Веселей смотри! Веселей смотри, тебе говорят, истукан ты этакий!” — приказывает фельдфебель, продолжая наносить удары неумеющему весело плакать. Поучаемый солдатик таращит глаза на свое сердитое начальство, и губы его складываются в какую-то болезненную гримасу, долженствующую изображать улыбку. Довольный своим “ученьем”, фельдфебель удаляется, а старый ветеран, с тремя нашивками на рукаве, в утешение своему молодому товарищу и соседу говорит: “Вот что значить, брат, настоящая служба: бьют и плакать не дают” ... Такие сцены были тогда явлением обыденным в наших армейских полках». («Русск. Стар.», 1894, июль. С. 110–111).

За солдатами, шедшими на обучение, обязательно следовал обоз розог (см. прим.

правный образ жизни, едва ли не горший, нежели жизнь несущих наказания за тяжкие преступления. Преступник находил примирение хоть в том, что видел в наказании возмездие за свой грех, видел хоть попытку соразмерить с виною и наказание, а тут — единственная вина рекрута была в том, что он родился небогатым, что не мог поставить за себя охотника или внести выкуп, единственным правомерным актом, осудившим на пожизненное позорное тяжкое прозябание — слепой жребий, либо дикий произвол самодура-помещика или злоупотребление властей.

Государственный Совет по особому присутствию в председательстве великого князя Константина Николаевича, признав дореформенный порядок отправления воинской повинности несоответствующим правильной организации военных сил и крайне несправедливым ввиду неуравнительного распределения тягостей военной службы между различными слоями населения, между прочим писал:

«Едва ли можно сомневаться в том, что существующий у нас порядок отправления воинской повинности, с одной стороны, не соответствует правильной и вполне успешной организации военных сил государства, а с другой представляется крайне несправедливым, вследствие неуравнительного распределения тягостей военной службы между различными слоями его населения. Как то, так и другое объясняется долго господствовавшим у нас взглядом на значение обязательной военной службы. Еще не очень давно служба эта, почти пожизненная и сопряженная с лишениями всякого рода, считалась не столько почетным и естественным для каждого подданного служением отечеству, сколько *наказанием* за преступления или за развратную жизнь. Отдача в солдаты прямо определялась законом уголовным наравне с ссылкой в Сибирь и содержанием в арестантских ротах, а также разрешалась обществам и помещикам в виде окончательного средства избавиться от людей порочных, в отношении к которым другие меры исправления оказывались уже недействительны-

главы III), без коих, писал митрополит Филарет, немыслимо поддержание дисциплины. — О бесчеловечном истязании солдат шпицрутенами см. III. — Автор названных «Воспоминаний» рассказывает «о примерном» наказании шпицрутенами. В 1852 г. во время смотра подошел солдат к Николаю I с намерением подать жалобу. Он приказал прогнать солдата «сквозь строй» через три тысячи шпицрутенов, что равносильно было мучительной смертной казни; — впоследствии велено было провести по «зеленой улице» лишь *примерно* (для кого пример?), т. е. чтобы солдаты не били лозами, а лишь прикасались. (См. н. № «Русск. Стар.». С. 112).

ми. Вполне понятно, что при существовании такого взгляда законодательство наше не могло не допустить в широких размерах изъятий от воинской повинности, изъятий, вызывавшихся самыми разнообразными уважениями: не только правами по происхождению, особенно полезными для государства занятиями или окончанием курса в учебных заведениях, но даже просто запискою в купеческую гильдию, доступною каждому, вносящему известную пошлину, и разными другими, не особенно существенными обстоятельствами, в виду которых признавалось нужным представить льготу от рекрутства. Этим путем число изъятых от обязательной военной службы достигло чрезвычайных размеров: как видно из дела, общее число их составляет в настоящее время пять с половиною миллионов, т. е. даже более одной пятой части всего подлежащего повинности населения (24 500 000 человек). Вследствие сего, вся тяжесть обязательной военной службы лежит исключительно на мещанах и крестьянах, которые, независимо от отбывания оной натурою, обязаны еще были до последнего времени нести и сопряженные с отправлением рекрутства расходы, составлявшие при наборе по шести человек с тысячи душ около пяти миллионов рублей в год. Несправедливость сего очевидна»².

II

«Несправедливость сего очевидна!» Верно — что и говорить!!! Но когда и как обнаружилась эта несправедливость и отчего не так еще давно самонадеянный намек на несправедливость рекрутской повинности преследовался, как непопозволенное вольнодумство, нечестивая попытка колебать освященный веками и необходимый «порядок вещей», осмеивался людьми положительными, как пустая либеральная «бредня» мечтателей, подобно другим их «эгалитарным бредням», о равенстве, свободе и пр., возмущающим дивный, стародавний строй России, этой лучшей части в этом лучшем из миров?..

Покуда существовало крепостное право, покуда это явное надругательство над правом и справедливостью считалось краеугольным камнем установленного «порядка вещей», ни слезы и раздирающие душу причитания семьи, провожавшей рекрута на военную службу, как на плаху, ни звонкие затрещины и зуботычины, с «улыбкою» принимаемые солдатами от начальства, ни несмолкаемые стоны солдат, раздававшиеся с казарменных задворков в унисон крикам: «ай, ба-

² См. «Журнал Особого Присутствия». С. 3.

тюшки, не буду», доносившимся с помещичьих конюшен и съезжих домов, не могли никого ни заинтересовать, ни удивить, ни растрогать. Но когда «завиральные идеи», «бредни» вошли временно в силу, когда осуществилась на деле «величайшая из бредней»³, по выраже-

³ Сочин., VI, 218. В записках Д. Н. Свербеева находим, между прочим, относительно рекрутчины общие указания о главных чертах крепостного быта: «По обычаю, крепостной часто был продаваем явным образом даже не помещику, но какому-нибудь чужому, зажиточному, также крепостному крестьянину, который приобретал его покупкой на имя своего помещика, с тем, чтобы купленного отдать за свою семью в рекруты». Против этой торговли людьми в рекруты закон издавна принимал меры, но торговля эта продолжала существовать, так как помещики находили всегда возможность обойти закон. Продажа крестьян в рекруты была постоянным явлением, нисколько не осуждалась общественным мнением. Свербеев рассказывает поразительный случай, как одна княгиня, образованная и религиозная женщина, принялась исправлять запутанные дела своего мужа: она отдала из его обширных имений 700 человек в рекруты не в зачет и получила за них квитанции на сумму 700 000 рублей; квитанции эти она продала, а на крепостных мужа оставила отправлением текущих рекрутских наборов своим порядком. Таких резких примеров среди крупных помещиков было немного, но среди мелкопоместных торговля рекрутами была явлением обычным. Когда закон воспретил ставить в рекруты новокупленного крестьянина раньше года после покупки, рекрут стали покупать заблаговременно, подвергая купленных особо строгому надзору до времени набора. К каким неожиданным комбинациям эта торговля рекрутами приводила иногда, можно видеть из такого случая: «В Ярославской губернии, — рассказывает Свербеев, — крупная вотчина одного помещика купила на имя своего господина соседнюю деревню в 60–70 душ, обложила их оброком в свою пользу и затем брала из этой маленькой деревни всех рекрут за всю вотчину. Когда меры правительства стеснили торговлю рекрутами, стали прибегать к такому способу: продавали *охотников*, т. е. за деньги давали отпускную крепостному человеку, который ставился в набор, как «охотник», за очередного рекрута, большею частью вовсе не зная, что он уже свободен и может отказаться от солдатчины. В том или ином виде торговля рекрутами держалась до самого освобождения и нередко составляла существенную статью дохода для помещиков. Сюда надо отнести и еще одно явление. Были помещики, которые не торговали рекрутами, но все же извлекали доход из рекрутского набора». Свербеев рассказывает: «Многие самые лучшие из помещиков, желая сохранить или предохранить от расстройств лучшие зажиточные крестьянские семьи, спасти их от рекрутства, ставили за такие дома штрафных одиноких крестьян или дворовых дурного поведения. Но и в таких случаях вмешалось безнравственное корыстолю-

нию Салтыкова, — упразднение крепостного права, тогда с безобразий доброго старого времени стал спадать охранительный покров, наложенный полицией мысли, тогда понемногу стали поддаваться действию либерально-гуманной бредни и другие устои старого порядка вещей: жестокие телесные наказания, тайный суд, административный произвол, угнетавшая народ жестокая «солдатчина» и пр. Уже в 1862 г. на очередь стала отмена несправедливой «сословной» воинской повинности, под непосредственным влиянием демократического гуманного духа великого освободительного акта 19 февраля, как официально удостоверяет Записка военного министра Д. А. (ныне графа) Милютина⁴. На долю этого знаменитого государственного деятеля выпал великий труд и честь наметить еще в 1862 г. необходимость уравнивания всех сословий относительно воинской повинности и затем медленно, но неуклонно, готовить почву для этой справедливой реформы и, наконец, провести ее в законодательном порядке в 1874 г. согласно основному духу равноправности, не потворствуя узким аристократическим и плутократическим вожделяниям, очень громко и настоятельно заявлявшим свои притязания.

бие, соблазн, которым и я сначала увлекался, ибо и я сам брал с богатых крестьян деньги от 1000 до 1500 рублей ассигнациями, ставя за зажиточные семьи дворовых или штрафных даже из других имений. Только «лет за 15 до эмансипации додумался я, что поступать таким образом недобросовестно», и установил за освобождение от очередного рекрутства плату в 500 руб. в крестьянскую мирскую кассу».

Кроме рекрут, особенно распространена была торговля женщинами; их продавали и мелкопоместные, и средние помещики, и эта продажа зависела в значительной степени от условий, в которые был тогда поставлен брак крепостного, с одной стороны, строгими каноническими правилами о родстве и свойстве, а с другой — произволом помещика. Очень часто крестьянин не находил себе невесты в своей деревне и должен был хлопотать о покупке для него невесты у другого помещика. Торговля невестами была такою же обычною и такою же прибыльною, как и торговля рекрутами. Свербеев рассказывает об одной хозяйственной ярославской помещице, Смолиной, которая получала очень высокий доход со своих 500 душ, постоянно продавая девок и вдов в замужество на сторону, а парней в рекруты. «Все это делалось сплошь да рядом на моей памяти и разве только весьма немногих приводило в негодование; все это были одни цветочки, а не ягодки крепостничества. Указывая на темные его стороны, я привожу только те примеры, которые были в обычае у всех помещиков вообще, дурных и хороших, такие случаи, которые выходили из рабства».

⁴ С. 2. Записки военного министра от 19 января 1873 г. по главному штабу.

Таким образом военная реформа, родственная по своему либерально-гуманному духу эпохе великих реформ, запоздала по времени лет на десять, если считать наиболее цветущую пору этой эпохи завершившеюся 20 ноября 1864 г. изданием Судебных Уставов.

Начиная с 1863 г., в манифестах о рекрутских наборах смягчались постепенно наиболее тягостные условия отправления старой рекрутчины, как-то: сокращен был срок службы до 15 лет, отменена отдача в солдаты за преступления, улучшено содержание солдат, начато обучение грамоте, ограничены телесные наказания и кулачная расправа, и пр. Для составления же проекта нового Устава о воинской повинности образована была в том же 1863 г. при военном министерстве комиссия. Но работы ее двигались медленно, и постепенно увеличивавшийся в обществе и правительстве реакционный дух (особенно с 4 апреля 1866 г., с появлением во главе Министерства народного просвещения гр. Д. А. Толстого, и юстиции — гр. К. Н. Палена) препятствовали главному инициатору и вдохновителю великой гуманной реформы Д. А. Милютину, опиравшемуся главным образом на содействие великого князя Константина Николаевича, двигать реформу с желательною быстротою⁵. Крепостники, не забывшие еще «обиды» 19 февраля, и слышать не хотели о том, чтобы их дети были уравнены с «мужичьем». Богатые купцы, из коих некоторые еще вчера, можно сказать, были сидельцами в кабаках или крепостными, негодовали чуть ли не больше еще на то, что при их капитале да не вправе они будут откупиться от неприятной повинности! Трудно сказать, сколько потребовалось бы времени, чтобы высшие слои общества, издавна воспитанные в традициях крепостного права, ради горсти избранников жертвовавшего интересами миллионов кормильцев русской земли, чтобы наши привилегированные сословия, закоснелые на словесных и денежных привилегиях, усвоили себе столь элементарную идею, как равенство пред воинскою, равно для всех тяжелою, но неизбежною государственною повинностью, если бы не внешние события, сразу давшие сильный толчок военной реформе.

Прусские победы 1870 г. и разгром французской армии подсказали, помимо соображений права и справедливости, необходимость реорганизации военных сил с военной точки зрения. Так как все прусское, начиная с касок и кончая школьною системою, сильно подня-

⁵ Не только реформа воинской повинности, но и других отраслей военного дела, даже чисто технических, например, интендантской, встречали отчаянное противодействие со стороны почитателей дореформенных порядков. (См. «Военные реформы при Александре II» в «Вестнике Европы», 1882. № 1).

лось с этих пор в общественном кредите и вошло в силу, то и мысль об устройстве военном по прусскому образцу, т. е. с установлением общей воинской повинности и с увеличением наличного состава армии, сокращением службы и пр., стала популярна у нас и очистила путь реформе, задуманной гр. Милютиным еще в 1862 г.

Для выработки нового Устава были образованы две новые комиссии. Военный министр Милютин составил «*Общие основания*», которые были Высочайше утверждены 20 декабря 1870 г. и переданы для руководства комиссиям. Основания эти предreshали вопрос об уравнении всех сословий пред воинской повинностью и основные черты предстоящей реформы.

§1 заключал в себе сущность реформы и гласил так: защита отечества составляет священную обязанность *каждого* русского подданного. Затем в дальнейших параграфах устанавливалось: поступление на службу решается жеребьем. От призыва изъемяются только лица, которые по физическим недостаткам признаны навсегда неспособными к военной службе. Временные отсрочки от призыва допускаются в самых ограниченных размерах и исключительно в видах поддержки семей, обеспечения *народного образования*, а также в интересах народного хозяйства и промышленности. Замещения или откупы от военной службы не допускаются. Срок службы назначен в 15 лет, из коих на действительной в мирное время не более семи. Опубликование основных положений было встречено сочувственно со стороны многих земских собраний и городских дум и даже, к чести их, некоторых дворянских собраний, подавших благодарственные адреса⁶.

При составлении проекта устава в комиссии, состоявшей под высшим руководством Д. А. Милютина, из 38 членов, по некоторым вопросам возникли разногласия. Так меньшинство (10 членов) полагало освободить вовсе от действительной службы, в интересах промышленности, семейных одиночек, которые непосредственно управляют доставшимся им по наследству хозяйством или промысловым заведением. Но большинство (28 членов) отвергло это мнение, исходя из той точки зрения, что льготы по имуществу при *общеобязательной личной* военной повинности не могут иметь в виду самих имуществ,

⁶ Чадолубивые кликуши «*Гражданина*», не знающие других мотивов, кроме интересов дворянского «кармана и желудка», доселе не могут примириться с духом равенства, коим проникнута воинская реформа 1874 г., и еще недавно с гиком поднимали на смех тех либеральных дворян, которые подавали благодарственные адреса по поводу уравнения дворян с *vilain'*ами, с «подлым народом». («Гражд.», 10 марта 1895 г.).

но могут быть допущены единственно во внимание к затруднительному положению лица, владеющего имуществом и внезапно призванного к отбыванию воинской повинности, и признало более правильным, вместо освобождения от службы, допустить отсрочку на один год (с. 45 н. Записки). Со стороны купечества сделана была попытка провести право откупа, хотя временное, причем делались заманчивые предложения обеспечить на поступившие суммы инвалидов, но эта неуместная меркантильная точка зрения была решительно отвергнута военным министром Д. А. Милютиным.

Щедрую рукою установлены были в проекте льготы по образованию. «Проникнутые мыслью, — говорится в записке просвещенного министра Д. А. Милютина, — что военная повинность не только не должна вредить развитию просвещения в нашем отечестве, а напротив, насколько возможно, *способствовать его распространению* и что установление с этою целью льгот для одних тольковольноопределяющихся, подобно принятому за границу, было бы у нас совершенно недостаточно, так как мы стоим на сравнительно низшей ступени образования, комиссия *единогласно* признала необходимым оградить интересы образования *во всех его ступенях* даже для лиц, поступающих в армию по жребию. С этою целью допущены были отсрочки до окончания образования и сокращения срока действительной службы, начиная от полугода (для лиц с высшим образованием) и до четырех лет (окончившие курс в начальных училищах).

Просвещенные усилия военного министерства дать импульс народному образованию настолько были очевидны, что впоследствии Государственный Совет, обсуждая проект, счел справедливым занести в свой журнал следующие знаменательные и лестные для тогдашнего военного министра строки: «Проект производит в высшей степени отрадное впечатление: при необходимом охранении интересов армии и потребностей военного ведомства в нем не только не забыта важность просвещения, но можно даже с уверенностью сказать, что проектированные постановления будут служить наиболее действительным и могущественным орудием *к распространению* просвещения. По мнению присутствия, нельзя не принести за это составителям проекта справедливой доли признательности»⁷.

Никогда официальное выражение признательности не имело более справедливости и реального основания.

⁷ См. журнал Государственного Совета по Высочайше учрежденному особому присутствию 2 апреля, 6 ноября 1873 г. № 1. С. 14.

III

19 января 1873 г. Д. А. Милютин внес свой проект в Государственный Совет и разослал его одновременно на заключение министров. Поступила масса замечаний, из коих немногие были прямо враждебны основному принципу уравнительной всеобщей воинской повинности, большинство же отстаивало те или другие интересы привилегированных сословий, но замечательно, что не было ни одного, которое клонилось бы к лучшей и большей защите интересов народной массы. Как бы молчаливо признавалось всеми, что для нее и без того достаточно (а по мнению иных, чересчур много) сделано военным министром.

Принципиальным противником общей воинской повинности выступил самый стойкий союзник гр. Д. А. Толстого по насаждению грамматического классицизма, управляющий государственным коннозаводством, генерал-адъютант Гринвальд. К сожалению, мы не имели в руках подлинного заключения этого разностороннего консерватора, считавшего себя, помимо техники коннозаводской производительности, равно компетентным как в вопросах чисто педагогических, так и военно-юридических; но, как можно заключить из журнала Государственного Совета, он шел против демократического духа военной реформы; он считал опасным для дисциплины допустить общение свобододлюбивых образованных молодых людей из разночинцев с солдатами из народа, а самую военную реформу «преждевременною». Первое опасение разделял и товарищ министра иностранных дел Вестман, который признавал полезным освободить на десять лет лиц с высшим образованием, — не то в награду, не то как *macula*, в наказание за их политическую неблагонадежность, — от воинской повинности⁸. Особое присутствие Государственного Совета отвергло эти заскорузлые ухищрения мнительных бюрократов, консерваторов согласно заключению Д. А. Милютина по следующим соображениям: «Весьма значительное число молодых людей из образованных классов общества поступает и теперь ежегодно в состав войск в качестве юнкеров; между тем, по засвидетельствованию военного начальства, лица эти не только не оказывают дурного влияния на нижних чинов из простолюдинов, но подают даже *добрый пример* охотного исполнения служебных обязанностей. То же самое, должно надеяться, останется и впредь. Предполагать противное можно было бы в том лишь случае, если бы со введением реформы молодые люди поставле-

⁸ См. измененный проект о воен. повин. С. 68.

ны были в условия, не соответствующие ни образованию их, ни привычкам, чего на самом деле не предположено»⁹.

По поводу же обычного припева трусливых рутинеров о «неподготовленности» народа к принятию общеобязательной военной службы и установления права выкупа для привилегированных высших классов Государственный Совет рассуждал так: «Ввиду совершившихся уже преобразований во всех отраслях государственного устройства, со введением общих всем сословиям земских учреждений и судебной реформы, которыми уже устранены многие из преград, разделявших у нас сословия, сохранение различия одних от других, именно в отношении к обязанности защищать родину, было бы, напротив того, резким и ничем необъяснимым отступлением от общего строя государственного развития. Если правительством признано было возможным и благовременным ввести упомянутые реформы, несмотря на относительно низкий уровень умственного развития массы населения, то это обстоятельство тем менее может служить препятствием общеобязательной воинской повинности, которая по самому ее свойству и условиям военной службы представляет весьма действительное средство не только к распространению народного образования, но и к нравственному развитию населения и вообще к правильному соединению и к направлению их к одной общей цели»¹⁰. Далее Государственный Совет ссылается на примеры иностранных государств, где не допускается никаких отступлений в пользу высших классов от основного начала общеобязательности военной службы, и в частности на пример Пруссии, где она была введена вскоре после отмены крепостного права.

Несколькими министрами были высказаны пожелания о разных льготах в пользу привилегированных классов: министр внутренних дел Валуев требовал, чтобы особые призывные участки были образованы для «неподатных состояний», министр юстиции гр. Пален настаивал на предоставлении им права избрания места службы по собственному желанию. Но военный министр Д. А. Милютин, согласно духу равенства новой реформы, настойчиво возражал¹¹ против подобных изъятий, вызванных старыми сословными предрассудками и претензиями. Он признал, однако, возможным допустить, согласно мнению министра финансов Рейтерна, в интересах промышленности отсрочку отправления воинской повинности на два года для заведывающих торгово-промышленным делом.

⁹ См. назв. журн. Госуд. Совета. № 1. С. 10.

¹⁰ См. назв. журнал. С. 12–13.

¹¹ См. изм. проект. С. 12–13.

Обер-прокурор св. синода, гр. Д. А. Толстой, требовал освобождения семинаристов от воинской повинности, указывая на то, что «бескорыстная жажда знания пробуждается почти исключительно в зрелых (?) годах и что юношество в период воспитания руководствуется представлением тех выгод, какие изучение наук обещает в будущем, и что трудно ожидать, чтобы молодые люди, судьба которых уже определилась жеребьем, стали с увлечением предаваться богословским, филологическим и др. изысканиям, чуждым (sic!) будущей их деятельности, и что большинство ограничится окончанием курса в средних заведениях». Д. А. Милютин, «не касаясь вопроса о том, какому возрасту — юношескому или зрелому — более свойственны корыстные побуждения в стремлении к приобретению научных познаний», отверг предложение гр. Толстого ввиду льгот, представляемых высшим образованием или поступлением в духовное звание.

Самое характерное и невероятное в устах министра юстиции замечание было сделано гр. Паленом, предлагавшим важнейшие дела о нарушении законов о воинской повинности, подсудные суду присяжных, *изъять* из их ведения в виду того, что «едва ли от присяжных заседателей можно ожидать сознания (!) всей важности вины лиц, уклоняющихся от военной службы». Военному министру пришлось выступить в защиту достоинства русского суда присяжных от нападок министра юстиции, которого он призвал к порядку напоминанием об основных началах Судебных Уставов 20 ноября 1864 г.¹² Суд присяжных настолько был популярен, что Государственный Совет даже и не удостоил обсуждения эту неприличную выходку министра юстиции.

IV

Немного таких истин несомнительных, немного таких правил нефеложных, коих святость должна пребыть несомненною и тогда, когда противоречат им последствия частные, случайные, независимые от воли людей.

Польза просвещения есть одна из малого числа сих истин исключительных.

Князь П. А. Вяземский

Едва ли не самый интересный эпизод в истории военной реформы, это — характерная ожесточенная полемика, завязавшаяся между представителями двух противоположных политических мировоззрений, между Д. А. Милутиным, который, говоря словами кн. Вяземского (товар. мин. народ. проsv.), приведенными в эпиграфе, верил в про-

¹² Испр. проект, 55, 80.

свещение и стоял за его распространение *quand-même*, — и министром народного просвещения, графом Д. А. Толстым, мрачным носителем узкодворянских интересов, бюрократам до мозга костей, стремившимся сделать величайшее из благ земных, высшее образование, исключительным достоянием знатных и богатых. Недаром военное министерство времен Д. А. Милютина иные называли истинным министерством народного просвещения сравнительно с тогдашним официальным научно-педагогическим ведомством. В то время, когда гражданские гимназии превращались в корпуса с «классической муштровкою», военные кадетские корпуса, освобождаясь от язв профессиональных школ, указанных в известных статьях Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», превращались в «военные гимназии», т. е. общеобразовательные заведения, слегка приноровленные к потребностям военного ведомства. Чтобы судить о широте взглядов военного министра Д. А. Милютина на дело просвещения, достаточно добавить, что он возымел смелую и благородную решимость открыть при военном министерстве, — о, ужас! — первый не только в России, но и в Европе, женский медицинский факультет, за что ему и искреннее спасибо, великая честь и слава от всех друзей русского народного просвещения...

Но в числе этих друзей никак нельзя было считать бывшего министра народного просвещения гр. Д. А. Толстого, ожесточенного врага Д. А. Милютина. Как только получен был гр. Толстым из военного министерства проект о воинской повинности, он в поданном отзыве своем от 20 февраля 1873 г. выступил решительным противником системы льгот по образованию, установленных в проекте. Затем гр. Толстой вторично развивал свои замечания в особой записке на имя государственного секретаря от 18 октября 1879 г. Все это замечательное и похвальное, с чиновничьей точки зрения, усердие гр. Толстого клонилось к тому, чтобы доказать, во-первых, что нет просвещения вне введенного им, по вдохновению Каткова и Леонтьева, мрачного, схоластического классицизма и гр. Толстой его пророк, во-вторых, дать выход жертвам нового гимназического строя, тем *fruits secs*, недоношенным плодам ложного классицизма, которых ежегодно выбрасывали гимназии в угрожающей прогрессии, и, в-третьих, по возможности затруднить пути к высшему образованию вообще и в частности для людей с недостаточными средствами, для детей «дворников, лакеев, прачек и т. п. людей», как выразился впоследствии преемник гр. Толстого И. Д. (впоследствии граф) Делянов.

В роли ревнителя и адвоката собственного классицизма, роли, напоминающей положение усердствующего *procurator'a in rem suam*,

гр. Толстой негодовал прежде всего против уравнивания льгот по образованию прогимназий, где дается, по его словам, «предварительное научное (!) образование», с уездными училищами, лишенными благ единоспасающей классической грамматики, а потому, по его мнению, ни к чему не пригодных и подлежащих уравниванию с низшими школами грамотности¹³. Единственно кажущаяся попыткой к покровительству просвещения в отзыве гр. Толстого представляется предложение его сократить с четырех лет до трех срок службы для окончивших курс в начальных училищах... Но истинный смысл этого предложения явствует из дальнейшего изложения, из которого видна главная цель гр. Толстого: как можно ниже держать в народе уровень образования. В этих видах он решительно восстал против льгот, установленных проектом в пользу *высшего и среднего* образования, и требовал, чтобы не только окончившие курс гимназий, но и лица с высшим образованием уравнивались были с гимназистами 6 класса и учениками школ грамотности, т. е. оставались на действительной службе *три* года (вместо предположенных проектом 9 месяцев и полутора лет). Исходя из убеждения своего (см. выше §3), что молодые люди во время прохождения курса учения руководствуются «выгодами», гр. Толстой не без основания рассчитывал, что, благодаря этой военной приманке, масса лиц, «которые не имеют или *средств*, или способностей учиться», бросят гимназии с 6 класса. В армии, по мнению гр. Толстого, «всегда найдется место для них» (вот уж поистине: «на тебе, небоже, что мне не гоже»!), а если число ищущих высшего образования чрез это значительно уменьшится, — тем лучше, полагал гр. Толстой, ибо «предпочтительнее, чтобы такие лица не наполняли собою „без всякой пользы для науки, а иногда и со вредом для серьезного учения“ (это Пироговы, Соловьевы, Щуровские, Буслаевы, Тихонравовы, Мейеры и другие „бедные“ студенты „конфузили“ серьезность учения!) аудитории наших высших учебных заведений»¹⁴. Это мнение было поддержано в Государственном Совете всего только пятью членами: министром финансов Рейтерном, гр. Шуваловым (начальн. III-го отделения), Набоковым, гр. Паленом (министром юстиции) и Лесовским.

Как против министра юстиции (см. выше §3) пришлось Д. А. Милютину выступить в защиту достоинства русской юстиции, так и против министра народного просвещения ему пришлось ратовать за русское просвещение. Тут, как сказано, сталкивались два проти-

¹³ Отз. мин. нар. просв. от 20 февраля 1873. С. 4.

¹⁴ См. назв. журн. Госуд. Совета, 46.

воположных мировоззрения: одно — бессловное демократическое, признающее образование высшим благом и наибольшее его распространение безусловно желательным, и другое — аристократическое или бюрократическое, дворянско-чиновничье, смотрящее на образование, как на ненужную роскошь или даже как на неизбежное зло, распространение коего должно быть удерживаемо всеми силами в кругу привилегированного меньшинства. Последнего обскурантского мнения держался министр народного просвещения гр. Толстой; первого, как сказано, военный министр Милютин, к которому присоединились 22 члена и в числе их, по техническим соображениям, некоторые столпы консерватизма. Члены эти были: великие князья Константин и Михаил Николаевичи, принц Ольденбургский, гр. Берг, кн. Горчаков, Игнатъев, Чевкин, Метлин, барон Ливен, Новосильский, Фундуклей, Левшин, Валуев, барон Будберг, Мельников, гр. Баранов, Тимашев, кн. Урусов, кн. Оболенский, Мансуров, Небольсин¹⁵. Указав на важное значение для военного ведомства лиц с высшим образованием, 22 члена подробно излагают свои соображения о необходимости наибольшего поощрения у нас высшего образования.

«Еще несравненно важнее, — сказано в журнале Государственного Совета представляющееся по настоящему вопросу, — соображение *общегосударственное*, состоящее в том, что лиц, получивших высшее научное образование, надлежит в мирное время удерживать на действительной службе лишь в течение того срока, который *крайне необходимо* для усвоения ими порядков военной службы и приемов военного дела. В таком только случае военное ведомство, пользуясь в трудную для государства пору войны лучшими силами населения и общества для возможно успешной защиты отечества от врага, не будет однако в остальное время действовать в ущерб другим не менее важным потребностям страны и не будет таким образом препятствовать мирному и правильному гражданскому ее развитию. В отношении к России соображение это имеет чрезвычайную важность, ибо, к сожалению, число лиц, получивших высшее образование, у нас относительно весьма еще невелико и далеко *не соответствует потребности* в них, постоянно ощущаемой во всех отраслях государственной и общественной деятельности. Не говоря уже о недостатке у нас ученых техников разного рода, крайне необходимых для устройства и поддержания в порядке путей сообщения, для развития фабрик и вообще промышленности, для усовершенствования сельского нашего хозяй-

¹⁵ См. назв. журн. Госуд. Сов., 48.

ства, не следует упускать из виду, что даже высшие правительственные власти нередко бывают крайне затруднены в приискании вполне достойных кандидатов на разного рода должности, сопряженные и с обеспеченною пенсиею в будущем. Достаточно указать на то, что к 1 января 1872 г. по ведомству Министерства народного просвещения было *двести семь* незанятых профессорских кафедр в университетах; а сколько нужно нам еще учителей не только для существующих, но и для постоянно открываемых учебных заведений разного рода? Хотя, может быть, и не в тех же самых размерах, но трудность приискания вполне образованных деятелей для занятия различных правительственных должностей встречается и во всех почти других ведомствах».

По приведенным соображениям 22 члена считали, с своей стороны, безусловно необходимым как в видах справедливости, так и для поощрения стремления к высшему образованию, назначить для окончивших курс в университете или других высших учебных заведениях менее продолжительный срок действительной службы, нежели для лиц, хотя бы даже окончивших гимназический курс. С другой стороны, и ограждение интересов молодых людей, прошедших полный курс наук в гимназиях и вообще в средних учебных заведениях, рассуждали члены Совета, имеет весьма важное значение: число таких лиц у нас также весьма незначительно, а между тем гимназии и соответствующие им учебные заведения составляют единственный источник для пополнения слушателями университетов и других высших училищ; поэтому всякая мера, ведущая к ослаблению этого источника, должна отразиться вредно на успехе научного образования.

«Не подлежит сомнению, — говорится далее, — что с дарованием высшей от воинской повинности льготы ученикам 6 класса гимназий число выходящих из этого класса непременно увеличилось бы, и соответственно тому *уменьшилось* бы число оканчивающих полный гимназический курс и поступающих в университеты. Самое убедительное доказательство верности такого предположения представляет Пруссия, где, несмотря на большое развитие просвещения, право одногодичного срока военной службы за шестилетнее учение в гимназиях и вообще в средних учебных заведениях оказывает всеми признаваемое влияние на уменьшение числа оканчивающих курс в гимназиях и других средних училищах»¹⁶.

¹⁶ См. назв. журнал особого присутствия Государственного Совета. С. 48 и след.

V

Еще большее фиаско потерпел гр. Толстой по другому своему ретроградному мнению, в котором он возражал против предоставленного Милютинским проектом окончившим курс в прогимназиях и уездных училищах права поступать на службу вольноопределяющимися и через три года быть произведенными в офицеры. В этом постановлении гр. Толстой усматривал, во-первых, опасную для прогимназий конкуренцию уездных училищ и, во-вторых, возможность переполнения офицерского персонала лицами мещанского и купеческого сословия, что представлялось ему нежелательным с точки зрения политической благонадежности. Этот затхлый отголосок старых крепостнических предрассудков относительно *vilain'ov* и потуги чрезмерного усердия в пользу собственного злополучного детища — классической муштровки — прозвучал совершенно одиноко в Государственном Совете, не привлекая в свою сторону *ни одного голоса*. Огромным большинством 24 голосов (великий князь Константин Николаевич, наследник цесаревич Александр Александрович, ныне в Бозе почивший император Александр III, великие князья Николай и Михаил Николаевичи, граф Пален, Тимашев, Валуев и др.) отвергли это мнение ввиду большой потребности в офицерах и поставили на вид зарпортованному гр. Толстому, что допущение вольноопределяющихся из податных сословий, существовавшее *даже* и по старому законодательству николаевских времен, отнюдь не может вести к вредному изменению духа войск¹⁷.

Потерпев неудачу в особом присутствии Государственного Совета, упрямый, самонадеянный гр. Толстой не унывал и решился попытаться в общем собрании его, но результат был тот же. Членам Государственного Совета гр. Толстой разослал обширную записку (50 печатных страниц), в которой, повторяя, вопреки совету классиков — *non bis in idem*, — свои прежние доводы, предлагал с настойчивостью, достойною лучшего применения, *сократить льготы по образованию*. Maximum льготы (служба до 1 года) он допускал только для вольноопределяющихся, причем лица с высшим образованием уравнивались с окончившими курс 6 классов классических гимназий; для поступавших же по жребию не допускалось *никакого* изъятия, и окончивший курс в университете должен был остаться на службе столько же, сколько и окончивший в начальной школе. Затем гр. Толстой

¹⁷ См. назв. журнал. С. 89.

отвергал отсрочку для окончания образования и настаивал на отправлении студентами воинской повинности непременно *во время* прохождения университетского курса по политическим соображениям.

Военный министр Д. А. Милютин подробно разобрал все возражения гр. Толстого и, между прочим, доказывал, что, вопреки мнению министра народного просвещения, смело утверждавшего, что с *военной* точки зрения *невозможно* сокращение службы для лиц с высшим образованием до 3–6 месяцев¹⁸, такая льгота не будет вредна для военного дела. А, с другой стороны, отправление воинской повинности во время прохождения университетского курса Д. А. Милютин считал несовместным с правильным ходом научных занятий вообще и в частности для *недостаточных студентов*, которые во время летних вакаций зарабатывают средства к существованию.

Редко можно встретить в истории законодательств более оригинальное *qui pro quo*, нежели вышеупомянутое, в котором министр народного просвещения ратует горячо за военные интересы, стремясь в сущности к сокращению распространения просвещения, а военный министр готов даже отчасти поступиться военными интересами, лишь бы оказать поддержку народному просвещению.

Государственный Совет, разобрав чрезвычайно внимательно доводы обоих министров, принял вполне заключения Д. А. Милютина по соображениям, заслуживающим особого внимания, ввиду возникшего в 60-х гг. предположения воскресить план гр. Толстого. Вот что, между прочим, записано в журнале Совета:

«Просвещение наше на всех его степенях, не исключая и высших, нуждается в сильном охранении и *постоянном поощрении*. Пруссия (на нее ссылается гр. Толстой) не может в этом отношении служить нам примером: там считается в университетах слишком 8000 слушателей, а в 407 гимназиях, прогимназиях, реальных и высших бюргерских училищах около 100 тысяч учащихся; соответственно этому, при нашем населении, в 31/2 раза большем, в наших университетах должно бы быть около 28000 слушателей, а их менее 7000; точно так же мы должны бы иметь гимназий, прогимназий и реальных училищ до 1420 и учащихся в них до 350000, а имеем мы таких учебных заведений менее 150 и учащихся в них не более 40000. Цифры эти достаточно объясняют недостаток в образованных лицах у нас и изобилие их в Пруссии, где при принятии в гражданскую службу можно делать выбор между многими и требовать, кроме аттестата учебного заведения, еще выдержания особого служебного испытания (*Staatsexamen*).

¹⁸ См. Записку гр. Толстого, 8.

Поэтому в Пруссии оказывается возможным не давать никаких льгот за образование поступающим в военную службу по жребию; лица эти не пользуются отсрочкою для окончания образования и по достижении 20-летнего возраста немедленно призываются на службу. При такой системе, в Пруссии не может быть даже и случаев отправления воинской повинности по окончании университетского курса, совпадающем с более поздним возрастом».

«Полное применение прусской системы у нас при относительно низком еще уровне образования было бы *тяжким ударом для отечественного просвещения*. С целью возможного поощрения к учению нам совершенно необходимо допустить льготы по образованию и для лиц, призываемых на службу по жребию, а вместе с тем сохранить и соразмерность, принятую уже нашим законодательством относительно распределения льгот по различным степеням образования. Дарование особых по воинской повинности льгот за прохождение курса в высших и средних учебных заведениях не может не иметь существенного значения: сокращая сроки обязательного пребывания в действительной военной службе, единогласно признаваемой наиболее тяжелою из всех существующих повинностей, такие льготы должны почитаться *важнейшими* из прав, которые могут быть предоставлены законом за окончание курса в том или в другом училище. В сравнении с означенными льготами, в значительной мере облегчающими и сокращающими весьма тягостную для каждого образованного человека службу в нижних военных чинах, бледнеют и отодвигаются на второй план все остальные преимущества, приобретаемые окончанием курса в учебных заведениях, не исключая и наиболее ценившегося до сих пор права на чины по службе гражданской».

«Ввиду приведенного уже недостатка у нас в лицах с высшим и средним образованием, составляющего несомненный факт, едва ли может быть признана справедливою мысль, что лица, достигшие университета и даже высшего класса гимназии, по самой степени своего развития должны побуждаться к продолжению занятий не какими-либо преимуществами, а интересом знания и любовью к науке, и что по сему предоставление им той или другой льготы по воинской повинности не имеет существенной важности. Если наши высшие учебные заведения, даже при тех особых привилегиях, которыми они пользуются издавна, не настолько еще привлекают учащихся, чтобы удовлетворить всем потребностям государства в лицах образованных, то не следует ли ожидать, что всякое уменьшение привилегий для высших учебных заведений еще более затруднит достижение указанной цели».

«Привлечение молодых людей в высшие учебные заведения не особыми льготами, а посредством развития в них самих потребности просвещения, было бы, без сомнения, весьма желательно. Но осуществление этого оказывается возможным только в самой слабой степени даже в наиболее образованных странах; у нас же стремление к сему было бы пока преждевременно и потому пагубно отозвалось бы на дальнейшем развитии нашего образования. Если же держаться противоположного взгляда, то по важности предмета необходимо было бы войти по оному в общие соображения и представить этот вопрос в полном его объеме, со всеми необходимыми объяснениями, на отдельное разрешение в законодательном порядке, и не только по отношению к льготам при отправлении воинской повинности, а в применении ко всем вообще правам, предоставляемым у нас различными степенями образования. До того же времени, пока общий этот вопрос не будет разрешен в приведенном выше смысле, пока в законодательстве нашем будут существовать столь еще недавно подтвержденные новыми уставами университетов, разных высших специальных заведений, а равно гимназий и прогимназий, весьма существенные постановления о правах, предоставляемых окончившим курс наук в тех или других учебных заведениях, предлагаемое нововведение об уравнивании прав лиц, удостоенных университетом ученой степени, с молодыми людьми, не окончившими даже гимназического курса, едва ли было бы возможно»¹⁹.

VI

1 января 1874 г. Устав о воинской повинности был утвержден. Высочайший манифест, при котором он был опубликован, происхождение и сущность реформы разъяснял так: «По действовавшим до ныне узаконениям воинская повинность возлагалась лишь на сословия мещан и крестьян, и значительная часть русских подданных изъята была от обязанности, которая должна быть для всех одинаково священна. Такой порядок, сложившийся при иных обстоятельствах, не согласуясь с изменившимися условиями государственного быта, не удовлетворяет и настоящим военным требованиям. Новейшие события доказали, что сила государств не в одной численности войска, но преимущественно в нравственных и умственных его качествах, достигающих высшего развития лишь тогда, когда дело защиты отечества становится общим делом народа, когда все без различия званий и состояний соединяются на это святое дело».

¹⁹ См. назв. журн. Государ. Совета. С. 52 и след.

Благодаря энергичной и умелой защите проекта, военному министру удалось провести военную реформу чрез Государственный Совет не только в общем, но и в деталях, согласно с требованиями справедливости, согласно первоначальному, рациональному плану и гуманно-просветительным и уравнивательным принципам, без уступок реакционному духу и сословным предрассудкам. Наградой гр. Д. А. Милютину, этому истинно просвещенному деятелю, было утешение видеть стройный и прогрессивный Устав о воинской повинности 1 января 1874 г., который после Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. является самым передовым, цельным и строго придуманным законодательным актом, и сознавать, что новый Устав о воинской повинности служит, как то прямо и говорилось в Высочайшем указе Сенату от 1 января 1874 г., при коем Устав был обнародован, новым подтверждением и закреплением освободительно-человеколюбивых начал преобразовательной эпохи. «Мы не имеем намерения, — открыто гласил указ 1 января, — отступить от *начал*, которым *неуклонно следовали* во все наше царствование». Затем законодатель высказал убеждение, что новый закон будет новым орудием *к распространению в народе истинного просвещения* и послужит основанием и залогом будущего его благоденствия.

1 января последовал рескрипт на имя председателя Государственного Совета великого князя Константина Николаевича с выражением искренней признательности за его «теплое участие» в этом деле.

Крупные заслуги Д. А. Милютин в деле проведения военной реформы были официально признаны в Высочайшем рескрипте от 11 января 1874 г., в котором, между прочим, было сказано: «Постоянно следя за ходом этого дела, как при работах подготовительных, так и окончательном обсуждении, Я имел возможность убедиться, насколько вашему просвещенному рвению, неутомимой деятельности и верному пониманию предуказанной Мною цели Я обязан тем, что все стороны сего важного преобразования были тщательно разработаны, возникавшие вопросы основательно разъяснены, и составлено законоположение, вполне отвечающее Моим видам. Проникнутый горячею заботливостью о пользах армии и общем благе государства, вы стремились во внесенном вами в Государственный Совет проекте к приумножению не только материальной, но преимущественно *нравственной силы* войска, и в то же время не упустили из виду необходимости ограждения *других важных интересов*: быта семейного, промышленности, торговли и искусств и *в особенности просвещения во всех его степенях*. Главнейшие постановления, проектированные во вверенном вам министерстве, были уважены Государственным

Советом, в обсуждениях которого вы принимали самое ревностное и полезное участие. Тяжелыми трудами вашими в этом деле и просвещенным на него взглядом вы оказали государству услугу, которую Я ставлю себе в особое удовольствие засвидетельствовать и за которую выражаю вам Мою истинную душевную признательность. Закон, Мною утвержденный и ныне обнаруженный, да будет при вашем содействии приводиться *в исполнение в том же духе*, в каком он составлен, с сохранением твердо и незыблемо основного начала об обязанности каждого нести воинскую повинность и со всеми в отбывании этой повинности облегчениями, возможными без ущерба для существенных интересов государства, для силы и достоинства армии».

В таком именно человеколюбивом и просвещенном духе равенства, гуманности и справедливости проводил в жизнь гр. Д. А. Милютин задуманную им реформу до самого²⁰ конца своей продолжительной и плодотворной службы, когда он в апреле 1881 г. вместе с своим единомышленником графом М. Т. Лорис-Меликовым должен был, ввиду наступившей реакции, выйти в отставку.

Военная реформа 1874 г. сравнительно с другими реформами была поставлена в особо счастливые условия применения. Тогда как крестьянскую и судебную реформу пришлось вводить в действие лицам, равнодушным к их духу или явно враждебным (как П. А. Валуев и гр. К. Н. Пален), военная реформа — и она *одна* — избежала этого важно-го неудобства, имевшего последствием постепенное искажение духа и сущности вводимых реформ, и применялась вполне согласно ее основному духу равенства, гуманности и просвещения.

Благие результаты не замедлили обнаружиться необыкновенно быстро и осязательно. Сила обстоятельств вынудила Александра II, заявившего еще 1 января 1874 г. при издании Устава о воинской по-

²⁰ Народная грамотность несравненно больше обязана своим распространением военному министерству, нежели Министерству народного просвещения. К сожалению, невозможно указать в точности число грамотных, обязанных грамотностью прохождению воинской повинности. Благодаря любезности одного компетентного военного ученого, я могу привести следующие сообщения и приблизительные данные. На военной службе почти все солдаты выучиваются грамоте. Число же лиц, исполнивших воинскую повинность с 1874 по 1891 гг., по отчетам военного министерства достигает более 2500 000. Если отсюда вычесть число грамотных новобранцев, в среднем (за последние годы) приблизительно 30%, да скинуть несколько на больных и умерших, то без большой ошибки можно принять, что воинской повинности обязаны грамотностью по меньшей мере (до 1891 г.) 1600 000 человек.

винности, «что он не ищет, как не искал дотоле, блеска военной славы», испытать физические и нравственные силы молодого преобразованного войска гораздо раньше, чем это допускало человеческое предвидение. Уже через три года по введении устава о воинской повинности, внушавшего консерваторам столько опасений своим «демократическим, либеральным духом», Россия вынуждена была двинуть на поле битвы впервые свое преобразованное в духе равенства, человеколюбия и справедливости молодое войско. И что же? Своими боевыми качествами, своим достойным поведением, которому должны были отдать справедливость друзья и недруги²¹, новые войска на Балканах и Армянском плоскогорье не посрамили априорной веры друзей прогресса в русский народ и а posteriori наглядно подтвердили разумность гуманно-просветительных начал, положенных в основу великой военной реформы 1874 г.

²¹ См. у Д. А. Ровинского похвальные отзывы английских журналистов о поведении русских и солдат. «Народные картины». Т. V, 321.

VIII.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Сословное деление общества в отношении к реформе городского управления не практично, даже вредно, ибо разрывая основную связь общества сословным разделением, мы тем самым вводим вредные для общего блага столкновения наших интересов и взаимное их противодействие. Гораздо справедливее и практичнее было бы принять единство наших интересов за основание общественного благоустройства... Сословное разграничение для дел общих нарушает ту живую связь, которая всегда присуща действительной жизни. Вообще сословное начало дает свой особый узкий тон делам общего городского управления.

Отзывы членов Могилевской
и Самарской городских комиссий (1862)

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
ГОРОДОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ 1870 ГОДА
(СПРАВКА К 25-ЛЕТИЮ)

Представители сословий, являясь в думу, оставляли за ее порогом всякие сословные счета и интересы. Благодаря новому устройству общественных учреждений в Москве 1862 г. городские сословия, так сказать, перетирались, шлифовались одно о другое, и в результате совместной работы на пользу общего дела и взаимного подчинения получилось то, что Московская общая дума из всесословного учреждения совершенно незаметно выработалась в учреждение бессословное. Другими словами, на глазах города совершался благодетельный процесс слияния сословий, без которого немислимо никакое развитие общественного дела.

М. П. Щепкин

I.

Городское самоуправление много старше земского. Задуманное в эпоху великих реформ, Городовое Положение 16 июня 1870 г., правда, и не дожило даже до 25-летия, но собственно принцип или идея бессословного городского самоуправления в России считает уже за собою более ста лет, если не процветания, то кое-какого хрупкого существования. Начало городских «вольностей» было положено знаменитою Екатерининскою¹ Городовою Грамотою, или Городовым² Положением, 21 апреля 1785 г., составившею знаменательную эпоху в истории русского законодательства. Общий план городского общественного, т. е. бессословного самоуправления, начертанный этим

¹ По случаю столетия этой Грамоты Московская городская дума предполагала поставить на одной из городских площадей памятник Екатерине II, но разрешение последовало лишь на постановку в здании думы.

² Государственный совет дал Положению 1870 г. наименование «Городового» (вместо городского) в память этой «благодетельной, как выразился совет, реформы». См. Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах империи. Изд. хозяйст. департ. СПб. Т. III. С. 487.

замечательным законодательным актом, названным «Жалованною Грамотою на право и выгоды городам империи», был задуман на таких широких и разумных основаниях³, что далеко опережал свой век и в некоторых отношениях (так, например, относительно установления образовательно-нравственного ценза и даже некоторого возвышения его над имущественным при определении избирательных прав гражданина) оставил за собою не только нынешнее Городовое Положение 12 июня 1892 г., но и более прогрессивное предшествовавшее Положение 16 июня 1870 г.⁴ К сожалению, отчасти недостаточная определенность постановлений Екатерининской великой хартии, отчасти наступление жестокой реакции в последующее царствование Павла I, главным же образом несоответствие рациональных начал Грамоты 1785 года господствующим бюрократическим взглядам и бытовым условиям русской жизни привели к тому, что благодетельная, по выражению Государственного совета, реформа Екатерины далеко не принесла всей ожидаемой от нее пользы.

Городская самоуправляющаяся община предполагает наличие нескольких данных, как-то: выделившихся своими промышленными или вообще специальными городскими *профессиями равноправных* граждан, управляющих *самостоятельно*, в качестве хозяев, всем хозяйством общины и вообще заведующих всеми его материальными и духовными нуждами. Если обратиться к истории царствования Екатерины II и всего последующего времени господства крепостного права, то ясно увидим, что в эту эпоху централизации и безраздельного господства бюрократического произвола, крайнего, резкого сословного антагонизма и расчленения общества, с его неизбежным делением на привилегированных и «подлых», податных и неподатных, изъятых и неизъятых от телесных наказаний, почва была непригодна для зарождения самоуправляющихся на началах равноправности горожан, городских общин и вообще развитой городской жизни.

II.

Мерилом развития городской жизни в некоторой степени могут служить городские финансы, а наглядное понятие о них могут дать следующие факты. Через 12 лет после дарования городам жалован-

³ Разбор см. у И. И. Дитяткина «Городское самоуправление».

⁴ См. Общественное хозяйство города Москвы в 1863–1887 гг. Историко-статистическое описание. Ч. I. Вып. 1-й, составил М. П. Щепкин. Издание Московской городской думы. М., 1888 г. С. 90.

ной грамоты доходы столичного города С.-Петербурга не превышали 36 000 р.⁵ В бюджете богатой Москвы в 1806 г. доходы показаны в 811 910 р., но из этой суммы на обязательные расходы (полиция, войска и проч.) тратилось 650 000 р., а на все остальные нужды остаток 161 900 р. (в том числе на содержание школ и благотворительных заведений — 37 800 р.)⁶. А о губернских и уездных городах и говорить нечего. Еще в половине 60-х годов немало было городов с мизерными бюджетами. Из общего числа 595 городов доходы простирались:

в 10 городах	от	250 р.	до	500 р.
» 36	»	» 500	»	» 1000
» 159	»	» 1000	»	» 2500
» 189	»	» 2500	»	» 5000
» 79	»	» 5000	»	» 10 000
» 57	»	» 10 000	»	» 25 000
» 20	»	» 25 000	»	» 50 000
» 13	»	» более 50 000		

27 городов имели населения менее 1000 душ, 74 — от 1000 до 2000 и т. д.⁸

А город с населением менее 1000 душ и бюджетом в 1000 и даже в 250 р. разве по условной официальной, «казенной» терминологии может быть величаем «городом»?

Как известно из истории русских городов, большинство из них обязано своим происхождением «бюрократическому» творчеству. На Западе города создавались потребностями жизни, как оплот против феодального поземельного дворянства, как место разделения труда сельского и городского и место средоточия зачинавшейся в «бургах» промышленной, торговой и умственной городской жизни⁹. Русские «казенные» или «штатные» города вызваны к жизни административным гением, его потребностями и удобствами, его ображениями о необходимости известного положенного «по штату» числа городов, создавшихся не то для симметрии, не то для оживления тоскливого однообразия сплошной белизны карты России. Екатерина II не без гордости указывала на то, что ею создано по Учреж-

⁵ См. н. Материалы, I. С. 317.

⁶ См. н. Общ. хоз. г. Москвы. Ч. I. В. I. С. 108–109.

⁷ Материалы, I. С. 183; II. С. 141–146.

⁸ Там же, I. С. 184.

⁹ М. П. Щепкин. Опыт изучения хозяйства и управления городов. М., 1882 г. Ч. I. С. 4.

дению о губерниях 1775 г. ни мало ни много 216 городов! Можно бы поистине дивиться этому сверхъестественному государственному жидительству, если бы на поверку результаты этого законодательно-го «*fiat*», «*да бысть*», не оказывались крайне скромными, если не ничтожными. Когда пред изданием Городового Положения 1870 г. правительство приступило к изучению быта городов¹⁰, то в результате его получились следующие любопытные, но несколько неожиданные данные. Из 595 городских поселений Европейской России только 1/6 часть их могла быть признана по занятиям жителей чисто промышленными пунктами, 1/3 полупромышленными, полужемледельческими, остальные города, т. е. *половина*, чисто земледельческими или занимающимися отхожими промыслами.

Благодаря административному происхождению русских городов в истории их встречается явление, едва ли не единственное в своем роде — это внесение города в «штат» и исключение из него, пожалование сел волею администрации в «чин» города или разжалование их за несоответственный городу образ жизни. Аткарск (Сарат. губ.) в 1780 г. был пожалован в город, а в 1799 г. разжалован в село, а через пять лет опять выслужил чин города. Так же было с Балашовым. В 1836 г. села Чертанлы, Царевна пожалованы в города — Николаевск, Царев, но они и доселе занимаются хлебопашеством, подобно купцам и мещанам города Вольска, обрабатывающим и ныне до 20 000 десятин земли¹¹.

Земля русская велика и обильна, и чего-чего только в ней нет! В летописях ее записаны события недавние и едва ли где слыханные: это — бунт крестьян, наделяемых «правами граждан» при помощи штыков (так было в 1836 г. при «образовании» гор. Царева), или мещан, наказываемых при содействии военной команды, в качестве рецидивистов — за возвращение к хлебопашеству, как например, в 1858 г. в Сольцах, Псков. губ., и в 1860 г. в Спасске, Рязанской губ.¹²

Другое неблагоприятное условие для укрепления городской общественной жизни заключалось в крайнем развитии начала сословности. В то самое время, когда в Западной Европе расчленение госу-

¹⁰ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. 2 ч. СПб., 1863.

¹¹ Н. С. Щепкина, 7 и след. Автор указывает на существование рядом с земледельческими городами сел, занимающихся изготовлением оптических инструментов (там же, 9). Еще в начале 60-х годов в город Новоузенск выписывали за 200 верст мясо и белый хлеб по почте через Саратов. См. там же.

¹² Материалы, 181, I, примеч.

дарственного организма на строго замкнутые сословия стало ослабевать, в то время, когда сословные привилегии по рождению, уступая влиянию гуманно-просветительного XVIII века, стали исчезать, Екатерина II клала в России новые устои для сословной разобщенности и сословных привилегий, особенно дворянских. Тогда именно, когда русский народ после освобождения при Петре III в 1760 г. дворян от воинской повинности питал вполне законную надежду на отмену крепостного права, обусловленного этою повинностью, Екатерина II давала дворянству новые привилегии, окончательно закрепляя за дворянством рабовладение с лишением крестьян права жалобы и распространением рабства на Малороссию¹³.

Создавая одною рукою сословные перегородки, другою она устанавливала начала равноправности. Ст. 77 Городового Положения 1785 г. устанавливала такое широкое понятие правоспособного гражданина или городского обывателя, под которое должны были подойти, с одной стороны, домовладелец-дворянин и богатый купец, а с другой — все живущие своим личным трудом, начиная от чиновника, художника и пр. и кончая ремесленником и даже простым рабочим («старожилы, которые в городе промыслом, рукоделием или работою кормятся»). Но, как и следовало ожидать, это широкое бессословное обывательское понятие с установлением избирательного права в размерах *suffrage universel* осталось на бумаге, не находя ни в окружающей жизни, ни в самом законодательстве почвы для своего процветания. Вводя начало бессословности в городское управление, Екатерина тут же вводила и сословность в виде «людей среднего рода» или «граждан в особенности», т. е. податное сословие купцов, мещан и ремесленников. Но, главное, весь дореформенный уклад жизни, построенный на крепостническо-сословном фундаменте, исключал всякую общественную, т. е. бессословную деятельность на поприще общегражданском. Среда, где человеческое достоинство, «звание человек», было так унижено, что слово «человек» в житейском обиходе стало уничижительным и применимым только к прислуге, была слишком неблагоприятна для процветания общегражданских или общечеловеческих учреждений.

Смелая мысль Екатерины: включением высшего дворянского сословия в число полноправных городских обывателей ввести в городское управление элемент высшего общественного служения потерпела полное фиаско, главным образом благодаря политической и умственной неразвитости этого высшего сословия. Обыватели податного

¹³ И. Д. Беляев. Крестьяне на Руси. С. 275–277.

сословия высшего разряда, т. е. меньшинство (купцы), за деньги покупая право выделиться из разряда «подлых» людей, освободиться от телесного наказания и рекрутской повинности, смотрели недружелюбно¹⁴ на предоставление прав городского обывателя дворянству, и без того наделенному громадными привилегиями. Но и само дворянство, дорожившее только своими узкими, рабовладельческими привилегиями, совершенно равнодушное к интересам общественным и с высокомерною спесью глядевшее на низшие сословия, считало ниже своего достоинства опуститься до занятия городскими делами.

Да и могло ли быть иначе в среде, пропитанной духом крепостного права? Если такой выдающийся вельможа, как министр юстиции граф В. Н. Панин, человек, считавшийся образованным и ежедневно читавший «*Times*» и древних классиков в подлиннике, считал лиц менее знатного рода или чином двумя ниже себя простолюдинами, а лиц податных сословий — существами другого порядка творения¹⁵, то какой широты взгляда и эманципирования от сословного эгоизма и барского чванства, какого бескорыстного сочувствия городскому самоуправлению можно было ждать от рядовых дворян? Когда в 1827 г. поднят был вопрос о более решительном проведении в народном самоуправлении начала всесословности, то против него восстало не только московское именитое, но невежественное купечество, усмотревшее в проекте ученого Балугьянского копирование с французской палаты депутатов и начала анархии¹⁶, но и само московское дворянство считало неуместным участие дворян в городском управлении ввиду «естественного (sic!) права рассуждать о коммерции купцу, о поместье помещику». Да что необразованное московское купечество! Один из «государственных» людей, известный гонитель мысли Бутурлин, находивший нецензурные вольности даже в акафисте Пресвятой Богородице¹⁷, полагал унижительным для дворянства такое «смещение сословий», считая его просто несообразным с монархическим бытом нашего государства¹⁸.

Как известно, такая «анархическая» реформа была проведена в 1846 г. министром Перовским при помощи «красного» Н. А. Милютин, но до какой степени был еще живуч дух сословного антагонизма и барской надменности в дворянстве, можно судить по тому,

¹⁴ Предисловие к т. 1 н. Материалов. Ст. III.

¹⁵ См. сб. Н. П. Семенова. Освобожд. крест. II. С. 71, 669.

¹⁶ Общ. хоз. г. Москвы. Ч. I. В. 1. С. 66.

¹⁷ См. Энцикл. словарь Брокгауза, слово Бутурлин.

¹⁸ Н. сб. Общ. хоз., I. В. 1. С. 66.

что еще в 1858 году, стало быть уже после начала преобразовательной деятельности и приступа к отмене крепостного права, известный «олигарх»¹⁹ и «плантатор», как тогда звали ярых крепостников, М. А. Безобразов сделал безобразный скандал при предложении ему Петербургскою думою установленной законом грамоты на звание петербургского обывателя, считая для старого московского дворянина оскорбительным такое звание²⁰.

Значение дореформенного крепостного строя как тормоза для нормального развития общественной жизни с особою рельефностью обнаружилось, как только показались с наступлением эпохи великих реформ первые провозвестники предстоящего очищения зараженной рабством атмосферы. Уже в начале 1859 г. то же московское дворянство, которое презрительно предоставляло купцам в силу «естественного права» ведение городскими делами, само ходатайствовало о дозволении московским домовладельцам из дворян принять участие в городском управлении, что и было допущено с распространением в 1863 г. на Москву действовавшего в Петербурге с 1846 г. Положения. И тут с первых же дней деятельности московского всесословного городского управления с чрезвычайною наглядностью сказалась благодетельная перемена, произведенная великим освободительным актом 19 февраля. То же самое, весьма ограниченное по Положению 1846 г., городское самоуправление впервые на московской почве дало благодаря новым прогрессивным веяниям весьма ценные плоды. В городские головы был впервые выбран не купец, а родовитый видный общественный деятель, просвещенный кн. А. А. Щербатов, чуждый узкосословных дворянских предрассудков. Благодаря беспристрастному руководству кн. Щербатова и при сочувственном содействии гуманного и разумного администратора московского генерал-губернатора П. А. Тучкова в Москве впервые через 80 лет выполнена была поставленная Екатериною II задача городского всесословного управления. «Городские сословия, по словам известного знатока и историка московского городского самоуправления М. П. Щепкина, благодаря новому устройству обще-

¹⁹ Так назвал его Александр II (н. сб. Семенова, II. С. 95).

²⁰ Никитенко передает об этом случае такие подробности. Крепостник Безобразов заявил, что «он принадлежит к древнему московскому дворянству и не хочет состоять в числе людей среднего рода». Дума в протоколе своем привела статью закона, обязывающую ее выдать диплом, и напечатала протокол для рассылки его членам. Протокол был перепечатан Катковым в «Русск. Вест.», за что цензора Н. Ф. Крузе удалили («Дневник». II. С. 114, 118).

ственных учреждений в Москве перетирались, шлифовались одно о другое, и в результате такой совместной работы *на пользу общего дела и взаимного подчинения* получилось то, что московская общая дума из всесословного учреждения совершенно незаметно выработалась в учреждение *бессословное*; другими словами, на глазах всего города совершался благотворный процесс *слияний* сословий, без которого немыслимо никакое развитие общественного дела²¹.

Относительно *третьего условия* самоуправления — самостоятельности и независимости — незачем распространяться. Кому неизвестно, как дореформенная всевластная бюрократия, захватив и спеленав все отрасли управления, не оставляла места для общественной самостоятельности. Уже преемник Екатерины II, Павел I, под впечатлением революционной деятельности Парижской коммуны, признал уместным отменить в 1798 г. невинное Городовое Положение своей матери. Александр I, хотя и восстановил в 1800 г. Екатерининскую грамоту, как «непреложный закон», но на деле городские учреждения вполне восстановлены не были, и городское хозяйство приходило в большой упадок. Злоупотребления административных учреждений, заведывавших городским хозяйством, были так вопиющи, что Александр I в указе Сенату счел нужным указать, как полиция с одного и того же имущества взыскивала *тройные* и четверные деньги, и на притеснения беднейшей части городского населения, «кои безгласностью своей менее представляли препятствий такому притеснению»²².

Как ни подозрительно относилась николаевская администрация к общественной деятельности, как ни господствовала в это время «официальная ложь» с ее девизом: «все обстоит благополучно», но для прекращения явных злоупотреблений полицейского хозяйничания сочла себя вынужденною допустить для одного только Петербурга участие городских сословий, и с этою целью введено было Положение 16 февраля 1846 г. Оно ввело общую думу, в состав которой входили гласные в количестве 250 от пяти сословий и которая собиралась крайне редко (с 1846 по 1860 г. всего 17 раз), и распорядительную, состоящую из 12 членов с преобладанием купеческого элемента. Все управление было сосредоточено в руках этой последней, которая сама находилась в *полном* подчинении генерал-губернатору²³. Если в таком состоянии находилось дело городского самоуправления в Петербурге по Положению 1846 г., за составление которого

²¹ Общ. хоз. Москвы, I, 1. С. 86. См. также главу II, §4.

²² Там же. С. 55.

²³ Там же. С. 79.

Н. А. Милютин прослыл «красным»²⁴, то не трудно вообразить себе, что происходило в царстве провинциальных «помпадуров» и Сквозников-Дмухановских, где для произвола административного при безгласности общества и отсутствии всякого контроля высших властей не было никаких препон.

III.

С конца 50-х годов, когда только что началось в России пробуждение общественной мысли и наступила эра возрождения, со всех сторон стали указывать на необходимость уничтожения административной опеки, сковывавшей и парализовавшей всякую общественную самодеятельность. В это же время начали поступать ходатайства о реформе городского управления по типу сословного управления, существовавшего в Петербурге. После освобождения крестьян в преобразовательной программе П. А. Валуева значилось и преобразование городов. 20 марта 1862 г. последовало Высочайшее повеление о *безотлагательном* принятии мер к улучшению, точнее к созданию общественного управления. В тот же день Высочайше утверждено было «Положение об общественном управлении города Москвы», которое осуществляло часть прогрессивных предложений проекта московского Тучковского комитета²⁵, составлявших шаг вперед сравнительно с петербургским образцом.

Элемент сословности был несколько ослаблен благодаря полному отделению сословных учреждений от городских, допущены были впервые в городское управление крестьяне и уничтожено привилегированное положение дворян и купцов в составе распорядительной думы в ущерб мещанам и ремесленникам. Городские учреждения получили сравнительно большую самостоятельность, приближаясь к самоуправлению. Дума созывалась городским головою без предварительного разрешения губернатора, а из распорядительной думы удален коронный чиновник. В прекрасной записке генерал-адъютанта Тучкова

²⁴ См. н. Лероа-Болье. С. 24.

²⁵ Под председательством московского генерал-губернатора, П. А. Тучкова, в состав комиссии входили, кроме коронных чиновников, предводитель дворянства, городской голова и представитель купечества. В благодарность за услуги, оказанные городскому самоуправлению либеральным администратором, Москва приняла на свой счет похороны умершего в 1862 г. Тучкова, основала стипендию его имени, поставила памятник на его могиле и портрет в зале думских заседаний. *Общ. хоз. Москвы*. I, 1. С. 79, прим.

приведены такие веские соображения в пользу его удаления: коронный чиновник «фактически становится как бы начальником своих товарищей и своим присутствием подрывает доверие к ним со стороны выбравших их сословий и ослабляет их усердие к пользе общественной, которое растет только в труде самостоятельном»²⁶. Кроме того, возвышено было положение общей городской думы, которая в Петербурге была в непосредственном ведении генерал-губернатора, а распорядительная дума, сносившаяся с губернским правлением рапортами, возведена на равную с ним степень губернского места. При этом Тучковский комитет приводил в основание такого изменения как размеры московского городского хозяйства, так равно и то, что распорядительная дума имеет в общей думе «опору своей самостоятельности и гарантии против недоверия правительства и общества».

Одновременно с введением в Москве нового Положения Министерство внутренних дел приступило к собиранию материалов для постановленной на очередь городской реформы. Осуществление городской реформы затянулось на 8 слишком лет, частью благодаря смене главы министерства в 1868 г., когда на место П. А. Валуева был назначен генерал-адъютант А. Е. Тимашев, частью благодаря сложному законодательному плану, над выполнением которого много и добросовестно поработал один из видных и убежденных деятелей преобразовательной эпохи, директор хозяйственного департамента (ныне сенатор) А. Д. Шумахер, руководивший всем делом подготовки и введения реформы в действие.

Первая стадия работы заключалась в собирании исторического статистического и бытового материала о состоянии русских городов, и она была выполнена в 1863–1864 гг. Результатами работ были следующие издания министерства:

- 1) историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления;
- 2) муниципальные учреждения в главнейших государствах Западной Европы;
- 3) экономическое состояние городских поселений Европейской России, в двух томах²⁷;
- 4) свод соображений местных комиссий об улучшении городского общественного управления.

²⁶ Общ. хоз. Москвы. I, 1. С. 83.

²⁷ Кроме вышеуказанного в прим. на стр. 574, в 1882 г. был выпущен 3 и 7, посвященный городам Сибири, и другие издания, которые будут указаны ниже.

Самая любопытная часть материалов — это свод отзывов местных городских комиссий. Это единственное по размерам местное, общественное расследование, которое ни раньше, ни впоследствии, к сожалению, не повторялось. Инициатива и исполнение этой незаменимой меры принадлежит А. Д. Шумахеру. Для руководства комиссий разослана была обширная программа, составленная А. Д. Шумахером²⁸ и обнимавшая все стороны городского управления. Комиссии составлялись губернатором из местных граждан, мнения коих в подлиннике представлялись в министерство. Таких заключений или пожеланий местных жителей поступило 595, и одно краткое изложение их содержания занимает 140 печатных страниц²⁹.

Как и следовало ожидать, провинция оказалась не так безмолвна и бессмысленна, какую ее привыкла выставлять петербургская бюрократия. С содержанием некоторых из заключений мы познакомим дальше, теперь же отметим, что как ни забито и невежественно было городское население, все-таки огромное большинство заключений выражало совершенно разумные основания для будущей организации: уничтожение административного гнета и подавляющей чиновничьей опеки, уравнивание сословных прав и т. п. Попадались и немногие курьезные мнения, шедшие из «медвежьих углов» и поражавшие своим убожеством: так гор. Бабиновичи (Могил. губ.) высказывался за устройство в городах управления по образцу сельского. 27 ничтожных, но «счастливых» городов оказались затянутыми такою непроницаемою тиной китайского квиетизма, что не усматривали «никакой надобности» в изменении существующих учреждений. Перекопская комиссия была необычайно сурова к холостым и требовала, чтобы и выборные, и гласные были люди *женатые*³⁰. Но в общем провинциальные города лицом в грязь не ударили.

По получении отзывов местных комиссий хозяйственный департамент составил в 1864 г. два проекта Положения о городском общественном управлении и о городском хозяйстве с очень дельными объяснительными к ним записками³¹, в коих А. Д. Шумахером сгруппированы были отзывы местных комиссий. Проекты были посланы на заключение II отделения Е. И. В. канцелярии.

II отделение разобрало подробно проект, и управлявший им статс-секретарь Д. Сольский высказал следующее интересное, заслу-

²⁸ Материалы, 7. С. 1–30.

²⁹ Там же. С. 33–173.

³⁰ Там же, I С. 120, 220.

³¹ Она занимает почти 300 страниц (Там же, I. С. 173–467).

живающее полного сочувствия, мнение: «Второе Отделение, с особенным вниманием изучив это многосложное дело, признает нужным, прежде чем войти в подробности, выразить общее мнение свое о составленной в Министерстве внутренних дел работе, между прочим и о методе, наблюдавшемся при ее совершении. Избрание хорошей методы при проектировании важной перемены в законодательстве есть одно из главнейших условий успешности задуманного преобразования, и посему предмет этот не должен быть оставлен без внимания. Ход настоящего дела в этом отношении удовлетворяет, по мнению Второго Отделения, самым взыскательным требованиям и может служить образцом того порядка, от которого желательно бы никогда не отступать при составлении новых обширных законоположений. Предварительная разработка главнейших вопросов на местах лицами, близко знакомыми с практическою стороною дела, изложение всех полученных таким образом отзывов в правильной системе, в особенности же замечательное собрание статистических сведений о положении наших городов, равно как исследования об историческом их развитии и о муниципальном устройстве других европейских государств придают настоящему труду Министерства внутренних дел полноту и законченность, представляющие ручательство зрелости и обдуманности всех предначертаний. Сверх того, большая часть указанных сведений и исследований имеет важное значение в отношении научном, и лица, направлявшие эти работы, без сомнения, заслужат благодарность от всякого интересующегося судьбами нашего отечества».

Переработав проект в некоторых частях согласно замечаниям II отделения, П. А. Валуев внес 31 декабря 1866 г. свой проект в Государственный совет, причем он полагал ввести новое городское управление в 248 городах, остальные же, т. е. большую часть их, переименовав в посады, оставить при старом порядке управления. В марте 1868 г. Валуев был смещен и проект его был возвращен его преемнику А. Е. Тимашеву. Проект был пересмотрен в Министерстве внутренних дел, причем приглашены были и некоторые губернаторы, находившиеся в С.-Петербурге. Но каким-то нечаянным образом в эту исключительно чиновничью комиссию попал одесский городской голова Новосельский (правда, действ. стат. советник), сделавший несколько дельных замечаний³². Затем проект из этой комиссии был передан в другую инстанцию того же министерства, в совет министра, и 28 марта 1869 г. снова внесен в Государственный совет.

³² Материалы, II. С. 293.

Здесь дело неожиданно получило новое направление, Государственный совет был недоволен тою исключительно бюрократическою системою составления проекта, которая дотоле господствовала. После обращения к местным комиссиям в 1863 г. можно было ожидать приглашения местных деятелей, наподобие редакционной комиссии по крестьянскому вопросу, для участия в составлении проекта. Но ни о чем подобном не думал двоядушный П. А. Валуев, на словах осуждавший бюрократическую опеку над обществом, а на деле никогда ему искренне не доверявший. При рассмотрении второго проекта Государственный совет счел нужным обратить внимание на этот пробел и на неудобства исключительно бюрократического порядка составления проекта. Указав на то важное значение для экономического развития всего государства, которое будет иметь хорошее законодательство по устройству городов, а равно и на те вредные последствия, которых надлежит опасаться от всякого постановления, недостаточно согласованного как с действительными потребностями, так и с условиями практического применения, совет продолжает: «Посему сколь не (ни) важна теоретическая разработка относящихся сюда вопросов, ее одну еще нельзя признать достаточною для полного обеспечения успеха». Сославшись затем на то, что, несмотря на многократное обсуждение дела, участие нескольких губернаторов и одесского городского головы принесло «существенно полезные указания», Государственный совет признал, что столько же желательнее было бы иметь практические замечания и соображения от большого числа лиц, непосредственно участвующих в заведывании общественными делами городов и наглядно знакомых с условиями городского управления и хозяйства при различных степенях населенности и вообще развития городских поселений»³³.

Во исполнение предложенного советом плана был составлен комиссиею из представителей разных ведомств под председательством главноуправляющего II отделением Е. И. В. канцелярии кн. Урусова новый (четвертый) проект, который подвергся пересмотру при участии приглашенных 10 экспертов — городских голов и гласных³⁴. Комиссия имела в полном составе 14 заседаний с 14 февраля по 19 марта

³³ Материалы, III. С. 3.

³⁴ Экспертами были приглашены: городские головы: 1) с.-петербургский — ст. сов. Погребов; 2) московский — д. с. с. кн. Черкасский; 3) одесский — д. с. с. Новосельский; 4) харьковский — пот. поч. гражд. Шатунов; 5) динабургский — отст. ген.-майор Гагельстром; 6) елецкий — пот. поч. гражд. Русанов; 7) череповецкий — пот. поч. гр. Милютин; 8) вознесенский-посадский — ман. совет. Гарелин

1870 г. и после тщательного обсуждения³⁵ предмета при деятельном содействии экспертов выработала окончательный (пятый) проект, который и был внесен министром внутренних дел Тимашевым 31 марта 1870 г. в Государственный совет.

Ввиду того что в течение семилетней обработки проекта и в особенности при последней стадии ее вопросы были обсуждены подробно и с возможною при данных условиях полнотою, обсуждение проекта, к коему были приглашены и столичные городские головы, Погребов и кн. Черкасский, заняло в Государственном совете всего два заседания (15 и 16 апреля 1870 г.). При обсуждении соединенные департаменты вместо проектированного Городского Положения новый закон в память Екатерининской грамоты назвали Городовым Положением. Они же изменили к лучшему наименование городских учреждений, приняв вместо городского общественного собрания и городской думы более соответственные названия: для исполнительного органа — городская управа (как в первом проекте), а для совещательного — городская дума.

Любопытно, что сама 1 ст. Город. Положения, формулирующая сущность городской реформы и постановляющая: «попечение и распоряжение по городскому хозяйству и благоустройству предоставляется городскому общественному управлению, а надзор за законным сего исполнением — губернатору на точном основании правил настоящего Положения», — была впервые внесена департаментами Государственного совета³⁶.

В общем собрании совета проект был рассмотрен в одно заседание, 11 мая 1870 г., и 16 июня 1870 г. Городовое Положение было утверждено Александром II в г. Веймаре.

IV.

Задачи, поставленные в эпоху великих реформ городской реформе, далеко не все были разрешены удовлетворительно Городовым Положением 1870 г. Но некоторые принципиальные вопросы городского самоуправления, затронутые при этой реформе и так или иначе ею разрешенные, имеют и поныне живой практический интерес, а по-

и гласные: Петербурга — тов. пред. окружного суда Лихачев, гор. Москвы — д. с. с. Шумахер. Материалы, III, 201.

³⁵ Журн. ком. Матер., III. С. 201–297.

³⁶ Матер., III. С. 487.

тому не лишне напомнить о том, как стояли эти вопросы перед изданием помянутого законоположения.

Прежде всего выступал вопрос о юридических качествах «обывателя» как носителя избирательного права. Замечательно, что либеральное Городовое Положение 1870 г. в этом отношении оказалось позади Екатерининской Грамоты 1785 г. Эта последняя рядом с домовладельцами, купцами и ремесленниками право городского обывателя предоставляла представителям так называемых либеральных профессий, именитым гражданам, как-то: лицам с университетскими аттестатами, художникам трех художеств, т. е. архитекторам, живописцам, скульпторам и «музыкочинителям». Впоследствии, когда при Павле Екатерининская реформа подверглась разгрому и общая дума на деле почти перестала существовать даже в столицах, все городское управление перешло к шестигласной, скорее безгласной, думе, состоявшей из купцов и бывшей в полном подчинении у местного начальства, точнее его канцелярии.

Как только общество получило возможность заявлять о своих нуждах, оно не преминуло указать на ненормальность такого положения. Московский (Тучковский) комитет решительно высказался в своем проекте в пользу допущения образовательного ценза и указывал на «важность научного образования во всех отраслях администрации и на благотворное его влияние на общественное мнение»³⁷, но министр П. А. Валуев даже и не удостоил внимания это заявление. Когда министерство стало собирать отзывы от местных жителей, то хотя в разосланной программе существовавшая в Петербурге избирательная система считалась как бы предрешенной, тем не менее во многих местах были поданы голоса за предоставление в том или другом виде избирательного права умственно-образовательному цензу при уменьшенном имущественном цензе или вовсе без него. Так, Мстиславская комиссия полагала уменьшить наполовину размер стоимости ценза для лиц, окончивших курс в каких-либо средних учебных заведениях. «Тогда духовные и учителя, — писала комиссия, — сделаются членами городского общества и примут участие в выборах, из коих они ныне исключены, несмотря на существенную приносимую ими пользу»³⁸.

Другие комиссии шли еще дальше. Архангельская комиссия сверх лиц, владеющих недвижимою собственностью и приписанных к городу, полагала предоставить гражданам города право принимать

³⁷ Общ. хоз. Москвы, I. С. 61, 62.

³⁸ Материалы, I. С. 47.

в свою среду лиц, оказавших особенные услуги обществу наукой, искусством, ремеслом и проч. Таганрогская комиссия находила справедливым предоставить думе лиц, обративших на себя внимание города своими личными заслугами, пожертвованиями на общую пользу и тому подобными подвигами, причислять к почетным членам городского общества с присвоением им права заседать в общей думе и быть избираемыми в общественные должности. Комиссии в гор. Верее (Московской губ.) и Козельске (Калужской губ.) причисляли к составу городского общества лиц, сделавших пожертвования в пользу города или городских богоугодных заведений не менее 3000 р. Тверская комиссия полагала считать членами городского общества, во внимание к пользе, какую они могут принести своим образованием и опытностью, лиц, окончивших курс в средних и высших учебных заведениях, если они постоянно живут в городе не менее двух лет. Черниговская же комиссия безусловно причисляет к членам городского общества всех лиц, окончивших курс в высших учебных заведениях и изъявивших желание записаться в обывательскую книгу. А комиссии в гор. Воронеже, Землянске, Нижнедевицке и Новохоперске признают членами городского общества лиц, получающих жалованья не менее 300 руб. Наконец, комиссии Александровская (Владимирской губ.) и Каргопольская (Олонецкой губ.) желали предоставить безусловному усмотрению городского общества принимать в свою среду лиц, признаваемых ими того заслуживающими³⁹.

Министерство с своей стороны, исходя из того соображения, что в общественном управлении с правом голоса могут участвовать только жители, уплачивающие в пользу города какие-либо «повинности» (под чем разумелись прямые налоги), не признало возможным в первом проекте распространить избирательное право на основании образовательного ценза⁴⁰. Но косвенно проект допускал к общественному управлению интеллигенцию, но только в тех местностях, где уже существовал квартирный налог⁴¹. Впоследствии при дальнейшей разработке проекта вопрос о квартирном налоге был поставлен прямо при составлении нового проекта при министре Тимашеве.

Поставил его при рассмотрении проекта в совете министра член совета, известный статистик П. П. Семенов, признавая участие квартирантов в городском управлении и полезным, и справедливым. Г. Семенов указывал, что состав городского общества определен недоста-

³⁹ Мат., I. С. 38.

⁴⁰ Там же. С. 204.

⁴¹ Материалы, I. С. 361. Проект, 7, I. С. 304.

точно полно и что, по его мнению, было бы справедливо и полезно присоединить к составу городских обществ тех из наиболее значительных нанимателей квартир, которые при высоком квартирном цензе имеют постоянное пребывание в городе.

В подкрепление своего взгляда он приводил следующие доводы: «Приняв в основание определения состава городского общества владение в городе недвижимыми имуществами, проект Положения не ограничивает его, однако же, только этими лицами, а присоединяет к ним еще таких жителей, которые, будучи представителями движимых капиталов, несут установленные повинности с производимых ими торгов и промыслов, ибо эти лица не могут не быть также заинтересованными как в городском благоустройстве, так и в употреблении денежных средств города. Но если сии лица заинтересованы в городских делах и привлекаются к участию в оных, то не менее того заинтересованы на том же самом основании и наниматели квартир, для которых одинаково важно поддержание и развитие городского благоустройства во всех отношениях и которые в действительности несут косвенным образом все те повинности, какие существуют в данной местности в пользу городской кассы с местных жителей. Наниматели значительнейших квартир несут сих повинностей даже больше, чем владельцы недвижимых имуществ низкой ценности, например, наниматель квартиры в 500 р. уплатит повинностей в пользу города несравненно более, чем владелец дома в какой-либо отдаленной части города стоимостью не свыше 100 руб. В губернских же и уездных городах найдется много таких домовладельцев, имущества коих имеют ничтожную ценность и из коих некоторые по бедности освобождены совсем от налогов с собственности; между тем лица эти потому только, что они домовладельцы, вводятся в состав городского общества, а наниматели значительных квартир исключаются из него, несмотря на то что между ними есть люди весьма состоятельные и даже капиталисты. Такое положение квартирантов едва ли было бы справедливо. С другой стороны, нельзя не обратить внимания на то, что лица, отличающиеся достатком, хотя бы они и не владели недвижимою собственностью, по своему развитию стоят гораздо выше недостаточных домовладельцев, составляющих между тем большинство в провинциальных городах. Таким образом, в сих городах влияние на общественно-хозяйственные дела города могло бы перейти к означенному недостаточному большинству в ущерб образованным классам городского населения, и вследствие сего вновь проектируемое городское управление могло бы в известных случаях получить то же одностороннее направление, какое име-

ет оно ныне при преобладающем влиянии мещанства. Вообще уездные и отчасти губернские города, не имея в составе своего населения достаточного сравнительно с общим его числом количества образованных людей домовладельческого разряда, особенно нуждаются в оживлении общественной их деятельности образованным элементом. Посему неразвитость большинства наших городов должна служить главным и весьма сильным побуждением к привлечению в состав общества, в видах усиления интеллигенции оною, более значительных нанимателей квартир, которые притом представляют из себя элемент не менее консервативный, чем домовладельцы»⁴².

Против мнения г. Семенова возражали некоторые губернаторы, всеу ссылаясь на то, будто оно несогласно с коренным законодательством Екатерины. Приводилось губернаторами еще следующее странное соображение, особенно непонятное в устах чиновников: «Не говоря уже о чиновниках, для большинства коих *чужды* (sic) интересы городского управления, между нанимателями значительных квартир встречаются разного рода дилетанты (!) и игроки (!), интересы коих еще менее представляют оснований отождествлять с интересами города; что касается капиталистов, если бы для них близки были интересы города, то они сделались бы (sic) домовладельцами»⁴³. Согласно предложению А. Д. Шумахера, решено было предоставить самим городам ходатайствовать о предоставлении квартирантам избирательного права.

Вопрос об образовательном цензе еще раз был рассмотрен в присутствии экспертов и свелся к вопросу о квартирном налоге. При решении его голоса экспертов разделились. Московский городской голова князь *Черкасский* и гласный Петербургской общей думы *В. И. Лихачев*, объяснили, что, по их мнению, установление квартирному налога представляется мерою необходимой и вполне справедливою в смысле экономическом, т. е. с точки зрения увеличения денежных средств городов; кроме того, эта мера была бы особенно важна в тех видах, чтобы привлечь к составу городского общества и к участию в общественных делах возможно большее количество образованных людей, недостаток в коих вредно влиял доселе на склад городского управления. Установление квартирному налогу привлекло бы к общественному управлению мировых судей, адвокатов, докторов и т. п. лиц, и они принесли бы значительно больше пользы, чем торговцы и мелкие промышленники, допускаемые проектом к означенному

⁴² Материалы, II. С. 299–300.

⁴³ Материалы, II. С. 322.

участию. Уровень городского общественного устройства может быть поднят под тем и едва ли не единственным в малых городах условием, чтобы допущен был налог на квартиры, и обстоятельством сим, быть может, обуславливается весь успех применения нового Городового Положения⁴⁴.

Провинциальные городские головы (Милютин, Русанов и Шатунов) отвергали квартирный налог ввиду технической трудности взимания его и ничтожности его размеров. Московский гласный Д. Д. Шумахер, признавая пользу квартирного налога, полагал предоставить на усмотрение городов введение его, с чем согласилось и большинство комиссии. Государственный совет со своей стороны тоже согласился с этим мнением, добавив, чтобы Министерство по установлении городами этого налога ввиду его справедливости и для привлечения к участию возможно большего числа людей образованных и достаточных, внесло в законодательном порядке общий проект квартирного налога⁴⁵.

Ожиданиям этим не суждено было осуществиться. Государство само успело ввести квартирный налог, а городские думы благодаря преобладанию в них купеческого элемента (Городовое Положение 1892 г., как известно, в этом направлении пошло еще дальше) и не думали о расширении избирательного права в пользу образованных классов. В Москве такой проект был отвергнут в 1878 г.⁴⁶, и благодаря Городовому Положению создалось такое положение, что заслуженный профессор, видный ученый или медик должен был фиктивно выправить за два года приказчиье свидетельство или купить какую-нибудь развалину на окраине города, чтобы получить право участия в городских выборах.

V.

Один из крупных недостатков Городового Положения 1870 г. — это столь вредное и с теоретической, и с практической точек зрения соединение в лице городского головы председательства в городской думе и в городской управе. История этого неудачного постановления, которому вовсе не причастно Министерство внутренних дел, такова. Еще местные комиссии указывали на неудобство соединения председательства в одном лице для двух собраний, из коих одно кон-

⁴⁴ Материалы, III. С. 295, 300.

⁴⁵ Материалы, III. С. 477.

⁴⁶ Общ. хоз. Москвы, I, I. С. 93, 56. Там же. С. 92.

тролирует другое. Этого не было и в дореформенное время, так как общих дум нигде в действительности в провинции не существовало⁴⁷. Хотя такое соединение и существовало в С.-Петербурге по Положению 1846 г., но отношения общей думы к распорядительной, в которой и сосредоточивалась в действительности та небольшая власть, которую оставляла администрация городскому обществу, были так ненормальны⁴⁸, что никому не могла прийти в голову мысль о перенесении этой аномалии в преобразованные учреждения.

В первом же проекте, составленном А. Д. Шумахером при Валуеве, прямо устанавливалось избрание думою особого председателя (§12) и в подкрепление этого постановления приводились соображения, высказанные некоторыми местными комиссиями относительно необходимости, чтобы думы общая и распорядительная имели не одного, но особого в каждой из них председателя. «Действительно, — говорится в записке А. Д. Шумахера, — если дума общая должна быть учреждением, постановляющим определения и контролирующим, а дума распорядительная — учреждением исполнительным, то, для того чтобы оба эти учреждения вполне соответствовали своему назначению, необходимо в самой организации их устранить все то, что могло бы противоречить их назначению. Председательство городского головы в обоих учреждениях имеет то существенное неудобство, что это может стеснять свободу общей думы в проверке действий исполнительной власти общественного управления, которая преимущественно, а во многих местностях (где не будут учреждены распорядительные думы) исключительно будет находиться в руках городского головы, а с другой стороны этот порядок может ставить самого городского голову в ложное положение в тех случаях, когда мнения обеих дум не будут между собою согласоваться, например, когда распорядительная дума найдет приговор общей думы (при составлении коего председательствовал голова) несогласным с законами. Подобное сему неудобство имелось в виду и при издании Положения о земских учреждениях, ибо Положением этим определено, чтобы уездные и губернские управы имели особых от земских собраний председателей (ст. 43, 46, 53, 56). Поэтому с возложением на городского голову обязанностей по исполнительной части общественного управления, будет ли он исполнять эти обязанности как председатель распорядительной думы или как отдельное должностное лицо, правильнее было бы устано-

⁴⁷ Материалы, I. С. 212.

⁴⁸ Распорядительная дума, будучи подчиненною общей, могла приостанавливать ее постановления и протестовать пред администрацию.

вить, чтобы председательство в общей думе возложено было на особое лицо, избираемое самою думою из своей среды, а городской голова пользовался лишь правами ее члена»⁴⁹.

Эти соображения были так практичны и логичны, что с ними вполне согласилось и II отделение Е. И. В. канцелярии, а также составители второго проекта при Тимашеве. Впервые неудачная мысль о соединении обоих председательств была настойчиво высказана экспертами. Большинство из них (петербургский голова Погребов, московский — кн. Черкасский, а также харьковский, елецкий, вознесенский и петербургский гласный Лихачев) стояли за соединение в лице головы председательств в думе и управе и между прочим указывали на практику столичных дум и неудобство иметь две (?) власти, на положение головы как главного (?) распорядителя городского хозяйства, неизбежность столкновений (?) между председателями и пр. Кн. Черкасский еще указывал на удобство для правительства такого соединения в случаях столкновения интересов администрации с городскими⁵⁰.

Против соединения высказалось меньшинство, и в том числе директор хозяйственного департамента А. Д. Шумахер и московский гласный Д. Д. Шумахер. А. Д. Шумахер, между прочим, говорил: «Хотя кн. Черкасский (в пользу соединения) приводил то, что голова, соединяя в своих руках председательство в городском собрании, легко мог бы провести в оном некоторые дела соответственно желаниям администрации, но это самое указание в то же время убеждает и в том, что голова в других делах, несколько не интересующих администрацию, может влиять на собрание, на исход дела *согласно собственным его желаниям* и видам. Нельзя при этом упускать из виду, что каждому общественному деятелю, преданному своему делу и сколько-нибудь энергичному, присуще желание провести задуманное им дело и для достижения этой цели употребить свое влияние, где то окажется возможным. Поэтому всякий городской голова, даже самый благонамеренный, председательствуя в городском собрании, едва ли мог бы быть до такой степени беспристрастным руководителем прений, чтобы совершенно отрешиться от своих воззрений и отказаться от естественного желания провести их в собрании. Вообще *едва ли соединимы* в одном лице *две роли* — главного защитника рассматриваемого представления и беспристрастного руководителя прений при обсуждении этого представления»⁵¹.

⁴⁹ Материалы, I. С. 225.

⁵⁰ Материалы, III. С. 252.

⁵¹ Там же, III. С. 259.

Министр внутренних дел Тимашев высказался также против соединения и между прочим сослался на Земское Положение 1864 г., введшее разделение должностей председателей земского собрания и земской управы⁵². Государственный совет однако согласился с мнением большинства экспертов. Мотивы Государственного совета приведены в официальном издании Городового Положения, выпущенном Хозяйственным департаментом, а потому приводить их здесь не будем. Они повторяют те же соображения, которые были высказаны экспертами. А. А. Головачев в своем труде «Десять лет реформ» подробно разбирает эти мотивы. Доказав весьма убедительно всю несостоятельность этих мотивов, г. Головачев высказывает догадку, что основанием для создания господствующего положения городского головы, имеющего, кроме председательства в думе и управе, блюсти и за законностью их постановлений, было «опасение, что представители города вследствие увлечения могут вступить в оппозицию и выйти из пределов предоставленного им круга действий»⁵³, и желание иметь для подобных случаев прямое ответственное лицо. Догадка г. Головачева оказывается совершенно справедливою. Сличая выписки из журнала общего собрания Государственного совета, приведенные в помянутом официальном издании под ст. 48 Городового Положения, в них находим пропуск, как раз затрагивающий вопрос именно с этой точки зрения. Вот что говорится в этом пропущенном месте журнала, повторяющем доводы эксперта кн. Черкасского:

«Совмещение председателя думы и управы в одном лице представляется важным и для самого правительства, в интересах которого необходимо, чтобы во главе городского управления стояло лицо, значение коего давало бы ему способы вовремя сдерживать увлечения и надлежащим образом направлять общество; такое значение головы есть лучшее ручательство против незаконных постановлений как в думе, так и в управе. При разделении же властей правительство поставило бы себя в необходимость иметь дело с двумя представителями городского общества, из которых один, сделавшись почти правительственным чиновником, не имел бы по известным вопросам надлежащего в глазах общества веса, тогда как другой, побуждаясь, напротив, желанием казаться вполне независимым от всякого влияния административной власти, мог бы нередко преследовать не вполне согласные с видами правительства цели» (Журн. общ. собр. Госуд. совета 11 мая 1870 г.)⁵⁴.

⁵² Там же, III. С. 458.

⁵³ Головачев. «Десять лет реформы». С. 243.

⁵⁴ Материалы, III. С. 501.

Полицейские опасения, коими внушено было соединение должностей председателя думы и управы, как показал многолетний опыт, не имели никакой реальной почвы, а между тем практические неудобства этого постановления, открывшие широкий простор для произвольных действий и самодурства городских голов, одержимых крайним самомнением и относившихся враждебно к критике со стороны гласных действий их, как председателей управы, принесли немало вреда правильному развитию городского хозяйства на началах самоуправления. При наших нравах, далеко не поощряющих стойкое отстаивание мнения и далеко не благоприятствующих борьбе с фактически носителями власти на почве законности, заранее предсказанные А. Д. Шумахером и др. неудобства такого нежелательного совмещения не только с избытком оправдались, но были и превзойдены, например, во время пресловутого «Алексеевского режима» в Москве.

VI.

Едва ли не самое главное назначение нового общественного устройства было освобождение городского управления от угнетающей, все тормозящей опеки административной власти. Как только в 1859 г. министерство запросило провинцию о ее пожеланиях, то единодушно, хотя и без всякого предварительного уговора, она отвечала: самостоятельности и освобождения от парализующего гнета губернатора, губернского правления и местного полицейского начальства.

Обозревая содержание ответов местных комиссий, министерство так резюмирует сущность дела. «Неудовлетворительность существующего положения городских учреждений и отношений их к административным властям комиссии *единогласно* объясняют отсутствием самостоятельности первых во всех главнейших действиях по городскому хозяйству и благоустройству. Мысль эта пробивается в соображениях комиссий *всюду*, где представляется к тому удобство и возможность». Затем составитель проекта приводит несколько образчиков из отзывов комиссий. Тверская комиссия заявляла: «В настоящее время дума подчинена, кроме начальника губернии, губернскому правлению, казенной палате и строительной комиссии. Эта многосторонняя зависимость города от губернских властей, замедляя успех всякого дела продолжительною перепискою и бесполезными формальностями, стесняет и думу, и городское общество в исполнении самых иногда необходимых предприятий, тем более что губернское начальство, на разрешение которого восходят как всевозможные мелочи (так, например, городская дума должна просить

разрешения губернского правления даже на продажу *навоза от пожарных лошадей* (курс. подл.) стоимостью не более 50 р., для чего назначаются торги), не всегда действует сообразно потребностям города и, не зная хорошо его нужд, часто не утверждает предположений думы и перемешивает сборы: так, налог, существующий в Твери для замощения города, слит с другими доходами и $\frac{19}{20}$ города остаются невыгодными⁵⁵.

Бузулукская и Самарская комиссии указывают: «Зависимость городского управления от губернского правления и казенной палаты без *дачи отчетности* в городское управление⁵⁶ признается крайне неудобною, потому что оно, будучи стеснено в своих действиях, делается как бы равнодушным к городским интересам и заботится не столько о пользах его, сколько о том, чтобы все имело законное основание, т. е. разрешение губернского правления, а между тем общество, не зная назначения городских доходов и расходов, смотрит на это дело как на совершенно для него чуждое и остается нимало в нем незаинтересованным». Далее комиссии указывают на убыточность для города старой чиновничьей опеки; городские оброчные статьи благодаря множеству формальностей дают мало, постройки обходятся дорого, ремонты задерживаются и увеличиваются. Нижегородская комиссия оглашает следующий факт: «В продолжение 28 лет сряду было передано на стены Кремля в строительную комиссию до 24 000 р., но стены сии, несмотря на их непрерывный ремонт, не только не приведены в исправность, но в настоящее время требуют на улучшение уже не 857 р., а 2600 руб. на том основании, что повреждения по северной стороне и в 11 башнях, по мнению строительной комиссии, *весьма увеличились*» (курс. подл.)⁵⁷.

⁵⁵ Материалы, I, 84, 85.

⁵⁶ М. П. Щепкин указывает, что Московский попечительный о тюрьмах комитет ежегодно получал от городской кассы суммы свыше действительной надобности и никогда их не возвращал, и не зачитывал их, а образовал запасный капитал (См. назв. соч. Щепкина. Ч. I, 45).

⁵⁷ Материалы, I, 87. Нашлись даже такие зоилы преобразовательной эпохи, которые утверждают, что именно это время существования «безгласных дум», кои служили ширмами для своевольного хозяйничания губернаторской канцелярии было временем наибольшего процветания наших муниципалитетов, когда «города жили спокойною деловою жизнью и не представляли зрелища борьбы партий» (Современная Россия, 189). Так рисует поборник реакционной сословности Пазухин порядки, о которых официальные ревизоры писали, что «представители общества нередко думают только о том, как поживиться

Даже в столицах, где городскому обществу была предоставлена хоть небольшая доза самоуправления, администрация де-факто могла совершенно безнаказанно парализовать деятельность городских распорядительных дум, если почему-либо постановления их не нравились ей. Администрации не нужно было вести никакой активной борьбы, а достаточно было ей просто не давать ходу⁵⁸ приговору думы, и думе не оставалось никаких средств добиться исполнения своего приговора, разве только «поклониться» чинам губернаторской канцелярии.

Просвещенный руководитель городской реформы А. Д. Шумахер⁵⁹, человек образованный, основательно знакомый с городским хозяйством в России и в Европе, хорошо сознавал необходимость самостоятельности муниципалитетов. В составленной им при деятельном содействии вице-директора Л. Н. Второва первой же записке читаем: «Установление правильных отношений городского общественного управления к административным властям составляет весьма важное условие для того, чтобы преобразование сего управления имело надлежащий успех. Нельзя отрицать, что независимо от строгой опеки со стороны правительства, которой ныне подчинено оно, особенно по делам хозяйственным, неопределенность упомянутых отношений, дающая повод к разного рода недоразумениям и пререканиям, слугит отчасти *причиною* того *равнодушия* к общественным делам, в котором обыкновенно упрекают городские общества. В новом проекте Пол. о город. хоз. точнее определены отношения административных властей к общественному управлению, причем предположено управлению сему (согласно Высочайшим повелениям 25 марта и 13 октября 1859 г.) предоставить большую *самостоятельность и большее доверие*... Так как, — продолжает записка, — административная губернская власть по существу своих обязанностей есть блюстительница государственных польз и повсеместного точного исполнения законов (писалось до судебной реформы), то она должна наблюдать, чтобы управление это не выходило из круга предоставленных ему действий и не допускало нарушений закона. Но для ограждения общественных учреждений от неправильных действий администрации необходимо точнее

на счет общества, пользуясь покровительством местных властей» («Общ. хоз. Москвы», I, I, 61).

⁵⁸ Обществ. хоз. Москвы. Там же. С. 94.

⁵⁹ До конца дней своих († 1 января 1898) А. Д. Шумахер остался верен принципам преобразовательной эпохи и в звании старшего сенатора I департамента Сената всегда стойко отстаивал гарантированные законом права местного самоуправления.

определить самый порядок наблюдения»⁶⁰. Далее упоминается, что с этой целью губернатору предоставляется в известный срок в случае несогласия своего с общественным управлением переносить возникшее пререкание на рассмотрение Сената.

Соответственно этим соображениям было проектировано, что губернатор (по губернскому правлению) может опротестовать приговоры городской думы, если находит их неправильными, а затем в случае несогласия думы с протестом перенести дело в двухнедельный срок в Сенат. Второе отделение Е. И. В. канцелярии с своей стороны полагало более удобным, применительно к ст. 1320 Уст. гр. суд., учредить особое смешанное губернское присутствие, в состав которого внести председателя окружного суда, председателя земской управы и казенной палаты, городского голову⁶¹. При обсуждении вопроса в большой комиссии при участии экспертов большинство комиссии высказалось за учреждение такого присутствия, но меньшинство считало введение его неудобным, так как оно может лишить самостоятельности городскую думу⁶². Другие эксперты (кн. Черкасский и В. И. Лихачев) стояли за учреждение губернского присутствия и полагали, что коллегиальное обсуждение дела не только не умалило бы, но усилило самостоятельность общественного управления.

Гласный Лихачев при этом предложил, чтобы губернатору предоставлено было право протеста только в случае, когда действия «общественного управления противны законам», но «не общим пользам государственным», как значилось в проекте (и как установлено Положением 1892 г.). Ссылаясь на то, что это выражение неопределенно и в известных случаях может быть предметом слишком широкого толкования в ущерб самостоятельности общественного управления, Лихачев предлагал исключить это выражение из проекта, и большинство комиссии согласилось на это⁶³.

А. Д. Шумахер считал вредным предоставление губернскому месту права *толкования* закона. Соображения опытного государственного деятеля имеют серьезное значение, особенно ныне, ввиду существования с 1889 г. губернских присутствий, постановляющих окончательные решения по делам, подсудным земским начальникам. «Пререкания о смысле закона не могли быть предоставлены решению местного присутствия, — писал А. Д., — ибо в таком случае

⁶⁰ Материалы, I. С. 23.

⁶¹ Материалы, I. С. 484.

⁶² Там же, III. С. 391.

⁶³ Там же, III. С. 205.

в каждой губернии открывалось бы особое учреждение с компетенцией в толковании закона, — компетенцией, принадлежащей по основным законам *одному* Правительствующему Сенату, что независимо от противоречия коренным началам государственного устройства, имело бы последствием то, что один и тот же *общий* (курс. под.) для всех (а не местный) закон был бы толкуем и применяем различно в различных губерниях. Такое разнообразие в разрешении вопросов о смысле закона едва ли может быть терпимо в государстве, имеющем *единую* (курс. под.) законодательную власть, которая не может допускать, чтобы общий для разных местностей закон был всюду понимаем и применяем не в одинаковом смысле»⁶⁴.

Эти явные опасности устранены тем, что установлено было право обжалования решений присутствия думою и частными лицами в Сенат (§144 проекта). Но замечательно, что А. Д. Шумахер в почтенных заботах о большей самостоятельности самоуправления до последней минуты боролся против губернского присутствия, и в представлении, при коем министр внутренних дел Тимашев вносил проект в Государственный совет, между прочим, говорилось: «Предоставление присутствию не только утверждать или отменять определения городского собрания (думы), но и права постановлять взамен оных свои решения, подлежащие исполнению со стороны городского управления должно бы подорвать ту *самостоятельность*, которая предоставлена в делах городского хозяйства и устройства городскому управлению другими статьями проекта, и в этом отношении Городское Положение существенно отступало бы от Полож. о земск. учрежд., которое несравненно более ограждает земство от вмешательства в дела оною губернской власти, чем были бы ограждены города при предоставлении губернскому присутствию решать городские дела по существу»⁶⁵.

Государственный совет высказался за учреждение губернского присутствия. Указав на то, что губернское присутствие предназначается для обсуждения не *хозяйственных* дел города, а лишь постановлений думы с точки зрения законности, совет считал неопасным для самостоятельности городов введение присутствий ввиду того что окончательным судьей в этого рода делах будет по-прежнему Сенат. Далее, присоединившись к соображениям экспертов, совет высказал: «Одно из главных возражений против предполагаемого нового присутствия заключается в том, что с передачею на его рассмотрение найденных губернатором неправильными постановлений городского собрания

⁶⁴ Там же, III. С. 337.

⁶⁵ Материалы, III. С. 460.

уничтожится *всеми* признаваемая необходимою самостоятельность городского общественного управления. С мнением этим трудно согласиться, ибо окончательным судьей в делах сего рода по-прежнему будет Правительствующий Сенат. Сверх того, опасаться уменьшения самостоятельности городов вследствие учреждения присутствия нет основания еще и потому, что присутствие это будет обсуждать те же самые вопросы, которые без него рассматривал бы один губернатор, следовательно, пределы губернского надзора в обоих случаях будут одинаковы и притом в обоих случаях в качестве лишь *первой* инстанции и с правом для каждого переносить дело в Сенат. Вопрос, посему, заключается только в том, какая опека в этих условиях могла бы быть опаснее для самостоятельности общественного управления — *единоличная* или *коллегиальная*». Поставив и подчеркнув этот вопрос, Государственный совет счел излишним отвечать на него и продолжал: «К тому же если не будет учреждено присутствие, то губернатору дается право *приостанавливать* до воспоследования решения Сената исполнение постановлений городского собрания, а такая приостановка во многих случаях будет равносильна отмене их и, как доказал опыт земских учреждений (например, по протестам губернаторов против смет), поведет к чрезвычайным затруднениям. Независимо от сего нельзя не остановиться на единогласных почти отзывах городских голов и гласных, заявивших, что предположенное присутствие, как составленное из лиц беспристрастных и более или менее от губернатора независящих, признается ими за учреждение, охраняющее интересы городов и весьма важное в том отношении, что вопросы разрешались бы Сенатом не по личным объяснениям одного губернатора, как было доселе, а и по отголоску общественного мнения, выражением коего могли бы служить решения присутствия в связи с постановлениями городских собраний»⁶⁶.

Практика вполне подтвердила правильность взгляда совета: учреждение губернского присутствия считается таким компетентным судьей, как М. П. Щепкин, за одно из лучших нововведений Гор. Положения 1870 г. «Учреждение такого присутствия на чисто коллегиальных началах может, — писал г. Щепкин, — не только послужить оплотом против единоличных решений губернаторов, но и приучить даже их самих к большей подчиненности голосу коллегии; вот почему в этом новом учреждении нельзя не видеть гарантии для общественной самостоятельности»⁶⁷.

⁶⁶ Материалы, III. С. 484–485.

⁶⁷ См. назв. соч. С. 120.

VII.

В числе типичнейших черт дореформенного быта была крайняя неопределенность власти начальства, олицетворяемой главным образом в виде ближайшего полицейского чина. Если такое ценное благо, как личная свобода, не было ограждено положительным законом от произвола полиции до издания Судебных Уставов, то нечего было и думать об ограждении обывателей от неосновательных требований полиции, которая, располагая судебною и исполнительною властью де-юре, благодаря неопределенности закона, захватывая де-факто еще и законодательную, налагала на население такие денежные и натуральные повинности, которые не имели оправдания в законе. «К обязанностям полиции, — писал один из членов Воронежской комиссии, — между прочим, относится наблюдение за чистотою и порядком, за постройками и мощением улиц, за биржевыми извозчиками и трактирными заведениями, за свежестью припасов и здоровьем скота и проч. Все эти функции такого рода, что составляют прямую обязанность города. Если они до сих пор возлагались на управление, совершенно чуждое общественному элементу, то конечно потому, что на города смотрели до настоящего времени, как на *малолеток*, неспособных к самоуправлению и к самосохранению и требующих за собою ухода няньки. Эту последнюю должность и занимает у нас до сего времени городская полиция. Какие же из этого проистекают последствия? Постоянные недоразумения и столкновения между думою и полициею, неприязнь, если только не вражда, между последнею и городским населением. Из чего и выходит, что полиция, к числу обязанностей которой относится соблюдение тишины и порядка в обществе, нередко служит поводом к *нарушению* оных. Иначе и быть не может. Чиновник городской полиции, определяемый правительством без ведома и согласия общества и не подлежащий контролю общественного мнения, не сочувствует пользам этого общества и без опасения имеет возможность действовать иногда по своему произволу, прикрываясь на всякий случай волею высшего начальства. Чтобы действительно вызвать город к самостоятельности и самоуправлению нужно положить *прочный фундамент* этому прекрасному зданию, именно охранением личности от произвола городских администраторов, и тем возвысив его в собственных глазах, внушить ему понятия права и долга, из которых родится убеждение, что каждый член общества должен ставить интерес общественный если не выше, то, по крайней мере, наравне с своим

личным интересом. Достигнуть таких результатов, и то не в близкой будущности, возможно лишь с подчинением городской полиции или городскому управлению, или думе; иначе закон, охраняющий личност от произвола, как бы он ни был написан, до тех пор не будет иметь у нас силы, пока наблюдение за исполнением его не будет предоставлено тому самому обществу, для охранения прав и благосостояния которого самая полиция учреждается»⁶⁸.

В каком виде находилось благоустройство городов в дореформенное время и каков был нравственный уровень полиции, слишком хорошо известно, чтобы нужно было об этом распространяться; здесь только имеет в виду отметить полную беспомощность городских дум для ограждения обывателей от незаконных требований полиции. Чтобы дать понятие о размерах этого явления, достаточно обратиться к истории московского городского хозяйства. Справедливо указывая на то, что сознание бессилия своего и бесплодности своей деятельности отнимало всякую энергию у общественного деятеля, г. Щепкин так характеризует даже реформированное Положением 1862 г. городское хозяйство. «В настоящее время московское общественное управление, — пишет он накануне городской реформы 1870 г., — имеет единственное право — делать свои постановления, касающиеся городской жизни и благоустройства, а затем весь *действительный* склад жизни, весь городской порядок находится вне его влияния, почти всецело завися от *усмотрения* полицейского начальства, которое во всех своих распоряжениях руководствуется данными ему административной властью инструкциями, *помимо* каких бы ни было постановлений думы». Это положение поясняет он наглядным примером. Руководствуясь законом, возлагающим на думу заботу о возможной необременительности налогов, в последние годы дума, сообразуясь с состоянием городской казны, признавала возможным назначать процентный налог не более 9% с чистого дохода и считала такой размер не особенно обременительным. На деле же оказывалось, что процентный налог был не единственный для домовладельцев и что, как высказалась сама дума, отправление различных натуральных повинностей было в значительной степени усилено полицейскими распоряжениями, и оно сильно отягощает недвижимую собственность, вызывая расходы, быть может, *гораздо большие*, нежели прямые налоги, взимаемые в виде процентного сбора»⁶⁹. Указывая на крайне обременительную и часто совер-

⁶⁸ Материалы, I. С. 81.

⁶⁹ «К сожалению, — добавлял М. П. Щепкин, — этот стародавний порядок про-

шенно бесплодную для города тяготу, налагаемую полицией на домовладельцев в виде преждевременной очистки мостовых от снега, думская комиссия писала: «Эта повинность обходится до половины подоходного сбора, платимого в думу, и даже более. Несмотря однако на всю тяжесть ее, владельцы терпеливо исполняют ее и вывозят снег в размерах громадных, превосходящих действительную в том надобность. И к чему все это делается? А сколько для такой очистки требуется рук, сколько тратится денег, которые могли бы быть употреблены более производительно? Спешная сколка снега весною падает тяжелым налогом не на одних домовладельцев, но более или менее на всех жителей. От раннего прекращения в городе санной езды, в то время как она продолжается в поле, множество санных подвод, приезжающих в Москву с разными припасами и нередко из дальних мест, возвращаются обратно по невозможности ехать на санях по городу. Вследствие этого цена припасам преждевременно увеличивается, и дороговизна держится продолжительнее, чем она держалась бы при обыкновенной распутице»⁷⁰.

Треповская полиция в Петербурге, как известно, еще более щеголяла декоративными эффектами преждевременной весны без пользы для населения и с крайним обременением для него. Отсюда первые столкновения петербургской полиции с новыми мировыми судьями, которые старались ввести часто фантастические требования полиции в границы закона. Отголосок этих памятных, порою глухих, порою открытых столкновений мы находим в материалах истории городского самоуправления. В естественном требовании суда, чтобы согласно ст. 29 Уст. о нак. обращенные полицией к гражданам домогательства были основаны на законе, не привыкший стесняться законом петербургский обер-полицеймейстер Трепов видел для администрации (полиции) «положение крайне невыгодное (!), так сказать, невозможное (?) в отношении к обществу и суду»⁷¹.

Этот ненормальный порядок вещей, если не вполне, то в значительной мере был уничтожен городской реформой 1870 г., предоставившей думам, по соглашению с полицией, устанавливать обязательные по-

должается в Москве доньне» (1882 г.). Г. Щепкин мог бы то же самое сказать и 13 лет спустя, когда Московская дума весною 1895 г. вынуждена была принести жалобу на московскую полицию, обязавшую домовладельцев с громадными издержками к вывозке снега и преждевременному (начало марта) оголению мостовой.

⁷⁰ Назв. соч. Щепкина, 22.

⁷¹ Т. III н. Материалы. С. 453.

становления по городскому благоустройству. Этим путем жители были хоть несколько ограждены от незаконных притязаний полиции⁷².

VIII.

Введение А. Е. Тимашевым Городового Положения 1870 г. состоялось при обстоятельствах более благоприятных, нежели земских учреждений, которым так много повредила двуличная политика П. А. Валуева. При Тимашеве городское самоуправление стало вводиться благодаря разумному руководителю, искренно преданному началу законности и самоуправления, директору хозяйственного департамента А. Д. Шумахеру, без потрясений, без эффектных *coup de théâtre*, как это любил Валуев, без придирчивой критики, без завистливой ревности к призванным законом правам городских общин. Министерство со вниманием и, можно сказать, с любовью отмечало первые шаги молодого самоуправления, отнюдь не хватаясь за его вольные и невольные упущения, чтобы дискредитовать в глазах высшей власти начало самоуправления и возвышать престиж непогрешимой бюрократии.

Ряд официальных изданий, предпринятых А. Д. Шумахером в 1870-х годах, имел целью, с одной стороны, знакомить правительство и общество с успешною деятельностью новых общественных учреждений, а с другой — эти последние с историческим смыслом Городового Положения. «Городская хроника», изданная в 1879 году в виде приложения к «Сборнику распоряжений и постановлений по общественному управлению в городах с введением в них нового Городового Положения», тщательно и сочувственно отмечала первые шаги наших освобожденных от опеки бюрократии городов по введению первых элементов городского благоустройства, начиная от мостовых и осве-

⁷² До последнего времени, т. е. оглашения разъяснения Государственного совета по делу Келлер (см. № 195 «Русск. Ведом.», 1895), администрация, неправильно толкуя смысл Положения об усиленной охране 1881 г., издавала без согласия дум обязательные постановления по городскому благоустройству. Московская полиция ежедневно штрафовала сотни извозчиков, например, за езду по левой стороне улиц, за произнесение ругательств и т. п. И все это на основании Пол. об усил. охр. Нужно думать, что ввиду разъяснения Государственным советом, что означенное Положение имеет в виду *только* охрану государственного порядка и борьбу с политическими преступлениями, все эти постановления будут отменены или самою издавшею властью, или Сенатом, куда, по разъяснению Государственного совета, могут отныне быть приносятся жалобы.

щения улиц и кончая учебно-благотворительными учреждениями⁷³. Желая дать ключ к верному пониманию истинного смысла дарованных городских вольностей, А. Д. Шумахер, наподобие Заруднинского издания Судебных Уставов, выпустил прекрасное издание «Городового Положения с объяснениями», заключающее мотивы этого законоположения и сделавшееся необходимым руководством для всякого, интересующегося городскими делами. Независимо от этого он выпустил в трех томах весьма ценное, столь часто упоминавшееся здесь, издание «Материалов, относящихся до нового общественного устройства в городах империи», заключающее в себе подробную документальную историю городской реформы.

В мою задачу не входит подведение итогов городской реформы, положившей начало благоустройству русских городов. Я ограничусь приведением нескольких характерных данных из истории столичного самоуправления, могущих выяснить основную тенденцию нашего бессословного городского самоуправления.

В 1871 г. (накануне введения Городового Положения 1870 г. в Петербурге) город расходовал 3 491 481 руб. при доходе в 4 095 935 р.; в 1891 г. город расходовал 9 452 711 р. при доходе в 9 473 295 р., стало быть, в 20 лет доходы города больше чем удвоились, главным же источником увеличения доходов служило лучшее пользование городскими имуществами и оброчными статьями и создание новых (бойня, рынки пр.), дававшими в 1871 г. — 417 257, а в 1891 г. — 2 579 263 р.⁷⁴

Еще большее значение, нежели общий рост доходов, имеет распределение по усмотрению думы того остатка (в 1871 г. он составлял 0,5 %, в 1891 г. — 26,5 %) его, который получается за покрытием обязательных для думы расходов (полиция, мировой суд, освещение, мостовые и пр.). Как показывает статистика, на первом плане как *самое дорогое* для городского самоуправления дело было *народное образование*. В 1873 году при старой думе в Петербурге было 16 училищ, на что город вносил в кассу Министерства народного просвещения 33 000 р. С 1877 г. заведывание школьным делом впервые перешло с учрежде-

⁷³ См. С. 53–168 «Городской хроники».

⁷⁴ См. Петербургское городское общественное управление в 1892 г. Отчеты городской управы. С. V. — В числе доходных статей показаны столь несправедливые налоги, как адресный и больничный сбор, но отчет указывает, что ходатайство думы о замене их квартирным налогом, а также о замене больничного сбора налогом на всех жителей и вообще о привлечении к налогам более состоятельных классов, пользующихся городскими удобствами без платежа прямых налогов, не имело успеха (С. IV).

нием городского школьного совета к городу, и с тех пор прогрессивно стало расти число школ и их благоустройство. С 1877 по 1880 г. число городских училищ возросло с 16 до 88, к 1883 г. достигло 153⁷⁵, а в 1892 г. дошло до 281 с 13 750 учащимися, в том числе 7625 учеников и 6124 ученицы⁷⁶. Расходы города на народное образование выразились в следующих цифрах: в 1871 г. — 27 364 р., в 1881 г. — 265 496 р., в 1891 г. — 671 914 р., а с присоединением пособий разным учреждениям (в том числе 3000 р. Обществу для доставления средств высшим женским курсам⁷⁷ в Петербурге) общая сумма получается 705 090 р. К 1-му января 1895 г. состояло 320 училищ с 16 668 учащимися, и на них израсходовано было 689 807 р., а с пособиями разным учреждениям на народное образование израсходовано Петербургом было 836 416 р.

Общая картина городского хозяйства Москвы раскрывается во всей полноте в известном образцовом юбилейном издании: «Общественное хозяйство города Москвы», предпринятом по инициативе гласных, покойных А. Н. Маклакова и А. А. Шилова⁷⁸, и исполненным главным образом благодаря бескорыстному и напряженному труду и чрезвычайной любви к делу известного специалиста городского хозяйства М. П. Щепкина⁷⁹. Статистические данные обработа-

⁷⁵ Десять лет СПб. город. общ. упр. С. 47.

⁷⁶ См. отчет за 1891 г. С. LXXXV.

⁷⁷ Нравственная и материальная поддержка, оказанная высшему женскому медицинскому образованию в самое трудное, критическое для него время составляет одну из крупных заслуг петербургского общественного управления пред русским просвещением.

⁷⁸ Инициаторы, указывая на то, что не имеется никаких данных из прошлого городского хозяйства Москвы, предложили в 1886 г. ознаменовать предстоящее 25-летие городского самоуправления (с 1863 г.) составлением историко-статистического описания. А. Н. Маклаков, один из самых деятельных гласных Московской думы, вынужден был сложить с себя звание гласного в 1892 г., когда диктаторские замашки городского головы, грубо останавливавшего при апатии большинства гласных всякую попытку самостоятельной критики действий управы и, в частности, плана миллионных городских предприятий, предрешенных им, Алексеевым, делали невозможным добросовестное общественное служение.

⁷⁹ За 15 лет отчеты думы никем не поверялись, и г. Щепкину пришлось исполнять чисто египетскую работу: разрывать груды подчас беспорядочно нагроможденных цифр, разыскивать мелкие копейки, чтобы собрать однородные числовые величины, то соединять их вместе, то расчленять, дабы хоть как-нибудь уяснить их внутренний смысл. По справедливому замечанию г. Щепкина, только горячая любовь к общественному делу могла помочь ему одолеть этот колос-

ны так тщательно и умело, что дают возможность уяснить все разнообразие сторон городского хозяйства, и притом данные обработаны по пятилетиям, что дает возможность рельефно проследить значение городской реформы 1870 г. Доходы Москвы были:

в 1863 — 1867 гг.	9 040 542 р.
» 1868 — 1872 »	11 620 000 »
» 1873 ⁸⁰ —1877 »	16 710 000 »
» 1878 — 1882 »	20 855 043 »
» 1883 — 1887 »	23 784 841 »
» 1888 — 1892 »	31 232 000 »

До городской реформы 1870 г. обязательные расходы поглощали почти половину городского бюджета (в 1863–1867 гг. они составляли до 45%), и лишь постепенное сокращение их (в 1883–1887 гг. они составляли 28%) открыло возможность ассигновать более или менее значительные суммы на нужды народного образования. Процент ассигновок на этот предмет постепенно возрастал. В 1-е пятилетие (1863–1867) они составляли 1,3%, во второе пятилетие — 2%, 3-е пятилетие — 3,3%, 4-е пятилетие — 5,5%, 5-е пятилетие — 7,2%. Собственно расходы на городские училища в соответствующие периоды росли в такой прогрессии: в 1-е пятилетие — 5500 р., во 2-е — 97 285 р., в 3-е — 451 480 р., в 4-е — 1 074 615 р., в 5-е — 1 751 341 р., в 6-е пятилетие — 2 164 800 р. Городские школы стали открываться собственно с 1867 г., но настоящее развитие дело это получило лишь с введением в Москве Положения 1870 г. Чтобы наглядно показать, как городское самоуправление горячо сочувствовало народному образованию, приведем данные, из коих видно, как расходы на городские училища далеко опережали⁸¹ рост городских доходов за исключением *последнего* 5-летия⁸².

сальный труд и благополучно выбраться из лабиринтов городских смет и отчетов г. Москвы (Общ. хоз. гор. Москвы. Ч. I. Вып. I. С. 32–39).

⁸⁰ Год введения в Москве Город. Полож. 1870 г.

⁸¹ Общ. хоз. г. Москвы, прил. к 1-й части. С. 25–33. Известный реакционный деятель Пазухин, идеализируя дореформенный строй с его сословными делениями, не постеснялся поставить, как указано выше (§6), в образец современному самоуправлению дореформенные безгласные думы, служившие ширмами для бесцеремонного хозяйничества чиновников губернаторской канцелярии, а легковверный автор «*Современной России*», служащий и вашим и нашим, поспешил повторить этот очевидный вздор.

⁸² Это пятилетие почти совпадает с временем, когда господствовала в думе воля

Годы	Увеличение доходов	Увеличение расходов на училища
1873–1877 гг.	45 %	364 %
1878–1882 »	27 %	138 %
1883–1887 »	11 %	62 %
1888–1892 »	31 %	24 %

Цифры сами говорят за себя⁸³.

Если принять во внимание трудность всякого нового дела в связи с долговременною дореформенною административною опекою, при которой «городское общество, свободное многие десятки лет от ответственности, приобрело, как верно указывала петербургская комиссия, издавна привычку ждать и побуждений, и помощи от администрации»⁸⁴, то нельзя не воздать должного успехам городского самоуправления, и в особенности почтенным заботам его о народном просвещении. Только партийная вражда или непозволительное легкомыслие могут отрицать эти успехи, которые официально были засвидетельствованы еще недавно указом Александра III 11 июня 1894 г.⁸⁵ Как ни крупны были некоторые недостатки Городового Положения, проникавший его дух самоуправления и дарованное им право самостоятельного управления городскими делами были так благодетельны, необходимы и современны, что не могли не оставить отрадного следа в истории русской культуры.

столь известного городского головы Н. А. Алексева (1885–1892).

⁸³ На 1 января 1895 г. в Москве числилось 90 (двойных) училищ с 12 886 учащимися, в том числе — 6 895 мальчиков, 5991 девочка. Содержание училищ городу стоило 441 581 р.

⁸⁴ См. н. сбор. Десять лет СПб. гор. общ. упр. С. V.

⁸⁵ «Городовое Положение 1870 г. — говорилось в этом указе, — принесло в течение 20-ти лет своего применения немаловажную пользу».

IX.

ИЗ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

*Благочестивыми воздвигнут был руками,
Как благолепный храм, России новый строй,
Пред алтарем служил тот деятель былой,
И верующих сонм теснился в этом храме.
Теперь он опустел; все входы прах занес;
Священнодействий нет; он темен и печален.
И ползает в нем гад; и, лая, бродит пес,
Как средь заброшенных развалин.*

А. М. Жемчужников

*Idéal! idéal! sur tes traces divines
Combien déjà se sont égarés et perdus!
Les meilleurs d'entre nous sont ceux que tu fascines;
Ils se rendent à toi sans s'être défendus.*

Ackermann

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

КАК ВОЗНИКЛО МОСКОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО¹

I.

Признаться, не без сильного смущения вхожу я на эту парадную кафедру нашей альма-матер. Меня смущает не только тот сонм великих имен и тот рой величавых традиций и воспоминаний, которые витают над этою вещью трибуною. Меня смущает также и та задача, которую я взял на себя по поручению Московского юридического общества, задача — сообщить вам летопись, откуда пошло наше юридическое общество.

И есть отчего прийти в смущение!

Я был бы поставлен в безвыходное положение, если бы вы вздумали, мм. гг., потребовать от меня рассказать по *личным* воспоминаниям подробную историю зарождения Московского юридического общества, имевшего место в то время, когда мы, наше поколение, сидели еще на школьной скамье. Личные воспоминания мои об Обществе не идут далее второй половины 70-х годов.

Мне остается один выход: передать вам то представление, которое по традиции сложилось у членов Московского юридического общества более позднего наслоения о времени и обстоятельствах, вызвавших его к жизни. Но это мое положение стороннего зрителя имеет и свои удобства, и, пожалуй, довольно значительные. Непосредственным участникам и свидетелям общественного дела трудно учесть размеры участия в нем личного и общественного элементов. Находясь в зоне известного движения, им трудно уяснить себе вполне его значение и последствия. Они нередко впадают в ошибку, принимая физических виновников, иногда являющихся бессо-

¹ Первоначальный остов этой статьи составляла речь, произнесенная 13 марта 1888 г. в торжественном заседании Моск. юридич. общества по случаю 25-летия его основания.

знательными, почти невольными орудиями движения, за настоящих его авторов. Сторонний свидетель более застрахован от подобной ошибки. Ему легче соблюсти законы исторической перспективы, ему виднее параллелограмм сил, обуславливающих явления общественной жизни.

Вот почему, если я не в состоянии буду рассказать вам, кто, когда и как возводил фундамент юридического общества (что уже отчасти сделал в своей исторической записке первый председатель Общества, достойнейший В. Н. Лешков), то, быть может, мне удастся очертить перед вами характер того общественного движения, которое сгруппировало учредителей нашего Общества и заставило их вольно или невольно работать над сооружением будущего здания первого союза юристов. Я сказал «работать невольно». Не подумайте, что это *lapsus linguae*! Нет, это факт исторический, и его могу доказать ссылкой на вышеупомянутую «историческую записку». Из нее мы узнаем, что главными виновниками учреждения Московского юридического общества были профессора С. И. Баршев и В. Н. Лешков. Эти два имени, поставленные рядом, говорят весьма много и вразумительно! Насколько естественно видеть над созданием юридического общества В. Н. Лешкова, этого неустанного защитника начала свободной общественной самостоятельности, настолько неожиданно видеть в той же роли представителя противоположного мирозерцания С. И. Баршева. Участие Баршева в этом деле особенно знаменательно и интересно. Если Лешков, работая над созданием юридического общества, свободно отдавался своим природным влечениям и научным симпатиям, то Баршев, входя в это дело и даже беря на себя его инициативу, делал шаг, не имевший оправдания во всей его прежней научной и литературной деятельности, посвященной восхвалению нашего дореформенного бюрократического строя и тайного инквизиционного процесса. Вот в каком смысле я считаю интересным «невольное» участие Баршева в этом деле.

После сказанного я, кажется, вправе заключить, что для уяснения происхождения нашего Общества не столько важно знать его, так сказать, официальных восприемников от купели, сколько уяснить ту группу сил, течений и явлений, которые вызвали к жизни в 1863 г. чествуемое нами учреждение.

Какие же это были явления?

Обыкновенно принято считать причиной возникновения Московского юридического общества судебную реформу, или, точнее, обнародование 1 октября 1862 г. Высочайше утвержденных 29 сентяб-

ря основных положений судебной реформы. Таково мнение, между прочим, и первого историографа его, В. Н. Лешкова. Не скажу, чтобы это мнение было неверно, но, по моему мнению, оно не совсем точно и убедительно. Начало судебной реформы относится к 1842 году, а иные не без основания относят его даже еще за 100 лет — к 1747 г. Отчего же в этот длинный период времени никому не приходила и не могла прийти в голову мысль об основании где-либо юридического общества?! А с другой стороны, разве и сама судебная реформа в том виде, как она вылилась в приснопамятном законодательном акте 20 ноября 1864 г., разве она сама не есть продукт или, лучше, дальнейшее развитие еще более значительного законодательного памятника великой хартии 19 февраля 1861 г.? Свидетельствуюсь в этом случае авторитетом безусловной достоверности и компетентности, покойным С. И. Зарудным, не отходившим от дела судебной реформы, начиная от образования первой завязи ее в 1842 году и вплоть до издания в 1866 г. Государственной Канцеляриею Судебных Уставов с рассуждениями, на коих они основаны. Он-то именно категорически заявляет, что без освобождения крестьян никогда не видать бы этой стране Уставов 20 ноября.

А если это так, то не вправе ли мы счесть за более коренную причину возникновения юридического общества освобождение крестьян, крестьянскую реформу и то великое освободительное движение, которое в свою очередь дало жизнь и крестьянской реформе, и всем проистекавшим из нее последующим реформам: земской, судебной, городской, университетской; отмене телесного наказания, реформе законодательства о печати, о воинской повинности и пр., и пр.?

Вот мы и подошли к тому главному стволу, к освободительному движению бо-х годов, коего небольшим, но естественным разветвлением было основание Московского юридического общества.

II.

Шестидесятые годы! Какое это чудное и чудное, непонятное для нас, для нашего бедного верою и воодушевлением поколения, время, время идеалов, время титанов мысли, гигантов веры, богатырей дела! В какие-нибудь 3–4 года уничтожаются и крепостное право, и телесное наказание, и старый инквизиционный суд, насаждается некоторое подобие самоуправления и свободы печати! Что это за кипучая и всеобъемлющая деятельность по обновлению всех отраслей общественной и частной жизни, начиная с законодательства и литературы и кончая домашнею обстановкою и семейными от-

ношениями, начиная от философских систем и кончая детскими пеленками!!.

*Вспыхнувший светоч вдруг вышел из тьмы,
Нежданная речь прозвучала –
И все, вострепнувшись, встрянули мы,
Почуяв благое начало.
В нас сердце забилося, дух жизни воскрес,
И гимном хвалы и привета
Мы встретили дар просиявших небес
В рождении славы и света!..*

Нынешним «охлажденным умам» не по сердцу эта бьющая ключом энергия жизни, пробудившейся после полувековой спячки. Наши «умники» не прочь подчеркнуть с злорадством тот или другой неудачный штрих этой героической законодательной и общественно-творческой эпопеи, не прочь бросить их благородным литературным деятелям педантический упрек в поспешности, в увлечениях, в «незрелости»². Но где же после этого справедливость? Ведь если эти не-

² Этот упрек в «незрелости» и «тенденциозности» слышен был еще в 60-х гг., и вот как разумно отвечал в 20 лет уже знаменитый Д. И. Писарев «Русскому Вестнику» Каткова, уже тогда не скрывавшего своего призвания к литературному полицейскому сыску: «Эта незрелость составляет существующий факт, но в существовании его не виноваты наши писатели. Все мы воспитывались в душевной среде, в узких понятиях, под влиянием мертвящих предрассудков; все мы, становясь на свои ноги, принуждены были разрывать связь с нашим прошедшим, переделывать сверху донизу весь строй наших понятий, выкуривать из нашего мозга ту нелепую демонологию, которая заменяла нам в детстве трезвые понятия о мире, о природе и человеке; вступая в борьбу с теми элементами, которые благодаря влиянию родителей и педагогов, приросли к нашей природе, отрывая с болью и кровью детские верования, детские привязанности, детские взгляды на жизнь, мы воодушевляемся и ожесточаемся в одно и то же время. Мы с лихорадочным нетерпением выжидаем случая, когда бы нам можно было выразить свое негодование против всего того, что остановило развитие многих даровитых личностей... Когда мы беремся за перо, мы еще почти ничего не знаем, но сторона *отрицания* оказывается уже вполне развитою. Нелепостей и несообразностей насмотрелся на своем веку каждый ребенок, следовательно, каждый молодой человек, принимающийся за перо, имеет все данные для того, чтобы всею силою критики разбивать мир предания и рутины. Когда ум занят такого рода работою, тогда нет места для спокойного приобретения знаний; находясь в такой поре развития, мы с наслаждением хвата-

утомимые труженики торопились, работали день и ночь, то это было не делом каприза и ветренного увлечения ложными идеями, а сознательного расчета. Они очень хорошо знали, как непродолжительны и непрочно бывают в нашей общественной жизни ясные «дни Аранжуеца», весна либеральных веяний, после обычной продолжительной и суровой зимы, как краткотечны счастливые красные дни прогрессивных веяний и как быстро сменяются они долгими тоскливыми месяцами осенней слякоти и ненастья:

*Ведь счастье – девочка пустая:
На месте не сидится ей,
Откинёт волосы да чмокнет
Разок-другой, и прочь скорей.
Несчастью ж, добренькой старушке,
Другое дело – спеху нет!
Она подсядет к вам к подушке
И ну вязать... хоть на сто лет!..*

На этот раз против обыкновения выдалась более продолжительная красная весна, и все спешили ею воспользоваться, боясь, как бы не пришлось дело, начатое весной, доделывать в сырые, холодные осенние дни!

емя за сочинения, проникнутые полемическими тенденциями, и оставляем в стороне многотомные исследования кабинетных ученых. За это нельзя быть на нас в претензии. Мы ищем того, что соответствует современным потребностям нашего ума. Когда ребенок растет, у него обнаруживаются странные аппетиты: он ест с наслаждением мед, уголь, известку, глину, и эти вещества приносят ему больше удовольствия и даже больше пользы, чем питательная говядина или крепкий бульон; дело в том, что ему надо ввести в кровь именно те вещества, к которым он чувствует странное влечение; на пути нашего умственного развития мы часто бываем поставлены в такое же положение: если нашему уму надо что-нибудь вроде известки или острой кислоты, тогда и не предлагайте нам ни телятины вроде ученых исследований Буслаева, Устрялова и Соловьева, ни миндального печенья, вроде лирических стихов Фета или Полонского» (Сочин., II, 183–86 изд. Павленкова). Замечательно, что в оценке причин, вызвавших отрицательное литературное движение 60-х гг., сходятся и литературные противники Писарева, как Аксаков, Пирогов, проф. Дмитриев, кн. Одоевский и даже Катков (см. главы V и IV), усматривающие в этом движении естественный продукт уродливых условий дореформенного строя жизни, который сам благонамеренный Валуев характеризовал словами: «*Сверху ложь – снизу гниль*» (См. выше).

Впрочем, может быть тут не было даже какого-нибудь преднамеренного сознательного расчета, а просто бессознательная работа пробудившейся после продолжительной спячки кипучей общественной жизни, в которой:

*Волна на волну набегала,
Волна нагоняла волну...*

«Более великого момента, — говорит один из почтенных деятелей этой эпохи, Н. В. Шелгунов, как этот переход от идей крепостного права и служилого государства к идее нового государства, в нашей истории не было, да, пожалуй, и не будет; но мы, современники этого перелома, стремились к личной и общественной свободе и работали только для нее; конечно, не имея времени думать, делаем ли что-нибудь великое или невеликое, мы просто стремились к простору, и каждый освобождался, где и как он мог, и от чего ему было нужно»³.

Это было какое-то стихийное увлечение, какое-то неотразимое действие неизвестно откуда нахлынувших волн тепла и света, глубоко и сильно отозвавшихся и навсегда восприимчивой душе пылкой молодежи, и на охлажденной годами старости. Студент ли в новой обстановке воскресной школы, поучающий народ, цензор ли в своем кабинете, прилагающий свой старый устав о цензуре (помещенный в своде законов, как будто на смех, между уставами о беглых и уст. о пред. преступлений!), ясно чувствовали веяние нового времени, повелительно требовавшего изменения старозаветных приемов суждения и действия. Гений свободы и гуманности, витавший в то время над этою странюю, производил разительные перемены, которые можно было бы принять за сказки, если бы еще не были живы свидетели и очевидцы их. Старые законы о цензуре словно замерли, загипнотизированные чарами нового духа времени; даже сами плеть и розга, кажется, не так жестоко и самоуверенно выполняли свою провиденциальную функцию. Все почувствовали какой-то необыкновенный приток сил и подъем духа, потребность *жить*, т. е. мыслить, говорить и действовать, чуть не совершать подвиги. «В том, что после Севастополя все очнулись, — говорит тот же автор, — *все* стали думать и *всеми* овладело критическое настроение, заключается разгадка мистического секрета 60-х годов: *все* — вот секрет того времени и секрет успеха всех реформ». Все честные люди как-то выросли в своих и чужих глазах. Вчерашний пигмей, разночинец, малодушный, неуверенный в себе «лишний человек», сегодня ощущал какой-то приток

³ «Русск. Мысль», 1878. № 11. С. 22; 1886. № 3. С. 195.

богатырской мощи, словно Илья Муромец, собиравшийся на подвиг после того, как сиднем сидел он тридцать лет и три года!

*Бывает невзначай,
Что тот, кто низок нынче,
Назавтра стал велик:
То дух любви, повеяв,
Избранника воздвиг
Гигантом из пигмеев...*

В это благодатное время минувшего просветления свершилось чудо: размягчились, хоть ненадолго, даже сердца рабовладельцев по отношению к «хаммам»⁴. Дивное, светлое время! — на которое нашему поко-

⁴ Кн. Мещерский, у которого в отличие от бесшабашных опричников — псов консерватизма, по выражению Т. И. Филиппова, встречаются иногда проблески благодущия, правдивости и терпимости, в «Гражданине» (10 ноября 1896 г.) однажды так характеризовал освободительную эпоху. «Освободительные реформы императора Александра II, — писал он, — представляли собою совершенно стройную систему. Освобождение крестьян, создание бесцензурной печати, отделение административной и судебной властей, городское и земское самоуправление — все это представляло одну стройную систему, одно начало, проведенное через все реформы. Это — преддверие конституционного образа правления. В складках этих реформ несомненно заключалась и “свобода”. Она веяла, она чувствовалась, она носилась в воздухе. И в частной жизни, и в общественной, и в государственной замечался сильнейший подъем духа. Воспрянуло, заговорило и поднялось все лучшее в обществе, все лучшие стремления, все высшие проявления души лучшей части общества. Словно Дух Божий, недрающийся (*sic*) в душах лучших людей России, запертый там, как *в темницах*, и проявлявший себя по временам в чудных творениях колоссов русской литературы, словно он явился на свет, носился в атмосфере и воспроизводил тот удивительный подъем духа, который окружал освободительные реформы императора Александра II. И что же? Теперь как-то странно даже вспомнить этот подъем духа. Теперь, когда мы присутствуем на похоронах всех этих реформ, когда мы видим затоптанными в грязь все высшие идеалы людей бо-х годов, когда мы наблюдаем (!) повсюду главенство толпы с ее отвратительными, чисто животными инстинктами, становится жутко на душе, слезы душат горло, словно стоите вы перед еще незасыпанной могилой, в которой лежит похороненным все дорогое вашему сердцу, вся ваша духовная жизнь». Почему же все это случилось? — спрашивает князь... Дальше уж не интересно. Начинается обычная «гражданская» сказка про белого бычка, как дворян обидели, как крестьян озолотили (продавши землю выше стоимости), — словом, как вместо кре-

лению лишь издали приходится любоваться с восторгом, смешанным с завистью, с таким же завистливым восторгом, с каким мы смотрим на окруженные лучезарным блеском эпохи пробуждения человеческого духа в XVI и XVIII столетиях. «Дух человека пробуждается, становится весело и ясно жить», — восклицает могучий боец за человеческий дух, автор *Epistolae obscurorum virorum*, знаменитый гуманист Ульрих Гуттен. Такие же возгласы слышались и в эпоху нашего возрождения. «Новым духом веет, новое время настало», — говорил 28 декабря 1857 г. при громе рукоплесканий публицист Н. Ф. Павлов на общественном обеде, устроенном в Москве по инициативе редакции «*Русского Вестника*»⁵. «Мы стоим, — говорил один из членов ее, Н. А. Любимов, в Татьянин день 1858 г. на Парижском банкете, — при дверях светлой эпохи оживления мысли, когда слышится голос, высказывающий нужды, потребности, желания общества; эпохи, когда начинающаяся гласность не нравится только тем, кто боится света, когда все жаждет света»⁶.

постного эльдорадо возник «либеральный хаос». Странно только одно, отчего в этом идеальном дореформенном строе «Дух Божий представляется запертым, как в темнице». Но, являясь плохим социологом, благодаря неспособности отвлечься от грубых своекорыстных классовых интересов, кн. Мещерский достоверно свидетельствует об «удивительном подъеме духа», о всеобщем стремлении работать во имя общего блага с верою в силу добра. Этому стремлению была не чужда образованная часть дворянства. Его, этот желанный дух, как справедливо указал статс-секретарь Н. В. Муравьев при открытии в 1894 г. Судебной комиссии, искусственно создать или предписать невозможно: тому доказательство сухосочные плоды этой Комиссии, равно как и Комиссий гражданского и уголовного уложений, несмотря на наличность сравнительно с 60-ми годами многочисленных крупных научных сил. Да и можно ли создать что-нибудь цельное и жизнеспособное, когда и сам не знаешь, куда идешь, и сам не веришь в плодотворность своего труда. Эпоха реакций — «не создавать, а разрушать мастера».

⁵ О подъеме общественного воодушевления может дать понятие следующий эпизод. Вскоре после помянутого обеда откупщик В. А. Кокорев собирался устроить грандиозный обед-митинг в Москве. Число участвовавших достигло огромной цифры — 1500. Обед предполагался в Большом театре. Ложи должны были занимать кадеты. С обеда должны были полететь телеграммы в оба полушария для возвещения о наступлении новой эры свободы для России. Обед был воспрещен ген.-губ. Закревским (См. Матер. для истор. упразд. креп. права. Т. II. С. 190).

⁶ «*Русс. Вест.*», 1888. № 1. С. 5.

Описывая этот обед, Е. М. Феоктистов в корреспонденции из Парижа говорил:

«Если у меня, старика, у которого нет будущего, — говорил покойный Шелгунов, — бывают еще теплые и светлые минуты, то только в воспоминаниях о людях 60-х годов»⁷.

Нам непонятна, нам чужда эта светлая эпоха идеалов, эпоха либерализма и гуманизма, появившаяся и исчезнувшая, как метеор или как та комета, которая появилась в год рождения на Руси свободы. Нам непонятно то сердечное умиление, с которым вспоминают эту героическую эпоху счастливы, жившие и действовавшие в это славное время.

С открытыми глазами мы потеряли способность духовного зрения, способность отличать свет от тьмы:

*Notre oeil perçoit encore, oui! mais, supplice horrible!
C'est notre esprit qui ne voit plus.*

Или, как характеризовал современность в своем гражданском вопле наш поэт-гражданин:

*...смелость доблести в нас никнет, дух наш спит;
Звучат еще слова, но мысли ни единой,
Ни искры Божьей нет. Затянутого тинной
Болотного пруда таков сонливый вид...
Грешны и жалки мы, без пользы жизнь кончая,
Что сеешь, то пожнешь.
И сердце черствое и голова пустая —
Так в жизнь вступает молодежь.*

III.

Не подумайте, мм. гг., что я дерзнул взять на себя непосильную мне задачу представить вам полную картину этого беспримерного в России общественного подъема и литературного движения, благодаря

«В то время как общество, среди которого мы находимся и которое шло до сих пор во главе цивилизованной Европы, не страшится той мысли, что порядок должен для него сделаться синонимом какого-то *оцепенения*, не отрадно ли сознавать себя гражданином страны, смело и с уверенностью выступающей на путь великих и благодетельных реформ? В то время как видите пред собою власть все более и более чуждающуюся просвещенного сословия, в котором она не ожидает встретить себе содействия, не отрадно ли думать, что есть страна, где правительством с восторгом приветствуется именно всем, что есть в ней просвещенного, всем, что стоит во главе слова и мысли» («Русск. Вестн.», 1858. № 2).

⁷ «Русская Мысль», 1885. № XI. С. 357.

которым вызваны в жизни были наши либеральные реформы. Для моей цели, для установления связи между ними и возникновением Московского юридического общества достаточно отметить два-три крупных явления этой величавой эпохи, могущие дать ключ к уразумению этой связи.

На первом месте я, конечно, должен отметить великий законодательный акт 19 февраля, прозвучавший как возвышающий душу благовест над этою страной, исполнивший надеждами все забитое, приниженное и обиженное и смутивший все, строящее свое благополучие на вековой рутине, застарелой неправде, на привилегии и эксплуатации. Падение крепостного права, этого краеугольного камня дореформенного строя жизни, делало возможными и неизбежными реформы не только во всех отраслях управления, но и во всем мирозерцании или, как выражалась Екатерина II, умоначертании народа и общества.

«Крепостное право, — говорит наш маститый публицист-сатирик, — проникало не только в отношения между помещиком и подневольною массою, но и во *все вообще формы общежития*, одинаково втягивая все сословия (привилегированные и непривилегированные) в омут *унизительного бесправия*, всевозможных изворотов лукавства и страха перед перспективою быть ежечасно задавленным. С недоумением спрашиваешь себя, — пишет Щедрин, — как могли жить люди, не имея ни в настоящем, ни в будущем иных воспоминаний и перспектив, кроме мучительного бесправия, бесконечных терзаний поруганного и ниоткуда не защищенного существования? — и к удивлению отвечаешь: — однако ж жили»⁸.

Да, жили, но, наконец, невольно стала эта, основанная на бесправии и насилии, постылая жизнь, эта, по выражению того же сатирика, «обеспеченная необеспеченность», и гуманно-освободительное движение, медленно проникавшее к нам из Европы, смьло, наконец, благодаря настойчивости немногочисленной либеральной интеллигенции, это трехвековое позорное пятно.

Весьма обидное для русского самолюбия, но совершенно справедливое замечание Карамзина о том, что у русского человека как такового нет и не может быть никаких «прав», получало в Высочайшем Манифесте 19 февраля, провозгласившем право на свободный труд, первое торжественное опровержение. «Уважение к достоинству человека и христианская любовь», как сказано в Манифесте, побудили даровать русскому человеку первейшее из прав — право на личную свободу и свободный труд.

⁸ «Вест. Евр.», 1888. № 2. «Пошехонская Старина». С. 601.

Уважение к человеческому достоинству! свободный труд! – как странно звучат эти слова в 1861 г., когда не далее как за три года перед тем, в конце 1857 г., запрещено было говорить об освобождении крестьян в печати!

Уничтожение рабства и провозглашение прав свободной личности делали неизбежным пересмотр всех институтов и учреждений, с ним связанных, на нем основанных, и прежде всего учреждений судебных. Об этом категорически заявлялось во всеподданнейшем адресе знаменитых «пяти» дворянских депутатов 1858 г., составленном известным деятелем крестьянской реформы А. М. Унковским (см. гл. II, §2). Эта же мысль проводилась в 1859 г. в ряде дворянских адресов Тверской, Ярославской и др. губерний, которые единодушно домогались гарантий личности, утверждения на место произвола закона, учреждения в этих видах независимой судебной власти и суда присяжных. Но замечательно, что до освобождения крестьян все эти просьбы оставались без удовлетворения, и просители подвергались большим или меньшим неприятностям, начиная от выговора и кончая полицейским надзором и административною высылкою.

Но с конца 1861 г. замечается, благодаря освобождению крестьян, резкий поворот в направлении работ по судебной реформе. Тогда как в 1858 г. объявлено было Государственному совету Высочайшее повеление отнюдь не касаться вопросов об адвокатуре, суде присяжных и заниматься Блудовскими проектами о частичных преобразованиях, в 1862 г. Блудов вовсе отстраняется от дела, и на место его выступает поборник либеральных основ судебной реформы, кн. П. П. Гагарин. Вслед за этим приглашаются для разработки ее не чиновники по соображениям табели о рангах и продолжительности сидения на месте, а *юристы* с основательною научною подготовкою. Юристы эти: наши почетные члены Н. И. Стояновский, Д. А. Ровинский (†), К. П. Победоносцев и др., во главе их покойный наш почтенный член С. И. Зарудный (†). В январе 1862 г. кн. Гагарину удается исходатайствовать весьма важное высочайшее повеление, произведшее переворот в направлении работ по судебной реформе и открывшее для русской юридической мысли совершенно неизвестные ей дотоле горизонты. Высочайшее повеление это предписывало прикомандированным к государственной канцелярии юристам: «изложить в общих чертах соображения о тех главных началах, несомненное достоинство коих признано в настоящее время наукою и опытом европейских государств и по коим должны быть преобразованы судебные части в России».

Это знаменитое высочайшее повеление составляет эпоху в истории развития русского законодательства и русской юридической мыс-

ли. Магическая формула была произнесена! Клятва, лежавшая на науке, была снята! Открыт был, наконец, доступ к той европейской науке, которая развилась в Европе под влиянием философских идей XVIII столетия и либеральных доктрин начала XIX столетия, и которая у нас так долго хранилась за семью печатями от нескромных взоров публики. Правда, лет за сто перед тем венценосная прогрессистка (ставшая потом либеральной крепостницею), ученица Беккарии, Монтескье, Вольтера, сделала было попытку приобщить эту страну к плодам передовой европейской мысли, но, как известно, попытка имела только характер блестящего фейерверка и не оставила в жизни прочных следов.

И вот теперь не только разрешалось, но прямо предписывалось черпать свободно из этого живого источника, из этой запретной сокровищницы европейского ума и опыта. Легко представить себе, как должны были быть смущены ортодоксальные представители нашей старой университетской науки, обязанные не только за страх, но и за совесть петь с университетской кафедры дифирамбы кнуту (см. главу III), нашему инквизиционному старому процессу с его канцелярскою тайною и бумажным делопроизводством⁹. Едва они стали приспособляться к новым требованиям духа времени, едва они стали заменять в своих старых тетрадках восторженные похвалы канцелярской тайне скромным и нерешительным указанием на достоинство нового гласного суда, как быстро следовавшие друг за другом события еще более изумили наших старых юристов и порадовали новых.

С чем-нибудь в полгода были составлены и обнародованы Высочайше утвержденные 29 сентября 1862 г. «Основные Положения преобразования судебной части в России», громко на всю Россию провозглашавшие необходимость введения у нас тех самых институтов европейского правового порядка, за предложение которых три года тому назад, в эпоху «первой реакции» 1859 г., пострадал не один предводитель дворянства. Россия с изумлением и радостью узнала, что она находится накануне получения гласного суда, независимой судебной власти, адвокатуры и суда присяжных, которые еще так недавно считались зловредными революционными учреждениями.

Откуда такая быстрая и неожиданная перемена? Спросим свидетеля, стоявшего с самого начала у самого кормила судебной реформы и хорошо знавшего все ее перипетии.

С. И. Зарудный категорически удостоверяет¹⁰, что Судебные Уставы *созданы* Положением 19 февраля (см. ниже главу XVIII). Вот, ста-

⁹ Основ. угол. суд. Я. Баршева. С. 68.

¹⁰ См. «Русскую Старину», 1888. № 5.

ло быть, где разгадка этого на первый взгляд непонятого явления. Освобождение крестьян произвело настоящий переворот не только в социальном строе, но и в общем настроении. Притаившиеся было после «первой реакции» 1859 г. либеральные веяния снова, хотя и не надолго, воспрянули и влили новую энергию, бодрость и отвагу в наш политический организм. Спокойное принятие народом явления «воли», которого так боялись робкие умы, снова окрылило прогрессивную, передовую часть наших правительственных сфер и ослабило мнительность сторонников дореформенного строя. Только этим объясняется, что, например, такой завзятый консерватор, как гр. Панин, так много тормозивший и портивший дело освобождения крестьян, этот враг и гонитель суда присяжных, сам явился защитником его (искренним или неискренним, Бог его знает, — см. главу I), когда в 1862 году Государственный совет рассматривал вышеупомянутые Основные Положения судебной реформы.

IV.

Дальнейшая судьба этих Основных Положений имела сильное и уже непосредственное влияние на деятельность русских юристов и, в частности, на возникновение Московского юридического общества. С. И. Зарудный возымел крайне смелое по тогдашнему времени, но в высшей степени плодотворное намерение: опубликовать во всеобщее сведение Высочайше утвержденные Основные Положения, с приглашением юристов и вообще публицистов, интересующихся делом судебной реформы, доставлять свои замечания об Основных Положениях в Комиссию, образованную под председательством В. П. Буткова для составления проектов Судебных Уставов.

В наших глазах этот факт опубликования не представляет ничего особенного в виду того что в последующее время неоднократно печатались законопроект с целью вызвать замечания публицистов или же рассылались целые законодательные работы (как, например, проекты Комиссии, составляющей уголовное Уложение) для публичного обсуждения в юридических обществах.

Не то было в 1862 году.

Опубликование Основных Положений в *Собрании узаконений* было *первым* актом прямого официального обращения к публицистам и юристам, к представителям науки и опыта, с приглашением принять участие в законодательных работах. Этот факт имел громадное историческое значение как для печати, науки, так и для общественного развития вообще. Он впервые, можно сказать, производил *секу-*

ляризации законодательной деятельности и открыто признавал значение публицистики. В силу закона и установившихся традиций законодательные канцелярии должны были дотоле с особенным тщанием оберегать законодательные предназначения от нескромных взглядов публики. Они должны были наблюдать денно и ночью, чтобы законопроекты безмятежно совершали свое течение в дебрях канцелярской тайны и отнюдь не приходили в соприкосновение с тем *profanum vulgus*, для которого они предназначались, ранее появления на свет во всеоружии властного повеления, подлежащего безмолвному и беспрекословному исполнению. Словом, законодательная деятельность была совершенно изолированным от жизни миром, который был одинаково сокрыт как для праздного любопытства, так и для серьезной любознательности и просвещенного общественного мнения. Весьма наглядно охарактеризовано такое состояние обязательного *всеобщего молчания* в одной из статей М. Н. Каткова. «Бывают времена¹¹ в народной жизни, — писал он в 1863 году, — когда правительство принимает характер диктатуры. При правильном ходе такой системы совершенно последовательно принимают меры к тому, чтобы никакого общественного мнения не было. Политическая печать при диктаторском управлении существовать не может. Никакого мнения о действиях власти, о началах, которыми она руководствуется, об учреждениях, которые она создает, о законах, которые она обнаруживает, *не только порицательно, но и одобрительно* не должно высказываться. Никому при этой системе не дозволяется принимать участия в деле общего интереса, и общего дела между людьми не допускается. Люди разрознены, общественных сил нет, и *нет общественного мнения*. О всех предметах общего интереса должны исключительно заботиться *официальные люди*, взятые, как *рекруты*, из общества и отделенные от него особою, совершенно замкнутою правительственною организациею, как *опричниной*».

Такова была дореформенная организация.

Обнародование Основных Положений 1862 года было явлением, указывавшим на наступление другого времени, времени, когда, говоря словами того же публициста, «обществу дается голос в делах обще-

¹¹ Замечательно, что это место статьи выпущено из сборника статей Каткова, редактированного при его жизни. Он выпустил эту часть статьи под тем предлогом, что она «была напечатана не в том виде, в каком была написана». Но биограф Каткова г. Любимов совершенно верно догадывается, что главным и истинным мотивом было коренное изменение отношения самого Каткова к идее и факту общественного мнения («Русский Вестник», 1888. № 1. С. 10–11).

го интереса, когда каждому дозволяется заявлять участие в интересах своего отечества, когда допускается свобода в выражении мнения о предметах политического, нравственного и религиозного свойства, когда печать получает и может иметь влияние, когда *пробуждаются и даже призываются к деятельности общественные силы*».

И такое именно время настало в 60-х годах!

Вот каково было значение этого, на вид скромного, но по существу очень важного мероприятия — республикования Основных Положений для обсуждения. Это был первый (участие дворян во время крестьянской реформы имело более сословный, чем общегосударственный характер, а опубликование Основных Положений земской реформы вследствие ее паллиативности не произвело никакого впечатления), хотя и скромный, но для всех очевидный акт признания и значения общественного мнения, юридической науки и публицистики. Если прибавить к сказанному, что этот акт уважения и доверия к свободным общественным силам давал право надеяться, что при дальнейшем движении судебной реформы будет допущено и содействие земства, на что намекал «День» Аксакова¹², то легко представить себе, какие радужные и бодрящие перспективы открывались для общественной самостоятельности.

V.

Если таково было значение опубликования Основных Начал для русской интеллигенции вообще, то легко догадаться, с каким восторгом и радостным увлечением встречали этот шаг русские юристы. Указанное выше Высочайшее повеление 1862 г. официально признавало значение *юридической мысли*. Обнародование Основных Положений официально разрешало юристам, даже требовало от них не боготворения, а критического отношения к предположениям правительства и *свободного* высказывания своих суждений и взглядов, строжайше воспрещенного еще указом 2 ноября 1852 г. (см. главу XVIII). Русский юрист, для которого критика закона и намерений правительства на основании указаний европейской науки и опыта была запретным плодом, впервые почувствовал себя свободным от цензурных начальственных стеснений. Едва верил своим глазам и ушам русский юрист, так долго испытывавший гнет и стеснение, шаг за шагом долженствовавший отвоевывать у цензуры каждое свое слово, каждую свежую мысль.

¹² В № от 13 октября 1862 г.

Не всякий поверит, что всего за несколько лет до судебной реформы цензор задержал сочинение, принадлежавшее нашему почетному члену, одному из корифеев судебной реформы, ныне председателю гражданского департамента Государственного совета, Н. И. Стояновскому, под заглавием «Практическое руководство по уголовному судопроизводству». И за что? За то, что автор, не ограничиваясь простым изложением содержания законов, прибавил от себя несколько соображений. И вот после такого-то гонения на юридическую мысль, после такой-то жестокой цензуры юристам громогласно говорят: отныне вы не должны считать за последнее слово юридической мудрости чахлые продукты доморощенного *законоведения* (известно, что до университетского Устава 1863 г. профессора обязаны были довольствоваться простым пересказом статей закона), что они могут говорить и писать о законах все, что внушает им совесть и жизненный опыт, и руководствоваться тем, что привыкли чтить у лучших представителей европейской юридической мысли и публицистики.

Встрепенулись и воспрянули духом наши юристы, да и как было не воспрянуть от этого громкого клича, раздававшегося по широким степям Руси, где дотоле слышалось молчание на всех языках, клича, звавшего на общее дело, на работу, имевшую целью закрепить в этой стране только что дарованную свободу учреждениям правого, милостивого и равного для всех суда. Не мудрено, что этот призыв нашел восторженный отклик во всех юристах, в которых не замерло чувство правды и гуманности. Не говоря о молодых юристах, даже самые старые служаки, давно уже отставшие от всего, что было свежего и нового в науке и публицистике, и они не в силах были превозмочь явившуюся у них под влиянием общего увлечения либерально-гуманными идеям неудержимую потребность сказать свое слово, принести свою лепту в это общее дело насаждения свободы, права и правды в этом столь недавно еще царстве рабства, неправосудия и произвола. И вот посыпались со всех концов России, начиная от Петербурга и Москвы и кончая Tobольском и Баку, замечания юристов (до 450), напечатанные впоследствии в шести больших томах.

Под влиянием этого могучего общественного воодушевления и подъема либеральных идей и стали группироваться юристы в отдельные кружки в разных местах, начиная от Петербурга и Москвы и кончая Симбирском и Керчью. В это-то благодарное время, — откуда, по прекрасному выражению предшествовавшего оратора А. И. Чупрова, идет «все, чем красна наша жизнь», — стала образовываться и та маленькая кучка или завязь юристов, из которой образовалось впоследствии Московское юридическое общество.

При таком подъеме общественных сил роль отдельных личностей бывает довольно скромна. Могучее течение, однажды возникшее, несется вперед по инерции и несет с собою всех. Смена лиц почти не имеет никакого влияния. Мы это наблюдаем и на истории нашего общества.

С разных концов Москвы, из разнообразных слоев общества собирается оно в 1862 г. около официального представителя юридической науки, около декана Московского юридического факультета С. И. Баршева. Рядом с представителем крупной буржуазии, миллионером Бостанжогло, мы видим скромного студента, будущее светило русской экономической науки, нашего уважаемого почетного члена А. И. Чупрова, рядом с профессором — скромного практика, рядом с образованным юристом — представителя старого крючкотворства. Это разношерстное собрание повинуетя властному духу времени, требующему установления и распространения в народе начал права и свободы. При таком массовом, стихийном движении и увлечении роль отдельных личностей бывает второстепенною.

В самом деле, сменяется на первых же порах, в самый момент зарождения нашего Общества, лицо руководителя: на место Баршева становится Лешков, и столь опасная в такой критический момент смена кормчего не вызывает в жизни Общества никакого болезненного потрясения.

Я этим не хочу умалить личные заслуги нашего первого председателя и бессменного руководителя в течение 20 лет деятельностью общества В. Н. Лешкова, симпатичный образ которого доселе живет между нами. Но едва ли я оскорблю память покойного Лешкова, так много и с пользою потрудившегося впоследствии на пользу Московского юридического общества, если я скажу, что возникновением своим оно более обязано либерально-гуманным веяниям 60-х годов, нежели личным усилиям того или другого учредителя. Этот красноречивый и неутомимый поборник личной свободы, начал свободной общественной самодеятельности и самоуправления, этот горячий защитник права и правды, свободы слова и мысли, свободы совести и ассоциаций — едва ли бы стал спорить против той мысли, что именно этим великим и необходимым для правильного развития личности и общества началом и обязано своим происхождением наше юридическое общество.

И действительно, мы едва ли не вправе сказать, что гений свободы парил над колыбелью нашего Общества, вызванного к жизни освобождением крестьян от крепостной зависимости и последовавшим вслед затем стремлением освободить русскую жизнь и русскую мысль от язв и пут дореформенного строя жизни.

Вот как мы, младшее поколение нашего Общества, представляем себе его возникновение по дошедшему до нас преданию!

Быть может, сложившееся у нас представление не совсем точно, но в существе своем едва ли оно ошибочно.

Но noblesse oblige! Такое высокое и благородное происхождение также ко многому обязывало и обязывает Московское юридическое общество.

Возникнув при расцвете и торжестве идеи свободы, права и гуманности, оно обязано было служить им всегда с неизменной преданностью и в особенности в те печальные времена одичания и шатания мысли, когда эти идеи подвергаются осмеянию и даже гонению со стороны невежд и обскурантов.

Не нам, конечно, лицам, более или менее прикосновенным к деятельности юридического общества, судить, насколько оно удачно выполнило свою высокую миссию в смысле положительном; но мы можем, не греша против скромности и справедливости, заявить, что оно свято блюло свои заветы в смысле отрицательном. Если, быть может, оно не всегда делало, что могло и должно было делать, то на верное можно сказать, что в том, что оно делало доньше, ни один и притом самый строгий судья не найдет следов измены его знамени и традициям. Это, конечно, немного. Но в наш жестокий и одичалый век, в наше беспринципное и «пестрое» время и это немногое тоже имеет, смею думать, некоторую цену.

Дозвольте, мм. гг., высказать пожелание и надежду, чтобы Московское юридическое общество, донесшее незапятнанным до конца первой четверти — и какой четверти! — века своего существования свое знамя, осталось верным и в будущем своим высоким и благородным традициям и тем оказалось достойным того великого учреждения, которое приютило его под своею сенью в труднейшее время его жизни, и под гостеприимным кровом которого чествуем мы сегодня наш скромный праздник. Да сохранится и в будущем непрерывною эта дорогая и столь плодотворная для нашего Общества связь с древнейшим рассадником русского просвещения — связь, которая не мало облегчала юридическому обществу верное служение его славному и честному знамени права и свободы в переживаемое смутное время, когда

... вдруг стало неизвестно:

Что́ глупо, что́ умно, что́ честно, что́ бесчестно¹³.

¹³ Стихотворения Жемчужникова, I. С. 174.

P.S. Во время Пушкинских празднеств 1899 г. председатель Московского юридического общества С. А. Муромцев прочел в заседании Общества любителей российской словесности приводимый ниже адрес по случаю столетия рождения Пушкина. Вслед за этим последовало распоряжение мин. нар. просв. Н. П. Боголепова о закрытии юридического общества. Если верить «*Московским Ведомостям*», Общество пострадало за несочувствие реакционному направлению 80–90-х годов. Вот этот адрес:

«Московское юридическое общество в настоящий торжественный день присоединяет свой голос к общему хору приветствий. В историю гражданского развития нашего отечества неизгладимыми чертами вписано, как среди общества, печально поражавшего чуткую совесть великого народного поэта своим презрением к мысли и равнодушием ко всякому долгу, справедливости и правде, звучал героический гимн, посвященный красоте и человеческому достоинству. Проникнутый с юности мечтами о просвещенной свободе и законности, как лучших опорах государственного порядка, не щадил поэт своих гигантских усилий пробудить современную ему толпу от позорного сна, ударяя с неведомою силою выстраданным стихом по людским сердцам, хотя и без надежды найти в них немедленный отклик своему тяжкому сердечному стону. Но этот стон был стоном почуявшей свою силу русской личности. Борьба, вынесенная Пушкиным, была борьбой личности за независимость и свободное развитие. Великий поэт был могучим провозвестником русского возрождения. Празднуя ныне память поэта, мы торжествуем вместе с тем победу, одержанную русскою личностью над рутинною жизни и властной опеки».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ

«ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ»

(МАРТ 1866–1891 ГГ.)

В марте 1866 г. вышла *первая* книга возобновленного историко-политического журнала «*Вестник Европы*», издателем и ответственным редактором коего состоял и состоит бывший профессор С.-Петербургского университета М. М. Стасюлевич¹, а ближайшим сотрудником был отставной профессор того же университета Н. И. Костомаров.

Большие журналы наши не живучи, и из нынешних наших так называемых толстых журналов ни один² не может соперничать с «*Вестником Европы*» относительно старшинства. Знаменитых же ветеранов — «*Современника*», «*Отечественных Записок*» — давно уже нет на свете. Двадцатипятилетняя годовщина почтенного петербургского журнала составляет крупное и отрадное явление в общественной жизни ввиду того выдающегося положения, которое он с самого начала занял в современной русской журналистике, где он ныне занимает, по общему признанию, исключительное, первенствующее место не только по возрасту, но также по влиянию и нравственному авторитету. Верность принципам, живая отзывчивость на вопросы дня, всегда серьезное отношение к ним, спокойный, исполненный достоинства тон, добросовестное и неизменно приличное отношение даже к самым недобросовестным и нечистоплотным литературным противникам — таковы всем известные качества этого журнала, стяжав-

¹ М. М. Стасюлевич покинул в конце 1861 г. университет вследствие столкновения с администрацией одновременно с профессорами К. Д. Кавелиным, Б. И. Утиным, А. Н. Пыпиным, В. Д. Спасовичем и ректором П. П. Плетневым. См. «За много лет» В. Спасовича. С. 39.

² Существующий с 1859 г. «*Русский Вестник*» с 1887 г. после смерти М. Н. Каткова издается под новую редакцию.

шие ему громкую и прочную известность и сочувствие среди весьма значительного круга читателей, а также общее уважение не только среди друзей, но и врагов. Здесь не место делать общий обзор и подводить итоги истекшей двадцатипятилетней плодотворной деятельности петербургского журнала: для этого пришлось бы коснуться истории русской общественной мысли за истекшее двадцатипятилетие. Ограничимся только указанием того исторического момента и тех исторических обстоятельств, при которых появилась первая книга *«Вестника Европы»*, и той задачи и публицистической программы, которую он взялся выполнить на своей исторической чреде.

I.

Если сравнить первую книгу за первый год *«Вестника Европы»* с теперешними ее книгами, то различие окажется немалое. За той же традиционной обложкой кирпично-красного цвета с порталом-виньеткою, составленною Шарлеманом, мы находим том, по объему и содержанию сильно отличающийся от нынешних книг *«Вестника Европы»*. Вы имеете пред собою большой том в 40–41 лист, выходящий, наподобие некоторых английских обзоров, не ежемесячно, а по четвертям, т. е. по четырем временам года, приблизительно около 9 числа. Еще больше бросается в глаза различие при сравнении содержания книг. Вот, например, содержание первой мартовской книги 1866 г.: «Смутное время» Н. И. Костомарова, «Первая эпоха преобразований Александра I» М. М. Богдановича, «Русская колонизация в Северо-Западном крае» С. В. Ешевского, «Средневековой историк и отношение его к своему обществу» М. М. Стасюлевича, «Пугачевщина» Д. Л. Мордовцева, «Ломоносов и реформа Петра» О. Ф. Миллера, новейшая история Австрии, литературная хроника – обзор книг и статей по русской истории за 1865 г., педагогическая хроника, историческая хроника, земское обозрение Н. Ф. Крузе, экономическое обозрение М. Н. Колюпанова, иностранное обозрение, новости исторической сцены П. В. Анненкова и, наконец, археологическая заметка о постановке «Рогнеды» В. В. Стасова.

В том же духе были составлены и другие книги. Таким образом исключались поэзия, беллетристика (кроме исторических романов), естествознание, и журнал носил характер специально историко-политического и даже, скорее, чисто исторического издания.

Само собою разумеется, такое содержание книги не могло быть и не было делом случая, а являлось результатом сознательно принятой программы. Ключом к ней были две даты, поставленные

на фронтисписе обложки нового журнала — 1802 и 1866 гг. Первая дата указывала на год основания Н. М. Карамзиным журнала «*Вестника Европы*», вторая — на год возрождения его. Этими двумя числами обозначались некоторым образом характер, направление и маршрут журнала. «Прежде всего мы желали бы, — заявляла редакция, — самым выбором такого названия почтить память нашего достойнейшего историка в тот год, когда время открытия нового исторического журнала совпадает с первым столетним юбилеем его рождения. Таким образом, возобновляемый ныне «*Вестник Европы*» вступит в ³тридцатый⁴ год своего существования, но будет действовать по своей программе, которая хотя и отступает от первоначальной его задачи, как журнал главным образом политического, но зато, может быть, ближе подойдет к настоящему значению самого своего основателя, который, оказав сначала России услугу как публицист, приобрел потом бессмертие как историк. Н. М. Карамзин перешел скоро от политики к исторической науке; пусть же последует теперь за своим основателем в ту же область и самый его журнал, посвящаемый ныне *историко-политическим* наукам, как *главной* основе всякой политики»⁵.

Но ошибочно было бы думать, что журнал, становившийся под знамя Карамзина и принимавший название его журнала — «*Вестник Европы*» — понимал следование истории в смысле *рабского* преклонения пред авторитетом старины или самого Карамзина в смысле слепого почитания старинных форм общежития. Как бы желая с первых же шагов своей деятельности устранить всякий повод к недоразумению, редакция вслед за вступительной редакционной заметкой поместила в виде дополнения к ней письмо известного друга Пушкина, П. А. Плетнева, незадолго перед тем оставившего одновременно с г. Стасюлевичем и другими профессорами Петербургский университет, где он был в течение 20 лет ректором. В письме от 23 декабря 1865 г.⁶ в ответ на приглашения о сотрудничестве Плетнев писал, между прочим, следующее:

«Прочь авторитеты, повторял несколько раз в статьях своих один писатель, принимавшийся, подобно вам, за издание нового журнала. Авторитет представлялся ему в виде обидного для всех кумира, по-

³ С 1803 по 1830 гг. «*Вестн. Европы*» выходил под редакциею Жуковского и Каченовского.

⁴ С 1803 по 1830 гг. «*Вестн. Европы*» выходил под редакциею Жуковского и Каченовского.

⁵ С. VI. Т. I. «*Вестн. Европы*», 1866.

⁶ Плетнев умер в Париже 29 декабря того же года.

ставленного на подножие, с которого пришло время сбросить его... Вы думаете иначе... Итак, не все и не всегда смотрели враждебно на авторитеты, которых *отличительный* характер состоит именно в том, что они, не изменяя внутреннего своего достоинства, оставляют каждому *свободный путь труда*... Не их вина, если писатель иногда рабски тянется в каждой черте по чужим следам, не чувствуя, что он не только не воссоздает ничего творческого, но и разрушает его в основании. Авторитет, какого бы он ни был времени, в отношении к нам то же, что природа. Он животворит нас и вдохновляет, не связывая наших сил и не налагая на нас обязанности бездушного повторения».

Указав затем на громадные заслуги Карамзина в литературе и науке, Плетнев замечает, что тем не менее нельзя за ним следовать рабски, что необходимо полное обновление. «Жизнь и мысль народа, говорит он, не могут остановиться. Как самое время, они беспрерывно мчатся вперед. Окружаемые при этом движением всем новым, мы прошлому отводим место в истории, подчиняясь в настоящем *властительству новых сил*... Пути направления мыслей разветвляются и расширяются. Источники новых исследований и воззрений безостановочно открываются и заставляют перерабатывать часто вековые идеи». Плетнев одобрял вполне намерение редакции обрабатывать каждый отдел не иначе, как «по требованиям господствующего направления».

Отношение свое к современному, при появлении первой книжки «Вестника Европы», направлению журнал определяет так: «Отношение нашего журнала к духу современной образованности определяется легко само собою господствующим ныне направлением. Мы являемся пред публикою, оставляя позади себя маловыгодное время вообще для всех *гуманных наук*: естествознание как вследствие внутреннего достоинства своего точного и наблюдательного метода, так и вследствие крайней слабости у нас гуманного образования, заняло *первое* место в ходе нашего умственного просвещения. Никто более нас не радовался бы этому, отдавая всю справедливость просветительному значению естествознания, если бы мы не сознавали вместе с тем, что у нас в той же мере *ослабло* изучение явлений нашего духа, каковы *философия, филология, история*, между тем такое изучение должно было бы сделаться *еще более настоящим*, именно *вследствие успеха* естественных наук. Последние могут оставаться бесцельными, если продолжая постоянно стремиться из себя во внешний мир, мы никогда не захотим вернуться от внешней природы к самим себе, чтобы сделать новый шаг в самосознании и подвести общие итоги

своим опытным сведениям. В этом отношении историческая наука способна оказывать нам большую услугу».

Являясь органом научной разработки историко-политических наук, новый журнал должен был точно указать свое отношение к общечеловеческой истории и культуре, что должно было служить дальнейшим разъяснением его программы и публицистического направления. «Мы не подразделяем, — заявляла редакция, — в своем журнале каждого отдела на рубрики по предметам отечественной и всеобщей истории уже и потому, что у нас всеобщая история займет место главным образом настолько, насколько она, так сказать, является сама *второю* отечественною историей или, как выразился Жан-Батист-Вико, говоря, что всеобщая история называется *всеобщею* потому, что она предполагает во всех народах *общую* человеческую природу. Нет такого великого народа, который не считал бы человечество своею второю родиною, и чем выше предназначение какого-нибудь общества, тем родство его с человечеством ближе и живее. *Никто* не имел притязания считать, например, *христианство* явлением, принадлежащим исключительно одному какому-нибудь из великих современных народов; то, что называется *классическою* стороною в настоящей европейской образованности, также не есть исключительная принадлежность какой-нибудь новейшей европейской национальности; феодализм, монархия, парламентаризм вытекают скорее из общей всем народам природы, нежели из духа римских учреждений и древней германской образованности, ибо влиянию тех идей подчиняются не одни германские и романские, но и вообще все народности».

II.

Предпринимая широкую всестороннюю разработку историко-политических наук, «*Вестник Европы*» с самого начала уделяет серьезное внимание вопросам, «которые связывают науку и жизнь, вытекая из первой и сильно воздействуя на последнюю», т. е. вопросам народного образования и общественного воспитания. С этою целью журнал заводит особую «педагогическую хронику», в которой трактуются как вообще педагогические вопросы, так и в частности вопрос о преподавании истории. Свою основную *profession de foi* журнал выражает в первой же книге в следующих положениях: «В прошедшем сделано все или почти все, что можно было совершить в области народного просвещения правительственным путем; то, что оставалось бы осуществить в нашей истории, может быть сделано общественными силами, а эти силы слабы без известного капитала

знания и образованности; в основе народного образования должны лежать *народные школы*».

Журнал, написавший на своем знамени разработку гуманитарных наук, в видах устранения одностороннего увлечения естественными науками, eo ipso не мог не обратить серьезного внимания на обострившийся в то время (1866 г.) вопрос о классицизме и реализме. Тщательная и добросовестная разработка этого вопроса, продолжавшаяся почти без перерыва в течение 25-ти лет, составляет едва ли не одну из главнейших заслуг этого почтенного журнала пред русским просвещением. Вопреки уверениям защитников нашего современного грамматического псевдоклассицизма, «*Вестник Европы*» не был *никогда* противником классицизма в истинном его смысле. Такое положение, априори несовместимое с рельефно выставленной задачей нового журнала противодействовать одностороннему увлечению естествознанием, опровергается а posteriori всею деятельностью журнала. «*Вестник Европы*» ратовал и ратует «против мертвой школы» схоластического классицизма, а не против самого гуманитарного классицизма. Чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно взять *последнюю*⁷ книгу за 1891 г., и в ней мы увидим, что «*Вестник Европы*» ратует не против классицизма вообще, а против неудачной постановки его у нас, ныне более или менее всеми признаваемой. Не лишено назидательности, что точно такую же точку зрения защищал журнал в *первой* своей книге, вышедшей 25 лет тому назад, в марте 1866 г., и возражавшей против крайности как классицизма, так и реализма. В первой же педагогической хронике проводится та мысль, что не в классицизме или естественных науках главная воспитательная сила, а в *разумной постановке* преподавания. Журнал восстает не против насаждения у нас классицизма, а против привития его искусственными мерами и монополизацией в его пользу всего среднего образования, а также против «мистического увлечения латинскою грамматикою». Журнал с горечью констатировал еще в 1866 г. патологическое явление, ставшее ныне очевидным для всех: «У нас учат латинскому языку, а классического образования в обществе нет».

В этой же хронике нелишне отметить, как далек был с самого основания «*Вестник Европы*» от слепого преклонения пред Западом. Говоря о преподавании истории, журнал замечает, что недостаточно ссылаться на авторитет западных школ: при подражании им следует переносить к нам не формы, выработанные там под влиянием того или другого течения общественного ума, но внутренний их смысл,

⁷ «*Вестник Европы*», 1891. № 3. С. 417–422.

который должен у нас приискать *свои* формы и ответить на *наши живые* потребности.

Весьма своеобразно и здраво определял журнал свое отношение к текущим событиям и злобам дня. Заведя для них «историческую хронику», «*Вестник Европы*» исходил из этой мысли, что современная историческая жизнь представляет много случаев для научных наблюдений над живыми обществами и служит вместе с тем средством для проверки тех общеисторических законов, которые выводятся из опытов над отжившими обществами и народами. Подобно тому как в прошедшей истории журнал предполагал останавливаться не на одной политической истории, не на одних внешних событиях и официальной стороне жизни, так и в событиях текущей жизни он имел в виду следить за внутреннею жизнью общества, за теми идеями и течениями, которые циркулируют в обществе и влияют на практику жизни.

В исторической хронике первое место отвел «*Вестник Европы*» «земскому обозрению». «Стоя посредине между прошедшим и будущим нашей истории, — говорит обозрение, — это учреждение, весьма естественно, не могло явиться без того, чтобы, с одной стороны, не понести на себе следов прежнего порядка вещей, который произвел земство как бы вследствие сознания своей несостоятельности и, так сказать, вследствие отрицания самого себя; с другой стороны, будущее возложило свои надежды на то же земство и желало в нем видеть, по крайней мере в зародыше, возможность своего существования. Хотя нововведение было вызвано неудовлетворительностью прежнего канцелярского порядка в управлении народным хозяйством, но тем не менее устройство нововведения пришлось по необходимости поручить тому же канцелярскому порядку и руками, *признанными за неискусные*, учреждать то, что должно будет их заменить. А потому Полож. о земск. учрежд., составленное канцелярским порядком, могло понести на себе известные предвзятые формы, без близкого отношения к жизни, малоизвестной бюрократизму».

После появления первой книги «*Вестника Европы*» выражено было в печати недоумение по поводу того, что «*Вестник Европы*» не счел нужным точнее обозначить свое направление, примкнуть всецело к тому или другому из существовавших литературных лагерей. Но, заканчивая свой первый год, журнал продолжал настаивать, что его главная задача — оживление в публике интереса к историко-политическим наукам, сильно ослабевшего в последнее время, что рядом с изучением природы должно идти изучение человеческого духа во всех его направлениях. «Идя на всех парах вперед, —

сказано в редакционной заметке, — отыскивая новые формы для новых идей, мы должны особенно часто оглядываться на пройденный нами путь, справляться с историей прошедшего. Но и при этом не должно забывать превосходных слов нашего историка Н. М. Карамзина в письме к Тургеневу: «Жить есть не писать историю, не писать трагедию или комедию, а как можно лучше *мыслить, чувствовать и действовать*»⁸.

III.

В своем первоначальном виде, более или менее специального научно-исторического издания, «*Вестник Европы*» выходил в течение двух лет, в 1866–1867 гг. С 1868 г. он, оставаясь преимущественно историческим журналом, принял тот вид и характер наших больших литературно-политических журналов, который он сохраняет доселе. 1 января 1868 г. вышла первая книга журнала в преобразованном виде, и с тех пор каждое первое число, за исключением случаев, оправдываемых форс-мажором, «непреодолимою силою»⁹, в Петербурге появляются книги «*Вестника Европы*» с необычно у нас пунктуальностью. Первое чисто беллетристическое произведение, появившееся в журнале, был рассказ Тургенева «Бригадир», напечатанный на первом месте январской книги за 1868 г.

Являясь в преобразованном виде пред большою, неспециальною публикою, «*Вестник Европы*» должен был *volens nolens* завести речь о направлении журнала, хотя она, очевидно, была не по душе редакции его, не сочувствовавшей вообще широко вещательным, голословным заявлениям, часто не оправдываемым на деле. «Наше общество, — сказано в редакционном заявлении 1868 г., — прожило эпоху журнальных „направлений“, когда все, как верстовые столбы, занимались указанием пути, и, как верстовые столбы, все оставались на месте, если только не двигались назад. Мы не существовали в ту эпоху и могли потому вместе с другими только читать различные направления: направо, налево, назад, вперед. Наступила эпоха недоверия к направлениям; читатели стали догадываться, что „направление“ в журналах есть только *фраза*... Кончилось тем, что журналы потеряли свое значение, хотя и сохранили прежние имена...»

⁸ «*Вестник Европы*», 1866. № 1.

⁹ «*Вестнику Европы*» даны были предостережения три раза: первое в 1871 г., второе — в 1873 г. и затем еще раз первое в 1889 г. Журнал запаздывал с выходом, по цензурным условиям, несколько раз.

«Между тем, — говорит далее редакция, — жизнь нашла себе другой исход, *другие школы*, и в числе таких школ явились *публичные суды*. Там общество начало читать новые безыскусственные романы; пред его глазами развивалась драма и высокая комедия, написанная самою жизнью, и общество не ограничивалось при этом ролью зрителя: его призывали к строгой критике, в основе которой должна лежать совесть, а над всем этим раздался голос судьи, который всем указывал одно направление и требовал: *правды, одной правды*. Возникла у нас в это последнее время и другая общественная школа, это — *земские учреждения*: они заставили нас своими руками коснуться самих вещей, принять на себя ответственность за их целость и выслушать другое требование: *дела, одного дела!* Новое требование от нас „правды“ может быть удовлетворено развитием общественной совести, а для дела нужно обогащение и воспитание мысли». В стремлении стать орудием к тому и другому «*Вестник Европы*» просил видеть его направление, считая излишним ставить какое-нибудь «прилагательное» к направлению. «Наше направление, — говорит в заключении журнал, — *есть труд, дело, знание*; наше направление и до сих пор можно было признавать настолько, насколько мы обнаруживали труда, знания, и потому мы адресуем отыскивающих наше направление к оглавлению журнала за год».

Таким образом, «*Вестник Европы*» возражал не против необходимости иметь определенное „направление“ вообще, без которого не может обойтись ни одно сколько-нибудь сознательно ведомое политико-литературное издание, а только против «направлений», выражаемых одними общими фразами, могущими покрыть и не раз прикрывавшими несоответственное им содержание. Хотя в таком строго выдержанном, в смысле направления, журнале, как «*Вестник Европы*», все статьи его более или менее служат выражением направления его, но главным источником для распознавания направления редакции, как известно, служат ежемесячные обозрения. С январской книги 1868 г. стала появляться ежемесячно рубрика «Внутренняя политика», замененная с октября того же года названием «Внутреннее обозрение», в котором читатели «*Вестника Европы*» привыкли видеть самую обстоятельную разработку текущих вопросов внутренней политики. С марта 1882 г. в дополнение к нему стала появляться заведываемая знаменитым публицистом К. К. Арсеньевым новая рубрика «Из общественной хроники», посвященная обзору наиболее животрепещущих событий дня. Как тот, так и другой отделы вместе с литературно-критическим отделом, заведываемым доблестным ветераном русской журналистики А. П. Пы-

пинам, настолько ясно обозначали пред обществом литературную физиономию журнала, что ему теперь нет более надобности отсылать для ознакомления с направлением к оглавлению журнала за год или даже за двадцатипятилетие.

Если ознакомление с только что вышедшим объемистым каталогом «*Вестника Европы*» за 25 лет в полтораста слишком страниц поучительно, то не столько для ознакомления с направлением журнала, и без того теперь для всех ясным, сколько для констатирования той массы труда и энергии, с которою журнал стремился проводить, несмотря на всякого рода неблагоприятные обстоятельства, свою программу «дела» и «правды», программу преобразовательной эпохи; для констатирования той выдержки и настойчивости, с которою он отстаивал и отстаивает дело русского просвещения от разнообразных врагов его, начиная с первого года своего появления и до наших дней, можно сказать, до самой последней мартовской книги, где журналу приходится «с горечью и со стыдом выступить на защиту азбучных истин», на защиту общечеловеческого образования ввиду навалившегося ныне с разных сторон обскурантизма¹⁰. Сличая содержание первой мартовской книги «*Вестника Европы*» за первый год с мартовской же книгою, вышедшею через 25 лет, нельзя не заметить, что в последней приходится, к сожалению, журналу *повторять* почти те же азбучные истины науки и общежития, которые указаны в первой. Укажем хотя бы на предостережение, высказанное журналом еще в 1866 году, от «мертвой школы классицизма». То же самое можно бы отметить и по вопросу о необходимости размножения народных школ всякого рода¹¹ и по многим другим, столь же элементарным вопросам. Из этого, конечно, нельзя сделать вывода, что истекшее двадцатипятилетие прошло даром для русского самосознания и усилия почтенного журнала были бесплодны, а только тот, что еще много и много остается сделать для очищения и просветления общественного сознания.

В заключение настоящей справки нельзя не указать еще на одну сторону двадцатипятилетней безукоризненной публицистической деятельности «*Вестника Европы*», составляющую не последнюю из его заслуг пред русской литературою и обществом: это — безусловная *порядочность* и редкая *терпимость*, которым, по общему признанию, ни разу не изменил этот журнал за все время своего существо-

¹⁰ См. статью В. С. Соловьева «Идолы и идеалы». «*Вестник Европы*», 1891. № 3. С. 367.

¹¹ См. мартов. книгу «*В. Е.*» за 1866 год, с. I и мартов. книгу *В. Е.* за 1891. С. 408.

вания, несмотря на все озлобление и неразборчивость в средствах борьбы, отличавшие его литературных противников, несмотря даже на то, что «безграмотная наглость и зазорное корыстолюбие в журналистике», на которые жаловался в 1830 году уходящий редактор «*Вестника Европы*» Каченовский, далеко не исчезли и после возобновления этого журнала в 1866 году.

В основе своей литературной критики и полемики, получившей, в особенности в последние годы, такие крупные размеры и значение, «*Вестник Европы*» в первой же книге поставил себе такой принцип: «Не следует забывать правила, что с книгами нельзя обращаться хуже, чем мы привыкли и условились обращаться с людьми в наших ежедневных столкновениях и встречах в обществе». Когда по выходе первой книги один из журналов указал в своем приветствии на то, что «*Вестник Европы*», подобно Карамзину, послужит «самостоятельно, благоразумно и благородно» русской науке и литературе, «*Вестник Европы*» отвечал следующими скромными словами: «Мы не имеем ни малейшего права делать какое-нибудь *исключительное* притязание на разумное и благородное служение русской науке и литературе и на самостоятельность как на качества, которыми мы желали бы *отличиться* от прочих органов печати; все это составляет, по нашему убеждению, общее достояние *всех* журналов; все имеют право делать на то притязания; едва ли найдется такой орган печати, который, по крайней мере, сам не был бы убежден, что он действует честно»¹².

¹² 16 ноября 1897 г. в Петербурге происходило чествование 50-летия литературно-научной и общественной деятельности М. М. Стасюлевича, заведывающего петербургскими городскими училищами. Приветствия приносились в сооруженном по мысли М. М. здании училищного дома, где помещаются несколько училищ. Отклоняя с обычной своею скромностью размеры своих заслуг, М. М. между прочим в ответной речи сказал:

«Между тем эта аксиома “нет действия без причины” есть причина и этому празднику, и она такова, что нельзя не радоваться ее существованию. Такою причиною служит вовсе не моя личность; эта причина находится в эту минуту в среде самого собрания, которое я вижу пред собою. Но, конечно, при этом и на мою долю выпало немалое счастье, которым, впрочем, могут свободно пользоваться все, кто родился вместе со мною в самом конце первой четверти ныне истекающего века. И я с ними также дожил, наконец, до таких дней, когда *народное просвещение*, этот единственно солидный устой *образованности* в каждой стране, дождался своей очереди и даже, как будто, теснится на ближайшую очередь, находясь у всех не только на языке, но у весьма многих и на уме; в эту же минуту и в нашем собрании под кровом народного учи-

Часто ли можно встретить и в более развитой европейской публицистике такое беспристрастное, истинно джентльменское отно-

лища я уверен, что народное просвещение составляет даже преобладающую над всем мысль. Нам скажут, однако, что наше русское *образованное* общество ни в чем не уступит любому образованному обществу в какой бы то ни было стране; мы давно имеем в среде этого общества отдельные личности, которые стоят — в литературе, науке, искусстве — наряду с лучшими их представителями на Западе; в последнее время наших писателей начали переводить на иностранные языки; пожалуй, Льва Толстого читают за границей если не более, то и не менее, чем в его отечестве; по выражению же одного из поэтов прошедшего столетия, мы имели уже тогда “собственных Ньютонов”. Но этим кончается сходство и равенство нашей образованности с западноевропейскою, и тут же начинается громадная разница. В то время, когда на Западе образованность является опирающеюся на широком базисе народного просвещения, у нас она представляет, так сказать, базис в обширной пустыне народного невежества, — светлое, даже яркое пятно на темном его фоне... Для измерения материального, физического благосостояния и благоустройства избирают обыкновенно мерилom промилле смертности в городе или в целой стране и говорят, что там, где она превышает 30 на 1000 промилле, там и для здоровых субъектов жизнь делается небезопасною, и, наоборот, где смертность падает ниже 20, там и слабое здоровье найдет себе подкрепление, не говоря уже о здоровых организмах. То же самое можно сказать и о просвещении: там, где % безграмотности особенно высок, умственная смерть рано поражает людей, и им остается жить только для того, чтобы дожидаться наконец и физической смерти. А мы едва возвышаемся, — не по образованности, а по народному просвещению, — над странами, которые мы сами же считаем малокультурными. Просвещение может справедливо называться народным только там, где оно не ограничивается тем, что заимствует у народа свой эпитет, но где весь народ делается его участником и пользуется благами просвещения нераздельно, как все мы нераздельно пользуемся такими благами, как воздух и свет. Мне думается, что такие мысли начинают в наше время разделяться многими и многими; особенно они должны приобрести интенсивность в таком собрании, каково настоящее; и вот эти мысли искали себе исхода, простого повода, чтобы высказаться, а потому для меня теперь сделалось совершенно понятным, что даже и я мог послужить таким поводом к настоящему празднику. Конечно, для меня лично представляет много лестного уже и то, что случайное событие в моей жизни могло послужить поводом к выражению любви, воодушевляющей такое высокообразованное собрание, как настоящее, к народному просвещению... В таком, однако, деле и при его настоящем положении недостаточно даже и любви, необходима страсть

Г. А. ДЖАНШИЕВ

шение к своим собратиям по перу? Насколько оно было заслужено и оправдано противниками «*Вестника Европы*», особенно, когда,

*Как власть имеющий, возник
Из нас газетный временщик,
Литературный Аракчеев,*

это другой вопрос.

к делу народного просвещения. Я вовсе не опасюсь, что и эта страсть, как и все страсти, может оказаться скоропреходящею, лишь бы над нами исполнился завет одного из великих германских поэтов: «Die Leidenschaft flieht, — die Liebe muss bleiben!» («*Вестн. Евр.*», 1897. № 12).

Х.

ДЕЯТЕЛИ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЭПОХИ

*Подумать – страх берет, что ныне меньшинство,
Покуда верное гражданственным началам,
Уж представляется явлением запоздалым.
Таков переворот. Чем объясним его?
Что возбуждает в нас враждебность и сомненье
Иль барщина честней свободного труда?
Иль мрак невежества полезней просвещения?
Бессудье ль правильной суда?..
Та проповедь средь нас опасностей полна,
Что будто бы они¹ с порядком несовместны;
Порядка верный страж – тот в наши времена,
Кто их последователь честный.*

А. Жемчужников

*И до конца я веры не утрачу,
Что озарит наш мир любви и правды свет.
Пусть я здесь, как в море капля, значу,
Но каждый честный бой оставить должен след.*

А. Плещеев

¹ «Святые начала», т. е. принципы преобразовательной эпохи.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

КОРИФЕЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

С. И. ЗАРУДНЫЙ²

† 18 ДЕКАБРЯ 1887 г.

*Когда они, без воли и без сил,
Не будут твоему внимать глаголу,
С высот своих ты властно им кричи!
Окованных невежеством и страхом
Заставь ты их расстаться с тьмой и прахом
И смелому полету науки!*

Жемчужников

*Первый отпечатанный экземпляр Судебных Уставов по праву вручается
С. И. Зарудному, как лицу, которому судебная реформа в России более дру-
гих обязана своим существованием.*

Из резол. госуд. секр. В. П. Буткова

К 30-летию Судебных Уставов 20 ноября 1864 г. уместно будет напомнить в общих чертах³ о плодотворной деятельности одного из самых видных и типичных представителей блестящей плеяды гуманно-либеральных богатырей эпохи великих реформ 60-х годов, Сергея Ивановича Зарудного, принимавшего, по должности статс-секретаря Государственного совета, деятельное и сердечное участие во всех великих реформах вообще, в особенности же в судебной, которой он был самым убежденным руководителем, пламенным вдохновителем и неутомимым тружеником, словом, истинным ее корифеем.

² В настоящий обзор внесены только некоторые из деятелей преобразовательной эпохи, скончавшихся в 90-х гг. Исключение сделано только для Буцковского и Н. Милютина.

³ Более подробные сведения см. в книге моей «С. И. Зарудный и судебная реформа». М., 1888.

Зарудный родился 17 марта 1821 г. Он происходил из старого украинского обедневшего дворянского рода, представители коего, не чуждые французской литературе и эстетическим интересам, платили дань рационализму и вольнодумству XVIII века. Деду Зарудного, Андрею Елисеевичу, принадлежала значительная часть Харьковской губернии; отец же его, Иван Андреевич, унаследовал немного и был стеснен в средствах. Владея небольшим имением в Купянском уезде, И. А. тем не менее довольно усердно платил дань двум наследственным страстям: любви к книгам и цветоводству. Со стороны матери С. И. Зарудный происходил от харьковского же дворянина Михаила Матвеевича Куликова, известного своими чудачествами.

С детства Зарудный обращал на себя внимание своими недюжинными способностями, особенно к математике, трудолюбием, аккуратностью, твердостью характера, серьезностью и любознательностью. В отличие от своих предков, для которых излюбленная карьера была военная служба в гвардии и армии, Зарудный, влекомый врожденною любознательностью, пожелал сделаться моряком. Случайное обстоятельство (ошибка в метрическом свидетельстве) помешало ему, к счастью, поступить в морской корпус, что, наверное, отклонило бы его в сторону от той деятельности, которая принесла столько пользы России и прославила его имя. Зарудный стал готовиться к ученой карьере математика. С 14-ти лет предоставленный самому себе, живя в чужом городе, в Харькове, Зарудный без учителей стал готовиться к университету, претерпевая порою сильную материальную нужду, которая не покидала его и в университете.

В 1842 г. он окончил курс в Харьковском университете со степенью кандидата математики. Во время прохождения университетского курса живой, пылкой, впечатлительный хохол, не зарываясь по уши в свою специальность, живо интересовался современной русскою литературою, в которой в это время, в конце 30-х годов, уже расправлял свои крылья мощный властитель дум людей 40-х годов, великий деятель русского просвещения и общественного развития В. Г. Белинский. Благодаря знанию нескольких иностранных языков (французского, английского, немецкого, итальянского), Зарудный близко ознакомился и с иностранными литературами и немало увлекался господствовавшими в то время романтизмом и идеализмом, из коих последний на всю жизнь оставил в нем глубокий след.

В 1842 же г. Зарудный приехал в Петербург, намереваясь поступить на штатную должность астронома в Пулковскую обсерваторию, но судьба распорядилась иначе, и этот звездочет *in spe* вдруг неожиданно очутился вместо обсервационной башни в потемках пе-

тербургских канцелярий, под начальством самого мрачного и черствого представителя старой бюрократической системы, министра юстиции гр. В. Н. Панина. 24 апреля 1843 г. Зарудный был назначен старшим помощником столоначальника, и дальнейшая судьба его была решена: он сделался департаментским чиновником. Но живая, талантливая натура, не остывающий интерес к науке и к литературе, — где с переездом Белинского в Петербург уже слышалась, преодолевающая все тиски цензурные, могучая проповедь человечности и сострадания к меньшей братии, — предохранили Зарудного от опасности сделаться сухим и узким бюрократом, а счастливая случайность поставила его сразу в условия, крайне благоприятные для подготовки его к будущей важной роли в проведении судебной реформы.

По какой-то действительно редкой и любопытной игре случая, первая бумага, которая была составлена и подписана С. И., был циркуляр министра юстиции о собирании данных для преобразования гражданского процесса. Начальник II отделения Е. И. В. канцелярии гр. Блудов, задумав это дело, просил гр. Панина собрать отзывы председателей и прокуроров судов о недостатках действующих гражданских процессуальных законов. Скрепка этого циркуляра была первою точкою соприкосновения Зарудного с этим первым зародышем судебной реформы, дальнейшее участие в которой составило главный подвиг его жизни и с которою он более не разлучался в течение 26 лет вплоть до конца 1868 г., когда он был насильно отторгнут благодаря проискам реакции и к общему сожалению всех друзей нового суда.

II.

Понемногу стали поступать ответы от судебных деятелей на упомянутый циркуляр министра юстиции. Тогда как ближайшее и высшее начальство Зарудного не обращало никакого внимания на ценные сведения, поступившие от практиков, наблюдательный юрист-самоучка крайне заинтересовался новыми явлениями судебно-правовой жизни, открывшимися перед ним во всем своем разнообразии и сложности, что принесло ему громадную пользу. В своих воспоминаниях⁴ Зарудный так передает значение этой стадии своих работ: «Моя обязанность по поводу переписки о судебной реформе ближе всего подходила к обязанности почтальона: я должен был вскрывать пакеты, адресованные на имя графа Панина, от разных практиков о несовершенствах наших законов гражданского судопроизводства (здесь нет

⁴ См. «Сборник Правоведения», III. С. 3.

речи об уголовных законах — это особое дело, которое завершилось уложением 15 августа 1845 г.) и пересылать вложенные туда бумаги к графу Блудову. Серьезных занятий по столу было довольно много, а такого рода бумаги считались отпиской, и на них никто не обращал внимания. Сам я, как кандидат математического факультета, едва поступивший на службу, не имел ровно никакого понятия о законах вообще и о наших в особенности, но меня заинтересовал вопрос о несовершенствах наших законов: с этих недостатков я начал изучение самих законов. Вместо того чтоб отправлять эти бумаги прямо к графу Блудову, я стал брать их к себе на дом, читать их, делать из них выписки, а лучшие мнения просто переписывать и изучать, и чем более недостатков наших законов узнавал я, тем более нравилось мне их изучение. Это была моя школа. И, кажется, я не солгу, сказавши, что это — единственная польза этих мнений практиков. Думаю, что никто, кроме меня, не изучал их. Мой начальник отделения — Василий Максимович Харченко — очень хороший и честный человек, не обращал на эти бумаги ровно никакого внимания. Как истый чиновник, он заботился исключительно о том, чтобы они отсылались к графу Блудову, и по временам осведомлялся об этом».

Это была первая юридическая школа для Зарудного и притом несравненно более плодотворная, чем тогдашняя университетская юридическая школа, которая, занимаясь пережевыванием материала действующего законодательства, возводя в догмат чуть не каждую статью Свода Законов, не смела и думать о критическом их разборе⁵. Отнесясь, как всегда, серьезно к предмету своего изучения, Зарудный стал знакомиться и с иностранными законодательствами, сравнивать с ними русские законы, предпринимал поездки за границу, где он в Париже стал изучать французскую судебную практику, слышал Берье, Жюля Фавра. К 1849 г. он успел настолько освоиться с несложным багажом тогдашней русской юриспруденции, что мог с честью занять важное в то время место юрисконсульта при консультации Министерства юстиции. Благодаря своим способностям, трудолюбию и разносторонней подготовке, а еще более благодаря упо-

⁵ Первый научный курс гражданского права был открыт в 1845 г. Д. И. Мейером в Казанском университете. См. статью А. Гольмстена в «*Журн. юрид. общ.*», 1894. № 6. С. 101. Что касается печатных научных трудов, то о количестве и качестве их можно составить себе понятие из того, что еще 2 ноября 1852 г. состоялся закон (пол. собр. № 26 734), предписывавший научные произведения, в которых теория права применяется к русскому праву, пересылать в те правительственные учреждения, до которых относятся сочинения.

требляемым новым юридическим приемам при разработке текущих вопросов судебной практики Зарудный выдвинулся сразу вперед как даровитый и знающий юрист: он стал употреблять исторический метод для уяснения смысла законов, отдельные казусы сводил к общим принципам права, в разрозненную практику консультации стал вносить единство и, можно сказать, первый создал школу практической русской юриспруденции. Вскоре С. И. приобрел такой авторитет, что с ним стали советоваться в затруднительных случаях обер-прокуроры и сенаторы. Доклады его как по содержанию, так и по внешней отделке, были такими образцовыми, что по поводу одного из них (о землях гор. Смоленска 1852 г.) у министра юстиции гр. Панина, человека крайне жесткого и несловоохотливого, невольно вырвалось такое трогательное замечание: «Если бы я раз в жизни написал такой доклад, то я считал бы, что жизнь моя прожита не напрасно».

Участвуя в текущей судебной практике, С. И. не упускал однако из виду начавшееся в 1843 г. приготовление к судебной реформе, которая двигалась черепашым шагом благодаря оппозиции гр. Панина, считавшего даже крайне умеренные предположения гр. Блудова, например, отмену рукоприкладства, чересчур смелыми и радикальными. В 1852 г. была после долгой бесплодной переписки между ними образована Комиссия для составления проекта гражданского судопроизводства, и С. И. был назначен делопроизводителем ее. Принимая в трудах ее самое деятельное участие, Зарудный, несмотря на свой скромный пост, оказал на ее работы огромное влияние и старался внести в гражданский процесс возможные по духу тогдашнего времени второстепенные технические усовершенствования, не смея даже думать о таких революционных, по понятиям бесподобного гр. Панина, новшествах, как устность, а тем паче гласность. К концу царствования Николая I проект был изготовлен.

С началом нового царствования, когда после тридцатилетнего застоя очнулось, окрылилось лучшими надеждами все, что было в России живого, свежего и честного, открылось новое широкое поприще для свободолюбивого юриста Зарудного, ненавидевшего крепостное право и все связанные с ним виды дореформенного произвола и боровшегося с ними еще в консультации Министерства юстиции. С 1856 г. выпала на долю С. И. эпизодическая, но славная задача разоблачения повального казнокрадства и взяточничества времен Крымской кампании. Он был назначен делопроизводителем Комиссии кн. Васильчикова 2, учрежденной для раскрытия злоупотреблений по интендантству Южной и Крымской армий. Зарудный взялся за это трудное дело с тем жаром и благородным увлечением, которые вну-

шало ему глубоко возмещенное чувство оскорбленного патриотизма. Он производил строжайшее расследование в Николаеве, Одессе, Симферополе, Севастополе, Ялте, Херсоне, Харькове, Москве и др. городах и лично мог убедиться, какие колоссальные размеры приняло в николаевское время открытое казнокрадство и взяточничество не только по военному ведомству, но и по всем другим, в каком ужасающем виде находились во всех частях России суд и управление при господстве административного произвола и безгласности общества. Словом, он мог воочию ознакомиться со всеми «язвами» провинциальной жизни, с которыми впервые в печати знакомили Россию только что появившиеся бессмертные «Губернские очерки» Салтыкова. Тут у Зарудного должна была окончательно окрепнуть вражда против дореформенного строя жизни и утвердиться гражданская решимость, не щадя сил, способствовать ее уничтожению⁶.

⁶ Изучив досконально быт нашей раболепной и мертвящей бюрократии, С. И. Зарудный в шуточной форме (см. «Письмо опытного чиновника сороковых годов младшему брату, поступающему на службу», напечатанное в *«Русск. Старине»*, 1899. № 12) излагает правила для успешной карьеры. Зарудный, между прочим, пишет:

1) Кланяйтесь начальству вашему тем ниже, чем выше стоит оно в порядке чиновничества, и давайте подчиненным для пожатия тем меньшее количество пальцев правой руки, чем ниже стоят они в порядке подчиненности.

2) Не надейтесь столько на способности свои, сколько на протекцию. Несмотря на все ваши достоинства, старайтесь укрыться под крылышко этой благодетельной волшебницы; если у вас есть протекция, — вы гений, вы на все способны, вы скоро пойдете вперед, но если у вас протекции нет: — вы дурак набитый, вы ровно никуда не годитесь, вы решительно ничего не знаете, вы никогда не выиграете по службе.

3) Не думайте сделаться значительным лицом, служивши постоянно в одном месте; нет, старайтесь шнырять из одного места в другое, из канцелярии губернатора в Комитет министров, из Комитета в министерство; оттуда в Сенат и, верно, скоро прыгнете в вице-директоры.

4) Говорите всегда, что у вас есть дела, но не говорите, в чем состоят они, давайте заметить, что это тайна; подумают что вы постоянно заняты государственными делами; просителей выслушивайте терпеливо, но отвечайте им в самых неопределенных выражениях: дело ваше рассматривается, в докладе, дано предложение, послан указ и т. п.

5) Если вы хорошо работаете, но не кричите, что у вас бездна дел, то вы нисколько не выиграете в общем мнении: кричите, что вы завалены работой, между тем как другие ничего не делают, что вы работаете день и ночь; берите всегда

Случай не заставил себя ждать. Пробыв по возвращении в Петербург с полгода за обер-прокурорским столом, Зарудный получил

домой портфель, наполненный бумагами, и хотя дома вы можете заниматься чем-нибудь другим, но говорите, что занимаетесь делами.

6) Не решайте ни одного дела, но от всех отписывайтесь. Ничего не делайте сопоме, не старайтесь окончить всех дел и помните, что вы всегда, как белка в колесе, будете бежать, ожидая, что добегите до чего-нибудь, но ни до чего не добегите.

7) Отписывая дела, заглушите врожденное в вас чувство справедливости и пусть незнакомо для вас будет сострадание к несчастному, и потому:

а) никогда не старайтесь держать сторону истины, когда вооруженная против нее ложь сильнее и прикрыта законными формами; этим навлечете на себя только подозрение; нет, в таких случаях отказывайтесь всегда, держите сторону сильного и прослывете правдивым чиновником;

б) не обращайтесь никогда столько внимания на существо дела, сколько на лица, в нем участвующие;

в) никогда не делайте того, что нужно делать, а делайте то, что желает высшее начальство;

г) откажитесь от собственного взгляда на вещи, усвойте себе взгляд начальников ваших, не имейте мыслей своих, развивайте только мысли начальников и постарайтесь все, даже почерк ваш, сделать, сколько можно более похожим на их почерк;

д) никогда не говорите определенно: на основании такого-то закона, говорите неопределенно – на законном основании.

8) Если в голове у вас есть предположение, клонящееся к усовершенствованию закона, судопроизводства или судоустройства, к упрощению порядка и хода дел, не старайтесь привести мысли своей в исполнение. Боже вас сохрани! вы прослывете новатором, беспокойным и бестолковым человеком. Сохраните эту мысль на случай, если вас спросят об этом. Развивая новую идею людям, закоренелым в пагубном рутинизме, грубом застое и захирении, вы только затрудните их, и потому мысли вашей не дадут хода, а после вам нечего будет отвечать на циркулярное предписание, и вы прослывете дураком.

9) Осторожно, предусмотрительно и соразмерно употребляйте выражения: повергаю во благоусмотрение вашего сиятельства, имею честь донести, уведомить, сообщить, уведомляю, сообщаю, извещаю, поставляю в известность, объявляю, предписываю, приказываю, и старательно различайте милостивого государя от его превосходительства.

10) Если по делу открылось какое-нибудь упущение или беспорядок, и от вас требуют объяснения, никогда не сознавайтесь виновным и пишите объяснение как можно длиннее, непонятнее и запутаннее; никто не прочтет его, но, увидев, что вы написали много, признают вас правым.

27 апреля 1857 г. благодаря государственному секретарю В. П. Буткову место помощника статс-секретаря Государственного совета. Бутков, освежая государственную канцелярию молодыми силами, ввиду предложенных реформ, пригласил С. И. как знатока гражданского судопроизводства, проект которого, составленный при его участии, поступил в то время на обсуждение совета.

С этого момента еще более приближается Зарудный к делу судебной реформы и, несмотря на свой невысокий пост, делается настоящим ее двигателем и руководителем. Настроение в правительственных сферах тогда было колеблющееся, часто шедшее по стопам николаевского режима и далеко не последовательно прогрессивное. Доклад помянутого проекта в Государственном совете 15 ноября 1857 г. начался чтением Высочайшего повеления, коим *воспрещалось* совету касаться суда присяжных, адвокатуры и гласности.

При таком положении дела ничего более не оставалось, как довольствоваться паллиативными мерами чисто технического свойства и ждать для проведения судебной реформы на рациональных основаниях лучших времен, которые, к счастью, вскоре и наступили.

Уже 20 ноября 1857 г. был опубликован знаменитый рескрипт на имя генерал-губернатора Назимова об освобождении крестьян, давший толчок и другим либеральным реформам 60-х годов. С этого времени мало-помалу и в дворянских собраниях, и в печати общественное мнение стало высказываться за радикальное изменение всего старого бюрократического строя. Это освободительное направление стало влиять и на судьбу судебного преобразования. Кн. Оболенский, член либерального кружка, группировавшегося около в. к. Константина Николаевича и уже поднявшего к ужасу гр. Панина вопрос о введении гласного суда в морском ведомстве, в литографированной брошюре сильно напал на внесенный гр. Блудовым в Государственный совет проект гражданского судопроизводства. Выступая защитником гласности и устности, кн. Оболенский предлагал принять целиком французское судопроизводство, действующее в Царстве Польском. С. И. горячо возражал против такого заимствования *en bloc*, и эта полемика, возбудив внимание членов Государственного совета к принципиальным вопросам процесса, заставила их глубже вникнуть в дело и склониться к более широкой постановке судебной реформы. Решено было первоначально выработать *главные начала* реформы, и с этой целью постановлено было, по мысли Зарудного, предварительные заключения Государственного совета передать на рассмотрение судебных практиков, что до некоторой степени вносило в дело участие общества. Зарудный, придавая громадное значе-

ние печатному тиснению и гласности, посоветовал поступившие замечания *напечатать* и разослать членам Государственного совета. Кроме того, печатные экземпляры разосланы были ученым юристам и специалистам. Таким незаметным путем проникли мало-помалу в законодательные проекты и гласность, и адвокатура, замененная (слово «адвокат» еще со времен Николая I находилось под запрещением) словом «присяжный поверенный», и начало отделения власти судебной от административной. Но, в общем, с 1857 по 1861 г. работы шли вяло и нерешительно. В этот промежуток времени Зарудный ездил в заграничную командировку для изучения западного судопроизводства и судоустройства и выпустил ряд специальных работ по процессу, частью появившихся в тогдашних периодических изданиях. Они занимают целый том (IX) в «Деле о преобр. суд. части» и затрагивают все стадии процесса, начиная от *мирового суда* и кончая *кассационным*.

В работах этих, возражая, как выше упомянуто, против слепого рабского копирования с французского образца, С. И. выступает горячим сторонником отобрания от администрации и полиции всякой судебной власти, состязательного процесса и, как необходимого его условия, адвокатуры, единого кассационного производства как меры, направленной к охранению единства в понимании закона и устранению судебного произвола. Возражая против мнения мнительных рутинеров, считавших несвоевременным коренное преобразование судопроизводства, С. И. высказывает следующие прекрасные мысли, усвоенные и одобренные впоследствии и перешедшие в комментарий к Судебным Уставам с небольшими вариантами⁷: «Против изложенных в настоящей статье (об отмене окончательных решений) оснований, — писал Зарудный 24 февраля 1859 г. — может быть, между прочим, представлено возражение *хорошо, да не вовремя* (курс. подл.). Против этого *софизма*, который сделал много зла на свете, можно сказать одно только: если изложенные основания правильны, то они благовременны. Трудно думать, — продолжает он, — чтобы люди где-либо и когда-либо были приготовлены для дурного и не зрелы для хорошего. Правильное устройство судебных учреждений составляет вопрос, *самый настоящий* для России, притом же правильный закон *никогда* не сделает зла; может быть, по каким-либо обстоятельствам и даже по самому свойству закона нового он не будет некоторое время исполняем согласно с точным оною разумом, но гораздо вероятнее, что он тотчас пустит глубокие корни и составит могуществен-

⁷ См. С. XLIII к Учр. Суд. Ч. 3 Суд. Уставов из Госуд. канцелярии.

ную опору спокойствия и благоденствия народа»⁸. Сквозящая в этих строках горячая вера в силу добра и человеческое достоинство, вера в благотворное действие хороших учреждений и гуманных принципов, глубокая, но свободная от кичливости вера в духовные силы русского народа, — каковая вера была присуща и прогрессивной публицистике 60-х годов, — сохранилась у С. И. до конца дней вместе с глубоким уважением к последней.

В 1859–1860 г. С. И. принимал участие в работах по освобождению крестьян, которому он, само собою разумеется, сочувствовал от всей души. Он был членом учрежденной при Министерстве внутренних дел Комиссии, составившей проект о мировых крестьянских учреждениях. 25 сентября 1860 г. он был Высочайше прикомандирован к Главному комитету в помощь В. П. Буткову при рассмотрении составленного Редакционными комиссиями Положения о крестьянах. 7 января 1861 г. назначен и. д. статс-секретаря в Департаменте законов, где докладывал помянутое Положение. Бутков, извещая Зарудного о благодарности, выраженной Государем ему лично и его помощникам «за все добросовестные и неутомимые труды» по крестьянскому делу, добавлял, что ему особенно приятно сообщить об этой Высочайшей резолюции С. И. «как одному из деятельнейших участников в работе». Зарудный в память трудов по освобождению крестьян получил золотую медаль, которую он ценил выше всех других наград. (С этою медалью изображен Зарудный на портрете, приложенном выше, гл. VIII.)

III.

С 1861 г. работы по судебной реформе вступили в последний решительный фазис, благодаря освобождению крестьян с землею, без чего, т. е. без рационального решения крестьянского вопроса, как неоднократно заявлял впоследствии С. И., никогда не могла бы состояться рациональная судебная реформа, не были бы изданы Судебные Уставы в том виде, как они появились 20 ноября 1864 г. Вот что говорил об этом в 1885 г. Зарудный. «Весьма важно, — писал С. И. Зарудный, — *веяние времени* — от него *все зависит*. Трудно понять, почему известные воззрения представляются не только правильными, но даже необходимыми в государственном устройстве; между тем за несколько дней до того те же воззрения считались вредными и даже губительными для государственного распорядка. Судебные Уставы 20 но-

⁸ См. С. 47 Записки Зарудного в т. IX: «Дела о преобразовании судебной части».

ября 1864 г. служат доказательством этой истины. При крепостном праве, — продолжает он, — в сущности не было надобности в справедливом суде. Настоящими судьями были только помещики. Над ними господствовал высший своевольный суд. Положения 19 февраля 1861 г. прекратили эти завзятые порядки. Тогда и высшие наши сановники сознали, что наступает время, когда и для России так же точно, как и для всякого порядочного (основанного на порядке) государства, явилась безотлагательная надобность в суде скором и справедливом. Вот задача Судебных Уставов 1864 г. Она возникла, она задалась сама собою вследствие события, совершившегося по воле Самодержца Всероссийского. Необходимо проникнуться этою мыслью. Если бы в 1861 году не состоялось освобождение крестьян с землею, то *ни в каком случае* не были бы 20 ноября 1864 года утверждены наши Судебные Уставы»⁹. В общем, благополучное осуществление великой освободительной реформы 19 февраля укрепило в конце 1861 г. либеральную фракцию в высших правительственных сферах, несмотря на отставку С. С. Ланского и Н. А. Милютина, принесенных в жертву реакционной крепостнической партии. Зная как быстротечны, как непрочны у нас либеральные веяния, Зарудный спешил, как «кузнец-гражданин», ковать железо, пока горячо, и освободить судебную реформу от тех пут, какими она была дотоле опутана, благодаря нерешительности ее инициатора гр. Блудова и противодействию министра юстиции гр. В. Н. Панина. Действуя чрез В. П. Буткова и председательствовавшего в Госуд. совете кн. П. П. Гагарина, Зарудный в два месяца успел повернуть дело так, что уже в январе 1862 г. дело было поставлено на рациональных началах (см. выше главу VIII §3) и почти наполовину выиграно.

План свой Зарудный развивал так. В октябре 1861 г. он приготовил для В. П. Буткова, из ретрограда ставшего с 1861 г. ярим либералом, всеподданнейший доклад, в коем указывалось на трудности, встреченные при рассмотрении проектов гр. Блудова, составленных в разное время и несогласованных между собою. 24 октября последовало Высочайшее повеление об образовании при Государственной Канцелярии особой Комиссии с прикомандированием к ней известных юристов для извлечения из проектов Блудова «главных основных начал». Через это достигались две важные цели: во-первых, проекты превращались в простой законодательный материал и становилось необходимым составление новых проектов по общему цельному плану; во-вторых, устранялся от руководства престарелый гр. Блу-

⁹ «Рус. Стар.», 1885. № 5.

дов, который, хотя и склонялся на некоторые уступки либерализму, но по преклонности (ему было тогда 88 лет) не мог уже стоять во главе столь крупного дела. Помянутая комиссия, душою которой был Зарудный, к концу 1861 г. окончила свою работу и убедилась в недостаточности проектов.

Нужно было сделать еще один шаг и предоставить Комиссии составить основные положения по рациональному плану, не стесняясь тощими и робкими Блудовскими предложениями. Этот последний и решительный шаг сделал С. И. при помощи преемника гр. Блудова, председательствовавшего в Государственном совете князя П. П. Гагарина, для которого и раньше составлял записки по судопроизводству. По докладу кн. Гагарина в январе 1862 г. последовало огромной важности Высочайшее повеление, составляющее эпоху в истории русской культуры и разрешавшее составить основные начала судебной реформы согласно указаниям *науки и опыта европейских государств*.

IV.

С этих пор судьба предстоящего преобразования была предрешена, для России открывался доступ ко всем великим институтам европейского судебного права. Зарудный и его товарищи, поняв все величие выпавшей на их долю задачи, с необыкновенным жаром и усердием взялись за ее выполнение. С первых же заседаний был выдвинут вопрос о суде присяжных, первая официальная постанова коего принадлежала Д. А. Ровинскому (см. ниже гл. XXI), горячо поддержанному С. И. Будучи хорошо знаком как с иностранными законодательствами, так и русскою судебною практикою, Зарудный, подробно изложив историю института, считал вовсе не затруднительным преобразование бессловесных заседателей. Возражая тем, которые видели в суде присяжных институт политический, несовместный с самодержавием, Зарудный и др. указывали, что и другие важнейшие институты судебного права, как-то: гласность, отделение суда от администрации, имеют несомненный политический характер, ограничивая произвол администрации, но что такие институты, невозможные в деспотиях, возможны в монархиях, где уважаются законы. Суд присяжных проектировался С. И. также и по политическим и литературным делам¹⁰.

Соображения государственной канцелярии были доложены Зарудным Государственному совету, Высочайше утверждены 29 сентября 1862 г. и по мысли его были не только разосланы практикам,

¹⁰ См. Т. XVII н. Дела — материалы № 13 и 14.

но и опубликованы в *Собрании узаконений и распоряжений*. Знакомство с ними вызвало удивление не только у нас, но и за границей, где неожиданно узнали, что Россия находится накануне получения судебных учреждений, которые не должны уступить европейским. О силе впечатлений, произведенных опубликованием Основных Положений в России, можно судить по вышеприведенному отзыву цензора Никитенко¹¹.

Для составления подробных проектов Судебных Уставов образована была при Государственной Канцелярии новая большая Комиссия. Хотя официальным председателем ее был назначен В. П. Бутков, но всем делом управлял и двигал собственно Зарудный, который даже не был утвержден еще в должности, а только исправлял должность статс-секретаря. Под председательством его было только отделение гражданского судопроизводства, но и во всех других отделениях и особенно в общем собрании он работал с энергиею, жаром и настойчивостью, вызывавшими общее удивление. С. И. старался привлечь в Комиссию все, что было заметного среди представителей науки и практики. Принимая близко к сердцу это дело всей своей жизни, С. И. неоднократно подвергал переработке проектированные статьи, горячо споря и стараясь разъяснить дело со всех сторон. Просиживая ночи за корректурами, он выбивался из последних сил, стремясь, чтобы его любимое детище появилось на свет как можно скорее и совершеннее. Меньше чем в год, Комиссия составила проекты Судебных Уставов и к ним образцовые научно-мотивированные обширные объяснительные записки (около 18 000 печатных страниц in folio). Проект был разослан для представления замечаний министрам и заключения их вместе с поступившими раньше замечаниями были доложены Зарудным Государственному совету.

20 ноября 1884 г. были подписаны Александром II Судебные Уставы и Зарудный имел драгоценное утешение видеть появление на свет великого законодательного акта, на который он положил в течение 20-ти лет свои лучшие годы жизни, не щадя трудов. Ближайший свидетель их В. П. Бутков препроводил к нему 22 ноября *первый* экземпляр только что вышедших из печати Судебных Уставов с следующей припискою: «Этот *первый* отпечатанный экземпляр Судебных

¹¹ См. выше эпитафия к §3 главы VIII. Впрочем, более дальновидные публицисты предостерегали от излишнего оптимизма и советовали не слишком увлекаться от одного только провозглашения великих принципов на печатной бумаге. Таково было мнение Унковского; см. прил. 1 к книге моей «А. М. Унковский и освобождение крестьян». М., 1894.

Уставов вручается Серг. Ив. Зарудному, как лицу, которому Судебная реформа в России более других обязана своим существованием. Он занимался этим делом со времени поступления в Государственный совет первых проектов II отделения и вел все дело до конца. Он участвовал в работах по составлению основных положений, руководил работами по уст. гражд. суд., деятельно занимался при обсуждении всех других проектов. При таких его трудах, цель коих было одно — искреннее желание совершить всю столь необходимую для пользы России реформу, конечно, *первый* отпечатанный экземпляр по праву должен принадлежать Сергею Ивановичу».

После издания Судебных Уставов¹² Зарудный, утвержденный, наконец, в должности статс-секретаря Государственного совета, принимал участие в составлении дополнительных к ним узаконений (об охранительном судопроизводстве и пр.) и состоял членом образованной при Государственной Канцелярии новой Комиссии для выработки правил о введении в действие Судебных Уставов, на что было положено им также очень много труда. Большинство членов склонялось к мнению Министерства юстиции, предлагавшего открывать новые судебные установления не сразу повсеместно, а постепенно, ссылаясь на практические затруднения. С. И. же вместе с Н. А. Буцковском и О. И. Квистом, опасаясь столь обычного у нас охлаждения к реформам, настаивал на единовременном введении Уставов во всех земских губерниях с постепенным усилением состава судов.

Заканчивая работы по судебной реформе, Зарудный привел в порядок обширный материал «Дела о преобразовании судебной части в России», разделив его на 74 тома¹³, и передал несколько экземпляров «Дела» в петербургские книгохранилища и архивы. Кроме того, он оказал большую услугу русской науке и судебной практике и вообще русскому общественному развитию, напечатав в 1866 г. классический

¹² Кроме вышеупомянутых работ, в разных томах «Дела о преобразован. суд. ч. в России» имеются еще следующие работы С. И.: 1) Извлечение из доклада сардинского министра юстиции о преобразованиях гражд. суд. в Италии в 1859 г. 2) Правила об обязательной явке тяжущихся в связи с монополиею поверенных. 3) О реформе судопроизводства в Италии в 1862 г. 4) Судебно-статистические данные о Харьковской губ. 5) Закон о доказательствах по французскому гражд. уставу. 6) Материалы для разработки вопроса об охранительном порядке производства. 7–9) Переводы Уставов гражд. суд. Сардинии 1854 г., Венгрии 1852 г. и зак. судоустр. Пьемонта 1859 г.

¹³ См. опись этого «Дела», напечатанную в виде приложения к книге моей «Основы судебной реформы».

труд свой под названием «Судебные Уставы с рассуждениями, на коих они основаны». Это драгоценное издание сделалось настольною книгою для наших судебных деятелей. Об успехе его в публике можно судить по тому, что меньше чем в год разошлось 1-е издание в количестве 6000 экземпляров. Оно дает в сжатом очерке те научные соображения и гуманно-либеральные принципы, коими руководствовались просвещенные составители Судебных Уставов. На этом издании воспитались старшие поколения новой магистратуры, давшие образцы честного и смелого служения судейскому долгу и введшие впервые в русские суды и общественно-народное сознание понятия о законности и о суде милостивом, правом и равном для всех.

V.

Вскоре после введения в действие Судебных Уставов настали ввиду наступившей реакции печальные дни как для нового суда, так и для главного виновника его Зарудного. Сменивший Д. Н. Замятни на на посту министра юстиции К. Н. фон дер Пален, относившийся враждебно к основам Судебных Уставов, приступил к отмене их в административном порядке, де-факто упразднив начало несменяемости для судебных следователей и назначая лишь и. д., а затем стал делать попытки к изменению нового судебного законодательства в порядке законодательном. Зарудный как верный страж «основных положений» судебной реформы оказывал возможную оппозицию реакционным поползновениям нового министра, представляя в качестве статс-секретаря департамента законов не предусмотренные законом, но вошедшие с 1862 г. в обычай «соображения Государственной Канцелярии». Благодаря авторитету, которым пользовался С. И. у членов Государственного совета, соображения его принимались охотно, что еще более усиливало его репутацию как «красного», которую он имел наравне с другими убежденными защитниками либеральных реформ¹⁴.

1 января 1869 г. Зарудный, еще полный сил и энергии, был усилиями реакции насильно отторгнут от законодательных работ и назна-

¹⁴ «Для всех этих слепых и неразумных ревнителей умирающей старины, — писал Хрущев еще в 1859 г. о наших консерваторах-крепостниках, — люди нового времени, желающие для отечества разумного движения вперед, представляются какими-то искателями приключений, себялюбцами, красными, так что эти деятели мирного прогресса уподобляются деятелям французского террора» (См. Материалы ист. упр. креп. права, II. С. 250).

чен был сенатором, *incredibile dictu*, не в кассационный департамент, где он больше, чем кто-нибудь имел право по своему прошлому заседать и где его опыт и познания были бы так полезны для разумного изъяснения Судебных Уставов, а в старый департамент, кажется, межевой. Удаление Зарудного из Государственной Канцелярии вызвало сожаление среди многих членов Государственного совета. В бумагах С. И. сохранились некоторые из отзывов членов совета. Вот что они сказали:

«Великий князь *Константин Николаевич* — что он жалеет, что я выхожу, но что я могу быть доволен тем, что много сделал для Государственной Канцелярии и для совета. Судебные Уставы для второго, а для канцелярии — их издание с комментариями, что он никогда со мною не ссорился и я оставляю о себе самую лучшую память».

«*Гр. Строгонов* — что он жалеет и знает все проделки, все интриги, что меня трудно обвинять в чем-либо, что обвиняли меня в подражании иностранным законодательствам, но и это несправедливо».

«*Кн. Суворов* — вы были моею любимую и самую умною привычкою в Государственном совете».

«*Бахтин* — я радуюсь за вас, но признаю, что это несправедливо и вредно для дела. Вас нельзя было устранять от судебной реформы».

«*Кн. Гагарин* (П. П.): 1) что я сам более других работал над уничтожением старого сената и попал в его развалины; 2) что когда Сольский (государ. секр.) взял на себя обязанности статс-секретаря, а барон Корф — обязанности государственного секретаря, то я принял на себя *произвольно*¹⁵ обязанности председателя департамента законов»¹⁶.

Страх перед авторитетом Зарудного был так велик, что он до конца жизни так и не получил возможности участвовать в деятельности высшего регулятора нового суда, в создании которого он принимал такое горячее и плодотворное участие.

Но, любя великое дело гласного суда, Зарудный не мог удержаться от желания хоть косвенным путем проникнуть в храм нового суда, куда новые руководители его преграждали ему путь. Он баллотировался в почетные мировые судьи в Купянском уезде по месту нахождения своего родового имени. Здесь он проводил обыкновенно лет-

¹⁵ Намек на то исключительно авторитетное положение, которое занимал С. И. Зарудный в Государственном совете, где он в должности простого статс-секретаря департамента законов сдерживал реакционные попытки Министерства юстиции гр. Палена в 1867–1868 гг.

¹⁶ См. н. т. Сборника правоведения.

ние каникулы. Любя природу, предаваясь наследственной страсти к цветоводству, здесь опальный С. И. на лоне матери-природы находил утешения от постигших его невзгод и только ей одной вверял свои справедливые сетования на неблагодарность людскую:

*Земля! Что ж так влекут меня стремленья дум
И сердца пыл к тебе? Не знаю... Оттого ли,
Что от меня далек тревожной жизни шум?
Иль правды я ищу? Иль я устал от боли
Разрушенных надежд, оплаканных потерь?
Иль твой к покою зов мне слышится теперь?*

Во время летних своих приездов С. И. аккуратно посещал заседания купянского съезда.

С отправлением обязанностей этого звания связано воспоминание о последнем из огорчений, которыми так богата была жизнь Зарудного. Сенат разослал 6 июня 1886 г. известный циркуляр мировым съездам, в котором, ссылаясь на случаи нерадения со стороны мировых судей (неназначение ни одного заседания в течение года и т. п.), предписывал съездам требовать от судей ежемесячных отчетов и пересылать их в сенат. Многих изумил этот циркуляр, ронявший достоинство мирового института и едва ли согласный с законом, но из 600 мировых судей один Зарудный поднял голос против меры, которую считал произвольной. Он вошел в купянский мировой съезд с предложением приостановиться приведением в исполнение указа и донести сенату о неудобствах указа, согласно ст. 76 Основ. Зак. В своем подробно мотивированном предложении Зарудный, между прочим, заявлял, что «судебная администрация обязана была указать на отдельные случаи нерадения, но не имела права циркулярно приписывать всем мировым судьям совершенно единичные явления, не имеющие ничего сродственного с общим направлением мировых съездов, и налагать несвойственные их занятиям обязанности». Купянский мировой съезд принял предложение С. И. Сенат (по соединенному присутствию 1-го и касс. департ.), не рассматривая вопроса по существу и не имея возможности наказать своего сочлена, сделал купянскому съезду *in cogrore* замечание, всю горечь которого должен был воспринять незадолго до своей смерти один Зарудный.

В свой невольный досуг с 1869 г. Зарудный издал сравнительно-юридическое исследование «Гражданское Уложение Итальянского Королевства и русские гражданские законы», в 1870 г. «Торговое Уложение Итальянского Королевства и русские торговые законы». В 1873 г. он составил для первого съезда русских юристов реферат:

«О необходимости полного издания Граж. Законов с 1857 г. и согласование их со всеми последующими узаконениями», что было исполнено только в 1888 г. В 1879 г. он издал перевод книги Беккариа «О преступлениях и наказаниях», с интересными сближениями с русским законодательством и характерными юридико-общественными примечаниями. Последние годы С. И. работал над переводом «Ада» Данте, который успел выпустить с обширными комментариями незадолго до смерти. В 1886 г. Зарудный был выбран Московским юридическим обществом в число своих почетных членов. Этот знак внимания чрезвычайно тронул доблестного ветерана судебной реформы, давно всеми забытого.

Ища облегчения своим недугам, нажитым в стенах холодного мрачного Петербурга, под лучами южного солнца, Зарудный умер в 1887 г. на пути в Ниццу, где он, подобно Герцену, нашел у светлого лазурного моря упокоение от жизни, полной славных дел и неизбежных с ними страданий:

*Законность, правосудье, честь
И вольности святое пламя...
Ведь кто несет такое знамя,
Тот обречен и крест свой несть.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

СПОДВИЖНИК ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

В. К. КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

† 13 января 1892 года

*Ничего не может быть выше на земле, как царь или сын царя, достойный
имени человека.*

Жуковский

*Comment? la liberté déchaîne ses colères
Partout, contre l'effort des erreurs séculaires,
La Vérité combat pour s'ouvrir un chemin;
Et je ne prendrai pas parti dans ce grand drame?*

L. Ackermann

I.

Традиционное чествование годовщины дня подписания освободительной хартии и тризна по творцам ее, ежегодно совершаемые в Петербурге 19 февраля в кружке деятелей крестьянской реформы, носили в 1892 году особенно грустный характер: незадолго перед тем скончался один из самых крупных деятелей минувшей славной эпохи гуманно-либеральных реформ — великий князь Константин Николаевич, «*вложивший душу*» в великое дело освобождения крестьян¹.

Исторические справки, посвященные преобразовательной эпохе 60-х годов, не могут не отметить признательным словом плодотворную, кипучую деятельность того из сподвижников Царя-Освободителя, который своим отзывчивым добрым сердцем горячо откликнулся на его гуманные запросы и чаяния и своим умелым просвещенным содействием и непреклонною энергиею не раз спасал судьбу реформ, в особенности крестьянской, в столь частые минуты нерешительности, колебания и шатания мысли в высших сферах.

¹ См. Н. П. Семенова «Освобождение крестьян». СПб., 1892. Т. III. Ч. 2. С. 753.

Будучи богато одарен от природы², получив замечательно разностороннее³, широкое образование, постоянно впоследствии пополняемое, закалив с детства свой характер в аккуратных привычках и твердых принципах⁴, обогатив свой ум наблюдением иностранных

² См. «Русскую Старину», 1892. № 2. С. 1.

³ Необходимость разностороннего энциклопедического образования для вел. кн., без сомнения, была внушена В. А. Жуковским. В «Русском Архиве» 1867 г. появилась в высшей степени любопытная переписка его с юным великим князем Константином Николаевичем. Сначала, по-видимому, юный корреспондент тяготился этою перепискою, которая имела характер еженедельного принудительного школьного упражнения в русском языке. Но затем она заняла его, и переписка получила непринужденный, душевный характер. Эта переписка может дать будущему биографу вел. кн. очень интересные данные для уяснения характера его и его политической деятельности. Так, в письмах своих Жуковский очень настойчиво рекомендовал великому князю пополнять как можно больше свое образование.

«Великие князья, — пишет он, — должны понимать *свое время*, должны поставить себя на высоту своего века своим *всеобъемлющим просвещением*» (См. письмо от 28 окт. 1842 г.). В другой раз, отечески журуя великого князя за легковесный отзыв о Рембрандте (я не судья по этой части, говорил с оттенком пренебрежительного верхоглядства вел. кн. в письме своем из Гааги 1841 г.), Жуковский внушает своему юному (14-ти лет) корреспонденту: не пренебрегайте тем, что облагораживает душу. Искусство нужно вам как человеку, нужно как царскому сыну, который с своего высокого места, сам доступный любви к прекрасному, должен своим влиянием разливать сию любовь и посреди общества (1400 стр., «Русск. Арх.», 1867).

⁴ В письмах своих Жуковский постоянно ставил на вид вел. кн., что ввиду предстоящей важной государственной деятельности необходимо выработать аккуратность, твердые привычки, самостоятельное мышление, *сильную волю*. «Сильная воля — это могущество души, которым мы побеждаем наши желания всякий раз, когда они противятся нашему долгу, которым мы все низкое приносим в жертву высшему; *знание* — это истинное просвещение ума, который все наши понятия, все наши сведения приводит к одному знаменателю, к одному главному знанию, к знанию *долга* вообще и к знанию нашего назначения в особенности». Далее Жуковский поясняет, что для разумной деятельности необходим запас хороших привычек, приобретаемых путем постепенного самонаблюдения и самоусовершенствования, привычки действовать собственным *умом* (относительно приобретения знаний) и собственной *волею* (относительно доброй нравственности) (См. письмо 29 декабря 1840. «Русск. Арх.», 1867. С. 1395). В числе привычек, выработанных вел. кн., было ведение дневника, который он

государств в свои неоднократные поездки⁵ и опытом государственного управления⁶, покойный великий князь Константин Николаевич к началу нового царствования в лице своем являл тип нового, молодого поколения государственных людей 50-х годов, хорошо знававших близость поворота в судьбах России, хотя еще не вполне ясно определивших себе содержание и пути его. Ясно было для всех просвещенных людей, способных понимать смысл и значение пережитого грозного урока, одно: это невозможность сохранения *statu quo ante*, необходимость изменения курса государственного корабля, своевременность и, стало быть, *необходимость* коренных, всесторонних *реформ*⁷.

вел аккуратно в течение 50-ти лет, начав его в конце 30-х годов (т. е. лет в 10–12) и доведя до 7 июля 1889 г., т. е. до кануна дня, когда его сразил злой недуг (паралич) («Русская Старина», 1892. № 2. С. IV).

⁵ Первое морское плавание вел. кн. совершил в 1835 г., т. е. восьми лет. До 1878 г. им было совершено до 50-ти плаваний, и в течение их он был на море 1375 дней, т. е. более 31 / 2 лет. («Русск. Стар.». Там же. С. V).

⁶ С конца 40-х годов вел. кн. принимал деятельное участие в разных отраслях морского, военного, а также общегосударственного управления (Там же см. послужной список вел. кн.).

⁷ Жуковский, не довольствуясь советами о личном самоусовершенствовании, старался внушить вел. кн. правильное отношение к проблемам общественной жизни и к вопросам государственной политики. Он ему разъясняет ничтожность военной славы, смысл *прогресса, реформ* и пр.

В наше время, — писал Жуковский в 1845 г. 18-летнему юноше Константину Николаевичу, мечтавшему о том, чтобы прибить Олегов щит на вратах Царьграда (что Жуковский считал не только праздною, но и *вредною* мечтою), — нужны не дела славы, озаряющие только *немногих избранных, а дела правды*, Божией правды, благодетельные для *всех и каждого* (С. 1412) (Аvis нынешним адвокатам кастовых интересов!) Впрочем, военные мечтания вел. кн. продолжались недолго, и из письма Жуковского от 1848 г. мы узнаем, что после венгерской кампании, в которой он заслужил георгиевский крест, великий князь крайне скептически относится к войне (С. 1430). Из других писем Жуковского наиболее любопытны те, в которых он развивает свой взгляд на прогресс, на *реформы* (в этот взгляд тоже не мешает вникнуть современным защитникам застоя и попятного движения).

Говоря о революции и застое, Жуковский пишет в 1841 г.: «Движение — *святое* дело; все в Божием мире *развивается, идет вперед* и не может, и не должно стоять. *Неподвижность — смерть* (курс. подл.), неприметная, тихая, но все же смерть, производящая только гниль. *Движение*, развитие порядка, постоянное,

Полный сил и живой энергии, в цвете лет (около 30) и в счастли-
вом сознании своей способности и готовности работать на общее
благо, вел. кн. Константин Николаевич служит во второй половине
50-х годов центром и источником самых разнообразных начинаний,
имеющих целью всесторонне изучить Россию, с тем чтобы обновить
ее государственно-общественный быт на новых началах. С первых же
месяцев нового царствования великий князь решается объявить вой-
ну всесильной бюрократической рутине с ее форменною или *офици-
альной ложью*. Для того чтобы уяснить себе истинное положение дел,
он решается на шаг, беспрецедентный в летописях русской бюрократии,
отдельные ведомства коей всегда представляли тщательно огово-
ренные, часто взаимно враждующие и всегда взаимно ревнующие
укрепленные лагеря. Уже в марте 1855 г. великий князь требует из *чу-
жогого* ведомства, из Министерства народного просвещения, профес-
соров университета для обревизования *своих* морских училищ⁸. Нуж-
но принять во внимание, помимо указанной междоусобной войны
между разными ведомствами, еще и то презрительное отношение во-

без потрясений, но *беспрестанное*, есть жизнь. Останавливать движение или
насильственно ускорить его (т. е. в обоих случаях мешать жизни) — *равно поги-
бельно*. Это равно справедливо и в жизни частного человека, и в жизни народа»
(С. 1406). — К этой же теме Жуковский возвращается в 1850 г. после революцион-
ного движения 1848 г. в Германии. Осуждая это движение, Жуковский осуждает
вместе с тем и германские правительства, которые пренебрегли «вечными пра-
вилами» мудрого управления и, не сумев вовремя дать удовлетворения нуждам,
вызвали взрыв. «Революция, — пишет Жуковский, — есть безумно губительное
усилие перескочить из понедельника прямо в среду. Но и усилие перескочить
из понедельника *назад* в воскресенье столь же напрасно и столь же может быть
губительно. Одно есть революция *вперед*, другое — революция *назад*... Что же
советует *теория*, которая учит тому, что надлежит *всегда* делать? Она говорит:
не насильствуй того, чего не можешь пересилить; не швыряй понедельник
через вторник в среду, но не тащи его и *назад в воскресенье*. — А что говорит прак-
тика? Практика, согласная с сестрою своею теорией, зорким взглядом разли-
чает ту математическую линию, *перешагнув* через которую, понедельник стано-
вится вторником, *провозглашает громогласно этот переход*, и это громогласное
провозглашение, определяющее действие, ему соответственное, т. е. действие
уже принадлежащее вторнику, а не понедельнику, есть *реформа* (курс. подл.)
вовремя, к месту, по закону вечной правды (См. письмо 2 марта 1850 г. «Русск. Арх.»,
1867. С. 1438). Чтобы заглянуть в эти письма современным благонамеренным
глашатаям регресса!

⁸ См. Дневн. Никитенко, II, 4 и Дневн. Валуева в «Русской Старине», 1891. V. С. 355.

енных, представителей силы, к представителям ума, науки и вообще к гражданскому ведомству, которое составляло характеристическую черту николаевского режима, чтобы оценить все глубокое значение этой «революционной меры».

Затем в декабре 1855 г. появляется знаменитый приказ великого князя Константина Николаевича, в котором он с отвагою юного Геркулеса мечтает очистить конюшни Авгия: он бросает в лицо старому бюрократическому строю обвинение в систематической фальсификации истины и требует от своих подчиненных, чтобы они в отчетах своих *не лгали*, уверяя, по обыкновению, что все обстоит благополучно⁹. Легко представить себе, — нет, впрочем, не легко представить себе! — переполох, произведенный этим неожиданным, но сильным ударом колокола, раздавшимся из морского ведомства и, с одной стороны, ошеломившим цепких представителей старой системы, а с другой — освежившим, как очищающее и оживляющее дуновение с моря, обещающая очистить застоявшуюся загнившую атмосферу правящих сфер¹⁰...

Морское ведомство, которому по роду своей специальности не было дотоле никакого дела до «посторонних ведомств» и до которого тоже не было никому дела из лиц других ведомств, делается с половины 50-х годов средоточием разнообразной кипучей деятельности, живо заинтересовавшей все мыслящее русское общество. Начиная от этнографических экспедиций для изучения разных местностей России (при участии таких писателей, как Писемский, Григорович, Гончаров и др.) и кончая вопросами гласности, гласного судопроизводства¹¹ и отмены телесных наказаний (и это, заметь-

⁹ Ссылаясь на записку Валуева, где говорилось, что тогдашнее бедственное положение России вызвано официальной ложью, вел. кн. указывал, что «в будущих отчетах он требует не похвалы, а истины, а в особенности откровенного изложения недостатков управления и сделанных ошибок, и что те отчеты, в которых будет нужно читать *между строк*, будут возвращены с большею *гласностью*» («Русск. Стар.», 1891. № 5. С. 359).

¹⁰ «Приказ вел. кн. Константина Николаевича, — пишет Никитенко, — производит большой шум в городе. Министрам и всем, подающим отчеты, приказ очень не нравится. В сущности же это прекрасное дело. Многим (гр. Панину и др.) вообще не нравится, что начинают подумывать о гласности и об общественном мнении» (Там же, 26 и «Дневник» Валуева в «Русск. Стар.», 1891. Май. С. 345). См. также выше стр. 295, прим. 1.

¹¹ Энергичным сотрудником в. к. по военно-судебной реформе был П. Н. Глебов; в конце 50-х годов он поместил в «Морском сборнике» ряд статей о глас-

те, в ведомстве, где необходимость бесчеловечных наказаний ради поддержания дисциплины почти везде признавалась неопровержимой аксиомой!) и даже вопросами рациональной педагогики – все интересует морское ведомство, имеющее во главе живого, пылкого энциклопедиста и гуманиста, великого князя Константина Николаевича. Журнал морского министерства – «*Морской сборник*» – делается благодаря А. В. Головнину одним из самых живых и популярных органов печати (достаточно напомнить знаменитые статьи Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», впервые поставившие педагогику на почву гуманитарную и сделавшие брешь в старой ремесленной школе профессиональной муштровки), а само министерство убежищем¹², где спасаются все люди независимого характера от самодурства самовластных бюрократов старого закала вроде гр. Панина¹³ либо многочисленные жертвы диких бесчинств патриархально свирепствовавших диких представителей «властной руки» вроде Бибикова¹⁴, Клейнмихеля и Муравьева. Словом, морское ведомство, руководи-

ности, состязательности и прочих предметах рационального судопроизводства, за защиту которых в то время еще можно было прослыть сумасшедшим или политическим преступником. (См. Дневник Никитенко, II, 352). Газеты наши, – пишет Валуев, – живут только перепечатками из «*Морского сборника*» («*Русск. Стар.*», 1891. № 5. С. 341). В видах улучшения «*Морского сборника*» в. к. разослал циркуляр, в котором назначал щедрую премию за статьи, написанные *смело и сильно* с целью: а) опорочить и осмеять недостатки, существующие между моряками: систему лжи, самовосхваление, образ взгляда на казенное имущество, на расчеты с углем, дровами, систему наказаний и обращения с нижними чинами; б) изъяснения правильного понимания некоторых предметов (взгляд на награды, на товарищеские отношения). Желательно бы колкою насмешкой порицать зло, – добавляет в. к., бывший впоследствии почитателем сатир Щедрина, – и хвалить добро умно, а не приторно («*Русск. Старина*», 1891. Май. С. 360).

¹² См. статью сенатора А. Ф. Кони «Новые мехи и новое вино» в № 3 «*Книжки Недели*» за 1892 г. С. 28.

¹³ Характеристику гр. Панина см. выше. Гл. I, §1.

¹⁴ Приветствуя с восторгом увольнение «великих государственных мужей старой школы», министров Бибикова и Клейнмихеля, цензор Никитенко замечает, что первый мог бы быть разве хорошим брандмайором, а второй смотрителем тюрьмы. Их систему *решительных мер* (курс. подл.) Никитенко характеризует словами сказки: «А наш богатырь, что медведь в лесу, – гнет дуги, не парит, сломит – не тужит» (См. Днев., II, 19). Отставка Бибикова последовала 20 августа 1855 г., т. е. на другой день по окончании 6-месячного траура (См. Дневник

мое либеральным вел. кн. Константином Николаевичем, этим «le plus libéral et le plus éclairé prince de l'empire», как достойно величает его знаменитый французский публицист Лероа-Болье¹⁵, сделалось настоящим рассадником или главным штабом всего того преобразовательного движения 60-х годов, которое привело к реформам, «составляющим, как гласил рескрипт Александра III на имя кн. А. М. Горчакова, гордость нашу и сладу минувшего царствования».

II.

Для истории русской культуры особенное значение имеет деятельное и решительное участие великого князя Константина Николаевича в величайшей из реформ нынешнего столетия¹⁶ — в крестьянской. Незабвенные, исключительные заслуги покойного великого князя были официально признаны еще в 1861 г. в знаменитом рескрипте, данном в один день с подписанием манифеста об освобождении крестьян.

«Подписав сегодня манифест о даровании помещичьим крестьянам прав состояния свободных сельских обывателей, Я и по влечению сердца, и по долгу моему, — писал Александр II, — желаю в этот самый до-

П. А. Валуева в «Русской Старине», 1891. № 4. С. 181). Удаление Клейнмихеля Валуев приветствует как *внутреннюю победу* (Там же. № 5. С. 340).

В «Историч. Вестнике» напечатаны воспоминания путейского офицера, показывающие, до чего мог доходить в своем диком самовластии этот «бич Божий, Атилла всего инженерного корпуса, неумолимо злобный граф Клейнмихель». Николай I, сильно рассердившись на путейского молодого офицера, который ночью, не узнав государя, толкнул его нечаянно, потом простил офицера, сказав: «Кто старое помянет, тому глаз вон! Клейнмихель, ты *не помышляй* с него взыскивать, так как я простил его! А ты теперь можешь идти домой с Богом!» На этом однако дело не окончилось, и по пословице: «милует царь, да не милует псарь» офицера ждала жестокая расправа со стороны зверя Клейнмихеля. «Рано утром, — пишет он, — мой сладкий сон был внезапно нарушен стуком двери в мою комнату. Я открыл глаза и увидел перед собою свирепую фигуру жандарма... Восемь дней и ночей без малейшего отдыха мчал меня жандарм, пока не передал кавказскому начальству при конверте из штаба путей сообщения. В нем, в этом конверте, оказалось строжайшее предписание, за собственноручною подписью Клейнмихеля, меня, Ясинского, «за политическую неблагонадежность *припрятать на Кавказе и ни под каким видом и никогда отсюда не выпускать ни в отпуск, ни в отставку*» («Истор. Вестн.», 1893. Май).

¹⁵ См. Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe (N. Milutine). Paris, 1884. С. 159.

¹⁶ См. там же, 29.

*стопамятный для России*¹⁷ день изъяснить Вам мою живейшую и глубокою признательность за точное, скорое, вполне моей воле и моим ожиданиям соответствующее окончание сего важного государственного дела. С самого назначения Вашего 15 июля 1857 г. членом Комитета, учрежденного для предпринятого преобразования, Вы принимали деятельное участие во всех оногo действиях, и по окончании в октябре 1860 г. состоявшими при сем Комитете Редакционными комиссиями порученных им работ, призывая главный Комитет к подробному представленным ими проектов рассмотрению, Я, по особому к вам доверию, назначил Ваше Высочество председателем в сем Комитете. Вы вполне оправдали сие доверие. Глубоко и тщательно изучив все относящееся к важным разнообразным вопросам, Вы с *пламенным ко благу общему усердием* посвящали ежедневно трудам в Главном Комитете все Ваши усилия, все Ваше время и, *без сомнения, благодаря* Вам подробное рассмотрение сего обширного дела во всех его частях и составление нескольких положений приведены к окончанию в назначенное время».

Искренний, сердечный тон этого документа уже сам по себе свидетельствует, что тут мы дело имеем не с одной из тех официальных условностей, *fable convenue*, побасенок, которыми по разным соображениям иногда прикрашивается официальная версия государственных событий¹⁸ и против которых восстал бы первый сам адресат, рьяный изобличитель «официальной лжи». Пылкий по темпераменту¹⁹, по справедливому замечанию одного из ближайших свидетелей

¹⁷ Выражение «*день достопамятный для России*», вероятно, было поставлено вместо слова «радостный», которое значилось в первоначальном проекте манифеста и которое было вычеркнуто по предложению митрополита Филарета (см. главу I, §3).

¹⁸ Удалившемуся по болезни первому председателю Главного Комитета кн. Орлову, завязтому крепостнику, также была выражена в рескрипте за *услуги*, оказанные освобождению крестьян, официальная благодарность, имевшая характер иронии (См. Материалы для истор. упраздн. креп. сост., III. С. 150).

¹⁹ Горячий, как человек с твердыми убеждениями, вел. кн. умел, однако, когда требовали обстоятельства, сдерживать свою горячность. «В начале своего служения на посту председателя Государственного совета, — писал покойный М. И. Семевский, служивший под начальством вел. кн., — пылкость и страстность характера великого князя несколько порывисто прорывались, но с течением времени он овладел собою и был на высоте своего положения, быстро усваивая суть обсуждавшихся вопросов, сглаживая оттенки разномыслия и приводя собрание к единоголосному решению («*Русская Старина*», 1892. № 3. С. III).

дела освобождения, вел. кн. Константин Николаевич вложил в это великое дело *всю свою душу* и был ревностнейшим помощником Александру II в осуществлении его воли²⁰.

И тут нет и тени преувеличения!

Сочувствуя по человечеству горькой доле миллионов обездоленных крестьян, лишенных прав человеческой личности, и признавая современность, а стало быть и необходимость освобождения крестьян с точки зрения государственного блага, Константин Николаевич отдался этой благородной, но трудной и опасной (опасной даже при его высоком общественном положении) проблеме со всем жаром теплого братского сочувствия и с неуклонною настойчивостью закаленного и просвещенного государственного человека. Предпочитая сладкому «безопасному безделью», *inertiae dulcedo*²¹ все трудности и опасности убежденного борца за правое дело, вел. кн. покинул холодные сферы полуравнодушного официального бесстрастия, нередко прельщающие своею безмятежностью ленивые натуры и далеко не такого высокого происхождения. Не имея ничего общего с этими равнодушными к общественному благу людьми (по поводу которых апокалипсис говорит: *поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих*), знаменитый поборник народной свободы с самого начала²² крестьянской реформы открыто, грудью стал за дело свободы, давая отпор властным врагам ее, и нередко для защиты ее лично вмешивался в самые ожесточенные боевые схватки, происходившие около этой великой реформы, испытывая и огорчения, и радости, выпадающие в удел всем благородным бойцам за свободу.

Одно время после смерти первого председателя Редакционной комиссии Я. И. Ростовцева, существовало предположение назначить на его место вел. кн. Константина Николаевича. Мысль эта была оставлена в тех видах, дабы не сделать члена императорской фами-

²⁰ См. н. с. Семенова, III, 753.

²¹ *Taciti Vita Agricolaе*, III.

²² «Весьма естественно было императору Александру II, — говорил бывший секретарь Редакционной комиссии сенатор П. П. Семенов в речи, посвященной памяти вел. кн. Константина Николаевича, — искать не только утешения, но и нравственной поддержки вне Комитета (враждебного реформе) и в особенности в своей семье, в которой он нашел двух горячих и *безбоязненных* сторонников освобождения крестьян. Это были великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Елена Павловна» («*Русская Старина*», 1892. № 3. Речь сен. Семенова на 31-й годовщине «19 февраля». С. 814).

лии мишенью тех бесчисленных злостных клевет и враждебных демонстраций, на которые были так щедры жадные и злые крепостники по отношению к своим противникам²³. Тщетная предосторожность! Покойный вел. кн. Константин Николаевич слишком много и слишком горячо поработал для народной свободы, чтобы его могли миновать терния, неизбежные при исполнении такой благородной, человеческой миссии...

До июля 1857 г. великий князь не принимал официального участия в Секретном Комитете, ведавшем крестьянский вопрос, хотя и был посвящен в тайну императором Александром II²⁴, которого он горячо поддерживал в его благородном начинании вместе с великою княгиней Еленой Павловной. Но, как известно, мысль государя об освобождении была встречена крайне враждебно со стороны приближенных Государя и всех высших придворных сановников, а также большинства членов Секретного Комитета и Государственного совета:

*Нам рано, рано! в зlobe страстной
Кричал испуган барства цвет.*

Всякий раз, как темные силы, — дружному и искусному натиску их должен был уступить сам Николай I²⁵, — делали отчаянные попытки, чтоб остановить поступательное движение, начавшееся с новым царствованием, чтобы поколебать решимость Царя объявить волю, всякий раз, как у мягкого Монарха под действием окружающей, враждебной свободе среды являлись колебания и вырывался скорбный возглас: «елои, елои!..»²⁶, от которого не застрахованы самые могущественные владыки земные, в. к. Константин Николаевич был тут как тут, чтобы сильным доводом ума укрепить колеблющуюся волю, чтобы дружеским участием успокоить мнительность, чтобы рассеять несокрушимою верою в силу добра внушаемое старыми бюрократами недоверие к свободе, к народу, к печати и, вообще, к свободному общественному развитию...

В течение полугода Секретный Комитет ничего путного не сделал и, очевидно, рассчитывал похоронить крестьянский вопрос, как

²³ Там же. С. 818.

²⁴ См. выше стр. 17, прим. 1.

²⁵ См. Гл. I. С. 8–9.

²⁶ «Я даже от самых близких мне людей, — с грустью говорил Александр II Я. И. Ростовцеву, — слышу *только упреки и сетования* за то, что начал это дело освобождения». См. брошюру г. Еленева «Первые шаги освобождения крестьян». С. 59.

и шесть прежних подобных комитетов, существовавших при Николае I²⁷. Вернувшись из заграничной поездки, Александр II, поддержанный в своем намерении дать свободу королем прусским Вильгельмом и бароном Гастваузенем²⁸, остался недоволен, узнав «о политике» Секретного Комитета. В видах внесения в деятельность его свежей струи в июле 1857 г. был назначен членом его вел. кн. Константин Николаевич, который и не замедлил поставить ребром вопрос об отмене крепостного права перед озадаченными и испуганными сановниками, рассчитывавшими покончить с вопросом измором. 15, 16, 17 августа 1857 г. вел. кн. имел горячие стычки с защитниками крепостного права, но они остались в большинстве. Впрочем, решено было сделать ничтожный шаг вперед: приступить к *собранию данных для улучшения быта крестьян*, — об освобождении крестьян никто еще не смел официально заикнуться. Веря в великое значение печати²⁹ и общественного мнения, — недаром писал тогда Катков, «что общественное мнение есть великая сила нашего времени», — вел. кн. Константин Николаевич сделал было попытку внести *гласность* в обсуждение крестьянского вопроса³⁰ и тем сразу поставить его, как и сделано было не-

²⁷ Боясь решительных мер и не сочувствуя реформе, сановники по обыкновению прикрывались необходимостью осмотрительности и осторожности в столь важном государственном деле. См. н. речь сен. Семенова. С. 814.

²⁸ См. н. Материалы, I. С. 127.

²⁹ Вел. кн. Константин Николаевич всегда стоял за необходимость предоставления печати широкой свободы. «Это был, по замечанию историка Семевского, государственный муж с глубоким убеждением, признававший необходимость возможно более *широкой свободы* печати и права обсуждения общественной и государственной деятельности всех и каждого. Убеждение это сохранено было великим князем во всю его жизнь, и оно было до того *сильно*, — добавляет Семевский, — что его не поколебали даже и те нападки и обвинения, которые сыпались на него в русской печати, например, во время польской смуты, из обоих лагерей» («Русск. Стар.», 1892. № 2). Чтобы оценить такое разумное, достойное истинного джентльмена и государственного человека отношение даже к таким беззастенчивым литературным противникам, каков был известный московский маньяк-публицист Катков (ср. Дневник Никитенко, II, 399), достаточно припомнить, как другие расправлялись с своими литературными врагами; достаточно припомнить историю с «Голосом», прекращенным гр. Д. А. Толстым, удаление которого в 1880 г. тот имел неосторожность приветствовать как *третье* освобождение, совершенное Александром II после освобождения крестьян и болгар.

³⁰ См. н. Материалы, I, 135. Начальник III отделения кн. В. А. Долгоруков, само собою разумеется, был естественным противником гласности. Поэт Тютчев

сколько позже, на твердую почву³¹. Но попытка встретила решительный отпор со стороны большинства Секретного Комитета, которое усмотрело в таком необычайном шаге революционную меру³².

по этому поводу сострил, что кн. Долгоруков не прочь бы даже и страшный суд произвести при закрытых дверях (Н. с. Лероа-Болье, 155, прим.). Из других представителей партии крепостников особенно ратовали против гласности кн. Меншиков, тот самый, который проектировал освобождение крестьян растянуть на 70 лет. По словам князя, с допущением гласности в журналах будут писать не помещики, а *профессора и студенты*, и ничего доброго из этого не выйдет, а будет одно только зло (См. н. Материалы, II, 134).

«*Тайна* была нужна и страшна, — пишет в записках своих А. И. Левшин, ближайший помощник министра внутренних дел при Ланском, — при самом приступе к крестьянской реформе, потому что боялись преждевременного открытия ее миллионам крепостных людей; к тому же в понятиях наибольшей части пожилых людей, не исключая многих членов высшего правительства, освобождение крестьян должно было неминуемо вызвать кровопролитие и требование политической свободы. После этого легко себе представить, — говорил Левшин, — что речь государя московским предводителям 1856 г. (о неизбежности освобождения по требованиям века) была громовым ударом для большинства публики и световым лучом надежды для немногих». См. «Достопамятные минуты в моей жизни». Записки А. И. Левшина. «Русский Архив», 1885. № 8. С. 476.

³¹ Только благодаря гласности правительство делало, по мнению Милютин, решительный шаг, связывавший его самого (См. Лероа-Болье, 14). Любопытно, что «хамы», которых родовитые аристократы и за людей не считали, сразу сообразили, что значит гласность. Дело пошло на огласку, говорили они, теперь господа его не скроют (См. Н. Крылов. «Очерки из далекого прошлого» в «Вестн. Европы», 1900. № 5. С. 154).

³² См. Материалы, I. С. 137. См. ниже главу о Н. А. Милютине.

О допущении гласности в «Записке» Левшина находим следующие подробности. В конце 1857 г. на большом придворном балу Левшин заявил государю, что для выяснения подробностей дела недостает сведений и что в этом нужно содействие публики и литературы. В этих видах он предлагал открытие в официальных правительственных журналах разработку крестьянского вопроса и для начала сам предложил статью. Государь сделал на статье надпись: «совершенно согласен с его мнением», хотя и признал некоторые места резкими. Главный Комитет счел излишним печатание статьи, «полагая более удобным официальным путем объявлять намерения правительства, нежели путем журнальной статьи. Но то, что не было принято по моему мнению и представлению, не без огорчения вспоминает Левшин, то вскоре допущено было влиянием великого князя Константина Николаевича и окружающих его с гораздо большею свободой для всех, без

Великая жизненная реформа рисковала быть отложенной в долгий ящик и завязнуть в стадии бесплодного бюрократического пережевывания вопроса, т. е. собирания все новых и новых данных, если бы не «внушенный» адрес литовского дворянства, давший спасительный толчок делу. По меткому замечанию известного деятеля крестьянской реформы П. П. Семенова, адреса эти послужили рычагом³³, давшим возможность вывести крестьянский вопрос из летаргического состояния. Под влиянием горячих сторонников освобождения Секретному Комитету повелено было в кратчайший срок обсудить заявление литовского дворянства, которое изъявило согласие на освобождение крестьян хоть и без земли. Даже и это умеренное предложение не было одобрено Секретным Комитетом, и только группа великого князя (Я. И. Ростовцев, С. С. Ланской и Д. Н. Блудов) стояла за объявление официального приступа к освобождению крестьян. Государь согласился с мнением этой группы, и в памятный день 20 ноября 1857 г. последовал рескрипт на имя литовского дворянства с разрешением устройства Губернского Комитета для составления проекта «об улучшении и устройстве быта крестьян». В дополнительном «секретном» отношении министра внутренних дел уже прямо говорилось «об уничтожении крепостной зависимости», правда не вдруг, а постепенно.

Семя было брошено, нужно было обеспечить ему добрый всход — прилив света и тепла!.. Видя источник их в гласности, великий князь предложил Секретному Комитету необычайно смелую по тогдашнему времени, но счастливую мысль разослать рескрипт и министерский «секретный» циркуляр по всем губерниям. Комитет, хотя и неохотно, согласился на эту меру. В одну ночь, в знаменитую ночь 21 ноября, благодаря друзьям свободы, особенно знаменитому деятелю ее Н. А. Милютину³⁴, были отпечатаны рескрипт и циркуляр, и на другой день,

исключения, журналов. Малого не хотели дать, а многое дали. Это показывает, какая *шаткость* была во всех действиях правительства. Впрочем, говоря *многое*, я не имею целью осуждать допущенную гласность, а только сказать, что она была допущена без последовательности, без обдуманного плана, *на авось*, под влиянием угождения царскому брату или второпях при выходе из заседания, когда члены комитета, утомленные несоразмерною с их силами работою, голодом, спешили домой к обеду» (См. «Записку» Левшина в «Русск. Архиве», 1885. № 8. С. 540). Несмотря на эту оговорку, пристрастие Левшина, старого бюрократа, к официальной, т. е. односторонней и искаженной гласности, резко бросается в глаза.

³³ «Русская Старина», 1892. № 3.

³⁴ По словам Лероа-Болье, Милютину принадлежит в рассылке циркуляра главная руководящая роль (См. н. с. Лероа-Болье. С. 15. Прим. 1). Но настоящим двига-

22 ноября, циркуляры летели уже во все концы России, разнося «секретную» благую весть о предстоящем освобождении народа. Если это и не была полная гласность, то было нечто довольно к ней близкое.

Не на шутку встревожились и ужаснулись «спасатели отечества», заседавшие в Секретном Комитете, увидев такое поспешное приве-

телем крестьянского вопроса в этот момент был, по замечанию г. Р., вел. князь Константин Николаевич («Заря крестьянск. свободы». *Русск. Стар.*, 1897. XII. С. 451).

«Циркуляр этот испугал меня, — пишет тогдашний тов. мин. внутр. дел Левшин, — ибо, во-первых, он вызывал косвенно все русское дворянство на общее преждевременное движение; во-вторых, заключал в себе *неправду*, которая вовсе не была нужна и, вероятно, вкралась от поспешности (!). Комитеты ковенский, гродненский и виленский вовсе *не говорили* о неизбежности освобождения, и, следовательно, министр не мог сказать в циркуляре на всю империю, что те комитеты признали необходимым освободить крестьян от крепостной зависимости (См. записку его в *Русском Архиве*», 1885. № 8. С. 5). В противоположность моему мнению, министр так спешил рассылкою этого циркуляра, что мимо меня послал его в типографию и приказал в течение ночи отпечатать. Когда я приехал к нему поутру, все экземпляры были уже готовы и я, прочитав один из них, не обинуясь, объявил, что признаю эту публикацию преждевременною, неосмотрительною и несогласною с истинным положением дела, а потому не могу скрепить циркуляра. Ланской, уже начинавший тяготиться слухами о том, что дело освобождения веду более я, нежели он, отвечал положительно, что он избавляет меня от скрепы всех вообще бумаг и что товарищу министра это не совсем и прилично. В настоящем случае я принял его слова к исполнению беспрекословно, потому что сам того желал, но прочие бумаги по крестьянскому делу продолжал подписывать, пока увидел, что мы не знаем куда идем, и пока убедился, что в комитете имеют намерение все делать наперекор Ланскому, не уважая его мнений, а он не имеет ни достаточно энергии в характере, ни дара слова для поддержания их. На другой день по отправлении циркуляра 21 ноября члены Комитета спохватились, что сделали оплошность, и присылали в Министерство внутренних дел узнать, нельзя ли остановить циркуляр, но он уже был отправлен на почту. Может быть, эта опрометчивость и была полезна тем, что двинула дело повсеместно вопреки убеждениям Комитета; но тогда никто из людей осторожных не оправдывал этой меры: ибо никто не смел надеяться, что народ русский так благоразумно и терпеливо будет ожидать окончательного разрешения своей участи. Если ход дела будет так же благополучен, как до сих пор был, то я скажу: *Слава Богу, что меня не послушали!* Тем не менее для исторической истины заношу этот факт в мои записки так, как он был» (См. назв. «Записку». С. 525).

дение в исполнение под влиянием «красных» постановления Комитета. Привыкшие к потемкам канцелярской тайны, эти государственные мудрецы столько же боялись последствий этого небывалого шага, сколько и с гадливым скептицизмом останавливались пред такою профанацией законодательной деятельности в глазах *prophanum vulgus*, толпы, как бы делавшейся ее свидетелем, если не участником и контролером. Хранители ветхозаветных традиций старой системы — консерваторы, сделали попытку остановить эту меру (рассылку циркуляров), которая, как они чуяли, должна была умалить могущество их олигархической оппозиции и вырвать из рук интриганов судьбу великого начинания. Но было уже поздно. Стрела была пущена, и почта разносила по всем концам России радостную весть о грядущей свободе.

Значение мудрой меры, предложенной вел. кн. Константином Николаевичем, было громадное для судеб крестьянского вопроса. Оглашение начала приступа к отмене крепостного права имело первостепенное значение и для правительства, и для народа. В правительстве должны были прекратиться господствовавшие в нем дотоле колебания и сомнения. Оно сжигало корабли, отрезывало себе отступление и обязывалось *бесповоротно* так или иначе довести дело до конца³⁵. Кроме того, благодаря гласности, и только ей одной, правительство получало могучих союзников в лице либерального общественного мнения и литературы, при помощи которых оно только и было в состоянии одолеть могущественных противников освобождения — придворную и чиновную знать³⁶. Для народа гласность имела также весьма серьезное значение. Как только разнесся в конце 1857 г. слух о готовящемся освобождении, народ, уже с конца царствования Николая I ждавший воли с нетерпением³⁷, пришел в крайне возбужденное, лихорадочное состояние. Благодаря тем потемкам, которые создавала допущенная полугласность, в народе стали циркулировать слухи о том, что помещики скрывают от них указ о воле, и начались волне-

³⁵ См. «Русск. Стар.», 1892. № 3. С. 816.

³⁶ «Только благодаря поддержке общественного мнения, — говорит Лероа-Болье, — восторжествовали два наиболее спорные и важные пункта крестьянской реформы: наделение крестьян землей и самоуправление крестьянских обществ» (См. н. с. Лероа-Болье. С. 53). Г. Крылов в помянутых записках отмечает громадную роль печати, которая помогла и правительству, и дворянским депутатам, и всему дворянству ориентироваться в сложном крестьянском вопросе (См. «Вестн. Европы», 1900. № 5. С. 153).

³⁷ О нетерпении народа см. н. главу I, § 1.

ния. Для прекращения ложных слухов предписано было циркуляром от 3 февраля 1858 г. напечатать в губернских ведомостях рескрипты³⁸. И замечательно, что как только надежда на освобождение получила осязательную форму в виде официального обещания правительства, толки и волнения прекратились тотчас, и помещичьи крестьяне держали себя спокойно, как никогда, и с этих пор прекратились вовсе убийства помещиков³⁹. Народ до конца реформы оказал замечательную нравственную выдержку⁴⁰ и оставался тверд, но покоен, чем сильно помог благополучному исходу дела, немало огорчив консерваторов крепостнического лагеря, рассчитывавших эксплуатировать народные волнения в интересах замедления крестьянской реформы⁴¹.

В 1858 г. центр тяжести крестьянского вопроса переходит в провинции, в губернские комитеты; в столицах правительственная деятельность ослабевает, но зато литература, несмотря на все цензурные стеснения, ухитряется пустить в оборот мысль о необходимости освобождения крестьян не иначе как с наделом⁴². Само собою разумеется, что в. к. Константин Николаевич становится на сторону этого «рационального» решения крестьянского вопроса.

В 1859 г. открывается Редакционная комиссия для составления проекта Положения о крестьянах. Знаменитая Комиссия, как известно, вынесла на своих плечах все бремя этого трудного законодательного подвига и всю злобу ожесточенного крепостничества, перешедшего в своих нападках на Комиссию всякие границы не только приличия, но и самой элементарной честности⁴³.

³⁸ См. н. Материалы, II. С. 154.

³⁹ См. там же. С. 174–175.

⁴⁰ См. «Русскую Старину», 1886. № 2. С. 375 и выше главу I.

Это величавое спокойствие народной массы при виде разрешения множества жизненных государственных вопросов, поднятых в последние четыре года, служит, по нашему мнению, писала «Северная Пчела» в номере от 1 января 1860, доказательством, что в русском народе много задатков политического такта, что со временем, когда разовьются государственные способности этого, еще младенчествующего теперь в отношении внутренней политики народа, он представит собою одно из замечательнейших явлений в истории развития человечества.

⁴¹ О том, как предполагали терроризировать государя слухами о народных волнениях шеф жандармов кн. В. А. Долгоруков и М. Н. Муравьев, см. выше главу I, § 1.

⁴² Историю вопроса о наделах см. в главе II, § 3.

⁴³ Об озлоблении против Редакционной комиссии «как очага красных революционеров» см. в главе I, § 1.

В. к. Константин Николаевич не входил в состав Комиссии, но он оказал в это время ей и, стало быть, делу свободы громадные, хотя и незаметные для публики, услуги. «Деятели крестьянской реформы, читаем в одной кавказской газете, редактируемой сыном Н. А. — Ю. Н. Милютиным, постоянно болезненно чувствовали *необеспеченность* своего дела, которое так странно поражает нас, не могущих себе представить, что в ту пору (1859–1860 гг.) было еще вопросом, будут ли освобождены крестьяне, или все дело будет признано вредною затеею. В это-то трудное время поддержка двух особ императорской фамилии, великой княгини Елены Павловны и великого князя Константина Николаевича, не раз спасала дело. Как брат и друг императора Александра II, в. кн. Константин Николаевич много мог влиять на успешный исход затруднений, а чрез близких ему людей (особенно А. В. Головнина) он находился в постоянных сношениях с членами Редакционной комиссии. — О всех опасностях, тревогах и затруднениях сообщалось в. к. Константину Николаевичу, и от него приходили одобрения, обещания защиты, советы и предостережения. Эта сторона дела, не оставившая следов в официальных бумагах, составляет самую существенную заслугу великого князя. Это мелочи, но эти мелочи, охранили и вырастили великое дело»⁴⁴.

С окончанием работ Редакционной комиссии и с переносом дела в Главный Комитет началась для великого князя Константина Николаевича новая серия усиленных трудов и чрезвычайных забот о благополучном довершении крестьянского дела. Крепостническая партия напрягала все усилия, чтобы добиться в Главном Комитете если не полного обезземеления, что уже по духу времени казалось невозможным, то возможно большого сокращения крестьянских наделов⁴⁵. Фраза, неосторожно употребленная Государем, во время прощальной аудиенции в речи, обращенной к членам Редакционной комиссии («Может быть придется *многое* изменить»), окрылила надеждами консервативную партию. За то, чтобы *не* пришлось многое изменить, *постоял*, как верно отмечает летописец этой Комиссии, уполномоченный доверием государя вел. кн. Константин Николаевич⁴⁶.

Неожиданный случай пришел на этот раз на помощь друзьям народа и свободы. На место князя Орлова, пораженного параличом *накануне* (люди, привыкшие к земным делам примешивать по своему произволу участие небесных сил, усмотрели тут руку Провидения, как

⁴⁴ Газ. «Кавказ», 1892. № 14.

⁴⁵ О взгляде крепостных на надел см. в главе I, §1.

⁴⁶ См. н. с. Семенова: Освобождение крестьян. 2 ч. III т. С. 753.

раньше⁴⁷ крепостники радостно узрели наличность ее во внезапной смерти Ростовцева) открытия заседания Главного Комитета, председателем его был назначен великий князь. Понимая всю трудность и величие выпавшей на его долю благородной миссии, он отдался своим новым обязанностям всеми силами своей души. Всегда отличавшийся добросовестным отношением к своим служебным обязанностям⁴⁸, на сей раз он отдал беззаветно на служение правому народному делу все отпущенные ему природою богатые природные дарования, оплодотворенные блестящим образованием, безостановочным саморазвитием и жизненным опытом. Если в предыдущей стадии крестьянской реформы великий князь в качестве доброжелательного пестуна охранял Редакционную комиссию, как колыбель народной свободы, от многочисленных и могущественных врагов, пользуясь главным образом своим высоким положением, близостью своею к трону, то теперь, вступая в *champ clos*, в открытое единоборство с корифеями плантаторской партии, он мог положиться только на свои личные силы и умственные способности, на свое замечательное образование, дар слова, способность к усидчивому труду и удивительную память⁴⁹. Кроме того, он должен был возыметь твердую и благородную решимость пострадать за правду, принять ту горькую чашу тяжких огорчений, клевет, на которые были так щедры обозленные крепостники относительно всех крупных деятелей крестьянской реформы⁵⁰,

⁴⁷ См. Днев. Валуева. «Русск. Стар.», 1891. X. С. 143.

⁴⁸ М. И. Семевского поражали память и трудолюбие вел. кн. Константина Николаевича. «Каждое сколько-нибудь важное дело, говорит он, изучаемо им было лично, нередко без посредства докладчика, было ли то в Главном Комитете по устройству сельского состояния, в главном присутствии по воинской повинности или, наконец, в общем собрании Государственного совета. Вел. кн. всегда приступал к заседанию лишь после тщательного ознакомления с делом. Видя иногда утомление в лице августейшего председателя, говорит тот же свидетель, мы спрашивали близких к нем о причинах утомления и узнавали, что накануне до глубокой ночи Е. В. читал дела, предназначенные к докладу, изучал их, причем зачастую справлялся в некоторых книгах своей обширной библиотеки. Да, это был труженик государственный, заключает Семевский, труженик замечательных способностей, деятель, всею душою желавший пользы и блага горячо им любимой России». «Русск. Стар.», 1892. № 2. С. 3.

⁴⁹ «Весьма часто бывало, рассказывает Семевский, в Главном Комитете великий князь, остановив докладчика, сам продолжал доклад, с поразительною ясностью излагая подробности спутанных дел» (Там же. С. IV).

⁵⁰ О смерти Ростовцева, вызванной ожесточенными нападками крепостников, см.

от которых далеко не защищало в к. его высокое положение ни при жизни⁵¹, ни после смерти.

Великий князь пошел навстречу своему тяжкому, но завидному историческому жребию! Изучив раньше⁵² во всех подробностях проектированное Редакционной комиссией поземельное устройство крестьян, великий князь Константин Николаевич употребил чрезвычайные усилия, чтобы склонить в его пользу Главный Комитет. Большинство Комитета было, однако, против, образуя несколько групп. Горячо и ясно доказывал великий князь, что при осуществлении предложений гр. В. Н. Панина у крестьян *отойдет одна треть* обеспечивавших их быт при крепостном праве наделов, что при

в главе I, §1. С. С. Ланской, павший по проискам реакции тотчас по обнародовании манифеста, не мог перенести своего неожиданного падения (См. Лероа-Болье. Н. соч. главу III; о систематической травле крепостниками Н. А. Милютина, как «красного» См. главы I–III н. с. Лероа-Болье). Указывая на те нападки, оскорбления и гонения, коим иногда несправедливо подвергаются в демократиях общественные деятели, французский публицист на примере Н. А. Милютина показывает, как часто и при монархической форме правления государственные люди, действующие в интересах народного блага, должны выносить молча всевозможные горькие обиды и страдания (С. 35 н. с.).

⁵¹ Говоря о семейном, частном праздновании у вел. кн. в 1886 г. юбилея великого дня 19 февраля — официальное празднование, как известно, не было разрешено гр. Д. Толстым — сенатор П. П. Семенов говорит: «Светел и радостен был вел. кн. Константин Николаевич в этот день; великодушно забыл он *тяжелое и горькое*, им пережитое в трудную эпоху его деятельности; живо шла за столом беседа с нами великого князя, и ярко восстанавливала его бойкая память одни светлые воспоминания пережитого, а особенно светлые они были потому, что великий князь и в старые годы не утратил *пылкой веры* в будущность русского государства и русск. народа» («Русск. Стар.», 1892 г. № 3. С. 823).

⁵² Вел. кн. Константин Николаевич, — говорит сенатор П. П. Семенов, — один из всех членов Главного Комитета следил шаг за шагом за постепенным развитием законопроекта (составляемого Редакционной комиссией) и при деятельном содействии А. В. Головнина (впоследствии министра народ. просвещения) всегда знал все, что там происходило. Этим объясняется то, что когда в октябре 1860 г. законопроект, составленный Редакц. ком., был внесен в Главный Комитет, то и из всех его членов, не исключая даже председателя комиссии В. Н. Панина, великий князь ближе всех был знаком не только с подробностями проекта, но и с мотивами, руководившими его составителями, что было тем более важно, что объяснительной записки Редак. комиссия, вследствие *поспешности закрытия*, составить не успела (См. там же. С. 817).

предположениях М. Н. Муравьева будет отобрана у них *большая половина* наделов, а при предложении кн. П. П. Гагарина *три четверти*, и быт крестьян таким образом *улучшен не будет*. Все было напрасно. Корыстные вождения делали глухими ко всем доводам разума и общественной пользы все три меньшинства⁵³.

Наконец, в. к. Константин Николаевич решился на своего рода Геркулесов подвиг: разубедить гр. Панина, дабы с присоединением его голоса составить большинство хоть из пяти голосов. Это был необыкновенно смелый шаг, потому что гр. Панин, не имея никаких политических убеждений, в истинном значении слова отличался необычайным упрямством в своих предубеждениях и даже заведомо ошибочных взглядах⁵⁴. «Никогда не изгладятся из моей памяти, — вспоминал недавно сенатор П. П. Семенов, — те усилия ума и воли, благодаря которым после двухчасовых горячих споров⁵⁵, происходивших в кабинете великого князя, ему удалось, наконец, убедить гр. Панина присоединиться к мнению большинства»⁵⁶.

Великий князь спас в Комитете и Государственном совете наделы, проектированные Редакционной комиссией, хотя и не вполне⁵⁷.

Император Александр II высоко ценил громадность услуг, оказанных в. к. Константином Николаевичем крестьянской реформе, и в памятном заседании Государственного совета 28 января 1861 г. горячо благодарил его и целовал несколько раз⁵⁸. «Я не забуду, и со мною,

⁵³ Там же. С. 814.

⁵⁴ Черты упрямого самодурства гр. Панина см. в главе I, §1.

⁵⁵ Спор этот был докончен при комической и неприличной обстановке (см. главу I), подробно описанной Н. П. Семеновым в последней части его Сборника (Ч. 2. Т. III. С. 765–773). Гр. Панин настоял на отнятии у крестьян сенокосов, отсутствие которых так вредно отразилось на хозяйстве их. Мало того, с каким-то упрямством взбалмошного маньяка он оттягивал у П. П. Семенова, защищавшего норму крестьянских наделов, установленную Редакционными комиссиями, 1/2 десятины, 1/4 десятины (С. 771), не понимая и не будучи в состоянии понять благодаря своему незнанию жизни и узкобюрократическому воззрению, какими неудобствами и затруднениями должны были отразиться даже подобные ничтожные отрезки (В письме своем И. А. Милютину от 25 сентября 1861 г. Ю. Ф. Самарин с прискорбием отмечает, — какое тяжелое впечатление производили на народ затеянные гр. Паниным отрезки «полудесятин». — См. н. с. Лероа-Болье. С. 98, примеч.).

⁵⁶ См. «Русскую Старину», 1892. № 13. С. 820.

⁵⁷ См. н. сб. Семенова. Ч. 2. Т. III. С. 762 о гагаринском, или нищенском, наделе.

⁵⁸ См. Материалы, III. С. 108.

конечно, вся Россия не забудет, — писал государь в своем рескрипте 19 февраля 1861 г., — *как действовали в сем важном случае В. И. В. и как другие члены Главного Комитета*».

В тот же день этот временный комитет был переименован в постоянный Комитет о сельском состоянии, просуществовавший до 1882 года. В. к. Константин Николаевич во все это время был бесменным председателем Комитета и насколько было возможно охранял крестьянскую реформу от реакции, наступившей уже с апреля 1861 г. и постоянно усиливавшейся впоследствии...

IV.

Во всех других реформах Царя-Освободителя великий князь Константин Николаевич принимал самое деятельное участие, но самое сильное и решительное влияние оказано было им на выработку благодетельного закона 17 апреля 1863 г. об отмене телесных наказаний и Устава об общей воинской повинности 1874 г. (см. главу XIII). В то время как другие цивилизованные страны (как, например, Англия) не решались ввиду особых условий военно-морской дисциплины отступить от установленных с незапамятных времен жестоких телесных наказаний, генерал-адмирал Константин Николаевич через посредство органа своего ведомства «*Морского сборника*», бывшего в то время самым усердным проповедником гуманно-просветительных идей, подготовлял почву для смягчения и даже полного уничтожения кошек и розог. Когда в половине марта кн. Орлов (см. выше главу III) взял на себя инициативу возбуждения вопроса об отмене телесных наказаний, первый, кто приветствовал и поддержал это гуманное начинание, был в. к. Константин Николаевич. В обстоятельной записке, проект которой был составлен известным юристом флота генерал-аудитором П. Н. Глебовым, игравшим важную роль как в этой, так и в судебной реформе, он всецело поддерживал предложения кн. Орлова и даже шел дальше их.

Признавая главные мысли, изложенные в записке князя Орлова, весьма основательными, великий князь полагал, что они заслуживают самого серьезного, внимательнейшего и неотложного обсуждения. «Телесные наказания составляют, — писал он, — для государства такое зло, которое оставляет в народе самые вредные последствия, действуя разрушительно на народную нравственность и возбуждая массу населения против установленных властей; телесные наказания могут быть терпимы в государстве лишь в самых необходимых случаях, когда в самом деле нет возможности обойтись без

них, и этою только необходимостью при существовавшем у нас личном помещичьем крепостном праве может быть объяснена действующая у нас система уголовно-исправительных телесных наказаний. С освобождением крестьян из-под личной зависимости помещиков, настоятельно необходимо озаботиться о принятии другой системы наказаний и взысканий: *это необходимо не только в чувствах человечества, но и для предупреждения конечной порчи народной нравственности, для обеспечения спокойствия и общественного порядка в государстве.* В сих видах надлежит стремиться постоянно к отмене телесных наказаний, *принимая ныне же, без всякого отлагательства* соответствующие меры, сколько для ослабления жестокости телесных наказаний и для ограничения случаев употребления их, столько же и для взыскания в городах *и селах* способов в постепенной замене телесных наказаний иными взысканиями. С этой же точки зрения следует смотреть на употребление телесных наказаний и в войсках: ни жестокость телесных казней и наказаний, ни частое употребление их не ведут к поддержанию дисциплины, а, напротив, жестокость телесных наказаний и неумеренное употребление их без крайней в том необходимости и без достаточно зрелого обсуждения проступка виновного могут ослаблять силу военной дисциплины, подрывая живую связь между офицерами и нижними чинами, поселая в них чувства взаимного неуважения и нерасположения. Ввиду этого великий князь вполне соглашался с бывшим военным министром, что возможно отменить наказание шпицрутенами, не употреблять вовсе телесного наказания по суду как наказания прибавочного и ограничить власть начальников в назначении телесного наказания, по собственному их усмотрению, 50-ю ударами розог. По мнению великого князя, все эти меры могли быть объявлены по военному и морскому ведомствам, *не ожидая* окончательного пересмотра и утверждения проекта воинского устава о наказаниях, а вместе с этим весьма полезно было бы постановить, для ограничения самовольных, необдуманных распоряжений начальников, и некоторые правила относительно самого порядка назначения телесных наказаний без суда».

Далее великий князь в своем мнении заявляет, что сколь ни желательно, чтобы плети рукою палача и розги, как прибавочное наказание, были отменены по гражданскому ведомству в возможно скорейшем времени, но если по каким-либо обстоятельствам признается нужным отложить это на некоторое время, то при действии в военном ведомстве особых постановлений о суде и наказаниях не усматривается достаточного основания отлагать объявление вышеозна-

ченных мер по военному ведомству впредь до того времени, когда плети и розги⁵⁹ будут отменены в гражданском ведомстве.

Затем и при дальнейшем развитии вопроса в. к. Константин Николаевич все время шел впереди человеколюбивых деятелей, боровшихся против защитников телесных наказаний, которые старались ослабить или понизить силу нового гуманного движения. Так, надменный человеконенавистник гр. Панин настаивал на том, чтобы ввиду отмены телесного наказания *усилено* было для простолюдинов, ссылаемых в Сибирь, наказание увеличением срока ссылки. Генерал-адмирал решительно восстал против такого несправедливого, явно жестокого предложения, исходящего из того ложного основания, будто ссылаемый в Сибирь простолюдин ничего не теряет. «Лишение человека всех тех благ, — писал он, — которыми пользуется он в обществе, как бы, по-видимому, они ни были незначительны, разрыв всех его привязанностей к людям и к местам не может не ужасать подвергающихся сей потере»⁶⁰. Точно так же он горячаратовал и против предложенного злым рутинером гр. Паниным переноса клейма с лица подсудимого на плечо его⁶¹. Равномерно настаивал на отмене не только розог, но и своеручных побоев, имевших столь широкое применение как в военном и морском, так и гражданском быту⁶²...

Но как ни важна была деятельность великого князя относительно других реформ, роль его в крестьянской реформе, как уже сказано, имеет особо выдающееся значение.

Имя великого князя Константина Николаевича неразрывно связано с вечно памятным делом отмены крепостного состояния крестьян. Имена деятелей его, — говорил В. К. Чевкин в 1860 году, — будут «через несколько лет во святых»⁶³. Предсказание не вполне оправдалось, по крайней мере относительно времени. Даже те освобожденные крестьяне, которые наиболее выиграли от освободительного акта, не знают благодаря своему невежеству имен деятелей его. Что же касается субъектов крепостного права, бывших душевладельцев, то они, тоже по невежеству, хотя и менее извинительному, и доныне все еще изрыгают человеконенавистническую хулу и прокля-

⁵⁹ См. Свод мнений и замечаний по вопросу об отмене телесных наказаний. С. 11 и след.

⁶⁰ Там же. С. 54.

⁶¹ Там же. С. 61.

⁶² Там же. С. 99.

⁶³ См. н. Материалы. Т. III. С. 102.

тия на этих доблестных государственных деятелей и честных слуг своего народа⁶⁴.

Но придет время, когда и эти слепцы уразумеют, наконец, от какой нравственной проказы избавили их деятели крестьянской реформы, освободив и их самих от нравственной язвы владения душами, которая, по меткому выражению великого пророка⁶⁵ русской земли, знаменитого летописца «*Пошехонской Старины*» М. Щедрина-Салтыкова, втягивала «*всех в омут унижительного бесправия*». Тогда и крепостники благословят имена своих «благодетелей», деятелей крестьянской реформы, которых они ныне стараются смешать с грязью...

Хочется верить в такое конечное торжество правды, как ни стары и многочисленные факты, ему противоречащие. Хочется верить, что в конце концов имена тех «*qui ont contribué au triomphe du bien*»⁶⁶, имена бескорыстных делателей добра покроются немеркнущей славой.

Потребность такой веры в силу добра так велика, что ей платят дань самые отважные скептики⁶⁷. Да и какая была бы цена жизни без такой веры в силу правды, в силу тех великих, хотя и «забытых», альтруистических «*бредней*», которыми поддерживается и совершается все, что есть правого, высокого и честного в человеческих делах?! Заплатив по человечеству дань таким благородным бредням, давшим жизнь, по верному замечанию Салтыкова⁶⁸, величайшему событию XIX столетия – освобождению с землей 23-х миллионов, великий князь Константин Николаевич исполнил долг гражданина и «человека».

По рождению сын могущественного царя, в. к. Константин Николаевич стремился стать «достойным званья человека», согласно начертанной его знаменитым ментором программе, долгим и упорным трудом готовился он к предстоящему высокому жизненному поприщу, стараясь всесторонним образованием расширить свой умственный кругозор, очистить сердце, укрепить волю. Когда пришло удобное время выйти (с 18 февраля 1855 г.) на новый трудный и от-

⁶⁴ См. извлечение из «*Гражданина*» в примеч. главы I.

⁶⁵ Так именно называл Салтыкова А. Н. Островский. («*Русск. Вед.*», 1884. № 153).

О выдающейся роли М. Е. Салтыкова в крестьянском вопросе см. превосходное исследование знатока крестьянского вопроса В. И. Семевского в «Сборнике правоведения». СПб., 1893. Т. I. С. 125–210.

⁶⁶ E. Renan. Feuilles détachées. P. 624.

⁶⁷ Ibidem. Préf. XV.

⁶⁸ См. назв. исслед. Семевского. С. 180.

ветственный путь самостоятельного государственного служения для обновления России, воспитанник Жуковского, вероятно, вспомнил и вышеуказанные мудрые наставления его, что «движение — *святое дело*, останавливать движение *гибельно*», что «нужны не дела славы, озаряющие *только немногих*, а дела правды, Божией правды, *благодетельные для всех и каждого*» (см. выше) ...

Кто в «дни своей весны златой» не внимал таким вещим глаголам в трепетном ожидании счастливой возможности превратить слово в дело?

Житейская проза, малодушие, своекорыстие, рутина и т. п. последствия «пошлого опыта» часто на самом пороге практической деятельности отрезают крылья «мечтам юности»:

*Вы удалились безвозвратно,
Мечты моих прекрасных дней! —*

говорит, печально понуря голову, «трезвенный» делец «с охлажденным умом».

Но благо тем, кому выпал счастливый жребий хоть отчасти осуществить мечты дней юности своей. Такой именно завидный жребий выпал на долю в. к. Константина Николаевича... Запечатлев в уме и сердце своем великое слово наставника своего, что истинное призвание государственного человека думать о «делах правды, благодетельной *для всех и каждого*», а не об интересах «немногих избранных», он отдался и должен был отдаться всеми своими силами — и по соображениям государственной политики, и по внутреннему человеколюбию — великой *назревшей* задаче нового царствования: смыть пятно рабства с России, облегчить великое, безысходное горе, — ибо какое горе горше неволи?! — 23 миллионов «крещеной собственности», лишенных человеческих прав и переданных во власть «немногих избранных», сотни тысяч привилегированных душевладельцев!.. Признав же «понедельник перешедшим во вторник», по выражению Жуковского, т. е. реформу «назревшую», в. к., следуя опять-таки разумному совету своего наставника, должен был «*громко провозгласить* этот переход и *совершить* соответственное ему *действию*». Так именно и поступил в. к. Константин Николаевич, заслужив тем и обещанную наставником достойную награду. Отнять у покойного великого князя эту светлую и яркую страницу истории, эти неувядающие лавры никто и ничто не в силах: ни зависть, ни злоба, ни тупоумие, так как эта заслуженная нетленная награда нераздельна с подвигом добра, им совершенного, для приобретения не громкого, но славного имени *человека*!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

КОРИФЕЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

Н. А. МИЛЮТИН

† 26 ЯНВАРЯ 1872 Г.

(СПРАВКА К 25-ЛЕТИЮ)

*Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал,
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.*

Н. Некрасов.

I.

Шумно и беззаботно кутила московская аристократическая молодежь, провожая широкую масленицу 1835 г. Как водится, в последний день ее устроен был целодневный кутеж, т. н. folle jourпée, — истинно сумасшедший день. В числе кутивших был 16-летний красавец-юноша, высокий, стройный, с необыкновенно правильными, выразительными и симпатичными чертами лица. Он в этот день в первый раз надел toga virilis, попросту фрак, и с утра поехал в благородное собрание на утренний бал. С бала молодой человек поехал на обед. На дворе стояли трескучие морозы. С наслаждением вдыхая освежающий аромат холодного чистого воздуха, катит бальный герой по лоснящей глади московских улиц,

*Морозной пылью серебрится
Его брововый воротник.*

«Как прекрасен Божий мир!» — думает юноша. С обеда, где пришлось ему встретиться с предметом своей страсти, он — опять на танцы и, наконец, далеко за полночь воротился домой, вполне довольный сам собою. На другой день за утренним чаем дружески попеняла матушка на сына за его жестокое равнодушие к кучеру, которого он про-

держал на козлах без пищи и отдыха, несмотря на стоящие на дворе трескучие морозы...

Не взирая на нежный, заранее прощающий тон материнской нотации, — куда уж матерям серьезно распекать детей-любимцев! — впечатлительный юноша понурил голову. Весь чад буйно-разгульной *folle journée* мигом испарился и даже поэзия пережитых нежных грез и жизнерадостных ощущений поколебалась в своих основаниях. Так вот какую цену куплена возможность беззаботного порханья от удовольствия к удовольствию: безответный, безличный «хам», дворовый должен был 15 часов подряд торчать на козлах на 25-градусном морозе! — Этого не должно быть, и крепостное право, узаконяющее такое издевательство над человеческой личностью, должно *пасть*, решил в своем добром сердце благородный юноша. Он навсегда запечатлел в своем уме эту сравнительно невинную картину крепостнического быта и спустя двадцать слишком лет отдал всю свою душу, весь запас своих умственных сил и нравственной энергии на выполнение своей Ганнибаловой клятвы, на освобождение своей родины от этой отвратительной болезни¹.

Юноша этот был Николай Алексеевич Милютин, впоследствии один из столпов преобразовательной эпохи вообще и самый видный деятель в частности в крестьянской реформе.

Н. А. Милютин родился 6 июня 1818 г. в Москве в небогатой дворянской семье. Род Милютиных отличается не столько стариною происхождения, сколько традициями истинного благородства² и любовью к просвещению, которая особенно усилилась под влиянием матери

¹ Есть ли этот рассказ, повторенный Милютиным на смертном одре, плод семейной легенды или действительно этот случай сыграл в мирозерцании Милютина роль известного Ньютонова яблока, так кстати упавшего с дерева, важно только то, что уже с юных лет Н. А. вынес под влиянием семьи (мать Милютина была сестрою знаменитого графа Киселева, искреннего, единственного, по словам Николая I (см. главу I, §1), поборника освобождения крестьян из окружавших его государственных людей) ненависть к крепостному праву и любовь к народу и равноправности (см. там же).

² Милютины — выходцы из Сербии, искони отличавшейся демократическими нравами. В числе предков их был один святой, Стефан Милютинович. При Петре один из Милютиных был командирован за границу для изучения шелкового производства и впоследствии построил фабрику для выделки шелковых тканей. Милютины издавна были крупными домовладельцами. В Петербурге есть Милютины ряды, в Москве Милютинский пер. (на Мясницкой) (См. Leroy-Beaulieu. *Un homme d'état russe*. С. 7).

Н. А., сестры одного из самых просвещенных государственных людей Николаевского времени, графа П. Д. Киселева, искреннего поборника освобождения крестьян. Милютин учился в Московском университетском дворянском пансионе, но поступить в университет ему не удалось, так как расстроены семейные дела после смерти матери требовали, чтобы 17-летний юноша, воспитанный в довольстве и холе, шел в «работники» — зарабатывал себе и отцу хлеб.

Тяжелая давящая рука нужды!.. Но зато как часто она полезна, если только тяжесть ее не переходит границ отпущенных природою сил и способности сопротивления. Конечно, в такой талантливой и трудолюбивой семье, как Милютинская, которая членов своих приучала смотреть на труд как на самое благородное и приятное дело и лишь в чванном тунеядстве видеть источник зла (первый литературный труд старший брат Н. А., Д. А. Милютин, написал 16-ти лет, а младший — В. А. — 20-ти лет пишет первую ученую статью «Пролетарии и пауперизм»³), быть может и не было надобности в такой суровой школе, но вреда она Н. А.-у принести не могла. Эта суровая школа нужды повелительно требовала привести в движение с ранних лет весь запас богатых дарований, отпущенных природою Н. А.-у.

В 1835 г. 17 лет Н. А. поступает на службу в Петербург, в мрачное царство занумерованных бумаг, в Министерство внутренних дел. Живой ум, мастерское перо, умение схватывать самую существенную сердцевину дела и серьезное отношение к своим обязанностям сразу обеспечили Н. А.-у видное и почтенное место среди обезличивающей нивелирующей, бюрократической среды⁴. 20 лет, однако, прошли почти бесплодно для богато одаренного, ищущего живой и разумной работы, замеченного мин. внутр. дел гр. Строгановым еще в 1836 г., молодого талантливого чиновника, так замечательно владевшего пе-

³ Старший брат Н. А. — Д. А. (ныне граф) Милютин, бывший военный министр (см. ниже), — известный ученый историк; младший, Владимир, — талантливый юрист, профессор Петербургского университета, первый применивший метод сравнительного исторического изучения (см. Энциклопедический словарь), и Н. А. известен своими замечательными статистическими работами.

⁴ Лероа-Болье, хорошо постигший дух нашей бюрократической системы, пишет: «В этом темном царстве человечества, где почти военная дисциплина уничтожает почти всякую индивидуальность и где бюрократические традиции и формализм порождают очень часто рутину и преобладание посредственности Н. А. Милютин должен, помимо любви к труду, выдвинуться двумя качествами, более редкими и опасными в России, чем где бы то ни было: способностью к инициативе и твердостью характера» (Там же. С. 12).

ром. Только раз в течение 30-летней спячки встрепенулось Министерство вн. дел и ввело в столицах и в Одессе в 1846 г. слабое подобие всесословного городского самоуправления. В этой законодательной работе Н. А. принимал самое деятельное участие, чем впервые обратил на себя неблагосклонное внимание высшего петербургского общества, враждебного реформам. Поддерживая сношения с литературно-ученым кругом, Н. А. в это время знакомился также и с крестьянским бытом, принимая участие в ревизиях учреждений государственных крестьян. Само собою разумеется, что он внимательно следил и за попытками к освобождению крестьян, неоднократно, но бесплодно делавшимися в царствование Николая I.

II.

Настоящее широкое поприще для приложения дарований и сознательной любви к народу Н. А. открылось лишь с воцарением Александра II. Не без смущения и колебаний развернуло оно свое освободительное знамя, служение коему поставил себе задачей жизни Н. А. Некоторые меры (первый циркуляр Ланского, обещавший неприкосновенность крепостного права) опечалили друзей свободы. Ужель, думали они, начинается новый период спячки и Россия с одного бока перевернулась на другой?.. Смущение друзей русского народа было непродолжительно —

*Не тревожся, недремлющий друг,
Если стало темнее вокруг,
Если гаснет звезда за звездою,
Если скрылась луна в облаках,
Это стало темней пред зарею.*

Так и случилось. Крайне мешкотно, без плана и руководящей идеи, в потемках канцелярии, среди строжайшей тайны, уже с 1856 г. нащупывалась почва для освобождения крестьян.

Секретный крестьянский комитет, подобно многим своим предшественникам, собирався оттяжками затушить дело свободы, начатое молодым государем. Но весьма кстати осенью 1857 г. явился адрес литовского дворянства, за который поспешили уцепиться друзья свободы. Последовал рескрипт 20 ноября 1857 г., неожиданно положивший начало освобождению крестьян⁵.

⁵ Несогласия во мнениях Секретного Комитета, говорится в письме одного современника, неудачное распоряжение Ланского о созыве губернских комиссий,

С конца 1857 г. дело пошло вполне ходко, благодаря простому, но необыкновенно смелому шагу, который был сделан министром Ланским под влиянием Н. А. Милютина. Зная хорошо печальную судьбу крестьянских комитетов царствования Николая I, освободительные намерения коего благодаря отсутствию гласности были заглушены в потемках канцелярщины петербургскую знатью и бюрократиею, Милютин убедил либеральный кружок, группировавшийся около в. к. Елены Павловны и в. к. Константина Николаевича, настоять на опубликовании рескрипта 20 ноября 1857 г., коим принималось предложение литовского дворянства об освобождении крестьян (см. выше главу I).

Эта радикальная мера публично, стало быть бесповоротно, ставила на очередь крестьянский вопрос, и погребение его в недрах канцелярий делалось невозможным. Как ни запутано было еще положение, как ни смутны были черты предстоящей крестьянской реформы, этот шаг имел огромное политическое и нравственное значение (см. главу I). Значение этой простой, как Колумбово решение задачи об яйце, но решительной меры не укрылось от внимания понимающих дело современников.

«Как описать, — писал из-за границы кн. Д. Оболенский, по получении известий об оглашении рескрипта 20 ноября, Ал. Вас. Головинну, — вам наше удивление при получении последних известий? Великому делу положено начало! и какое прекрасное начало! Господь умудряет слепцов, и в этом деле нельзя не признать Его видимого присутствия. Ничто не обещало такого прекрасного результата: ни пригготовительная работа, ни качества большинства деятелей. Будущее нам неизвестно, но каково бы оно ни было, оно не уменьшит значения сей великолепной страницы в истории Государя. Вдали от России такие рескрипты производят, быть может, более сильное впечатление; я его читал в первый раз с замиранием сердца. Вы не могли иметь такого ощущения, потому что слишком близко видели всю внешнюю обстановку этого дела. Как умно и ловко было

только взволновавшее общественное мнение и породившее бездну недовольства, наконец усиление реакционных взглядов среди лиц, окружавших государя, побудило его приказать Ланскому составить рескрипт на основании адреса литовского дворянства, мнений Комитета и порядка освобождения крестьян в Остзейских губ. Комитет и Министерство внутренних дел принялись общими силами согласовать несогласуемое, сочинять, сами не зная, чего хотят. Писали, переписывали, опять сочиняли. Сосчитано, что в это время над этим делом работало 18 человек. В результате появился знаменитый рескрипт 20 ноября (*«Русск. Стар.»*, 1897. XII. С. 472).

воспользоваться частным случаем, чтобы поднять вопрос для всей России. Как мастерски отнимается у дворянства возможность жаловаться на произвол правительства... Вам, как одному из главных деятелей, слава, честь и благодарение! Но как не позавидовать счастью Ланского? Знает себе подписывает один циркуляр за другим и прямо идет в бессмертие в розовом галстуке и клетчатых штанах».

«Нечего упоминать, — говорит далее кн. Оболенский, — что в рескрипте и в циркуляре проходила рука государственного человека *Н. А. Милютина*»⁶.

С этих пор начинается неуклонное и преданное служение Н. А. делу освобождения. Насколько стойкая и сложная деятельность Н. А., самоотверженного поборника народной свободы, приводила в восторг друзей его, настолько же, и даже еще сильнее, она смущала и возмущала крепостников, которые не останавливались ни перед какими клеветами⁷, для того чтобы очернить в глазах Александра II Милютину и оттеснить его от дела, к которому он готовился всю жизнь. Удобный предлог для проявления накопившейся против либерала Милютина в придворных и высших бюрократических сферах ненависти послужило пустое столкновение в конце 1858 г. петербургского генерал-губернатора с тамошнею думою, раздутое в крупное событие политической важности.

Скандал устроил известный крепостник М. А. Безобразов, лицо близкое также ярому крепостнику, председателю Секретного Комитета графу Орлову, и впоследствии отличившийся самыми беззастенчивыми нападками на Редакционную комиссию за ее стремление по возможности дать крестьянам земельное обеспечение. Сыр-бор загорелся из-за того, что М. А. Безобразов, будучи гласным Петербургской думы, отказался в самой неприличной форме получать установленный законом диплом на звание гласного, указывая на то, что он, как столбовой московский дворянин, не хочет состоять «в числе людей среднего рода». Дума в ответ на эту циничную выходку поместила в протоколе статью закона, обязывающую ее выдать диплом. Протокол был напечатан для рассылки гласным. Один экземпляр попал в Москву, и либерал Катков, негодуя на выходку крепостника, или, по тогдашней терминологии, «плантатора» Безобразова, напечатал

⁶ См. *«Русск. Стар.»*, 1897 г. № XII. «На заре крестьянской свободы». С. 471.

⁷ «В этом деле (крестьянском), — писал в 1858 г. один московский крепостник, — замешана целая шайка врагов России и именно таких людей, которые были замешены 14 декабря 1825 года» (*«Русск. Стар.»*, 1897. XII. С. 470). Кажется, понятно!

протокол в «Русском Вестнике». Поднялась настоящая буря. Катковский журнал попал под опалу. Цензор Краузе, впоследствии известный земский деятель, слетел с места, и дело было передано в Совет министров. М. Н. Муравьев и другие крепостники, уже давно подкапывавшиеся под Милютину, сочли этот повод удобным для окончательного ниспровержения опасного врага. Они стали доказывать, что виною всему тот революционный дух, который положен в основу городского Положения 1846 г. и которым проникнут и автор его, Милютин. Ланскому прямо ставили в вину, что он держит около себя такого опасного человека. Из всех членов совета за него заступился только кн. Горчаков⁸. В конце заседания Государь сделал замечание: «Этот Милютин давно уже имеет репутацию „красного“, за ним нужно наблюдать».

Милютину больше ничего не оставалось, как подать в отставку. Да и положение самого Ланского было довольно щекотливое. Незадолго перед тем тот же Ланской должен был выдержать тоже целую бурю из-за записки, составленной кружком Милютина против Ростовцевского проекта об учреждении генерал-губернаторств с чрезвычайными полномочиями (см. выше, С. 39 и след.) и чуть не стоившей Ланскому министерского портфеля. Но к чести Ланского нужно сказать, что он был чужд обычной бюрократической рутины: не выдвигать на видных постах людей талантливых. С другой стороны, он искренно предался делу народной свободы, а для нее он считал Милютину необходимым человеком.

С отставкой Милютина в кармане Ланской поехал к Государю с докладом и старался защитить свою правую руку. «Это человек опасный, — сказал Государь, — во всяком случае, он заставляет много говорить». В конце разговора Государь задал вопрос: «Сергей Степанович, можешь ли отвечать за него?» «Как за себя», — был ответ Ланского.

Милютин остался на месте и вскоре занял пост товарища министра внутренних дел, хотя и не без затруднений и оскорбительных знаков недоверия. Когда выяснилось, что правительство оставляет первоначальный план постепенного освобождения, то главный автор его, тов. мин. вн. дел Левшин⁹, вышел в отставку. Ланской

⁸ Дневник Никитенко. Т. II. С. 118.

⁹ Один из мнительных сторонников освобождения, тов. мин. внутр. дел Левшин, смотрел на издание рескрипта 20 ноября, как на «такое сальто-мортале, от которого все государственное управление могло пойти верх дном» (См. Записку Лев-

шина в «Русск. Архиве», 1885. № 8. С. 524). Довольно характерно отношение его к крестьянскому вопросу. Левшин, зондировавший во время коронационных празднеств почву среди дворян, пишет: под звуки бальной музыки и кликов *ура*, Государю словесно доложено было и им одобрено, что дворянство трех западных губерний, которое, находясь в соседстве с остзейскими свободными земледельцами, не питало панического страха к слову освобождение, как другие, *первое* произнесет слово освобождение (н. Записки. С. 484). Но в каком акте собственно впервые произнесено было святое слово «освобождение»? Литовское дворянство, стремясь к освобождению крестьян от крепостной зависимости и... земли, говорило лишь в общих выражениях, что пришло время положить *конец* крепостному состоянию и заменить его добровольными соглашениями с крестьянами. (См. н. з. Левшина). Рескрипт 20 ноября говорит лишь об улучшении быта крестьян, и только в дополнительном циркуляре Ланского от 21 ноября говорится о желании литовского дворянства и «в видах помещичьих крестьян *освободить* их от крепостной зависимости». Левшин находит, что тут была сказана Ланским *неправда*, но едва ли в данном случае не говорит в нем чувство затаенной зависти или горького сетования на свою близорукость и мнительность, благодаря коим он был по собственной вине удален от крестьянского дела, которое он знал и которому сочувствовал, хотя и с тою аккуратною умеренностью (ни холоден, ни тепл), которая вызывает негодование автора Апокалипсиса. Замечательна вследствие такой нерешительности нелогичность поведения Левшина. Ланской предлагает 18 октября 1857 г. Левшину составить проект рескрипта на имя ген.-губ. Назимова, который служил бы приступом к общему освобождению по всей России (а Левшин вместе с Главным Комитетом был против одновременного освобождения). Назначается восьмидневный срок, согласно повелению Государя. Такой короткий срок назначил Государь, будучи выведен из терпения бесконечными проволочками Главного Комитета. Левшин такую поспешность, *по мнительности своей*, в которой впоследствии сам сознался и *каялся*, счел непозволительною и, к чести своей, отказался, несмотря на требование своего начальника, от шага, в котором видел ветреность (С. 525 Записки). Но впоследствии, спохватившись и сообразив, как лестно как-нибудь косвенно, хоть сбоку, в виде «поддужного» пристегнуться к зачинающемуся великому делу, скрепил уже без всякой надобности вышеупомянутый циркуляр Ланского, в котором он отмечал вышеуказанную *неправду* (Записки его. С. 533–834). Непостижимая логика!.. Не без горечи уступил Левшин место Н. А. Милотину и отнесенный новым течением в лагерь «отсталых» стал именовать новых более отважных пловцов «красными» и «нивеллерами» (С. 551 Записки), и утешаться в своих Записках «гордостью, самодовольствием и убеждением», что ему удалось подписать акт, составляющий краеугольный камень законодательства о крестьянах. Тщетное самообольщение! Едва ли претензия Левшина на признательность потомства

имел честное мужество отступить от бюрократической традиции не выдвигать опасных соперников на пост товарища¹⁰ и рекомендовал Милютина. Государь не сразу согласился и только в 1858 г. назначил его, и то только как «временного» товарища. Недоверие Государя к Милютину было так велико, что он так до конца службы и оставался «временным», так что в шутку его называли «временно-постоянным».

III.

По мысли Милютина была образована в 1859 г. под скромным названием Редакционной комиссии настоящая законодательная комиссия, которая сделалась главным рычагом в дальнейшем движении крестья-

основательна. Если он до 20 ноября и работал, как усердный чиновник, аккуратно компилируя, сам не зная хорошенько для чего бумаги своих предшественников, то за это и получал соответственные чины и знаки отличия (предоставкою ему был дан Александр Невский), а если он добивается славы государственного человека, то тут, кажется, должна быть мерка иная: отвага, дальновидность, глубина взгляда и сила убеждений! Если бы мнительность Левшина, заставившая его спасовать в решительную, критическую минуту (при составлении рескриптов 20 ноября) и пойти *вправо* с крепостниками, которые хотели оттянуть дело чуть не на сто лет и которым он вовсе не сочувствовал; если бы вместо того он имел благородное дерзновение и веру в народ и в свободное, он, как знаток крестьянского быта, вероятно, играл бы видную и завидную роль, доставшуюся после него Милютину. А коли струсил вследствие чрезмерной осторожности, как евангельский заскорузный раб, зарывший свой талант тоже из чрезмерной осторожности в землю, нечего роптать и напрасно протягивать руки к награде и чести, уготованной только для храбрых, предприимчивых, отважных пловцов, которые не довольствуются рутинным каботажным плаванием и которых рутинеры обзывают «безумцами», «радикалами», «нивеллерами»! Эти последние, пускаясь в смелые опыты «радикального лечения общественных недугов, своею рациональною деятельностью приготавливают себе, по верному замечанию проф. Редкина, в будущем вечную память». *Suum cuique.*

¹⁰ Лероа-Болье указывает на стремление министров представлять на пост товарищей из чувства самосохранения людей бездарных. Эти в свою очередь, делаясь впоследствии министрами, отдают предпочтение еще более бездарным, так что уровень министерского персонала должен бы прогрессивно понижаться, если бы другие обстоятельства не разрушали эти расчеты своекорыстия (Лероа-Болье. С. 19).

янского вопроса. Заклучая в себе помимо представителей «ведомств» до 20 членов-экспертов из помещиков разных губерний, это своеобразное получиновниче, полуообщественное учреждение не могло хоть несколько не импонировать крепостническому большинству Главного Комитета, если не силою своего внешнего авторитета, то знанием жизни и разумностью своих предложений. Милютин знал, какое трудное и ответственное дело начинает он, вступая в решительную борьбу с крепостниками, опиравшимися на узкие, своекорыстные, но могущественные интересы властных, богатых, знатных людей, опиравшимися на мнительность одних, на равнодушие к общему благу многих и на невежество большинства. Что же мог он сделать для борьбы с темными силами, как не обратиться к гласности, к знанию и бескорыстной любви к народу своих единомышленников, не располагавших иным орудием, кроме слова и письма? Приглашая в члены Редакционной комиссии Ю. Ф. Самарина, с которым он и раньше вел переговоры по крестьянскому вопросу, он ему писал:

«Почтеннейший Юрий Федорович! В дополнение к официальному приглашению, уже отправленному на ваше имя, мне поручено обратить к вам дружеское воззвание и от себя. С радости исполняя это поручение, в надежде, что вы не отклоните от себя тяжелой, но приятной обязанности довершить великое дело, которому вы издавна были преданы всей душой... Могу вас вполне удостоверить, что основания для работ широки и разумны. Их может по совести принять всякий, ищущий правдивого и мирного разрешения крепостного узла. Отбросьте все сомнения и смело приезжайте сюда. Мы будем, конечно, не на розах: ненависть, клевета, интриги всякого рода, вероятно, будут нас преследовать. Но именно поэтому нельзя нам отступить перед боем, не изменив всей прежней нашей жизни. Идя в комиссию, я более всего рассчитывал на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знание дела. При всей твердости моих убеждений я встречаю тысячу сомнений, для разрешения которых нужны советы и указания практиков. Здесь вы нужнее, чем где-либо. Обнимаю вас от всей души в надежде на радостное свидание»...

Собравшиеся в Редакционной комиссии борцы за народную свободу, сильные нравственной поддержкой передовой части общественного мнения и прогрессивной публицистики, без различия оттенков политического разномыслия, смело вступили в неравный бой с страшными силами косности и своекорыстия в лице рассвирепевших крепостников. Эта могучая кучка гребцов, везших на утлой ладье

свободу и счастье русского народа, выдержала не одну бурю, готовую, казалось, вот-вот потопить смелых пловцов и их драгоценный груз. Таинственные судьбы хранили этот убогий челн, за судьбою которого с жадным вниманием следил «терпением изумляющий народ», с нечеловеческими усилиями сдерживавший свой естественный порыв до дня, когда буря кончилась и... 19 февраля засияла звезда народной свободы:

*Любуясь ясностью лазури
На берегу, когда-нибудь
Вы пожалейте тех, чья грудь
Встречала в море ярость бури.*

Полтора года работала Редакционная комиссия (с марта 1859 по октябрь 1860 г.) и за это время совершила невероятную по размерам и трудностям работу, разобрав все проекты губернских Комитетов и массу проектов и записок частных и всю литературу. Достаточно взглянуть на одни только печатные труды Комиссии (в библиографическом указателе Межова одно исчисление содержания их занимает 12 страниц), чтобы составить себе понятие о размерах труда членов Комиссии. В числе этих доблестных и бескорыстных работников на пользу народа главным и в количественном, и в качественном отношении работником был, по общему признанию, Н. А. Милютин. В указателе, приложенном к известному труду Семенова «Освобождение крестьян», одно исчисление страниц, на которых значится имя Милютина, занимает два столбца и достигает цифры свыше 700. В качественном отношении влияние Милютина было так велико, что его справедливо называли душою или энергиею Редакционной комиссии. Зная крестьянский вопрос, как немногие, Милютин благодаря своему дару слова, находчивости, способности отчетливо разъяснять самые сложные вопросы и глубокой убежденности умел действовать и на врагов, и на друзей, которые невольно группировались вокруг этой крупной и привлекательной личности, умевшей, несмотря на свою мягкость, твердо держаться своих убеждений.

Значение Милютина особенно сильно сказалось, когда после Ростовцева был назначен гр. Панин, не скрывавший своего намерения не мытьем, так катаньем добиться отмены уже принятых Комиссией основных положений по крестьянскому землевладению (бессрочное пользование) и самоуправлению. Если бы не стойкость Милютина, сумевшего сплотить около себя прочную группу членов, отстаивавших интересы крестьян, то тактика графа Панина, быть может, при-

несла бы свой плод. Наделение крестьян землею и дарование им общественного самоуправления, эти два устоя крестьянской реформы, имели самого талантливое и убежденное защитника в лице Милютина, который в силу одного этого обстоятельства должен был сделаться мишенью нападок со стороны крепостников¹¹. Среди благородных деятелей крестьянской реформы Н. А-у должно быть отведено одно из первых мест. Старый поборник освобождения крестьян, декабрист Н. И. Тургенев, ознакомившись с трудами Редакционной комиссии, вправе был написать Н. А. Милютину: «Помимо громадности положенного труда, все беспристрастные люди должны вспомнить теперь и оценить значение нравственной борьбы, которую члены Редак. комиссии должны были вести против стольких враждебных влияний; чрез это их заслуги пред Россиею и человечеством получают новое значение, еще более крупное и блестящее. Кроме того в *«Труд. Ред. ком.»* я вижу, — писал старый либерал, — неопровержимое доказательство тому, что в России можно задумывать и выполнить самые крупные реформы, но теперь доказательство так очевидно, что оно должно убедить всех и каждого»¹².

IV.

Не менее важно было участие Милютина в работах Министерства внутренних дел по крестьянскому делу, которые направлялись его непосредственным влиянием. Прежде всего нужно было успокаивать и рассеивать сомнения Государя, которого (см. выше I главу) крепостники старались запугать измышленными или раздутыми сообщениями о народных волнениях. Затем необходимо было успокаивать крепостных, которые, путаясь в смутных толках о предстоящей воле, не знали чему верить и чему не верить, тем более что пошел слух, будто помещики скрывают волю, «как то и прежде бывало». Разрешенная по мысли Милютина гласность сразу разъяснила положение, и народ оказался достойным доверия.

¹¹ Один крепостник, стоявший за «волчью волю» крестьян, т. е. за обезземеление крестьян: «Отчего просто не взять в образец переворот, совершенный некогда в Польше и в губерниях остзейских? — писал этот образованный помещик. — К чему мечты об общине, о каком-то пролетариате, у нас не существующем?.. Чувствую как-то невольно революционеров, монтаньяров: эти люди могут испортить дело и лишить всех прав дворянство» (*«Русск. Стар.»*, 1898 г. № 1. «На заре крестьян. свободы»).

¹² Лероа-Болье. С. 87–88.

Одним из важнейших актов министерства было видоизменение роли дворянских депутатов. Не повторяя здесь сказанного в главе II, укажем только на записку Милютина 1859 г., дающую общий обзор деятельности дворянских комитетов и представляющую истинный шедевр деловой бумаги.

Вначале отмечается, что большинство дворянства не оправдало доверия правительства, что оно оказалось явно неспособным к беспристрастному соблюдению интересов обоих сословий и, обнаруживая даже непонимание самых выгод помещиков, стремилось к обезземелению крестьян, и что только в мнениях меньшинства нельзя не признать зрелости образования, беспристрастия и правильности взглядов. Переходя к подробному разбору комитетских положений, всеподданнейшая записка отмечает три мнения.

Первое мнение тех, кои мало оказывали сочувствия к освобождению крестьян, побуждаемые к тому личными материальными выгодами помещика. Нельзя подвергать их безусловному и строгому осуждению. Большинство из них, рожденные и воспитанные в понятиях крепостного права, не могут постигнуть настоятельной нужды преобразования и ждут от него неминуемых потерь. Напуганное воображение рисует в будущем разорение и нищету как их, так и их потомков. Хотя все губернские комитеты 1-ю статьею своих положений единогласно постановили отречение от крепостного состояния, но тайное направление к удержанию своих прав под разными видами встречается почти во всех Комитетах и в весьма многих из них составляет большинство.

Начальные действия противников освобождения состояли в том, что они пытались остановить всякое движение по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвещаниями бунта. К числу таких попыток в особенности следует отнести представленную Вашему Величеству безымянную записку под литерою А, в коей автор усиливается доказать, что в освобождении крестьян таится глубоко задуманный план демократической революции в России. Убедившись в неудаче остановить реформу, люди несочувствующие стали заботиться о том, чтобы дать ей оборот, как можно более выгодный для помещиков. Сначала они домогались выкупа за личность крестьян, возлагая его или на самих крестьян, или на правительство, или на все сословия государства. Не достигнув этой цели, в настоящее время они или стараются сохранить барщинный труд и чрез сие власть помещика над крестьянами, или же, соглашаясь на безусловное освобождение и личности крестьян и выхваляя свободу труда, желают уменьшить крестьянские наделы и ограничить пользование землями

одним 12-летним сроком, а если можно, то и вовсе не дать крестьянам земельного надела. Они, убедившись окончательно в невозможности противодействовать освобождению крестьян, заботятся лишь о том, как бы дело уничтожения крепостного состояния обратить в выгодную для себя операцию.

Второе мнение выдвинулось из направления личного материального интереса вскоре по обнаружении рескриптов и имеет более определенный характер. Это направление *сословного интереса*. Оно нашло себе приверженцев всего более между знатными и богатыми нашими помещиками. Поставляя на первый план сословные интересы дворянства, желают создать у нас дворянскую поземельную аристократию, подобно английской, и вместо нынешней привилегированной дворянской собственности на крепостных началах ввести другую, не менее привилегированную, на началах феодальных. За предоставленные крестьянам в собственность усадьбы и в пользование полевые угодья оставляют за помещиками под именем «вотчинных прав» особые, чуждые доселе нашему законодательству права, напоминающие средневековые феодальные привилегии на Западе. Но и такое ограниченное признание прав крестьян на поземельное владение есть со стороны этого направления только уступка правительству и общественному мнению; настоящая же цель, которой держались люди этого мнения весьма сознательно и настойчиво, есть освобождение крестьян без земли. Они увлекаются сословным интересом и примером Англии, не принимая в соображение различие времени и обстоятельств. Мало зная Россию и почти вовсе не постигая всех условий крестьянского быта, не видят, к каким губительным последствиям могло бы привести все государство такое направление, если бы оно осуществилось. Поборники этого направления нашли себе сочувствие и в остальном дворянстве, может быть, и в некоторых из приближенных к Вам, Государь, особах и некоторых членах Главного Комитета. Вопрос о «вотчинных правах» первоначально возбужден был в Санкт-Петербургском комитете, а из него перешел и в другие.

Третье мнение принадлежит желающим полного уничтожения крепостного права. Они составляют, хотя далеко не большинство, но значительную часть русского дворянства. К ним принадлежит большинство и, можно сказать, меньшинство Тверского комитета, большинство Харьковского и Киевского и меньшинство многих комитетов, в особенности Самарского, Тульского, Рязанского, Владимирского и Симбирского. Сочувствуя видам правительства относительно ограждения от произвола личности крестьянина и прочного

обеспечения его землею, они, впрочем, во многих частных вопросах между собою расходятся. Но мнения их, будучи плодом самостоятельных убеждений, приобретенных трудным путем долговременного и всестороннего изучения предмета, расходясь в подробностях, единогласно защищают совершенную отмену помещичьей власти и выкуп, обязательный или необязательный всего или части крестьянского надела в полную собственность, на условиях, по возможности умеренных.

Между лицами, которые придерживаются первых двух мнений, стало обнаруживаться в последнее время желание вызвать какое-либо явное появление того, что они называют *общественным мнением*, дабы изменить направление правительства, которое ищет соглашения взаимных выгод двух сословий, а не одностороннего разрешения вопроса в интересах одного из них. Нельзя также умолчать об ожидании решения со стороны крестьянского сословия. Давно уже мысль о свободе волнует умы крепостных людей. Давно уже между ними ходят толки, что Государь желает освобождения, но что дворяне мешают этому делу.

Не взирая однако на все происки крепостников, 19 февраля был подписан манифест о воле.

V.

В осуществлении великого законодательного акта 19 февраля не пришлось принять участия его главному редактору, Милютину. Уже в апреле 1861 г. под влиянием реакционной партии состоялась неожиданная отставка и старого Ланского, награжденного графским титулом, и Милютина, назначенного сенатором. Об обстоятельствах, сопровождавших его отставку, Милютин писал в письме от 4 мая 1861 г. посланном кн. Черкасскому с «оказиею»: «Пользуюсь, любезный князь, верною оказиею, чтобы побеседовать с Вами без унижительных предосторожностей и лицемерных умалчиваний. Готовлюсь к путешествию за границу, которого давно желал. Мне дан отпуск на целый год, или, вернее, меня *выпроводили*, назначив сенатором и сохранив мое содержание. Я считаю для себя этот отъезд за благословение, ниспосланное небом. Чтобы не дать повода к обвинению в равнодушии к общественным делам, я просил только четырехмесячного отпуска, но реакция пришла мне на помощь. Ланской и я удалены из министерства (без всякого прошения с нашей стороны) из угождения дворянству. Да послужат ему удовлетворением столь скромные жертвы. Что из всего этого выйдет, трудно предсказать... Государь желает

ет добросовестного применения реформы. Другие, хотя и привыкли выше всего ставить вопросы о личности, на этот раз питают глубокую надежду все переделать по-своему. На первую очередь назначен пересмотр университетского устава... Одним словом, хотят законопатить все щели, чрез которые проходит свежий воздух в высшие сферы»¹³.

За рубежом с болью в сердце Милютин следил, как преемник Ланского Валуев, этот любимец «безыдейной и близорукой реакции», мягко, но настойчиво ломал великий законодательный акт, и только добрые вести о благополучном объявлении воли и о первых благотворных последствиях свободы утешали «гражданина-кузнеца», невольно оторванного от любимого дела. Говоря о неизбежности зигзагов в русском прогрессе, Ю. Ф. Самарин в письме от 19 мая 1861 г. утешал Н. А. тем, что не верил в возможность наступления «последовательной реакции». «Чтобы убедиться в этом, — писал он, — достаточно бросить беглый взгляд на народ. Без преувеличения он изменился с ног до головы. Положение о крестьянах развязало ему язык, оно разбило узкий круг идей, среди которых он вращался, как заколдованный. Его язык, манеры, походка — все изменилось. Вчерашний раб¹⁴ сегодня уже чувствует себя выше государственного крестьянина не только в экономическом отношении, но и как *гражданин* (к ужасу «Гражданина» кн. Мещерского!), знающий, что у него есть права, которые он должен и может защищать».

К несчастью, так успешно начатое дело народного освобождения и обеспечения дальше пошло далеко не безостановочно, и друзьям народа не раз впоследствии приходилось задаваться вопросом:

Народ освобожден, но счастливы ли народ...

Только что открытые теплые строки печальника горя народного опять напомнили об обязанностях истинных друзей народа:

*В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «дурак»¹⁵.*

¹³ Лероа-Болье. С. 87–88.

¹⁴ Лероа-Болье. С. 96–97.

¹⁵ Стихотворение Некрасова, хранившееся в бумагах сенатора В. И. Лихачева, напечатано в № 1 «Жизни» за 1898 г.

В последующих реформах участие Милютина в качестве члена Государственного совета было крайне незначительно.

В апреле 1864 г. Н. А. был вызван в Россию по польским делам. При устройстве польских крестьян Милютин проводил свои старые идеи, но при иных условиях и совершенно особой обстановке: его союзниками были его принципиальные противники, как, например, крепостник Н. М. Муравьев. Обследование этой стороны деятельности Н. А. выходит за пределы нашей задачи.

Имя Н. А. Милютина прежде всего и больше всего связано с величайшей реформой нашего века, с освободительной хартией 19 февраля. «Пока будут существовать на Руси свободные, — сказал И. С. Тургенев в 1864 г. пред возвращением Н. А. в Россию в числе немногих, составляющих гордость России, — имя Николая Милютина будет приноситься с особенною благодарностью и почетом».

Много потрудился Н. А. для народа. Недаром же названный печальник народа напугивал его на место вечного покоя словами:

*Сти безмятежно с спокойною совестью,
Честный кузнец-гражданин.*

Все, знавшие близко Н. А., свидетельствуют об обаянии его личности. Кавелин в одном из писем заявляет, что Н. А. и не подозревал, какое благоговение внушала его личность¹⁶. А. П. Заблоцкий-Десятовский на обычных товарищеских поминках 19 февраля о Н. А., между прочим, говорил: Милютин обладал «политическим талантом усваивать себе живую идею, соответствующую новым современным потребностям общества, и вот почему все, что сочувствовало этой идее, становилось под его знамя; вот почему люди с высокими умственными дарованиями, с твердым характером, подчинялись ему невольно». Даже враждебно настроенные против Милютина лица подчинялись его влиянию при встрече с ним. Это черты характера Н. А., которые были открыты для всех, имевших с ним сношения. «Но как выразить чувства, с которыми будут беречь о нем память те, кто были почтены его дружбой? Они будут помнить, что дружба эта была постоянна, что она выражалась не словами только, но и самым делом; для Н. А. не было той жертвы, какой он не был бы готов принести за человека, которого он любил и уважал... Н. А. заслужил всю ту любовь и уважение, на которые человек может иметь право... Да будет же честно и славно имя Н. А., да будет благословенна его память!..»

¹⁶ «Русская Мысль», 1899. № 9.

Поэт «М. Р.» в газете «Голос» памяти Милютина посвятил следующее стихотворение:

*Ты в мире не гремел победными громами,
Но подвиги твои славнее всех побед.
Великий труженик, ты скромно между нами
Прошел, но по себе оставил вечный след.
И славный этот след из памяти народной
Ни время, ни вражда, ни зависть не сотрет,
И голос сограждан, правдивый и свободный,
Над многими тебя высоко вознесет.
Врачуя старые отечества невзгоды,
Как доблестный боец за родину свою,
Под знаменем ее единства и свободы
Ты бился до конца и пал в святом бою...*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЯТЕЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ

В. А. АРЦИМОВИЧ

† 2 МАРТА 1893 г.

*Печальной памятью отмечена пора,
В которую тебе угаснуть было надо,
Перед святынею добра
Неугасимая лампада.*

А. Жемчужников

Имя В. А. Арцимовича будет неразрывно связано с историей крестьянско-го дела в России, и эта же история занесет на свои страницы описание его упорной борьбы с сословною исключительностью и отживающим старым крепостным строем.

И. С. Аксаков (1863 г.)

I.

2 марта 1893 г. скончался на 73-м году жизни один из последних могикан эпохи великих реформ, сенатор Виктор Антонович Арцимович. Это был едва ли не самый стойкий и видный представитель сходящего со сцены славного поколения государственных деятелей, вынесшего на своих плечах трудное дело гражданского обновления России. Если вообще справедливо изречение, что жизнь прожить — не поле перейти, то оно особенно применимо к длинному, многотрудному и плодотворному жизненному поприщу покойного Арцимовича, который из 72 лет своей жизни 52 отдал деятельному, разумно-сознательному служению государству, народу и обществу. Всего лишь за два месяца до смерти покинул он столь трудный, щекотливый и ответственный пост первенствующего члена¹ I департамента Сената.

¹ По ст. 19 Учрежд. Сената в I департаменте особого первоприсутствующего не полагается, и обязанности его исполняет старший из сенаторов.

Значение нашего высшего судебно-административного судилища, в состав которого сами министры входят на правах простых членов, как известно, особенно усилилось после реформ бо-х годов с переносом на I департамент функции высшей инстанции по крестьянским, земским (в том числе и утверждение мировых судей) и городским делам. Нужен был весь нравственный авторитет В. А., его выдержка и непреклонная энергия, его стойкость убеждений и верность гуманным принципам, нужно было его тонкое юридическое чутье, глубокое знание нашего законодательства и беспредельное уважение к началу законности и человечности, наконец, его богатый и разнообразный служебный опыт и знание жизни, чтобы с таким достоинством, тактом и успехом держать кормило учреждения в такое время, когда видимо и вполне осязательно наступила реакция против духа поставленных под контроль сената новых преобразованных учреждений.

С этою необычайно трудною задачею мог справиться только Арцимович. Глядя на эту колоссальную фигуру мощного духом старца-богатыря, с богатою белоснежною шевелюрою, с выразительными умными и добрыми чертами лица, невольно вспоминался завещанный классическою древностью величавый образ иных римских *patres conscripti*, бестрепетных служителей долга и закона. Каждый сенатор, читаем в ст. 247 Учрежд. Сен., как истинный сын отечества, имея всегда в виду долг свой к Богу, государству и законам, долженствует памятовать, что обязанность судьи, которая на него возложена, есть: почитать отечество свое родством, а честность — дружбою и проч. Если чья деятельность невольно воскрешала этот классический тип и образ «истинного сына отечества», начертанный на статуте созданного гением Петра Великого учреждения, то именно нелицеприятное, чуждое модным реакционным течениям, увлечениям и угодливости, служение закону и правде В. А-ча, которое можно бы формулировать девизом любимого его юриста Миттермайера: *Wahrheit gegen Feind und Freund* (правда по отношению к недругу и другу). Зато же и други, и недруги Арцимовича, которых у него, как у всякой резко очерченной индивидуальности, всегда было достаточно, отдавали ему ту справедливость, что все признавали его безусловную честность. Даже те, которые не соглашались с ним, невольно вынуждались платить дань его искренности, правдолюбию, человеколюбию, честному мужеству говорить прямо правду в глаза и полной отрешенности его от каких-нибудь личных, а тем паче своекорыстных соображений. Такие цельные характеры и честные убежденные бойцы за правду вообще и везде — редкость, а в особенности в России, где, по словам Левшина, бывшего тов. мин. внутр. дел, «ни-

кто не дорожит своими мнениями и своею репутациею, и все думают только, как бы угодить верховной власти и получить за то какую-либо награду»².

II.

Служебную карьеру свою Арцимович начал довольно рано, в 1841 г. Правовед 1-го выпуска, 20-летний юноша, он вместе с небольшою горстью своих столь же молодых товарищей пошел на смелый бой с теми вековыми язвами старого дореформенного строя — взяточничеством, буквоедством и бюрократическим произволом, для искоренения коих и было учреждено в 1835 г. близ Цепного моста Училище Правоведения, бок о бок с III отделением, которое, как известно, тоже имело целью, по инструкции своего причудливого основателя гр. Бенкендорфа, споспешествовать сверхъестественными способами торжеству правды³. Нелегко было этой доблестной, но слабосильной молодой дружине «рыцарей права» искоренить «черную неправду», господствовавшую в наших судах и очевидную уже всем, кроме неспособного видеть даже очевидности тогдашнего главы судебного ведомства, министра юстиции, графа В. Н. Панина, помешанного на консерватизме и до последних дней своего управления твердившего — «все обстоит благополучно»⁴.

Но что могла сделать эта горсть благонамеренных молодых людей, действовавшая на свой страх, по системе случайного «единоборства», среди охватившего их кругом темного царства взяточничества и невежества, беззакония и кривосудия? В бессилии у них опускались руки, что лишний раз подтверждало давно известную истину, что без хороших учреждений прекраснейшие люди ничего или почти ничего не могут сделать. Все, что могли сделать эти пионеры права — это соблюсти себя, т. е. самим оставаться честными, не навязывая честность другим. Редкие попытки правоведов переходить в активную борьбу с взяточничеством или с явным неправосудием обыкновенно кончались не в пользу «горячих» голов⁵. Большинство же, затягивае-

² См. Записку Левшина в *«Русск. Архиве»*, 1885. № 8. С. 7435.

³ См. *«Русск. Арх.»*, 1889. № 7.

⁴ Еще в 1860 г. гр. Панин жаловался на цензуру за допущенную в печати критику «его» судебных учреждений. См. *«Русск. Стар.»* 1892. № 3.

⁵ Таков был случай, бывший с другим правоведом, впоследствии знаменитым публицистом, И. С. Аксаковым. В московском Сенате в конце 40-х годов разбиралось дело богатого помещика, обвиняемого в систематическом растлении им

мое тиною бюрократической рутины, предавалось со всем усердием канцелярским своим упражнениям в ожидании чего-либо лучшего.

Такое «лучшее» для Арцимовича были сенаторские ревизии, эти внезапные грозы, время от времени очищавшие душную и грязную атмосферу дореформенных учреждений. Человек чуткий, энергичный, он не мог, как иные, вложить всю свою душу в бездушное дело старого сенатского бумажного правосудия. Молодого даровитого юриста, не порвавшего связь с живыми общественными и литературными интересами сороковых годов, манил широкий простор действительной жизни, где бы он мог стать лицом к лицу с бесчисленными нуждами и горестями ее, дать им хоть временное, хоть частичное облегчение, минуя иссушающую процедуру мертвенного канцелярского разбора, вернее, погребения дел. Такие именно случаи давали сенаторские ревизии, через известные промежутки, кое-как очищавшие авгиевы конюшни старого суда и администрации.

Просматривая послужной список Арцимовича, поражаешься этим неугомонным влечением юного правоведа к командировкам при ревизующих сенаторах. Уже в феврале 1842 г., стало быть, всего семь месяцев спустя после поступления на службу в сенат, В. А. командировается для письменных занятий к сенатору Бегичеву, ревизовавшему Орловскую и Калужскую губернии. В следующем 1843 году он участвует на этот раз в качестве заведующего канцелярией в ревизии Таганрогского градоначальства, произведенной сенатором Жемчужниковым, и затем в 1850 г. в сенаторской ревизии учреждений Западной Сибири. Сенатор Жемчужников, выдавший впоследствии за Арцимовича дочь свою, в блестящей аттестации, данной молодому юристу, свидетельствовал, что он «оправдал полное к нему доверие и оказал основательное знание законов, отличные способности, благородные правила и постоянную деятельность».

Этими же качествами запечатлена и вся последующая служба его по должности обер-секретаря Сената и тобольского гражданского губернатора (с 1854 г.). Энергия, бескорыстие и справедливость были в то время качествами весьма редкими даже среди высших представителей администрации в России, а потому легко понять, как должны были оценить такую просвещенную деятельность человеколюбивых

своих крестьянок. Сенат оправдал знатного преступника, и об этом поправлении правосудия не мог равнодушно говорить Аксаков спустя 40 лет (см. т. I его писем). Он пробовал протестовать, но ничего не вышло, и он должен был оставить должность обер-секретаря, испортить карьеру и сохранить на всю жизнь репутацию «беспокойного».

вого юриста, как Арцимович, сибиряки, страдавшие от взяточничества чиновников еще более, нежели жители внутренних губерний.

Как велика была популярность В. А. среди сибиряков, обнаружилось впоследствии, в 1862 г., замечательным способом, характерным и для духа времени, и для силы симпатии, внушенной В. А. сибирякам. Когда появилась в печати (см. ниже) злостная диатриба одного из крепостников против деятельности Арцимовича, как калужского губернатора, то граждане Тобольска *proprio motu* и без ведома его напечатали протест, в котором они между прочим писали:

«Не будучи хорошо знакомы с ходом крестьянского вопроса в Калужской губернии, мы не можем входить в подробное разбирательство этого дела. Мы уверены, что обвинения, взводимые г. Потуловым на бывшую калужскую администрацию, вызовут скорый ответ из Калуги (что и оправдалось отчасти) от честных и беспристрастных людей, в глазах которых происходило там разрешение крестьянского дела. Мы же, зная Виктора Антоновича по его административной деятельности в нашей губернии, сильно сомневаемся в справедливости всех этих обвинений. В. А. Арцимович вовсе не из числа таких людей, для которых закон заключается в личном произволе. Это совершенно несообразно ни с его образованием, ни с его убеждениями. Напротив, быв свидетелями его деятельности в Тобольске, мы открыто говорим, что Виктор Антонович всегда ставил *закон выше своего личного мнения*⁶ и *исключительных, сословных интересов*, между тем как у нас при отсутствии самого влиятельного сословия, дворян-помещиков, представлялось очень много случаев для личного произвола. Управляя Тобольскою губернией в продолжение четырех лет, Виктор Антонович был для нас добросовестным представителем правительства и честным *гражданином*. Всякое правое дело имело в нем ревностного поборника; всякий невинно угнетенный, к какому бы сословию ни принадлежал, находил в нем твердого защитника. Не нравились его действия только тем людям старого закала, которые привыкли или находили для себя выгодным смотреть на вещи так, как смотрели в невозвратное минувшее время и как смотрят ныне все ревнители *сословной исключительности*, в ущерб общему государственному интересу, и вообще все те, которые то низ-

⁶ Из биографических материалов, напечатанных в № 11 и 12 «*Вест. Евр.*» за 1897 г., видно, что В. А., следуя своему основному правилу службы, в данном случае следовал и повелению Николая I, который, отправляя его в Сибирь, сказал: «Чем отдаленнее край, тем строже должно быть наблюдение за сохранением порядка и исполнением законов».

кими происками и интригами, то картинами каких-то ужасов, стараются препятствовать правительству в проведении его благих реформ. Прошло уже пять лет с тех пор как В. А. Арцимович оставил Тобольск, но мы так помним и так ценим его честную деятельность, что не могли остаться безмолвными слушателями порицателей его достойного имени и сочли священным долгом отвечать им заявлением о его вполне благотворной и истинно гуманной деятельности в нашем крае». Под протестом стоят 145 подписей⁷.

III.

С 1858 г. судьба переносит В. А. в иную область России и в новую более обширную сферу деятельности. Назначенный с 1 августа калужским губернатором, Арцимович нашел, наконец, ту широкую арену деятельности, которой давно уже жаждала его благородная и деятельная натура, умудренная житейским опытом. Это была чуть ли не самая критическая пора в истории освободительного движения конца 50-х годов, приведшего к падению крепостного права и наделению крестьян землею. Вопрос об освобождении крестьян был уже официально поставлен на очередь, но он встречал еще сильное противодействие⁸ в высших сферах, и само правительство не имело пока окончательного и полного плана решения вопроса. Тверское дворянство первое в августе 1858 г. выдвинуло официально на очередь вопрос о наделе землею; но правительство, разрешив его обсуждение, соблюдало пока нейтралитет.

Перевод из Сибири на новое губернаторство поставил Арцимовича лицом к лицу с великим крестьянским вопросом, к которому он с самого начала относился с величайшим интересом и глубоким сочувствием. Положение В. А. было не из легких. Калужская губерния была одна из первых по количеству крепостного населения⁹, а калужское дворянство далеко не сочувственно отнеслось к этой великой либеральной реформе, и оно одно из последних подало адрес об освобождении крестьян¹⁰. Нужен был такт Арцимовича, его горячая вера в свободу, чтобы если не убедить завзятых крепостников, что было выше сил человеческих, то хоть расшевелить у передовых, более раз-

⁷ См. «Современную Летопись», 1862. №18.

⁸ См. Ф. Еленева «Первые шаги освобождения крестьян». СПб., 1886. С. 59.

⁹ См. монументальный труд А. Скребицкого «Крестьянское дело». Бонн, 1862. С. XXIV.

¹⁰ См. там же у Скребицкого.

витых представителей калужского дворянства лучшие человеческие чувства. Открывая 6 декабря калужский комитет, Арцимович в речи своей обратился к дворянам с простым, но задушевным воззванием: «Прямое содействие ваше к устройству многочисленного трудящегося сословия, — сказал он, — дарует вам *высокое право* участвовать в отмене того положения дел, которое так резко противоречит духу нашего времени в устранении многих глубоких страданий, завещанных нам временем давно прошедшим, и в установлении такого порядка, чтобы восстановление этих страданий и неурядиц в будущем сделалось *невозможным*»¹¹. Благотворное влияние обаятельной личности Арцимовича, мастера в умении будить в самых скромных и зачерствелых людях лучшие стороны их природы, сказалось вскоре¹². Несмотря на то, что большинство калужского комитета принадлежало к ярым защитникам дворянских интересов, по некоторым вопросам он шел впереди всех прогрессистов. Так, например, благодаря инициативе Арцимовича¹³, комитет выдвинул вопрос о *выкупе* наделов, за который высказалось не только более прогрессивное его меньшинство, но и весь комитет в полном составе¹⁴. — Кроме того В. А.

¹¹ Матер. для ист. упраздн. крепостн. права в России, 1860. Т. I. С. 293. На обеде дворянском Арцимович провозгласил тост в следующих выражениях: «За успехи крестьянского дела и соглашения частных интересов с общею государственною пользою на славу и процветание нашего отечества» (Там же. С. 295).

¹² Преосвященный Григорий, епископ Калужский и Боровский, не был против отмены рабства, как некоторые другие иерархи, и сказал дворянам пред открытием собрания: «Улучшить быт крестьян дело *богоугодное*. Правда, здесь необходимо представляется мысль о некотором ущербе ваших собственных выгод в пользу крестьян. Но таково свойство всякого богоугодного дела. А где нет пожертвования, там нет и угождения Богу. Человек, который умеет действовать только по побуждению личной выгоды, только по расчетам собственной корысти, такой человек живет, очевидно, только для себя, а не для Бога и не для общества: он эгоист, он чужд благочестия христианского» (Н. Материалы. Т. I. С. 288).

¹³ См. назв. труд Скребницкого. С. XLVI.

¹⁴ См. назв. труд. Т. IV. С. 247. Предводитель дворянства г. Щукин, негодуя на неуместное вмешательство литературы в домашнее (sic) дело дворян, выразил в своей речи сожаление по поводу того, что «обсуждение его (крестьянского вопроса) не могло совершиться при частных взаимных совещаниях в *домашних* собраниях владельческого сословия, где практическое познание отношений помещика к крестьянину гораздо более открывает истины (??), нежели все ученые теоретические фразы (здесь подразумевалась и статья К. Д. Каве-

принимал участие в трудах комиссии при министр. внут. дел, составлявшей проект о крестьянских мировых учреждениях.

С изданием Положений 19 февраля, Арцимович всецело отдался задаче добросовестного и безобидного для обеих сторон применения их. Радуясь, как немногие, освобождению народа от помещичьего ига Арцимович в ожидании объявления воли принял разнообразные меры к тому, чтобы по возможности в один день по всей Калужской губернии поскорее и сразу народ узнал, что пало с его плеч позорное вековое бремя¹⁵. Стремясь к правильному устройству, согласно с духом освободительного акта 19 февраля, гражданского и поземельного быта нового свободного земледельческого класса, Арцимович умел собрать вокруг себя единственный в своем роде либеральный кружок из лучших представителей местной и столичной университетской молодежи, которая воодушевляемая благородным примером своего достойного неутомимого руководителя усердно и с честью послужила в должности мировых посредников¹⁶ народному делу. Один из этих добрых сеятелей на ниве народной, П. Н. Обнинский¹⁷, в воспоминаниях своих так передает напутствие, слы-

лина, выдвинувшая вопрос о наделе!) красноречивых, но неопытных в хозяйстве современных ораторов» (См. н. Материалы. С. 294).

¹⁵ Один из сослуживцев Арцимовича Н. В. Сахаров, впоследствии суд. след. Московского окружного суда, в записках своих (см. «Русская Мысль», 1899, август) передает интересную инструкцию Арцимовича об объявлении, в которой предусмотрены и разъяснены все подробности процедуры. Но инструкция не могла быть выполнена, так как благодаря распутице и книги Положения о крестьянах запоздали, и объявление воли растянулось на три дня.

¹⁶ В состав этого кружка входили Свистунов, кн. Оболенский, Щепкин, Грешицев, Гаврилов, Рихтер, Бибилов, Рахманов, Пусторослев, Муромцев, Сельван, Пещуров, Долгово-Сабуров, Рагозин и П. Н. Обнинский (См. его воспоминания).

¹⁷ Передаем со слов этого знаменитого посредника, ныне известного юриста, публициста П. Н. Обнинского (см. ниже), имевшего счастье начать свое общественное служение в «красные дни» нашего общественного возрождения и ныне благословляющего судьбу, «избаловавшую» его этим счастьем, подробности первого свидания его как мирового посредника с губернатором В. А. Арцимовичем: «Я рад в вас видеть, — сказал губернатор, усадив меня в своем кабинете (тогда это был прием, выходящий из ряда), — будущего деятеля по крестьянскому делу, *гражданина*, полезного своему отечеству. Люди с университетским образованием в провинции редки, а они нужны мне, необходимы делу: я ищу их с огнем... потому что они, во-первых, молоды, чисты душою, не испорчены жизнью и существующими судебными порядками, а во-вторых, что не менее

шанное им от Арцимовича: «Верьте в свое дело, — говорил он, — *читайте закон во что бы то ни стало*, не падайте духом, а в трудную минуту идите ко мне — я ваш защитник и помощник, ваш руководитель, ваш советник, все, что только вы потребуете от меня». Но, как и следовало ожидать, твердый и беспристрастный образ действий Арцимовича вызвал неудовольствие со стороны помещиков, которые стали обвинять его прямо в демагогических стремлениях...

Введение в действие Положения о крестьянах представляло чрезвычайные трудности. Отставка С. С. Ланского и Н. А. Милютина, состоявшаяся уже в апреле 1861 г., сильно приободрила крепостников, получивших надежду переделать «на деле» всю освободительную реформу, т. е. применять ее, не нарушая буквы закона, однако вразрез с его духом. В. А. Арцимович, преданный всею душою именно духу крестьянской реформы, с большою энергиею вступил в борьбу с такими тенденциями, рискуя навлечь на себя небезопасное неудовольствие помещичьей партии, располагавшей сильными связями в высших сферах. В. А. смело вступил в этот ожесточенный бой и если пал, то пал, покрыв свое имя честью и славой.

Одним из поводов к столкновению Арцимовича с калужскими помещиками был вопрос о рекрутских квитанциях, операция с коими составляла одну из выгодных, но грязных спекуляций помещиков и практиковалась открыто, несмотря на свою противозаконность

важно для дела, независимы от среды, в которой придется им работать! Верьте в свое дело, *читайте закон во что бы то ни стало*, не падайте духом, а в трудную минуту идите ко мне — я ваш защитник и помощник, ваш руководитель, ваш советник, — все, что только вы потребуете от меня» («Русский Архив», 1892. № 1. С. 121). Чтобы очевидно было все значение этого напутствия, достаточно сопоставить его с речью, с которою обратился к посредникам новый калужский губернатор г. Лерхе, назначенный вскоре после того, когда со вступлением в 1861 г. П. А. Валуева на пост министра внутренних дел, началось в угоду «близорукой и безыдейной реакции» (см. Leroy-Beaulieu. Un homme d'état russe. С. 76) обычное «смягчение» только что изданного закона, т. е. попросту отмена закона в административном порядке, путем министерских циркуляров. Вот что говорил мировым посредникам преемник В. А. Арцимовича: «Все вы, господа мировые посредники, стараетесь объяснять закон, растолковываете крестьянам их *права*. К чему? Это только обостряет отношения; если крестьяне домогаются, и исполняются эти домогательства, то старайтесь при этом внушать им, что на то была *добрая воля* помещика, его внимательность в нуждах бывших крепостных, и что они получают его согласие, как *"милость"*». («Русск. Арх.». Там же. С. 26).

и явную неблаговидность, граничащую с уголовным обманом. Помещик брал выкуп с богатого крестьянина за рекрутскую повинность и, никогда почти *не покупая*¹⁸ рекрутской квитанции, силою своей власти отдавал за выкупившегося другого, бедного. С введением Положения о крестьянах крепостные, заплатившие помещикам деньги и взятые тем не менее в рекруты, стали обратно требовать с них уплаченные суммы. Помещики стали защищаться ссылкой на ст. 18 Положения, воспрещавшую принимать жалобы на действия помещиков, совершенные *в силу* существовавшего крепостного права. Гг. помещики считали себя независимыми за этою формальною защитою, как за каменную стену, мало интересуясь некрасивостью своего поступка с точки зрения самой элементарной порядочности и забывая, что *non omne quod licet honestum est* (не все законное приятно). Когда дело дошло до калужского губернского присутствия, в котором председательствовал Арцимович, сделана была тщательная проверка, с точки зрения строго законной, возражений помещиков и признано, что такие обманные поступки были совершены не в силу крепостного права (ст. 1027–1137, т. IX Св. Зак.), не допускавшего подобных операций, а вследствие злоупотребления им (за что иногда брали помещиков в опеку)¹⁹. Присутствие стало присуждать обобранным крестьянам с помещиков противозаконно удерживаемые деньги. *Inde ira* № 1.

Затем массу нареканий навлек на себя Арцимович стремлением внести хоть некоторый элемент права в темную крепостническую среду, насквозь пропитанную сознанием своего полновластья и полного бесправья «хамов». Положим, воля была объявлена, но что значит воля, если местная полиция является послушным орудием для бесцеремонного обирания крестьян и если можно бить их и дубьем, и рублем благодаря круговой поруке? Как известно, многие крепостники охотно мирились с такою *мнимой* волею, при которой они получали в свое распоряжение и организованную «вотчинную» полицию, и обеспечение в виде ручательства мира (См. выше, гл. II, §III).

Таковы были не в меру разыгравшиеся аппетиты и калужских дворян, которые с первых же дней по объявлении воли самым решительным образом стали вводить в границы закона Арцимович. По предложению его, калужское губернское присутствие уже 27 марта 1861 г. единогласно одобрило циркулярное разъяснение по полиции, коим ограждалась личность крестьян от «раздражительных тре-

¹⁸ См. «*День*», 1863. № 3. С. 11. Примеч. редактора И. С. Аксакова.

¹⁹ См. там же. С. 12–13.

бований помещиков», требовавших розог по поводу самонаименованной неисправности их. Губернское присутствие исходило из той мысли, что с «отменой крепостного права всякое нарушение обязательных отношений крестьян к их бывшим помещикам не может уже иметь никакого иного характера, значения и последствия, как нарушение обыкновенных обязательств, причиняющее вред или убыток и требующее возмещения потерпевшему лицу порядком *чисто гражданского*, но отнюдь не уголовного, кроме случаев открытого сопротивления»²⁰. Отсюда еще большие вопли по поводу анархии, заведенной Арцимовичем. Лидер²¹ калужских крепостников, г. Потулов, мечая грома против него, писал между прочим: «Поля или вовсе остались без обработки или обрабатывались столь плохо, что не могли давать надлежащего урожая»²². Указывая затем, что оброки с крестьян *вовсе* не взыскиваются г. Потулов, между прочим, писал: «Да, дворяне-крепостники в смысле крепости (?) закона и в значении охранительного начала спокойствия в государстве в прямую противоположность тем жалким личностям, которые под личиною человеколюбия²³ и нико-

²⁰ См. «*Современную Летопись*», 1863. № 16.

²¹ Единомышленников у г. Потулова оказалось 171 человек, заявивших ему печатно свою солидарность в характеристике управления Арцимовича. (См. «*Соврем. Летопись*», 1863. № 28 и 21).

²² Петр Свистунов и кн. Андрей Оболенский с точными статистическими данными в руках доказали, что это утверждение было совершенно ложно и что количество обрабатываемой земли «после воли» увеличилось, а не уменьшилось в Калужской губ. (См. «*Совр. Летопись*», 1863. № 21).

²³ Прекрасною иллюстрацией к тому, как «крепостники» понимали истинное человеколюбие, может служить история устройства крестьян в имениях самого г. Потулова. Крестьяне оставались на барщине, несмотря на их настойчивое требование перевести на оброк, ввиду несогласия помещика. Еще до назначения мировых посредников Потулов жаловался на неисполнение крестьянами барщины, и уездный предводитель дворянства, не снесясь с губернатором, своею властью ввел роту в имение Потулова и выпорол его крестьян. Затем еще вторично была совершена экзекуция в том же имении и за прогульные дни были взысканы деньги, после чего крестьяне сами уже не пожелали идти на оброк, на чем на этот раз стал настаивать сам г. Потулов. При объезде губернии Арцимовичем, ввиду жалоб крестьян, он принял некоторые административные меры. Затем в третий раз в имение Потулова введена была рота из-за того, что крестьяне не хотели передать «знака» старосте, назначенному мировым посредником по указанию Потулова. На этот раз приезжал для экзекуции сам губернатор Лерхе (преемник Арцимовича) и наказал розгами *пятого*

гда ясно не высказываемого ими своеобразного передового образа мыслей стараются для осуществления своих идей обходить (!) закон произвольными перетолкованиями²⁴, не стыдятся желать наделять, кого по их расчетам (sic) нужно, похищениями (?!) из чужого достояния, а в довершение, подрывая (?) в народе уважение к закону и развивая (!) в крестьянах тлетворную мысль *отрицания прав собственности*, готовят для отечества страшную будущность»²⁵.

Если такую чудовищную родомонтаду трусливые и жадные крепостники не стеснялись выносить публично, то не трудно догадаться, каким букетом инсинуаций и клевет должны были отдавать интимные «сообщения» и «донесения» куда следует, начиная от зазнавшегося магната-архимиллионера генерала Мальцева, безумные действия коего только лишь благодаря энергии Арцимовича не возымели своих пагубных последствий и кончая бесчестными и жестокими помещиками средней руки, готовыми содрать шкуру с бывших своих рабов и негодовавшими на Арцимовича за стремление отстоять закон²⁶.

из наличных крестьян. Вопрос о «знаке», который оказался брошенным в реку, мин. внутр. дел Валуев разрешил с классическою простотою суда Соломонова — он приказал приобрести *новый* знак... Любопытно, что тот же г. Потулов обвинял администрацию за *непринятие* никаких мер по взысканию оброка с крестьян («*Соврем. Летопись*», 1863, № 21).

²⁴ Это место особенно возмутило жителей Тобольска (см. выше), хорошо знавших, что Арцимович был везде и всегда самым решительным врагом произвольных мер.

²⁵ «*Соврем. Летопись*», 1863, № 10.

²⁶ Владелец известных заводов в Калужской и Орловской губ. Мальцев, располагавший огромными богатствами и обширными связями (дочь была любимой фрейлиной при дворе), недовольный тем, что крестьяне осмеливаются читать розданное Положение о крестьянах, несмотря на его воспрещение, троих из заводских крестьян как главарей бунта заковал в кандалы и послал к Арцимовичу в Калугу. Возмущенный этим противозаконным поступком наглеца-помещика, Арцимович расковал крестьян и выслал их обратно и тем успокоил начавшееся волнение. Мальцев и др. крепостники стали бомбардировать Петербург телеграммами и вопили, что Арцимович возмущает народ. Пока был министром Ланской, Мальцев, несмотря на все связи, не мог повернуть дела в свою пользу. Но с назначением министром кандидата крепостников Валуева, стремившегося по обыкновению угодить и вашим, и нашим, шансы Мальцева поднялись. Впоследствии при ревизии, хотя Мальцеву сделан Высочайший выговор, а образ действия Арцимовича был признан безукоризнен-

Для проверки доносов поднявших гвалт калужских крепостников была назначена в 1862 году сенаторская ревизия через сенатора Капгера. Но никакие ревизии не были страшны для Арцимовича, который был безукоризненно чист и перед совестью, и перед законом! Ревизующий сенатор аттестовал блестящим образом строго законное и вместе с тем человеческое, просвещенное управление губернией и в особенности вполне удовлетворительное введение Положения о крестьянах. Укажу на один знаменательный факт. Несмотря на то что Калужская губерния кишмя кишела самыми завзятыми крепостниками и ожесточенные помещики предъявляли самые требовательные и притязательные условия, все-таки оказалось, что благодаря уму, такту и находчивости сотрудников Арцимовича достигнут был необыкновенно счастливый результат: из 3000 уставных грамот 1400 были заключены по миролюбивому соглашению²⁷.

Хотя заключения сенаторской ревизии были крайне лестны для репутации Арцимовича, однако он был удален из Калуги в видах успокоения обезумевших от страха, корыстолюбивых калужских крепостников²⁸. Удаление его вызвало всеобщее сожаление, особенно в крестьянском и городском населении.

В газете И. С. Аксакова «*День*» один из калужан в таких выражениях передал тогдашнее настроение калужского общества. «14 минувшего декабря (1862), — писал он, — пронесся по Калуге слух о назначении начальника нашей губернии, Виктора Антоновича Арцимовича,

ным, тем не менее в угоду калужских крепостников ему пришлось оставить губернию. Уже много лет спустя Юркевич (бывший вице-губернатор при Арцимовиче) как-то разговорился об этом деле с бывшим крепостным Мальцева, и тот не обиняясь говорил, что если бы не заступничество Арцимовича за законных крестьян и не вера в его справедливость, Мальцеву бы несдобровать.

²⁷ Подробный и превосходный обзор и разбор деятельности Арцимовича по крестьянскому делу см. в статьях П. Н. Обнинского в «*Русск. Мысли*», 1896. № 3, 4, 5.

²⁸ В 1863 г. Сухотин пишет: «Кончил вечер в клубе, где опять отзывались об Арцимовиче с озлобленным чувством; он точно сделался эпическим лицом. Надо сознаться, что 19 февраля породило какие-то странные ненависти между известными представителями либеральных принципов и защитниками дворянских привилегий. Эти ненависти приняли характер какой-то озлобленный и часто безотчетный». И с противной стороны слышатся такие же резкие нападки против представителей тех начал, которые, по словам Сухотина, всегда были известны, как азбука хороших правил, но за последние годы стали признаваться многими за пошлость и тупоумие» («*Русский Архив*», 1884. № 4).

на новый и высший пост государственной службы. Подобные слухи и прежде часто посещали Калугу; они так же скоро стихали, как легко появлялись, но последнему суждено было исполниться. Достоверность его с каждым днем подтверждалась все более и более. И хоть не было о том официальных известий, никто больше не сомневался, что прошло время калужанам расстаться с своим любимым, дорогим, замечательным губернатором. Толкам, сожалениям не было конца. Мещане, купцы, чиновники — все живо заинтересованы были новым назначением начальника губернии, равного которому по достоинствам не вспомнят калужские старожилы: тяжело было им помириться с мыслью о предстоящей разлуке. Радовались этому событию только поборники крепостного права, которых в нашей губернии, к несчастью, еще слишком довольно. Но делать было нечего: нужно было покориться воле благопопечительного правительства и спешить выразить свою признательность человеку, которого мы так искренно любили, начальнику, которого мы так глубоко уважали, бывши свидетелями его действий в самую трудную эпоху для России, — эпоху прекращения крепостных отношений. Еще не было получено известия о новом назначении Виктора Антоновича, а между калужским купечеством заходили толки о том, как бы увековечить дорогую о нем память в Калуге. Решено было просить у правительства разрешения поднести благодарственный адрес Виктору Антоновичу, а портрет его поставить в зале Калужской думы.

Потом в честь начальника губернии даны были два прощальные обеда: один от купечества 27 декабря, другой от чиновников 29 числа. Я не буду подробно описывать всего, что было на этих обедах. Замечу только, что эти обеды не были, как нередко это бывает, одними официальными обрядами. Они были полны живого общественного интереса. В них и на них выразились все симпатии общества к тому лицу, в честь которого они давались, и к тем жизненным началам, которые постоянно одушевляли его деятельность. Все принимавшие участие в этих обедах пришли сюда по живому искреннему влечению сердца: лишних людей — *крепостников тут не было*. Без преувеличения можно сказать, что здесь были большею частью люди передовые нашего края, честные труженики, защитники и поборники всех общественных улучшений и реформ, совершенных, предпринятых и вводимых правительством, а следовательно, защитники современного, человеческого образа мыслей и действий Виктора Антоновича. Это было, можно сказать, огромное, тесно сплоченное товарищество, положившее себе действовать во имя правды и христианской любви к человеку. Оттого на всем, что ни говорилось на этих обедах

как начальником губернии, так и другими лежала печать глубокого убеждения и неподдельного чувства; произнесенные речи были краткою характеристикою правительственной и общественной деятельности г. Арцимовича и живым отражением современных общественных потребностей... После обеда началась и продолжалась подписка на содержание двух пансионеров в гимназии в память Виктора Антоновича.

Наконец, пришло от правительства разрешение на составление адреса, который и был поднесен от калужского купечества г. Арцимовичу в самый Новый год после благодарственного молебна в соборе. В день отъезда начальника губернии его провожали многие до первой станции... Но самые лучшие проводы ему — это тысячи молитв и благословений калужского крестьянства, которого человеческие и законные права он так ревностно и горячо отстаивал»²⁹.

Перейдя с 1863 г. из Калужской губернии в Москву, В. А. увозил с собою драгоценные сувениры в виде золотой медали в память освобождения крестьян и серебряного креста за введение в действие Положения о крестьянах, а также высшую для всякого общественно-го деятеля награду — общую признательность образованного общества и самого народа. Доселе в глухих деревнях³⁰ Калужской губернии

²⁹ «К этим последним строкам, — писал от себя редактор “Дня” И. С. Аксаков, — прибавлять нечего: похвалы лучше и *полновеснее* этой быть не может, и мы бы не допустили ее на страницах нашей газеты, если бы это не была *правда*. А мы, вполне знакомые и с личным характером и служебною деятельностью г. Арцимовича, знаем положительно, что это — точно правда. В первом номере “С.-Петербургских Ведомостей” помещена верная и правдивая характеристика его деятельности как губернатора, на которую считаем нужным обратить внимание наших читателей. Имя В. А. Арцимовича будет неразрывно связано с историею крестьянского дела в России, и эта же история занесет на свои страницы описание его упорной борьбы с сословной исключительностью и отживающим старым крепостным порядком» («День», 1863. № 3).

Одновременно и по однородным причинам, т. е. под натиском крепостнической реакции, был удален и товарищ Арцимовича по училищу правоведения, друг и единомышленник его до последних дней, известный деятель преобразовательной эпохи, введший в действие Положение о крест. в бытность свою губернатором Оренбургской и Саратовской губерний Е. И. Барановский, а также пензенский губернатор Я. А. Куприанов, оказавший в бытность свою нижегородским вице-губернатором в конце 50-х годов большое влияние на ход крестьянской реформы («День», 1863. № 13).

³⁰ См. «Русск. Ведом.». 1891. № 164.

можно встретить в избах крестьян, — факт небывалый, — фотографический портрет Арцимовича и его честных сотрудников, мировых посредников.

IV.

Из Калуги В. А. был переведен сенатором в Москву в VII департамент Сената. Затем после кратковременного пребывания в Царстве Польском, куда он должен был отправиться по настоянию Александра II, заранее убежденный в бесплодности своей³¹ миссии, В. А. перехо-

³¹ Сопоставляя в сравнительной параллели деятельность Виктора Антоновича в Калужской губернии с деятельностью его в Царстве Польском, мы видим, — пишет г. Обнинский, — что они развивались при одинаковых по внешности, хотя и совершенно различных по существу условиях среды, им нормируемой в духе и разуме освободительного закона. В Калуге Виктор Антонович встретил против себя сплотившееся дворянство, в Польше он застал положение дел, с которым также и по тем же причинам не мог примириться. Работать ему приходилось там с людьми, довольно своеобразно понимавшими свою освободительную миссию. Взглядов их разделить он не мог: в освобождении крестьян он не мог видеть нечто вроде кары, экзекуции, подготовляемой для крамольных помещиков, — он не мог сочувствовать ни дешевому либерализму карьеристов, развивающемуся на почве узкого лжепатриотизма, ни показному народничеству на чужой счет; он не мог ради «высших соображений» смотреть сквозь пальцы на узурпацию законных владельческих прав, на травлю помещиков крестьянами и не понимал возможности внедрять в «холопах» надлежащие чувствования путем награждения их собственностью бывшего владельца. И здесь, как и в Калуге, он, «судья по призванию», принял сторону права и закона, сторону слабого и незаконно угнетаемого; такую стороной там являлись крестьяне, здесь — помещики, и если процесс надления крестьян землею и определения за нее повинностей в последнем случае принимал характер военной контрибуции, он считал своим долгом сдерживать подобные тенденции. Отсюда обвинения в крепостничестве. Клевета на этот раз хлынула через край; страшное слово «измена», сорвавшись с уст, «едва умевших лепетать», перекаати-полем понеслась по ветру и кое-где гуляет еще и до сих пор.

«Ах, — вздыхали возвращавшиеся с поля битвы “ташкентцы” и “обрусители”, — Виктор Антонович теперь уже не тот!» Людям, хорошо и близко знавшим его, смешно и гадко было слушать эти «благонамеренные речи» и эти близорукие, не рискованные инсинуации, одинаково напоминавшие лай из подворотни. Его в высшей степени прямая и честная натура, его светлый и глубокий ум, его рыцарское сердце, — все это так чуждо было возмутительной

дит на службу в новый кассационный Сенат. С открытием в 1866 году нового суда В. А. отдает все свои силы и дарования, весь пыл своей неостывшей энергии, убежденной мысли и доброго сердца на трудное, благородное, но не всегда благодарное служение его высокой миссии. Войдя вместе с друзьями своими, Буцковским и Зубовым, в состав первого присутствия уголовного кассационного департамента, сообщая с этими доблестными хранителями гуманно-освободительных основ судебной реформы он положил первые прочные принципы нашего нового уголовного процесса и дал *первые*³² образцы неустрашимого служения идеалам нового суда. По болезни первоприсутствующего почти непрерывно до 1870 г. исполнял В. А. его обязанности, направляя деятельность этого высшего регулятора новой судебной практики в столь важное и трудное время.

Кому неизвестно, какие серьезные затруднения встречались на пути просветительной миссии нового суда по водворению законности и правды. Во вне нужно было охранить суды от посягательств администрации, которая, будучи дотоле всесильною, нелегко мирилась с пределами, указанными новым судебным законодательством. Нужно было ограждать закон и суд и от судебной администрации, которая после ухода министра юстиции Д. Н. Замятина стала колебать судебскую независимость косвенными мерами вроде назначения исправляющих должность судебных следователей.

бессмысленной клевете, не понимавшей того, что обе эпохи деятельности Виктора Антоновича, — калужская и польская, — были слиты в неразрывном гармоническом единстве воли и разума, направленных к одной и той же высокой и чистой цели — торжеству права и правды на земле. Там, в первую эпоху, закон по отношению к правам и благу освобождаемых недоисполнялся, — здесь, во вторую, он в том же отношении переисполнялся; и там, и здесь администратору, склонному поступаться законом и справедливостью ради политических соображений, — администратору-дипломату, несравненно легче и безопаснее было «плыть по течению», не рискуя ничем ни сверху, ни снизу; но Виктор Антонович и там, и здесь, и прежде, и теперь продолжал делать то, что повелевал ему служебный долг и собственная совесть, оставаясь государственным деятелем в благороднейшем значении этого слова (См. Воспоминания Обнинского в *«Русской Старине»*, 1897. № 4).

³² В старых судах при отсутствии несменяемости история, как указывает проф. Утин, не знала вовсе типа судьи, праведно судящего, и вовсе не сохранила памяти о лицах, бесстрашно держащих весы правосудия (*«Отечеств. Записки»*, 1862. № 11. С. 5).

Не менее трудны были задачи и в недрах самого нового суда. Новые начала гласности, равноправности сторон, гуманного отношения к подсудимому с уважением его человеческого достоинства и признанных законом прав нелегко прививались к жизни. Прокуроры, помня свое недавнее прошлое, нелегко мирились с новым, более скромным положением на суде. Председатели, невольно втягиваясь в перипетии горячих судебных схваток, не всегда умели сохранять подобающее им бесстрашие судебного нейтралитета. Сам суд, увлекаясь иной раз похвальным, но неумеренным усердием по раскрытию истины, не всегда умел сдерживать в границах закона свои благородные, но неуместные порывы и не всегда уважал в должной мере законные права подсудимого. Высший блюститель духа и основ новых Судебных Уставов, кассационный Сенат, руководимый таким опытным и стойким кормчим, как Арцимович, являлся всегда вовремя с своим олимпийским: *quos ego!* и с внушительным напоминанием, что для суда нет иного пути к истине, как почва закона, и что всякое нарушение начал равноправности и бесстрастия противоречит достоинству суда³³. Имя Арцимовича неразрывно связано с этим первым наиболее трудным и наиболее плодотворным периодом деятельности нашего кассационного судилища.

Не менее важны, как уже замечено, заслуги Арцимовича по должности первенствующего сенатора I департамента, которую он занимал с 1880 г. и почти до последних дней своей жизни. Масса серьезных и тонких вопросов административного права проходила и проходит через эту высшую инстанцию нашей административной юстиции, на обязанности коей лежит примирять высшие требования твердой законности при столкновении их с временными, но подчас крайне властными, притязательными и могущественными соображениями административной целесообразности; охранять самостоятельность органов нашего столь хрупкого и непрочного самоуправления, скромные права коего нередко вызывали серьезные нападки. Громадный полувековой административно-судебный опыт В. А., его тонкое юридическое развитие, стойкость характера и твердость в убеждениях, без сомнения, оказывали немалое содействие нашему высшему блю-

³³ В известной книге К. К. Арсеньева «Судебное следствие» приведена масса интересных решений, относящихся к этой наиболее цветущей поре нашей кассационной практики. Укажем для примера реш. 1867, № 522, в котором сенат установил известную постепенность в применении дисциплинарной власти председателя к защитникам, или на воспрещение читать сознание, данное подсудимым на предварительном следствии.

стителю законности по делам местного самоуправления для достойного выполнения его вообще трудных, а часто и щекотливых функций³⁴ в разгаре реакционного натиска эпохи Толстого.

Заслуги эти в общих чертах слишком общеизвестны, чтобы нужно было о них напоминать, а с другой стороны захватывают слишком близкий к нам период времени с его злобами дня, чтобы возможно было говорить о них подробно и откровенно.

Можно сказать одно, что, отстаивая на почве легальности права слабых и незащищенных, будь ли то простолюдин или еврей, или захудалый провинциальный город, В. А. не боялся столкновения ни с торжествующими временщиками, ни с зазнавшимися наглецами-опричниками печати, которые в унисон с Катковым бешено набрасывались на Сенат (недаром Т. И. Филиппов говорил, что есть

³⁴ В прекрасном некрологе, напечатанном в «*Последних годах*», А. Ф. Кони пишет о деятельности В. А. в I департаменте следующее: «Склад его ума и характер требовал широких взмахов кисти, — возможности, как говорят французы “*tailler en plein d'air*”. Мелкая мозаичная работа, с забвением о ее назначении, размерах и значении в общей картине, не находила в нем живого сочувствия. Судьба дала ему слишком большие и сильные крылья, — и клетка *конкретного случая* давила его и стесняла его широкий полет в область общих начал и принципиальных взглядов. Разносторонняя и гораздо более широкая сфера деятельности первого департамента Сената, которому, между прочим, принадлежит, по выражению закона, высший надзор в порядке управления и исполнения, обнародование законов, охранение прав различных сословий и попечение о средствах к прекращению всяких противозаконных действий во всех подчиненных ему местах, гораздо более была по душе покойному, и ей отдался он с 1880 г. со свойственной ему энергиею. 12 лет стоял он во главе этого учреждения, будучи старшим сенатором, отдавая таким образом последние годы своей трудовой и тревожной жизни упорной работе по сложным вопросам, касающимся весьма чувствительным образом самых разнообразных сторон нашего общественного быта и потому всегда носящих в себе зерно споров и разногласий. Эта борьба мнений не академическая, в которой все сводится к более или менее успешной диалектике. Она отражается тотчас же в своем окончательном результате на жизни населения, производя в ней подчас изменения годами сложившихся отношений и сопровождаясь в разных ее областях многообразными разветвлениями раз установленного взгляда или толкования. В этой борьбе трудно участвовать с олимпийской бесстрастностью. Арцимович и не был никогда таким олимпийцем, а став на сторону того, что казалось ему правым или полезным, боролся упорно, настойчиво и неуступчиво, нередко осуществляя старую поговорку: “*Eiamsi omnes — ego non!*”».

консерваторы — опричники-псы, гордящиеся своим званием), который не считал возможным ломать закон в угоду бюрократического произвола и модного официального ханжества. Но времена становились все более и более тяжелыми, и борьба делалась неравной. Арцимович изнемог физически и вынужден был покинуть свой пост. Его достойный друг, поэт-гражданин Жемчужников, вправду был вложить ему в уста слова:

...Я больше не могу.

Устал. Сдаюсь, но не без боя.

Да, буду памятен и другу, и врагу.

V.

В. А. принимал всегда близко к сердцу и все живые общественные вопросы дня. Стоя за самое широкое распространение образования, В. А. в качестве представителя поколения идеалистов 40-х годов не считал справедливым лишать этого блага, одного из важнейших в жизни, целую половину рода человеческого, а потому всегда горячо ратовал и словом и делом за женское образование, не исключая и высшего. До конца жизни он состоял председателем общества для вспомоществования слушательницам высших женских курсов.

В 1886 г. Арцимович к двадцатипятилетию освобождения крестьян был избран в число почетных членов Московского юридического общества за крупные заслуги его в великой реформе 19 февраля.

В 1891 г. по случаю 50-летия государственной службы В. А. получил Владимира I ст. По этому же случаю один из «старых калужан» (один из известнейших профессоров Московского университета) в следующих симпатичных выражениях вспомнил плодотворную деятельность В. А. в Калуге: «Едва ли где с такою яркостью проявились особые свойства его натуры — неутомимая энергия и любовь к правде, — писал он, — как при управлении Калужской губернией. Занимая с начала 1858 г. пост губернатора в Калуге, В. А. ч являлся образцом неутомимейшего работника, который, казалось, ни на минуту не складывал рук, который притом владел редким даром — словом и примером возбуждать других к доброму и разумному труду. Он горячо верил в людей и умел отыскать в самых скромных и забытых личностях добрые начала и ценные способности и возбудить в них силы надеждой на лучшую будущность. Одаренный живой и ясной мыслью, смелый в слове и деле, всегда благородно прямой и ровный, он был гордостью и радостью всех честных людей, имев-

ших к нему отношения по службе или по знакомству. Воспоминания о В. А-че, спустя почти 30 лет после того как он оставил службу в Калуге, остается доселе живым между людьми всех классов. В городских домах, а нередко в крестьянской избе какой-нибудь глухой деревни, можно и теперь встретить его фотографическое изображение как олицетворение высокой гуманности и безграничной преданности долгу.

В. А-ч во время калужского губернаторства вносил свет во *все области* местной жизни. Под его благотворным влиянием губерния, которая раньше представляла образец дореформенной спячки, сделалась неузнаваемой. Не только в самой Калуге, но и в мелких городах закипела бодрая умственная и общественная работа. Имя В. А-ча привлекло к нему на службу из Петербурга много людей с высоким образованием и видным общественным положением, которые оставляли столичную карьеру, чтобы вести скромную служебную работу под руководством просвещенного начальника. Отчасти под влиянием этого пришлого элемента и местные деятели, дотоле лениво влачившие свои дни, воспрянули к жизни. *Центром*, который объединял всю эту работу и служил главным источником силы, была личность Виктора Антоновича. Лучшим памятником его деятельности за это время навсегда останутся незабвенные труды по крестьянскому вопросу. Без всякого потворства сословным интересам, но и без всяких насилий он сумел благодаря своему светлому уму, гуманному сердцу и беспримерному трудолюбию благополучно распутать сложные отношения, возбужденные освобождением крестьян, и быстро установить на место прежнего произвола прочный строй легальных отношений. Конечно, честь водворения нового порядка в губернии В. А-ч должен разделить с своими помощниками — мировыми посредниками, из которых некоторые были истинными друзьями народа, но ему принадлежит великая заслуга выбора таких людей и непрерывного руководства их действиями.

В. А-ч был твердо убежден в необходимости широкого разлива *образования* в освобожденном народе. Он никогда не соглашался с мнением, будто потребность грамотности не ощущается низшими классами. Он полагал, что грамотность не есть какая-нибудь прихоть человека. Считая грамоту великим рычагом духовного общения и житейского благосостояния, он признавал ее распространение безусловною необходимостью для всех слоев народа. Народная школа в деревне даже в наши дни встречает немало препятствий; в те же времена эти препятствия были неисчислимы. Подавленный бедностью, крестьянин был равнодушен к школе, а о помощи про-

чих сословий не было даже и помину. Правда, по отчетам считалось как будто немало училищ, но они существовали только на бумаге, — никакого действительного учения в них не было. С первого же объезда В. А-ча сумел заставить всю губернию заговорить об этой насущной потребности народа. Владея редким даром убеждать людей, он во всех уголках отыскивал лиц, которые положили основание настоящим школам в современном смысле слова. Первыми помощниками В. А-ча в этом деле были мировые посредники, затем земство довершило начатое дело. Кроме постоянных училищ, В. А-ч видел могучее орудие к распространению грамотности в *воскресных классах*. По инициативе и при непосредственном участии В. А-ча и его ближайших сотрудников в одной Калуге скоро устроилось 6 воскресных школ, из которых в некоторых обучалось по *нескольку сотен лиц*. В. А-ч всячески поощрял эти школы, видя в них олицетворение лучших стремлений и упований той светлой эпохи. Каждая школа была обставлена серьезно и внимательно. Отраднo вспомнить о том одушевлении, каким проникнуты были преподаватели и руководители воскресных школ и о той напряженной работе, которую они добровольно на себя принимали.

В. А-чу удалось даже создать местную прессу. Под его влиянием официальный орган, „*Губернские Ведомости*“, стал помещать статьи, догруппные и полезные по содержанию для всех местных жителей. Этот листок, дотолe никем не читаемый, скоро сделался любимой и интересной провинциальной газетой. Местные деятели, врачи, учителя, духовные лица, техники, чиновники стали помещать в „*Губ. Вед.*“ свои наблюдения и мысли, так что „*Губ. Вед.*“ явились органом для той бодрой умственной работы, о которой была речь выше.

Вспоминая жизнь и службу В. А-ча в Калуге, было бы несправедливо упустить из виду то незабвенное участие, с которым относился он к *бедному люду* и в особенности к малолетним сиротам, помещенным в благотворительных заведениях. Он не удовлетворялся обычным типом сиротских домов, в которых давались сиротам лишь насущный хлеб и скудная одежда. Калужский сиротский дом по новому уставу, собственноручно написанному В. А-чем, стал доставлять призреваемым правильное воспитание и образование. Многие юноши — питомцы сиротского дома получили возможность достигнуть впоследствии даже университетского образования и стать полезными гражданами»³⁵.

³⁵ См. «*Русск. Вед.*», 1891. № 164, а также Воспоминания Н. С. в сборнике «Братская помощь постр. в Турции армянам». М., 1897.

Такое искреннее и горячее признание великих заслуг, оказанных за 30 лет перед тем, было одним из немногих последних утешений В. А.

VI.

Если, как справедливо говорят, светлый и ясный закат жизни бывает уделом только истинно добрых и честных людей, то этой редкой и заслуженной наградой вполне воспользовался В. А.

Сохранение до глубокой старости способности к труду, к любимому труду, бесспорно, одно из величайших благ, какие только возможны на земле. Этим благом также дано было пользоваться Арцимовичу почти до последних дней жизни.

Еще в конце 1892 г. можно было видеть величественную фигуру этого классического и по внешнему виду, и по внутренним достоинствам сенатора, медленную, но твердо поступью идущего в Сенат, чтобы, — следуя традициям, увы! столь редких Я. Долгоруковых, — сказать свое веское и смелое слово в защиту правды и закона, не мирволя никаким модным течениям и действительно не взирая, как выражается с своим наивным красноречием ст. 718 Уст. о Служ., «ни на какое лицо, ни на какое предложение, а тем менее на партикулярные письма, хотя бы от первейших лиц в государстве»...

Никому не могло прийти в то время в голову, что смерть уже сторожила этого бодрого, цветущего, несмотря на свой преклонный возраст, старца-красавца, выразительные черты которого, неся глубокие следы пережитого и передуманного за столь долгий и обильный событиями век, получили какой-то изящный рельеф осмысленной монументальности, согретой добрым чувством. Слово вы видели перед собою сошедшую с плафона Сикстинской капеллы из дивного сонма героев-пророков созданного могучею кистью Микеланджело, величавую фигуру могучего старца великана, но не грозного, а добродушного, с глубокими, ясными очами, с тою мягкою, таинственной улыбкою на тонких губах, которая встречается на произведениях да Винчи и смысл которой до сих пор не разгадан.

Невозможно было пройти мимо и не залюбоваться на эту колоссальную статную фигуру с прекрасными, умными, добрыми чертами лица, с красивою головою, увенчанною пышною короною серебряных седин, стяжавшею этому стойкому либералу и человеколюбивому стражу закона знаменательное наименование *Монблана либерализма и гуманности*.

Так и хотелось сказать этому столь бодрому духом и телом в 73 года старцу стихами Лессинга:

*Alter, du bist alt in Haaren,
Blühend aber ist dein Geist*³⁶.

Такая ясность духа, возможная только при чистой совести и живом сознании добросовестно исполненного долга, не покидала доблестного ветерана-прогрессиста и на смертном одре во время мучительной предсмертной болезни, при которой он оправдал характеристику, сделанную его другом и шурином, маститым поэтом А. М. Жемчужниковым:

*...в нем в отпор его недугам
Духовных сил запас велик.*

Подобно стойкам, В. А. не боялся, но и не жаждал смертного часа:

Summum nec metuas diem nec optes.

Он тихо опочил, сознавая, что честно служил всю жизнь тому, чему верил.

Чему же верил Арцимович?

Тому, чему нынешние гибкие, линючие оппортунисты так мало верят — в «святейшее из званий — человек»³⁷, в человеческое достоинство, и верил он не так, как представители того типа флюгера-либерала, который французский публицист характеризовал словами: *il est à vingt libéral et à quarante canaille*, — а всеми силами души! В устах Арцимовича не было сильнейшего порицания, как слова: «людишки», «козявки», коими он обзывал мелких людей с крупными чинами, изменявших своим убеждениям и продававших свое человеческое достоинство за чечевичную похлебку или за другие более современные лакомые и сытные блюда. А с другой стороны, не было у Арцимовича и высшей похвалы, как отзыв: «вот это человек»!..

Вот что можно было начертать в виде эпитафии на гробнице Арцимовича, как яркое выражение его жизненного девиза, как неизменное его знамя.

Культ альтруизма, человечности, — вот что делало личность Арцимовича столь обаятельною в кругу лиц, коим выпадало счастье так

³⁶ Старец, стар ты волосами, но цветущ твой бодрый дух.

³⁷ Известно, что «трезвые» публицисты 80-х годов с Катковым во главе слегка журили «романтика» Жуковского за «сантиментальное» преклонение его перед таким интересным кумиром, как «звание человека».

или иначе прийти в соприкосновение с ним, вот что спасло и сохранило его гражданскую личность незапятнанною и в мрачную дореформенную эпоху господства «неправды черной», и в последующие серые сумерки переходного времени или безвременья, бывшего свидетелем стольких неожиданных и поразительных случаев нравственного линяния, одичания, ренегатства... «Смелый в слове и в деле, всегда благородный, прямой и ровный, В. А. по приведенной задушевной характеристике был *гордостью и радостью* всех честных людей, имевших к нему отношения по службе или по знакомству».

Но значение и влияние личности, подобной Арцимовичу, далеко выходит за круг его современников и личных свидетелей его деятельности. Это свыше полувековое честное и смелое служение правде и закону, несмотря на самые тяжелые условия деятельности, великий образец для назидания и подражания. Да будет ведомо всем почитателям нелегальных путей, — писал Тацит, — что и при самых тяжелых внешних условиях возможно скромное, но честное служение государству, если имеется налицо нравственная стойкость, гражданское мужество и пр.³⁸ Постараемся, — учил тот же великий историк древности, — отыскать между сопротивлением, ведущим к гибели и раболепством, лишаящим чести, средний путь, свободный от нравственного падения и от опасностей³⁹. Арцимович умел найти без бравады, но и без позорных сделок с совестью этот средний путь легального, скромного, но *неустанного* служения долгу *гражданина*...

«Человечность прежде всего», — учил Грановский. На этом основном правиле жизни строил Арцимович свой кодекс «гражданина». Черты гражданской деятельности В. А. сказались не только в либеральную эпоху, когда был сильный запрос на них, но и в дореформенное время полного принижения гражданской личности. В это именно время, как видно из приведенного сибирского адреса, Арцимович-губернатор действовал как *гражданин*, смотря на местное население как на сограждан, а не как *anima vilis*, бездушный материал, пригодный для всевозможных бюрократических манипуляций. Основанная на человечности *гражданская энергия* составляла едва ли не самую выдающуюся черту закаленного на стоический манер, изумительного характера Арцимовича. Высшее и настоящее достоинство человека, — писал Никитенко, — *в характере*: гению можно удивляться, как великой силе природы, но в характере человек является

³⁸ Taciti Agricola, 42.

³⁹ Его же. Annalium, IV, 20.

творцом себя, природа же дает ему только материалы⁴⁰. Таким поистине виртуозом-творцом своего характера был Арцимович. Ни дух времени, ни средства отнюдь не способствовали выработке цельных характеров. Только место воспитания⁴¹ и литература 40-х годов, где Белинский и др., несмотря на все бесчисленные препоны, будили мысль и шевелили гражданское чувство, могли дать стимул к образованию крепких убеждений... Биография В. А. разъяснит, вероятно, этот столь же удивительный, сколько и отрадный факт общественной психологии, как образование, при столь неблагоприятных условиях, стойкого характера этого неутомимого борца за правду, этого честно прожившего и честно почившего гражданина-человека, оставшегося до гроба верным идеалам юности — в укор и назидание нашему, кичащемуся своею безыдейностью, дряблему, жестокому, но самодовольному времени:

*Не вывезли реформы!
 Не вышло ничего.
 Все, не дозрев, пропало...
 Кругом — темно, мертво;
 Нет сил, нет идеала;
 И интерес один:
 Кармана да желудка.
 О, русский гражданин!
 Ужель тебе не жутко?!...⁴²*

⁴⁰ Дневник, III, 166.

⁴¹ «Дух училища в мое время, — пишет школьный товарищ Арцимовича, А. М. Жемчужников, — был превосходный, благодаря принцу П. Г. Ольденбургскому, способствовавшему развитию в нас чувства собственного достоинства, человечности и уважения к законности, справедливости, просвещению. Влияли потом и люди 40-х годов» (См. Стихотворения А. М. Жемчужникова. Т. 1. С. X).

⁴² Там же, 101.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ДЕЯТЕЛЬ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

Д. А. РОВИНСКИЙ

† 11 июля 1895 г.

Кто ж от меня не отнимает

Еще спасительной руки?

Меня с любовью провожает

До гробовой моей доски?

.....

Ты, мирный труд, идешь со мною.

И, ничего не разрушая,

Все зиждешь твердою рукою;

Для цели общей ты сбиваешь,

Быть может, атомы одни,

Но в свитке вечности стираешь

Часы, минуты, годы, дни.

Шиллер (Линев).

11 июля 1895 г. умер в Вильдунгене сенатор, почетный член Академии наук и нескольких ученых обществ Дмитрий Александрович Ровинский — один из замечательнейших деятелей преобразовательной эпохи 60-х годов, а также выдающийся ученый археолог и неутомимый коллекционер. Ровинский родился в Москве в 1824 году и здесь же он получил первоначальное домашнее образование. Затем он был отдан в только что открытое в 1835 г. Училище правоведения, где и окончил курс в 1844 г. Государственную службу свою он начал в тот же год в сенатской канцелярии, а в 1848 г. он перешел в Москву на службу по судебному ведомству и здесь занимал сначала должность губернского казенных дел стряпчего, потом советника и товарища председателя Московской уголовной Палаты и, наконец, имевшую громадное значение в дореформенное время должность губернского прокуро-

ра, обязанного, как «царево око», по выражению Петра Великого, следить за законностью во всех отраслях управления. На этой должности застала Д. А. великая эпоха реформ, начавшаяся во второй половине 50-х годов.

Служба Ровинского в старых судебных учреждениях носила такой же боевой отпечаток глухой, но ожесточенной борьбы, каким запечатлена была благородная, очистительная деятельность правоведов первых выпусков — Арцимовича, Жемчужникова, Барановского, Стояновского, Аксакова и др. привилегированных юристов, призванных *ex officio* вести борьбу с господствовавшей в то время в судах неправдою черною, т. е. просто-напросто с повальным взяточничеством, вопиющим беззаконием и административным произволом. Интересна для характеристики эпохи эта симпатичная, но наивная мысль — бросить в качестве своего рода *missi dominici* во все концы России кучку молодых, воодушевленных возвышенными идеалами юристов и возложить на них превышающую человеческие силы миссионерскую задачу: оздоровить гнилые болота дореформенного тайного продажного суда и административного строя.

Так как стоявший во главе судебного ведомства министр юстиции гр. Панин с упорством истого консерватора-маньяка восставал против самонаименованной попытки к преобразованию судебных учреждений (судебная гласность, предаваемая анафеме с университетских кафедр, считалась в 40-х гг., по удостоверению цензора Никитенко, институтом революционным), то и придумана была такая комбинация: не трогая ничего в системе существующего тайного, подчиненного администрации судебного строя, завести особый рассадник образованных неподкупных юристов для постепенной моральной дезинфекции, в гомеопатических дозах, прогнанных насквозь старых судов и Сената. Такова была цель учреждения Училища правоведения. Борьба завязалась между старою подъяческою кликою взяточников и образованною судебно-правоведскою молодежью «с завиральными идеями» не на живот, а на смерть, и с этих именно пор у старой бюрократической администрации укоренилось подозрение против судебного ведомства в вольнодумстве, какового подозрения, как известно, не избег даже и Ляпкин-Тяпкин, «прочитавший пять или шесть книг». Кончилась эта неравная борьба так, как и следовало ожидать — победою старого начала. Образованная молодежь делала, что могла. Сама она оставалась незапятнанною, но кругом царили взятки, явное потворство беззаконию и безграничный административный произвол, доходивший до пользования бланками Высочайших повелений. Более пылкие из правове-

дов, будучи не в состоянии выдержать этого повседневного зрелища вопиющего торжества в судах несправедливости, бежали из вертепов старого суда, как, например, Аксаков, бросивший службу после того, как сенаторы оправдали развратного титулованного помещика, уличенного в гнусных преступлениях и с цинизмом домогавшегося оправдания на том основании, что он «по милости царской — сын барский»¹. Другие, люди более холодного темперамента, применились к обстоятельствам и оставались на службе в ожидании лучших времен.

В числе их был Ровинский. Трудность положения для него усиливалась тем, что Москвою в то время правил снабженный чрезвычайными полномочиями, крутой, взбалмошный, свирепый, не терпевший возражений, не признававший силы закона администратор старого заказа граф Закревский, который без всяких стеснений требовал от судей и прокуроров², чтобы они следовали при решении дел его приказаниям, а не предписаниям закона, и которого за его сатрапские замашки весь Петербург называл «Чурбан пашою»³. Ровинский, благодаря своему такту и твердости, умел отстоять свое личное служебное достоинство и даже приобрел доверие гр. Закревского; доверия другого самодура гр. Панина так и не сподобился до конца службы.

Д. А. обратил особенное внимание на тюремную часть, которая находилась в страшно запущенном состоянии. Предприняв ряд тщательных и всесторонних ревизий, Д. А. открыл невероятные злоупотребления и порядки, которые напоминали средние века или дикие азиатские нравы. В городском частном доме он открыл настоящий *клоповник*, а в Басманном — *могилы*: семь совершенно непроницаемых для света темниц в подвале. Сюда басманный пристав сажал незнавшихся арестантов, и один из них, почетный гражданин Сопов, от продолжительного пребывания в одной из этих темных могил ослеп. Ровинский же открыл, что пытка в виде кормления солеными селедками была обыкновенным делом во всех полицейских частях, и даже старинная «виска» еще не вывелась из употребления⁴. И все эти варварские порядки были в полном ходу в Москве еще в начале 50-х годов в назидание «гниющему Западу»! Вспоминая впоследствии эти жестокие времена пыток, Ровинский с чувством законного, нрав-

¹ Соч. Аксакова, IV, 661.

² См. записки Синельникова в «Русск. Архиве», 1895. № 5.

³ «Русск. Арх.», 1895. Сентябрь. Записки Смирновой.

⁴ См. Ровинского «Народные картины». Т. V. С. 327.

ственного удовлетворения писал, что с реформами 60-х годов и «с дарованием народу суда присяжных, для которого вовсе не нужно сознание подсудимого, вывелись пытки».

II.

Только с наступлением эпохи великих реформ открылась настоящая арена для деятельности Ровинского. Опытный практик с глубокими историческими познаниями и с солидной теоретической подготовкой, гуманный, просвещенный юрист Ровинский, подобно другим своим сверстникам, «встрепенулся, как орел», как только настала во второй половине 50-х годов возможность выйти из заколдованного официального круга с китайским лозунгом: «все обстоит благополучно», и принять деятельное участие в начинавшемся гражданском обновлении России.

На первом плане стояло освобождение 20-миллионного крепостного населения от рабства, и Ровинский спешит принять участие в этом великом деле. В качестве члена Московского губернского дворянского комитета от Звенигородского уезда он примыкает к либеральному меньшинству и едва ли не первый высказывается за изгнание из волостного суда позорного наказания в виде розог, присовокупляя, что их можно отменить и в других судах «без всякого вреда для общества».

После благополучной отмены крепостного права, как известно, освежилась общественная атмосфера и очистилась почва для проведения гуманно-либеральных реформ, казавшихся еще недавно «юношескими бреднями». Уже в апреле 1861 г. начались первые законодательные работы по отмене назначаемых уголовным судом жестоких и позорящих телесных наказаний: шпицрутен, кошек, плетей, розог, клеймения, привязывания к тележке и пр. В то время как главное начальство Ровинского в лице министра юстиции гр. Панина с самою неумолимою, тупою настойчивостью защищало все существующие телесные наказания даже и для женщин, Д. А. выступил решительным и убежденным противником телесных наказаний. Он смело высказался не только против бесчеловечных аракеевских тысячных шпицрутен, в которых он видел «замаскированную смертную казнь в самом гнусном виде», но и против всех видов телесных наказаний, сила коих, как он указывал, совершенно зависела от произвола взяточника-палача и которые оскорбляли человеческое достоинство. Горячо любя русский народ и не менее горячо веря в его добрые инстинкты и культурные способности, Ровинский заявлял,

что русский крестьянин не зверь⁵, который по уверению консерваторов, бросится на людей, как только будут смягчены лютые наказания, а обыкновенный человек, для которого лишение свободы будет вполне достаточною мерою возмездия. Так как ссылались на практические трудности к устройству «тюремных городов», как выражались «розголюбы», то Ровинский счел нужным точными цифровыми данными опровергнуть это соображение, внушенное мнительностью трусливых поборников статус-кво⁶.

Дельные замечания просвещенного авторитетного практика оказали существенную поддержку благому делу отмены телесных наказаний. Скорбя о том, что розга осталась на волостном суде⁷ и вспоминая мрачные предсказания и трусливые причитания светских и духовных «кнутофилов», Ровинский так характеризовал настроение консервативного лагеря с его духовными и светскими апологетами плети и розог в начале 60-х годов пред отменой телесных наказаний: «Отменен кнут, уничтожены шпицрутены, несмотря на то, что кнутофилы 1862 г. точно так же, как и собраты их в 1767 г., вопили нестройным голосом прежнюю песню, что теперь-де никто, ложась спать вечером, не может поручиться, жив ли встанет, и что-де всякая дисциплина с уничтожением шпицрутенов рушится. Всеу смя-

⁵ Великое дело крестьянской реформы, — писала в 1860 г. полуофициальная «Северная Пчела», — совершается столь мирно, что со временем, когда новые поколения сменят ныне живущих, историки с удовольствием остановят взоры на переживаемой ими эпохе. Это *величайшее спокойствие* народной массы при виде разрешения множества жизненных государственных вопросов доказывает, что в русском народе есть много задатков высокого политического такта, что со временем, когда разовьются государственные способности этого, еще младенчествующего теперь народа, он представит собою одно из замечательнейших явлений в истории (1860. № 1).

⁶ Свод мнений и замечаний по вопросу об отмене телесных наказаний, 48.

⁷ Говоря об оставленных на волостном суде «административных» розгах, получивших новую силу и развитие с изданием Положения о земских начальниках, г. Ровинский писал: «Курьезно смотреть, как на суде какой-нибудь “аблакат” из кожи вон лезет, чтобы сбавить своему “клиенту” месяц-другой ареста, а за стенами суда распорядительный становой тому же клиенту за податную недоимку ничем сотни три соленых розог всыпет, только не сам, а “по приговору волостных судей, которые о таком приговоре только *через год* узнают”». (Н. т. Ровинского. С. 324. Прим. 273). В то время когда писал Ровинский эти строки, он и не подозревал, что в ближайшем будущем розги получат новый расцвет, благодаря земским начальникам. (См. гл. III. P. S.).

тошася, вотще прорекоша! — восклицает Ровинский. — Мир и тишина остались и в доме, и в постели, спать даже стали больше и крепче прежнего, дисциплина тоже не пострадала... И не забудет русский народ, — справедливо замечает человеколюбивый юрист по поводу отмены указом 17 апреля 1863 г. жестоких наказаний, — этого *кровного* дела, и никакое время не изгладит из народной памяти святое имя делателя его, благодаря которому Россия, словно в сказке какой, из битого царства вдруг *небитое стало*»⁸.

III.

Не менее решительно и полезно было участие покойного Ровинского и в третьей великой реформе 60-х гг. — в составлении судебных уставов Александра II. Ему принадлежит великая честь официальной постановки на очередь вопроса о суде присяжных. В 50-х гг. кое-где в передовых дворянских комитетах, как, например, в тверском (см. главу II), поднимался вопрос о суде присяжных, но в официальных сферах на нем лежало строжайшее вето, так как еще в 1858 году объявлена была Государственному совету Высочайшая воля: не касаться вопроса о суде присяжных как учреждения опасного.

Но либеральные веяния незабвенного 1861 г., давшие прогрессивным начинаниям сильный толчок и поколебавшие много старых предрассудков, снесли и предрассудок против суда присяжных. В январе 1862 г. состоялось Высочайшее повеление о вызове в Государственную канцелярию юристов для составления основных положений судебной реформы согласно указаниям «науки и опыта европейских государств». Чрез это снималось косвенно прежнее вето с «революционного» суда присяжных. Вызванный в числе других юристов в Государственную канцелярию, Ровинский привез с собою из Москвы несколько записок и, между прочим, записку о введении суда присяжных. За исходную точку Д. А. взял записку (1860 г.) гр. Блудова, который, стоя в принципе за суд присяжных, признавал введение его в России покуда нежелательным.

«В настоящее время, — писал гр. Блудов, — едва ли полезно установить суд через присяжных. Легко представить себе действие такого суда, когда большая часть нашего народа не имеет еще не только юридического (*sic*), но и первоначального образования, когда понятия о праве, обязанностях и законе до того не развиты и не ясны (?), что нарушение чужих прав, особливо посягательство на чужую соб-

⁸ См. н. т. Ровинского. С. 327.

ственность, признается многими самым обыкновенным (?) делом, иные преступления — только удалством (?) и преступники — только несчастными. Допущение людей к решению важного, иногда чрезвычайно трудного вопроса о вине и невинности, требующего способности к тонкому анализу и логическим выводам, угрожает не только неудобствами, но едва ли не прямым беззаконием». Так рассуждал гр. Блудов a priori в 1860 г. В настоящее время, когда известно a posteriori, что русский народ с первого же дня вступления своего в суд присяжных блистательно⁹ опроверг эти кабинетные измышления мнительного бюрократа, вовсе не знавшего народа, глубокомысленные рассуждения его вызывают улыбку. Но не то было в 1862 году. Тогда все такие мрачные и пессимистические запугивания казались многим и многим¹⁰ верхом серьезности, дальновидности и государственной предусмотрительности.

Большая заслуга Д. А. Ровинского заключается в том, что он имел решимость, такт и искусство разоблачить спокойным, но беспощадным анализом ложную мудрость этих, казавшихся вескими, соображений, следя за ними шаг за шагом, блистательно их опровергнуть не без тонкой язвительности, притом не абстрактными теоретическими доводами, а данными, заимствованными из близкого знакомства с бытом русского народа и с русской судебною практикою. Приводим это остроумное опровержение Д. А. Ровинского, которое и теперь читается с большим интересом.

«Предположение, что народ наш смотрит на преступление снисходительно и признает преступника „только несчастным“, — замечает Д. А. Ровинский, — противоречит всем известному факту, что преступники, пойманные народом на самом месте преступления, поступают в руки полиции не иначе как избитые и изувеченные. На этом основании можно бы обвинить народ скорее в противоположном; но и это будет несправедливо, — народ бьет пойманного преступника просто в виде наказания и потому единственно, что не имеет никакого доверия ни к добросовестности полиции, которая может замять дело, ни к правосудию судей, которые на точном основании теории улики и совершенных доказательств могут освободить гласного преступника от всякого взыскания. Что народ смотрит с сострада-

⁹ В первом же своем всеподданнейшем отчете министр юстиции Замятин с особенною похвалою отзывался о присяжных из крестьян, которые удачно разрешили дела, затруднявшие даже юристов (см. выше С. 459).

¹⁰ Вспомним, что даже такие выдающиеся люди, как В. Д. Спасович, считали в конце 50-х годов невозможным введение в России суда присяжных.

нием на преступника, уже наказанного плетью и осужденного на каторгу и ссылку, и, забывая все сделанное им зло, несет ему щедрые подаяния вещами и деньгами — это правда. Что народ жалеет подсудимых, просиживающих на основании теории улик и доказательств годы и десятилетия в явное разорение своего семейства и государственной казны — и это правда. За это сострадание следовало бы скорее признать за народом глубокое нравственное *достоинство*, нежели обвинять его в недостатке юридического развития.

Гораздо важнее и справедливее, — говорит Д. А., — обвинение народа в том, что понятия о праве, обязанностях и законе в нем до того не развиты и не ясны, что нарушение чужих прав, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими *самым обыкновенным* делом. И действительно, кража всех родов и всех видов, начиная от ежедневной порубки в казенных лесах и мелкой экономии казенных дров и провианта и кончая колоссальными подрядами на строительные работы и всякие поставки, — кража составляет в общественной жизни нашей самое обыкновенное явление. Многие виды освящены обычаями, другие даже узаконились от давности.

Но такой странный порядок вовсе не зависит от неразвитости народных масс, которые ни в одном государстве не могут еще похвалиться ни юридическим образованием, ни высшею способностью к тонкому анализу и логическим выводам. Да, если юридическое образование и высшая способность к тонкому анализу и действительно составляют удел одних иностранцев, то почему эти господа, перебравшись на нашу почву, так скоро осваиваются с нашими порядками, сметами, доходными статьями и экономиями и так быстро теряют и юридическое образование, и высшую способность к тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; в большинстве случаев человек осторожен тогда, когда за поступками его следит общество, у которого есть возможность законным путем *поричать и наказывать* его. Какой же осторожности можно ожидать от человека там, где общественное мнение еще не совсем сложилось и где попытка *надзора* со стороны общества еще так недавно преследовалась наравне *со скопом и заговором*? Правительство должно дать законный исход общественному мнению, им самим затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственных членов, оно должно посредством такого суда *слить свои интересы* с нуждами общества. Говорят, что введение такого суда присяжных у нас преждевременно, что народу и обществу предстоит прежде всего юридическое развитие и т. д. Мы же, напротив, убеждены, что такой суд, строгий, гласный и всеми уважаемый,

должен *предшествовать* всякому юридическому развитию и общества, и самих судей, что *только в нем народ научится правде* и перестанет открыто признавать кражу за самое обыкновенное дело.

Опасаются допустить в настоящую минуту неразвитый и необразованный народ к участию в суде и считают, что это участие поведет не только к неудобствам, но и к беззаконию. Разумные правила для составления списка присяжным заседателям значительно ослабят эти опасения, и можно надеяться, что на деле новый суд, который будет обвинять на основании одного убеждения в виновности преступника, ни в каком случае не будет беззаконнее¹¹ и неудобнее того суда, который на основании одной и той же теории улики и совершенных доказательств оставляет в подозрении, обвиняет и, наконец, вовсе освобождает одного и того же преступника, а в том, что такой суд *один* и может удовлетворить теперешним требованиям нашего общества и что *только* такой суд может ожидать полного сочувствия и уважения со стороны его, то в этом не может быть ни малейшего сомнения».

Опровергнув доводы гр. Блудова против введения суда присяжных Ровинский переходит затем к устройству его. Указывая на то, что общественный элемент издревле участвовал в России в отправлении правосудия и что в современном судеустройстве сословные представители занимают видное место, он предлагал только изменить роль их и дать им целесообразное положение. Ссылаясь на то, что сословные представители обязаны наравне с коронными судьями применять совершенно недоступные им правила о силе доказательств, о наказании и разрешать все другие возникающие по делу юридические вопросы, Ровинский заявлял, что благодаря такой неудачной постановке дела роль заседателей сведена к нулю, и они, бессознательно подписывая приговор, служат ширмами для секретарей, решающих дело по своему произволению. Если предоставить представителям общества решать по совести только вопрос о виновности, а вопрос о применении наказания и вообще руководство хода процесса предоставить сведущему юристу, то состоится без всякого затруднения преобразование современных бессловесных сословных заседателей, являющихся игрушками в руках канцелярии, в настоящих присяжных заседателей, сознательно решающих по совести вопрос о вине и невинности подсудимого. «Что касается до правильности решения, то нет никакого повода полагать, — писал Ровинский, — что эти реше-

¹¹ Этого, как известно, не осмеливаются утверждать даже самые беззастенчивые зоицы нового суда.

ния будут хуже и незаконнее решений теперешних уголовных инстанций: присяжные всегда подчиняются влиянию дельного и добросовестного председателя, и только недостаток этих качеств может вызвать со стороны их *полезное* противодействие».

Записку свою Ровинский заканчивает так: «Правительство, может быть, не решится отдать на суд присяжных дела о так называемых преступлениях государственных, о преступлениях против цензуры и т. п. Но если бы и эти преступления были отданы на суд общества, то нет сомнения, что оно и тогда бы выставило в лице своих присяжных заседателей людей порядка, которые бы гласно осудили всякое бессвязное волнение и назвали бы настоящим именем то, что еще так недавно возводилось на степень государственного преступления. Конечно, такой суд, представляя разумную поддержку законной власти, разоблачил бы и все злоупотребления ее, но тем легче было бы предупреждать их, знакомиться с нуждами общества, идти во главе его и предлагать постоянно необходимые преобразования сверху, не дожидаясь требований их снизу»¹².

Записка Ровинского была принята в Государственной канцелярии очень сочувственно и послужила исходным моментом для обширных работ, приведших ко включению суда присяжных в число «Основных положений» судебного преобразования, Высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г.

С утверждением «Основных положений» была окончена важнейшая, принципиальная часть дела, но оставалась другая, не менее серьезная — составление проекта Судебных Уставов. И в этот период работ Ровинский оказал значительные услуги судебному преобразованию, войдя в члены образованной для этой цели большой комиссии по отделению судоустройства.

Как известно, первую ласточкою преобразовательной весны был институт судебных следователей, введенный в 1860 г. Радуюсь передаче производства следствий от полиции молодым юристам, Ровинский в речи, обращенной к ним, с неподражаемой простотою, благородством и чарующею искренностью обрисовывает свой взгляд на обязанность службы.

«Большая часть из вас, господа, только что окончила образование. Вы еще не опытны в деле. Нам дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видеть в арестанте *немую цифру*, которую чиновники с таким старанием сбывают друг другу. Для вас всякое дело еще так ново и полно жизни. Опытности вам научиться не долго, если вы реши-

¹² Где сноска?

тесь вполне отдаться вашему делу. С вами поделятся ею те из ваших товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же, в свою очередь, поделитесь с ними тем первым и дорогим жаром молодости, с которым так спорится всякая работа. Помогайте друг другу, господа, наблюдайте друг за другом, не дайте упасть только что начатому делу, будьте людьми, господа, а не чиновниками! Опирайтесь на закон, но объясняйте его разумно, с целью сделать добро и принести пользу. Домогайтесь одной награды — доброго мнения общества, которое всегда отличит и оценит труд и способности. Может быть, через несколько лет служба еще раз соберет нас вместе; дай Бог, чтобы тогда вы могли сказать всем и каждому:

Что вы служили делу, а не лицам.

Что вы старались делать правду и приносить пользу.

Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потом — чиновниками» ...¹³

Но осуществить вполне эти принципы бескорыстного служения правосудию было крайне затруднительно даже при подновленном судебном законодательстве. Только с введением Судебных Уставов стало возможным хоть частичное осуществление программы просвещенных либералов, положивших в основу своих, на место молчалинских, добродетелей служение долгу. С весны 1866 г. Ровинский делается прокурором Московской судебной палаты и дает тон одной из важнейших отраслей судебной службы в одном из самых обширных районов. Сразу и без усилий Ровинский стал в самые простые, полные взаимного доверия отношения со всеми сторонними ведомствами, но особенный глубокий след оставил он для новой прокуратуры, для которой он создал первые *традиции и школу*. Эта полусудебная, полуадминистративная должность проявляет благодаря своему зависимому положению особенную чувствительность к давлению высших атмосфер и веяниям высших сфер. Событие 4 апреля вызвало странный гагаринский «покаянный» циркуляр о сомкнутии консерваторов, что одинаково поразило своею неожиданностью и нескладностью не только Герцена, но и благонамеренного Никитенко. Хотя только что вступающий новый судебный строй не имел никакого повода к покаянию в прошлом, которого у него и не было во все, но и он был притянут к общему публичному акту *mea culpa*. Мало того, первым громким политическим актом по отношению к новому судебному ведомству было изъятие следствия о Каракозове и др. из его рук и передача генерал-адъютанту М. Н. Муравьеву, политиче-

¹³ См. превосходную биографию Ровинского в «Последних годах» А. Ф. Кони, 621.

ские и этические принципы коего были достаточно хорошо всем известны. Но это был случай совсем из ряда вон выходящий, и пока во главе Министерства юстиции стояли люди, преданные духу Судебных Уставов, новые суды могли входить в жизнь без потрясений, хотя и не без толков. Пользуясь этою кратковременною светлою полосой, Ровинский успел собрать вокруг себя кружок талантливых молодых людей, которые души не чая в своем руководителе-наставнике, отдавали с молодым энтузиазмом свои силы на служение дорогим учреждениям.

Простыми чисто товарищескими отношениями он подчинял своих сослуживцев такой крепкой благотворной нравственной дисциплине, которую никогда не дадут надменные величания иерархическим старшинством или внешними декоративными преимуществами. Предоставляя каждому проявлять свою личность, приучая жить интересами дела, как делами чести, в которых все заинтересованы, Ровинский умел давать своим товарищам и простор, благодаря которому молодое и столь трудное дело сразу налаживалось блистательно, и крепко держать бразды общего духовного руководства и, когда нужно, с неумолимою строгостью действовать относительно провинившихся. В прелестных воспоминаниях М. О. Громницкий¹⁴, так живо рисуящий Ровинского и преемников, с умилением вспоминает это светлое время, одним из лучших продуктов и украшений которого был сам автор воспоминаний...

Но реакция не дремала, и когда во главе Министерства юстиции появилась фигура г. Палена, ничего общего не имевшего с юстициею и в частности с Судебными Уставами, все поняли, что песенка составителей Уставов спета. Ровинский уступил место другим, более умелым гнуть шею и закон, когда начальству то угодно, более искусственным поддерживать нравственный авторитет помощью блеска гадунов и плюмажа шляп, с которыми не расставались даже и в заседании суда.

Ровинский оставался в Москве недолго. В конце 1868 г. он принял должность председателя департамента судебной палаты, с 1870 г. вошел в состав уголовного кассационного департамента, уделяя значительную часть времени научным занятиям.

Пишущему эти строки пришлось видеть Дим. Ал. вскоре после его 50-летнего юбилея государственной службы. Он обнаруживал по-прежнему (и несмотря на новеллы последнего времени) веру в непоколебимость основ Судебных Уставов и высказывал надежду,

¹⁴ Они печатались в 1898 и 1899 гг. в «Русск. Мысли».

что при предстоящем пересмотре «спадут ветхою чешуею дикие наросты» позднейшего времени. С особенным умилением Д. А. говорил о суде присяжных. Считая его самую здоровою и удавшеюся частью судебной реформы, Ровинский — инициатор суда присяжных — не без законной гордости и нравственного удовлетворения заметил: «Как хотите, а русский мужик перехитрил наших тонких кабинетных юристов». И если, как справедливо писал Катков, история не забудет ни одного имени, связанного с судебною реформою, с этим великим делом обновления России, то в ряду этих славных имен будет отведено почетное место и Д. А. Ровинскому как одному из родоначальников суда присяжных.

IV.

Разносторонне образованный человек с живым и деятельным темпераментом, Ровинский не замыкался исключительно в свою юридическую специальность. Он особенно живо интересовался археологией, русскою историею и историею искусства. Он собрал коллекцию гравюр Рембрандта, считавшуюся одною из лучших в Европе, а также коллекцию русских лубочных изданий, единственную во всей Европе¹⁵. В течение сорока лет своей ученой деятельности Д. А. успел выпустить массу ученых трудов¹⁶. Наиболее замечательны: «Русские народные картины» в 5 томах, с атласом, заключающим в себе 1780 лубочных изданий; «Словарь гравированных портретов» с массою

¹⁵ Коллекции по духовному завещанию Ровинского поступят в Румянцевский музей и в Эрмитаж.

¹⁶ Приводим список трудов Ровинского, изданных им с 1856 года: 1) История русских школ иконописания. 2) Русские граверы и их произведения. 3) Словарь русских гравированных портретов. 4) Русский гравер Чемесов, с 17 портретами. 5) Русские народные картины, 5 томов с атласом, заключающим в себе 1780 картин. 6) Достоверные портреты московских государей, с 47 рисунками. 7) Н. И. Уткин, его жизнь и произведения, с 34 портретами и рисунками. 8) Виды Соловецкого монастыря, с 51 рисунком. 9) Материалы для русской иконографии; 12 выпусков, с 480 рисунками. 10) Одиннадцать гравюр Берсенева. 11) Ф. И. Иордан. 12) В. Г. Перов, его жизнь и произведения, с 60 фототипиями. 13) Двадцать видов из Привислинских губерний. 14) Сборник сатирических картин. 15) Полное собрание гравюр Рембрандта, с 1000 фототипий. 16) Полное собрание гравюр учеников Рембрандта и мастеров, работавших в его манере, с 478 фототипиями. 17) Подробный словарь русских гравированных портретов, 4 тома с 700 фототипиями.

фототипий в тексте; «Полное собрание гравюр Рембрандта» с 1000 фототипий. Так как книги Ровинского подвергались особой льготной цензуре, то в них попадает множество любопытных исторических сведений, которых нельзя найти ни в каком другом издании. Высокое научное достоинство изданий Ровинского давно уже признано не только у нас, но и в Западной Европе. Незадолго до смерти Д. А. успел приготовить дешевое издание «Русских народных картин», с 400 картинами, которые он хотел пустить в продажу по баснословно дешевой цене — по 3 руб. за экземпляр. А в последние дни и месяцы своей жизни он весь ушел в работы над подготавливаемым изданием Остада. Несмотря на то что малейшее движение по городской мостовой причиняло Д. А. нестерпимые боли, он еще весной 1895 года посещал европейские музеи, пополняя свои коллекции и сведения. Не зная, что такое скука, не понимая «сладо́сти безде́ля», этот неутомимый труженик всю свою жизнь работал и работал на пользу ближнего, на пользу благого просвещения. Умственная работа для него была целью жизни и источником высочайших наслаждений. После умственного труда наиболее наслаждений дала Д. А. любовь к природе, которая поддерживала две его страсти: к путешествиям и цветоводству.

Отправившись в Вильдунген для хирургической операции, он вскоре забывает о своей болезни и увлеченный планом предстоящих работ пишет в мае на родину: «О себе скажу, что совсем выправился и потому не очень кручинюсь, что доктор заболел. Может и без его инструмента еще *на год* обойдусь. Работа моя с Остадом идет успешно. Отсюда 24 мая в Париж и Лондон *на работу* и пробуду там 18–20 дней».

Так писал 70-тилетний больной старик, 50-тилетний ветеран науки и государственного служения, полный умственной свежести, бодрый, веселый и жизнерадостный, несмотря на свой тяжелый, неизлечимый недуг, готовый приняться за работу, как будто ничего не успел сделать!..

А неумолимая смерть уже носилась над этою седовласою светлою, полною новых намеченных задач головою неутомимого труженика, с юношескою бодростью собиравшегося на дальнейший жизненный путь, как будто и не предвидя конца своему быстротечному веку! Если считается завидным жребий воина, павшего в борьбе за родину и свободу, то едва ли менее завиден жребий застигнутого за работою с пером в руке честного труженика на поприще гражданского преуспеяния, на поприще мирного зиждательного труда, который,

говоря словами Шиллера, не знает усталости, всегда творит, не разрушая...

Этот добрый, неразлучный друг – бескорыстный труд на пользу благого просвещения был великим утешителем для Д. А. в последние годы его жизни, омраченные зрелищем разрушения или колебания великих институтов, для насаждения которых он так много работал в эпоху общественного «просветления». С грустью и надеждою он ждал, что пройдет апатичное настроение общества, что отвернется оно от проповедников невежества и человеконенавистничества, что явятся же, наконец, *преемники* для продолжения великого дела обновления России в духе свободы, человечности, просвещения.

*О, пусть придут они, чтоб нам хоть миг единый
Взглянуть на их борьбу, на их победный след;
Чтоб солнце новое увидеть пред кончиной,
Сказать: «Оно идет!», – и песнью лебединой
Из тьмы приветствовать пылающий рассвет.*

Но не суждено было Ровинскому дожидаться этого радостного «нового солнца». Легкое умственное движение, появившееся в русском обществе в конце 1894 г., имело такой туманный характер, что самые проныцательные люди не могли решить, есть ли это здоровое пробуждение общественной мысли или не более как «пленной мысли» бесплодное раздраженье.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕЯТЕЛЬ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

Н. А. БУЦКОВСКИЙ

† 25 СЕНТЯБРЯ 1873 Г.

I.

Николай Андреевич Буцковский (род. в 1811 году, умер 25 сентября 1873 г.) принадлежит к числу самых видных деятелей судебной реформы. Первостепенная роль, которую он играл как в составлении Судебных Уставов и дополнительных к ним законоположений о введении уставов в действие, так и в практическом их применении с 1866 г. по должности сенатора уголовного кассационного департамента, дает ему право в истории судебной реформы на одно из первостепенных мест.

Влияние и роль другого воодушевленного борца за основы судебного преобразования, С. И. Зарудного, были совсем исключительны и беспримерны как по силе, так и по продолжительности.

Деятельность Н. А. Буцковского по судебной реформе не захватывает такого продолжительного периода, но зато она относится к самой живой, важной и плодотворной эпохе ее, к 60-м годам (с конца 1861 г. и до окончания в 1866 г. всех законодательных работ по открытию новых судов). А с другой стороны, Н. А. Буцковский, в отличие от С. И. Зарудного, который так-таки до конца своей жизни не был допущен из-за репутации «опасного либерала» в кассационный сенат, имел счастливое преимущество и утешение лично способствовать истолкованию и применению созданного при его деятельном участии нового уголовного процесса, согласно благим и гуманным намерениям его составителей, и положенных в основу его научных доктрин.

Буцковский не был юристом, т. е. не был патентованным, профессиональным юристом, прошедшим официальную юридическую школу (если только может быть речь о существовании у нас в конце 20-х

годов какой-нибудь юридической школы). Этот впоследствии столь известный и как юрист-практик, и как автор замечательных монографий по уголовному процессу, до сих пор ценимых нашею юридическою литературною критикою, был, так сказать, *юрист-самоучка*. Буцковский, подобно С. И. Зарудному, по образованию математику-астроному, прошел математическую школу и своим юридическим развитием и образованием обязан был только самому себе.

Но не этому ли на первый взгляд неблагоприятному, а в действительности счастливому обстоятельству, т. е. отсутствию среди руководителей судебной реформы преобладания или господства «заправских», патентованных юристов, быть может, мы обязаны тем, что она была закончена с таким блеском и успехом? Мы были бы неверно поняты, если бы слова наши были истолкованы в смысле отрицания юридических наук. Но юридические школы бывают разных качеств и достоинств. Есть такие представители юридических наук, которые все свое призвание видят в обременении памяти своих слушателей массою ничем не связанных и никакою идеею не освещенных юридических формул и буквальных постановлений положительного права, поклонение перед которым они считают альфою и омегою юридического глубокомыслия. Это не развивающая и оживляющая юридическая доктрина, «которая дает, по определению Савиньи, способность *самостоятельно мыслить*», а то иссушающее мозг и сердце «законоведение» (в отличие от «правоведения»), которое создает школу полированных подъячих, наподобие византийских хорошо «натасканных» буквоедов-законников, поставивших на место права как органа правды букву закона и схоластическую казуистику¹.

Не трудно представить себе, какова была и могла быть у нас «юридическая наука» в 30–40-х гг., когда Я. Баршев с кафедры восставал даже против такого чисто технического улучшения судопроизводства, как введение устности, состязательности в уголовном процессе,

¹ См. Н. Л. Дювернуа. *Лекции по русскому гражд. праву*. СПб., 1899. Выпуск 1. С. 168, 219. «И смешно, и жалко было видеть, — говорит А. М. Филиппов об университетских лекциях 30-х гг., — как они подводили научные начала под сочиненные Сперанским "положения". А о времени, непосредственно предшествовавшем введению университетского устава 1863 г., проф. П. Г. Редкин в своих *Senilia* (Из лекций П. Г. Редкина, 1889, СПб.) рассказывает, что о развитии "самостоятельного мышления" не могло быть и речи и что под "науками о законах" разумели изложение статей свода законов, причем рекомендовалось "прочитывать из свода известное число статей без самонаименованного замечания со стороны профессора и даже парафраза". (С. 5–6).

а тем более гласности². Остаться под влиянием *такой* юридической школы значило подвергаться опасности извратить свой моральный и умственный кругозор и выродиться в тот тип бессердечных юристов, которые в средние века вызвали поговорку: «Juristen – böse Christen». Вот почему было небольшою потерей для Буцковского то обстоятельство, что он не прошел в молодости юридическую школу того времени. Благодаря своему трудолюбию, добросовестности, любознательности и высшему образованию, он позже сам пополнил с избытком этот пробел.

Окончив домашнее образование, Буцковский, отличный математик, первоначально готовил себя к инженерной карьере. В 1828 году он поступил на службу в кондукторскую роту главного инженерного училища, в 1831 г. выдержал первый офицерский экзамен, а в 1833 г. окончил полный курс наук в офицерских классах и поступил в С.-Петербургскую инженерную команду, где он служил до 1836 г. Затем Буцковский перешел на педагогическое поприще и поступил учителем математики в Гатчинский воспитательный дом (ныне сиротский институт), где и оставался три года.

В июне 1839 г. он перешел на службу в департамент Министерства юстиции и в декабре того же года получил первую штатную должность старшего помощника столоначальника с жалованьем в 28 руб. в месяц. Проходя медленным шагом, установленным педантическими правилами министра юстиции гр. В. Н. Панина по административной лестнице департамента, Буцковский, хотя и весьма рано замеченный гр. Паниным, только в 1845 г. получил должность редактора, а в 1848 – начальника отделения. В 1849 г. он перешел на обер-прокурорский стол одного из департаментов сената, где основательно изучил уголовную практику. С 1851 по 1853 год он состоял вице-директором департамента юстиции, а с 1853 перешел в Москву, где занимал должность обер-прокурора 6-го и 7-го департаментов и общего собрания московских департаментов сената.

Внимательный к исполнению своих обязанностей, всегда ровный, терпеливый, обходительный с подчиненными, не подобострастный с начальниками, Буцковский сумел заслужить уважение старших, благодарность и любовь низших. Гр. Панин видимо ценил и отличал, насколько допускали его педантические правила, своего образцового чиновника, и послужной список Буцковского испещрен многочисленными чрезвычайными поручениями, данными ему министром

² Устность судопроизводства «служит, по мнению Баршева, *обыкновенно* источником незрелого и необсудливого решения дел» («Основания угол. суд.». С. 68).

юстиции и последовавшими за примерное исполнение их выражениями «признательности» и «благодарности». Чуждый всякого искательства, Буцковский не домогался быстрого возвышения, чрезвычайных наград и отличий и первую награду получил лишь после 22-летней службы.

Помимо изумительного трудолюбия, образцовой аккуратности и скорости в исполнении своих служебных обязанностей, Буцковский обращал на себя внимание еще тем, что обнаруживал весьма основательное знакомство не только с бедною русскою, но и богатою французскою, а отчасти английскою и немецкою юридическою литературою. Несмотря на свои ограниченные средства, Буцковский успел составить богатую по разным отраслям знания и главным образом по юридическим наукам библиотеку. Высшее математическое образование и основательное знакомство с теориею уголовного права и процесса не раз оказывали ему услугу. В начале 50-х годов имела место судебная ошибка: был наказан плетью и сослан в каторжную работу Калужскою палатою и Сенатом, на основании *собственного сознания*, муж за убийство жены³. Но каково же было общее изумление, когда после исполнения приговора жена оказалась *в живых*, а протокол подложным. Буцковский, принимавший участие в этом деле, был и прежде за оправдание ввиду отсутствия *corpus delicti*. Но тонкие дельцы, и в том числе гр. Панин, такими «теоретическими пустяками» не стеснялись и засудили невинного человека. Предстояло после обнаружения судебной ошибки разъяснить «непогрешимому» гр. Панину его ошибку. В качестве знатока латинской литературы гр. Панин, конечно, знал пословицу: «*Cujusvis hominis est errare, nullius, nisi insipientis, in errore perseverare* (всякий может ошибиться, и лишь глупец упорствует в своих ошибках)». Но гр. Панин никогда не сознавал своих ошибок. А тут нужно было не только убедить Панина в его ошибке, но и заставить его сознаться в ней открыто. Исполнить эту трудную и неблагодарную задачу взялся Буцковский: сначала Панин ничего не хотел слышать и страшно рассердился, но затем вынужден был сознаться в ошибке, и невинно пострадавший был возвращен из Сибири.

С 8 ноября 1861 г. для Буцковского открылась новая широкая арена для деятельности, на которой он мог применить свой обширный судебный опыт, свои серьезные юридические познания и тем сослужить великую службу России. В этот знаменательный для него год со-

³ См. главу I моих «Основ Судебной реформы».

стоялось Высочайшее повеление о прикомандировании его вместе с другими юристами к государственной канцелярии⁴.

Ниже мы будем говорить специально об участии Буцковского в работах по учреждению суда присяжных, а теперь отметим только, что он имел весьма сильное влияние на обработку всего нашего действующего уголовного процесса вообще. Он исполнял обязанности статс-секретаря при рассмотрении «основных начал» в соединенных департаментах Государственного совета. Затем в качестве председателя уголовной секции комиссии В. П. Буткова, составлявшей проект судебных уставов, Буцковский с свойственной ему добросовестностью и трудолюбием принял самое деятельное участие как в редактировании текста статей устава угол. суд., так и в составлении обширной к нему объяснительной записки. При обсуждении в соединенных департаментах Государственного совета проекта уст. угол. суд. он опять исполнял обязанности докладчика и составителя журнала.

По возвращении из-за границы, куда он ездил в 1864 году для ознакомления на месте с тамошними судебными порядками, 1 января 1865 г. Буцковский был назначен сенатором. В 1865–1866 гг. он участвовал в трудах комиссии В. П. Буткова, занимавшейся окончательными работами по преобразованию судебной части и изготовлением законоположений о введении в действие судебных уставов. 1 января 1866 г. Буцковскому повелено присутствовать в уголовном кассационном департаменте сената, где он и оставался до своей смерти.

Трудная задача выпадала на долю первых членов нашего кассационного Сената, в том числе и Н. А. Буцковского. Затруднения, встреченные на пути этим даровитым хранителем и истолкователем закона, призванным, с одной стороны, давать судам разъяснения «общих начал», лежащих в основе действующего законодательства, а с другой — охранять полную независимость судейского звания и судебной деятельности, были двоякого рода, — частью юридического, частью бытового и политического свойства.

Теперь уже с 1881 г., с учреждением комитетов для составления проекта нового уголовного и гражданского уложений, официально признана негодность нашего действующего уголовного и гражданского законодательств⁵. Но каково было первым сенаторам оперировать над этим негодным, устарелым материалом и при помощи на-

⁴ Об участии Буцковского в работах по отмене телесных наказаний см. выше главу III.

⁵ Научным образом это положение было давно уже доказано относительно гражданских законов превосходными работами безвременно умершего цивилиста

учных приемов толкования стремиться к извлечению из него «общих начал», которых или вовсе там не было, или были лишь слабые намеки на них. Нужно читать пространные и превосходные кассационные решения, принадлежащие перу первых сенаторов, Н. А. Буцковского, П. А. Зубова, М. Н. Любощинского, В. А. Арцимовича и др., чтобы видеть, какую массу труда положили эти почтенные труженики на пользу правильного развития нашего законодательства.

А между тем сколько незаслуженных упреков за «*внесенные противоречия*» выслушали и вынесли эти даровитые юристы, призванные найти общие начала и там, где даже такой снисходительный критик, как граф Блудов засвидетельствовал их полное отсутствие⁶, или примирить постановления, из коих одни относились к жестоким временам «тишайшего царя» с их «нещадным битьем кнутом», а другие — к гуманно-освободительной эпохе, приведшей к отмене телесного наказания.

Немалы были и бытовые затруднения, ибо нелегко было обществу, воспитанному на произволе и видевшему в законе не общеобязательную норму, а лишь красивую и внушительную декорацию, грозную только для людей без денег и связей, усвоить себе, что новый суд равен для всех и никому не мирволит, решительно никому, что он решает дела по закону, не обращая внимания, как выражалось еще наше старое законодательство, «на приватные письма, хотя бы от первейших лиц в государстве» (ст. 718, т. III св. зак.). Буцковский оставался буквально глух для всех самых тонких подходов, рассчитанных на то, чтобы *captare benevolentiam* его, как судьи, если не путем задабривания и застрашивания, на что никто бы не решился, то хотя бы путем искусной эксплуатации его гуманности и благородства.

Но самые серьезные затруднения встречало правильное и согласованное с духом судебных уставов направление кассационной практики со стороны установившихся «свычаев-обычаев» дореформенной администрации. Ей нелегко было расставаться с атрибутами и функциями всемогущества. В частности, судебная администрация неохотно мирилась с тою почетною, но строго очерченною ролью, которую создали для нее судебные уставы 20 ноября. Являясь стороною на суде, прокуратура не могла переварить мысли, что она, украшенная всеми наружными атрибутами власти и силы, назначенная представлять в своем лице отражение престижа могущественных сфер,

И. Оршанского, а относительно уголовного — трудами гг. Таганцева, Фойницкого и др.

⁶ См. Т. II Дела о преобр. суд. част. II. Объяснит. Зап. к уст. гражд. суд.

вооруженных всею мощью государственной власти, что она должна в качестве *казенного обвинителя* стоять пред судом на одной доске с адвокатом, с этим скромным представителем частного интереса единичного гражданина, не имеющего иных средств воздействия для защиты его свободы, чести и имущества, как разум законов и законы разума и справедливости. Отсюда первый повод для неудовольствия судебной администрации против таких сенаторов, как Буцковский, т. е. таких, которые вникают во внутренний смысл закона и глухи к внешним давлениям и нашептываниям плывущего по течению оппортунизма.

Другой повод для столкновения с судебною администрациею дало обычное у нас явление, состоявшее в том, что проведение в жизнь реформ поручалось людям, им не сочувствующим. Благодаря этому явлению реформы рано начали понемногу «исправляться и смягчаться», словом, скоро произошла столь известная у нас отмена закона в *административном порядке*, сначала мотивируемая временными обстоятельствами, а потом получившая хронический характер. Немало таких отмен последовало и по судебному ведомству со времени последовавшей в 1867 г. отставки первого генерал-прокурора нового суда Д. Н. Замятнина, и наступившей вслед за этим реакции.

Как и следовало ожидать, все такие «новшества» встречали в Буцковском, как в убежденном и стойком защитнике основ судебной реформы, самого горячего противника. Так, он решительно выступил против приравнения «настоящих», т. е. «несменяемых», судебных следователей к тем «оловянным» следователям, т. е. к молодым людям, командируемым для исправления должности судебного следователя, которых избрал реакционный дух 70-х годов⁷.

Без преувеличения можно сказать, что Буцковский по должности члена высшего судебного места в цикле новых судебных учреждений осуществлял вполне тот идеал судьи трудолюбивого, честного, независимого, неподкупного (не только в грубом, материальном смысле лихоимства, но и в более тонком смысле психологического воздействия сильных окружающих влияний), о котором он мечтал, когда писал Судебные Уставы, и отсутствие которого в дореформенной России отмечает проф. Утин (см. выше предисл. к 5-му изд.).

Помимо своей судебной деятельности, Н. А. Буцковский сделался известным в нашей юридической литературе несколькими ценными вкладами в область уголовного права и процесса, как-то: *Очерк кассационного порядка отмены решений по судебным уставам; О пригово-*

⁷ См. Кассац. реш. угол. касс. деп., 1870. № 1411; 1871. № 1269.

рах по уголовным делам, решаемым с участием присяжных заседателей; О деятельности прокурорского надзора; Основания кассационной практики по вопросам преюдициальным; О самоуправстве и пр. труды Буцковского вышли в 1874 году отдельной книгой под заглавием: *Очерки судебных порядков по уставам 20 ноября 1864 года*. Издание это до сих пор пользуется большим авторитетом и составляет настольную книгу для всякого серьезного криминалиста⁸.

В заключение этого беглого очерка внешней деятельности Буцковского отметим последнюю его волю, наглядно рисующую его светлую личность и благородную душу. «В течение последних десяти лет, — писал он в своем завещании, — я получаю значительное содержание (сверх сенаторского содержания в 7000 р. он получал за труды по составлению судебных уставов с 1864 г. по 2500 р.) и постоянно делаю сбережения в тех видах, чтобы обеспечением своего существования собственными средствами составить себе *независимое положение* и чтобы по смерти своей оказать помощь ближайшим ко мне лицам и завершить свою жизнь каким-либо полезным делом». С этой целью Буцковский завещал скопленный им капитал в 50 000 р. близким лицам в пожизненное пользование; после смерти их он назначил обратиться его в благотворительный фонд для первоначального пособия в пределах округа С.-Петербургской судебной палаты тем по суду оправданным, которых невинность окажется очевидною, а не признанною только по неполноте улики, и тем осужденным, которые впали в преступление по несчастному для них стечению обстоятельств и для которых своевременная помощь может быть спасительным средством к обращению их на путь честной жизни. Заведывание раздачею из фонда Буцковский доверил петербургской корпорации присяжных поверенных, очевидно, исходя из той мысли, что они в качестве защитников поставлены в наилучшие условия для ознакомления с интимным характером преступлений и подсудимых⁹.

⁸ См. Н. Муравьев. «Прокурорский надзор». II. С. 483–484.

⁹ Такова была последняя воля этого благородного судьи-человека! Любопытно отметить, что судебная администрация времен гр. Палена встретила «либеральное» духовное завещание Н. А. Буцковского крайне недружелюбно и намеревалась даже ходатайствовать об оставлении его без исполнения. Случайное обстоятельство задержало доклад по этому делу, и впоследствии по инициативе министра юстиции Д. Н. Набокова последовало разрешение на учреждение фонда Буцковского. С 1881 г. фонд находится в распоряжении петербургского совета присяжных поверенных, и возрос до 71 666 руб. (подробности см. в книге И. В. Макалинского «С.-Петербургская адвокатура». С. 226–237).

II.

Охарактеризовав в общих чертах деятельность Н. А. Буцковского в области суда и законодательства, остановимся подробнее на участии его в учреждении у нас суда присяжных. Оно заслуживает особого внимания по многим соображениям. Суд присяжных составляет венец судебной реформы. В этом согласны как друзья, так и недруги судебной реформы.

Н. А. Буцковский был одним из пионеров великого института. В записке об основных началах уголовного судопроизводства анализирует он прежде всего проект графа Блудова, предполагавшего решение вопросов о виновности и наказании безраздельно предоставить судьям-юристам и сословным заседателям, и затем переходит к учению об общих гарантиях правосудия, а именно: 1) разделение вопросов о вине от вопроса о наказании; 2) многочисленность коллегии, решающей дело; 3) широкое право отвода; 4) предоставление вопроса о виновности решению общественных представителей и о наказании судьям-техникам. «Каждое из этих положений может быть выведено, — говорит Буцковский, — независимо от всяких политических выводов, из одних только юридических соображений».

Строгость наказания нередко побуждала судей признавать *невинным совершенно изобличенного преступника*. Равномерно бывали и преувеличения виновности, если преступник возбуждал против себя негодование или омерзение. Таким образом, преступники наказывались *по усмотрению судей*, а не согласно уставам закона. Если не вполне, то в значительной мере недостаток этот устраняется от *разделения* вопросов о вине и наказании.

При решении вопроса о вине по внутреннему убеждению предполагается, что каждый судья дает мнения по чистой совести, ничем не стесняемой. Так как это есть единственное качество, которое требуется от судейского мнения, и по этому собственно качеству данное мнение почитается истинным, то отсюда следует, что вероятность правдивости решения, данного по внутреннему убеждению судей, зависит не от качества выраженного в нем мнения, которое во всяком случае должно подходить под общий уровень по своему существенному свойству, но единственно *от количества голосов*, соединившихся в одном решении. Чем более лиц, признающих вину или невинность подсудимого, тем более шансов, что предполагаемая истинность их убеждений есть истина действительная. Когда судьи в мнениях своих связаны законом, то и меньшее число голосов мо-

жет иметь преимущество перед большим, если первое ближе подходит к требованиям закона, чем последнее. Но когда судьи дают мнения лишь по внутреннему убеждению, для которого не существует никакого внешнего мерила, тогда сильнейшим может быть только то мнение, которое соединяет в себе более голосов. Вот почему необходимо, чтобы суд, решающий вопрос о вине или невинности подсудимого по совести, был по возможности в *наибольшем числе*.

Право отвода судей тогда только доставляет надлежащее ограждение, когда отвод может быть предъявляем без представления к тому причин. Не легко доказать причины отвода и даже не всегда можно их выставить, а между тем при существовании этих причин нельзя положиться на беспристрастие судьи.

В уголовном уложении, более чем во всякой другой части законодательства, обнаруживается бессилие закона вместить в общих правилах все разнообразие жизни и предусмотреть все случаи, ею представляемые, потому что в этой сфере житейских страстей отдельные случаи столь же разнообразны, как разнообразны порождающие их страсти, характеры, положения и отношения людей.

Где не может дать надлежащего руководства закон, там должна служить руководительницею совесть, и именно *совесть общества*, как такого коллективного лица, которого юридические воззрения служат *главным источником самого законодательства*. Но общество не может быть судьей в полном своем составе, следовательно, оно должно подавать свой голос через своих представителей, и там, где общество не слилось еще в одну общую массу, где существуют различные сословия, представители его должны быть сословными. Мысль эта проявляется в нашем законодательстве в установлении присяжных заседателей, назначаемых по выборам. К тем же выводам приводят и другие соображения: у нас невозможно наполнить одними сведущими в правоведении лицами состав судилищ, необходимый при определении виновности подсудимых по внутреннему убеждению судей; вообще люди многообразной внешней деятельности способнее оценить выходящие из нее факты, чем судьи-техники, теряющие иногда за своими кабинетными занятиями живое созерцание действительности и впадающие от долговременного обращения *с подсудимыми в равнодушие к их участи*; наконец, между судьями, определяющими виновность подсудимого по совести, должны быть такие лица, кои, не имея порочных свойств его, принадлежали бы к одной с ним *среде по их понятиям, нравам* и обычаям для вернейшего обсуждения как значения улик, так и свойства виновности подсудимого, определяемой вообще кругом его понятий и общим уровнем нравственности,

для того чтобы судьи были *лицетворенною* совестью *обвиняемого*. Наказание же определяют судьи-техники.

«Все вышеобъясненные гарантии указывают прямо, — говорит Буцковский, — *на присяжное в суде начало*». Действительно, трудно или даже почти невозможно представить себе какое-либо существенное улучшение в уголовном судопроизводстве, не прибегая к присяжному началу. Многие из наших юристов убеждены, что введение у нас суда присяжных возможно и принесло бы большую пользу поднятием судебной власти на подобающую ей степень достоинства, силы и уважения и распространением в народе здравых юридических понятий и чувства законности. Но существует и противное тому мнение, в подкрепление которого приводятся обыкновенно два возражения: во-первых, что суд присяжных есть суд общества, *несовместный с правами самодержавной власти*, а во-вторых, что общество наше недостаточно развито, для того чтобы входить в судебские соображения, требующие и тонкого анализа, и юридических выводов.

Но присяжное начало *не есть* какая-нибудь *новость в России*. Еще во время действия Русской Правды и затем Судебников важнейшие уголовные дела предоставлены были разбирательству исключительно выборных людей, *губных старост и целовальников*, сначала в виде привилегии, а со времени Грозного, который пользовался неограниченно своими самодержавными правами, — в виде *общего учреждения*. Мысль о необходимости удержания на суде присяжного или, по крайней мере, выборного начала никогда не была оставляема вполне нашим правительством и после Петра. Екатерина II дворянскому и городскому сословию предоставила право судиться одними равными, а впоследствии и волостным и сельским расправам предоставлено было право суда по маловажным делам и удаления людей порочного поведения. Свод законов 1857 г. также признает присяжное начало в виде вердикта 12-ти лиц о членовредительстве, приговоров мещанских обществ о порочных или оставленных в подозрении судом членах.

«Ввиду этих данных можно ли утверждать, — спрашивает Буцковский, — что суд присяжных не применим у нас». Если же наблюдается то странное явление, что наши древние судные мужи более удовлетворяли общество, чем наши позднейшие судебные заседатели, то причина его простая — в том, что первые применяли вполне знакомое им обычное право, а последние теряются в огромных сборниках законов, доступных только специалистам по законоведению. Этим также объясняется, почему присяжное начало, от которого правительство наше никогда положительно не отказывалось, не получало надлежащего развития в судебных учреждениях новейшего времени.

Сословные заседатели, которые ни научным образованием, ни прежними занятиями своими большею частью не приготовлены к тому, чтобы подвизаться *на поприще законоведения*, попали в руки, с одной стороны, членов от правительства, более или менее знакомых с теорией, а с другой — секретарей-практиков, искусившихся в подборе статей закона для всякого решения, правого или неправого, и таким образом утратили свое судейское достоинство и обратились в совершенные нули. Известно, что сельские заседатели в судах употреблялись нередко для исполнения служительских обязанностей, топки печей и чистки комнат.

При таком положении сословных заседателей скорее можно было бы помышлять об уничтожении этого установления, чем о дальнейшем его развитии (как предполагал проект графа Блудова). Но политично ли, справедливо ли лишить общество *последней опоры народного суда*, которым так дорожат все гражданские общества? Если народная любовь к Грозному, несмотря на все его жестокости и неистовства, была не вымыслом, а действительностью, как уверяют все наши историки, если смерть ни одного, может быть, государя прежних времен не была так оплакиваема народом, как смерть Грозного, то не служит ли это ясным доказательством того, *какое сочувствие находили в народе* главные меры, которыми отличалось правление Грозного, старавшегося *развить в общинах начатки самоуправления и народного суда*. Итак, судебное преобразование должно стремиться не к устранению и наших судов сословных заседателей, не к тому, чтобы затруднительными и почти неисполнимыми условиями выбора, как, например, требованием от заседателей юридического образования (таково было требование Блудовского проекта) *сделать народное представительство мнимых* или только номинальным; но, напротив того, к постановлению сословных заседателей в положение, соответствующее кругу их понятий и сведений, чтобы они могли исполнять свои обязанности, *не краснея пред людьми и сознавая в глубине своей совести*, что им доступно святое дело суда и что они исполнили его со вниманием и без всяких личных видов и лицепрятия.

Для этого нужно прежде всего, — говорит Буцковский, — совершенно отделить в уголовных делах вопрос о виновности или невинности подсудимых от вопроса об определении наказания и предоставить: первый — разрешению сословных заседателей в качестве присяжных, которых организация представляла бы все вышеисчисленные гарантии, а второй — соображению судей-техников.

Нет решительно никаких причин полагать, — утверждает автор записки, — что при таком разделении судейских занятий сословные за-

седатели, как судьи одной фактической стороны дела, будут ниже своих обязанностей. Напротив того, есть много оснований думать, что сословные заседатели в этом ограниченном круге судопроизводства *будут лучшими органами правосудия, чем закопавшиеся в бумагах судьи-техники*. Действительно, что обыкновенно требуется от присяжных судей? Решить, изобличается ли подсудимый в том преступлении, которое выставлено обвинением и следствием. Если закон требует от судей фактической стороны дела одного полного внутреннего убеждения, не стесненного никакими формальными доказательствами, то, очевидно, что для справедливого решения такого вопроса присяжные, избираемые обыкновенно из того же разряда людей, к которому принадлежит обвиняемый, имеют более средств, чем судьи-техники. Как те, так и другие пользуются одними и теми же данными, обнаруженными следствием, и едва ли возможно допустить, чтобы из этих данных естественная логика, присущая каждому человеку с более или менее проницательным умом, не могла вывести относящихся к предмету обвинения соображений, в которых *наглядная непосредственность суждения во многих случаях вернее ученых и тонких анализов*.

Но сверх этих общих данных присяжные для открытия истины могут пользоваться как указаниями народной молвы, которая скорее дойдет до них, чем до постоянных судей, так и ближайшею известностью им сословных и местных нравов, обычаев и порядков домашней жизни, что проливает иногда свет на такие обстоятельства, которые для людей, не посвященных в этот обиход, кажутся *или темными, или не имеющими значения*.

Правда, что задача присяжных иногда усложняется определением в смысле действующих законов свойства или степени умысла подсудимого, или обстоятельств, увеличивающих и уменьшающих его вину, но в этих случаях присяжным могут быть сделаны председателем суда все надлежащие объяснения о существующих в законе правилах и практическом их применении, как это постоянно соблюдается в судах присяжных в Англии. Впрочем, если бы даже присяжные не поняли вполне объяснения председателя и не соблюли какой-либо тонкости, то едва ли это можно считать не только большим, но даже каким-либо злом. Уголовные законы в главных их основаниях понятны и известны каждому человеку, как требование естественной справедливости и общественной пользы, и такие элементарные сведения не могут быть чужды присяжным. *Но тонкости уголовного права суть такие воззрения, которые выработаны в кабинетах ученых криминалистов и часто вовсе не входят в круг понятий необразованной мас-*

сы людей. Если присяжные, принадлежащие обыкновенно к одному с подсудимым разряду людей, не понимают какой-либо тонкости, это верный признак, что она *не входит в круг понятий*, обращающихся в известном слое общества, и была бы в данном случае неуместна. В этом обнаруживается *не слабая, а твердая сторона присяжных*. Законы пишутся для всех, без различия слоев общества и индивидуальностей, и в таком обобщенном виде они могут быть названы справедливыми только в отвлеченном смысле. Задача суда состоит в том, чтобы сделать их справедливыми *и в практическом их применении*... Постоянные судьи не могут исполнить эту задачу удовлетворительно потому, главным образом, что, стоя на высоте отвлеченных истин законодательства, они с трудом могут снизойти до непосредственного взгляда на действительную жизнь и видят ее только через окно своего кабинета и через груды письменности, за которою *не видно живых людей*, т. е. индивидуальных личностей. Отсюда происходит склонность постоянных судей вставлять *всевозможные случаи в известные, заранее определенные рамки отвлеченных понятий*. Много несправедливых и много явных послаблений произошло с тех пор, как дело суда попало исключительно в руки судей-техников.

Совсем в другом положении находятся присяжные. Не стесняясь никакими формальными предписаниями в признании вины или невинности подсудимого, внося в суд свежесть и непосредственность взгляда на действительную жизнь, как люди многообразной внешней деятельности, неотуманенной исключительными кабинетными занятиями, будучи чужды того категорического недоверия, которое образуется у судей-техников из постоянного и продолжительного обращения с уголовными делами, присяжные представляются лучшими *примирителями требований правды с действительною жизнью*, неспособными приносить в жертву отвлеченным теориям и понятиям индивидуальность действительных случаев и живых личностей. Это высокое значение суда присяжных, понятое первоначально только в Англии, ценится все более и более на Западе Европы и ценится *не только с политической, но и с чисто юридической точки зрения*.

Распространившееся поверье, что суд присяжных имеет преимущественно *политический* характер, — замечает Буцковский, — много препятствовало распространению этого *ничем незаменимого учреждения*. Не говоря о том, что такое поверье, как доказано теперь многими учеными криминалистами, не имеет надлежащего основания и образовалось только из того, что требования о введении суда присяжных предъявлялись преимущественно в эпохи большей самостоятельности общественного мнения, нельзя не заметить, что от зако-

нодателя зависит обставить это учреждение такими условиями, при которых оно не могло бы иметь никакого политического характера, как это сделано в Пруссии и других германских государствах, установивших у себя в недавнее время суд чрез присяжных. Таким образом у нас в России, — заключает автор, — для отклонения всякого политического характера от суда присяжных можно было бы изъять из его ведомства не только преступления государственные, но также преступления против порядка управления и государственной и общественной службы.

Но за этими изъятиями введение суда присяжных в России *необходимо*, чем где бы то ни было, потому что нигде, может быть, историческая жизнь не положила таких глубоких разграничений между различными слоями общества, как у нас, отчего между понятиями, обычаями и образом жизни наших постоянных судей, принадлежащих к высшему сословию и подсудимых из низшего сословия, существует целая пропасть.

Говорят, что народ наш слишком мало развит для того, чтобы иметь суд присяжных. Но, казалось бы, это самое положение народа, т. е. его неразвитость, представляет основание к совершенно *противоположному* заключению, потому что такой-то именно народ и нуждается в особых гарантиях на суде, нуждается в судьях, которые бы вполне его понимали и были к нему сколь возможно ближе.

Затем, представив еще несколько дополнительных соображений, Н. А. Буцковский излагает и самый проект организации суда присяжных. Приведенная записка авторитетного практика оказала громадное влияние, и имя Буцковского навсегда связано с дарованием России благодетельного судебного института, водворившего впервые истинное правосудие.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕЯТЕЛЬ АКЦИЗНОЙ РЕФОРМЫ

К. К. ГРОТ

† 30 октября 1897 г.

30 октября 1897 г. скончался один из просвещенных администраторов и крупных деятелей эпохи великих реформ, член Государственного совета, статс-секретарь Константин Карлович Грот, принимавший близкое участие во всех важных преобразованиях Александра II, а в особенности в уничтожении гнезда казнокрадства, подкупов и всяких гнусностей — винных откупов. Природные дарования, разностороннее образование, обширный административный опыт, твердость в убеждениях при всей внешней мягкости, человеколюбие, преданность просвещению, уважение к законности, необыкновенная аккуратность и трудолюбие — таковы были выдающиеся черты Грота. Они открывали бы ему широкую административную карьеру во всякое время, но особенно выдвинула его эпоха кипучей государственной деятельности 60-х годов, которая, обновляя русскую жизнь во всех направлениях, предъявляла сильный запрос на людей знания и опыта, твердых принципов, крепкого нравственного закала, неподкупной честности и независимого характера. Бодрое общественное воодушевление радостно приветствовало решимость правительства уничтожить все застарелые язвы государственного организма, начиная с крепостного права и кончая розгами; не весть откуда явилась целая фаланга молодых знающих, трудолюбивых, преданных делу, воодушевленных любовью к отечеству государственных деятелей, шутя двигавших вопросы, веками ждавшие очереди и наглядно показывавших всю неосновательность обычных жалоб на «неимение людей». В числе этих благородных пионеров русской гражданственности, усердно поработавших над привитием первых начал свободы личности, законности, общественной самодеятельности, был

и К. К. Грот, до конца жизни с честью подвизавшийся на разнообразных отраслях государственной и общественной службы.

Окончив в 1835 г., 20-ти лет, курс в Александровском лицее, с того же года К. К. начал свою служебную карьеру, которая продолжалась свыше 60-ти лет без перерыва почти до последних дней его, и достиг высших степеней и почестей без протекции, исключительно благодаря своим трудам и способностям. Первые годы службы его прошли в гоф-интендантском ведомстве, на котором лежало управление Императорскими дворцами. Прекрасно владевший иностранными языками молодой лицеист особенно пленил своего начальника графа Кутайсова своею изящною и утонченною французскою стилистикою, дававшая возможность даже неприятные для адресата вещи писать в округленных, звучных французских фразах¹. Пожар, случившийся в Зимнем дворце в 1838 г., привел к отставке графа Кутайсова, за которым последовали и его молодой секретарь и редактор Грот.

Эти первые три года были, так сказать, «пробами пера» для молодого и способного лицеиста, а затем открылось для него более широкое и серьезное поприще в только что учрежденном знаменитым графом Киселевым новом и важном Министерстве государственных имуществ, в которое он старался привлечь молодых, даровитых и честных людей, которым и вверялись материальные и духовные интересы миллионов государственных крестьян. В 1840 г. была открыта в Митаве Курляндская палата государственных имуществ, где Грот состоял ассессором до 1844 г. За шестилетнее время пребывания своего в Курляндии он уже успел обнаружить свои недюжинные способности мягкого и просвещенного администратора, который предпочитал господствовавшему в то время методу ежовых рукавиц ласковое обращение и возможно непосредственное вникание в нужды населения. Молодому, образованному чиновнику удалось быстро достигнуть того, к чему иные долго и напрасно стремились: даже замкнутое, надменное курляндское дворянство широко распахнуло пред ним двери своих салонов. Но и простому люду, латышскому крестьянскому населению, он успел внушить уважение и доверие. Считая в качестве дальновидного администратора знание языка населения *conditio sine qua non* для сознательного управления вверенными делами, Грот начал учиться латышскому языку и вскоре достиг таких успехов, что мог свободно говорить и читать по-латышски.

¹ См. «Русск. Вед.», 1896. № 208 и след., где помещены биографические (частью автобиографические) сведения о К. К. Гроде.

Выдающиеся способности Грота скоро были замечены в Петербурге, и он уже в 1844 г. был назначен чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел, где он попал под руководство Н. А. Милютина, впоследствии знаменитого деятеля крестьянской реформы. На первых же порах К. К. пришлось заняться вопросами, которые были последними в его длинной административной карьере, а именно: призрением бедных. Деятельный подвижный чиновник Грот находился в постоянных командировках, не имея даже постоянной квартиры в Петербурге. Благодаря этим частым разъездам (во время одной из них он сопровождал М. Н., впоследствии графа, Муравьева), Грот мог изучить разные стороны быта и управления России, как немногие из петербургских чиновников.

Скучное на реформы николаевское время ввело, однако, одно существенное изменение — это городское самоуправление в Петербурге. Грот принимал в качестве главного сотрудника Милютина самое деятельное участие в этом первом опыте соединения граждан в одном общем деле, хотя и с сохранением сословных перегородок.

В 1853 г. Грот назначается самарским губернатором. Если вспомнить, что такое был губернатор, «хозяин губернии» старого дореформенного времени, то легко понять, какое обширное, благородное, но трудное поприще открывалось для молодого, деятельного, неподкупного, образованного администратора. Городское благоустройство, порядок и безопасность губернии, суд, тюрьма, пути сообщения, откупа, бездоимочное поступление податей, борьба с расколом и пр. и пр. и даже торговля порохом — все это разнообразие материальных и духовных предметов, ныне состоящих в ведении многих самостоятельных общественных и государственных учреждений, — подлежало прямому или косвенному ведению губернатора-энциклопедиста! Объять необъятное, конечно, не мог и Грот, но проявил замечательную и разнообразную деятельность, следы которой и до сих пор существуют в Самаре: прекрасный городской сад, городская библиотека, устройство мостовых и освещения, улучшение тюремной части (в самарской тюрьме впервые в России стали обучать грамоте и ремеслам) в городе и в губернии.

Понимая хорошо, что продажные чиновники, находящиеся на откупу у откупщиков, способны изгадить самые лучшие намерения центральной администрации, К. К. старался привлечь на службу университетскую молодежь. Благодаря близости Казанского университета ему удалось составить кадры честного административного персонала, составлявшего какой-то оазис среди царившего окрест продавшегося откупщикам чиновничества.

Но освобождая своих чиновников от крепостной зависимости от откупа, Грот делал неимоверные усилия, чтобы возвысить существовавшие в то время нищенские оклады. С этой целью он задумал поднять цену на порох, но встретил несочувствие в высших сферах. Вступая в борьбу с всесильным откупом и взяточничеством, Грот не раз приходил в столкновение и с местным обществом, и петербургскими властями. Он удаляет с должности взяточника — земского исправника, избранника дворянства, и это же дворянство выбирает его в пику губернатору на должность председателя уголовной палаты. Тогда Грот прибегает к отчаянному средству — делает распоряжение о недопущении заведомого взяточника ко вступлению в должность. Министр юстиции бесподобный граф Панин не только не поддержал честных усилий губернатора, но усмотрел обидное вмешательство в свое ведомство и возбудил против Грота дисциплинарное производство.

Другое столкновение было с Министерством финансов. Неподкупный Грот, освободив администрацию из-под гнета откупщиков, получил возможность нанести им удар по самому чувствительному для них месту, по карману. Строгий блюститель законности, Грот и сам уважал законы, и от других требовал того же. Откупщики в нарушение закона и контракта спаивали народ отвратительной водкою и брали за нее втридорога. Все отлично знали, начиная от губернаторов и кончая министрами, про это вопиющее нарушение закона, но тем не менее всесильный откуп продолжал свое наглое издевательство над законом. Грот напечатал в *«Губернских Ведомостях»* условия откупщиков и таксу. Народ стал требовать исполнения условий контракта. Несмотря на жалобы и угрозы откупщиков, Грот остался непреклонен. Последние всполошились, стали вопить, что они разорены. Петербургские департаменты заступились за своих патронов. Министр финансов Княжевич находил поведение Грота возмутительным и требовал его смещения... Но это уж были последние конвульсии откупа. Дни его были сосчитаны: уже занималась заря преобразовательной эпохи.

II.

Величайшая из реформ Александра II, крестьянская, застала К. К. Грота на посту самарского губернатора. В то время как Н. А. Милютин, Головнин и другие товарищи и друзья его, составлявшие душу кружка, группировавшегося около великой княгини Елены Павловны, двигали вперед с тяжелыми усилиями дело народной свободы в центре,

Грот вместе с немногими образованными дворянами вел неравную борьбу на месте против закоснелого крепостничества большинства дворянства. Частью по тупой косности, частью по политическому недоразвитию и по незнанию народа, помещики с ужасом смотрели на перспективу освобождения крестьян, с которым они неизбежно связывали не только разорение свое, но чуть не поголовное избиение². Когда дворянство убедилось, что падение рабства неизбежно, оно волею-неволею отказалось от личности крепостных и уцепилось за земли, требуя освобождения крестьян без земли. Только небольшая горсть образованных и благомыслящих дворян стояла за рациональное решение вопроса, т. е. за наделение крестьян землею и дарование им общинного самоуправления. Разделяя вполне эту передовую программу, Грот употреблял все усилия, чтобы ее усвоило самарское дворянство. С этой целью он добился назначения в самарский комитет по крестьянскому вопросу знаменитого деятеля крестьянской реформы Ю. Ф. Самарина. Известно, какие клеветы и враждебные действия были пущены в ход против этого честнейшего³ и благороднейшего деятеля, который должен был принимать особые меры для своей личной безопасности⁴. Но если Гроту не удалось преодолеть упрямства большинства комитета, не могшего подняться выше узкословных вожделений, то меньшинство оказалось на высоте своего положения, предложив решение крестьянского вопроса в духе справедливости и государственных интересов.

Кроме того, К. К. принимал живое участие в известной Милютинской комиссии о губернских и уездных крестьянских учреждениях, где заседали наиболее видные деятели крестьянского дела и в том числе наш великий сатирик М. Е. Салтыков, тогда тверской вице-губернатор. Являясь всегда строгим блюстителем законности, и тут К. К. отстаивал взгляды, имевшие целью оградить и личность крестьян, и права крестьянского общества от произвола и опеки администрации и помещиков. Как один из ветеранов крестьянского дела

² А. М. Тургенев в частном письме прямо выражал злорадство, что рядом с нами на фонарях будут висеть виновники эмансипации, петербургские чиновники («Русск. Стар.», 1897. № 10. С. 31).

³ Заподозрено было даже бескорыстие Самарина, всю жизнь остававшегося титулярным советником, отказавшегося даже от ордена Владимира. И про этого человека крепостники писали: «Самарин надеется играть роль и заранее заявляет себя поборником общего блага» («На заре народн. свободы»). «Русск. Стар.», 1897. № 9. С. 30.

⁴ Матер. для ист. упразд. креп. пр., 1. С. 163.

до последнего времени К. К. занимал председательское место на ежегодных «освободительных» обедах 19 февраля в Петербурге.

В введении в действие положений 19 февраля К. К. не принимал участия. В это время (в 1861 г.) по приглашению великого князя Константина Николаевича он взялся за уничтожение одной из самых отвратительных язв дореформенного порядка, а именно за очищение авгиевых конюшен винного откупа. Осуществление этой, нам кажущейся шуточной, меры требовало громадной энергии и большого напряжения сил.

В настоящее время трудно себе даже и представить размеры и пространство силы, захваченной откупщиками на пространстве всей России. Вот некоторые данные, заимствованные из официальных источников. Имея к своим услугам всю закупленную администрацию⁵, эта многоголовая гидра спаивала народ фальсифицированной вредною водкою, продаваемою втридорога, с устранением «зловредной конкуренции». Пред самую отмену откупов эта почтенная корпорация эксплуататоров казны и народа состояла из 146 лиц, обязанных платить в год 127 769 488 руб. 32 коп. (сами откупщики получали около 600 мил.). Во главе пирамиды стоял Бенардаки, вносивший в год без малого 20 000 000 р., затем следовало 26 миллионеров, вносивших от 6 до 1 миллионов, далее следовали средние и мелкие, вносившие однако не менее 101 000 р. В распоряжении этих генералов находилась целая армия служащих разных степеней в числе 36 148 человек⁶. Вся эта дисциплинированная в духе преследования хозяйского и своего интереса всякими правдами и неправдами команда преследовала основную цель откупа, теоретически обоснованную в 1844 г. в письме В. А. Кокорева на имя министра финансов Вронченко и им с энтузиазмом одобренную. Развивая свою теорию рационального обирания народа, Кокорев указывал на необходимость выловить сполна ускользавшую от откупщиков «часть денег из капитала, свободно обращающегося в народе». С этою целью он

⁵ В Воспом. Михайлов. («Русск. Стар.», 1899. № 10) о казанском губернаторе читается: «Стрекалов считался честным человеком и не брал вообще взяток, но он был большой любитель женского пола и раздавал теплые места мужьям своих любимец. Не беря взяток, он получил “по положению” с откупщика, что называлось тогда безгрешным доходом. За несколько десятков тысяч рублей в год он предоставлял всю губернию в полное распоряжение откупщиков, которые грабили как хотели, и вообще распоряжались всем полновластно по своему усмотрению».

⁶ См. Сведения о питейных сборах в России, 1860, оф. изд. Ч. 3. С. 9–105.

советовал «дать делу утонченно-торговый вид и уничтожить соперничество, встречаемое откупами от некоторых торговлей»⁷.

Эта система открытого спаивания народа скверною водкою с явным нарушением условий откупа продолжалась при благосклонном содействии или бездействии предрержащих властей до самой эпохи великих реформ. Напрасно такие честные и дальновидные государственные люди, как, например, Киселев, пробовали в 40-х годах встать против откупов. Страх высших сфер пред всякими реформами, воспособляемыми «заинтересованным» от откупщиков миллионеров финансовым ведомством, превозмогал отвращение пред злоупотреблениями откупа. Да ведь и то сказать: в предложениях гр. Киселева «об ограничении (sic) откупщикам средств к развращению народа» имелись в виду государственные крестьяне⁸, до остального же народа никому не было дела. Граф Канкрин, однако, затормозил дело, боясь с уменьшением развращения уменьшить и доход казны. До чего доходило искусство откупщиков в пропаганде теории обирания народа в интересах казны можно видеть на одном эпизоде борьбы народа с пьянством.

В 1858 г., когда разнеслась великая весть о предстоящей воле, народ вопреки предсказаниям «знатоков народного быта» — помещиков не только не стал бесчинствовать и пьянствовать, но, как бы готовясь к возрождению в новую жизнь, стал сосредоточенно к ней готовиться. Стал копить копейку не на черный, а на «светлый»⁹ день, воздерживаться от вина, а местами и целые общества делали постановления о воздержании от вина и о наказании за злоупотребления им. Но откупщики добились, что министр финансов Княжевич оставил борьбу... с пьянством¹⁰...

Вот с такою-то непобедимою силою вступили в борьбу передовые люди 60-х годов и в их числе саратовский губернатор Грот. Исход ее казался сомнительным.

Не говоря уже о громадном числе закупленных и «заинтересованных» чиновников всех рангов и степеней, даже и неподкупленные по лености ума, по косности и трусости считали неизбежным это глубоко въевшееся в государственный организм зло, как необходимое условие процветания российских финансов. Пользуясь мнительно-

⁷ Там же. Ч. I. С. 131–132.

⁸ См. н. Сб. Ч. I. С. 102 и след.

⁹ Медные деньги, как сообщают Матер. для ист. креп. права, стали редки вследствие делаемых народом сбережений.

¹⁰ См. н. Сведения. Ч. I. С. 206.

стью и незнакомством с делом высших сфер, их отвращением к крупным новшествам, нарушающим сонное течение бюрократической рутины, откупщики-патриоты стали доказывать неизбежность разорения казны в случае отмены откупов. Нужно было то бодрое и исполненное веры в будущность народа настроение, господствовавшее в обществе в 1861 году, чтобы Россия могла развязаться с этим застарелым недугом. Но замечательно, что как только выдан был закон 4 июля 1861 г. об отмене откупов, тут только раскрыли откупщики свои карты. Они предлагали чрез высокопоставленных лиц самые заманчивые условия казне, даже соглашались построить три тысячи верст железных дорог¹¹ даром, лишь бы сохранить своего благодетеля-кормильца — откуп, который, по определению одной записки, «разорял и развращал народ, держал на откупе местную администрацию, делая чрез то бессильными все меры к водворению в ней честности и правоты». Но в 1862 г. Александр II приказал прекратить раз навсегда прием таких прошений, и приступлено было к введению акцизной системы.

Наиболее трудная часть этого дела — приискание персонала и первоначальное руководство им — всецело выпала на К. К., который с замечательным успехом справился с этой задачей благодаря своей опытности и умению отыскивать и привязать к чистому делу людей. Нужно вспомнить ту среду, которая «работала» около откупов, чтобы понять все значение заслуги К. К. в этом деле. Если продажность составляла обычное явление в старой чиновничьей среде сверху до низу, то чиновники, оставшиеся от откупа, как свидетельствуют «Губернские очерки», отличались особою виртуозностью и бесстыдством. Несмотря на противодействие министра Княжевича, Грот безусловно настоял на своем праве назначать на должности только тех лиц, в честность которых он верил. Когда в 1862 г. место Княжевича занял Рейтерн, Грот получил полную свободу в организации нового дела. Взявши критерием вместо «протекции» исключительно нравственный и умственный ценз кандидатов, Грот выбирал людей из образованного круга, не взирая на их чины и сословное происхождение. Все избранники оказались вполне порядочными. В первый же (1863 г.) не только очистилась столь грязная дотоле админи-

¹¹ Как сорили деньгами откупщики можно видеть из того, что ими была сделана попытка (факт положительный!) дать взятку Гроту в 1 000 000 р. Узнав о неподкупности Грота, Александр II предложил ему тоже награду в 1 мил., но он отказался, впоследствии согласился только на принятие известного % с акцизных доходов, который употреблял на добрые дела.

стративная отрасль, но, к удивлению «опытных государственных людей», и казна не только не потерпела ущерба, но получила большой барыш: вместо ожидаемого недобора в 40 мил. поступления оказалось на 40 мил. выше сметного назначения. Казалось бы, столь блистательный во всех отношениях успех акцизной системы должен был обезоружить его противников, но служители старых откупов не унимались. Чиновники, «не бравшие взяток» в начале 60-х годов, представляли столь исключительное явление, что они показались консерваторам подозрительными. Отсюда уже недалеко было до подозрения в политической неблагонадежности. Эти провинциальные инсинуации приняли такие размеры, что для проверки их был командирован из Петербурга доверенный генерал-адъютант для производства дознания на местах. Как и следовало ожидать, дознание оказалось безусловно благоприятным для избранников Грота, вся вина которых была в том, что они отстаивали интересы казны и не мирволили местным тузам из дворян и купцов. В 1869 г. К. К. оставил вследствие переутомления должность директора неокладных сборов, унося сознание громадной услуги, оказанной им России и благодарность сослуживцев, учредивших в память его деятельности пять стипендий в гимназии и двенадцать в учительских семинариях.

III.

Из других реформ К. К. принимал участие в составлении Положения о зем. учр. 1864 г. и Городового Положения 1870 г.

С 1870 г. Грот по инициативе министра Рейтерна назначается членом Государственного совета и сначала присутствует в департаменте экономии, а потом законов. К. К. выступил решительным противником того сектантско-полицейского классицизма гр. Д. Толстого, с вредными последствиями которого и доселе еще приходится считаться. Частичная тюремная реформа и пересмотр лестницы наказаний состоялись главным образом по плану Грота. В 1880 году он становится во главе тюремного дела на правах министра и тут сближается с графом Лорис-Меликовым, и вслед за отставкою графа в апреле 1881 г. выходит в отставку и Грот. Продолжая участвовать в общем собрании Государственного совета, Грот отстаивал те же начала законности, гуманности и общественной самодеятельности, которые были завещаны светлою эпохою великих реформ и которыми Грот руководился даже ранее ее наступления.

Много внимания и труда отдавал Грот делам благотворения, в особенности попечению о слепых, и сам на свои средства построил

в Петербурге 3-этажный дом с мастерскими для бо-ти слепых. Самые последние годы Грот посвятил на выработку проекта нового законоположения об общественном призрении, но по болезни не успел довести дело до конца.

Весь долгий административный путь, пройденный Гротом, был поприщем труда и бескорыстного служения отечеству на почве законности. Тогда как даже в наше время иные открыто проповедают, что для хорошего администратора закон — настоящая обуза, лишняя препона, стесняющая его просвещенный и ясновидящий произвол, Грот, подобно своему другу Арцимовичу, еще в николаевское время был строгим блюстителем законности, которая, по указанию Николая I, особенно нужна на окраинах¹². Недаром сам Герцен писал, что в России есть два губернатора, Грот и Арцимович, которых она может смело показать Европе. И действительно, добросовестные и трудолюбивые администраторы и деятели, как Грот, везде редкость и везде оставляют после себя крупный и добрый след.

¹² См. «Материалы для биографии Арцимовича» в ноябрьской книге *«Вестник Европы»*.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

СКОРБНЫЕ СПРАВКИ

*С врагом их под знаменем тех же идей
Ведите их бой до конца.
Нет почести лучше, нет тфизны святей
Для тени, достойной борца!*

Пальмин

I.

И. М. ОСТРОГЛАЗОВ

† 22 СЕНТЯБРЯ 1892 Г.

22 сентября 1892 г. умер один из скромных, но заслуженных и симпатичных представителей нашей магистратуры, председатель Тульского окружного суда Иван Михайлович Остроглазов, верою и правдою служивший свыше 26 лет просветительной миссии нового суда. Это был один из тех людей, для которых высокое звание судьи было не заурядною чиновничьею казенною службою, отправляемою с правильностью, однообразием и безучастием механизма, а дорогим любимым призванием, дающим нравственное удовлетворение, недоступное многим другим видам службы и примиряющее с лишениями и трудностями судебской деятельности.

И. М. Остроглазов был сыном московского священника при церкви Николая Чудотворца, что на Мокром. Получив среднее образование частью в духовной семинарии, частью дома, И. М. поступил на юридический факультет Московского университета в знаменательное время, когда еще раздавалось животворящее слово бесмертного проповедника гуманности проф. Грановского¹ и когда появились первые освободительные веяния. Пребывание в универ-

¹ «Человечность прежде всего», — говорил Грановский. «За это одно, — замечает преемник его по кафедре, проф. П. Г. Виноградов, — имя Грановского не забудется» («Русская Мысль», 1893. № 4).

ситете оставило глубокий, неизгладимый след на впечатлительной натуре от природы доброго и серьезного юноши. Особенно глубоко запал в душу И. М. один эпизод из студенческой жизни — это посещение университета Александром II, будущим Царем-Освободителем, и призыв им студентов быть усердными помощниками в готовящихся реформах (см. ниже).

По окончании курса в 1859 г. полный благородного воодушевления и светлых замыслов И. М. искал приложения их к подходящему делу. Нечего и говорить, что старый суд с его канцелярскою тайною, бумажным производством и затхлою атмосферою буквоедства и взяточничества не представлял собою ничего заманчивого для молодого юриста, воспитанного в духе гуманных и освободительных принципов конца 50-х годов. Он вместе со всею мыслящею Россиею был в 1859 г. в переходном, выжидательном положении, в радостном и бодром ожидании освобождения и обновления ее:

*Вперед без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Заю святого искупленья
Уж в небесах завидел я...*

В ожидании этого чаемого «доблестного подвига» И. М. временно пристроился учителем истории в кадетском корпусе, а затем в течение 1861–1865 гг. занимал только что учрежденную должность судебного следователя, которая знаменовала начало отделения власти судебной от административной и была в этом смысле предтечею настоящих новых судебных должностей, созданных Судебными Уставами. С открытием в 1866 г. в Москве нового суда И. М. вступил на настоящее судебное поприще, заняв должность товарища прокурора при вновь открытом Московском окружном суде. Таким образом, И. М. пришлось переживать «медовый месяц» судебной реформы и он, как большинство деятелей этой эпохи, запечатлел глубоко в сердце заветы творцов Судебных Уставов о суде правом, милостивом и равном для всех. Затем И. М. был прокурором Тульского окружного суда, а с 1870 по 1882 г. — товарищем прокурора Московской судебной палаты. За это время сильно изменились взгляды на роль и положение прокуратуры, но не изменился И. М., внося в роль прокурора тот мягкий тон беспристрастия, который составлял его отличительную черту и секрет его успеха.

Не замыкаясь в формальные рамки своих должностных обязанностей, И. М. живо интересовался юридическими и историческими

науками. Он был одним из учредителей Московского юридического общества, в 1872–1879 гг. — товарищем председателя общества и сотрудником органа его — *«Юридического Вестника»*, а также сотрудником исторических журналов.

В 1880 г. И. М. поступает, наконец, в более близкую ему по сердцу сферу, в магистратуру, где его природная доброта и человеколюбие могли свободно проявляться без ущерба для профессиональных обязанностей; с 1880 по 1882 г. он был председателем Херсонского окружного суда, а с 1882 г. до смерти своей — Тульского.

Среди сослуживцев своих И. М. оставил память честного, доброго товарища, среди подчиненных — необыкновенно деликатного и добродушного начальника. Один из многочисленных его поклонников, писал в *«Юридическую газету»* при получении известия о его смерти: «Около этого человека никому холодно не было». В этих словах глубокая правда и вполне верная характеристика его. Простота и сердечность почившего к людям всякого звания и состояния были удивительны. Самое большое для провинившегося наказание были слова И. М.: «Ведь этак, батенька, мы поссоримся, смотрите». В результате таких добрых сердечных отношений порядок при нем был в суде образцовый, потому что всякий делал свое дело не за страх, но и за совесть, из любви и уважения к человеку, стоявшему во главе учреждения. И как он любил это учреждение, будучи пылким поклонником реформ Александра! Он не мог без слез вспомнить о том, как этот добрый Царь при посещении во время его студенчества Московского университета приглашал студентов быть усердными Его помощниками в готовящихся реформах, в чем и дали клятву, которую покойный верно сдержал².

И. М. Остроглазов действительно честно сдержал эту свою юношескую клятву бороться до последних дней с старым дореформенным бесправием и дать русскому народу без различия сословий и общественного положения гарантии равноправности и правосудия. Необыкновенно мягкий в личных сношениях, всегда сдержанный, ровный и уступчивый, И. М. был упрям, неумолим, неуступчив и даже резок, раз дело касалось принципов нового суда. Уверовав однажды и со всею пылкостью своего доброго и горячего сердца, со всею глубиной зрелой убежденной мысли в правоту либерально-гуманных основ судебной реформы, он остался им верен до конца дней своих. Судебные Уставы, в которых он видел своего рода юридическое откровение для русского общественного сознания, — это было сла-

² «Юридическая газета», 1892. № 91.

бое место И. М., так сказать, его нравственное *noli me tangere*. Куда девалась его обычная сдержанность, приветливость, уступчивость и благодущие, раз речь заходила об основных принципах нового суда, в которые он верил с пылом прозелита и с твердостью убежденного мыслителя! В защиту этих дорогих принципов, чтимых им, как евангельские заповеди, он готов был спорить до ссоры, до хрипоты, до изнеможения, не разбирая ни общественного положения, ни ранга своего противника, как это случилось с И. М. незадолго до смерти при стычке с бывшим его профессором, с одним высокопоставленным сановником духовного ведомства, некогда бывшим профессором Московского университета и крупным участником судебной реформы...

Выработка таких стойких характеров, такой идейной крепости, довольно часто встречающаяся в жизни новых судебных установлений, без сомнения, должна быть отнесена в значительной мере к возбуждаемому и требуемому ими духу независимости. Только при независимости нравственная личность человека крепнет и получает возможность яркого проявления, только она создает, по верному замечанию К. П. Победоносцева, «не работников только, но живых деятелей и учителей, сословие, связанное общим *духовным* интересом и общею *честью* своего дела»³.

Только благодаря привитому несменяемостью судебному сословию духу независимости даже люди средних способностей, к числу коих принадлежал и И. М., учатся гражданскому мужеству и в свою очередь делаются достойными учителями его для других. Тут наглядно обнаруживается воспитательное действие нового суда, и совершенно прав был Катков, говоря, что «если прежние суды портили людей, то новые исправляют их и воспитывают»⁴.

Будучи предан всем сердцем освободительным принципам реформ императора Александра II, И. М. Остроглазов имел утешение видеть осуществленным одно начинание, инициатива, движение и исполнение коего всецело принадлежали ему. В 1884 г. по случаю 20-летия Судебных Уставов и в самый разгар яростных доносов, сыпавшихся со всех сторон на судебные установления, И. М. робко и нерешительно закинул мысль об открытии памятника творцу Судебных Уставов, *не будучи уверен* относительно судьбы своего предложения. Однако официальное разрешение было получено, и благода-

³ См. т. XII Дела о преобраз. суд. части в России, заметку К. П. Победоносцева от декабря 1861 г. С. 2.

⁴ «Москов. Ведом.», 1866. № 263.

ря популярности симпатичного председателя подписка на сооружение памятника очень скоро дала нужные материальные средства⁵.

29 октября 1886 г. в день 20-летия введения нового суда в Тульской губернии был открыт памятник Александру II в уголовной зале Тульского окружного суда. К этому торжеству, которое можно было назвать личным праздником для И. М., отнеслись местное начальство⁶ и общество с большим сочувствием.

Этот редкий судебный праздник — на улице нового суда, как известно, вообще редки праздники! — был для И. М. одним из немногих приятных впечатлений конца жизни. Видя вокруг себя равнодушные и даже непримиримую вражду к принципам, которым служил он смолоду, он под старость как будто почувствовал к ним еще более любви, уважения и преданности и тем честно выполнил вышеупомянутую клятву.

⁵ Как на образчик искреннего неподдельного сочувствия местного судебного ведомства, можно указать на весьма характерный рапорт одного из судебных рассыльных. Представляя три рубля (при содержании в 40 руб.), он писал, что «считает для себя величайшим счастьем принести на этот предмет свое посильное пожертвование» (См. Историч. Запис. о сооружении памят. Александру II. Тула, 1887. С. 5).

⁶ Во время завтрака Остроглазов сказал речь, в которой он отметил, что только с водворением нового суда появилось у нас господство закона и равенство пред ним всех и каждого, не взирая на чины, богатство и связи. Местный архиерей, архиепископ Никандр, в сердечной речи, вспомнив об открытии Тульского окружного суда, который он освящал при открытии, коснулся и всех его деятелей, прошедших с того времени на его глазах, и в заключение сказал, что «он за все время существования местного окружного суда *никогда* и ни *от кого* не слышал жалобы на неправильные действия кого-либо из судей этого суда и что он все время стоял на высоте своего призвания» (Истор. Записка. С. 15). Любопытно сопоставить с этим отзывом, что незадолго перед тем в беседе с преосвященным Никандром бывший профессор Московского университета, — один из известных деятелей судебной реформы, впоследствии переменивший свои взгляды, — с обычною в подобных случаях резкостью бранил на чем свет стоит в той же Туле новый суд за его «нечестивый» либеральный дух. И. М. горячо заступился за дорогие учреждения, но не в силах был поколебать предубеждений «жестоковыйного» собеседника, бывшего своего профессора.

П.

П. Н. ГРЕКОВ

† 29 ЯНВАРЯ 1893 Г.

29 января 1893 г. Московский мировой институт понес чувствительную потерю в лице одного из уважаемых представителей нашего нового мирового института, председателя столичного мирового съезда, почетного мирового судьи Петра Николаевича Грекова. С открытием в Москве новых судебных учреждений П. Н., служивший раньше в старом сенате, получил скромную должность помощника секретаря Московской судебной палаты, а затем в октябре 1867 г. он был избран Московской городской думою в число участковых столичных мировых судей. С тех пор он в течение 25-ти лет постоянно избирался то участковым, то почетным мировым судьей и до конца дней своих неразрывно связал свою судьбу с Московским мировым институтом, преданный его интересам, разделяя с ним его невзгоды и радости.

С 1872 г., отказавшись от более выгодной в материальном отношении должности члена Московской городской управы, П. Н. принял избрание своих товарищей на должность председателя съезда и занимал эту должность в течение двадцати с лишком лет, образуя в своем лице живую летопись и верное хранилище добрых традиций московской мировой юстиции. Стоя во главе мирового института, покойный П. Н., помимо обязанностей судьи, нес довольно важные и сложные административные обязанности по поддержанию служебной дисциплины и по сношению с сторонними ведомствами и лицами. Доброта, природная мягкость и деликатность помогали ему удачно исполнять трудную обязанность — руководства самостоятельной судебной корпорацией, для чего нужно не одно умение приказывать, но и способность воздействовать своим примером и нравственным авторитетом. Без резких столкновений с товарищами и подчиненными, но без всякого колебания относительно требований службы умел П. Н. прекрасно выполнять эти щекотливые и деликатные функции председателя нового типа, установленные впервые Судебными Уставами. С другой стороны, в отношениях с представителями администрации и органами самоуправления П. Н. много содействовало знание жизни и тот житейский такт, при отсутствии которого часто терпят неудачу люди вполне безукоризненные во всех других отношениях.

Будучи гласным Московской городской думы, П. Н. являлся живою связью между нею и одним из образцовых ее учреждений — мировыми установлениями, которые не только не уступают по своему благо-

устройству общим учреждениям, но в некоторых отношениях, как например, относительно материального обеспечения, даже превосходят их. Теперешнее новое удобное помещение съезда, архива, новый наказ и все вообще современное устройство, а отчасти подбор персонала совершились при деятельном участии покойного П. Н., отличавшегося большими организаторскими способностями и энергиею, несмотря на свой довольно преклонный возраст. По инициативе же П. Н. открыт был предусмотренный Судебными Уставами первый во всей России совет судебных приставов, действующий успешно с 1875 г.⁷

Но самая главная заслуга покойного Грекова заключается в том, что он в числе первых деятелей мировой юстиции способствовал выработке того симпатичного типа, доступного, мягкого, справедливого мирового, который так полюбился народу с первых же дней открытия мирового суда. Именно с введением этого института для П. Н. открылась возможность проявления на пользу общества его дарований и живых общественных инстинктов, привитых воспитанием и средой. Примкнув частью по родственным связям (П. Н. был женат на двоюродной сестре известного гуманиста Н. В. Станкевича, друга Белинского и Грановского), а также по складу ума и нравственным симпатиям к кружку Грановского и Кетчера, П. Н. принадлежал к числу последних эпигонов этого замечательного московского кружка людей 40-х годов, имевшего столь громадное влияние на русское общественное развитие.

Гуманный идеалист, воспитанный в школе Белинского и Грановского, П. Н. долго, в течение двадцати с лишком лет, по окончании курса в 1846 г. на философском факультете Харьковского университета не мог найти настоящего места для общественного служения. С введением же новых судебных учреждений открылось поприще, отвечавшее его вкусам и наклонностям, — это именно был новый мировой институт. Если новые судебные учреждения называют, и справедливо называют, школою гражданского воспитания, то это название особенно идет к мировому суду, который имеет дело с народною массою и с ее мелкими повседневными нуждами и наподобие начальных элементарных школ разносит просветительные идеи его в самые глубокие слои народа. П. Н. принадлежал к числу первых пионеров, которые словом и делом проповедывали народу высокие идеи нового суда, — суда правого, милостивого и равного для всех, — и тем стали восстанавливать доверие народа к суду, утраченное с незапамятных времен.

⁷ См. Сборник «Двадцатипятилетие моск. столичн. судебно-мировых учреждений». М., 1891. С. 165.

П. Н. имел все данные, чтобы достойно исполнить эту великую культурную миссию нового суда и приучить народ к сознанию его прав и обязанностей, т. е. к сознанию его человеческого достоинства. Мягкий, терпеливый, с открытым лицом, с симпатичною улыбкою на лице Греков умел своим простым и обходительным обращением ободрить и участливо выслушать оторопевшего маленького просителя, привыкшего видеть в старой полицейской расправе лишь грозное начальство, умевшее только кричать, ругаться и драться⁸. Затем и самое разбирательство дела, — открытое, гласное, беспристрастное, равное для всех без различия сословий, — приучило народ к сознанию, что и он может надеяться в споре с богатым и сильным на справедливую защиту нового «мирового». Это был громадный шаг вперед, бросившийся сразу всем в глаза. Его не преминул отметить в своем первом министерском отчете о новом суде Д. Н. Замятнин. Удостоверяя быстрое установление «всеобщего доверия к мировому институту», он свидетельствовал, «что мировым судьям приносят множество жалоб на такие притеснения и обиды, а также мелкие кражи и мошенничества, которые прежде обиженные оставляли без преследования»⁹. «Если судебная реформа, — писал уже в 1866 г. академик Безобразов, — вносит к нам действительное, живое право на место призрака права, то мировой суд вносит право в такую сферу отношений, где *не существовало и призрака права*, даже понятия о возможности права»¹⁰.

Эта великая заслуга первых деятелей мирового суда, в ряду которых одно из почетных мест принадлежало покойному Грекову, займет почетную страницу в истории русской культуры. Всеми силами служа четверть века на скромном, но благородном посту мирового судьи, П. Н. имел на своем смертном одре драгоценное утешение сознавать значение принесенной отечеству пользы и завидное право сказать: «Я умираю спокойно — я всю жизнь служил тому, во что верил».

III.

П. Я. АЛЕКСАНДРОВ

† 11 МАРТА 1893 Г.

Скончавшийся 11 марта 1893 г. известный судебный деятель, петербургский присяжный поверенный Петр Якимович Александров оставляет весьма заметный след в истории нового суда. Смерть это-

⁸ См. главу XII. С. 486.

⁹ «Журн. Минист. юстиции», 1867. № 5.

¹⁰ «Русск. Вестн.», 1866. № 5.

го видного представителя идей нового суда и мужественного служителя адвокатскому долгу составляет громадную потерю для русской адвокатуры.

Судебная карьера П. Я. делится на две половины. По окончании курса в Петербургском университете, в 1859 г., 21 года П. Я. поступил в судебные следователи и дошел до должности товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента. С 1876 г. он переходит в петербургскую адвокатуру. На адвокатском поприще имя Александра стало известным не только в России, но и в Европе благодаря громкому процессу Засулич, после которого он сделался мишенью для «*Моск. Ведом.*» и Ко. В деятельности П. Я. наиболее выделялись две крупные черты, заслуживающие быть отмеченными особо: это, во-первых, замечательное трудолюбие и до щепетильности тщательно изучение дел и, во-вторых, столь важные для судебного деятеля твердость убеждений и независимость характера.

Первую черту П. Я., можно сказать, унаследовал от предков своих. Сын священника Орловской губернии, он и по женской линии происходил из духовного звания, из довольно известного духовного рода Амфитеатровых, давшего церкви ряд замечательных духовных деятелей, в том числе известного архиепископа Филарета, митрополита киевского, коему П. Я. доводился внучатым племянником. Принадлежа по рождению к самому древнему и едва ли не к самому стойкому слою русского культурного класса, покойный Александров закалил свой ум и волю в суровой школе старой семинарской школы. Что и говорить, жестока была ее ферула, формальна, суха и сурова была эта безжизненная схоластическая школа! Но зато кто умел при богатых дарованиях уберечься от ее шлифующей и обезличивающей муштры, тот на всю жизнь сохранял приобретенную в духовной школе гибкость умственного аппарата, если не стройность и содержательность, то логичность и строгость мышления, а также настойчивость в труде. Эти немаловажные качества помогали даровитым семинаристам делаться выдающимися деятелями, на какое бы поприще ни забросила их судьба. Явление это, хорошо известное во Франции, наблюдалось и у нас: недаром все почти наши философы и критики (Чернышевский, Добролюбов) прошли духовную школу.

Из этой именно школы вынес Александров ту настойчивость в труде в духе немецкого *Ausdauer*, замечательную по строгой продуманности и неотразимости логики, которая так поражала в речах этого несколько сухого, но всегда строго-логичного оратора. И он сам хорошо сознавал, кому и чему он обязан этими крупными чертами своего замечательного и своеобразного ораторского искусства. При-

поминая эпизоды семинарского воспитания, П. Я. с ужасом вспоминал господствовавшую в ней систему бессмысленного зубрения непонятных формул. Чтобы избежать беспощадной порки, приходилось молодому семинаристу, рассказывал Александров, напрячь все свои умственные способности, чтобы добраться до смысла бессмысленно составленных записок (учебников в то время не было). И вот это-то, хотя и бесплодное по объекту применения, но все-таки небесполезное умственное напряжение в связи с пресловутыми «хриями» выработало в будущем знаменитом судебном ораторе ту умственную строгость и дисциплину, ту гибкость ума и саркастическую находчивость, которыми он был так страшен своим противникам.

На «большую» публику, более падкую на трескучие эффекты, деловое красноречие Александрова не производило сразу того опьяняющего, ошеломляющего впечатления, как бессодержательный пустоцвет риторики иных «любимцев публики». Чтобы понять и оценить речь Александрова, недостаточно было хватать налету блестящие громкие фраз, нужно было ее слушать сосредоточенно, со вниманием и дослушать до конца. При первом дебюте П. Я. в Москве вначале речь его вызвала разочарование. «Так это Александров?» — говорили разочарованные слушатели, привыкшие в самого начала слышать набор витиеватых метафор и шумиху блесков мишурного красноречия. Но чем дальше подвигалась вперед аргументация, чем глубже шел анализ изложенных в строго систематическом порядке мельчайших подробностей дела, тем более завладевал оратор вниманием аудитории. И когда закончилась речь, публика выражала сожаление о том, что так скоро закончилась она, стараясь запомнить те меткие характеристики, едкие «экскурсии» (такова была «экскурсия» в область розги по делу Засулич) в область общественных вопросов, которыми всегда была полна строго логическая, остроумная, деловая речь, полная изредка добродушного юмора, чаще того уничтожающего сарказма и кусающейся иронии, которая, по выражению Герцена, «более бесит, нежели смешит».

Про сарказм Александрова говорили, что он, как разрывная пуля, убивает наповал. И это совершенно справедливо и объясняется очень просто. Такою сокрушительною силою своего слова Александров обязан был превосходному знанию дела, которое, по определению одного оратора, лучшее из красноречий. Этот смело и непридуманно сыпавший направо и налево колкими характеристиками оратор, не имевший перед собою ни письменной речи, ни даже конспекта или коротких заметок, знал все детали дела, как *никто* на суде. Слушанию дела всегда предшествовало у Александрова дол-

гое и методическое изучение, длившееся днями, неделями. Прочитав несколько страниц производства, долго и тщательно обдумывал он обстоятельства дела, стараясь запечатлеть их в своей изумительной по емкости памяти. Когда таким образом, страница за страницей, бывало *проштудировано* все дело, Александров, будучи полным хозяином всего следственного производства, смело шел на бой, будучи убежден если не в победе, которую предрешить вообще невозможно, то в своей неуязвимости. Зная так хорошо дело, он, как опытный стратег, прекрасно пользовался всеми слабыми пунктами противной стороны, метил верно и всегда попадал своими ядовитыми стрелами в цель. Вот почему речи его производили такое опустошительное действие во вражеском лагере. Сарказм Александрова был деловой, вытекающий из логики фактов, и не имел того искусственного характера жалкого острословия, которым при незнании дела часто стараются скрасить свою речь в видах «оживления» неискусные или ленивые ораторы.

Ораторская школа Александрова, совмещавшая в себе хорошие стороны французского и английского красноречия, оставит глубокий след в русском судебном красноречии. Речь Александрова в печати благодаря своей содержательности, остроумию и логической стройности читаются с таким же удовольствием и пользой, как слушались при изустном произнесении. Нужно думать, что не замедлит появиться сборник речей этого своеобразного, первоклассного оратора, которого корифей русской адвокатуры В. Д. Спасович охарактеризовал так: «Александров был остер, как бритва, холоден, как лед, бесстрашен, как герой!»

Другая черта в деятельности Александрова, заслуживающая быть отмеченною, как уже сказано, это его нравственная независимость и уважение к собственному достоинству. Он всегда служил не лицам, а учреждениям, имея руководством их знамя, присущий им дух. Тридцатитрехлетняя судебная деятельность покойного почти поровну была поделена между коронною службою и адвокатурою. Как там, так и здесь он служил одному и тому же делу, хотя и в разных положениях, делу своего убеждения, тому, что он считал справедливым и разумным, и служил, не взирая ни на каких особ, как выражается закон.

Службу свою начал П. Я. в должности судебного следователя еще при старом суде, но собственно настоящая судебная карьера его началась с открытием нового суда в 1866 г., когда он был назначен товарищем прокурора С.-Петербургского окружного суда. Через полгода он уже был прокурором Псковского окружного суда, а через три года — товарищем прокурора Петербургской судебной палаты и затем

товарищем обер-прокурора Сената, откуда он сменил вышитый золотом мундир на скромный адвокатский фрак. Карьера, стало быть, довольно удачная, хотя и не отличающаяся такою головокружительной быстротою, как иногда делали в то время «лихачи» судебной гвардии, умеющие прислужиться кому нужно (один из товарищей прокурора палаты в три года успел нахватать чинов и орденов и дослужиться до сенаторского курульного кресла).

Александров никому не кланялся и карьерою своею всецело обязан был себе, своим способностям и трудолюбию. Еще в бытность его товарищем прокурора окружного суда он успел обратить на себя внимание суда и начальства. Это было на заре судебной реформы, когда обвинительная камера еще не успела превратиться в инстанцию для «штемпелевания» обвинительных актов. Акты эти вообще составлялись живо и тщательно, тем не менее акты Александрова обратили на себя особое внимание и печатались в *«Судебном Вестнике»* как *chef d'oeuvre* ¹¹. Отставка Александрова произошла при характерных обстоятельствах. В сенате шло заседание по известному литературному делу редактора *«Петербургских Ведомостей»* Ватсона и фельетониста их г. Суворина¹¹. Заключение давал в качестве товарища обер-прокурора Александров. Он с большою энергиею и знанием нападал на приговор судебной палаты, которая обвинила подсудимых в клевете, хотя по делу доказано было, что они недобросовестно были введены в заблуждение своим постоянным корреспондентом. Александров принял к сердцу этот жизненный для печати вопрос и горячо доказывал, что с принятием взгляда палаты для русской печати делается совершенно невозможным выполнение ее высокой общественной миссии разоблачать злоупотребления. Сенат по докладу М. Е. Ковалевского одобрил взгляд Александрова, но зато его самого не одобрило его высшее начальство.

Из ближайшего наградного списка имя Александрова было вычеркнуто. Он требовал удовлетворения. Ему было в том отказано. Какой остался выход? Или нужно было П. Я. молча преклониться пред суждением начальства и, поступившись своим убеждением, признать, что взгляд начальства справедлив в силу иерархического превосходства, или, если он действительно имел твердые убеждения, не жертвовать ими ради соображений карьеры. Александров избрал последний путь. «Мы с вами служить не можем», — сказал он и, выйдя в отставку, перешел в адвокатуру, где он рассчитывал найти больше независимости и возможности следовать своим убеждениям.

Такая нравственная стойкость и верность убеждениям у нас была

¹¹ См. Сборн. касс. реш., 1875. № 572.

явлением совершенно новым, обязанным своим происхождением всецело духу судебной реформы. Судебная реформа, создав самостоятельную и независимую судебную власть, подняла значение нравственной личности не только среди несменяемой магистратуры, но и среди лучшей части прокуратуры, члены которой скорее предпочитали удалиться, нежели исполнить требование, несогласное с их убеждением.

В этом отношении Александров являлся *типичным* продуктом духа независимости, присущего новому суду. «Действие учреждений, — писал в 1861 г. один из деятелей судебной реформы, известный юрист, бывший профессор Московского университета, К. П. Победоносцев, — зависит от людей, но вместе с тем нельзя упускать из виду, что и люди *образуются в духе* тех или других учреждений и что есть учреждения, при действии коих нельзя ждать развития людей в том направлении и духе, которому учреждения сии не соответствуют»¹². С этой точки зрения можно смело утверждать, что такая цельная личность и крупная индивидуальность, как Александров немислима была в до-реформенном суде, с его приниженным и обезличенным судебным персоналом, обязанным раболепным повиновением администрации судебной и общей; и, напротив, появление таких независимых деятелей, как Александров вполне соответствовало духу новых судебных учреждений, предоставляющих, говоря словами того же юриста, «каждому деятелю выказать свою *личную духовную силу*, проявление которой служит самым могучим двигателем всякой деятельности и самым надежным средством образовательной дисциплины»¹³.

Лебединою песнью Александрова была речь в процессе газ. «*Новости*», разбиравшемся за три недели до его смерти. Всегда стоя за возможное расширение свободы слова, и в последней своей, замечательной по убедительности и красоте, речи развивал свою любимую тему.

«В делах о преступлениях в печати, — говорил он, — не в пример делам о других общих преступлениях, судья не может замыкаться исключительно в сферу уголовного кодекса; он в силу необходимости и высшей справедливости должен быть политиком как орган общественный, отправляющий свои функции в соображении условий и потребностей общественной жизни. Не нужно долго жить, чтобы видеть, как в непродолжительные периоды изменяются взгляды самой администрации на дозволенное и недозволенное в печати, как изме-

¹² См. записку К. П. Победоносцева в т. XIII, ч. 3-й Дела о преобраз. судеб. части в России. С. 1.

¹³ См. там же. С. 2.

няются в этом отношении воззрения общества, как видоизменяется применение закона, хотя он сам и остается тем же, не имея возможности поспеять за всеми этими изменениями. Если обличение зла, — продолжал П. Я., — обнаружение явлений противозаконных или просто вредных для общественности имеет право в печати, если оно является одним из необходимейших и наиболее сильно действующих средств общественной дезинфекции, то ему должен быть дан соответственный простор, должны быть приняты в расчет и неизбежность ошибок, и некоторая неполнота доказательства истинности напечатанного оглашения. Так и понимает это наша еще молодая в делах печати судебная практика».

Коснувшись просимого обвинителем увеличения наказания, Александров пустил одну из своих ядовитых стрел: «Я, по крайней мере, троих из господ обвинителей знаю как людей вполне добродушных, — говорил он, — и не верю, чтобы они желали увеличения наказания. Я думал это и раньше; это подтвердил сегодня и представитель обвинения А. В. Михайлов, сказавший, что, прося об увеличении наказания, они хлопочут только о восстановлении *симметрии* между мотивами суда и резолютивной частью приговора. Следовательно, дело идет об *апелляционном параде*. Для симметрии просят накинуть четыре месяца тюрьмы. Вот что значит художественный вкус и любовь к красоте линий!! Так это крепость, воздвигнутая против нас, на которую бы мы полезли и старались бы разрушить! Пусть она так и остается, как памятник парада».

Переходя к вопросу о мотивах «преступления», Александров говорил, между прочим:

«Господа судьи! с большим волнением я хочу сказать вам, что я не в силах бороться на почве этих обвинений, выставленных против г. Нотовича. Я человек *старого времени*, я принадлежу началом моей деятельности к первым годам судебной реформы. Я проникнут традициями того времени, а в то время всякая непорядочность в прениях удалялась, и чистоплотность и порядочность прений считались одним из лучших украшений суда. Мне не по сердцу, не по вкусу, не по характеру, не по силам принимать борьбу на этой почве — исследовать мотивы, которыми руководствовался писатель, излагая ту или другую статью. Да разве преступление печати представляют такие крупные преступления, по которым нужно еще рыться в душе писателя и искать, почему он писал ту или другую статью? Разве мотив статьи может иметь влияние на определение наказания? Умысел — да, это необходимый элемент клеветы, но мотив не имеет значения. Публика привыкла судить писателя по его тенденции, по его

образу мыслей и судить об известном факте по содержанию статьи, по ее основательности, не отыскивая мотивов, в расследовании которых можно запутаться, как в лабиринте. И в конце концов, я думаю, пусть уж лучше наши публицисты будут получать, в виде ли объятий, в виде ли чего другого, то вознаграждение, которое в виде платы за *publicité* обнаруживалось в последнее время в дружественной нам державе в таком ярком виде».

С большою сердечностью простилась петербургская адвокатура с своим знаменитым сочленом, который и мертвый, как справедливо говорилось в одной из надгробных речей, будет живым примером бестрепетного служения благородной миссии защиты.

IV.

Н. С. ТИХОНРАВОВ

† 27 НОЯБРЯ 1893 Г.

27 ноября скончался один из известных наших ученых, заслуженный профессор Московского университета, ординарный академик Николай Саввич Тихонравов. — Огромные заслуги его пред наукою так бесспорны и давно всеми признаны¹⁴, что их не решаются оспаривать и политические противники покойного¹⁵. Но и помимо чисто научных заслуг в специальной области истории литературы, языкознания и археологии в деятельности Н. С. есть сторона, которая, по верному замечанию Н. Г. Чернышевского, при оценке заслуг собственно для *русского* ученого имеет едва ли не больше значения, чем служение интересам чистой науки.

В статье, посвященной разбору сочинений Грановского, названный критик ставит ему в особую чрезвычайную заслугу то, что человек такого выдающегося ума и таланта пожертвовал для русского просвещения личною славою великого ученого; в интересах его он взял на себя не громкую, но благородную роль: служить потребностям апатичного русского общества, будить в нем любознательность и для этого передавать ему выводы европейской науки и развивать сочувствие к высшим человеческим интересам¹⁶.

Ученик Грановского, Тихонравов, поставленный в более счастливые условия для научной деятельности, чем учитель, тоже не забы-

¹⁴ См. «Вестник Европы», 1894. № 1, некролог, составленный А. Н. Пыпиным.

¹⁵ Даже у «Москов. Ведом.» и патентованного представителя обскурантизма «Гражданина» не хватило духа отрицать научные заслуги Тихонравова.

¹⁶ См. Заметки о современной литературе. СПб., 1894. С. 330, 331.

вал общественных обязанностей, лежащих на русском ученом. Плебей, сын калужского мещанина, Тихонравов, завоевав¹⁷, благодаря своим выдающимся способностям и содействию другого плебея, сына дворового, проф. М. П. Погодина, право слушать лекции в Московском университете, право на редкое, незаменяемое счастье непосредственно воспринять воодушевленное слово¹⁸ и очарование личности великого учителя Грановского, не забыл его общественно-воспитательных заветов.

Педагогическая деятельность Тихонравова началась около половины 5-х годов, почти на рубеже того перелома, который постепенно стал сказываться во всех отраслях русской жизни общественной с начала царствования Александра II. Н. С. в это время был учителем словесности в одной из московских гимназий. Схоластическая долбня старого хлама риторики и допотопной эстетики и оцепенение страха, составлявшие отличительные черты дореформенной школы, уступили место живым беседам, устраивать которые был такой мастер Н. С. Под его талантливым руководством уроки словесности, ограничивавшиеся дотоле зубрением текстов и писанием хрищ, превратились в завлекательные беседы, которых не могли наслушаться ученики, когда пред восприимчивым их умом мастерское изложение впервые открывало им и силы русской прозы, и гармонию русского стиха, и изящество построения образцов русской словесности, а главное их духовно-нравственное содержание, пред которым они раньше проходили безучастно, равнодушно. Пушкинский стих тут впервые стал будить в русской школе «добрые чувства», гоголевский «смех сквозь незримые слезы» впервые стал шевелить в русском юном поколении незасоренные рутиную гражданские, че-

¹⁷ Под влиянием революции 48-го года потерявшая голову реакция бросилась на университеты. «Наши псевдогосударственные мужи, — писал И. А. Валувев, — не знают, за что взяться. Иные придумывают сумасбродные распоряжения; Д. П. Бутурлин, например, советует закрыть все университеты и гимназии». («Русс. Стар.», 1891. № 4. С. 172). Вандальский план Бутурлина не был принят, но комплект в 300 человек был объявлен. Благодаря объявлению комплекта в 1849 г. Тихонравов не мог попасть в Московский университет и только впоследствии, обратив на себя внимание своими литературными работами, был переведен по ходатайству Погодина из педагогического института в университет (См. н. статью Пыпина).

¹⁸ Чернышевский в помянутой статье отмечает, что воспитательное влияние Грановского проявлялось не одними лекциями, но и устными разговорами и т. п. догутенберговскими средствами воздействия (С. 333–334).

ловеческие чувства. Гимназические уроки Тихонравова, как видно из появившихся впоследствии воспоминаний учеников его, глубоко запечатлелись в их сердце.

Накануне объявления воли русское общество и правительство, как известно, были охвачены лихорадочной, «неистовою», по выражению Унковского, преобразовательною и просветительною деятельностью:

*Вижу в прошлом, будто ныне
Пробужденье в нас сознания –
Словно выход из пустыни...
Сколько в высь и ширь стремлений.
Но задержек сколько вместе!*

Одним из симпатичнейших стремлений в высь было охватившее всю интеллигенцию увлечение к распространению в народе грамотности. Под припев благородного девиза:

Ты вставай, во мраке спящий брат! –

стали повсюду открываться общедоступные воскресные школы, где рядом с бородатым степенным стариком не редкость было встретить безусого юношу, а то и мальчугана. Если этою модою увлекались даже великосветские дамы, приезжавшие в каретах с лакеями на запятках, в воскресные школы себя показать и людей посмотреть, то нечего и говорить, что Тихонраков, сумевший при «работе головой», вопреки смелому обобщению одного новейшего мудреца, сохранить и здоровые общественные симпатии, был сильно заинтересован этим небывалым порывом к просвещению. Сам сын народа, сам имевший счастье достигнуть вершин звания, мог ли он, как иные педанты, так увлечься «палеями», «духовными стихами», чтобы не заметить этого великого движения к свету и знанию:

*И окрыленный мыслью животворной,
О, ты начнешь невольно вспоминать
О доле смертных темной и ничтожной!
Взирая сверху, будет невозможно
Тебе, счастливому, не пожелать,
Чтоб братьев, пресмыкающихся долу,
Свет истины скорей освободил.*

Тихонраков стал во главе московских воскресных школ. Находясь в центре многочисленного кружка образованных молодых людей, из коих многие были учениками и слушателями его, Н. С. сразу об-

наружил свой выдающийся административный талант, организовав превосходно дело обучения и общественного контроля. Увлекаясь сам, увлекая других, он возлагал большие надежды на это благодатное начинание первостепенной важности. Но, к несчастью, служение молодежи на благое просвещение быстро прекратилось. Кое-где замечены были попытки политической пропаганды, чему несказанно обрадовались крепостники и обскуранты. Решено было закрыть все школы без разбора: рассердившись на блох, да шубу в печь!

Оставляя в стороне обширную профессорскую деятельность Тихонравова, в которой он, подобно своему великому наставнику, действовал не только университетскими лекциями, но также и догугтенберговскими способами и о которой слушатели его сохранили самые трогательные воспоминания¹⁹, мы коснемся вскользь деятельности Н. С. как выборного ректора по уставу 1863 года, имеющей прямое отношение к предмету настоящей книги.

Едва ли можно указать другого ректора, который в такой степени верно понял и стойко осуществил функции этой полуадминистративной, полуакадемической должности, как Тихонравов. Как главный администратор разнообразных, особенно многочисленных в Московском университете, хозяйственных отраслей, Тихонравов с редким вниманием и любовью вникал во все мелочи хозяйственного управления.

Но самую главную задачу ректорского служения Н. С. считал поднятие авторитета науки, охрану университетской автономии, твердую неукоснительную защиту в интересах свободы академической и в точных границах закона как прав университетской коллегии в целом, так и отдельных членов ее. Один из недостатков старого дореформенного университетского режима состоял в том, что благодаря неопределенности границ попечительской власти она мало-помалу узурпировала почти всю власть советов (см. выше главу IV, §3). Университеты, благодаря господствовавшей в дореформенное время бесхарактерности или, как выразился Салтыков, «атласистости души» и «удивительной способности таять и обращаться в сырость, умерщвляющую всякую самостоятельность», не имели ни желанья, ни способности и умения, ни мужества отстаивать свои *законные права*²⁰. Новый устав 1863 г. гораздо точнее определил гра-

¹⁹ В февральской книге *«Исторического Вестника»* за 1894 г. напечатаны крайне любопытные воспоминания бывшего студента С. о «чаях» и беседах в скромной и холодной квартире Тихонравова на Остоженке.

²⁰ О «якобы правах» дореформенного времени Салтыков пишет в «Признаках

ницы попечительской власти. Однако, не довольствуясь отмежеванной властью, учебная администрация делала попытки расширить свою власть в сторону *loci minimaе resistenciаe*, повторяя по старой традиции: «се мое, а се *мое же*». Вот против таких незаконных захватов и боролся, подобно предшественнику своему знаменитому историку Соловьеву, и Тихонравов с изумительной выдержкой, непоколебимой твердостью, которую может дать только твердое сознание правоты и значения отстаиваемых прав. И с такою стойкостью, доходящею порою до сухого формализма, до упрямого ригоризма последовательно отстаивал ректор Тихонравов как блюститель университетской автономии все права, предоставленные законом совету и ректору. Когда Н. С. укоряли в склонности к формализму, то он неизменно отвечал словами, напоминавшими изречение английского юриста Блакстона: законные формальности — это налог, который мы платим для охранения нашей свободы.

В одной из своих знаменитых актовых речей весьма наглядно пояснил он значение академической свободы²¹, дарованной университетам Уставом 1863 г. Говоря о деятельности Соловьева, Тихонравов припомнил слова Карамзина, что должность профессора, как недостаточно самостоятельная, «неблагоприятна для таланта». Сославшись затем на монументальный труд профессора Соловьева, выношенный им, можно сказать, в аудиториях университета под сенью либерального Устава 1863 г., Н. С. утверждал, что мнение Карамзина было опровергнуто Соловьевым. «Он был, — говорил Н. С., — много лет опорой университетской коллегии, во главе которой стоял охранителем ее прав, благодаря которым профессорская должность перестала быть неблагоприятною для таланта и ученых изысканий»²².

Заметим, кстати, что упомянутые выше актовые речи, вносящие значительную степень оживления в шаблонный ритуал университетских актов, были нововведением, сделанным самим Тихонравовым и прекратившимся с его удалением. В этих речах он умело группировал с должными пояснениями важнейшие события их университет-

времени»: «Слабому слов исправник у нас был: проси, говорит, у меня милости — отца родного съем, а будешь, говорит, по закону требовать, а тем паче по естеству — шабаш! Потому естество — оно глупо. По естеству тебе есть хочется, а в регламентах того не написано, ну и шабаш. А ты проси милости — и дастся» (Соч. II, 199). См. выше. С. 473.

²¹ См. выше в главе IV отзыв проф. А. Н. Пыпина.

²² См. Отчет о состоянии И. Московского университета, составленный и читанный на акте 12 января 1880 г. Н. С. Тихонравовым. С. 12.

ской жизни за истекший год. Эти своеобразные речи, которые Н. С. произносил с большим мастерством, несмотря на свой глухой голос и легкое пришепетывание, с умелыми подчеркиваниями и многозначительными паузами, с глубоким и искренним воодушевлением, несмотря на внешнюю официальную холодность выражения своего серьезного, несколько одутловатого лица; с едва уловимой усмешкой на устах, несмотря на всю наружную бесстрастность этой могучей, затаенной в ректорский мундир фигуры, производили на слушателей сильное впечатление. Покойный московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков, который не прочь был порой разыграть роль мецената, первый спешил навстречу сходящему с кафедры среди грома рукоплесканий торжествующему, сияющему представителю университета и долго и крепко жал ему руку. Особенный фурор произвел Тихонравов своею замечательно искусною речью, произнесенною на акте 12 января 1879 г. под впечатлением похода, предпринятого Катковско-Любимовскою кликою против Устава 1863 г. и особенно усилившихся незадолго перед тем столкновений с попечителем учебного округа князем Мещерским, который также присутствовал на акте.

В речи своей Н. С. напомнил о знаменитом попечителе гр. С. Г. Строганове времен Грановского, вводившем устав 1835 г. и видевшем в нем не средство для стеснения университетской автономии, а напоминание о покровительстве научным интересам. Затем Н. С. прочел поданный университетом адрес, в котором, между прочим, говорилось следующее: «Многие из членов Совета знают о попечительстве вашем по преданию, но эти предания живы и всегда останутся такими; пребывание ваше среди нас является лучшим временем для университета. Вы сами, граф, были носителем того священного предания, по которому лучшие русские люди, сильные по своему положению и средствам, высоко ставили интерес науки и считали для себя честью и обязанностью служить им с патриотическим усердием. Вы вполне уяснили себе „значение“ попечителя в отношении к университету, значение *охранителя его интересов*. Преданность великому делу просвещения, неутомимая забота об усилении нравственных средств университета высказались в первых же действиях ваших. Университет увидел в вас „настоящего“ попечителя, и дружно пошла общая работа с обновленными силами; тут всякие формальные отношения должны были исчезнуть пред полным доверием к лицу, имевшему в виду одно благо университета, пред полным уважением к мнению этого лица, знавшего, изучавшего средства каждого, значение, заслугу каждого. Своим вниманием к деятельности членов универси-

тета вы незаметно, естественно стали нравственным его „средоточием“. При общей дружной деятельности попечителя не могло быть вопроса „о нашем и вашем“, не могло быть вопроса о правах, когда прежде всего видели в попечителе самое честное исполнение обязанностей. Вот почему, граф, время вашего попечительства является таким светлым временем в истории Московского университета, и Совет не может не обратиться к вашему сиятельству с изъявлением искренней признательности за это время»²³.

Н. С. прочел этот адрес дрожащим голосом и с обычным своим умением подчеркивать: публично воздано было *summi cuique*, и всякий имеющий уши слышати понял, в чей огород бросались камешки, направленные тонко и, с официальной точки зрения, безусловно корректно и вежливо. Врагу не пожелаешь провести такой тяжелый *un quart d'heure de Rabelais*, какой провел кн. Мещерский, вынужденный выслушать с понуренною головою, под сосредоточенным взглядом тысячной публики эти честные и смелые напоминания представителя науки о силе закона, о правах разума, — это нравственное возмездие со стороны «чуда из божьих чудес», по вдохновенному выражению стиха К. Аксакова, *свободного слова*:

*Ты гонишь невежества ложь,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово!*

Считая себя обязанным, как страж, поставленный на посту доверием университетской коллегии, охранять все права ее, Н. С., как сказано, стойко отстаивал права ее членов на почве строгой законности. Был случай, что попечитель кн. Мещерский потребовал от Тихонова экземпляр лекции профессора М. М. Ковалевского. В ответ на это требование он, в свою очередь, требовал у попечителя указания статьи устава, которая оправдывала бы этот шаг. Это, конечно, был формализм, потому что лекции профессора нетрудно было достать, и они сами по себе не заключали ничего противозаконного, но всякий поймет, что Н. С. защищал в данном случае под видом формы очень важное по содержанию начало академической свободы. Благодаря своему твердому и строго законному образу действий Н. С. умел внушить даже и высшему своему начальству такое уважение, что однажды оно, добиваясь какой-то незаконной льготы для своего великосветского протеже, тщательно домогалось, чтобы Тихонов не узнал от кого идет ходатайство.

²³ «Русские Ведомости», 1879. № 14.

С особенною силою это высокое уважение к праву сказалось в одном из последних действий Тихонравова, в возбуждении известного «катковского» процесса о старой недоимке в 33 000 р. за аренду «*Московских Ведомостей*». Если тут прямо не были задеты материальные интересы Московского университета, то задет был духовный интерес, достоинство университета, представитель которого не мог и не считал себя вправе пройти равнодушно мимо явления, где видел явное нарушение закона и интересов казны в угоду сильного частного лица. «Соппротивление бесправью, — говорит знаменитый юрист Игеринг, — есть нравственная обязанность правообладателя по отношению к себе и *долг* по отношению к обществу». Исходя из этих побуждений Тихонравов передал на обсуждение гласного суда долго волновавший общество вопрос о недоимке М. Н. Каткова, хорошо зная, как опасна с ним борьба (еще в 60-х годах, когда влияние Каткова было не очень сильно, он поручал передать И. С. Тургеневу, покинувшему «*Русский Вестник*», что он должен знать, как опасно иметь его, Каткова, противником). Не вина Тихонравова, если дело это не было доведено до конца и прекращено было по требованию высшего начальства²⁴ раньше, чем правосудие сказало слово.

²⁴ Вот вкратце история этого знаменитого Катковского дела. В 1875 г. М. Н. Катков возобновил с правлением Московского университета контракт на аренду «*Московских Ведомостей*» университетской типографии и казенных объявлений за 74 000 р. в год. За первые две статьи плата вносилась аккуратно, а за последнюю накопилось с 1870–1873 г. недоимки по первому контракту более 21 669 р. (см. записку о недоимках по контракту на арендаторе «*Москов. Вед.*», С. 2). Недоимка эта имела такое происхождение. В контракте был пункт, по которому Катков имел право просить о сбавке арендной платы, если бы был издан *новый закон*, сокращающий число казенных объявлений. Хотя такого закона не было создано, однако Катков ежегодно самовольно стал вычитывать из арендной платы за объявления сумму тех объявлений, *которые неправильно*, по его мнению, миновали «*Московские Ведомости*» и появлялись в «*Правительственном Вестнике*». Такое явно неправильное с юридической точки зрения понимание контракта было допущено с молчаливого дружеского попустительства университета во время ректорства приятеля и единомышленника Каткова и Леонтьева С. И. Баршева. Министерство финансов давно требовало взыскания этой недоимки. Была даже высочайшая резолюция на отчете государственного контролера с требованием окончания этого дела, но Министерство народного просвещения при графе Д. А. Толстом, питавшем сыновнюю почтительность к Каткову (Никитенко. *Дневник*. С. 101, 118), довольствовалось простою отпискою, а то и вовсе ничего не отвечало. Так, в Записке Тихонравова по этому делу

В вышеупомянутой речи о Соловьеве, говоря об его глубоком уважении к университетскому самоуправлению и к Уставу 1863 г., Н. С.

приводится справка, что на представление правления университета о взыскании недоимки от 1 мая 1875 г. до времени составления Записки, т. е. ноября 1880 г., стало быть, в течение пяти с половиною лет, попечитель Московского учебного округа кн. Мещерский *ничего* не отвечал (С. 13). Со вступлением в ректорство С. М. Соловьева, а потом Тихонравова помянутые вычеты (за недоставленные объявления) прекратились, несмотря на настойчивые домогательства Каткова. В печати подняли шум о недоимках Каткова, и чтобы доказать *гласно* свою *правоту*, в 1880 г. Катков предъявил иск в суд к правлению университета в 2996 р. о зачете напечатанных на эту сумму объявлений. Университет, отвергая всецело иск Каткова, предъявил встречный иск о вышеуказанной недоимке, что с процентами составило более 33 000 руб. После этого Катков переменял тактику и стал доказывать, что 1) дело о недоимке подсудно администрации, а не суду, и 2) что оно уже решено ею!! Два года тянулось дело, но и то, и другое возражение Каткова было отвергнуто как Московским окружным судом, так и Московскою судебною палатою. Тогда Катков во избежание скандала стал хлопотать о прекращении дела во что бы то ни стало. На 7 мая 1882 г. назначено было в Московском окружном суде заседание для слушания дела по существу, но оно не состоялось. Правление университета вынуждено было прекратить встречный иск и отказаться от возражений против иска Каткова вследствие предписания министра народного просвещения статс-секретаря графа Делянова, решившего в удовлетворение ходатайства поверенного Каткова присяжного поверенного Моисея Гольденвейзера иск его доверителя «подлежащим рассмотрению Министерства народного просвещения, коему ближе известны все *мотивы* (sic), послужившие основанием для редакции того или другого параграфа контракта и разясняющие *точно* их смысл», а самое «требование Каткова подлежащим удовлетворению». Любопытно отметить «хронологические» совпадения: в 1881 г. и особенно с 1882 г. после столкновений Каткова с новыми судебными установлениями нападки и инсинуации его против судебных установлений и Судебных Уставов достигли неслыханного озлобления и дерзости, доходившей до обвинения судей в государственных преступлениях, как раньше, после забаллотирования советом Московского университета альтер эго Каткова, нежно любимого друга его П. М. Леонтьева, началась беспощадная травля университетского Устава 1863 г., доносы на неблагонамеренность университетского начальства, а затем обычное бесстыдное салто-мортале этого софиста-публициста, который с пеною у рта стал доказывать необходимость подчинения университетов административной опеке, зловерность коей он так красноречиво доказывал пред составлением Устава 1863 г. (см. главу IV, §3 и 4). В панегирике, напечатанном в августовской книге «Рус-

между прочим привел следующие его прекрасные слова, сказанные им в день столетнего юбилея Московского университета: «Учреждение живет полною жизнью, процветает, когда присущий ему дух силен, когда дает себя чувствовать и в совокупных действиях членов учреждения, и в поведении каждого. Когда же предание забывается, дух слабеет, учреждение клонится к упадку, тогда люди, ревностные к славе учреждения, стараются воскресить предание, возвратить его к первоначальной чистоте».

Таким ревнителем славы Московского университета был стойкий охранитель его автономии Н. С. Тихонравов, везде и всегда преследовавший одну цель: защиту достоинства и независимости университетской корпорации, интересов свободной науки, этого, по выражению Ломоносова, «добра великого, безопасного, постоянного, добра всем любезного, кроме упрямых невежд и злобных варваров, добра всем радостного, кроме завистников благополучия нашего, добра по всей вселенной наподобие солнца сиять и все освещать достойного». Аминь!

V.

А. М. УНКОВСКИЙ

† 20 ДЕКАБРЯ 1893 Г.

После непродолжительной болезни скончался в Петербурге в ночь на 20 декабря 1893 г. знаменитый деятель крестьянской реформы, присяжный поверенный Петербургского судебного округа, Алексей Михайлович Унковский. Выше, во II главе, отмечена в общих чертах²⁵ самоотверженная деятельность А. М. в качестве тверского губернского предводителя дворянства при отмене крепостного права. Тут мы ограничимся лишь краткою характеристикой А. М. как адвоката.

Услуги, оказанные Унковским нашей молодой адвокатуре, громадны, можно сказать, неисчислимы. Одно уже вступление в 1866 году

ского Вестника» 1897 г. к 10-летию смерти Каткова, кн. Н. П. Мещерский писал: «Я внутренно смеялся, когда до меня доходили отзывы недоброжелателей (старавшихся побольнее меня уязвить), что попечитель не я, а Павел Михайлович или Михаил Никифорович! Какая наивность! Михаил Никифорович и Павел Михайлович руководили тогда не Московским округом, а совместно и согласно с графом Толстым и с прямого одобрения государя вообще делом просвещения».

²⁵ Более подробные сведения см. в книге моей «А. М. Унковский и освобождение крестьян». М., 1894.

лица с таким славным и известным на всю Россию прошлым, каково было прошлое А. М., сообщило молодому институту сразу необыкновенный блеск и нравственную привлекательность. Еще в конце 50-х годов звание ходатая, привыкшего защищать всякую ложь и недобросовестные ухищрения, было так зазорно, что ни один *порядочный* и уважающий себя человек не брался за ходатайство по делам²⁶. И вдруг в ряды молодой присяжной адвокатуры вступает такой человек, как А. М. Унковский, не только имевший почетную репутацию в качестве публициста и юриста²⁷, но приобретший громкую всероссийскую известность своею честною, мужественною, истинно благородною деятельностью на пользу народа по должности тверского губернского предводителя дворянства во время освобождения крестьян (см. выше, глава II), а затем по освобождении крестьян прославившийся своею бескорытною и истинно доблестною деятельностью уже в качестве защитника крестьян по спорам их с помещиками. В этой скромной, но в высшей степени плодотворной роли, которую с любовью приветствовала симпатизирующая народу пресса²⁸, А. М. Унковский как бы предвосхищал тот образ честного и мужественного служения идее правды и закона, который был начертан и частью осуществлен впоследствии судебною реформою. Но служение А. М. народному делу продолжалось не долго. Высокопоставленные лица, встревоженные его в высшей степени успешною практикою²⁹, благодаря которой крестьяне успевали отстоять земли, купленные на имя помещиков и впоследствии ими присваиваемые,

²⁶ См. ст. Делпа в «*Журн. Мин. юст.*», 1861. № 12.

²⁷ А. М. Унковский помещал статьи в 60-х годах в «*Современник*» Некрасова и «*Русск. Вестн.*» и выпустил в русском переводе несколько капитальных юридических сочинений: 1) Опыт теории косвенных улик, Уильза. 2) Руководство в судебной защите по уголовным делам, Миттермайера. 3) Его же уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке и проч.

²⁸ См. «*Отечественные Записки*», 1862. № 9 и 11.

²⁹ В этих делах были заинтересованы кн. Меншиков, графиня Сантис, граф Д. А. Толстой (впоследствии мин. внутр. дел) и др. В очень интересных записках С. И. Носовича (Крестьянская реформа в Новгородской губ. СПб., 1900 г.) отмечается чрезвычайная популярность Унковского, портрет которого, по его словам, можно видеть почти в каждом доме. Указывая не раз на неоднократные попытки новгородских дворян и даже мировых посредников к осложнению Положения в крепостническом направлении, выгодном для помещиков, г. Носович пишет о тверских дворянах, что они думают не о барщине, а о выкупе, и в совершившейся реформе видят путь к политическому перевороту в России

добились того, что Унковскому, к которому стали обращаться крестьяне за защитой из разных губерний, была воспрещена практика. Уже одно вступление человека с таким нравственным ореолом в ряды новой адвокатуры, говорим мы, служило к *реабилитации* адвокатской профессии, относительно которой даже в наших высших судебных сферах, частью по предубеждению, частью по недомыслию, существовали самые дикие представления, по коим адвокатура являлась как бы организованною защитой бесчестных домогательств³⁰. Другие имена, одновременно с А. М. внесенные в список петербургских присяжных поверенных, быть может сообщали адвокатской корпорации больше научного авторитета, но ни одно не говорило так громко и внушительно о верности нравственному и гражданскому долгу, о бескорыстном и неуклонном служении долгу и народному делу.

Вся свыше 25-летняя адвокатская карьера Унковского была верным служением этому знамени. Вся она была одним длинным, беспрерывным рядом осуществления программы новой адвокатуры, которая по замыслу творцов Судебных Уставов является одним из важных и незаменимых факторов для раскрытия судебной правды. Да, именно раскрытия, а не затемнения правды, как это ни покажется странным нынешним зоилам адвокатуры или тем из фальшивых и опасных друзей ее, которые все назначение адвокатуры сводят к воспособлению торжеству формальной, т. е. мнимой правды.

Несмотря на то, что А. М. Унковский больше, чем кто-нибудь другой поработал для проведения в жизнь принципов честной адвокатуры, известность его как адвоката далеко не может идти в сравнение с славою некоторых беспринципных корифеев адвокатуры, которые благодаря услужливой рекламе умели стяжать себе и своей корпорации немало мишурного блеска и дешевых лавров, но немало и принесли ей вреда. Находясь постоянно на виду у всех, эти безыдейные дельцы и шаловливые баловни счастья немало способствовали падению репутации адвокатуры в глазах понимающих людей и немало способствовали своим дурным примером деморализации адвокатской молодежи.

и желают достижения идеала истины и справедливости как в самих себе, так в обществе и правительстве (С. 7).

³⁰ См. замечание обер-прокурора Н. П. Семенова в т. LIX «Дела о преобр. суд. части в России» и статью его «Об адвокатуре в гражданском процессе» в «Русск. Вестн.», 1859. Март.

Положим, иные из таких бойких дельцов, пользующихся громкою известностью, но имеющих далеко незавидную репутацию в кругу товарищей и судей, ближе знакомых с их деятельностью, привыкли объяснить серенькое, с нравственной точки зрения, реноме свое злословием и завистью недоброжелателей. Пусть в этом есть доля правды. Но отчего же однако есть среди адвокатуры люди ума и таланта, скромные, честные труженики, которые давно уже подвизаются с честью на адвокатском поприще, но чистого имени которых не смеет коснуться никакое злословие и зависть.

К таким скромным, но светлым и чистым знаменитостям принадлежал и А. М. Унковский, имя которого как адвоката едва ли даже и было известно за чертою С.-Петербургского судебного округа. Частью по врожденной ему скромности, частью по роду своей специальности, как цивилист, Унковский известен, помимо обширного круга своей петербургской клиентелы, только в кругу товарищей и в судебном мире. Уголовною практикою занимался Унковский почти только в качестве официального защитника по назначению суда, но всегда исполнял эту святейшую из обязанностей адвоката с добросовестностью, преданностью и жаром, которого не могли остудить ни бремя лет, ни профессиональная рутина.

Но прочно установившуюся репутацию талантливого, знающего и честнейшего адвоката Унковский приобрел главным образом своею гражданскою практикою. Уже одно принятие Унковским известного дела, — говорил один из судей, — создает *praesumptio juris* в его пользу и почти равносильно выигрышу дела в одной инстанции. Чтобы заслужить такое исключительное доверие, да еще в качестве цивилиста, нужна исключительная добросовестность и нравственная щепетильность в выборе дел.

Гражданский процесс, который весь вращается «около денег», представляет особенные опасности для адвоката, у которого могут незаметно для него самого затуманиться от их нездоровых испарений нравственное чутье и видение. Кроме того, частью благодаря запутанности нашего гражданского законодательства и кассационной практики, частью благодаря тому одностороннему бытовому освещению, при котором обыкновенно видит адвокат дело при принятии его, он иногда бывает затруднен в распознавании правды. Исходя из этого общеизвестного, но далеко не ежедневного факта, иные юристы приходят к фатальному заключению, что адвокат должен вполне игнорировать нравственную сторону дела и довольствоваться одною внешнею законностью. А иначе, говорят они, для него создается безвыходное положение ввиду *неопределенности* нравствен-

ного принципа, так как одна де нравственность по сю сторону Циринеев, другая по ту³¹.

Славная 25-летняя абсолютно чистая адвокатская деятельность Унковского воочию убеждает, что адвокату с чуткою совестью ни существование Пиринеев и Валдайских гор, ни запутанность законодательства не создают неодолимых препятствий к честному исполнению обязанностей присяжного поверенного согласно требованиям профессиональной этики... Конечно, от таких трудов праведных не наживешь палат каменных (Унковский был похоронен на средства товарищей и ничего семье не оставил, кроме небольшого родового имения в Тверской губ.), но ведь целью издания Судебных Уставов и, стало быть, учреждения присяжной адвокатуры вовсе не было во что бы то ни стало помочь осуществлению этой мечты дельцов. Водворение «правды» на суде и внушение спасительного «страха» плутам, более или менее ловким обходом законов стремящихся обратить суд в орудие обмана, – вот к чему стремились творцы нового суда. Так именно определяет задачу нового гражданского суда бывший товарищ по профессии Унковского и член Одесской судебной палаты, впоследствии пом. статс-секр. Госуд. совета и обер-прокурор гражд. кассац. департамента А. Л. Боровиковский в своей замечательной книге «Отчет судьи»³², и этой именно задаче служил в течение всей своей продолжительной адвокатской карьеры Унковский.

Значение ее таким образом определяется само собою. А. М. Унковский не умозрительными теоретическими доводами, а фактом всей своей многолетней деятельности доказал лживость пагубного учения, будто отправление адвокатуры несовместимо с требованиями честности и нравственности. Знаменитый французский юрист Молло говорит: «Si le style est tout l'homme, la probité est tout l'avocat (как по стилю узнается человек, так и по степени честности узнается адвокат)». Если это так, то без преувеличения можно сказать, что А. М. Унковский был в полном и лучшем смысле слова в числе *первых* русских адвокатов, так как едва ли кто превзошел его в строгом следовании правилам честности.

К чести петербургской адвокатуры нужно сказать, что она всегда умела ценить выдающиеся нравственные и умственные качества своего знаменитого сочлена. С первого же года своего вступления в петербургскую адвокатскую корпорацию А. М. Унковский входил в состав совета присяжных поверенных то в качестве его члена,

³¹ См. брошюру г. Неведомского «Вечные (?) вопросы адвокатуры». М., 1886.

³² См. Т. I. С. 229.

то в качестве председателя. С 1885 г. А. М. вышел по болезни из состава совета, но и за всем тем добрые традиции, образовавшиеся в нем в первые годы его деятельности, до сих пор сохраняют силу и обеспечивают ему первое место среди других советов, охраняя его от тех нездоровых увлечений, от которых не убереглись другие, как, например, в антиеврейской травле.

Деятельность покойного А. М. Унковского, бесспорно, займет лучшую страницу в истории не только петербургской, но и вообще русской адвокатуры. При тех печальных явлениях, которых немало наблюдается в современной адвокатской практике, взор общественного наблюдателя с чувством нравственного удовлетворения останавливается на таких личностях, как А. М. Для справедливого суждения о современной русской адвокатуре следует иметь в виду и помнить не только те темные и грязные низины, до которых адвокатура иногда опускается, но и те светлые и чистые вершины, до которых она хоть изредка поднимается. Тем более следует их иметь в виду, что лица, достигающие этих вершин, по своей скромной и некрикливой деятельности не стоят на виду и почти вовсе не известны в большой публике.

VI.

Н. Х. БУНГЕ

† 3 ИЮНЯ 1895 Г.

3 июня 1895 г. внезапно умер председатель Комитета министров, бывший министр финансов, известный экономист, заслуженный профессор Николай Христианович Бунге. Он являл собою редкий у нас пример государственного человека, соединявшего с практическим опытом солидную научную подготовку и твердость как в принципах экономической политики и политических убеждений, так и в правилах практической морали.

Большую часть своей жизни (с 1847 г. по 1880-й) Н. Х. посвятил университетской науке, занимая в Киевском университете кафедру финансового права. Но еще ранее, еще в первые годы своей профессуры Бунге принимал участие в законодательных работах, выдвинутых эпохой великих реформ. Он участвовал в качестве члена Редакционной комиссии в крестьянской реформе, занимаясь главным образом вопросом о выкупной операции. В комиссии он примыкал по общим вопросам к более прогрессивной части ее и был из числа тех, которые подали голос за изгнание из волостного суда телесных наказаний (см. выше С. 225).

Кроме того он был членом комиссии, составлявшей проект Университетского Устава (см. С. 251) и само собою разумеется стоял за самое широкое университетское самоуправление. До 1880 г. деятельность Бунге носила главным образом научно-литературный характер: помимо занятий по кафедре, он выпустил ряд монографий, пользующихся авторитетом среди специалистов³³, три трехлетия он выбирался ректором, причем всегда с достоинством умел охранять права университета от посторонних притязаний и поддерживать среди студентов порядок своим нравственным авторитетом в трудное время конца 70-х годов. В Киеве же он управлял местной конторою государственного банка.

С 1880 г. открылось для Бунге более высокое поприще государственной деятельности. Это была пора временного мимолетного возрождения при графе Лорис-Меликове веяний эпохи великих реформ, которую столпы реакционного лагеря окрестили бессознательно столь почетным и трогательным эпитетом «диктатуры сердца»³⁴. Министерство финансов перешло в руки единомышленника графа Лорис-Меликова — А. А. Абазы. Как всегда, либеральное оживление сопровождалось некоторым подъемом авторитета науки и общественной мысли насчет рутины и всегда самодовольной, всезнающей бюрократии. Нет того чиновника Министерства финансов, который, нося известное число лет мундир этого министерства и занимая кресло в одном из департаментов на Мойке, не считал бы себя обладателем интеллектуального ценза, достаточного для поста министра. Знакомства с наукою, а тем более обладания определенными научными воззрениями на основные вопросы финансовой и экономической науки не спрашивается, потому что в период господства безыдейного эмпиризма, пробавляющегося, по выражению проф. Редкина, «куншттюками изо дня в день», каким именно был период 70-х годов, наука «не в авантаже обретается». С 1880 г. стал замечаться некоторый поворот к лучшему, и как раз в это время А. А. Абаза счел нужным избрать своим товарищем известного своими учеными трудами экономиста и скромного провинциального чиновника финансового ведомства — профессора Н. Х. Бунге. Это был едва ли

³³ О восстановлении металлического обращения в России. Киев, 1877. О восстановлении постоянной денежной единицы в России. Там же в 1878. О соляном акцизе и пр.

³⁴ Биограф гр. Лорис-Меликова, известный д-р Н. А. Белоголовый (см. дальше), передает, что граф гордился этою «кличкою», данною Катковым, и справедливо заверял, что лучшей эпитафии не желал бы для себя («Русск. Стар.», 1889. № 8).

не первый случай публичного оказательства должного уважения науке возвышением служителя ее до высшего административного ранга, предназначенного по стародавним традициям исключительно для представителей родовой знати или высшей бюрократии.

Вступление Бунге в Министерство финансов знаменовало явный поворот в направлении деятельности этого министерства. Рутинная и косность, усиленное обложение и так непосильно обремененной народной массы без заботы о завтрашнем дне, энергичная работа станка для печатания бумажных денег с игнорированием последствий ее для экономического будущего России — такова была финансовая система до Бунге, если только отсутствие финансовой системы может быть названо системой. По справедливому замечанию вполне компетентного историка и критика финансовой политики Бунге, только при нем *в первый раз в области финансовой политики России совершилось правильное применение начал, указываемых наукою финансового права, — понижение налогов с неимущих классов населения*³⁵.

Первыми шагами этой новой рациональной финансовой программы были, состоявшиеся еще при Александре II в бытность Бунге товарищем министра, важные меры: закон 1880 г. об отмене обременительного для народа налога на соль и указ 1 января 1881 г. об изъятии из обращения 400 мил. кредитных рублей, положивший конец пагубной слабости, — напоминающей морфинанию, — неограниченному выпуску кредитных билетов³⁶.

С назначением в 1881 г. Бунге министром финансов он получил возможность более или менее последовательно проводить свою благородную и благодарную программу улучшения финансов не путем возвышения обложения и без того обремененной «податной» массы, а путем поднятия народного благосостояния. Несмотря на наступившую резкую реакцию против принципов эпохи реформ почти во всех отраслях государственного управления, финансовое ведомство, дотоле им чуждое, стало впервые проводить их в жизнь. Отсюда ряд мер, имевших целью облегчить подавляющее податное бремя

³⁵ См. превосходные статьи г. Старого Профессора «Замечательная эпоха в истории русских финансов» в *Журнале С.-Петербургского юридического общества*, 1895. Февраль. С. 112.

³⁶ Помянутый почтенный ученый, говоря об этой мере, отмечает, что независимо от значения этой меры как средства для восстановления металлического обращения, она имела громадные последствия, дав государственному банку преобладающее положение на денежном рынке и прекратив дальнейший выпуск кредитных билетов. Там же. С. 102.

беднейшей части населения и улучшить экономическое положение крестьян, для облегчения которых ровно ничего не было сделано в течение 20 слишком лет после их освобождения.

Законом 28 декабря 1881 г. исправлена была одна из крупных ошибок крестьянской реформы и понижены выкупные платежи с крестьян, чем снято было с крестьян тяжелых взысканий до 12 мил. руб. Законом 14 мая 1883 г. постепенно отменялась старая татарская подушная подать. Благодаря этой благой мере, необходимость коей признавалась еще в XVIII веке, но перед которой в бессилии останавливались финансисты-эмпирики, с беднейшей части народа снято было бремя 41-миллионного налога, а манифестом 15 января 1889 г. сложена была недоимка этого налога в 28 мил. руб. Несмотря на противодействие все более и более входившей в силу реакции, открыт был в 1883 г. крестьянский банк для устранения давно уже замеченного среди крестьян малоземелья. Облегчая неимущих, Бунге делал первые попытки к переложению части их бремени на людей состоятельных, встречая ожесточенное противодействие со стороны реакционной прессы с Катковым во главе. Поземельный налог с городских имуществ был возвышен на 50 %, впервые были введены налоги на наследство и, вообще, безвозмездные переходы имуществ, сделана была попытка введения подоходного налога установлением налога на доходы с капиталов, дополнительного раскладочного с купцов сбора соразмерно их доходам и 3-процентного с акционерных и паевых предприятий. Не касаясь других мер, отметим введение в 1883 г. фабричной инспекции, имевшей целью защитить рабочих и в особенности детей и женщин от беспощадной эксплуатации предпринимателей и тем внести луч света в это истинно темное царство.

Как ни значительны сами по себе услуги, оказанные Н. Х. Бунге запущенным русским финансам, но для правильной оценки этих услуг нужно принять во внимание те исключительно неблагоприятные условия, при которых проявлялась преобразовательная деятельность его. Общество и без того не очень твердое в принципах под ошеломляющим впечатлением потрясающего события 1 марта пришло в замешательство, пользуясь которым «властители дум» того времени вроде М. Н. Каткова, кн. Мещерского и Ко стали с неслыханным нахальством отрицать и порицать все, что дорого для культурного человечества: начало законности, равноправность граждан, самостоятельность суда, самоуправление, свободу печати, пользу грамотности и самую науку.

Проникнувшись принципами дореформенных ябедников Перегоренских с их «правдистикою, патриотистикою и монархома-

нию»³⁷, эти новейшие Перегоренские с жестокою бесцеремонностью и с редким бесстыдством травили, как красного зверя, всякого, осмелившегося не петь в унисон этому захлебывавшемуся от собственной благонамеренности хору спасателей отечества и монополистов «правдистики». Особенно отличался на этом крикливом, но бесславном поприще противоестественного, по справедливому выражению кн. В. П. Вяземского, превращения литературы в сыскной застенки, помешанный на собственной величии пресловутый Катков, даже на заре литературной карьеры, в лучшую пору своей деятельности обнаруживавший какое-то неодолимое, врожденное влечение, род недуга, к литературному сыску³⁸. В половине 80-х годов эта патологическая страсть в связи с обуявшею Каткова манией величия достигла своего апогея, избрав своим объектом, помимо литературы, и все государственные учреждения, не угодившие Каткову. Не только суды, но и сенат и Государственный совет без стеснений он обвинял в преследовании *антиправительственной* политики, считая себя и своих присных единственными правоверными глашатаями ее. «*Московские Ведомости*», давно уже сделавшиеся органом именитой плутократии, с яростью напали на Бунге за то, что он не разделял их сумасбродной теории о пользе неограниченного печатания бумажных денег, за то, что он осмелился ввести для охраны рабочих фабричную инспекцию, а также и за введение налога на наследства, на процентные бумаги и акционерные предприятия и, вообще, за меры, имевшие целью хоть некоторое облегчение обремененной, обездоленной народной массы³⁹.

³⁷ Салтыков.— Сочин., I. С. 290.

³⁸ С обычным своим наглым высокомерием и смехотворным самомнением Катков еще в 1861 г. писал относительно своих литературных противников такие возмутительные своим неприличием строки: «Мы не откажемся от своей доли *полицейских* (sic) *обязанностей в литературе* и постараемся *помогать* добрым людям в изловлении беспутных *бродяг и ворюшек* в интересах *дела и чести* (!)» (см. «Русс. Вест.», 1861. № 1).

³⁹ «*Московск. Ведомости*», 1884 г. № 218; 1886. № 12, 33. Г. Картавцев в своем интересном биографическом очерке об отношениях Бунге к Каткову, некогда близких, сообщает следующее: «Когда Катков из либерала-англомана и фритредера сделался представителем крайностей национализма, проповедником самого неограниченного административного произвола в ущерб законности и глашатаем исключительных интересов крупной промышленности, Бунге стал воздерживаться от всяких сношений с ним. Когда Бунге сделался министром, Катков предложил ему поддержку своей газеты, лишь бы он гарантировал ряд мер

Не довольствуясь обсуждением мероприятий Министерства финансов, — которое, несмотря на всю свою грубость и злость, все-таки имело хоть тень литературной критики, — Катков, по обыкновению своему, не церемонился залезать в чужую душу, и после должного розыска в ней новейший Перегоренский прямо причислял Бунге к числу неблагонадежных либералов, втайне преследующих антиправительственные цели. Вот что, например, писал «литературный Аракчеев» в одной из возмутительных своих диатриб, обвиняя Бунге в образовании антиправительственной партии. «Это партия, — форменно доносил Цицерон со Страстного бульвара, избличая нового Катилину, — это партия, или, точнее сказать, коалиция партий и разных честолюбий, потерпевшая поражение в день 29 апреля 1881 года. Судя по заявлениям ее органов, по ее корреспонденциям в иностранной печати (слышите, куда метнул беззастенчивый сикофант?!), наконец, по ходу дел, ясному для имеющих очи, она вовсе не считает себя побитою. Она только постороилась, но не оставила поля; она только уступила на время, как она полагает, некоторые позиции, но удержала другие, дающие ей возможность не только наблюдать за делами, но и деятельно вмешиваться в них. Дело в том, что партия, состоящая в оппозиции к нынешнему режиму, уверена, что имеет своих ревнителей и вождей в высших учреждениях. Органы этой партии сами с удивительным цинизмом признают очевидную, впрочем, несостоятельность некоторых мер, в одно и то же время порицая и отстаивая (?) их. На почве 29 апреля все должно-де идти не к лучшему, а к худшему. И вот эта-то партия, прежде возлагавшая надежды на народное просвещение, юстицию и финансовое управление, потом только на две последние, теперь же главным образом возлагает их только на последнее, имеющее в своем ведении жизненные силы страны»⁴⁰.

Что же делал министр Бунге в ответ на подобные литературные произведения, имеющие, как выражались во времена Булгарина и Греча, все свойства «юридических бумаг»?

Все эти голословные и злостные диатрибы «литературного временщика», которые теперь после смерти и преследуемого, и напа-

в области таможенной политики. Бунге отклонил это предложение, говоря, что не верит прочности соглашения с противником по коренным вопросам государственного управления, хотя бы они и не касались финансов, и ожидает более от поддержки слабых единомышленников, но оставшихся верными своему направлению, нежели от могущественного трибуна, но человека многократно сменявшего основные воззрения свои («Вест. Евр.», 1897. № 5. С. 33).

⁴⁰ «Москов. Ведомости», 1886. № 56.

дающего в таком незавидном свете рисуют образ последнего, — Бунге переносил спокойно и никогда не стремился для охранения престижа своей власти зажать рот зазнавшемуся публицисту. Н. Х. отвечал на непростительные выходки Каткова путем печати, считая ниже своего достоинства обращение к административному преследованию или другим закулисным средствам борьбы, на которые был так падок его противник. Может быть, ни в чем так не сказалось благородство души, редкое самообладание и истинный либерализм этого просвещенного государственного человека, как в этом неуклонном уважении к свободе печати даже в тех случаях, когда он был жертвою недостойного злоупотребления ею. Эта черта очень редкая, а потому очень ценная, свидетельствующая о высокой культурности Бунге. На словах немногие против свободы печати, но чуть она заденет их действительные или мнимые погрешности или убеждения, сейчас все на дыбы. Цензор Никитенко в «Дневнике» своим упоминает, что все министры в 60-х годах стояли за свободу печати; они просили Валуева только об одном: «оградить их собственное ведомство». И действительно, привычка спокойно выслушивать критику составляет достояние только истинно культурных людей, и в этом отношении Бунге образом своих действий стоит не только выше многих министров (как например, П. А. Валуев, гр. Д. А. Толстой), но и литераторов по профессии, как Катков, который, сам не останавливавшийся ни перед чем в своих наглых нападках, не раз призывал громы цензурные даже на связанную по рукам и ногам провинциальную бесцензурную печать!..

Такое спокойное и благожелательное отношение со стороны Бунге даже к явно недобросовестной печатной критике объясняется, помимо благодушия, его высоким политическим развитием и качествами истинного человека науки, которые в нем так счастливо соединялись и сохранились в полной силе и свежести до самых последних дней жизни его. Лучшим тому доказательством служат его превосходные *senilia*, его последний литературный труд «Очерки политико-экономической литературы», ставшие его лебединою песнью. Многие ли из наших государственных людей способны на 74-м году жизни сохранить такую свежесть мысли, такую любовь к знанию, чтобы, как писал Бунге в предисловии, в «работе мысли искать отдых и находить в ней особую прелесть»? Нельзя без удовольствия читать эти бодрящие, чистые мысли честного труженика науки, который мог ошибаться, как и всякий другой ученый, но которого огромный нравственный авторитет зиждился на том, что он не был способен для угождения сильным мира сего, по соображениям карьеры или в угоду

торжествующим модным течением (см. выше С. 239), словом, «применительно к подлости», говоря языком Салтыкова, поступиться интересами науки, изменить тому, что он признавал за истину. Всю жизнь ища истину, Бунге хорошо знал, как трудно ее достижение, а потому в наше беспринципное время приспособления науки к действительности, как бы она ни была безобразна, особенно внушительно звучат почти замогильные предостережения маститого ученого против «иллюзии всепримирающих учений».

Как все люди *fin de siècle*, долго жившие, много видевшие и много думавшие, Бунге, наблюдавший на своем веку немало крушений разных грандиозных доктрин, естественно не был чужд скептицизма относительно их прочности и долговечности. Но это был здоровый, благожелательный, терпимый скептицизм, потому что в основе его не лежало человеконенавистническое, бесчестное, более или менее искусно замаскированное стремление оседлать науку ради интересов минуты, а естественное раздумье человека с широким кругозором, много видевшего и ясно понявшего ограниченность человеческого знания. Но, признавая ограниченность преходящих доктрин, полувековой служитель науки далек был от мысли отрицать, подобно современным невежественным реакционным ученым приспешникам, основные истины наук. «В каждой науке, — говорит Бунге, — есть *незыблемые истины*: так, уважение нравственного достоинства человека, его личности, понятия о долге и связанной с последним ответственности принадлежит к числу тех аксиом, которые облегчают для нас верное понимание явлений общественной жизни».

Под этим великим, гуманно-освободительным знаменем, выставленным еще Белинским и Грановским, полвека подвизался Бунге и всего за несколько недель до своей смерти, во имя этого славного знамени успел оказать делу народного просвещения не громкую, но ценную услугу, отстояв хоть не надолго Комитеты грамотности.

Это и есть то славное «знамя науки», под которым симпатичный поэт Плещеев, завидев зарю святого искупления, призывал «шествовать вперед без страха и сомнения».

Под сенью этого знамени, освещавшего тернистый путь всех искренних деятелей преобразовательной эпохи, долго подвизался Бунге и притом подвизался не только в то время, когда легко было плыть по течению, но и тогда, когда с переменною направлением веяний отстали бывшие соратники, ставшие самыми неистовыми гонителями прежних своих убеждений. Самая крупная заслуга Бунге в том, что он верно служил указанному знамени науки в самое неблагоприятное для него время торжества реакции 80-х годов. Служение Бунге

не имело яркого боевого характера, оно не сопровождалось при жизни его громким трубным оглашением со стороны более или менее бескорыстных *laudatores*.

Но после смерти Бунге выступило рельефно все значение его государственного служения и размер понесенной утраты. Уже у гроба Бунге, при виде единодушного искреннего взрыва общественной скорби по поводу неожиданной смерти Н. Х. вынуждены были почтительно склонить голову те самые зоилы, которые смешивали с грязью всю прогрессивную преобразовательную деятельность просвещенного экономиста. А с течением времени, когда поблекнут дешевые лавры минутных героев, удачливых эмпириков государственного управления, имена и дела лиц, бескорыстно служивших, подобно Бунге, справедливости, человечности, благу ближнего и делу просвещения, покроются новым блеском и славой.

VII.

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

† 6 СЕНТЯБРЯ 1895 Г.

6 сентября 1895 г. умер знаменитый врач-гуманист, доктор медицины, Николай Андреевич Белоголовый. Это был один из ярких и цельных представителей великой освободительной эпохи 60-х годов, один из стойких, последовательных носителей идей и стремлений этого гуманно-просветительного времени.

Служение убежденного либерала Белоголового возвышенным идеалам эпохи русского возрождения проявлялось как в кругу специальных профессиональных обязанностей его, врача-практика, так и, в частности, в многообразной деятельности его как честного и мыслящего гражданина, всегда чуткого к общественному интересу, всегда отзывчивого словом и делом на всякое доброе начинание, клонящееся к благу народа.

Сибиряк по происхождению, Белоголовый родился 5 октября 1834 г. в гор. Иркутске в старой купеческой семье. Среднее образование он получил в одном из московских пансионов, где он окончил курс в 1850 г. в одно время с неизменным другом своим, знаменитым С. П. Боткиным, а потом с ним же вместе прошел курс медицинского факультета Московского университета. Еще с юных лет врожденная мягкость и любознательность Н. А. под влиянием первых его наставников — декабристов, живших в Сибири (П. А. Борисова, А. П. Юшневского, А. В. Поджио), получили разумное направление и целесообразное питание, главным образом благодаря хорошо руководи-

мому чтению. Любя страстно русскую литературу, Н. А. намеревался поступить на словесный факультет, но как раз в это время (1850 г.) обскурантам удалось ввести в университеты, кроме медицинского факультета, комплект в 300 человек, и Белоголовый, как и С. П. Боткин, чтобы не остаться за порогом университета, вынужден был поступить на медицинский факультет.

Редко когда злая судьба делала бессознательно такое доброе дело. Из даровитого Белоголового вышел блестящий медик, превосходно изучивший свою науку, но вместе с глубокими знаниями по своей специальности соединявший редкое человеколюбие, бескорыстие и необыкновенно живой интерес к общественным делам. На нравственное и политическое развитие Н. А., без сомнения, оказало сильное влияние вещее слово допевавшего свою лебединую песнь великого учителя — Грановского, но едва ли не большее еще влияние на дальнейшую его деятельность и направление имело то юношеское, бодрое настроение, которое охватило все, что было живого и мыслящего в России с воцарением Александра II. К этой светлой полосе русской жизни,

*Когда раскрывалась грудь надежде
И мечтам о счастье земном,*

когда не только юноши, но и старцы мечтали осуществить

Святые бредни юных дней,

относится начало карьеры Н. А.

Как раз в эту грозную, но памятную весну 1855 г. Белоголовый сбрасывал с себя студенческий мундир, чтобы надеть сначала казенный мундир городского врача, а затем вскоре сменить этот мундир на toga virilis русского убежденного, вольнолюбивого гражданина, образ которого стал обрисовываться в это время в туманной перспективе будущего и энергиею которого созидались и сохранялись все культурные приобретения последующего времени.

По окончании курса в университете Н. А. отправился на родину, где вскоре получил место иркутского городского врача. Даровитый врач, внимательно следящий за движением науки, гуманный, общедоступный, бескорыстный, безукоризненный блюститель всех требований медицинской этики и с независимым характером — находка и не для Иркутска, а потому Белоголовый сразу занял видное и почетное место, импонируя как всемогущей администрации, привыкшей к раболепству, так и местному обществу, привыкшему дотоле уважать только деньги и власть. Вскоре по вступлении Н. А. на обще-

ственное поприще стали обнаруживаться по окончании Крымской войны первые проблески пробуждения России от 30-летней спячки и первые признаки предстоящей отмены крепостного права и дезинфекции общественной атмосферы. Отдаленные отголоски начинавшегося общественного пробуждения чрез журналы и устную молву стали доходить и до далекой Сибири, и здесь университетская молодежь не менее радостно, нежели в коренной России, приветствовала занимавшую зарю освобождения.

Белоголовый, всегда живо интересовавшийся литературой и журналистикой, всегда горячо принимавший к сердцу общественные интересы, с восторгом пошел навстречу зачинавшемуся общественному возрождению. Как ни мало оставляли досуга ему его официальные обязанности и практика, как ни плохо подготовлена была в сибирской глуши 50-х годов почва для общественной самодеятельности, Белоголовый своим убежденным словом и благородным характером умел расшевелить косность своих товарищей по профессии, и в Иркутске образовался медицинский кружок, который обсуждал научные медицинские вопросы, а также вопросы медицинской этики. Как известно, к этому же времени относятся первые печатные разоблачения классических злоупотреблений общерусской и сибирской администрации. Об одном из них, касавшемся чиновника особых поручений Молчанова, появилась корреспонденция в «Колоколе».

Введенный в заблуждение, Герцен опроверг впоследствии сообщенное известие. Нужно вспомнить о том чрезвычайном авторитете, каким пользовался в то время «Колокол» в высших сферах, чтобы понять ликование друзей Молчанова. Они уже считали победу окончательно на своей стороне, но тут вступил в дело Белоголовый. Никогда не знавший Герцена, он поехал к нему за границу и с документами в руках доказал ему, что введен друзьями в заблуждение. Вот с каким участием и жаром относились люди того времени к общественным вопросам!

В конце 50-х годов Белоголовый поехал в Москву держать экзамен на доктора медицины. В это время дела отца его расстроились. С очень ограниченными средствами Н. А. поехал после экзамена за границу писать диссертацию. Диссертацию писал он два года, терпя сильную нужду. Выбирая самое дешевое место, он остановился на о. Рюгене на Балтийском море. Здесь он нанимал угол в лавке мелочного торговца и, занимаясь составлением диссертации, в отсутствие хозяина должен был принимать покупателей. В 1862 году появилась его диссертация в Москве под заглавием: «О всасывании солей кожею». После блестящей защиты диссертации Н. А. намере-

вался вернуться на родину, но Боткин и др. уговорили его остаться в Петербурге.

С половины 60-х годов до 1881 г. Белоголовый жил в Петербурге, выезжая ежегодно за границу на несколько месяцев с неизменной спутницей, женою своею Софьею Петровною, для отдыха и освежения. С самого начала Н. А. занял в Петербурге одно из первых мест в медицинском мире, где общепризнанное первое место занимал великий С. П. Боткин. Это первенство известного во всей Европе клинициста не положило ни малейшей тени на их взаимные дружеские отношения. Белоголовый был и остался до конца жизни самым горячим поклонником своего даровитого друга и после смерти его написал лучшую его биографию, появившуюся в сборнике Павленкова «Жизнь замечательных людей»⁴¹. Боткин в свою очередь необыкновенно вы-

⁴¹ В биографии Боткина, написанной Белоголовым, имеется не одна меткая характеристика его альтер эго Боткина, вполне применимая и к Белоголовому. Сравнивая Боткина с теми клиницистами, которые смотрят на больных как на безжизненный терапевтический материал, Белоголовый пишет: «В противоположность этому Боткин был воплощенная человечность и доброта: он так мягко и участливо обходился с больными, с такою искреннею сострадательностью проникался их страданиями, что одними этими врожденными своими качествами приобретал неограниченное доверие больных, причем такая естественная гуманность, чуждая всякой сентиментальности, оказывала прекрасное воспитательное действие на слушателей, неизбежно привыкавших даже в внешних приемах подражать обаятельной личности учителя, и делала его клинику при всех прочих его медицинских достоинствах самою образцовою школою для будущих врачей». «Не только добросовестная точность и напряженная внимательность, с какими Боткин исследовал больного, — говорит в другом месте биограф его, — и его приветливая внешность, сквозь которую ярко просвечивалась необыкновенная человечность, искреннее участие к страждущему и еще более искреннее желание помочь ему делали из него идеального врача производившего на всех, обращавшихся к нему, зачаровывающее впечатление и убежденность, что если возможно исцеление от серьезного недуга, то только при содействии Боткина» (См. С. 29 и 39 брошюры Белоголового. С. П. Боткин, его жизнь и деятельность). Многочисленные пациенты Белоголового, навсегда сохранившие в сердце его благородный образ, без сомнения, согласятся, что приведенные черты точно списаны с него самого (См. мои воспоминания о Н. А. Белоголовом в собрании его сочинений). Какой получается контраст, если сопоставить эти простые, безыскусственные, полные задушевности приемы Боткина и Белоголового с тем полубалаганным, полумистическим сложным ритуалом, каким обставляют свое торжественное и à la lettre драгоценное появление у постели больного

соко ценил дарования, познания и высокие душевные качества Белоголового, и по некоторым отделам медицины он открыто ставил его выше себя. Какую этической красотой и классической простотой отзываются эти полные взаимной нежности и уважения отношения двух медицинских светил, в таком привлекательном свете рисующие их обоих, особенно в наше время ожесточенной вражды медицинских светил во имя личных и меркантильных соображений!

С первых же лет практики Белоголовый имел в Петербурге громадный успех и приобрел обширный круг пациентов во всех слоях общества. Своею быстрою популярностью он был обязан не только своему выдающемуся таланту чрезвычайно проницательного диагноста и запасу солидных знаний, всегда неустанно и тщательно им пополняемому, но и верности своей строгим и благородным принципам медицинской этики, отошедшим у многих в область «забытых слов». Необыкновенная мягкость в обращении, редкое бескорыстие, простота и задушевность, чуждая всяких шарлатанских ухищрений, влекли к нему больных из самых разнообразных слоев общества и народа. Богатый и бедный, знатный и простолюдин шли к нему с любовью и доверием, зная заранее, что никакие инквизиторские расспросы, никакой торг о гонораре не ждут его у порога медицинской знаменитости. Принять всех желавших не было возможности, а потому по недостатку времени Н. А. поневоле приходилось ограничивать свои приемы. Но для безобидного решения этого щекотливого вопроса он употреблял по обыкновению самое простое, прямое и честное средство: он объявлял, что в такой-то день примет столько-то больных и затем принимал явившихся без различия общественного положения, а после того прекращался прием для всех без изъятия.

Враг ученого кумовства и nepотизма, в особенности когда жертвами его являются интересы науки и учащейся молодежи, Белоголовый обратил в 1869 году на себя общее внимание своей правдивой и исполненной гражданского мужества статьею по поводу печальной «полунинской» истории, жертвою коей было 20 исключенных с 4-го курса медиков⁴².

иные жрецы или шаманы современной московской медицины, ко встрече которых и больные, и близкие их готовятся задолго с трепетом, готовятся как к трудному искусству, совсем как у Островского семья в ожидании прихода грубо-мелочного самодура Кита Китыча. И это представители науки!?

⁴² История эта возникла в 1869 г. из-за того, что на место выбывшего за границу проф. Захарьина был назначен благодаря дружескому усердию Катковско-Баршевской клики, которой университет обязан был потерю незадолго перед тем

Всегда живо интересуясь литературно-общественными вопросами, Белоголовый стал в близкие отношения к прогрессивным литературным кружкам Петербурга и особенно к «*Отечественным Запискам*» времен Салтыкова, Некрасова и Елисеева. Он постоянно пользовал их как врач, а Некрасова лечил во время последней его болезни. Болезнь Некрасова он описал в особой статье, напечатанной в № 10 «*Отечественных Записок*» за 1878 г. О болезни же И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова он писал в «*Новостях*» и в «*Русских Ведомостях*» (см. сборник его статей, 3-е издание).

В отличие от своего великого друга Боткина, который, отдавшись всецело науке, ради нее забывал и себя, и семью, и общество, Белоголовый, будучи идеальным врачом-человеком, первоклассным терапевтом, внимательно следившим за движением науки, вместе с тем

известных профессоров Ф. И. Дмитриева и Б. Н. Чичерина, — отсталый профессор патологической анатомии Полуниин, представитель допотопной, точнее довириховской, медицины времен Рокитанского, Шкода (см. н. биографию Боткина). Чтобы замаскировать свою отсталость и невежество, наглядно обнаружившиеся при первых же шагах клинического дебюта Полуниина, благодаря вскрытиям трупов умерших больных, он прибег к оригинальному способу, неизвестному ни в одной европейской клинике, к канцелярской тайне: студенты не допускались при исследовании больного, скорбные листы писались ординаторами. Студенты отказались посещать лекции Полуниина, и Совет, не имев мужества сознать свою ошибку, уволил 20 студентов. Вот тут-то возмущенный Белоголовый напечатал в органе медицинского департамента, «Архиве судебной медицины и общественной гигиены», редактируемом Ловцовым, в назидание бывшим своим учителям сильную статью под заглавием «Клинический профессор Полуниин». В статье этой Белоголовый, между прочим, писал: «Московский университет, блистательно закончивший первое столетие своего существования, на рубеже второго как-то круто повернул с проложенного им пути и начал поражать такими странными приемами в среде своего Совета, что обратил на себя, далеко не в лестную сторону, общее внимание. Мы не беремся перечислять все «истории», повторившиеся в стенах Совета особенно в последние 2–3 года и доходившие до публики в отрывистых газетных сообщениях и перебранках, наполненных непонятными раздражением и злобою. Видимо было, что между профессорами идет глухая борьба, видно было, что вопреки естественному закону перевес клонится не на сторону молодой партии, предполагающей за собою движение вперед в умственном и нравственном обновлении университета, а на сторону партии стариков, чуждых и современному развитию науки, и реформативным стремлениям России и относившихся

всегда был и оставался «мирским» человеком, чутким гражданином, близко принимавшим к сердцу все очередные общественные вопросы, интересы литературы, народного просвещения, культуры и вообще все великие и тяжкие проблемы нашего века.

Начав свою общественную деятельность в разгаре преобразовательной эпохи, Н. А. до конца жизни оставался верен ее освободительному и просветительному знамени. В верности и твердом проведении в жизнь благодных и человеческих принципов этой замечательной эпохи Белоголовый никому не уступил бы, не исключая и самых видных официальных деятелей этой эпохи. Едва ли многие путем печати сделали больше для распространения и укрепления идей великих реформ, чем этот лишенный всякой официальной деятельности и публичной трибуны, стойкий, убежденный гражданин, кото-

к университету, как относится всякий старик к своему тепло насиженному углу, где он привык сидеть 25–35 лет. Наука далеко ушла вперед, а он все сидит и как огня боится всякой вентиляции, и каждая струя свежего воздуха кажется ему посягательством на его существование. Для постороннего человека все подробности этой борьбы скрыты внутри Совета и можно видеть только результаты ее: удаление с кафедр *лучших* свежих сил и отсутствие прилива новых талантливых ученых. До сих пор все истории в недрах Совета Московского университета проходили как-то мимо медицинского факультета, но вот пришла, наконец, и его очередь». Указав затем на назначение анатома-патолога Полунина для заведывания факультетскою клинкою, Белоголовый продолжает: «От одного этого назначения веет стародавним временем, когда профессора не стеснялись специальностями и по произволу меняли свои кафедры, когда клиническая профессура поручалась старейшему из профессоров в награду за долгую службу, как sineкура, способствующая *увеличению* их практики. Назначение Полунина показывает, что халатное отношение к науке в Москве еще не миновало, потому что братья анатому-патологу за чтение клинических лекций — *абсурд* и явный признак *неуважения* к науке, это то же, что пирожник взялся бы тачать сапоги, ну и начал тачать г. Полунин!» Разобрав клинические приемы Полунина, Белоголовый ясно доказывает, что студенты *не могли* ничему путному научиться у такого клинициста. Переходя от повода к истории к последствиям ее, Белоголовый упрекает Совет в неуманном отношении к студентам и в параллель к его суровому взысканию приводит только что пред тем состоявшееся постановление Совета Дерптского (ныне Юрьевского) университета, который за демонстрацию против проф. Валькера, доходившую до битья стекол, счел достаточным удаление двух студентов на одно полугодие и заключение в карцер 36 студентов («*Архив Судебной Медицины*», 1869. № 4, декабрь).

рый не только своим правдивым, внушительным и обворожительным, своею искренностью словом всегда умел, кстати, сослужить службу дорогим идеям, но и всею обаятельною личностью и праведною жизнью, даже в мелочах не отступавшего от строгих принципов человечности, был, так сказать, живым воплощением и пропагандою этих облагораживающих идей и принципов человечности. Этот всегда мягкий, до крайности снисходительный человек, готовый за ближнего положить душу, олицетворенный альтруизм делался непримиримым, когда речь заходила о принципах литературной и общественной частности. Дитя цельной героической эпохи, Н. А. более всего чуждался половинчатых людей или так называемых «складных душ», по выражению Салтыкова⁴³, старающихся угодить и нашим, и вашим. Как ни велики были у Н. А. любознательность, жажда к известиям об общественной жизни, но он предпочел бы скорее превозмочь свою страстную любознательность, чем, например, сделаться подписчиком, т. е. «соучастником» газеты, хотя бы и богато осведомленной, но не сочувственной для него по направлению. Это был вполне тот «читатель-друг», о котором мечтал Салтыков и который смотрел на подписку, как на своего рода нравственное сочувствие к изданиям, а не как на способ удовлетворения известной привычки-потребности. В наше откровенно-беспринципное время это покажется донкихотством, но да ведь в наше неподобное практическое время nous avons change tout ça, так как нынешними мудрецами доказано как $2 \times 2 = 4$, что

*Бесплодны все труды и бденья,
Бесплоден слова дар живой,
Бессилен подвиг обличенья,
Безумен всякий честный бой;
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и с ней*

⁴³ «Складные души», говорил Салтыков — явление не новое... Если вы видите человека, который мечется как угорелый между двумя враждебными лагерями и называет это метание мудростью, будьте уверены, это «складная душа»; если вы видите человека, который, называя себя пионером, не прочь иногда в сумерки покаяться с историографами насчет пионерских дел и называет это дипломатиею, будьте уверены, что это «складная душа»; если вы видите человека, который утверждает, что в иных случаях ломаная линия может быть короче прямой и называет это постепенностью в преуспейании, будьте уверены, что это «складная душа» (См. «Письма о провинции». Соч., II. С. 355).

*Безумны все желанья блага,
Святые бредни юных дней!..*

Весною 1881 г. по расстроенному здоровью Н. А. должен был покинуть Петербург. Отдав все свои физические и нравственные силы на служение ближнему, он, как все истинные альтруисты, забывал о себе. Убедившись, что расстроенные нервы не позволяют ему отправлять обязанности врача с обычным своим вниманием, рвением и преданностью больным, Н. А. оставил практику и поселился за границу, выбирая большею частию маленькие, но живописные швейцарские города около Лемана.

Но и вдали от родины он жил только ее духовными интересами: он внимательно следил за переживаемыми ею радостными и горестными событиями, всегда окруженный русскими газетами и журналами. В это время, а именно с 1884 г., он сблизился с графом М. Т. Лорис-Меликовым⁴⁴, с которым вполне сходилась в своих политических воззрениях. Н. А. изредка посещали друзья из России, где в его скромной квартире швейцарского захолустья⁴⁵ в Веве или в Лозанне все дышало просвещенным патриотизмом, неподдельною любовью к родине, где все говорило об исключительной преданности родным интересам русской свободы и просвещения этого не сломившегося под напором торжествующей действительности представителя либеральных принципов великой эпохи. Посильное служение им составляли цель и смысл остатка его жизни.

1892–1894 гг. Н. А. провел в Ницце, в скромном, но известном русском пансионе на вилле «Оазис», где некогда жили Герцен, Салтыков и др. И здесь, в этом царстве изящной неги и аристократического разгула, он успел сделаться средоточием образованных русских людей, живущих не одними интересами «кармана и желудка». Но где бы Н. А. ни находился, у подошвы ли величавого Монблана, на очарова-

⁴⁴ В *«Русской Старине»* 1889 г. Н. А. Белоголовый поместил очень интересное «Воспоминание о графе М. Т. Лорис-Меликове». Относясь с величайшим сочувствием к деятельности графа Лориса, Белоголовый, вообще скупой на похвалы, писал: «Россия лишилась в лице его одного из даровитейших, бескорыстнейших и преданнейших сынов своих и можно лишь искренно и не в оскорбление живущим *пожелать ей побольше таких*» (С. 38).

⁴⁵ Приглашая Белоголового в Ниццу, граф Лорис писал ему в Веве: «Я то и дело думаю о вас и мучусь за вас: ну, как вы проведете целые 8 месяцев одни в такой трущобе... Ведь в этом одиночном заключении разучитесь говорить» (См. н. сборник его статей).

тельном ли берегу знаменитого Ниццкого залива Ангелов, все помыслы этого подневольного абсентеиста-гражданина были направлены к далекой холодной отчизне и к еще более далекой ледяной родине — Сибири:

*Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно,
Но и там при блеске голубого моря
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни беззвездных,
Ни избушек этих сереньких, как туча,
Что же в них там сердцу дорого и мило,
И какая манит тайная к ним сила?..*

Редко когда доносились оттуда, из страны «плакучих берез», до Н. А. радостные вести, но как они его утешали!.. Оптимист в душе, он радовался, как дитя, и небольшому успеху земской школы, и толкам о возрождении женского медицинского образования, и распространению сельских библиотек и другим культурным успехам русского народа⁴⁶. Фанатически веря в свободу и просвещение, самонадеянные проблески распространения его, которому он и скудными своими средствами очень много негласно способствовал, приветствовал Н. А. бодрящим галилеевским: «E pur si muove», — считая якорем спасения для России возможно широкое распространение в народных массах науки и просвещения.

В годину народного бедствия, посетившего Россию в 1891–92 годах, Н. А. взял на себя тяжелую и неблагодарную инициативу сбора пожертвований в пользу голодающих среди этих пресыщенных барницкого сезона, сначала априори не могших допустить возможность голодания вообще и в богатой хлебом России в частности, а потом вскоре совсем охладевших к этому делу, как вещи *démodée*.

В 1894 г. Н. А. вернулся в Россию, как он выражался, для «медленного умирания». Здесь он поселился в Москве, в том историческом уголке ее, на Маросейке, где в доме Боткина жила Белинский, Грановский и перебивали все более или менее известные

⁴⁶ «Там вам в пороховом дыму, — писал мне Белоголовый в письме от 18 февраля 1892 г. из Лозанны, — не так заметно, как мне, и с высоты птичьего полета, что борьба со злом не совсем безрезультатна... Вот, например, завтра 19 февраля. Можно спорить, пожалуй, что экономическое положение мужика за эти 30 лет не улучшилось, но что это далеко уж не «святая скотина» и что сильно шагнул он к подобию человека — это неоспоримо».

московские литераторы сороковых годов. Умирание, к несчастью, началось очень скоро. Слегши в постель в начале 1895 г., Н. А. более и не вставал. Несмотря на продолжительные ужасающие страдания, Н. А. все время не покидало ясное настроение и невозмутимое спокойствие — как естественная награда честно прожитой трудовой жизни. Он более беспокоился о своих племянниках-сиротах, о ходивших за ним, чем о себе. Во все время болезни он не переставал интересоваться общественными делами. Еще за несколько дней до смерти ему читали последние номера газет и журналов, и официальная весть о предстоящем открытии женского медицинского института едва ли не последний раз оживила радостным блеском его потухавшие добрые глаза. Всего за неделю до смерти он беседовал с сибиряками о делах существующего в Москве общества для пособия учащейся сибирской молодежи и выражал сожаление, что не успел послать решенного пожертвования в 1000 р. в пользу только что учрежденного иркутского общества распространения грамотности среди народа.

Как ни тяжела была для ближайших друзей тяжелая картина медленного угасания этого редкого гуманиста, любвеобильного врача-человека, этого честно прожившего и верно послужившего своей родине деятельного гражданина, но в этой картине неостывавшего, до последнего вздоха, интереса к общественному делу было немало назидательного. Как все цельные люди, носящие на себе отпечаток духовного посвящения от великой освободительной эпохи 60-х годов, Н. А., познавший величайшие в жизни наслаждения — бескорыстную деятельность на поприщах альтруизма и науки, жил и умер, как герой гражданской доблести.

Потеря таких людей особенно чувствительна в наше беспринципное и бесхарактерное время, видевшее столько громких падений и с завистливую грустью вззирающее на эту чудную героическую эпоху нашего нравственного возрождения, давшее своим сынам такую мощь и такой крепкий нравственный закал. Невольно скажешь:

*Как часто с болью жгучей в сердце
Я близким очи закрывал,
Как часто цвет, лишенный солнца,
При мне печально увядал!
Я видел сломленные дубы
И счастье, смятое грозой...
О! дайте ж мне хоть раз увидеть,
Как тьму сменяет луч дневной!*

VIII.

Н. В. СТАСОВА

† 27 СЕНТЯБРЯ 1895 Г.

Было время, — и давно ли оно миновало? — когда единственное назначение русского гражданина видели, как свидетельствует Никитенко⁴⁷, в том, чтобы быть «солдатом, а не гражданином», когда Россия могла показать гниющему Западу на международном состязании лишь одно «сверканье стальнойю щетиною». Громадное культурное значение эпохи великих реформ заключается в том, что она оставила России учреждения или зачатки учреждений и начинаний, которые страна не без некоторой национальной гордости может показать цивилизованным народам. 20–30 лет тому назад никто не хотел верить в Европе, чтобы в России человек с деньгами мог быть осужден за доказанные преступления уголовным судом⁴⁸. Наш суд присяжных и новая судебная магистратура смыли с России упрек повального взяточничества в судах, и как ни далеки еще от совершенства наши суды, но русскому патриоту не приходится за них краснеть при сравнении их с европейскими учреждениями.

К числу таких культурных завоеваний последнего 30-летия относится также женское образование, разумною постановкою которого Россия может гордиться даже сравнительно с такою передовою странюю, как Франция.

Одною из ревностнейших двигательниц дела женского образования была скончавшаяся внезапно 27 сентября 1895 г. Надежда Васильевна Стасова, женщина редкой энергии, выносливости и выдержки. Она способна была выдвинуться не только у нас, где и мужчины при первом сопротивлении и неудаче привыкли, по выражению Салтыкова, «таять и обращаться в сырость», но даже и в странах более свободных и более поощряющих личную энергию.

Н. В. принадлежала к известной семье Стасовых, выдвинувшихся на разных поприщах. Она родилась 12 июня 1822 г. и имела крестною матерью императрицу Елизавету Алексеевну, супругу Александра I. Принадлежа по рождению, как дочь придворного архитектора, к привилегированному классу. Надежда Васильевна (кстати, имя Надежда было дано отцом, которому тяжело жилось и который возлагал надежды на новорожденную) получила «блестящее» воспитание в духе николаевского времени, которое, заранее предопределяя по рожде-

⁴⁷ См. «Дневник», I. С. 45.

⁴⁸ См. ниже, §А. Ф. Кони.

нию и сословию каждому подданному свое место и «тягло» в обществе, «муштровало» физически и нравственно соответственно предстоящей сословно-профессиональной повинности. Так как Н. В. по своему общественному положению, как «благородная», имела повинностью поставлять не только «счастье семьи», но и «удовольствия общества»⁴⁹, то соответственно этому данное ей воспитание ничего не оставляло желать с точки зрения эстетической. Музыка, пение, декламация, живопись и, конечно, танцы. Одну половину своих повинностей Н. В. выполнила аккуратно, долго кружась в «вихре света», но другая половина задачи — «счастье семьи», ею не была выполнена. В 50-х годах постигло Н. В. крупное личное несчастье, но оно ее не сломило.

Сильная, богато одаренная натура Н. В. при других обстоятельствах, быть может, впала бы в мистицизм или разочарование, постигнув пошлость, пустоту и мишуру постылой светской жизни и, как Татьяна, отдать была бы

*...рада
Всю эту ветошь маскарада
За полку книг и пр.*

Книг? каких книг? Конечно, тех книг для развлечения и томного мечтания, которыми исчерпывался весь кругозор дореформенных кисейных барышень.

Но тут на счастье Н. В. и русского общества как раз наступило благодатное время освободительной эпохи 60-х годов, звавшее всех, в ком светилась искра Божия, на дружную общественную работу, на служение народу, сбрасывавшему с себя узы векового рабства:

⁴⁹ Девицы, не умевшие грамотно написать письма, учились в дореформенное время декламации на трех языках, и вообще они обучались не наукам, а стратегическим и тактическим уловкам «страсти нежной», усваивая в учебных заведениях внешние качества, кои, как гласит официальная инструкция, стараются в них развивать «ввиду трудности пристраивать девиц с целью привлечь к ним *внимание* мужчин» (См. Е. Лихачева Материалы для истории женского образования в России 1828–1856 годов. С. 149). Воспитание благородных девиц велось приблизительно по Ростовцевскому наставлению для кадетских корпусов (Там же. С. 139); мешать «благородных» с купеческими дочерьми или с поповскими отнюдь не дозволялось (Там же. С. 17). Поповским дочерям женихи более или менее обеспечены, благодаря их легальному приданому, а потому задачей женских духовных училищ ставилось, чтобы они воспитывали «истинных христианок, способных составлять приятное для мужа общество» и тем отвращать сельское духовенство «от рюмки» (Там же. С. 148–149).

*Оплот коснения и порчи сокрушен,
На свет, на Божий свет скорее выходите!
Граждане новые! привет вам и поклон,
Бог помощь, братья, вам, Бог помощь в новом бытие!*

Началась та воодушевленная, бескорыстная работа образованной молодежи с «кающимся дворянином» во главе, которая, стирая различие сословий и пола, звала всех честных людей на исцеление застарелых язв рабовладельческой России, пропитанной жесткостью и опутанной невежеством.

По полу своему Н. В. могла быть, согласно традициям, «царицею и рабою», но отнюдь не общественной деятельницею. Но великое освободительное движение пробудило и русскую женщину, обратив на пользу народа и человечности богатые дары ее инстинктивного альтруизма и любви к правде.

*La Vérité combat pour s'ouvrir un chemin,
Et je ne prendrais pas parti dans ce grand drame?
Quoi! ce coeur qui bat là, pour être un coeur de femme,
En est-il moins un coeur humain?*

Благое освободительное движение 60-х годов, приведшее к освобождению или, как тогда выражались, эмансипации крестьян, поставило на очередь и эмансипацию женщины от гнета домостроевских традиций и приобщение ее к общечеловеческим культурным интересам. Отбросив в сторону известные своею нелепостью учебники, «приспособленные к женскому образованию» и излагавшие науку, — рассудку вопреки, наперекор стихиям — в виде рассиропленных моральных сентенций, способных вызвать тошноту, — русская женщина из куколки институтской невинности, из жеманной полуидиотки стала превращаться в обыкновенного неискалеченного, развитого человека, которому ничто человеческое не чуждо. Трудный, но верный путь к обращению рабы в человека лежал в учении. И русская женщина под влиянием увлекательной проповеди передовых мыслителей эпохи — Чернышевского, Писарева и др., стала много и прилежно учиться: во-первых, для себя и, во-вторых, чтобы учить других. В числе таких взрослых учениц была и Н. В.

Начав под сорок лет свое полное перевоспитание, Стасова отдалась с начала 60-х годов беззаветному служению на пользу ближнего и в течение 35-ти лет до преклонных лет всеми силами души служила знамени просвещения, несмотря на многочисленные мелкие и крупные трудности, коими обставлена была ее благородная служба

на пользу родины. Это было время «медового месяца» честного служения интеллигентной русской молодежи народу. С жаром и гражданским воодушевлением, которого наше время даже и понять не может, не то что испытать, в каком-то «бешенстве любви к ближнему», — по выражению Дюма, — рвалась она на просвещение народа в только что заведенных воскресных школах. Стасова была одною из первых пионерок этого святого дела, которому она отдалась с тем энтузиазмом и настойчивостью, составлявшими отличительные черты ее характера, черты столь редко встречающиеся в русском характере, а потому особенно ценные. Сколько ценного и прочного добра можно было создать, пользуясь этим богатырским подъемом духа среди учащейся и вообще образованной молодежи!? Не то вышло на деле. Воспользовавшись случайными промахами, враги этого великого начинания так искусно подкопались под него, что благое дело народного просвещения по проискам крепостников и апостолов народного невежества — гр. Панина, М. Муравьева и Ко — отцвело, не успевши расцвести: воскресные школы, в том числе и Василеостровская, в которой учила Стасова, были закрыты.

Неудача не сломила, однако, энергии Н. В. Она нашла другое приращение. Ознакомившись во время заведывания воскресными школами с крайне невысоким уровнем общего женского образования⁵⁰, она с этих пор поставила целью своей жизни способствовать возможно большему распространению женского среднего и высшего образования как основы для женской эмансипации и правильной постановки женского труда. Благодаря добрым усилиям прогрессивной журналистики 60-х годов среднее женское образование в несколько лет сделало громадные успехи. В то время как в развратной наполеоновской Франции забитое женское молодое поколение прозябало в суевериях, прививаемых ханжами-монахинями, и весь круг жизни его исчерпывался более или менее утонченным культом амурных тонкостей или двусмысленными пошлостями флирта à la demi-vierge, — для русской женщины открывались всесословные или, скорее, бессословные женские гимназии, положившие первые основания для

⁵⁰ Еще в пятидесятых годах при Николае I лучшие педагоги указывали, что «настоящую цену имеет только то специальное образование, которое зиждется и укрепляется на твердом основании общего» (см. н. с. Лихачевой. С. 135). Грановский говорил, что инструкция для преподавания истории (в жен. учебн. зав.) такова, что по ней нет возможности ни проходить историю, ни писать для нее руководства. «Учение отрицало бы, — замечает Грановский, — современное знание и достоинство исторического знания» (Там же. С. 138).

гуманитарного общечеловеческого женского образования и, стало быть, для смягчения тех сословных предрассудков, которые имеют твердейший оплот в невежестве женщин, с его непреодолимым женским «fi, donc!»

Но Стасова хорошо понимала, что без высшего образования немислима разумная твердая постановка среднего, а потому она особенное внимание обратила на это дело, пропагандируя его пользу и необходимость везде, где могла. На содействие официального ведомства просвещения, во главе которого стоял реакционер гр. Д. А. Толстой, нечего было рассчитывать. Единственное высшее образовательное учреждение создано помимо и даже вопреки его воле, усилиями просвещенного военного министра Д. А. (ныне графа) Милютина.

Оставалось устроить высшие женские курсы на частные средства. Эта трудная и казавшаяся многим невозможным при нашей обычной общественной вялости и непредприимчивости задача была задумана и приведена в исполнение главным образом трудами нескольких достойных и энергичных образованных женщин, среди которых на первом плане фигурировала Н. В. Стасова.

С 1878 г. Н. В. стояла во главе управления петербургскими высшими женскими курсами. Необыкновенной любви к делу, неистощимой энергии и разносторонней, неустанной деятельности этой замечательной женщины обязано было помянутое молодое, но жизнеспособное учреждение тем, что оно, постепенно укрепляясь материально и нравственно, открыло многим поколениям русских женщин путь к благу просвещения. Ее такту, гуманности и распорядительности курсы обязаны тем, что увлечения представительниц женского молодого поколения, самого пылкого, отзывчивого и легко воспламеняющегося, проходили благополучно для курсов.

Не довольствуясь чисто педагогической стороною дела, Н. В. вникала и в личные нужды учащейся женской молодежи, большею частью принадлежащей к недостаточным классам, и была самым деятельным членом Общества для доставления средств высшим женским курсам. Труды и заботы Н. В. получили достойное завершение, когда курсы обзавелись своим собственным прекрасным домом, могущим служить и достойным памятником самодеятельности русских женщин вообще, и Стасовой в частности. Да и все дело высшего женского образования, которому усердно помогали немногие из мужчин, а противодействовали многие из них⁵¹, было делом рук женщин. «Са-

⁵¹ В числе сторонников высшего женского образования, к удивлению, фигурирует... М. Н. Катков (см. главу IV), который, впрочем, в данном случае, быть

мая мысль (о высших курсах), — говорит проф. Бекетов, — возникла среди женщин, они же ее осуществили, развили, укрепили и окончательно реализовали. Ими собраны денежные средства, ими выпрошено правительственное дозволение; они служили и до сих пор служат делу, не щадя ни средств, ни здоровья, ни душевной энергии»⁵².

Так создались петербургские высшие женские курсы, одно из лучших учреждений, призванных к жизни освободительной эпохой. Памятник упорного женского труда и деятельной любви к просвещению, курсы эти, неточно называвшиеся Бестужевскими, заслуживали бы наименования *Стасовских*.

Как ни очевидна польза высшего женского образования, как ни явны были плодотворные результаты его, оно висело на волоске в недавнее время смуты в понятиях, время, когда с легкой руки «мещерской» публицистики, извратились все очевидные истины и когда, говоря стихом Жемчужникова, вдруг стало неизвестно, «что глупо, что умно, что честно, что бесчестно». В это время господства публицистов, заменивших гражданскую скорбь об общем благе, «гражданинским» воплем попрошайек о подачках на... благородство и бедность, в это время провозглашения крепостнического лозунга:

*Что барщина честней свободного труда,
Что мрак невежества полезней просвещения,*

высшие женские курсы взяты были под сильное подозрение.

С 1885 г. курсы стали закрываться, а в 1889 г. Н. В. Стасова должна была покинуть дорогое дело.

Но и этот второй удар не сломил энергии и стойкости нашей примерной общественной деятельницы. Не занимая никакого официального поста, Н. В. все-таки до конца дней своих и, несмотря на свой преклонный возраст, до последних минут жизни продолжала служить делу женского образования и женского труда.

Упавшая 27 сентября на панели Литейного проспекта согбенная, полуослепшая 73-летняя старуха была неутомимая радетельница женского просвещения и интересов молодого женского поколения Н. В. Стасова, застигнутая апоплексическим ударом на пути при исполнении поручения по женским курсам.

может, не столько интересовался распространением высшего образования, сколько заботами о пропаганде своего любимого детища, грамматического классицизма.

⁵² «Новое Время», 3 октября 1891.

Несмотря на трудные времена, Н. В. ни на миг не впадала в уныние и была уверена в близкое наступление ясных дней для любимого ее дела:

*Мы жить еще хотим, – не жизнью молодою, –
Она для нас прошла, – но на закате дней
Мы жаждем, чтоб на нас повеяло весною,
Чтоб теплота влилась могучею волною,
К нам в душу и зажгла надежды пламя в ней.*

Беспримерные похороны, устроенные благодарною учащеюся женскою молодежью своей неутомимой попечительнице и неизменному, любящему другу показали, что семена, брошенные любвеобильною, щедрою рукою Н. В., пали на не менее любвеобильное, плодородное поле, согретое лучами многочисленных добрых простых женских сердец:

*Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных – то и знай!..*

Благодарность друзей женского образования к памяти великой подвижницы его, Надежды Васильевны Стасовой, будет расти по мере того, как будет расти и крепнуть это благое дело, для которого, по видимому, наступают более светлые дни.

Если чем красна была жизнь Н. В. в последние дни ее, так это редким утешением, которого лишены были многие другие благородные деятели великой эпохи реформ, утешением, что любимое дорогое для ее сердца дело, дело всей ее жизни – высшее женское образование, преодолев застарелые предрассудки обскурантизма и одичалого мракобесия, находится накануне возрождения и расширения.

Этой скромной, но самоотверженной труженице просвещения, этой бескорыстной, несокрушимой идеалистке дано было вкусить лучшую для человека идеи и долга награду: дожидаться момента, когда стали расходиться грозовые тучи, собравшиеся было над ее любимым делом и хоть отчасти сподобиться редкого, но заслуженного счастья среди предрассветной мглы...

*...солнце новое увидеть пред кончиной,
Сказать: «Оно идет!» и песнью лебединой
Из тьмы приветствовать пылающий рассвет.*

IX.

А. М. ФАЛЬКОВСКИЙ

† 3 ЯНВАРЯ 1896 Г.

В 1896 г. умер один из старейших и уважаемых московских адвокатов, присяжный поверенный, почетный член Московского юридического общества, Адам Михайлович Фальковский. Имя А. М. стояло в списке присяжных поверенных Московского судебного округа с самого открытия нового суда и учреждения сословия корпоративной присяжной адвокатуры, и с тех пор он пользовался вполне заслуженным уважением как в среде товарищей, так и во всем судебном ведомстве как один из самых добропорядочных и бескорыстных адвокатов.

А. М. Фальковский — воспитанник Московского университета времен Грановского. Математик по университетской специальности, А. М. — под влиянием общего гуманно-просветительного духа университетской науки, господствовавшего во время этого знаменитого воспитателя длинного ряда университетских поколений, во всем университете, без различия факультетов — рано заинтересовался социально-гуманитарными науками. Последующая практическая деятельность в старых московских судебных установлениях еще более сблизила А. М. с юрико-политическими вопросами. Один из немногих честных и образованных судей того времени, А. М. умел как бы предвосхитить будущий тип нового судебного деятеля, не ограничивающегося при исполнении своих обязанностей буквоедством и механическим усвоением на память статей действующего законодательства, но стремящегося к разумному изъяснению внутреннего смысла его, а также цели его отдельных институтов, согласно научным указаниям, данным истории и теории права.

Но настоящая научно-юридическая и разумная практическая судебная деятельность для Фальковского началась с введением Судебных Уставов и с возникновением того оживления в юридических науках, которое предшествовало их изданию. «Великие реформы минувшего царствования и в особенности судебная, — вспоминал в 1882 г. Фальковский, — возвысили у нас значение права и вызвали усиленную деятельность для дальнейшей теоретической и практической разработки его и, наконец, настоятельную необходимость в преобразованиях многих частей отечественного законодательства, сообразно с изменившимися условиями народной жизни»⁵³. Как

⁵³ Первый съезд русских юристов. М., 1883. С. 275–276.

раз к этому времени относится возникновение (см. выше главу XVII) первого русского Юридического общества, московского. Вступив в состав его одним из первых, Фальковский до самой смерти своей являлся одним из его самых неутомимых и деятельных сотрудников, не пропуская в течение почти тридцати лет ни одного заседания. В течение многих лет он отправлял обязанности секретаря Общества и даже по сложении официального звания секретаря А. М. де-факто был и остается тем, что французы называют *secrétaire perpétuel*, т. е. самым усердным деятелем и неизменным хранителем традиций общества. Чередовались поколения в Юридическом обществе. Период кратковременного оживления сменялся временем продолжительной апатии, когда большинство членов безучастно носило номинальное звание членов, и лишь один А. М. не забывал свои понедельники, свое насиженное место в круглой правленской зале университета в конце длинного стола и как бессменный страж науки права и хранитель добрых традиций человечности всегда был налицо и возвышал голос в пользу неизменно чтимых им святых начал Судебных Уставов.

Не довольствуясь участием в заседаниях Юридического общества и сообщением ему многочисленных докладов, Фальковский почти десять лет редактировал орган общества «*Юридический Вестник*», не только безвозмездно неся редакторские обязанности, но и принося при своих ограниченном материальных средствах очень значительные пожертвования для покрытия дефицита журнала.

Всегда близко принимая к сердцу научные интересы и начинания Московского юридического общества, А. М. с большим рвением отнесся к возникшей в начале 70-х годов мысли о созыве первого съезда русских юристов. Мысль эта, встреченная скептически в некоторых петербургских юридических сферах, тем не менее была осуществлена 5 июня 1876 г. после продолжительных подготовительных работ, в коих А. М. принимал деятельное участие. Будучи избран первым секретарем съезда, А. М. нес огромный труд по редакции протоколов съезда. На съезде он докладывал совместно с М. П. Соловьевым обширный реферат: «Об издании гражданского уложения Российской Империи с изложением причин необходимости отмены местных сводов гражданских узаконений, и указанием основных положений, могущих служить к объединению в России гражданского права».

В течение 1877–1886 гг. Фальковский занимал в Московском университете кафедру гражданского судопроизводства, причем, само собою разумеется, выступал самым искренним и убежденным поборни-

ком гуманно-либеральных основ судебной реформы, культ которых он старался внушить и своим слушателям.

Не обладая качествами, которые создают громкую или крикливую ораторскую известность, Фальковский, чуждый всегда и всяких стяжательных маневров, никогда не располагал обширной практикою, хотя он был из числа первых немногочисленных присяжных поверенных, приписавшихся к московским судебным установлениям. Верный правилам адвокатской этики, не прерывая никогда связи с юридическими науками, А. М. всегда был желателен и приятен для товарищей как благодушный и честный противник, для суда — как добросовестный искатель истины, надежный пособник судей.

В сословных делах А. М. всегда стоял за принципы свободной самодеятельности и посильно боролся против нездоровых течений последнего времени, вызванных междуплеменной враждою и уменьшением адвокатского заработка. Чуткий к интересам молодежи, Фальковский в качестве руководителя всегда принимал самое горячее участие в существовавшей в Москве (до 1891 г.) организации помощников присяжных поверенных, имевшей целью знакомить стажеров с традициями адвокатуры и принципами профессиональной деятельности, а также давать им и необходимую практическую подготовку. Г. Фальковский был из числа тех, которые боролись против новых крайне стеснительных правил о помощниках присяжных поверенных (впоследствии отмененных сенатом) и которые ратовали за сохранение и развитие старой корпоративной организации. Но голос ветерана адвокатуры не был услышан, и организация, с трудом создававшаяся долгими усилиями, как известно, была уничтожена вся без остатка в видах сокращения конкуренции и к явному ущербу для правильного развития адвокатского сословия. Этот прискорбный факт, составляющий лишь один маленький эпизод в длинном ряду других ненормальных явлений в жизни нового суда, свидетельствующих об ослаблении энергии в наше время,

*Где то, что прежде создавала
Живая мысль, идет пока
Как бы снаряд, идущий вяло
И силой прежнего толчка*

все-таки не поколебал у старого носителя добрых традиций корпоративной адвокатуры веры в ее благородные принципы и в лучшую будущность для нее.

X.

А. Д. ШУМАХЕР

† 31 ДЕКАБРЯ 1897 Г.

И без того уже столь поредевшие ряды деятелей преобразовательной эпохи потеряли еще одно звено. Как раз под новый 1898 г. скончался на 78-м году сенатор Александр Данилович Шумахер, сверстник, единомышленник и соратник Н. Милютина, Арцимовича, Зарудного, Грота и других деятелей великой эпохи реформ, вынесших на своих плечах всю тяжесть очищения и обновления столь запущенного правительственного строя России. А. Д. окончил курс в Московском университете в 1841 году и тогда же поступил в хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. Большую часть своей службы и лучшие свои годы он отдал этому учреждению, где он приучился усердно работать и уважать начала самоуправления в школе знаменитого деятеля Н. А. Милютина.

С уходом его А. Д. занял пост директора департамента в 1859 г. и тогда же примкнул к передовому кружку, считавшему необходимыми после севастопольского грозного урока всесторонние реформы. Но пока на очереди стояла великая крестьянская реформа, все другие отступили на задний план. С начала же 60-х годов, когда приступлено было к подготовке общих реформ, А. Д. Шумахер всецело отдал себя на тщательную обработку городского самоуправления. Не повторяя здесь сказанного выше в XIV главе, посвященной этому вопросу, заметим только, что главный труд по выработке и проведению Городового Положения 1870 г. пал на А. Д. Для судеб этого преобразования, несколько запоздавшего, было счастливою особенностью то обстоятельство, что реформой руководил не П. А. Валуев — почитатель половинчатых и неискренних мероприятий. В отличие от других реформ городская избежала расслабляющего и расшатывающего влияния этого много обещавшего на словах «либерала-соловья». Как выработка, так и проведение Городового Положения 1870 г., которое впервые ввело независимое от администрации самоуправление, и громадное значение коего уясняется лишь из сравнения с предшествовавшим и последующим Положением 1892 г., находились в руках искреннего сторонника самоуправления Шумахера. Благодаря этому городская реформа сравнительно с другими шла ровнее и без тех толчков и коллизий, которыми ознаменовались первые шаги земской, цензурной и судебной реформ.

С 1879 г. Шумахер заседал в I департаменте сената. Хранитель законов вообще, — значение этой функции сената особенно важно, когда

борющимися сторонами являются не частные лица, а органы нашего слабого самоуправления, с одной стороны, а с другой — столь сильная властью, влиянием и средствами воздействия администрация. Если начатки нашего слабоорожденного самоуправления не совсем заглохли во времена еще столь недавней резкой и могущественной реакции против основ его, то этим оно обязано строгим, правдивым и мужественным блюстителям законности вроде Шумахера.

С 1893 г. после смерти его друга Арцимовича А. Д. вступил в качестве старшего сенатора в отправление обязанностей первенствующего члена I департамента. Он с твердостью и достоинством отправлял почти до самой смерти эту трудную обязанность, оставаясь верным тем гуманно-просветительным началам законности, равноправности и человеколюбия, которым предался смолоду и остался верен до гробовой доски. Он служил этим началам не только в те краткотечные периоды, когда все у нас окрашивалось в цвет приторного гуманизма и фальшивого либерализма, но и в те трудные времена человеконенавистничества,

*Когда свободно рыскал зверь,
А человек бродил тугливо...*

Один за другим покидают свои сторожевые посты старые стойкие хранители дорогих освободительных гуманных начал, завещанных традициями времен Белинского и Грановского. Невольно сжимается сердце при виде гроба этих старых и неутомимых ветеранов бестрепетного служения долгу, невольно шепчут уста:

Есть ли там смена? Прощай!

XI.

Е. П. СТАРИЦКИЙ

† 31 МАЯ 1899 Г.

19 февраля 1893 г. исполнилось двадцать пять лет со дня введения на Кавказе в действие Судебных Уставов императора Александра II. В этом отношении нашей южной окраине сначала очень посчастливилось. Благодаря энергии Е. П. Старицкого и др. уже 22 ноября 1866 г. состоялось Положение о применении Судебных Уставов к Кавказскому краю, самое же открытие новых судебных учреждений Тифлисского округа имело место 19 февраля 1868 г. Таким образом, новый суд был открыт на Кавказе раньше казанского, саратовского, одесского и других европейских судебных округов.

Но раннее введение на Кавказе судебной реформы имело и свои неудобства. Она подверглась весьма существенным урезкам и изменениям, из коих самое главное была отсрочка введения суда присяжных и вообще устранение из уголовного суда народного элемента⁵⁴ даже в виде сословных представителей, существовавших прежде на Кавказе. Однако гуманные и просветительные начала судебной реформы так велики и наглядны, что введение ее на Кавказе, даже в значительно урезанном виде, имело огромное значение для культурной миссии России в Азии. Если открытие гласного суда в самой России произвело и должно было произвести на общество необыкновенно сильное впечатление, то легко представить, какому диву должны были даваться разноплеменные народы Кавказа, увидевшие впервые отправление суда скорого, правого и равного для всех. Даже не понимая языка, на котором совершалось судоговорение, население собственными глазами могло убеждаться, что это не то, что прежняя тайная административная, часто «своеручная» расправа.

Если про русскую дореформенную администрацию говорят, что она была «все во всем», то с большим еще правом характеристика эта применима к кавказской дореформенной администрации, пред которою частью де-юре, главным же образом де-факто было совершенно бесправно местное население, третируемое вдобавок *en canaille* цивилизаторами-взяточниками. Если старую русскую судебную процедуру сравнивали с паутиною, сквозь которую свободно проскакивали шмели и в которой вязли только мелкие мухи, то тем более применимо было это уподобление к кавказской юстиции, огражденной от контроля, помимо канцелярской тайны, и отдаленностью от административных центров. Вот почему открытие гласного суда произвело необыкновенно сильное впечатление на восприимчивых впечат-

⁵⁴ История кавказской судебной реформы а *contagio* имеет значение и для внутренних губерний. На этот поучительный смысл ее истории верно указал петербургский «Журнал гражданского и уголовного права». Отметив незавидное положение юстиции кавказского коронного суда, журнал говорит: «Таковы результаты действия органов *бесприсяжного* суда, в котором новейшие мудрецы видят якорь нашего будущего спасения от беззакония, преступлений и всех прочих зол нашей жизни»... При той *розни* между юстициею и населением, говорится далее, которая существует на Кавказе и совершенно обессиливает правосудие, в высокой степени важен был бы в интересах государства суда и населения опыт в форме присяжного суда; к сожалению, добавляет журнал, настроение настоящего времени не позволяет и мечтать о возможности чего-нибудь подобного (см. № 10 за 1892. С. 92).

лительных южан, которые толпами валили в заседание судов и разносили в самые глухие углы Кавказа весть о невиданном и неслыханном дотоле «новом» гласном суде.

«Суд, основанный на твердых началах, независимый от внешних и случайных влияний и пользующийся общественным доверием, есть, по справедливому указанию покойного проф. Н. К. Соколова, без всякого сомнения одно из величайших благодеяний, какое только может доставить государство своему гражданину». Это замечание применимо и к кавказской судебной реформе, несмотря на все ее громадные недостатки и недочеты. Реформа эта составляет эпоху в истории насаждения русской гражданственности на Кавказе. В предшествовавшие эпохи русская власть далеко не всегда являлась носителем высшей культуры (достаточно указать на введение крепостного права, телесных наказаний); в данном же случае созданные ею учреждения слишком наглядно поражали всех своими достоинствами и преимуществами, чтобы они не подняли в глазах туземцев истинного престижа русской власти и не увеличили к нему любви и доверия. Надо однако сказать, что в течение истекшего двадцатипятилетия кавказские суды далеко не вполне оправдали все возложенные на них надежды. Причины этого явления частью те же, что и во внутренних губерниях, частью местного происхождения. Крайняя медленность, господство бумажного производства в апелляционной инстанции, недоступность для населения судебного языка, отсутствие в суде живого народного элемента и вообще отдаленность судов от населения поколебали значение новых судов, хотя, впрочем, они и поныне пользуются несравненно большим доверием населения, нежели прежний «русский суд», которого кавказцы избегали, как чумы.

Но как бы то ни было, Кавказ уже 25 лет пользуется хоть отчасти благами судебной реформы и с признательностью вспоминает имена лиц, коим он обязан этим благодеянием. В числе этих имен на первом плане произносится имя известного кавказского деятеля, члена Государственного совета, сенатора *Егора Павловича Старицкого*⁵⁵.

⁵⁵ По поводу кавказского судебного юбилея одна из тифлиских газет писала: «Народы Кавказа, быть может, не так бы скоро увидели судебную реформу, если бы за шесть лет раньше ее введения, а именно в 1863 году, не последовало благодаря Е. П. Старицкому открытия межевания на Кавказе *и гласного суда по межевым делам*, которые таким образом за три года предварили введение судебных уставов 20 ноября 1864 г. в империи. Межевые суды на Кавказе, а именно межевые комиссии и закавказская межевая палата, дали блестящий

Старицкий принадлежал к числу самых крупных и убежденных деятелей преобразовательной эпохи 60-х годов. С его именем неразрывно связано применение к Закавказскому краю великого освободительного акта 19 февраля и в особенности открытие новых судебных установлений. Примыкая по родственным и дружеским связям⁵⁶, по убеждениям и склонностям к незабвенным деятелям либеральной эпохи великих реформ, Е. П., воспитанник училища правоведения, с далекого Кавказа, куда его забросила судьба, подал ему руку, как только открылась в 50-х годах для людей с «сердцем и умом» возможность принять участие в обсуждении государственных вопросов.

В разных томах обширного «дела о преобразовании судебной части в России»⁵⁷ мы находим несколько записок г. Старицкого, из коих особенного внимания заслуживает одна: «*О недостатках дел действующего ныне уголовного судопроизводства и о применении предлагаемых преобразований к Закавказскому краю*»⁵⁸. Указывая на недостатки нашего старого дореформенного процесса, г. Старицкий дает такую характеристику старого суда: «Подсудимые содержатся под стражею целые годы

опыт возможности введения в нашем крае общего гласного суда. Первое публичное заседание межевой палаты было зимою 1863 года. Коридоры и все комнаты в доме Читахова на Головинском проспекте, в котором помещалась тогда межевая палата, были битком набиты народом. На улице стояла масса, которой не удалось проникнуть в здание. В зале заседания господствовала торжественная тишина, и видимо было, что все сидевшие в ней с умилением взирали на невиданное зрелище публичного суда, совершавшегося перед народом во имя царя, изображение которого на портрете давало чувствовать, что правда и справедливость гарантированы его невидимым присутствием. Тихим голосом доложил Е. П. Старицкий, бывший тогда председателем межевой палаты, первое дело, и после прений сторон вынесена была резолюция, по которой решился давнишний спор о земле, безнадежно тянувшийся в прежних судах. Ничто не нарушало торжественного отправления правосудия, и лишь когда была прочитана резолюция по указу Е. И. В., один старик крестьянин перекрестился и, поклонившись перед портретом Государя, поднял руки к небу и взволнованным голосом произнес: «Да будет благословен наш Царь, наконец мы дождались суда праведного» («*Тифлисский Листок*», 1893. № 41).

⁵⁶ Он женат на сестре С. И. Зарудного, главного руководителя судебной реформы, и находился в самых задшевных отношениях с другим важным деятелем ее, Н. А. Буцковским (см. выше).

⁵⁷ См. опись этого дела в приложении к книге моей «Основы судебной реформы».

⁵⁸ См. т. XVII Дела о преобраз. суд. части в России. Материалы, № 9.

и потом оставляются в подозрении по недостатку формальных улики; самое наказание, определяемое по прошествии столь долгого времени, представляется уже не справедливым возмездием за преступление, а каким-то *вторичным истязанием* за вину, давно всеми забытую и давно искупленную самим преступником вследствие долговременного его томления в тюрьме и медленных переходах дела по всем степеням следствия и суда». Приводя многочисленные примеры дел, *не решенных* «за справками» по прошествии *12 лет* от начала дел, г. Старицкий продолжает: «Легко представить себе, какое влияние имеют подобные примеры на общественную нравственность и на степень доверия к правительству. Если томительная медленность и многосложность, составляющие отличительный характер нашего судопроизводства, кажутся столь тягостными для людей, знакомых с русскими учреждениями и к ним привыкших, то они представляются совершенно невыносимыми для туземцев Закавказского края. Сохранив воспоминание о прежних простых и естественных способах обличения преступника и немедленного его наказания, туземцы и в особенности мусульмане не могут примириться с ложными и медленными формами и обрядами нашего следствия и суда: неправильный приговор они поставили бы в вину судьям, медленность же и многосложность судопроизводства они ставят в вину правительству, считая его бессильным к открытию и наказанию виновных».

Переходя затем к плану судебной реформы, Е. П., между прочим, настаивает на необходимости для суда судить не по бумажному материалу, собранному судебными следователями, «решавшими, — по его верному замечанию, — участь подсудимого», а на основании внутреннего убеждения, получаемого *единственно* чрез непосредственный допрос подсудимого и свидетелей. Вследствие этого он решительно восстает против порядка, существующего ныне на Кавказе, а именно, против перевершения на основании бумажного материала в апелляционном порядке приговора, основанного на непосредственном личном знакомстве судей с обстоятельствами дела. Но дабы сообщить приговорам первой инстанции надлежащий юридический и нравственный авторитет, г. Старицкий, считая пока невозможным в то время (1862 г.) введение суда присяжных на Кавказе, предлагал усовершенствовать существовавший там институт *общественных представителей*, без которых суд не может внушить полного доверия.

«В настоящее время, — писал г. Старицкий, — в решении уголовных дел участвуют в губерниях Кутаисской, Эриванской и Дербентской одни члены губернского суда, а в Тифлисской и Шемахинской — члены уездного суда и судебной палаты. Из числа их *члены от сосло-*

вий, не зная русского языка и не будучи знакомы с многосложными формами письменного судопроизводства, подписывают то, что им представляют; члены от правительства, управляя каждый своею частью, не в состоянии изучить уголовное дело по документам и должны по необходимости верить в сем отношении докладу канцелярии или члена, заведующего уголовною частью; затем решение дела в сущности зависит от сего последнего члена, а он лишен возможности составить о деле правильное заключение, ибо обязан полагаться *во всем на следствие*. Из этого очевидно, как мало гарантии представляет в настоящем составе уголовного суда и порядке рассмотрения оным уголовных дел и как легко следовательно устроить уголовный суд на месте так, чтобы он в отношении личного состава представлял если не большие, то по крайней мере те же гарантии, которые представляют в настоящее время состав губернского суда или соединенный состав уездного суда и палаты. Для этого вполне достаточно к существующему составу уездного суда, заключающего в себе трех чиновников по определению от правительства, придать, с одной стороны, *выборных от сословий*, которые своим знанием местного языка и народных обычаев могли бы способствовать суду в разъяснении дела при словесном разборе и служить народу ручательством в беспристрастных действиях суда, а с другой стороны, одного из высших гражданских чиновников, который в качестве председателя руководил бы всеми действиями суда при словесном разборе и своим присутствием устранял бы влияние местных интересов и пристрастия.

«Подобные присутствия, — продолжает автор, — могли бы быть открываемы в каждом уездном городе в известные сроки, как, например, два раза в год. Заседания их могли бы продолжаться по мере накопления дел, по коим возникли и окончены следствия в течение полугода, и так как при введении словесного разбора в высшей степени должно упроститься и ускориться производство в суде каждого дела, то заседания в уезде каждого дела не могут продолжаться более двух или трех недель, в течение коих будут окончательно решены все дела, возникшие в предшествовавшее полугодие. Для введения этого порядка в Закавказском крае достаточно пяти высших гражданских чиновников по одному для губернии; каждый из них, будучи обязан открывать в каждом уезде срочные заседания два раза в год, должен будет употребить на это с разъездами около десяти месяцев и будет иметь два месяца для отдохновения. С своей стороны выборные от сословий будут в каждом уезде обязаны участвовать в решении уголовных дел не более шести недель в году и при установленном порядке словесного разбора будут в состоянии принимать *деятельное*

*и живое участие в разьяснении и решении дела. Как краткость времени, которое они должны жертвовать на служение общему делу, так и интерес их обязанностей могут служить ручательством, что обязанности эти охотно примут на себя лучшие из местных жителей, в особенности если исполнение сих обязанностей будет сопряжено с почетом и будет давать прослужившим известное время право на какое-либо отличие; они могут быть вызваны *присяжными членами* и могут послужить впоследствии к установлению *действительного суда присяжных*, в то время когда развитие народной нравственности и образование дозволят приступить к введению в крае сего последнего учреждения. Что касается до обеспечения правильности решения посредством установления лучшего порядка для рассмотрения уголовных дел и постановления приговора, то в сем отношении нельзя не убедиться, что предоставление уголовному суду права непосредственного передопроса подсудимого, свидетелей и прикосновенных к делу лиц и доставление подсудимому возможности представить пред судом на словах не только общую защиту свою, но и частные объяснения против каждого из свидетельских показаний и каждой приводимой против него улики, — представляет такие обеспечения, которые в сущности далеко превосходят все какие бы то ни было средства, предоставляемые к защите подсудимому письменною работою дела, рукоприкладством, ревизиею или апелляциею.*

«Наконец, — говорит в заключение г. Старицкий, — довершением обеспечения правильности решения уголовных дел может служить допущение в суд посторонних лиц, присутствие коих, с одной стороны, будет побуждать судей и всех чиновников к добросовестному исполнению их обязанностей и к приобретению всеобщего чрез сие уважения и ободрения, а с другой стороны, будет воздерживать их от всякого нарушения установленного порядка и от всяких притеснительных и противозаконных действий».

К сожалению, при применении Судебных Уставов к Закавказскому краю не был осуществлен первоначальный план г. Старицкого о привлечении народного элемента, что не могло не повредить полному успеху реформы на Кавказе.

Е. П. Старицкий принимал не только живое участие в подготовительных законодательных работах, но и в практическом осуществлении судебной реформы на Кавказе. В качестве первого старшего председателя Тифлисской судебной палаты и, стало быть, первого руководителя нового сложного дела Е. П. понес немало трудов и вынес немало столкновений и огорчений. Если и во внутренних губерниях нелегко было первым судебным деятелям применять на-

чала нового суда, правого, равного для всех и независимого от административного давления, то легко представить себе как велики были затруднения деятелей нового суда на Кавказе, где администрация издавна привыкла считать себя единственной, полновластной и бесконтрольной представительницей закона и государственных интересов. Только высокий нравственный авторитет, которым пользовался Е. П. на Кавказе, мог сохранить за тамошним судом ту небольшую долю самостоятельности, которая сохранена за ним законом. Несмотря на сильное ограничение судейской несменяемости, допущенное законом 22 ноября 1866 г., сколько нам известно, ни разу не было применено на Кавказе, пока во главе судебного ведомства стоял г. Старицкий, право наместника кавказского отрешать судей от должности без суда.

Любя новый суд всею душою, Е. П. принес ему беспримерную жертву, на которую способны только благородные и возвышенные натуры. Вынеся на своих плечах самый тяжелый первый период существования нового суда, спустя семь лет по открытии его, г. Старицкий добровольно сошел с *первого* места на *второе*, уступив должность старшего председателя департамента. Он надеялся этим редким актом личного самопожертвования облегчить условия существования другому учреждению. К сожалению, великодушный шаг Е. П. не принес желаемых последствий, и ему выпал неприятный, но обычный в таких случаях жребий убедиться, как мало поняли и оценили его благородный поступок многие, не исключая и того преемника, который ближайшим образом воспользовался плодами его великодушного поступка. Но зато в среде лучших кавказских судебных деятелей имя Е. П. чтится до сих пор свято и служит им могучим напоминанием о верном служении на этой отдаленной окраине России просветительным идеям нового суда.

С конца 70-х годов г. Старицкий перешел на службу в Петербург, в Государственный совет, в качестве члена его. Здесь пришлось ему исполнить, между прочим, труднейшую задачу по ликвидации интендантских счетов за последнюю войну и окончание расчетов казны с Николаевскою железною дорогою. Убежденный сторонник принципов судебной реформы, Е. П. с редким гражданским мужеством отстаивал их в 80-х годах при обсуждении в Государственном совете Положения о земских начальниках и др. законов, шедших вразрез с коренными основами судебной реформы. Он восставал против «напрасной *ломки* существующих, уже окрепших и доказавших свою пользу учреждений; против лишения местного населения таких Высочайше дарованных ему прав, которые ему особенно дороги и со-

хранение коих не противно государственным интересам». Но голос заслуженного ветерана судебной реформы не мог остановить стремительного похода, предпринятого против нее⁵⁹ гр. Д. А. Толстым. Хотя Старицкий давно уже покинул Кавказ, но смерть его была встречена выражением искреннего соболезнования со стороны местного населения и печати. Система травли и взаимного науськивания давно знакома кавказским жителям, но среди них находили сочувствие деятели, которые умели найти простую, но верную формулу согласования общегосударственных интересов России и безвредных для нее местных особенностей, верившие в истинно простое воздействие государства на окраины не системою ежовых рукавиц и фанатическим гонением вековых особенности народов, а распространением благ русской культуры. И, конечно, Старицкие и их единомышленники больше сделали для обаяния имени России, чем всевозможные виды быстрой административной расправы и скоропалительной механической русификации.

ХП.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

† 17 ОКТЯБРЯ 1889 г.

Самоотверженные заслуги и стойкое служение русской журналистики в крестьянском деле громадны и не раз были громко признаны. Только под влиянием журнальных статей и возникшей оживленной полемики стали уясняться для правительства и общества элементы крестьянского вопроса, составлявшие, по удостоверению предместника Н. А. Милютина, товар. мин. внутр. дел А. И. Левшина, истинную terra incognita⁶⁰. Только под влиянием журнальных статей стала шевелиться критическая мысль среди одичалых душевладельцев медвежьих углов, привыкших смотреть на крепостное право, как на освященную временем и церковным авторитетом неприкосновенную⁶¹, самобытную народно-государственную святыню, и тогда как

⁵⁹ См. сообр. члена Госуд. совета Е. П. Старицкого по проекту положений о земских начальниках. С. 3.

⁶⁰ См. Воспоминание Левшина в «Русск. Арх.», 1885, ноябрь, а также ср. выше II главу данные о крестьянских наделах.

⁶¹ «Огромное воспитательное значение для всех читающих журнал, — пишет бывший мир. посредник Крылов, — имела печать. Благодаря либеральной печати уменьшилась крепостная тяжесть: стыдились отнимать у крестьян дни, стыдились хвастать своею строгостью, которая переходила в жестокость. Главная же

меньшая, лучшая и небогатая, но образованная часть дворянства пошла рука об руку с правительством и передовым общественным мнением навстречу великой народной проблеме, большая же часть по тупости и невежеству делала всякие усилия, чтобы остановить проклятый вопрос и, считая печать главную виновницею его постановки, стремилась зажать ей рот⁶². Но наивные усилия апологетов крепостного права остановить движение вопроса, надвигавшегося с неумолимою стремительностью стихийного явления (без крепостного права, помилуйте, у нас некому будет пищу варить, — говорили иные помещики, считая этот довод неотразимым), не привели ни к чему и, несмотря на все горечи и неприятности, о которых наряду с К. Д. Кавелиным должен был вспоминать М. Н. Катков, русские журналы доблестно исполняли свой гражданский долг.

Журнальные статьи были единственным источником, из которого ошеломленные 100 000 полицеймейстеров могли черпать сведения о грозном вопросе, требовавшем от них ответа. Хотя раздражались, бранились помещики, но зачитывались журналами, и если не все 1500 членов губернских комитетов, то более добросовестные, образованные, желавшие разяснить себе дело, прежде чем подавать голос, могли уяснить себе элементы вопроса⁶³. В ряду влиятельных журналов того времени первое место и по распространенности, и по авторитету занимал «Современник», а в нем общепризнанное первенствующее место принадлежало и по общему влиянию, и по количеству, и по качеству статей неофициальному редактору, но фактическому руководителю журнала, знаменитому ученому, публицисту, критику и экономисту Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

заслуга печати та, что она возбуждала мысль, как приступить к делу освобождения и что именно надобно было для прочного существования порядка после освобождения крестьян на волю. Крестьяне на гласность смотрели так: «дело пошло на огласку, уж теперь господа его не скроют» (См. «Вестн. Европы», 1900. Май. С. 153–154).

⁶² В первом же заседании Симбирского губернского комитета депутат Шидловский, указывая на какой-то толстый журнал, где осмеивалось крепостное право и выставлялись злоупотребления помещичьей власти, предложил просить правительство об обуздании печати. Вышучивая это предложение, В. Н. Татаринов предлагал препроводить журнал губернатору и указать, что вот где корень зла, вот причина торопливых ожиданий крестьян. См. воспоминания Крылова (Там же. С. 155). Хотя Шидловского поддерживали крепостники, но предложение не прошло (См. н. книгу «Вестник Европы». С. 160).

⁶³ Там же. С. 154.

Сын саратовского соборного протоиерея, Чернышевский (род. 12 июля 1828 г.) первоначальное образование получил в доме отца, человека весьма образованного, начитанного и имевшего возможность дать свою библиотекою удовлетворение рано пробудившейся в сыне жажде к знанию и страсти к чтению. В 1844 г. поступил Чернышевский в саратовскую семинарию в класс риторики и уже в это время успел проявить рельефно все черты ума и сердца, которые с таким блеском обнаружались впоследствии. Он уже знал 7 западных и восточных языков, которые давались ему замечательно легко. В истории и философских науках он был настолько сведущ и так умно начитан, что был живым словарем не только для учеников, но и для учителей, из коих последние находили удовольствие в беседах не по годам развившегося гениального юноши. Рядом с необычайной силы умственными способностями и неистощимым трудолюбием (едва ли не один Чернышевский имел терпение впоследствии прочесть все Труды редакционной комиссии по крестьянскому делу и даже проверить ее бесконечные статистические материалы) шли теплота сердца, необыкновенная кротость и мягкость в обращении (в семинарском аттестате Чернышевского значилось: прилежания ревностного, поведения весьма скромного). Застенчивый, близорукий, сдержанный и ровный этот высокорослый «семинар» более напоминал скромную девушку, нежели обычного «героя» класса риторики⁶⁴. Не только в семье, но и среди товарищей и впоследствии всю свою жизнь он поражал своим ровным и мягким отношением ко всем. Ничто не дает такого яркого представления о величии души этого удивительного человека, как то, что он, несмотря на разразившуюся над ним тяжкую катастрофу, да притом в цветущую пору жизни, до последних дней сохранил почти детскую кротость, и никто никогда из его уст не слышал не только проклятия его врагам, которым, наверное, давно он простил, но и какую-нибудь жалобу на удары судьбы, естественную и не для человека *tantum nominis*...

В 1852 году Чернышевский окончил курс по филологическому факультету С.-Петербургского университета. Во время прохождения университетского курса он сблизился с кружком А. И. Введенского и под его влиянием предался изучению естественных и социально-экономических наук. После кратковременного учительства в Саратове, куда манила его родная семья, Чернышевский защищал в 1854 г. диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности».

⁶⁴ См. № 11 октября 1899 «Закаспийского обозрения», где по случаю 10-й годовщины смерти помещены были обстоятельная статья и хороший портрет.

Несмотря на блестящую, а, может быть, благодаря именно этому блеску, защиту, показавшую, что на литературном горизонте взошла новая звезда, достойная занять место Белинского, диссертация не была пропущена к печати министром Норовым и напечатана была лишь потом, в 1858 г.

С 1854 г. Чернышевский вошел в качестве литературно-ученого критика в состав редакции «*Современника*», и с тех пор он не расставался с журналом вплоть до заключения в крепость 7 июля 1862 г.

При тех стеснениях, какие существовали для печати относительно вопросов, так или иначе затрагивающих крепостное право не только при Николае I, но и в начале царствования Александра II, никто не смел заикнуться не только об отмене крепостного права, но и вообще об улучшении экономического быта крестьян. Но как только стало возможным с начала 1857 г. касаться разных сторон крестьянского вопроса, Чернышевский весь отдался ему.

Великий мастер в уменье выбирать темы на злобу дня, вопросы, заслуживающие общественного внимания в данную минуту, и поддерживать интерес к ним путем неподражаемой, горячей, остроумной, строго научной, но общедоступной разносторонней полемики, Чернышевский на сей раз бросил перчатку экономисту старой буржуазной школы Вернадскому. Будучи убежденным сторонником необходимости сохранения русского общинного землевладения, он начал полемику с специальным экономическим журналом «*Экономический Указатель*», издаваемым проф. И. Вернадским. Последний отнесся свысока к вызову молодого дилетанта (противники называли «*Современник*» органом мельчайших) и, будучи последователем фритредерства, высказался за уничтожение общины, в которой он видел тормоз для развития сельского хозяйства. Отсюда возгорелась продолжительная и в высшей степени поучительная полемика, не лишенная серьезного значения и для нашего времени ввиду повторения марксистами старых, давно опровергнутых доводов против общинного владения. В первой статье, написанной по поводу только что вышедшей известной книги Гакстгаузена («*Современник*» 1857, № 7), посвященной русскому земледелию, Чернышевский намечает схему тех положений, блестящим развитием коих в ряде последующих замечательных статей в течение трех лет он окончательно разбил наголову своих противников и оказал громадную услугу крестьянскому делу, склонив общественное мнение в пользу сохранения общинного владения.

Не разделяя вовсе мистической гордости славянофилов, считавших общину неведомым миру, самобытным изобретением одного

славянского гения, Чернышевский доказывал, что общинное землевладение, как выработанное самою жизнью, должно быть сохранено, пока оно само с наступлением новых экономических условий не признает целесообразным видоизменить или отменить эту патриархальную форму владения. Считая лишенным основания утверждение противников общины, будто она служит препятствием для развития сельского хозяйства и будто обязательно должно пройти форму частного владения, чтобы перейти в фазу усовершенствованного коллективного владения, Чернышевский доказывал, что община легко может миновать стадию частного владения и неизбежного с ним пролетариата. Считая по цензурным условиям невозможным касаться прямо крепостного права, Чернышевский, на основании книги Гакстгаузена, мимоходом показывает возможность с выгодой вести хозяйство при вольнонаемном труде. Окончательный свой вывод Чернышевский формулирует так: мы вовсе не расположены считать общинный дух каким-нибудь таинственным качеством, исключительно свойственным славянской или великорусской натуре. Мы просто полагаем, что вследствие исторических обстоятельств, надолго задержавших Россию в состоянии, близком к патриархальному быту, он сохранился у нас довольно неприкосновенным, между тем как исчез он из обычаев тех племен Западной Европы, которые более нашего участвовали в движении истории. Наша историческая неподвижность послужила источником многих бедствий; она — орган нашей малой образованности, нашей бедности, нашей лени и т. д. Но среди пагубных следствий есть нечто иное, становящееся ныне чрезвычайно важным и полезным. Экономическое движение в Западной Европе порождает страдания пролетариата. У нас сохранилось противоядие от болезни, и мы бы поступили очень нерасчетливо, если бы по нелюбви к патриархальности отступили от него.

Цель Чернышевского была достигнута. Статья произвела огромное впечатление. Она задела за живое многих, и в журналах появилось множество возражений. Об общине заговорили все, а это только и нужно было Чернышевскому. Не отвлекаясь партизанскою войною, Чернышевский сосредоточил мощь своей полемики против главного врага, Вернадского, говорившего как бы *ex cathedra* во имя европейской науки, отождествляемой часто с узкобуржуазными тенденциями Бастиа. Чернышевский выступил с двумя большими статьями «о поземельной собственности», в которых при помощи истории и статистики наглядно и с богатою эрудициею доказывает возможность преуспевания земледелия при общинном владении («Современник», 1875. № 9 и 11).

Проходит целый год, и Чернышевский, подобно Ахиллесу, удалившемуся в свою палатку, как будто забыл про затеянную им полемику. Наконец, в декабрьской книге «*Современника*» за 1858 г. появляется известная статья «Критика философских предубеждений против общинного землевладения», в которой на эзоповском языке при помощи излюбленной формы параболы Чернышевский поясняет причину своего молчания. На упрек Вернадского, что он напрасно взялся за обсуждение общинного владения, Чернышевский отвечает: «Я стыжусь самого себя. Мне совестно за безвременную самоуверенность, с которой я поднял этот вопрос. Этим делом я стал безрассуден, между прочим, стал глуп в собственных глазах». Чтобы понять его странное вступление, нужно вспомнить бурную историю вопроса о крестьянском наделе.

Когда в начале 1857 г. Чернышевский поднимал вопрос об общинном землевладении, то он исходил, разумеется, из того соображения, что крестьяне будут освобождены с землею, а иначе не из-за чего было и хлопотать. Но первые освободительные рескрипты 1857 г. показали, что правительство считало невозможным наделение крестьян землею, как потом при Ростовцеве считало невозможным лишение крестьян земли.

Первою статьею в русской печати, открыто поставившей этот жгучий вопрос о наделе и выпуске, была известная статья «О новых условиях сельского быта» за подписью «Современник», напечатанная в апрельской книге «*Современника*» 1858 г. (см. выше II главу). Она вызвала настоящую бурю. По цензуре последовали строжайшие распоряжения, автор статьи К. Д. Кавелин был отдален от преподавания гражданского права наследнику. Но мысль Кавелина была поддержана «*Русским Вестником*», Тверским комитетом, а к осени 1858 г., с возвращением из-за границы Ростовцева, ставшего решительным защитником надела, буря улеглась, причинив печати, по выражению Каткова, немало напрасных терзаний.

Возвращаясь к полемике с Вернадским и др. в статье своей, служащей по глубине эрудиции, остроумию, по тону, исполненному достоинства, несмотря на свою тонкую язвительность, настоящим образцом сильного слова, Чернышевский окончательно доказывает мысль, что в эволюции явлений высшая степень развития совпадает с его началом и что первобытному общинному владению нет необходимости⁶⁵ перейти в частное. Положение это иллюстрируется Чернышевским всевозможными примерами, взятыми из области геоло-

⁶⁵ Как оказывается, сами основатели марксизма не смотрели на свои законы как

гии и физиологии, математики и биологии, истории и филологии и пр. Но, к сожалению, нет никакой возможности ознакомиться в целом с этой блестящею аргументациею, а в мелких отрывках она теряет всю свою соль и букет.

В статье «Экономическая деятельность и законодательство» Чернышевский возражает против устарелого учения: «Laissez faire, laissez passer» и стоит за разумное вмешательство государства в явления экономической жизни («Совр.», 1859. № 2).

В последней статье «Суеверие и правила логики» Чернышевский наглядно обнаруживает всю бессмыслицу критики, приписывавшей низкий уровень земледелия в России именно общинному владению. Указывая на то, что враги общины симптом смешивают с болезнью, Чернышевский продолжает: «Потому и отвратительно нам слышать рассуждение отсталых экономистов, что дурное состояние нашего земледелия может быть исправлено заменою общинного землевладения частным. Не потому отвратительно слышать нам эти тупоумные, суеверные рассуждения, что мы приверженцы общинного: нет, все равно мы негодовали бы на них и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше. Каково бы ни было влияние системы землевладения на успехи сельского хозяйства, все-таки это влияние совершенно ничтожно по сравнению с неизмеримым могуществом тех условий нашей общественной жизни (суд, администрация), в которых кроются истинные причины жалкого положения нашего землевладения».

Кроме нескольких других статей, Чернышевский заведывал особым отделом «Современника» — «Устройство быта помещичьих крестьян», где он тщательно группировал с надлежащим разбором все появившиеся в печати статьи по крестьянскому вопросу.

В одном из его номеров (1859, № 10) Чернышевский резюмирует свои пожелания: сохранение существующих наделов с обязательным выкупом, для чего, по его вычислению, достаточно было бы 531 000 000 руб. Размер выкупа он считал справедливым и посильным налагать в 70–90 руб. (на деле он был назначен выше), а потому не вредным.

«А если требовать выкупа в 150 руб.⁶⁶, народ изнеможет под такую тяжестью выкупа, — пишет Чернышевский. — И что тогда будет? Чего ждет теперь крестьянин? Он ждет воли. Чего ждет он от воли? Об-

на веление фатума; см. «Мир Божий» 1900, № 2, статью г. Дживелегова: «Оговорка материалистического понимания истории».

⁶⁶ В собрании статей Чернышевского, имеющихся в нашем распоряжении, ста-

легчения своей судьбы. Какое же он почувствует облегчение, и поймет ли он волю, если его заставить платить оброк не меньше или даже больше нынешнего (так местами и случилось) или заставлять по-прежнему ходить на барщину?» И во имя справедливости, и в своих правильно понятых интересах Чернышевский советовал помещикам быть справедливыми к крестьянам. «Будьте *только* справедливы к бедным и угнетенным, — писал он, — хоть даже не совсем справедливы, а лишь несколько справедливы, и они станут обожать вас... Рассудительный хозяин найдет, что любовь поселян — лучшее ручательство за успехи его хозяйства. Возражая против крепостников, требовавших сокращения наделов ввиду «лености и беспечности мужика», Чернышевский пишет: «Не обманывают ли нас глаза и уши? О ком это говорится, что он ленив? О каком-нибудь итальянце или арабе? Нет, о русском мужике! Почему ж бы не говорить также, что у русского мужика белые руки с изящно обточенными ногтями, что он любит играть в преферанс, что он обыкновенно обедает на фарфоровом сервизе? Почему бы также не говорить, что он исповедует магнетанскую веру или читает книги на английском языке? Ведь это было бы не более нелепо, нежели говорить об его лености. Нет в Европе народа более усердного к работе, потому что нет народа, который жил бы в климате более суровом, требующем больше труда для ограждения существования. Разве только в северных частях Швеции зимы так суровы, как у нас, даже далеко на юг от Москвы. Если бы русский мужик работал не усерднее француза или немца, вся Россия замерзла бы, умерла бы с голоду. Кому из европейских поселян нужно больше денег, нежели русскому мужику? Кому из европейских поселян нужен тулуп? Наша суровая природа не потворствует лени. Наши порядки таковы, что вольному мужику нужно работать без отдыха круглый год, чтобы как-нибудь свести концы с концами. У ино-го на руках более многочисленная семья. У нашего народа из каж-дых двух братьев один кормит две семьи, потому что другой взят рек-рутчиной. Грех нам и стыдно говорить о недостатке охоты к работе у русского мужика. Мы, просвещенные люди, точно руководимся по-словицей: дело не волк, в лес не уйдет; мы точно просиживаем изо дня в день чуть не с обеда, чуть не до утра за картами. Правда, где же и понять таким людям, как мы, русского мужика?»

И первые дворянские собрания, начавшиеся восхвалением добле-стей помещиков и бесчисленных пороков «хамов», показывали, как

ты «Труден ли выкуп» не имеется и мы берем цифру из сборника Межова (С. 269).

велика была пропасть, вырытая вековым бесправьем. Но с течением времени⁶⁷ и главным образом под влиянием литературы, искренно протянувшей руку в первый раз правительству в деле освобождения, застарелые переустройства и узкословные интересы стали ослабевать, и сами дворяне стали понимать, что их интерес и безопасность требуют идти на уступки и создать для крестьян сносное положение. Эта вечная заслуга русской печати перед историей и Россией.

Из других реформ Чернышевский более интересовался законом о печати. Переведя на русский язык наполеоновский закон о печати 1851 г. с предостережениями и пр., Чернышевский приводил его как поучение историческое, как отрицательный образец, если только желают дать России действительную свободу печати. К этому же времени относится перевод политической экономии Дж. Ст. Милля с примечаниями Чернышевского, высоко ценимыми и известными иностранными учеными.

В 1862 г. Чернышевский был заключен в Петропавловскую крепость, где успел написать «Что делать?». Судили его в сенате при старом порядке, при закрытых дверях, и в вину были ему поставлены сношение с Герценом, составление прокламаций к народу и написание письма к Плещееву преступного содержания. Чернышевский был в 1864 г. приговорен к каторжным работам. Обряд публичного лишения прав состояния с преломлением шпаги был совершен в Петербурге. Чернышевский провел в Сибири 17 лет: 7 лет в Нерчинских заводах, а остальное время — в г. Вилюйске, откуда Мышкин старался его освободить без ведома самого Чернышевского. В 1883 г. император Александр III разрешил Чернышевскому поселиться в Астрахани, и вскоре возобновилась его литературная деятельность, ознаменовавшаяся переводом многотомной всеобщей истории Вебера, снабженной обширным введением переводчика Андреева, как подписывался Чернышевский. Кроме нескольких журнальных статей, Чернышевский успел выпустить том биографии Добролюбова, перед коим он благоговел всю жизнь. По ходатайству кн. Вяземского, астраханского губернатора, Чернышевский был переведен в родной Саратов. Четыре месяца спустя после продолжительного буйного бреда в ночь на 17 октября осенил вечный покой исстрадавшуюся душу этого безропотного страдателя, с ангельскою кроткостью и стоическою

⁶⁷ Заявление г. Крылова, что правительство играло общественным мнением, как на клавишах (см. н. ст. и ст. С. 153), не соответствует действительности. Против цензурных препон печать была бессильна, но не вполне, чему доказательством служит вопрос о наделах, где печать повела за собою правительство (нк. гл. II).

выдержкою несшего бремя ниспосланных бедствий. — Столь жестокая во время жизни судьба не отказала этому бескорыстному служителю просвещения хоть в одном утешении: сложить свои усталые кости в родной почве, на берегу любимой матушки-Волги, рядом с могилами нежно любимого наставника-отца, имевшего счастье сойти в могилу осенью 1861 г. в разгар славы своего ученика-сына Чернышевского, в то время виднейшего общепризнанного «властителя дум» великого поколения, создавшего и двигавшего освободительную эпоху. Обширные научно-литературные труды Чернышевского ждут еще своего суда. После смерти его вышло 4 тома его критических сочинений без имени автора и лишь с именем издателя, сына его М. Н. Чернышевского.

ХІІІ.

Я. И. РОСТОВЦЕВ

† 6 ФЕВРАЛЯ 1860 Г.

В группе деятелей крестьянской реформы одною из оригинальнейших личностей является генерал-адъютант Я. И. Ростовцев (портрет см. выше, гл. I, §1). Эта симпатичная, но заурядная личность, неожиданная для себя самой приобретающая славу стойкого поборника народных интересов, доселе представляется весьма загадочною. Купеческий внук, паж по воспитанию, блестящий гвардейский офицер и расквашенный декабрист, военный педагог николаевского закала и опытный царедворец, занимательный балагур-весельчак, в разгаре работ по освобождению крестьян делается самым близким к престолу и самым влиятельным человеком, чуть не временщиком. Не только обычное, ординарное имя его Яков превращается в Иакова (в подражание брату Господню, как ехидно трунил Герцен), но и появляются приемы и обстановка временщика⁶⁸, перед которым проявляют подобострастие даже такие сильные люди, как начальник третьего отделения кн. Долгоруков и министр Муравьев⁶⁹. По капризному изволению судьбы, не раз дававшей делу освобождения крестьян совершенно непредвиденные обороты и толчки, завзятый консерватор Ростовцев николаевского пошиба, доходивший в нравственной муштровке до отрицания личной совести⁷⁰, подвергается в короткое время невероятной метаморфозе, делаясь решительным либералом и поборником народ-

⁶⁸ См. «Русск. Стар.», 1898 г. «На заре крестьян. свободы».

⁶⁹ См. воспоминания Валуева.

⁷⁰ См. инстр. Ростовцева.

ной свободы. Истый петербуржец, знакомый с русскою землею и народом лишь по образцам чахлой флоры и фауны петербургских дачных поселков, Ростовцев берет в свои руки страшно ответственный руль кормчего для благополучного проведения одной из труднейших и сложнейших законодательно-социальных проблем, какие когда-либо приходилось решать государственному человеку. Отважно-легкомысленное ли русское «авось» двигало Ростовцевым, не рассуждающая ли исполнительность военного и царедворца или внезапно вспыхнувшие благодаря счастливому толчку извне⁷¹ сознание долга гражданина перед отечеством и бескорыстная любовь к обездоленным пока решить трудно. Но можно сказать одно, что последний элемент явно был налицо, и он-то дал Ростовцеву силы и способность выдержать стойко борьбу со всемогущею кликою великосветских крепостников и сослужить великую службу русскому народу.

Когда в 1857 г. Ростовцев был назначен членом секретного крестьянского комитета, то и сам не знал, что там будет делать ввиду полного своего незнакомства с крестьянским бытом. Сначала он ничем не выделялся в комитете, большинство коего было за крепостное право и надеялось путем канцелярских отписок надолго задержать, как при Николае I, ненавистное дело освобождения. Когда же Александр II стал все решительнее высказываться за освобождение, Ростовцев отстал от аристократов; однако он еще очень далек был, как и сам государь, от плана радикальной реформы. В первых рескриптах, в составлении коих Ростовцев принимал участие, не только о выкупе наделов не было речи, даже о самом наделе землею, который, будучи выдвинут в 1858 году *«Современником»* и поддержан Тверским дворянским комитетом, был сначала решительно отвергнут правительством как мера революционная.

Но с лета 1858 г. происходит разительная перемена в воззрениях Ростовцева под влиянием сына. Он из Дрездена, где находился при умирающем сыне, пишет Александру II знаменитые четыре письма, которые составляют поворотный пункт в истории крестьянского вопроса. Ростовцев усваивает почти всю либеральную программу: освобождение с землею, выкуп, хотя только и добровольный, крестьян-

⁷¹ Старший сын Ростовцева, благоговевший перед Герценом, умирая, взял с отца слово, что тот загладит поступок своей молодости относительно декабристов бескорыстною защитою интересов народа в крестьянском вопросе (см. «Матер. упразд. креп. права»). Биографы Ростовцева заявляют, что он открыл заговор бескорыстно и был сконфужен, получив вскоре флигель-адъютантские аксельбанты (см. «Дневник» Никитенко).

ское самоуправление. Уезжая за границу со страхом пред предстоящей реформой, ввиду чего он рекомендовал немедленно назначить временных генерал-губернаторов для быстрого подавления беспорядков (см. выше I гл. §1), Ростовцев, точно возрожденный, возвращается с доверием в разум и достоинство⁷² народные, которое он стремился передать и своему царственному корреспонденту.

С этих пор, с осени 1858 г., и до конца дней своих († 6 февраля 1860 г.) Ростовцев делается одним из решителей судеб великого народного дела и служит ему не по казенному, а с беспримерным для бюрократии энтузиазмом и с самоотвержением идейного борца и народного трибуна, готового «идти на плаху за святое дело» (по его собственному выражению). В феврале 1859 г. он уже поставляется официально во главе крестьянского дела в качестве председателя редакционной комиссии. Принимая эту влиятельную, но и страшно ответственную должность, на которую его государь назначил с оговоркою, «если он согласится», Ростовцев писал: «Принимаю я не с согласиём или желанием, но с молитвою, с благоговением, со страхом и с чувством долга. С *молитвою* к Богу, чтобы он сподобил меня оправдать доверенность государя. С *благоговением* к государю, удостоившему меня такого святого призвания. Со *страхом* пред Россиею и пред потомством; с *чувством долга* пред моею совестью. Да простят мне Бог и государь, да простит мне Россия и потомство, если я поднимаю на себя ношу не по силам, но чувство долга говорит мне, что ношу не поднять я не вправе». В этом любопытном документе вылился весь новый Ростовцев: царедворца-карьериста сменил государственный человек, действующий во имя общего блага и ждущий суда истории.

И эту роль выдержал он до конца. Он мог ошибаться, как всякий другой, по непониманию, но с уверенностью можно сказать, что он преследовал одну цель: решить безобидно вопрос в интересах государства, для чего он считал необходимым дать надел крестьянам, уничтожить вотчинную полицию. В этом важнейшем пункте Ростовцев был непоколебим и убедил в его необходимости самого государя. За то же и доставалось ему от озлобленных могущественных помещичьих интересов. Начиная от салонного злословия и кончая клеветою и прямым обвинением в неблагонадежности в заграничных французских

⁷² Нынешним почитателям розги не мешает вспомнить слова Ростовцева: «Некоторые говорят, что русский мужичок любит (sic!) розгу; точно ли это справедливо? Если же он к ней и привык, не надо ли бы его от нее отучать? Со смягчением нравов и меры исправительные должны смягчаться; если же меры эти смягчаться не будут, не будут смягчаться и нравы».

брошюрах, — все было пущено в ход, чтобы очернить и дискредитировать этого опасного для апологетов крепостного права человека одновременно пред государем и пред либеральным общественным мнением. То нашептывали высокопоставленные охранители рабства, что полуплебей, безземельный бобыль Ростовцев предался Герцену и либералам-демократам и вместе с ними думает произвести революцию, то старались набросить тень на искренность приобщения его к либеральной программе, инсинуируя относительно роли его в деле декабристов⁷³. Пользуясь неограниченным доверием, Ростовцев крепко сидел на своем посту и храбро защищал и «святое дело», и себя, и своих сотрудников от бесчисленных нападков. Но человек нервный и горячий Ростовцев болезненно воспринимал жало клеветнических наветов, укулов самолюбия, язвительных насмешек, которыми досаждали его великосветские сикофанты всегда и на каждом шагу и с которыми он вынужден был неизбежно сталкиваться по роду службы, по образу жизни. В борьбе с крепостниками изнемог и богатырский организм Ростовцева, и преждевременная смерть его если не вызвана, то ускорена теми нравственными страданиями, на которые были щедры его сановитые и родовитые враги.

В ноябре 1859 г. Ростовцев слег в постель, с которой ему не суждено было встать († 6 февраля). Но все время и до последних дней жизни он продолжал жить только интересами порученного ему великого дела, «с которым мог его разлучить, по его словам, только саван». Пока было возможно, заседания происходили на его квартире. В одном из последних заседаний, где шла речь об определении размера надела, в немногих и, по обыкновению, не очень складных словах Ростовцев так определил свою основную точку зрения по крестьянскому вопросу: «Один памфлетист (Орлов-Давыдов, автор заграничной брошюры) из высшего аристократического круга сочинил обо мне, что я написал дворянству: «Если хотите беречь ваши головы, то отдайте землю». Мог ли я это сделать и куда мне было писать... Но как отнять от насущного хлеба 22 миллиона душ? Я уверен, что если у них совсем отрезать землю, будет пугачевщина (я говорю это между своими, в дружеском обществе), и не могу не предвидеть страшных потрясений для бедной России»⁷⁴.

Сохранение государственного порядка во что бы то ни стало и возможное улучшение положения крестьян — такова была основная за-

⁷³ Государственный «острослов» кн. Меншиков, играя на словах, говорил: «Ростовцева все приобщают (в разные комитеты), но не мешало бы его *исповедать*».

⁷⁴ Семенов. «Освобождение крестьян», II. С. 254.

дача Ростовцева. Вопреки уверению его врагов, он не только не хотел разорения дворян, а, напротив, старался, как он писал государю, «чтобы интересы помещиков были возможно ограждены и чтобы этот почтенный и просвещенный класс, составляющий, так сказать, цвет России, не потерпел *потерь не необходимых*» (курс. подл.). В том или другом вопросе он мог заблуждаться, но делал все, от него зависящее, чтобы уяснить себе предмет. Всего за несколько дней до смерти, прежде чем подписать свою последнюю записку, которую стали называть завещанием Ростовцева, несмотря на крайнюю слабость, приглашает к себе князя Черкасского и говорит ему шепотом: «Уверены ли вы так же, как я, что обязательный выкуп для правительства невозможен? Уверены ли вы так же, как я, что срочно-обязанные отношения неизбежны?» Получив утвердительный ответ, он сказал: «В таком случае мы сделали все, что могли только сделать: совесть моя спокойна». Оставаясь беспристрастным к интересам помещиков и дворян, он в немногих случаях считал долгом совести наклонять весы в пользу слабых и неимущих. «При особо затруднительных вопросах, как наклонить весы, редакционная комиссия, — писал Ростовцев, — иногда наклоняла их на сторону крестьян и делала это потому, что наклонить весы *потом* (курс. подл.) от пользы крестьян к пользе помещиков будет и *много охотников, и много силы*». Горькое предчувствие Ростовцева оправдалось и в ближайшее и в более отдаленное время; достаточно вспомнить так называемый гагаринский, или нищенский, надел, размер оброка и пр. Тем более чести Ростовцеву и его благородным сотрудникам, порадевшим посильно на пользу народа, «созданного впервые, — по выражению Ростовцева, — волею Александра II». Благодарная народная память и история не забудут заслуги Ростовцева, который не только отдал бескорыстно все свои силы великой народной реформе, но и, опираясь на передовую часть образованного общества, привлек к делу выдающихся общественных людей, дал ему, благодаря гласности, такую небывалую в бюрократической России широкую постановку, что вправе был заявить пред государем: «Комиссия смотрит на дело освобождения не как на *приходскую работу* своей канцелярии, а как на дело своего отечества: ему — на благо, вам — на славу».

Лучи этой немеркнувшей славы падают и на усердных сподвижников Царя-Освободителя, помогавших ему, каждый в своей сфере деятельности, очистить Россию от отвратительной язвы рабовладения. Смерть этого трибуна-энтузиаста в генерал-адъютантских «эполетах» и вызвала вообще уныние среди друзей народа. Но, к счастью, дело свободы настолько было подвинуто вперед, что даже смерть кормче-

го и замещение его отъявленным крепостником не остановило движения реформы. Находясь в 1860 г. за границей, И. С. Аксаков следил оттуда за положением работ по крестьянскому делу. По случаю смерти гр. Ростовцева, он писал: «Должно быть, было в Ростовцеве где-нибудь там что-то хорошее, что он нажил себе такой почетный и славный конец: пал как воин в бою, заслужил ненависть знати, прощен декабристами; о потере его приходится жалеть всем, кому дорого крестьянское дело, на его похороны Самарин спешит из Москвы. Можно ли было бы предположить последнее года два тому назад?»

XVI.

А. И. ГЕРЦЕН

† 20 ЯНВАРЯ 1870 Г.

В заседании редакционной комиссии 23 марта 1859 г. Я. И. Ростовцев, заявляя о своем распоряжении доставить в комиссию всю литературу крестьянского вопроса, добавил: «Я должен сообщить вам, господа, что из III отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии по особому разрешению будут присылать в комиссию один экземпляр „Колокола“ для того, чтобы мы все знали, что о нас будут писать за границей; я буду вас просить, чтобы вы из „Колокола“ заимствовали и приняли в соображение все, что только может быть полезно и применимо к исправлению наших трудов и усовершенствованию проекта положений». У члена комиссии Арапетова вырвались слова: «Как, неужели заимствовать у Герцена?» Ростовцев отвечал: «Что нам за дело до личностей? Кто бы ни сказал полезное, мы должны воспользоваться»⁷⁵. Так открывался в наши законодательные сферы официальный доступ, конечно, благодаря сильному заступничеству Ростовцева, опальному, но влиятельному трибуну народной свободы, редактору-издателю «Колокола» А. И. Герцену, отдавшему с первых же дней царствования Александра II весь свой блестящий талант на служение этой заветной мечте своей юности, еще более окрепшей в зрелые годы.

Убежденный идеалист Герцен, подобному своему великому другу Белинскому, считает личную свободу и свободное развитие индивидуальности основой разумного общежития. Он одинаково возмущался порабощением личности, откуда бы оно ни шло, — от египетского деспота или европейского монтаньяра. «Подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее, — писал он со свойственными ему

⁷⁵ См. Семенов. Освобождение крестьян. Т. I. С. 114.

картинностью и пронизательностью, — продолжение человеческих жертвоприношений, заклятие агнца для примирения бога, распятие невинного за виновного». Соединяя идеализм с горячею любовью к русскому народу, Герцен уже в 1855 г. тотчас по воцарении Александра II основывает в Лондоне «*Полярную Звезду*», в которой он развертывает освободительную программу, усвоенную потом и правительством в эпоху великих реформ.

В программе этой первым необходимым, неотлагаемым шагом Герцен выставляет:

Освобождение слова от цензуры!

Освобождение крестьян от помещиков!

Освобождение податного сословия от побоев!

Следя с напряженным вниманием за первыми крайне неопределенными подготовительными мерами правительства к предстоящим реформам, Герцен в июле 1857 г. основывает «*Колокол*», выходявший 1–2 раза в месяц и посвященный главным образом крестьянскому делу. «Неужели, — пишет он во вступительном номере, — пройдет даром гигантский подвиг в Тавриде? Севастопольский солдат, израненный и твердый, как гранит, испытывавший свою силу, также подставит спину палке, как и прежде? Ополченный крестьянин воротится на барщину так же покойно, как кочевой всадник с берегов каспийских, стороживший Балтийскую границу, пропадает в своих степях? Не может быть. Все в движении, все потрясено, натянуто... и чтобы страна, так круто разбуженная, снова заснула непробудным сном? Лучше пусть погибнет Россия! Но этого не будет. Нам здесь, вдали слышна другая жизнь: из России потянуло весенним воздухом».

В это время, как известно, в секретном комитете, где большинство принадлежало к защитникам крепостного права, делали всяческие усилия, чтобы заглушить начатое Александром II в 1857 г. дело освобождения, как это неоднократно делалось и раньше. Отмечая с глубоким прискорбием колебания правительства, Герцен настойчиво советует двинуть дело, «пока время не ушло». В незабвенный 20-й день ноября 1857 г. опубликован, наконец, известный рескрипт о приступе к освобождению, вызвавший в России всеобщее ликование среди друзей народной свободы. Не менее радостно встречен был этот великий акт на берегах Темзы, где Герцен поместил в «*Колоколе*» одну из лучших своих статей, начинавшуюся обращенными к Александру II словами: *Ты победил, Гамилеянин!* «И нам легко, — продолжает Герцен, — это сказать, потому что у нас в нашей борьбе не замешаны ни самолюбие, ни личность. Мы боролись из-за дела: кто его сделал, тому и честь. Среди общего сетования, перерываемого

дикими криками бесновавшихся реакционеров, среди нелепой войны и глубокого падения западного материка, мы, со страхом гадая, обращали взгляд наш на молодого человека, шедшего занять упраздненное место на троне». «От вас ждут кротости, — говорили мы ему, — от вас ждут человеческого сердца, вы необыкновенно счастливы», и робко, мучимые сомнением, прибавляли: «Дайте свободу русскому слову, смойте с России позорное пятно крепостного состояния». И потом мы ждали с внутренним трепетом, надеясь, негодуя, прислушиваясь к движению, к вестям. После 30-летнего ожидания — простиительно нетерпение... Книга Корфа оскорбила нас: она так грубо дотронулась до воспоминаний, святых нам.

«Но с того дня, как Александр II подписал первый акт, всенародно высказавший, что он со стороны (на стороне?) освобождения, — наше положение к нему изменилось. Мы имеем дело с мощным деятелем, открывающим эру для России. Он работает с нами для великого будущего. Имя Александра II отныне принадлежит истории; если бы его царствование завтра окончилось, — все равно. Начало освобождения крестьян сделано им, и грядущие поколения этого не забудут.

«Но из этого не следует, чтобы можно было безнаказанно остановиться. Нет, нет пусть он довершит начатое, пусть полный венчик покроет его корону. Гнилое, алчное противодействие закоснелых помещиков не опасно. Что они могут противопоставить, когда против них власть и свобода, образованное меньшинство и весь народ, царская воля и, пуще всего, общественное мнение... И тут, как во всем, поневоле бьешься в другое *великое искомое* (курс. подл.) современной России — *в гласность*. Гласность изгнать и литераторов прежде всего... Посмотрели бы мы, право, au grand jeu на этих защитников розог и крещеной собственности. Выходите на арену!.. Знаете это? До помещичьего права добиваются: это мужика-то и не посежь и не заставить поработать четвертый и пятый день!.. Помилуйте! Выходите же из ваших тамбовских и всяческих берлог — Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и, пуще всего, Пеночкины. Попробуйте не розгой, а пером, не в конюшне, а на белом свете высказаться. Померяйтесь!»

Статья заканчивается следующими словами: «Как бы слаб наш голос ни был, все же он *живой голос*, и как бы наш колокол ни был мал, все же его слышно в России, и мы убеждены, что Александр II равнодушно примет приветствие людей, которые сильно любят Россию, но также сильно любят и свободу, которым не нужно его бояться, и которые для себя ничего не ждут, ничего не просят. Но, ничего не прося, они желали бы, чтобы Александр II видел в них представителей свободной русской речи, противников всему, останавливаю-

шему развитие, — *но не врагов* (курс. подл.). Они потому этого хотят, что им стало дорого мнение *освободителя крестьян* (курс. подл.).

Ты победил, Галилеянин!»

Вслед за этим Герцен открыл страницы «*Колокола*» в широких размерах для статей по крестьянскому вопросу, выступив с самого начала за освобождение крестьян с землей. Независимо от «*Колокола*», время от времени выходили «*Голоса из России*», в которых он помещал более обширные документы, неудобные для первого издания. Здесь между прочим помещены были замечательные соображения известного деятеля тверского губернского предводителя дворянства А. М. Унковского. Переживая то радостные, то тревожные минуты, благодаря многочисленным колебаниям и толчкам, коим подвергалось крестьянское дело, Герцен прилагал всю силу своего обширного таланта, чтобы наставить на надлежащую дорогу великую реформу и разоблачать бесчисленные козни ее влиятельных врагов. Особенно болезненно отозвалось назначение на место Ростовцева графа Панина, отъявленного крепостника. Если и в России видели в этом назначении поворот назад в крестьянском деле, то тем более тяжело отозвалось на Герцене, который открыто отступил от своего примирительного направления. Не менее тягостное впечатление произвела и ссылка Унковского в Вятку. С негодованием говорит он о том, что в редакционной комиссии по вопросу о розгах голоса разделились пополам. Приведя список тех и других, Герцен добавляет, что люди, подавшие в 1860 г. голос за розгу, должны знать, что их имена останутся у позорного столба⁷⁶.

В течение 1860 г. у Герцена не раз вырываются вопли отчаяния. И было отчего. Еще в конце года, как видно из записок Валуева, крепостники рассчитывали повернуть дело назад. Как известно, объявление воли ждали к 19-му февраля и даже опасались беспорядков в случае неисполнения ожидания. Но объявление воли было отложено. Сгорая от нетерпения и неизвестности, Герцен по этому поводу пишет в статье от 3 марта: «Отложили... Зачем? Неужели в самом деле по случаю масленицы? Что за пансионские затеи! Разве они не знают, что между кубком и губами есть место беде. Эта отсрочка, это ожидание — сверх человеческих сил, тоска, тоска и страх! Если бы было можно, мы бросили бы все и поскакали бы в Россию.

⁷⁶ В этом списке есть несколько почтенных имен, последующею своею деятельностью на пользу народу искупивших этот грех. Приводим список защитников розги: кн. Черкасский, Самарин, Милютин, Галаган, Семенов, Семенов 2, Булгаков, Татаринов, Гродеко, Залесский, Железнов.

Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствия. Зачем русские люди, которые могут ехать и живут без дела за границу, не едут?.. Что это — эгоизм, неразвитие общих интересов, разобщенность с народом, недостаток сочувствия». Герцен, стремясь всей душой в Россию «к дням великого исторического события», очевидно надеялся, что оно совершится с подобающе торжественностью и подъемом духа. На самом деле, как известно, ввиду опасения беспорядков при объявлении воли, настроение было далеко не праздничное.

Великое событие совершилось, наконец, и Герцен мог радостно приветствовать освобождение народа. «Первый шаг сделан. Говорят, что он труднее прочих: будем ждать *второго* — с упованием; хотели бы ждать его с полной уверенностью, но все делается так шатко, так половинно и тяжело! Александр II сделал много, очень много: его имя теперь уже стоит выше всех. Он боролся во имя человеческих прав, во имя страдания против низких закошенных плантаторов — и сломил их. Этого ему ни народ русский, ни всемирная история не забудут. Издали нашей ссылки мы приветствуем его именем редко встречающимся в истории самодержавия, — мы приветствуем именем *освободителя*. Но горе, если он остановится, если усталая рука его опустится. Зверь не убит — он только ошеломлен. Слово освобождения сказано. Это — дело великое, но не все: слово должно стать делом, освобождение быть истиной. Черед за гласностью».

Объявление воли дало Герцену пережить одну из немногих радостей жизни. Это было осуществление мечты всей жизни, и он мог смело сказать, что послужил ей всеми силами своей благородной души, всеми фибрами своего любящего сердца, всеми способностями своей богато одаренной души. И как рвался он в эти знаменательные дни на горячо любимую родину. «Но выбора нет, — писал он, — мы не можем без смены оставить свой пост, нами самими избранный, и *желали бы только, чтобы помянул нас кто-нибудь в день великого народного воскресения*». Скромное пожелание бескорыстного борца за народную свободу исполнилось лишь 30 лет спустя после смерти его († 20 января 1870 г.): все почти тепло вспоминали этого замечательного публициста и удивительного мастера слова.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЮБИЛЕЙНЫЕ СПРАВКИ

*Рыхлая почва готова,
Сейте, покуда весна:
Доброго дела и слова
Не пропадут семена.*

И. Никитин

I.

В. Д. СПАСОВИЧ

31 МАЯ 1866–1891 ГГ.

31 мая 1891 г. исполнилось 25 лет со дня вступления в адвокатскую корпорацию одного из известнейших русских судебных ораторов, ученого криминалиста, литератора-публициста и критика, присяжного поверенного Владимира Даниловича Спасовича. В. Д. родился в 1829 г. в гор. Речице, Минской губ. В 1849 г. он окончил курс юридических наук в С.-Петербургском университете и уже через два года защищал магистерскую диссертацию «О правах нейтрального флага». Ряд мыслей, высказанных в диссертации, получил осуществление через несколько лет в известных парижских декларациях 1856 г.

Сблизившись с известным ученым проф. Кавелиным, г. Спасович в 1857 г. занял кафедру уголовного права в Петербургском университете, где он поднял преподавание этой науки до высокого научного уровня. Поражая своих слушателей как глубиной эрудиции и смелостью выводов, так и живостью, картинностью и изяществом изложения проф. Спасович сразу приобрел громкую известность и в университете, и за стенами его. В 1863 г. он издал известный «Учебник уголовного права» и доныне, т. е. через тридцать лет, составляющий настольную книгу для всякого образованного юриста и давно уже сделавшийся библиографической редкостью. В 1861 г. Спасович должен был покинуть после известных событий Петербургский университет вместе с проф. М. М. Стасюлевичем, К. Д. Кавелиным, А. Н. Пыпиным и др.

Но научно-литературная деятельность В. Д. безостановочно продолжалась и продолжается до сих пор в течение сорока слишком лет. Кроме массы юридических статей и монографий по разнообразным отраслям права и процесса, В. Д. Спасович написал много историко-литературных и критических монографий, из коих назовем: «Историю польской литературы», «Жизнь и политика маркиза Велепольского» и пр. Он же специально изучал Байрона и влияние байронизма на Пушкина, Лермонтова и Мицкевича. В последнее время г. Спасович выпустил собрание своих сочинений в восьми томах.

С 1866 г. с открытием новых судов В. Д. вступил в сословие петербургских присяжных поверенных.

Почти с самого учреждения С.-Петербургского совета присяжных поверенных В. Д. Спасович с небольшими перерывами принимал самое живое участие в деятельности его то в качестве председателя или товарища, то в качестве рядового члена¹. В. Д. был всегда «мирским» человеком. Трудная миссия, выпавшая на долю петербургской адвокатуры, создать первые устои и принципы деятельности адвокатов в духе Судебных Уставов, т. е. в духе мужественного, честно и бескорыстного служения идеям нового суда, — имела в лице В. Д. одного из полезнейших сотрудников. Установление корпоративной связи в среде, члены которой, можно сказать, находятся в беспрерывной междоусобной профессиональной войне, внесение принципов этики в профессию, которая дотоле жила и управлялась только хищническим принципом обирания простоватых и беззащитного попиранья закона путем ловкого обхода его — такова была трудная задача, над разрешением которой так много поработал петербургский совет, всегда шедший во главе русской адвокатуры. Только суровая и нравственно-щепетильная корпоративная дисциплина, исходящая из принципа *non omne quod licet honestum est*, могла создать традиции честной адвокатуры, имеющей назначением не поощрение стяжательных appetитов ее сочленов, а исполнение единственного назначения присяжной адвокатуры — *служения обществу*. Значение этой моральной узды, добровольно налагаемой на себя адвокатурою в интересах осуществления задач адвокатуры, было прекрасно изображено В. Д. Спасовичем с свойственною ему поэтической образностью в одной из ненапечатанных его речей. «Мы изобрели и наложили на себя, — говорил он, — узы самой *беспощадной дисциплины*, вследствие которой мы, не колеблясь, жертвуем своими вкусами, своими мнениями, своею свободою тому, что скажет громада —

¹ См. Макалинского. С.-Петербургская адвокатура. С. 133.

великий человек. Это подчинение особого рода не людям, а началу, себя — себе же самому, с *громадской* точки зрения рассматриваемому — есть такая великая сила, которую тогда только оценишь, когда чувствуешь, как она от тебя исходит. Нам дорога та сила, которую дают крепкие, суровые нравы. Оставим будущему смягчать их, когда люди сделаются лучшими»².

Но независимо от своей деятельности в составе совета присяжных поверенных г. Спасович своею многолетнею адвокатской практикою принес громадную пользу и новому суду, и молодой адвокатской корпорации. Благодаря своим обширным научным познаниям и мастерской разработке юридических вопросов г. Спасович пользовался большим авторитетом в глазах судов всех степеней, не исключая и кассационного. Не один десяток вопросов можно отметить в кассационной практике, разрешенных при деятельном и просвещенном содействии этого талантливого и трудолюбивого юриста.

Бесспорно и громадно влияние В. Д. Спасовича на направление и характер деятельности петербургской адвокатуры. Как известно, корифеи адвокатуры всегда и везде оказывают большое влияние на своих товарищей и на выработку приемов адвокатской деятельности. Если местные знаменитости отличаются наклонностью к напыщенной фразеологии, прикрывающей пустоту мысли и незнакомство с делом, то этот дурной пример находит себе подражателей, особенно среди молодежи. В этом отношении влияние г. Спасовича на петербургскую адвокатуру было самое благотворное. Тщательное изучение малейших обстоятельств дела, самая усердная подготовка к делу (г. Спасович пишет и заучивает наизусть речи по всем серьезным делам), тонкий психологический анализ, всестороннее освещение судебного материала при помощи научных данных и литературных параллелей — таковы приемы, которыми всегда пользовался г. Спасович и которые под его влиянием перешли в традиции петербургской адвокатуры. Постоянное близкое общение с наукою и литературою сообщает речам г. Спасовича ту богатую содержательность, благодаря которой речи эти в чтении производят не менее сильное впечатление, чем при слушании.

Но это не значит, что г. Спасович не имеет успеха как оратор. Помнится одно заседание в уголовном кассационном департаменте, где речь г. Спасовича на самую сухую юридическую тему была выслушана убежденными седидами сенаторами с таким сосредоточенным вниманием, как будто говорил трибун перед юношами. И это, несмотря

² Заметки о русской адвокатуре К. К. Арсеньева. С. 203.

на отсутствие у г. Спасовича внешних ораторских качеств, несмотря на не совсем отчетливую дикцию его. В чем же состоит секрет его громадных и вполне заслуженных ораторских успехов? Прежде всего в его прелестном, живом, образном слове, а затем в том сердечном, страстном отношении ко всем делам, которое составляет отличительную черту адвокатской школы Спасовича. Если казенщина, рутинность вообще вредна для всякого судебного деятеля, то она просто пагубна для адвоката, который может и должен являться самым живым и оживляющим элементом процесса.

Это столь драгоценное для адвоката качество наряду с горячею любовью к научным и литературным занятиям неизменно сохранил В.Д. до настоящего времени, несмотря на продолжительную 20-летнюю адвокатскую карьеру, которая обыкновенно соединяется с сильным напряжением нервов и преждевременным утомлением и переутомлением. Чтобы видеть, какой запас жизни и энергии хранит еще этот свыше 60 летний оратор, достаточно прочесть его последнюю речь, произнесенную недавно на общем собрании петербургских присяжных поверенных 17 апреля по случаю 25-летия нового суда.

Припоминая время открытия новых судов, г. Спасович, между прочим, сказал: «Я скорблю о том, что никогда не может возвратиться поэзия прошлого, свежесть ощущений, восторг, который мы показывали, когда к нам явилась, точно Афродита из пены морской, другая богиня, нагая, беломраморная и не стыдящаяся своей наготы — *гласность*, когда суд стали творить почти что на площади и когда мы стали произносить свободные, смелые речи, смелее тех, которые печатались в сделавшейся между тем бесцензурной печати»³...

Оглядываясь кругом, г. Спасович находит, что адвокатскую корпорацию озабочивают не собственно корпоративные, а «общегражданские сомнения и печали, возбужденные жестоким веком». «Но пока мы страдаем от общественной болезни, — говорил г. Спасович, — беда невелика: общество с болезнью справится, — мы ему поможем, оно нам поможет. Пока мы не изверились в *вековечные идеалы* — в добро, красоту и человечность, пока мы соединены в одно, этим цементом держимся в куске, пока живем по-братски, будущность еще наша, и мы передадим наш светоч нашим преемникам».

С таким бодрым упованием вступил талантливый представитель петербургской адвокатуры, несмотря на окружающие неблагоприятные обстоятельства, во второе 25-летие свое адвокатской карьеры.

³ «Русская Мысль», 1891. № 5.

II.

Н. И. СТОЯНОВСКИЙ

17 ИЮНЯ 1841–1891 ГГ.

17 июня 1891 г. праздновался 50-летний юбилей одного из крупных деятелей судебной реформы, председателя департамента Государственного совета, действит. тайн. советн. сенатора Н. И. Стояновского. Немногие из участников этой реформы имели такую правильную школьную и практическую подготовку, как г. Стояновский.

Он кончил курс в 1841 г. в училище правоведения, где через шесть лет он уже преподавал гражданское судопроизводство. Службу свою он начал в сенате в 1841 г., и здесь он приобрел солидную судебную опытность, проходя разнообразные должности до должностей обер-секретаря и обер-прокурора включительно. Он был из числа первых юристов, призванных хоть несколько освежить прогнившее здание старого суда. Какая *gaudet avis* был в то время в составе наших судов юрист, получивший высшее юридическое образование, можно судить по тому, что даже в сенате в год поступления Н. И. было всего только *шесть* юристов. Благодаря своему трудолюбию и юридическим познаниям, он немало принес пользы в сенате делу правосудия.

С воцарением Александра II, когда над Россиею занялась заря новой освободительной и преобразовательной эпохи, для Н. И. открылось новое обширное поле деятельности. Государственный секретарь В. П. Бутков в то время вербовал в государственную канцелярию талантливых молодых людей, хорошо подготовленных и вполне сочувственно настроенных к начинавшемуся либеральному движению (С. М. Жуковский, Л. Н. Заблотский-Десятовский, С. И. Зарудный, Н. А. Буцковский и др.). В числе их был и Н. И. Стояновский, которому и пришлось принять участие прежде всего в устройстве следственной части. Положение 8 июня 1860 г. о судебных следователях, выделившее следственную часть из функций полиции и тем положившее первое начало к отделению власти судебной от административной, почти целиком принадлежит перу Н. И.

Затем он связал свое имя с великим освободительным актом 19 февраля 1861 года. Н. И. помимо участия в трудах государственной канцелярии состоял членом учрежденной при Министерстве внутренних дел комиссии, вырабатывавшей проект уездных крестьянских учреждений. За труды по освобождению крестьян, коего он всегда был и остается одним из горячих поборников, Н. И. получил

золотую медаль. Будучи убежденным сторонником всех вообще реформ прошлого царствования, Н. И. словом и делом ратовал за них не только в то время, когда все увлекались либеральными *веяниями*, но и теперь, когда они вышли из моды⁴.

Безобразное состояние нашего старого невежественного и продажного суда было для всех очевидно, и как только стало возможным уничтожение его, все просвещенные люди горячо принялись за это дело. В этом отношении капитальное значение имело Высочайшее повеление в январе 1862 года, открывшее доступ к европейской науке (см. главу VIII). Благодаря этому акту явилась возможность создать цельное, стройное, разумное и согласованное во всех частях судебное законодательство, известное ныне под именем судебных уставов Александра II. Для усиления государственной канцелярии были по Высочайшему повелению прикомандированы к ней в 1862 г. известнейшие юристы, и в числе их был и Н. И. Стояновский, принимавший самое деятельное участие как в составлении «главных оснований», так и в подробных и красноречиво мотивированных соображениях государственной канцелярии⁵. Как известно, суд присяжных, твердое установление судебной несменяемости и другие основы нового суда были впервые высказаны или точно сформулированы в этих именно «главных основаниях преобразования судебной части в России», Высочайше утвержденных 29 сентября 1862 года.

С конца 1862 г. Н. И. Стояновский из статс-секретарей Государственного совета назначается товарищем министра юстиции, каковую должность занимал тогда Д. Н. Замятнин. Хотя этот последний был по своим убеждениям вполне предан делу судебной реформы, но настоящею душою министерства сделался Н. И. К чести Замятнина нужно сказать, что он не только не мешал, но и выдвигал вперед своего товарища, талантливая и энергичная деятельность коего оставляла его самого несколько в тени. Н. И. Стояновский при Замятнине играл такую же роль, какую Н. А. Милютин при С. С. Ланском во время составления Положения о крестьянах.

Когда составлены были проекты Судебных Уставов, при Министерстве юстиции была образована специальная комиссия для подробного разбора проектов. Редактирование замечаний министер-

⁴ См. речь Н. И. Стояновского о реформах 60-х годов в заседании Петербургского юридического общества 3 февраля 1880 г. в «Журн. Гражд. и Угол. Права» того же года, № 4.

⁵ См. три части т. XVIII «Дела о преобразовании суда в России».

ства было возложено на Н. И. Стояновского. Чтобы дать понятие о количестве положенного им в этой стадии судебной реформы труда, достаточно сказать, что от Министерства юстиции было сделано до 100 замечаний по существу, а именно: до 600 на статьи уст. гражд. суд., до 300 на статьи уголовного, до 80 на статьи проекта о проступ., подведом. мир. суд., и до 120 на статьи проекта учрежд. суд. мест⁶. А об обстоятельности этих замечаний можно судить по тому, что одни только замечания на уст. гражд. суд. занимают почти 300 страниц *in folio*. По поводу этих интересных замечаний мы имели случай говорить в другом месте⁷; здесь отметим только, что благодаря им были внесены значительные улучшения в текст Судебных Уставов, в особенности в постановлениях об организации прокурорского надзора.

Но и сказанным не исчерпывается участие Н. И. Стояновского в подготовке Судебных Уставов. В силу особого Высочайшего повеления на него была возложена обязанность присутствовать при рассмотрении проектов Судебных Уставов в Государственном совете с правом голоса и давать словесные объяснения в развитие мыслей, высказанных в министерских замечаниях.

С утверждением Судебных Уставов далеко еще не были окончены работы по судебной реформе, — предстояли еще обширные⁸, частью законодательные, частью распорядительные работы по введению в действие Уставов. Особенно горячие пререкания вызвал вопрос о порядке введения их в действие. Одно мнение, поддерживаемое самыми горячими поборниками судебной реформы: С. И. Зарудным, Н. А. Буцковским и О. И. Квистом (в шутку противники их называли русской тройкою: авось, небось и как-нибудь) — стояло за одновременное *повсеместное введение* нового суда, с тем чтобы состав его пополнялся постепенно⁹. Главным мотивом, хотя и неудобным для официальной аргументации и потому в ней не упоминаемым, было желание одним разом и бесповоротно покончить с делом, которое иначе могло затянуться на много лет благодаря обычному у нас охлаждению быстро наступающему в виде реакции после кратковременного духовного подъема. Обстоятельства последующего времени

⁶ См. «Журнал Министерства юстиции», 1866, № 4. С. 31.

⁷ См. мою книгу «Страница из истории судебной реформы» (Д. Н. Замятнин). М., 1883. С. 32–67.

⁸ В «Деле о преобразовании судебной части» работы по введению в действие суд. уст. занимают 7 томов (LXIII–LXIX).

⁹ См. т. LIX «Дела о преобр. суд. части».

показали, что опасение это было вполне основательно: вместо предусмотренных четырех лет, в течение которых решено было законом 19 октября 1865 г. ввести новый суд в Европейской России, он и через 25 лет не везде еще в ней был введен...

Но Министерство юстиции, на которое всецело падала вся обширная практическая сторона введения нового суда, признавало такой план неосуществимым по недостатку персонала и материальных средств и стояло вместе с Н. И. Стояновским за открытие на первое время только двух судебных округов (С.-Петербургского и Московского) и за постепенное открытие других округов. Это мнение одержало верх и получило Высочайшее утверждение 19 октября 1865 года.

После этого под главным руководством Н. И. Стояновского в Министерстве юстиции началась кипучая, сложная и кропотливая работа по составлению правил о скорейшей ликвидации старых судебных учреждений, об окончании или переносе старых дел в новые суды, а также о введении гласности и некоторых начал нового суда в старые судебные учреждения (закон 11 октября 1865 г.). Кроме того, предстояло озаботиться устройством зданий для новых судебных установлений при новой обстановке гласного судоговорения. Наконец, следовало принять самые энергичные меры к привлечению на новые судебные должности достойного персонала¹⁰. И тут Н. И. Стояновский благодаря своему обширному знакомству с судебным ведомством сослужил новому суду большую службу, привлекая в его ряды деятелей, которые доселе составляют гордость нового суда и его лучшие кадры и образцы. Они создали добрые традиции нового суда, которые и доныне поддерживают в нем его дух независимости и энергию, несмотря на окружающие неблагоприятные условия.

Весною 1866 г. открыты были новые суды, но при трудных условиях состоялось это торжество. Вскоре руководство новым судом отошло от людей, искренно преданных основным началам этого суда, и перешло по проискам реакции в руки людей или равнодушных, или враждебных его началам. С 1867 г. Н. И. Стояновский покидает пост товарища министра юстиции и назначается сенатором уголовного кассационного департамента.

В этой стадии своей служебной деятельности г. Стояновский поработал тоже очень много для проведения в жизнь тех начал, на ко-

¹⁰ Любопытные подробности о первых днях судебной реформы см. в статье сенатора А. Ф. Кони «Новые мехи и новое вино» в книге его «За последние годы».

торых зиждется наше новое судебное законодательство. Равноправность сторон, уважение в подсудимом его личности, непоколебимость судебных решений, полное устранение администрации от вмешательства в судебные дела и другие новые принципы судебной реформы беспрестанно приходили в столкновение с старыми вековыми навыками. Нужна была вся твердость первых кассационных сенаторов, чтобы удержать новые судебные учреждения на пути, указанном судебными уставами. Дух их, невидимо витавший над первыми судебными деятелями, давал верный ключ к распознаванию пути правды, каковой ключ, к сожалению, впоследствии был порою утерян или испорчен.

Здесь не место перечислять многочисленные превосходные кассационные решения, состоявшиеся по докладу и внушению Н. И. Стояновского. Сошлюсь на одно. В самом начале кассационной практики сенату пришлось встретиться с вопросом, может ли быть обжаловано в кассационном порядке определение судебной палаты об исключении из сословия присяжного поверенного. Сенат, по докладу Н. И. Стояновского, следуя духу Судебных Уставов, не усомнился предоставить подсудимому эту гарантию, хотя она прямо не была установлена законом. Но *tempora mutantur*, и сенат впоследствии без достаточных оснований изменил свою практику¹¹.

В заключение позволю себе отметить, что Н. И. Стояновский всегда поддерживал тесное общение с юридическою наукою и литературою. Он давно уже состоит почетным членом нашего старейшего Юридического общества Московского и председателем С.-петербургского с самого его основания. С 1882 г. Н. И. состоит председателем Редакционной комиссии, составляющей проект гражданского уложения.

Интересны для характеристики недавнего «доброе старое времени» обстоятельства, при которых состоялся литературный дебют Н. И. В 1850 г. цензура задержала его «Практическое руководство по уголовному судопроизводству» по глубокомысленному мотиву, заимствованному у калифа Омара, сжегшего Александрийскую библиотеку. В сочинении г. Стояновского встречались несколько «собственных» соображений автора. Вот это именно обстоятельство и послужило причиною запрещения книги! Все что нужно знать

¹¹ См. Сбор. реш. угол. касс. депар., 1878, № 201. Сенат сослался на закон 25 мая 1835 г., хотя закон этот не имеет никакого отношения к данному случаю, как я имел случай разъяснить в другом месте (см. мои «Вопросы адвокат. дисциплин.», М., 1887. С. 22).

о законах, рассуждал цензор, помещено в Своде, а чего в нем нет, то *лишнее* и в опубликовании его нет надобности... И это говорилось в то время, когда в основании государственного строя лежало крепостное право, в судах господствовало повальное взяточничество, кнут и вообще телесное наказание господствовали в уголовном праве, а во всей России слышалось одно только молчание на разных языках и возглас: все обстоит благополучно!

III.

А. А. ГОЛОВАЧОВ

НОЯБРЬ 1841–1891 ГГ.

В Москве в тесном кругу друзей, читателей и почитателей Алексея Адриановича Головачова был очень скромно отпразднован 28 ноября 1892 г. 50-летний юбилей его общественно-публицистической деятельности. Принадлежа к старому корчевскому дворянскому роду, А. А. всегда принимал горячее участие в общественных делах своего уезда и губернии, сначала как член дворянских собраний и уездный предводитель, а потом и как гласный уездного корчевского и губернского тверского земских собраний. А. А. продолжает доселе оказывать свое просвещенное содействие Тверскому земству, всегда занимавшему и ныне занимающему одно из первых мест в ряду других земств верностью основным началам самоуправления, а также и разнообразием и интенсивностью своей деятельности на пользу народного просвещения и других культурных нужд края.

Самая продуктивная и кипучая деятельность г. Головачова относится к живой и бурной освободительной эпохе конца 50-х годов, когда все, что было в России честного, мыслящего и порядочного, переживало то невыразимо сладкие, то мучительные перипетии двигавшейся скачками¹² крестьянской реформы. Как член Тверского дворянского губернского комитета и корчевский уездный предводитель А. А. Головачов принимал самое деятельное участие в работах

¹² По поводу принятия крепостником гр. Паниным (см. главу I, §1) руководства крестьянской реформой И. С. Аксаков писал из-за границы: «Я должен сказать, что вне России еще болезненнее отдаются во мне эти гнетущие бессмыслицы. Издали России представляется такую сплошную массу безобразия, что здорового ядра под этою толстою корою и не видно... Каждый мыслящий русский человек нашего времени имеет право на *мученический венец*. Что может быть мучительнее этого постоянного нравственного мученья и нытья». Письма. Т. III. С. 379, 390.

комитета по освобождению крестьян и, после знаменитого его председателя А. М. Унковского был самым усердным, энергичным и талантливым защитником либеральной программы о полном освобождении крестьян от помещичьей власти с наделением их землею. В составлении и редактировании известного «Обзора оснований», при котором представлен был правительству проект тверского дворянства (см. главу II, §3), А. А. как человек с солидным образованием и прекрасно владеющий пером принимал также весьма деятельное участие¹³. Равномерно и в представленных А. М. Унковским в качестве депутата тверского дворянства замечаниях на работы Редакционной комиссии А. А. был взят на себя важный отдел: разработка финансовой стороны крестьянского вопроса¹⁴.

В бурной истории тверского дворянства конца 50-х годов был один эпизод, в котором А. А. Головачову пришлось играть особенно видную роль. Вслед за удалением А. М. Унковского от должности предводителя дворянства оно необыкновенно торжественно выразило свое сочувствие своему смещенному, сосланному предводителю, постановив между прочим учредить в честь его 12 стипендий в Московском университете. Заместивший временно должность губернского предводителя, уездный тверской предводитель Клокачев, «человек низкой души и всеми ненавидимый»¹⁵, без всякого законного повода приостановил приведение в исполнение помянутого постановления, подписанного 11 предводителями из 12.

Возмущенный произвольным и недостойным образом действий Клокачева, А. А. Головачов как корчевский предводитель написал ему письмо, в котором выразил чувства, испытываемые в то время большинством тверских дворян. «На каком основании, м. г., — писал он, — вы позволили себе наглую дерзость против 11-ти гг. предводителей уездных, дерзость, состоящую в том, что вы усомнились в правильности составления протокола. Возражение, сделанное вне собрания, где-нибудь за углом и под прикрытием канцелярской тайны, не могло ослабить или уничтожить силу и действие протокола, публично и гласно составленного в зале губернского собрания. Протокол этот мог потерять свою силу только в том случае, если бы вы имели возможность доказать, что он составлен фальшивым образом, вопреки желания дворян, бывших на съезде; стало быть, вы имели серьез-

¹³ См. выше, II, а также Т. I. С. 304. «Матер. для ист. упразд. креп. права». Берлин, 1860.

¹⁴ См. IX выпуск «Голосов из России». Лондон, 1860 года. С. 163, 204.

¹⁵ См. н. Материалы. Т. II. С. 288.

ные подозрения в этом, если решились производить следствие над 11-ю уездными предводителями. А потому я имею полное право назвать подобный поступок ваш наглою дерзостью... Какие же побуждения заставляли вас так действовать? Позвольте мне самому отвечать на этот вопрос. Я думаю, что поводом к этому была одна жалкая, низкая, гнусная *зависть*, зависть против человека, заслужившего всеобщее уважение не только в нашей губернии, но и в целой России. Эта зависть заставила вас искать какую-нибудь придирку, чтобы помешать тверскому дворянству увековечить воспоминание о полезной деятельности многоуважаемого ими человека; вы искали ее и думали, что нашли. Нет, вы только нашли средство обнаружить ясно и положительно, что вы такое; вы нашли средство покрыть себя позором в глазах всякого порядочного человека и больше ничего» и т. д.¹⁶

В заключение своего письма, очевидно, имевшего целью не личное оскорбление Клокачева, а публичный протест против его некресивого поступка, А. А. заявлял, что копию с письма он посылает губернатору и уездным предводителям дворянства, и выражал готовность отвечать за содержание письма перед судом. Оскорбленный, однако, предпочел обратиться с жалобой к министру внутренних дел, который и внес жалобу на обсуждение главного комитета по крестьянскому делу. Комитет, с своей стороны, направил жалобу к судебному разбирательству, до окончания коего была приостановлена административная ссылка, назначенная А. А-чу вместе с М. А. Унковским и Европеусом. После долгих мытарств дело об оскорблении Клокачева окончилось в 1867 г. прекращением производства у мирового судьи¹⁷ ввиду неявки обвинителя.

Впоследствии А. А. служил по контрольному ведомству, управляя контрольными палатами в Пскове и Саратове, а также много способствовал раскрытию беспорядков в главном обществе российских железных дорог, навлекшими начет на общество в несколько миллионов.

С самого открытия земских учреждений и до настоящего времени А. А. нес, несмотря на все неблагоприятные условия, с неостывающей энергиею благородную службу земству.

Литературная деятельность А. А. Головачова началась в 1841 году и достигла сильного развития в эпоху подготовки и применения великих реформ Александра II. С 1858 г. он делается сотрудником «Рус-

¹⁶ См. там же, 290–1.

¹⁷ См. выше главу II.

ского *Вестника*», в котором он проводит те же мысли и планы, которые были при его деятельном участии усвоены тверским дворянством. В начале 70-х годов А. А. предпринял ряд замечательных критико-публицистических этюдов, в которых уже не а priori, как то было в «Обзоре оснований» тверского проекта, но а posteriori, основываясь на пробелах и недочетах, замеченных в только что введенных реформах, доказывал теснейшую связь отмены крепостного права с последующими реформами и необходимость согласования их с духом этой великой реформы. Статьи г. Головачова вышли впоследствии отдельною книгою под заглавием «Десять лет реформ» и доселе составляют лучшую критическую монографию по этому предмету. Основной взгляд и детальные суждения не только не были поколеблены позднейшею историею, но, напротив, в ней нашли новое и едва ли не еще более громкое подтверждение, так что капитальный труд г. Головачова и донныне сохранил живой интерес современности.

«Сравнивая 1860 и 1870-й гг., — писал уважаемый публицист, видевший расцвет русской общественной мысли 60-х годов, — приходится убедиться, что общество не только не подвинулось вперед, но сделало несколько шагов назад; прежде мы замечали, — говорит он, — всеобщий интерес к вопросам общественной жизни, всюду были слышны суждения и толки не только о главном крестьянском вопросе, но и многих других, несмотря на то, что они представлялись в отдаленном будущем... Но вот проходит десять лет, и все изменилось. Людей, которыми бы руководил не личный интерес, а общественная польза, как-то не видать; если же они являются, то в виде исключения и без большого влияния. Напротив, приверженцы старого порядка вещей, прежде робко выражавшие свое мнение, теперь (1870 г.) как будто устыдились своей прежней скромности и вслед за «Московскими Ведомостями» набросились на все живое и разумное в обществе... Литература никого не интересуется, все наши умники, по-видимому, думают, что они уже все знают и что литература им ничего нового не скажет. Виною этому, — продолжает А. А., — отчасти некоторые органы нашей печати: беззастенчивая полемика некоторых органов, их соперничество, а главное — *полицейско-сыскное* направление»¹⁸. Так характеризовал он настроение общества и печати в начале 70-х годов, которые сравнительно с последующим временем могут казаться верхом общественного воодушевления и литературной порядочности. Что бы сказал наш знаменитый публицист,

¹⁸ Десять лет реформ. С. 2–3.

если бы пришлось ему говорить о переживаемом нами «жестоком» и «безыдейном времени», когда, говоря словами современного поэта-гражданина:

*Свершилось чудо!.. Червь презренный,
Который прежде под землей,
Плодясь в стыде и потаенно,
Не выползал на свет дневной;
Который знал в былые годы,
Что мог он только воровски
Губить богатой жизни всходы,
В тиши подтачивать ростки –
Преобразясь, восстал из праха.*

Остановливаясь на вопросе о причинах такого быстрого охлаждения и упадка общественной энергии, А. А. не довольствуется обычным объяснением «неустойчивости характера русского человека», а старается разъяснить причину этого прискорбного явления и видит ее в том, что во всех почти реформах вопреки ожиданиям не было сделано решительной попытки отказаться от прежней бюрократической системы, основанной на игнорировании и недоверии к общественным силам, а принята была система компромисса, обессилившая основную цель, смысл и дух преобразовательной деятельности и сохранившая почти во всех отраслях управления остатки времен крепостного права. Следы такого направления А. А. видел во всем, начиная с бюджета, построенного почти исключительно на обложении низших «податных» классов и освобождении от прямых налогов высших, и кончая системой местного управления (см. выше § Н. Х. Бунге).

«Что такое наш наказ губернаторам? – спрашивает г. Головачов – это полное выражение тех патриархальных начал, на основании которых помещики управляли своими имениями. Закон говорит прямо, что губернатор есть хозяин губернии. И, действительно, недалеко то время, когда губернаторы пользовались вполне предоставленными им правами и поступали по-хозяйски. Казалось бы, что первую заботою должно быть уничтожение этих и им подобных недостатков. Но на деле ничего подобного не видим, а, напротив, встречаем попытки частных улучшений, без всякого изменения *основных начал*. Все наши реформы потому носят характер *отрывочности*... При таком порядке являются рядом учреждения, основанные на старых и новых началах, и между ними возникают столкновения, которые

не только отнимают время, силы и средства, нужные для настоящего дела, но часто подрывают доверие к новым учреждениям, а это опаснее всего. При таких обстоятельствах даже лучшие люди теряют энергию и оставляют деятельность из опасения подвергнуться обвинению в неблагонамеренности, чему бывали примеры не один раз. Таким образом исполнение, быть может, и хорошо задуманной реформы попадает в руки жалкой посредственности, которая умеет только портить дело. Такой печальный исход всего опаснее, потому что может породить в обществе мысль о несостоятельности принимаемых правительством реформ»¹⁹.

Опасения г. Головачова, к сожалению, подтвердились впоследствии, и даже сами участники реформ явились гонителями их:

*Участник дел былых, надеждами богатых,
Почтенный деятель в недавней старине—
Как будто отъянев, почил на лаврах смятых
И спит, кощунствуя во сне.*

В одном отношении только опасения честного публициста не оправдались: лучшие люди, подобно самому А. А., продолжают, несмотря на все неблагоприятные условия, нести свои общественные обязанности. И в числе этих старых земцев-либералов одно из самых почетных мест занимает А. А. Головачов, который, несмотря на свои почтенные годы, продолжает как в земстве, так и в литературе бодро держать знамя принципов освободительной эпохи.

В 1888 г. А. А. Головачов одновременно с А. М. Унковским и В. А. Арцимовичем был выбран за заслуги по крестьянской реформе в число почетных членов Московского юридического общества.

IV.

В. Н. ГЕРАРД

6 МАРТА 1868–1893 ГГ.

6 марта 1893 г. исполнилось четверть века со дня вступления в адвокатуру известного присяжного поверенного Владимира Николаевича Герарда. Корпорация петербургских присяжных поверенных отпраздновала этот день очень торжественно. Утром в квартире юбиляра стали съезжаться присяжные поверенные, члены совета и посторонние лица. Председатель совета, г. Люстиг, прочел адрес. Постановлено учредить фонд имени юбиляра для вспомоществова-

¹⁹ См. там же, а также выше главу II.

ния бедным членам семейств умерших присяжных поверенных: поднесен был жетон от товарищей по совету, где В. Н. участвовал около 25 лет в качестве члена или товарища председателя. За адресом присяжных поверенных следовал адрес от помощников присяжных поверенных. Вечером состоялся обед по подписке в ресторане Кюба. Произнесено было много здравниц и застольных речей лучшими представителями петербургской адвокатуры: В. Д. Спасовичем, А. И. Унковским и К. Ф. Хартулари, а также знаменитым нашим публицистом, бывшим петербургским прис. повер., К. К. Арсеньевым. Все почти петербургские газеты отнеслись с большою теплою к семейному празднику члена адвокатской корпорации, что указывает на то, что он имеет и несомненный крупный общественный интерес.

В лице г. Герарда товарищи его и общество чествовали не только одного из самых талантливых, бескорыстных и мужественных борников правды, но и типичнейшего представителя присяжной адвокатуры. Принадлежа и по происхождению, и по месту воспитания (как правовед) к привилегированному меньшинству судебных деятелей и имея благодаря хорошим связям впереди обеспеченную блестящую служебную карьеру, г. Герард добровольно и исключительно по нравственному влечению избрал и предпочел заманчивое, но трудное адвокатское поприще. Карьера эта может дать иногда славу, реже богатство, но отнюдь не способна утолить жажду внешних отличий, властолюбия и честолюбия. Это широко открытое исключительно только для соревнования таланту и знанию демократическое поприще, как известно, совершенно уравнивает своих деятелей без различия происхождения и общественного положения. Каждый адвокат сам завоевывает себе место в сословии, и никакие усилия высоких покровителей и «кумушек» не побудят клиентов верить дела «по протекции». Нужно было действительно глубокое внутреннее влечение к этой трудной, но столь привлекательной для людей независимого характера свободной профессии, чтобы предпочесть ее другой, более покойной, обеспеченной и блестящей, с точки зрения честолюбия, коронной службе. Нужен был немалый нравственный закал, чтобы благополучно обойти подводные камни, которыми так изобилует адвокатское поприще и о которые так легко и часто разбиваются неустойчивые адвокаты, даже одаренные крупным талантом. Нужно было, действительно, исключительное глубокое призвание и влечение, чтобы с честью пройти столь длинный общественный путь и до настоящего времени сохранить живой интерес к адвокатской профессии, то *feu sacré*, без которого эта свободная

профессия очень скоро превращается в одно из тяжелейших и скучнейших ремесел.

В многочисленных характеристиках В. Н., появившихся в газетах и в застольных речах, отмечались крайне ценные в адвокате нравственные и умственные черты, из коих некоторые всецело присущи деликатной, мягкой натуре юбиляра, а другие объясняются частью его личными свойствами, частью теми добрыми и мужественно-честными традициями строгой адвокатской этики, которые издавна выдвинули вперед петербургскую адвокатскую корпорацию, обеспечив ей первенствующее положение в среде всей русской адвокатуры. В. Д. Спасович отметил в деятельности В. Н. как выдающуюся черту ее *светскость*, галантность, джентльменство, благовоспитанность, мягкость, благодушие.

Эта черта далеко не так маловажна, как это может казаться с первого взгляда. Живое, теплое, даже горячее, страстное отношение к делу не только возможно, но и необходимо для адвоката, мало-мальски добросовестно и по призванию исполняющего свои профессиональные обязанности. Но тут, как и везде, чувство меры и такта необходимо, иначе ведение дела превращается в бой обозленных петухов или грызню зверей, беспощадную, непримиримую битву по правилу: «*In hostem omnia licita*». Многие в высшей степени честные, бескорыстные и искренно преданные вверенным им интересам адвокаты, отдаваясь без удержу действию своего живого, нервного темперамента, столь драгоценного вообще для адвоката, вносят в прения чересчур много страстности, впадая в то, что французы называют *défaut de ses qualités*. Не говоря о других неудобствах такого чересчур ожесточенного боя, он оставляет в борющихся мутный и горький осадок неприятных воспоминаний, портящих те добрые товарищеские симпатичные отношения *confraternité*, которые составляют одну из основ адвокатского корпоративного строя.

«В профессии, — говорит парижский батонье Лиувиль, — на которой нельзя подвизаться иначе как вдвоем; на которой беспрестанно приходится сталкиваться лицом к лицу с товарищами по профессии, где товарищ, призванный для борьбы, воодушевленный долгом и убеждением, смело возражает своему противнику, где живость нападения вызывает еще большую живость отпора, — что бы с нами было, Боже мой, если бы товарищеская симпатия не сходила с неба для замирания этих битв; если бы боевое оружие не заменяла она оружием турниров (*armes courtoises*); если бы, смягчая наше усердие, умеряя наш пыл, она не возбраняла превращение стычки клиентов в ссоры адвокатов; если бы к концу заседания она, эта симпа-

тия, не обращала своего умиротворяющего *quos ego!*.. к бушующим волнам, отголосок коих не идет дальше судебной камеры!.. Это оно, именно это чувство товарищества, прелести которого вы со временем узнаете, — говорил батонье стажерам, — оно только нас сдерживает, оно одно делает возможным по окончании битвы жать товарищам эти руки, всегда дружественные, хотя то и руки противника»²⁰.

Г. Герард именно и был по преимуществу пропагандистом «цивилизованных», «рыцарских» приемов судебной борьбы. Для удачного исполнения этой миссии сама природа отпустила ему все данные и средства: внешнее изящество, привлекательная наружность, ласкающий ухо мягкий баритон, врожденная деликатность, развитая воспитанием, утонченная чисто французская вежливость и предупредительность, которая не только на турнире, а на самом поле настоящей битвы уступает первый выстрел противнику, как это сделал граф д'Отрош в 1745 г. в битве при Фонтенуа, сказав английскому командиру: «Non monsieur, nous ne tirons jamais les premiers. Tirez, vous-mêmes!..» Распространение в нашей молодой адвокатуре правил честного, благородного рыцарского боя с возможно при всей горячности схватки предупредительностью было тем настоятельнее, труднее, а стало быть и почетнее, что нравы наши вообще далеко не страдают и не страдали избытком мягкости и лояльности во взаимных сношениях, а судебно-адвокатские в особенности, где на самом кануне судебной реформы были в ходу приемы взаимного надувательства и мошеннического «путания дел» во вкусе гоголевского «юрисконсульта».

После таких «жестоких нравов» тем неожиданнее и приятнее было встретить этого изящного, галантного бойца, отважно бьющегося, как лев, в защиту взятых им под свое покровительство интересов, но до фанатизма верного охране адвокатского *point d'honneur*, до щепетильности строгого к вопросам чести и порядочности.

Любопытный в этом отношении казус представило известное дело миллионера Овсянникова, обвиняемого в поджоге. Г. Герард был поверенным гражданского истца, страхового общества. Вдруг неожиданно по открытии заседания защита Овсянникова заявляет отвод против г. Герарда, ссылаясь на то, что Овсянников обратился к нему с просьбой принять защиту. Оказалось, что Овсянников действительно предлагал г. Герарду свою защиту, но он, ознакомившись с делом, отказался принять его. Стало быть, никаких оснований не было у г. Герарда не выступать против Овсянникова

²⁰ F. Liouville. De la profession d'avocat. P. 33.

(а иначе стоило бы обвиняемому обойти всех корифеев адвокатуры с предложением защиты и таким простым способом освободить себя от опасных противников!). Г. Герард вправе был оставить без внимания этот кляузный отвод, который, конечно, был бы отклонен и судом. Но еще больше был прав В. Н., добровольно отказавшись от дела по высшим соображениям деликатности и безукоризненной честности, дабы устранить самую тень сомнения относительно своего поведения. Г. Герард нес не только материальный ущерб, но рисковал даже навлечь на себя некоторое нареkanie со стороны доверителя, несмотря на безупречность своего поведения (говорим, безупречное, потому что, во-первых, предвидеть такой странный отвод не было возможности, а во-вторых, доверитель вправе требовать от своего доверенного мужества и самопожертвования, но не в ущерб требований чести, хотя бы и очень тонких и необщепринятых), и тем не менее, добровольно отказавшись от дела, г. Герард совершил с высшей этической точки зрения прекрасный поступок, делающий ему честь и создающий в сословии прецедент, достойный подражания.

Только тот, кто близко знаком с интимною стороною адвокатской профессии, знает те чрезвычайные трудности, которые представляет она для адвоката, смотрящего на свою деятельность как на серьезное общественное служение. Недаром еще Квинтилиан наряду с техническим элементом, с умением говорить, с даром слова (*dicendi peritus*) ставил элемент этический, нравственную порядочность, адвокатскую чистоплотность (*vir bonus*). Без этого нравственного элемента адвокатская профессия превращается в одно из самых несимпатичных антисоциальных, грязных ремесел, близких, *sit venia verbo*, к умственной и нравственной проституции; ибо что же может быть ниже, гаже и оскорбительнее для человеческого достоинства, как торговать оптом и в розницу своим словом, мыслью, всем своим нравственным существом, не имея иной цели и побуждения, как или слава непобедимого софиста, или, того хуже, грубый материальный расчет? Существование такого адвокатского типа, к сожалению, факт, не подлежащий сомнению. Но не он, к счастью, давал и дает тон русской адвокатуры. Лучшие представители петербургской адвокатуры: К. К. Арсеньев, В. Д. Спасович, А. М. Унковский, В. Н. Герард, В. И. Танеев и др., высоко державшие знамя русской адвокатуры, сразу поняли и оценили важное гражданское значение адвокатской кафедры в России как единственной почти публицистической кафедры для распространения в обществе начал законности, равноправности, гуманности и честности.

сти²¹. А для удачного выполнения такой благородной программы *conditiones sine quibus non* суть: а) тщательный выбор дела и аргументов по делу с точки зрения нравственной и законной; б) бесстрашное, беззаветное служение делу «до последней капли крови», по известной присяжной формуле, раз только сделан такой именно тщательный выбор. В этих двух пунктах «весь закон и пророки» адвокатского поведения, альфа и омега адвокатского нравственного кодекса.

«Секрет моего успеха, — сказал г. Герард в ответ на одно из приветствий, — очень прост. Я всегда относился строго к выбору дел, брал исключительно дела, которые я должен бы выиграть, или, по крайней мере, такие, за которые не *краснел бы*, если бы и проиграл. Другая привычка моя — строгий выбор аргументов, приводимых по делу хотя бы и такому, которому бы я не сочувствовал, но которое обязан был вести по назначению от суда. Только этому примеру следовать я и могу рекомендовать своим молодым коллегам».

Благо тому, кто после многолетней и обширной практики может так говорить публично, не рискуя встретить вокруг себя либо скептическую улыбку, либо прямое возражение, а напротив, получает, как это было в данном случае, от лица общепризнанных авторитетов корпорации, дорогое и непререкаемое свидетельство справедливости своей профессиональной исповеди. «В. Н. Герард совершенно справедливо указал, — говорил К. К. Арсеньев, составлявший некогда красу и гордость петербургской адвокатуры, а ныне русской публицистики, — на последовательность своей аргументации по делам как на пример, достойный подражания. Последовательность эта выражается вовсе не в «холодной» стройности умозаключений, а лишь в том, чтобы не «пригонять» аргументации к каждому данному делу, чтобы завтра не ратовать против тех принципиальных положений, которые сегодня отстаивал. А в этом, действительно, высшая гарантия чистоты адвокатуры, несение ею того знамени, которое вручено ей Судебными Уставами. Юбиляр принадлежит к числу лиц, наиболее сохранивших чистоту этого знамени, и по поводу его двадцатипятилетия наиболее уместно пожелать восстановления „медового месяца“ адвокатуры, как и нового суда». «Адвокатская профессия — правду сказать — едва ли может считаться особенно благоприятной для идеальной нравственности, — говорил другой знаменитый член петербургской корпорации А. М. Унковский. — Но я должен сказать, что В. Н. Герард доказал, что можно оставаться в ней с совершенно неза-

²¹ Leroy-Beaulieu. L'empire des Tzars. Т. II. P. 240.

пятнанной джентльменской репутацией: это один из самых честнейших адвокатов, каких я знал».

Пред такими авторитетными заявлениями должны умолкнуть всякое недоверие и вражда принципиальных противников нашей адвокатуры²², а также ламентации адвокатов с двусмысленною репутациею, привыкших нерасположение к ним товарищей приписывать профессиональной зависти²³.

Одна из газет, и притом такая, которая далеко не отличается избытком привязанности к основным задачам присяжной адвокатуры, характеризуя деятельность г. Герарда, сказала, что он был в полном смысле слова «рыцарем *без страха и упрека*». Завидная, достойная похвала, вызванная 25-летним доблестным служением двум вышеуказанным основным принципам адвокатуры! Избрав дело или приняв защиту по назначению, между прочим, и по политическим процессам, г. Герард, действительно, служил ей с верностью истинного *chevalier de la loi*, пренебрегая соображениями личных неудобств и безопасности и имея в виду одно мужественное служение профессиональному долгу, закону и гуманности. Приятно, лестно и почетно служение этому благородному знамени в тиши кабинета или в многочисленной аудитории, сочувственно внимающей призыву к принципам человечности и затем устно и печатно разносящей славу честного защитника угнетенных; но во сколько крат почетнее геройская служба храброго защитника, когда он говорит среди недружелюбно настроенных слушателей, полных нетерпения, недоверия и негодования, перед нахмуренными лицами негодующих судей, едва сдерживающих себя в пределах подобающего месту внешнего приличия; когда он, враждебно комментируемый, часто прерываемый, умеет найти в самом страшном преступнике проблески человечности; когда он *заставляет*, если не внять, то хоть прислушаться к голосу сострадания, к принципам человеческим, вечным, во имя святого начала правосудия:

*Nul n'est juste, s'il n'est doux*²⁴

или, как говаривал Грановский, человечность прежде всего!

²² Среди крепостников и доселе не перевелись экземпляры из породы ископаемых, держащиеся на адвокатуру взглядом если не «времен очаковских и покорений Крыма», то времен... крепостника графа Панина, изрекшего в 1860 г.: «Вредно и опасно, если глубокое знание права будет распространено в классе людей, не состоящих на государственной службе» («Колокол», 1859. № 13).

²³ См. выше §А. М. Унковский.

²⁴ Нет без милости суда.

Таких примеров честного мужества и адвокатской доблести, без коей в иных случаях защита превращается в простой кощунственный обряд, было немало в славном прошлом В. Н. Герарда.

Нельзя не отметить еще и той выдающейся роли, которую В. Н. играл в корпоративной жизни петербургской адвокатуры, служа ей не только образцами своей личной профессиональной деятельности, но и как член сословного представительства. В течение 25-ти лет В. Н. был видным и энергичным сословным деятелем, непрерывно участвуя в качестве члена или товарища председателя Совета в разработке тех профессиональных правил поведения, которые составляют драгоценный капитал не только петербургской, но и всей вообще русской присяжной адвокатуры.

Хорошо понимая все серьезное значение для будущности адвокатуры правильного и разумного устройства школы для молодой адвокатуры, В. Н. и сам отдавал много времени и любви для занятий с своими личными помощниками и сильно отстаивал необходимость организации *сословных учреждений*, без которых невозможно воспитание помощников присяжных поверенных в духе традиций присяжной адвокатуры. Искренняя и сердечная признательность, высказанная адвокатскою молодежью В. Н. по поводу его юбилея, была одною из многочисленных наград, заслуженных г. Герардом во время скромного, но знаменательного чествования его, как достойного представителя присяжной адвокатуры.

VI.

И. Я. ФОЙНИЦКИЙ

1 ИЮНЯ 1868–1893 ГГ.

1 июня 1893 г. в Петербурге происходило домашним образом чествование известного нашего криминалиста, профессора Петербургского университета, товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента И. Я. Фойницкого по случаю исполнившегося 25-летия его профессуры и научно-литературной деятельности. Продолжительная научная и публицистическая деятельность уважаемого криминалиста не замыкалась в тесные пределы академического преподавания и не раз соприкасалась с текущими государственными и общественными вопросами, имеющими крупный жизненный интерес. Обе диссертации его на ученые степени — «Мошенничество по русскому праву» и «Ссылка на Западе», затрагивали вопросы, имеющие серьезное значение для русской действительности, как и большинство статей и монографий его, как-то: «Исходные момен-

ты законодательства и печати», «Защита в уголовном процессе»²⁵, «Оправдательные приговоры присяжных и меры к их сокращению» и мн. др.²⁶

Но самым капитальным трудом проф. Фойницкого в общественном смысле был знаменитый его «Курс уголовного судопроизводства»²⁷. Значение и заслуга его *усугублялись* временем его появления. Это было время, когда вся реакционная пресса, с М. Н. Катковым во главе, сомкнутыми рядами шла против Судебных Уставов, выставляя все их основные принципы и в теории неверными, и на практике опасными для нашего государственного порядка, и несовместными с правильным развитием России. Кликуши московской сыскной печати сумели даже день открываемого судебным ведомством памятника в Москве творцу Судебных Уставов обратить в средство для травли судебных учреждений, указывая кровавые пятна на белом мраморе статуи Александра II и недвусмысленно ставя их в счет новому суду... Возмущенный этими доносами и бесшабашною травлею И. С. Аксаков писал в 1884 г. (по адресу публицистов Страстного бульвара и их приспешников): «С легкой или, вернее, тяжелой руки „Московских Ведомостей“, прочие газеты и газетки с публикой вкупе хором режут на новый суд: „Ату его! Ату!“; глумятся, ругаются, мечут грязь со свистом и хохотом во весь судебный персонал, во весь судебный институт с его прошедшим и настоящим, как будто кто им задал за-

²⁵ Выдвигая вперед общественную миссию защиты и предостерегая ее от превращения ее в частный промысел, проф. Фойницкий указывал также на значение этого вопроса для молодого поколения. «Ныне, — писал он в 1885 г., — для университетской молодежи доступ в правительственную судебную службу сокращается частью благодаря привилегированным питомникам юриспруденции, частью по недостатку вакансий. Для молодежи университетской адвокатура остается почти *единственною* сферою юридического труда. Печаловаться об этом нет причины ввиду привлекательности и симпатичности этого вида труда в его чистом виде, но тем настоятельнее позаботиться, чтобы чистое русло его не было загрязнено в самых истоках и чтобы наша молодежь, мечтающая нести общественную службу, не попадала за *прилавок* недобросовестной лавочки. Этого требуют интересы молодого поколения, интересы судебной правды и судебного достоинства в ближайшем будущем» (С. 64 «Защ. угол. процес.»).

²⁶ В статьях своих проф. Фойницкий доказывал, что большой процент оправдательных решений присяжных имеет объяснения в недостатках нашего действующего материального и процессуального уголовного права, а отнюдь не в устройстве суда присяжных («Жур. Гражд. и Угол. Права», 1879. № 6).

²⁷ «Курс уголовн. судопр.». СПб., 1884. Т. I. С. 624.

дачу не только поколебать его авторитет, но и омерзить его, сделать ненавистным в народных понятиях»!.. В защиту оклеветанных и ежедневно обливаемых грязью судебных учреждений раздавались лишь немногие, едва слышные голоса.

Среди этих немногочисленных голосов самым громким и авторитетным был раздавшийся именно в эту критическую минуту, и потому особенно нужный и ценный, голос такого компетентного судьи, как известный процессуалист, проф. Фойницкий, прекрасно знакомый с уголовным процессом и в современной научной обработке его, и с практической стороны, а также изучавший историю Судебных Уставов по подлинным ее документам. Имея общепризнанное право говорить от имени науки и судебной практики, г. Фойницкий в своей книге, которая, к сожалению, не могла быть окончена по независящим от автора обстоятельствам, представил в 1884 г. замечательную по богатству собранного сравнительно исторического и практического материала *апологию основ судебной реформы и ее исторической миссии*.

Проследив подробно историю подготовки судебного преобразования 1864 г., проф. Фойницкий так определил цель составления Судебных Уставов. «Не политическими волнениями, — писал он, — не борьбою политических партий и политических страстей вызван к жизни этот великий памятник законодательства, а исключительно сознанными правительством и обществом потребностями правосудия; не политическое господство того или другого интереса стремится он закрепить и развить, а государственное господство общего для всех одинакового интереса правды и справедливости насаждает он в русской земле»²⁸.

Коснувшись вопроса о своевременности издания Судебных Уставов и поворота, совершенного ими от системы правительственной опеки к системе самостоятельности народной, ученый процессуалист говорил: «Составители Уставов 20 ноября и высшее правительство, давшее им санкцию, твердо и много *доверяли* русскому народу: его чувству права, его знанию меры. Напрасны были голоса, указывавшие на необразованность массы и отсутствие политического воспитания; составители Уставов отвечали, что тот же гласный суд воспитает его политически, открыв доступ для его участия в государственной деятельности. Они помнили притом, что русские государи в самые трудные исторические минуты исправляли при помощи народа судебные неурядицы, созданные волостельским и приказным

²⁸ См. назв. Курс. С. 157.

элементами; помнили, что русский народ в течение всей эпохи крепостного гнета берег и хранил в своей среде правый суд и, без сомнения, положились на него. Опыт блистательно подтвердил основательность их мнений»²⁹.

Коснувшись вопроса о «подражательности» Суд. Уст., проф. Фойницкий опровергает распускаемый врагами судебной реформы нелепый упрек в рабском копировании с французского образца. «Составители Судебных Уставов твердо верили в дело прогресса общечеловеческого, — замечает г. Фойницкий, — им чужд малейший упрек в стремлении быть национальными во что бы то ни стало, *даже ценою справедливости*»... Указав затем, что заимствования делались не только из французского, но и из английского законодательств, «являющихся учителями всего человечества», профессор Фойницкий устанавливает, что самые заимствования делались лишь после тщательной проверки и сообразуясь с силами и особенностями русского народа. «Ни один процессуальный институт наших Уставов, — справедливо отмечает он, — не может быть признан ни английским, ни французским; на каждом из них легла печать *самобытности*, каждый из них имеет самостоятельную русскую физиономию, приуроченную к русским нуждам, непонятную без изучения русских условий»³⁰.

Переходя к изучению в отдельности главнейших институтов нашего нового судебного права, к отделению власти судебной от административной, к несменяемости судей, участию в суде народного элемента и т. д., г. Фойницкий с большим знанием и талантом следит за теми историческими и бытовыми соображениями, коими вызваны эти необходимые гарантии правосудия. В частности с особенной тщательностью обработан в книге г. Фойницкого отдел о суде присяжных, дающий весьма полные данные о постановке этого института как у западных европейских народов, так и в России. «Выросшее в Англии, — так начинает свою характеристику г. Фойницкий, — принятое затем и обработанное во Франции, установление присяжных стало *мировым* судебным институтом, характеризующим цивилизованные нации. Палладиум личной свободы и политической независимости народной, ревностный страж общественной безопасности и строгий судья злодеяний, это установление более или менее делается для культурного мира судом естественным по преимуществу, от ведения которого в интересах народной экономии устраниются

²⁹ Там же.

³⁰ См. там же. С. 159.

лишь дела наименьшей важности. Принятое Уставами Александра II, оно стало *центральным узлом* новой судебной системы, *наилучшим украшением и опорой ее*».

После этих прекрасных строк автор переходит к подробному разбору всех доводов за и против суда присяжных, суда шэфенов и коронного суда и приходит к такому окончательному заключению: «В той форме народного участия в суде, которое известно под именем суда присяжных, судебные достоинства его получают высшее развитие, до которого до сих пор достигало человечество, так что для наших дней суд присяжных представляется наиболее близким к идеалу суда»³¹.

Относясь с величайшею симпатиею к русскому суду присяжных, проф. Фойницкий указывает, что насаждение его у нас было вызвано чисто юридическими и историческими мотивами. «Институт присяжных, — говорит он, — введен у нас не как вынужденная народом у правительства уступка, а добровольным его актом, как видоизменение прежних, уже устаревших форм народного участия, идея которого глубоко коренится в нашей жизни и неразрывна с нашим *национальным* воззрением на правосудие»³². Проф. Фойницкий касается и вопроса, которым так злоупотребляла реакционная печать, не понимая всей важности его. Как известно, она силится доказать, что суд присяжных несовместим с существующим у нас государственным строем. Против этого мнения, усматривающего в суде присяжных исключительно политический институт, г. Фойницкий возражает: «Это мнение несогласно с действительностью. Присяжные берутся из всех классов народа, действуют совместно с коронным судом и под его контролем. Как установление судебное суд присяжных подзаконен и должен сообразовать свою деятельность с законом, которому он подчинен. Потому-то присяжные заседатели с успехом функционируют и в странах, общий строй которых далек не только от демократического, но даже от укладного (конституционного) порядков; они немыслимы только в деспотиях, где не может быть речи о судебной власти. Отправляя правосудие, — продолжает автор, — присяжные несут возложенную на них повинность и участием своим укрепляют правительство, усиливают его, а отнюдь не ослабляют. От них правительство получает практические сведения, необходимые для правосудия; благодаря им общество перестает смотреть на правосудие как на дело ему чуждое и охотнее помогает его ходу».

³¹ Там же. С. 386, 389.

³² С. 156.

Рассматривая условия деятельности суда присяжных, г. Фойницкий указывает, между прочим, что «степень точного исполнения законов в других областях сказывается на их вердиктах: чем более законности в жизни, в суде, в деятельности прокураторы и администрации, тем более ее и в деятельности присяжных заседателей... Громадное влияние на деятельность присяжных, — говорит он далее, — имеет отношение к этому институту правительства: при доверии правительства присяжные сосредоточиваются в рамках судебной деятельности, при недоверии они проявляют стремление принести в суд политическую борьбу. В этом отношении особенно вредны попытки подбора присяжных заседателей, сокращение их компетентности»³³. «Введение у нас суда присяжных, тотчас после отмены рабства, — говорит в заключение г. Фойницкий, — было смелым, скажем более, *дерзким шагом* теоретического ума; однако, — с радостью спешит прибавить уважаемый ученый, — его *увенчал успех*, затмивший опасения практиков»³⁴.

С такую же глубокою симпатиею относится г. Фойницкий и ко всем другим основным принципам судебной реформы. Об отношении автора к новеллам последних лет, во многом изменившим основы Судебных Уставов, могут дать представление следующие прочувствованные строки. «Второе десятилетие, приходящее к концу со времени издания этого замечательного памятника нашего законодательства, одного из самых ценных украшений великого освободительного царствования, провожает его с теми же любовью и уважением, которыми он был встречен; святая обязанность каждого юриста отныне ясна: состоит она в том, чтобы оберегать начала Судебных Уставов в их первоначальной *чистоте*, ограждать животворящий их *дух*, внутренний смысл их от всяких искажений и переделок, составляющих явный или прикрытый поворот к старому порядку вещей»³⁵.

Красноречивая убедительная защита проф. Фойницким основ судебной реформы, подкрепленная солидными научно-практическими данными, произвела и должна была произвести сильное впечатление.

Если она не убедила ослепленных врагов нового суда, которых ничем убедить невозможно, то способствовала укреплению в шатавшемся общественном сознании доверия к незыблемым *основам* судебной реформы; эта громадная заслуга проф. И. Я. Фойницкого пред нау-

³³ С. 448.

³⁴ С. 447.

³⁵ С. 159.

кою, представители коей, по справедливому замечанию проф. Владимирова, в критические минуты должны громко говорить, а не лукаво молчать, своевременно была отмечена печатью³⁶.

VIII.

П. Н. ОБНИНСКИЙ

9 МАЯ 1869–1894 ГГ.

9 мая 1894 г. в Москве в скромной семейной обстановке праздновалось 25-летие литературно-публицистической деятельности одного из симпатичнейших общественно-судебных деятелей преобразовательной эпохи, Петра Наркизовича Обнинского.

Окончив курс в 1859 г. в Московском университете, — в числе последних избранников, сподобившихся слышать вещее слово великого учителя человечности Грановского, — уже вскоре по окончании курса П. Н. имел счастливую возможность применять заветы учителя на деле.

Помещик Калужской губернии, г. Обнинский с истинно братским великодушием устроился с своими крестьянами, отдав им даром в надел лучшие земли в своем имении. Затем он вошел в состав той избранной благородной дружины мировых посредников, которую удалось сгруппировать около себя знаменитому калужскому губернатору В. А. Арцимовичу (см. выше) для приведения в исполнение Положения 19 февраля. По должности председателя Боровского мирового съезда П. Н. и в своих личных действиях, и в деятельности подведомого ему учреждения старался, следуя духу освободительной хартии, внести в старую крепостническую среду, — издавна воспитанную на своеволии, на алчном захвате всего, без внимания к чужим интересам, — первые элементы законности, равноправности, человеколюбия. Нелегка была эта задача ввиду дикости и некультурности среды, для которой дотоле единственными правилами жизни было: *sic volo, sic jubeo*, или своя рука владыка, — но тем более чести этим первым проводникам культурных борозд на ниве русской общественной жизни.

С 1866 г. с открытием новых судов в Калужской губернии г. Обнинский вступил в состав Боровского мирового института, продолжая в более широких размерах исполнение той же благородной миссии водворения законности, правды и милости.

³⁶ См. статью проф. Сергиевского в *«Юридической библиографии»*, 1885 г., и мою в *«Юридическом Вестнике»*, № 8 того же года.

С 1869 г. он перешел на службу в прокуратуру и занимал должность товарища прокурора в разных местах. В последние годы службы он был прокурором Московского окружного суда до выхода своего в 1890 г. вследствие сильно расстроенного здоровья в отставку. И здесь также, оставаясь верным принципам и традициям нового суда, он являлся блюстителем законности и человечности, отнюдь не замыкаясь в броню узкого формализма и равнодушия. Умея по человечеству найти слово снисхождения для случайных и неиспорченных преступников, П. Н. был беспощаден к героям преступления и в частности к героям преступления по должности, когда властные носители их изобличались в систематическом, сознательном попирании законов в расчете на свою безнаказанность. С честным мужеством и чуждый угодливости сильным мира сего, П. Н. всегда горячо отстаивал в делах по преступлениям по должности интересы закона и общества, что, конечно, не обходилось без тяжелых столкновений с администрацией.

Занимая по должности прокурора место члена в разных губернских присутствиях, П. Н. умел и здесь остаться верным началам законности и человеколюбия и иногда оказывал очень сильное и благотворное влияние на деятельность всей коллегии, как это было в Московском губернском фабричном присутствии, обратившем благодаря П. Н. некоторое внимание на полный лишений и страданий быт фабричных рабочих московского района.

Последние 3–4 года г. Обнинский, помимо обширной литературно-публицистической деятельности, отдался по должности председателя Общества попечения о нуждающихся в защите детей широкой и рациональной благотворительности, которую вынужден был покинуть только тогда, когда физические недуги (сильное ослабление слуха и зрения) сделали невозможным руководство общественным делом. С тою же теплою и беззаветною сердечностью, которую всегда вносил этот типичный представитель благородного поколения людей 60-х годов во все, за что ни брался, — он и в этой скромной должности сумел вдохнуть новую жизнь в управляемое им общество и организовал совершенно новую отрасль благотворительности, — судебную защиту воистину беззащитных, малолетних жертв произвола и жестоких нравов. В замечательной инструкции, составленной П. Н. для названного Общества по «отделу защиты», он сделал попытку правильной организации чрез особых участковых членов общества надзора за беззащитными детьми и возбуждения преследования в случаях, когда они делаются жертвами преступления

или жестокого обращения³⁷. Если это доброе начинание не успело еще развиться вполне, то, конечно, не вина его человеколюбивого инициатора.

За последние годы литературная деятельность П. Н. приняла большие размеры. Бодрый духом, несмотря на свои недуги, чуткий, отзывчивый на все вопросы, волнующие общество, г. Обнинский помещал в конце 80-х годов ряд статей по юридико-публицистическим и этическим вопросам как в общелитературных изданиях («Русская Мысль», «Русское Богатство», «Русские Ведомости»), так и в специальных («Юридический Вестник», «Журнал Гражданского и Уголовного права», «Детская Помощь»). В 1901 г. Обнинский издал первый выпуск своих статей под заглавием «Закон и быт». Первая статья г. Обнинского «К вопросу о мировом институте» была напечатана в «Судебном Вестнике» в мае 1869 г., в № III.

«С тех пор, — говорилось в адресе, поданном г. Обнинскому в день его юбилея, — непрерывно продолжалась ваша плодотворная литературно-публицистическая деятельность как в юридических, так и в общих изданиях, то усиливаясь, то ослабевая ввиду множества служебных обязанностей и служа лучшим комментарием и дальнейшим продолжением как вашей служебной, так и последующей благотворительной деятельности. В этом тождестве направления официального служения и принципов литературной деятельности заключается лучшая проверка искренности, глубины и несокрушимости ваших нравственных убеждений «как внутреннего смысла всей жизни», по выражению вашего любимого писателя Салтыкова.

«Для вас как истинно «мирского» человека собственная личность, личное дело, личный интерес всегда были на последнем плане. Поэтому дозвоьте нам, сердечно уважаемый, дорогой Петр Наркизович, не исчисляя подробно ваших великих личных заслуг, засвидетельствовать, что ваше горячее служение словом и делом гуманно-освободительным идеалам эпохи великих реформ прошло не напрасно, оно нашло сочувственный отклик в друзьях русского прогресса и просвещения и дало им новый стимул для верного служения тому благородному знамени, которому так долго и честно служите вы, и служить которому вы научились еще в стенах нашей альма-матер. Если бы восстал из гроба наставник ваш Грановский, которого девиз: «Человечность прежде всего» — стал и вашим девизом, то, обозрев всю вашу 35-летнюю деятельность, он, без сомнения, нашел бы ее достойною себя, достойною студента 59-го года. Это от-

³⁷ Инструкция напечатана в прилож. к № 1-му «Детской помощи» за 1888 г.

радное сознание да послужит вам новым возбудителем к дальнейшей бодрой литературно-общественной деятельности и успешной борьбе с удручающими вас недугами, которые, к счастью, бессильны побороть вашу любовь к ближнему, ваш неостывающий интерес к общественному делу, вашу пламенную преданность идеалам освободительной эпохи»...

На приветствие г. Обнинский отвечал следующею замечательною речью, приводимую *in extenso*:

«Много приходилось мне на своем веку произносить всяких речей, и земских, и судебных, и общественных, и даже застольных, но никогда я не чувствовал такого смущения, как сегодня... Трудно говорить на своем собственном юбилее. К тому же я и охмелен тою неожиданною-негаданною честью, какую вам угодно было оказать мне, мои дорогие и глубокоуважаемые гости. И при всем том мне хочется вместо шаблонных фраз сказать вам то, что в данную минуту лежит у меня на душе.

Я несколько осваиваюсь в таком положении, соображая, что в сущности чувствуется вами не моя рядовая личность, а то знамя, наше общее, дорогое знамя, под которым я имел честь служить в трех последовательных реформах и от которого теперь остаются одни лохмотья... Было время, когда оно развевалось на победном пути против мрака и неправды; теперь оно стоит в забытом уголке собора и свято только для немногих ветеранов. Перебиты командиры и офицеры, и доживающим свой век тогдашним новобранцам достается привет почетного наследия. В «благополучное время» этого не бывает: тогда новобранцы заслонены более блестящим авангардом.

Нечто подобное наблюдаем мы и в природе, — при обмелении рек, например, от засухи и истребления лесов понижается уровень вод. Плоские острова кажутся горами, чахнут бывшие поемные луга... Вода продолжает падать все ниже и ниже, — и вот над мутным ручейком торчит какая-нибудь коряга, о которой никто и не узнал бы, если бы над нею по-прежнему неслась благодатная река в то безбрежное море, которое зовется прогрессом человечества. Да и самой этой коряге жилось гораздо лучше в общем потоке, нежели теперь на отмели, привлекая к себе внимание.

Такова и моя доля. В юности под могучим руководством В. А. Арцимовича мне довелось принять участие в поворотном моменте нашего культурного развития: *идея права и свободы воплощалась в жизнь*. Виктор Антонович *делал* то, чему так недавно еще учил меня Грановский. Немудрено было, пройдя подобную двойную школу, уже на всю

жизнь остаться убежденным ревнителем этих начал. Меня рано «бросили в воду», и я «научился плавать»... Да и вода эта была особенная — целебная, воскрешающая. Я даже думаю, что если б можно было окрестить в этом «живоносном источнике» кого-нибудь из новорожденной интеллигенции, то и тот бы уверовал, что идеал как стимул деятельности есть вовсе не какая-то детски мечтательная, а очень и очень реальная осязательная сила. Затем в дальнейшей службе я оставался верен духу исполняемого закона (в прокурорском надзоре это было не особенно легко); я старался истолковать и отстаивать этот дух в своих литературных работах. Положим, дружественно настроенная критика могла еще находить в этом кое-какую заслугу, но я окончательно сконфужен перед приветом Общества детской защиты, уже раз наградившего меня званием своего почетного члена. В этом отношении вся деятельность моя может быть выражена известным стихом Некрасова: «Нам суждены лишь благие порывы, но свершить ничего не дано». Могу лишь сказать, что если не успел я *ничего свершить*, то случилось это не потому, чтобы я разуверился в свое дело, охладел к нему или отступил перед известными вам препонами, — нет: просто потому, что все физические ресурсы, необходимые для ведения дела, один за другим, как это вы видите, покидали меня.

Если все так просто, естественно и не особенно казисто в отмеченном, однако, вами итоге моих рабочих лет, то чем же объясняется ваше доброе внимание? Ничем иным, как вашею собственною, теперь столь редкою преданностью тем заветам, каким они были посвящены: только очень хорошее зрение одинаково разбирает и крупный и мелкий шрифт в этой анонимной летописи, куда капризная судьба заносит дела людские, и где каждая мелкая буква получает свое значение лишь настолько, насколько в связи с другими она образует *слово*, — понятное, родное душе читателя и не вами, конечно, «забытое». Вот почему в сегодняшнем факте я вижу гораздо больше чести вам, нежели тому, кого вы подарили сладчайшею из возможных наград — общественным одобрением, сознательным и совершенно свободным, и я не знаю, чем могу достойно отблагодарить вас».

С разных сторон и даже от неизвестных ему лиц П. Н. получил многочисленные приветствия, свидетельствующие о большой популярности этого чистейшего и скромнейшего труженика нового суда.

IX.

А. Ф. КОНИ

30 СЕНТЯБРЯ 1865–1895

30 сентября 1895 г. исполнилось 30-летие литературно-научной деятельности известного судебного деятеля сенатора Анатолия Федоровича Кони. Примыкая по происхождению к литературно-художественному кругу (отец А. Ф. — д-р философии Иенского университета и драматический писатель, мать — драматическая актриса и тоже писательница) и обладая крупным литературным талантом, А. Ф. очень рано, еще на студенческой скамье, выступил на научно-литературное поприще и сразу занял видное положение своим первым юридическим исследованием — «О праве необходимой обороны», вышедшим в 1865 году и обнаружившим в молодом юристе и солидную эрудицию, и умение владеть изящным литературным языком.

А. Ф. родился в Петербурге в 1844 году. Первоначальное домашнее образование его велось под руководством писательницы С. П. Соболевой. Затем он учился в Петербургской немецко-аннинской школе и во II-й гимназии, откуда он вышел из VI класса и, выдержав гимназический экзамен, в мае 1861 г., поступил в Петербургский университет по математическому факультету. По случаю закрытия в 1862 г. этого университета А. Ф. перешел в московский на 2-й курс юридического факультета. По представлении указанной ученой работы г. Кони был оставлен при университете для приготовления к кафедре уголовного права. Как раз в это время (1865 г.) временно приостановлены были командировки магистрантов за границу, и А. Ф. вынужден был поступить на административную службу сначала по государственному контролю, а затем в главный штаб по особым поручениям юридического характера.

С введением 17 апреля 1866 г. в действие Судебных Уставов г. Кони попал на настоящую свою дорогу, в новые судебные учреждения, с историей коих навсегда связал свое имя. Сперва он занимал должность помощника секретаря С.-Петербургской судебной палаты, потом — секретаря при прокуроре Московской судебной палаты (знаменитом Д. А. Ровинском); затем он перешел в прокурорский надзор и занимал должность товарища прокурора Харьковского и прокурора Казанского окружных судов. С 1871 г. он переходит на ту же должность в Петербургский окружной суд и здесь в ряде громких процессов обнаружил как выдающийся ораторский талант, так и способность к стойкому и гуманному отправлению обязанности прокурора

в духе принципов Судебных Уставов. Между прочим, в это время возбуждено было г. Кони уголовное преследование против игуменьи Митрофании, миллионера Овсянникова, вызвавшее, особенно последнее, сильную сенсацию не только у нас, но и за границею³⁸. После непродолжительной службы в Министерстве юстиции А. Ф. занял в 1877 г. столь важный и ответственный пост председателя Петербургского окружного суда, неизбежно соприкасающегося с высшими административными сферами. К этому времени относятся такие сложные и щекотливые процессы, как Юханцева, Жюжан, Гулак-Артемовской, Засулич и др. В должности председателя А. Ф. умел всегда сохранить, согласно духу Судебных Уставов, благоволение и готовность разъяснить дело — по отношению к присяжным, беспристрастие — к сторонам, хладнокровие, самообладание и человеческое отношение — к подсудимым. Кроме того, он выработал едва ли не лучшие образцы председательского напутствия присяжных. С 1881 г. А. Ф. перешел на должность председателя *гражданского* департамента Петербургской судебной палаты, а в 1885 году — обер-прокурора уголовного кассационного департамента сената. В июне 1891 г. он временно покинул этот пост и был назначен сенатором того же департамента. С 1892 г. А. Ф. вновь занял, с сохранением звания сенатора, тот же пост обер-прокурора, который он занимал до 1896 г. В течение этого времени им дано было более 600 заключений, а также он выступил обвинителем по многим важным делам, как, например, по делу начальника главного управления по шоссейным сообщениям кн. Щербатова (слушалось в Сенате при закрытых дверях), обвиняемого в злоупотреблениях по службе, земского начальника Протопопова, редактора «Гражданина» кн. Мещерского и др.

Параллельно судебной службе шла почти непрерывная и научно-литературная и публицистическая деятельность г. Кони, но она особенно развилась в 80-х годах. Статьи свои, отчасти специально-юридического характера, отчасти литературно-психологического, А. Ф. помещал в «Журнале Гражданского и Уголовного Права», «Юридической Летописи», «Журнале Министерства Юстиции», в «Вестнике Европы»,

³⁸ *Кладдерадач*, не веря возможности привлечения к суду в России такого богача, как *12-кратный* миллионер Овсянников, к ядовитой депеше из Петербурга добавлял: «Вероятно, скоро услышим, что освобожден от суда *11-кратный* миллионер Овсянников». Предсказание немецкого юмористического журнала не оправдалось, но насколько оно было основательно, явствует из того, что в доброе старое время Овсянников *десять* раз привлекался к суду и всегда выходил сух из воды, благодаря своим миллионам (см. Кони «За последние годы»).

в книжках «Недели», в «Порядке», в «Новом времени» и других. В 1888 г. вышел огромный том «Судебных речей» Кони, имевший громадный успех и выдержавший с тех пор три издания.

Этот важный вклад в юридическую литературу, стяжавший автору от Харьковского университета звание доктора уголовного права (*honoris causa*), служит вместе с тем важнейшим источником для ознакомления с ораторскою манерою г. Кони и с принципами, проводимыми им в его судебной деятельности. Главная особенность «деловой» ораторской школы, созданной А. Ф. Кони совместно с В. Д. Спасовичем, это — стремление к живому психологическому анализу, основанному на тщательном изучении всех тонких особенностей дела и индивидуальных свойств подсудимого. На суде присяжных, имеющем целью уловить жизненную правду, особенно ценно разумное пользование этим методом, который в неискренних и недостаточно гуманных руках превращается, как это показывает опыт последних лет, или в средство беспорядочного загромождения дела ненужными романическими подробностями, как было по делу Палем, или в орудие непозволительного инквизиционного издевательства и травли, как было по делу Назарова. Как истинный судебный деятель, ищущий правды, как художник слова, с широким литературным образованием, разумеющий значение чувства меры, г. Кони умел на этом скользком пути психологического анализа остановиться именно там, где требуют условия правильной судебной перспективы. Разъясняя свойства ораторского дарования А. Ф., г. Вл. Случевский в прекрасной статье, появившейся в большом «Энциклопедическом словаре» Арсеньева, дает вполне справедливую характеристику речей г. Кони. «Очищенные от случайных и посторонних придатков психологические элементы находили в лице Кони тонкого ценителя, пониманию которого доступны все мельчайшие оттенки мысли и чувства; сила его ораторского искусства выражалась не в изображении только статики, но и динамики психологических сил человека, он показывал не только то, что есть, но и то, как образовалось существующее». В этом, по верному замечанию г. Случевского, заключается одна из самых сильных сторон таланта г. Кони.

Кассационные заключения г. Кони, даваемые с обер-прокурорской трибуны, замечательны с других точек зрения, а именно: с научно-юридической и с общественно-бытовой. Даже в самое цветущее время судебной реформы едва ли публика уделяла обер-прокурорским заключениям, обыкновенно довольно сухим, столько внимания, сколько за последнее время она уделяла заключениям г. Кони, печатавшимся в газетах в виде исключения целиком. Ясное, стро-

го логическое, изящное и вполне доступное изложение запутанных юридических положений в связи с строгим, неуклонным следованием высоким принципам Судебных Уставов, гуманности и равноправности составляют отличительные черты и силу этих заключений. Так, например, по делу псаломщика Кедрова, такой сухой предмет, как вопрос о формальных границах исповеди, в увлекательном изложении г. Кони сделался доступен и интересен для массы читателей, несмотря на обилие цитат из канонического права всех церквей, из памятников старого законодательства и т. п. громоздкого научного материала.

Огромное значение для печати имели заключения г. Кони по делам литературным и в особенности по вопросу о клевете. Предвосхищая отчасти разумные постановления проекта нового Уложения г. Кони путем искусной интерпретации действующего устарелого закона, стремился облегчить печати ее трудную миссию стража общественного интереса, когда она именно действует в этом интересе, а с другой стороны, оградить частные лица от тех злоупотреблений печати, которые практикуются грязными и ходкими органами шантажа и сенсационного пасквиля.

Из речей г. Кони последнего времени особенно сильное впечатление произвели обвинительная речь по делу земского начальника Протопопова и заключение по делу Ольги Палем. Чтобы оценить все значение речи по делу Протопопова, обвинявшегося в ряде грубых и насильственных действий относительно крестьян, нужно припомнить, что в это время «медового месяца» новых учреждений открыто проповедывалось в печати, что в интересах поднятия престижа «властной руки» в глазах крестьян никакие злоупотребления земских, точнее крестьянских, начальников, даже насилия над крестьянами не должны подвергаться судебному разбирательству. Речь г. Кони в сенате была *первым* публичным опровержением и порицанием таких диких теорий и восстановлением равноправности граждан пред законом. В замечательной столько же по изящной форме, сколько и по логической стройности речи г. Кони яркими красками очертил все безобразные и насильственные действия³⁹ Протопопова, в течение двух месяцев избившего нескольких крестьян (одно за то, например, что тот не успел вовремя снять шапку). Справедливо именуя этого дикого кандидата прав, — нашедшего в лице своего бывшего наставника проф. Харьковского универси-

³⁹ Они имели такой грубо-оскорбительный характер, что об них нельзя говорить в печати.

тета Л. Владимировича ловкого и усердного защитника, — «кандидатом бесправия», г. Кони настойчиво требовал очистить государственную службу от такого недостойного представителя, «обращавшего радование о должности в радование о своей власти». Приветствуя горячо замечательную речь г. Кони, «Журнал Гражданского и Уголовного Права» писал в 1893 г.: «Невозможно яснее, нагляднее и красноречивее очертить весь позор и всю *опасность* заблуждений тех несчастных (земских начальников), по преимуществу молодых людей (Протопопову было 30 лет), которые под влиянием столь модных в последнее время кривотолков и в самом деле возомнили себя *миссионерами* старого культа *кулака, палки и розги*, предназначенными стереть с лица русской земли все следы гуманитарного направления прошлого царствования. В этой своей части образцовая речь обер-прокурора Кони является своего рода поучением, даже более — *катехизисом* того, как в действительности должны быть отправляемы обязанности земского начальника, и в качестве такового заслуживала бы самого широкого распространения по всем весям и градам обширной русской земли»⁴⁰.

Не менее сильно было впечатление и от речи по делу Палем, последствия которого прокуратура старалась свалить с больной головы на здоровую. В заключении своем г. Кони с необыкновенною наглядностью обнаружил, как неосновательны были нападки на суд присяжных за исход дела и как многочисленны и разнообразны были те нарушения, которые допущены были следственными органами и коими обусловлен был неожиданный исход дела, давший, наконец, возможность направить дело по правильному пути. Доводы г. Кони произвели такое впечатление, что сенат, отступив от многолетней практики, распространил свой контроль и на стадию предварительного следствия, что, вероятно, хоть несколько улучшит его общеизвестные недостатки.

В 1897 г. Кони покинул пост обер-прокурора и снова перешел в уголовный кассационный департамент.

Из законодательных работ г. Кони следует отметить деятельное участие его в состоящей при Министерстве юстиции комиссии по пересмотру судебного законодательства. Особенно важное значение имело руководство совещанием председателей судебных палат и прокуроров по вопросу о суде присяжных. Сам убежденный защитник суда присяжных, г. Кони имел утешение убедиться, что взгляд его разделяют почти единогласно все практики. Появившее-

⁴⁰ «Журнал Гражд. и Угол. Права», 1893. № 3.

ся в «Журнале Министерства Юстиции» изложение хода и результата совещания, давшего такой лестный отзыв о деятельности суда присяжных, немало способствовало укреплению в обществе нравственного авторитета этого великого учреждения. «В дальнейших стадиях работ комиссии, без сомнения, принесет большую пользу участие этого опытного и знающего юриста, стойкого защитника основ судебной реформы, «отдавшего ей все свои силы и с неизменною привязанностью несшего трудную службу Судебным Уставам как в романтический период увлечения ими, так и в период скептического отношения к ним»⁴¹. Можно сказать даже более: г. Кони служил усердно благородной миссии правого, милостивого и равного для всех суда, не только в официальном своем звании, но и в печати, и притом в такое время, когда такая служба сопряжена была с значительными неудобствами.

Кроме печатных трудов⁴², научно-литературная деятельность г. Кони проявлялась также и в многочисленных докладах его в с.-петербургских: Юридическом Обществе, Русском Литературном Обществе и Литературном (Шекспировском) кружке.

⁴¹ См. Энциклопедический словарь, слово «Кони».

⁴² Приводим список печатных произведений А. Ф. Кони:

1. О праве необходимой обороны («Моск. Университет. Известия», 1866 г.).
  2. Об ошибке в области уголовного права.
  3. Книга Стифена об уголовн. праве Англии.
  4. По поводу сборника процессов Любавского.
  5. Системы тюремного заключения, Гольцендорфа
  6. О телесных повреждениях, Бернера («Журн. Мин. Юстиц.», 1866 г.).
  7. Спорные вопросы судебной практики («Юридические Известия», 1867 г.).
  8. Самоубийство в Петербурге (Календарь Суворина, 1874 г.).
  9. Спорный вопрос судоустройства («Вестник Европы», 1881 г.).
  10. Судебные Уставы на страницах Свода
  11. Наука и жизнь
  12. Достоевский как криминалист. «Неделя», 1881 г.
  13. Пропавшие серьги, рассказ. «Неделя», 1885 г.
  14. «Новое вино — новые мехи». «Книжки Недели» за 1892 г.
  15. Спиноза в русском переводе. «Вестник Европы», 1887 г.
  16. Космография Петровских времен. «Исторический Вестник», 1887 г.
  17. Ф. П. Гааз
  18. М. Ф. Громницкий
- } Перевод
} «Порядок» 1881 г.
} Энциклопедический словарь
} Ефрона-Брокгауз.

Х.

ГРАФ Д. А. МИЛЮТИН

12 ИЮНЯ 1816–1896 ГГ.

12 июня 1896 г. исполнилось 80 лет со дня рождения одного из наиболее заслуженных, талантливых и стойких деятелей преобразовательной эпохи 60-х годов бывшего военного министра графа Дмитрия Алексеевича Милютин. Принадлежа к далеко не очень старому⁴³, но даровитому дворянскому роду, давшему в короткое время несколько выдающихся деятелей, Д. А. прошел солидную теоретическую и практическую военную школу, прежде нежели занять свой видный административный пост⁴⁴. Опытный кавказский боевой генерал, поражавший своею кипучею деятельностью⁴⁵, выдающийся первоклассный ученый историк, профессор академии, — таково было прошлое Д. А., когда он в незабвенный 1861 г. чуть не прямо с поля сражения был призван на высокий административный

19. Разделение голосов по судебным делам	} «Юридическая Летопись»,	
20. Об освидетельствов. сумасшедших		} 1890 г.
21. О возобновлении уголовных дел		
22. Юридические поминки.		
23. О суде присяжных и о суде с сословными представителями.		
24. Судебные речи, три издания.		
25. За последние годы. СПб., 1897 г.		
26. Ф. П. Гааз — биографический очерк. СПб., 1897 г.		

Кроме того, г. Кони составлено было множество некрологов, в том числе Н. И. Крылова, Г. Н. Мотовилова, Ф. М. Достоевского, К. Д. Кавелина, А. Д. Градовского, В. А. Арцимовича и др.

⁴³ См. выше главу XXI.

⁴⁴ Более подробные сведения см. в статье г. Якушкина в «Русск. Вед.», 1893. № 308.

⁴⁵ Записки Инсарского, говоря о многих лицах, занимавших в то время выдающиеся посты на Кавказе, отмечают: «Разумеется, на первом плане в ряду военных деятелей стоял Д. А. Милютин. Его семейство держалось патриархальной просторы, которой оно не изменило и впоследствии в другом, несравненно высшем положении. Можно без преувеличения сказать, что из всех страстей человеческих Д. А. Милютин имел одну страсть — *трудиться*. Так точно и на Кавказе он вечно был занят делами и вел трудовую жизнь. Всем известно, что такую же жизнь он вел в должности военного министра, устраняя всякие наслаждения тщеславия, честолюбия и т. п.». Кн. А. И. Барятинский «высоко ценил его специальные знания» («Русск. Стар.», 1897. № 9).

пост в Петербург сначала товарища министра, а вскоре и военного министра.

Это было время небывалого в России подъема общественных сил и кипучей преобразовательной деятельности государства, имевшей целью залечить не только язвы, обнаруженные во время Крымской кампании в военном деле, но и снять с общества ту гнетущую опеку, которая была результатом предшествующего 30-летнего реакционного застоя. Несмотря на досадные зигзаги прогрессивного движения, по выражению Ю. Ф. Самарина, несмотря на тревожные, прискорбные события того времени, по всем отраслям управления намечены были коренные реформы, обещавшие освобождение: печати — от цензуры, русскому обществу — от административной опеки, податным сословиям — от розог и солдатчины. Человек широкого общего образования, основательно изучивший историю России и все язвы старого крепостнического режима и бюрократического строя ее, ее безжизненную и бессмысленную механическую военную муштровку, Д. А. с самого начала своей административной деятельности выступил решительным, убежденным и стойким поборником обновления России в духе тех освободительных начал справедливости и равенства, коими запечатлены гуманно-освободительные реформы Александра II.

В ожидании коренной реформы столь отяготительной для народа рекрутской повинности, ложившейся всей своею тяжестью на податные классы и притом на самую обездоленную часть их, Д. А. Милютин исходатайствовал Высочайшее повеление о сокращении срока военной службы с 25-ти лет до 16 лет и другие облегчения. В административном порядке принят им был ряд мер к улучшению быта солдат, как-то: улучшение пищи, жилища, обмундировки их. Кроме того, не забыты были и духовные интересы их: начато было обучение солдат грамоте, а в приемы военного обучения внесено уважение к человеческому достоинству солдат с изгнанием зуботычин, оплеух и розог.

Если косность и рутина, где особенно прочно свивают себе гнездо, так именно в военном быту, где с его педантическим формализмом необыкновенно живучи всевозможные застарелые понятия и предрассудки. В николаевское дореформенное время считалось аксиомою, что военное обучение и дисциплина без розог немислимы, и обоз розог неминуемо следовал за солдатами, шедшими на обучение. Много нужно было веры в силу добра и в добрые инстинкты русского народа, чтобы отважиться на столь опасное новшество, против которого возражали все военные авторитеты, много искус-

ства и энергии, чтобы провести такую непопулярную в военных сферах меру, как изгнание розги из обихода военного учения. Но прошло немного времени, и самые завязтые рутинеры, защитники розог, воочию должны были убедиться в ошибочности своего отсталого взгляда. «Чтобы ответили, — писал профессор И. Д. Беляев, — ротные и батальонные командиры, — поровшие несчастных солдат и за то, что не довернулся, и за то, что перевернулся, — если бы они могли увидеть теперешнее (1862 г.) войско, где нет розог, но есть гимнастика и фехтование, где солдат кажется живым человеком, не автоматом, — конечно, они покраснели бы до ушей»⁴⁶.

Не говоря уже об обширных реформах по всем отраслям военного управления и суда, Д. А. особенное внимание обращал на поднятие уровня образования среди солдат, видя в подъеме нравственной личности лучшую опору дисциплины и успеха военного дела. Он подверг коренной реформе военно-учебные заведения от высших до низших. Создав несуществовавшую прежде элементарную школу для низших чинов, он преобразовал прежние кадетские корпуса, обратив их в военные гимназии. Замечательно, что в то самое время, как политический противник Д. А. Милютин, министр народного просвещения граф Д. А. Толстой создавал классическую школу мертвящей узкой филологии, военный министр, следуя *гуманному* направлению, высказанному знаменитым педагогом Н. И. Пироговым, наделавшим много шума в статье «Вопросы жизни», стремился освободить корпуса от преждевременной ремесленной специализации, расширяя программу их в духе общечеловеческого образования, изгоняя старые педагогические приемы с их беспощадною поркою и принижением нравственной личности. Если прибавить, что при Д. А. Милютине учреждена была военно-юридическая академия, значительно поднят уровень военно-медицинской школы и заведены первые медицинские женские курсы, то не покажется преувеличенным циркулировавший в 70-х годах в обществе отзыв, что истинным Министерством народного просвещения должно было считаться не официальное ведомство, коему оно отмежевано, а военное министерство.

Значение деятельности графа Милютина далеко не исчерпывается преобразованием специальной военной области. Принадлежа

⁴⁶ «День» 1862 г., № 50. Нет, эти господа не краснеют. Один из них, выражая в «Гражданине» свое сочувствие «Большому кулаку» китайцев, с горестью указывал, что в 60-х годах «русский кулак» раскрылся и не может вновь сжаться. Вот как краснеют наши китайцы.

к плеяде передовых, убежденных и бескорыстных государственных сановников преобразовательной эпохи, вынесших на своих плечах великий труд обновления России после 30-летнего застоя и спячки, Д. А. всегда был и остался до конца своей служебной карьеры открытым и твердым защитником новых либеральных принципов, положенных в основу наших великих реформ, и всеми силами своего знания и таланта способствовал возможно всестороннему проведению этих принципов в законодательстве.

В величайшей из реформ Александра II, в крестьянской, прославившей имя брата Д. А., Николая, он не принимал непосредственного участия, но зато во всех остальных реформах он играл деятельную роль и всегда был в Государственном совете в группе наиболее просвещенных защитников основ преобразовательного движения 60-х годов. Особенно заметно и плодотворно сказалось влияние Д. А. при издании истинно благодетельного и человеколюбивого закона 17 апреля 1863 г. об отмене жестоких и позорящих уголовных наказаний: шпицрутен, плетей, розог, клеймения, прикования к тележке и т. п. ужасов недавнего «доброего» старого времени. Чтобы представить себе все прелести этой жестокой эпохи и оценить все громадное значение заслуги благородных деятелей 60-х годов, освободивших Россию от развращающих картин варварских истязаний, достаточно прочесть набросанную Ровинским с натуры картину экзекуции, пред которой бледнеют самые мрачные страницы Дантова «Ада» (см. выше главу III).

Теперь, спустя 30 лет после отмены телесных, бесчеловечных телесных наказаний, самое существование таких ирокезских мучений кажется почти невероятным. Но не то было в 1861 г., когда вслед за отменой крепостного права стал на очередь вопрос об отмене и одного из его спутников. Не только старые генералы николаевского времени, но сам министр юстиции граф В. Н. Панин и даже авторитетные духовные особы решительно высказывались за сохранение телесных наказаний, без коих, как они полагали, немислимо поддержание военной дисциплины и нельзя «спокойно спать в постели». Предместник Д. А. Милютина, ген.-адъют. Сухозанет, склоняясь на отмену шпицрутен, настаивал, однако, на сохранении розог до 300 ударов по суду и до 50 ударов без суда⁴⁷. Д. А. Милютин же высказался самым решительным образом против всех видов телесного наказания, считая одни бесчеловечными, а другие унижительными для человеческого достоинства, а потому вредными для разумной военной

⁴⁷ См. Свод мнений об отмене телесных наказаний. С. 10.

дисциплины. Несмотря на то, что в лагере «кнутафилов», по выражению Ровинского, было много авторитетных лиц, Д-ю А-чу при содействии великого князя Константина Николаевича удалось добиться уничтожения шпицрутенгов и кошек и тем оказать своему отечеству громадную услугу. С уничтожением телесных наказаний, вопреки предсказанию близоруких «авторитетов», не только не увеличилась, но значительно ослабела преступность среди войска.

В следовавшей затем реформе, земской, Д. А. стоял за предоставление земству возможно больших прав с надлежащим ограждением их от администрации. Будучи противником того двусмысленного и исполненного затаенного недоверия — самоуправления, коим собирався наделить Россию всегда неискренний Валуев, Д. А. Милютин в Государственном совете нередко голосовал против валуевского проекта, оставаясь в меньшинстве. Так, гр. Милютин возражал против разных стеснений при избрании на съездах гласных по началам словности, против преобладания дворянского элемента, настаивал на предоставлении избрания губернских гласных самому населению, а не уездным собраниям, на предоставлении самим земским собраниям, уездным и губернским, избрать своих председателей и пр.⁴⁸

Точно так же при рассмотрении Судебных Уставов Д. А. всецело стоял за строгое проведение основ рационального судопроизводства. Как только открыты были новые гласные суды, он счел нужным выработать и для военного ведомства согласный с ними по духу Военно-Судебный Устав 15 мая 1867 года, который, — по авторитетному замечанию проф. военно-юридической академии Володимирова, — был вполне согласован с основными принципами Судебных Уставов.

Самая слабая из реформ Валуева, закон о печати 1865 г., встретил в Д. А. и в брате его Николае Алексеевиче самых строгих и проницательных критиков. «Рассматривая проект, — писал в замечаниях своих Д. А. Милютин, — в общем его объеме и значении нахожу, что он, несмотря на благие намерения составителей, не достигает предположенной цели: он не удовлетворяет требованиям, заявляемым с каждым днем сильнее и сильнее литературою и публикою, а между тем создает новые затруднения правительству, которое будет неизбежно поставлено в необходимость обращаться по-прежнему к произволу административному во всех тех случаях, где новый закон окажется на практике несостоятельным». Принимая валуевский проект только как временную, переходную меру (впредь до открытия судебных уста-

⁴⁸ Историческая записка о ходе работ по составлению Полож. о земских учреждениях. С. 125, 158, 160.

новлений по Уставам 1864 г.), военный министр находил, что можно с такой точки зрения «смотреть снисходительно на многие слабые стороны проекта». В дальнейших замечаниях он указывал на многие недостатки проекта. Так, освобождение от предварительной цензуры книги объемом не менее 20 листов он находил неприменимым ввиду того, что в России очень мало выходит книг такого объема. Одновременное существование изданий, подлежащих предварительной цензуре и от нее освобожденных, Д. А. также считал непрактичным. «Решаясь хотя с какой-либо части литературы снять узду цензуры, правительство тем самым открывает борьбу мнений, а при этом очевидно поставить борцов в равные условия. Нельзя пускать в бой человека связанного против вооруженного. В таком случае и победа последнего не имеет цены». Д. А. Милютин вместе с бывшими начальниками цензуры Министерства народного просвещения Ковалевским и Норовым самым решительным образом был против сосредоточения власти над печатью в лице Министерства внутренних дел. «В управлении делами книгопечатания, — писал он, — встречаются вопросы, касающиеся всех отраслей знания, всех интересов общих и частных, всех отделов администрации, а потому едва ли возможно в таких делах поставить одно лицо единственным и высшим судьей. Решение по делам печати необходимо возложить не на одно лицо, как бы высоко оно ни было поставлено, а на учреждение коллегиальное и притом вполне самостоятельное. Возражение других членов против этого мнения я с своей стороны не могу разделить, ибо доказывать несостоятельность *коллегиального* (курс. подл.) порядка в этом случае значило бы опровергать все лучшие наши учреждения. Если при этом ссылаются на пример советов министерств, то можно, с другой стороны, привести пример военного совета и адмиралтейств-совета, которые поставлены в отношении весьма самостоятельные к подлежащим министрам. Совет же главного управления по делам печати лишен всякой самостоятельности: это нечто вроде канцелярии, подготовляющей дела на окончательное решение министра». В случае разногласия между министром и советом военный министр предлагал переносить вопрос на окончательное решение комитета министров⁴⁹.

Но как это замечание, так и многие другие полезные указания, свидетельствующие о государственной дальновидности Д. А. и о серьезном желании его оградить дарованные законом о печати права, пропали даром, так как П. А. Валуев с обычною своею самоуверенностью и упрямством доказывал необходимость предоставления ему

⁴⁹ См. приложение к «Журн. Госуд. совета» 15 февраля 1865 г. № 55. С. 21–28.

одному полного и бесконтрольного распоряжения судьбою печати. Ближайшая практика, так наглядно и мрачно обрисованная в дневнике своем столь компетентным судьей, как член главного управления по делам печати, академик Никитенко, красноречиво доказала справедливость опасений, высказанных Д. А. и его единомышленниками в Государственном совете.

Самое крупное и славное преобразование на столь богатом важными реформами государственном поприще Д. А. Милютина было введение общей воинской повинности. Обязанная инициативе Д. А., его настойчивости и тонкой политической тактике одна эта великая реформа, внесшая возможную уравнивательность в тягчайшую из всех натуральных повинностей, могла бы обеспечить ее инициатору и главному виновнику блестящую страницу в истории русской культуры. Эта человеческая и полезная для государства реформа, делающая честь столько же умственной прозорливости, сколько и сердечной доброте главного двигателя устава 1 января 1874 года, была лелеема Д. А. с первых же лет своего министерства. Воспитанное на привилегиях высшее общество, встречавшее крайне недружелюбно самую малейшую попытку к облегчению тягот, лежащих на народной массе, весьма несочувственно относилось и к этому предположению. Но прусские победы 1870 г. настолько повелительно подчеркнули необходимость задуманной Д. А. реформы с чисто военной точки зрения, что этическая ее сторона, к которой долго были глухи высшие сферы, отошла на второй план.

Подробный ход реформы 1874 г. изложен выше (см. главу XIV). Тут отметим только две существенные стороны этой уравнивательной реформы, которые были строго проведены благодаря твердости Д. А. и содействию великого князя Константина Николаевича. До реформы 1874 г. от великой повинности было свободно де-юре привилегированное дворянство и де-факто все состоятельные люди, могущие от нее откупиться. Всею своею тяжестью тяжелая рекрутская повинность ложилась на беднейшую часть, — крестьян и мещан. I статья проекта Д. А. Милютина радикально изменяла характер воинской повинности. Из унижительной, составляющей удел низших сословий и назначавшейся даже в виде наказания за преступления, она обращалась в тяжелую, но почетную общегражданскую повинность. Со стороны дворян и купцов делались попытки к освобождению от повинности, к откупу и переложению ее (купцы даже вызывались на свой счет содержать инвалидов), но все сословные и меркантильные соображения были всецело исключены из закона по настоянию Д. А.

Единственные, общие для всех сословий изъятия от повинностей допущены были по семейному положению и образовательному цензу. В чем Д. А. Милютин был щедр, — и этого он не скрывал, — это в предоставлении льгот по степени образования. Начиная от низшей элементарной школы и до университета, увеличивались льготы по образованию, доходя до 3-х месяцев действительной службы. Эта особенность резко бросалась в глаза в проекте Д. А. сравнительно с прусским законом; он, впрочем, и не скрывал цели установления усиленных льгот. Цель эта была распространение просвещения и привлечение возможно большего числа лиц к высшему образованию.

Конечно, покажется странным, что самого непримиримого противника льгот по образованию военный министр встретил в лице министра народного просвещения графа Д. А. Толстого. Последний, напротив, желая открыть высшие учебные заведения только для высших классов и для людей состоятельных, предлагал понизить льготу до 1 года и уравнивать окончивших курс в университетах с окончившими курс 6 классов классических гимназий⁵⁰. Этою приманкою он надеялся отвлечь многих молодых людей от высших учебных заведений. Но благодаря энергической и искусной защите Д. А. проект его прошел целиком в Государственном совете, признавшем полезным поощрение в России стремления к высшему образованию. Шаг за шагом отстаивал Д. А. льготы по образованию против его официального представителя, доводя свою защиту до трогательной предусмотрительности. Так, гр. Толстой предлагал исполнение воинской повинности приурочить ко времени прохождения университетского курса. Д. А. высказался против этой меры, между прочим приводил то соображение, что бедные студенты в летнее время зарабатывают себе средства к существованию⁵¹.

Устав о воинской повинности, так много обязанный Д. А. Милютину, можно назвать лебединой песнью эпохи великих реформ. Многие из актов этой славной и богатой реформами эпохи так последовательно и рельефно отражают на себе воодушевлявшие эту эпоху принципы равенства пред законом, преданности к просвещению и доверие к народу. «Проникнутый горячею заботливостью о пользах армии и общем благе государства, — сказано в рескрипте Александра II на имя Д. А. Милютина от 11 января 1874 г., — вы стремились во внесенном вами в Государственный совет проекте к приумножению не только материальной, но преимущественно нравственной силы

⁵⁰ См. записку гр. Толстого к «Журналу Госуд. сов.». С. 6.

⁵¹ См. «Журн. Госуд. совета». С. 53; Записка 1874 г.

войска, и в то же время не упустили из виду необходимости ограждения других важных интересов быта семейного, промышленности, торговли и в *особенности просвещения* во всех его степенях: тяжелыми трудами вашими в этом деле и просвещенным на него взглядом вы оказали государству услугу, которую Я ставлю в особое удовольствие засвидетельствовать и за которую выражаю вам Мою истинную признательность. Закон, Мною утвержденный и ныне обнародованный, да будет при вашем содействии приводиться в исполнение в *том же духе*, в каком он составлен».

Воинскому уставу 1874 г. в отличие от других предшествовавших ему законодательных памятников в одном отношении особенно почастливилось. Тогда как Положение 19 февраля и Судебные Уставы применялись П. А. Валуевым и гр. Паленом, лицами или равнодушными, или прямо враждебными их истинному духу, воинский устав согласно указанному рескрипту, приводился «в исполнение в *том же духе*, в каком был составлен», и тем же лицом, которое было его инициатором.

Результаты и не замедлили сказаться. В 1877 г. вопреки всяким предвидениям России пришлось обратиться к испытанию своего молодого преобразованного войска еще до завершения преобразования. Главный виновник преобразования Д. А. Милютин, находясь на месте военных действий, имел утешение убедиться, что вера его в разум, в силу просвещения и в нравственное достоинство русского народа не обманули его. При многих недочетах последней войны русский солдат, вышедший из народа и воспитанный без розог в духе гуманности, вел себя с таким достоинством, что самые отчаянные туркофилы из англичан должны были в том отдать ему справедливость и даже заплатить дань удивления⁵². В трудные месяцы, проведенные Д. А. Милютиным на театре войны, это отрадное явление и для него, и для других было немалым утешением.

После войны Д. А., чуждый плохо понятой *esprit de corps*, сделал все возможное, чтобы судебным расследованием пролить свет на многочисленные злоупотребления, вкравшиеся в интендантскую и друг. части.

До 1881 г. Д. А. продолжал стоять во главе военного министерства, так много ему обязанного в течение 20-летнего управления его.

В апреле 1881 г. гр. Д. А. Милютин вслед за своим единомышленником графом Лорис-Меликовым вышел в отставку и с тех пор поч-

⁵² См. отзывы английских газет, приведенные у Ровинского. Т. V. «Народн. картины».

ти безвыездно живет в Крыму. Ни чины, ни высшие почести нимало не изменили вопреки правилу *honores mutant mores* вкусов, взглядов и принципов Д. А., и он доньше сохраняет свои благородные фамильные традиции, ища в умственном труде источник высшего наслаждения.

И друзья, и враги согласны в том, что в лице военного министра гр. Д. А. Милютина Россия имела просвещенного военного министра и разностороннего государственного человека выдающегося дарования, эрудиции, опытности, изумительного трудолюбия, редкой чистоты, честности и идеального бескорыстия.

В телеграмме от 28 октября 1897 г. государь император по случаю бо-летия зачисления графа в генеральный штаб писал ему: «Беззаветная преданность ваша интересам отечества и его армии, неутомимая и высоко талантливая работа ваша быстро и по достоинству довели вас до высших постов военного управления и сделали вас одним из ближайших и довереннейших сотрудников Моего покойного Деда, который горячо любил и уважал вас. С такими же чувствами искреннего уважения к высоким качествам вашего ума и сердца Я в сегодняшнюю знаменательную годовщину шлю вам Мой привет и сердечно желаю, да продлит Господь вашу маститую старость, осе-няемую отрадным сознанием честно исполненного долга пред отечеством».

Г. Джаншиев
Эпоха великих реформ
Том 2

Корректоры *Е. Макеева, В. Павлова*
Оформление серии *В. Коршунов*
Верстка *С. Зиновьев*

Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 38,7. Уч.-изд. л. 22,7. Тираж 1000 экз.
Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»
125009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 7/5, стр. 2

Отпечатано в ГУП ППП «Типография „Наука“»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

